

КОМИ-ПЕРМЯКИ

Коми-пермяки по культуре и языку близки к своим северным соседям, с которыми имеют общее самоназвание: *коми-морт*, *коми-отир*, или *коми-отер* (коми-человек, коми-народ). В царской России этот народ называли пермяками. Численность коми-пермяков, по переписи 1959 г., около 137 тыс. человек. Основная их масса живет на территории Коми-Пермяцкого национального округа, входящего в состав Пермской обл.

За пределами Коми-Пермяцкого национального округа живут компактно две группы коми-пермяков — это язвинские и зюздинские коми-пермяки, получившие свое название по месту расселения. Так, язвинские коми-пермяки живут в бассейне Язвы (приток Вишеры), впадающей в Каму. Язвинских коми-пермяков насчитывается около 4 тыс. человек. Зюздинские коми-пермяки живут в основном в б. Зюздинском (ныне Афанасьевском) районе Кировской обл., граничащем с Коми-Пермяцким национальным округом. Селения зюздинцев расположены почти в самых верховьях Камы. Численность зюздинских коми-пермяков свыше 7 тыс. человек.

Коми-пермяцкие селения встречаются также в Новосибирской обл. В основном это переселенцы XIX — начала XX в., покинувшие родные места из-за безземелья.

Коми-пермяки говорят на коми-пермяцком наречии языка коми, который вместе с родственным ему удмуртским языком относится к пермской группе финно-угорских языков. Коми-пермяцкое наречие в свою очередь подразделяется на два диалекта: северный, косинско-камский, и южный, иньвенский, на котором говорят коми-пермяки, живущие в южной части округа, в бассейне Иньвы. Диалект зюздинских коми-пермяков — промежуточный между диалектами коми-пермяков и коми. Язвинские же коми-пермяки говорят на особом наречии языка коми.

Литературный коми-пермяцкий язык сформировался только в советское время. В основу его положен южный, иньвенский диалект, но в него введен звук *л*, отсутствующий в разговорном языке южных коми-пермяков. Алфавит коми-пермяцкого языка составлен на русской графической основе. На литературном коми-пермяцком языке ведется преподавание в начальной школе, издаются учебные пособия, газеты, журналы, художественная и научная литература.

Почти все коми-пермяки знают русский язык, но между собой в семье и на работе чаще говорят на коми-пермяцком.

Коми-Пермяцкий национальный округ находится на северо-востоке Европейской части Советского Союза. На севере он граничит

На Каме

с Коми АССР, на западе с Кировской обл., на востоке и юге с остающимися за его пределами районами Пермской обл. Территория округа составляет 33 тыс. км², по площади он больше таких государств, как Албания, Бельгия, Израиль, и лишь немного меньше Дании или Швейцарии.

Административный и культурный центр округа — г. Кудымкар.

В округе живет 217 038 человек. За двадцать лет (с 1939 по 1959 г.) численность его населения увеличилась на 34%. Коми-пермяки составляют большинство среди других национальностей округа, на втором месте стоят русские. Население распределяется по территории округа не совсем равномерно. Средняя плотность населения на 1 км² 6,8 человека. В южных районах, расположенных в бассейне Иньвы, плотность несколько выше средней, а в северных районах — втрое ниже средней. Городское население округа составляет всего 10% его общей численности.

Большая часть территории Коми-Пермяцкого национального округа покрыта хвойными лесами. Значительную часть его занимают обширные низменные пространства — поймы вдоль рек, которых в округе очень много (общая протяженность их — 35 тыс. км). Наиболее крупные реки — Кама и ее левые притоки: Весляная, Лупья, Леман и правые — Коса и Иньва. На севере округа много болот. Климат континентальный, с холодной снежной зимой и коротким летом.

Краткий исторический очерк

Памятники материальной культуры конца I тысячелетия н. э., сосредоточенные в Прикамье и бассейне Вычегды, позволили археологам выделить три своеобразных района, в культуре которых наряду с общими прослеживаются и местные черты. Эти районы связываются с тремя племенными объединениями, которых рассматривают как предков современных удмуртов (в бассейне Чепцы), коми-пермяков (в бассейне верхнего течения Камы) и коми (в бассейне Вычегды).

Археологические сведения вполне увязываются с данными языка, согласно которым предки удмуртов, коми-пермяков и коми обитали длительное время в бассейне Камы и Вятки и еще примерно в I тысячелетии до н. э. говорили на одном языке, составляя не только языковую, но и культурную общность.

Позднее, в начале I тысячелетия н. э., эта так называемая пермская языковая общность распалась, к этому времени у удмуртов и коми сложились самостоятельные языки.

Археологические памятники несколько более позднего, родановского времени (X—XII вв. н. э.) в верхнем Прикамье, в частности такие боль-

шие городища, как Кыласовское, Роданово, Рождественское, Кудымкарское и многие другие, сосредоточенные примерно в тех же границах, где живут современные коми-пермяки, довольно полно характеризуют культуру населения, которому они принадлежали. По мнению исследователей древних культур Прикамья (М. В. Талицкого, О. Н. Бадера, А. П. Смирнова), это население уже можно считать коми-пермяками, сформировавшимися на базе местных племен и говорившими на самостоятельном языке коми, близком, но не тождественном удмуртскому. М. В. Талицкий, исследовавший археологические памятники Прикамья, достаточно убедительно показал, что история коми-пермяцкого народа теснейшим образом связана с местными камскими памятниками и что основной древней базой, на которой сложился коми-пермяцкий народ, было местное камское население. Связи между памятниками X—XII вв. с более древними культурами края эпохи раннего и позднего железа — ананьинской и пьяноборской — прослеживаются по металлическим культовым изображениям, разнообразным украшениям («утиным лалкам», коньковым привескам и т. д.) и керамике.

Предки коми-пермяков, обитавшие на городищах родановского времени, имели уже наземные срубные жилища и занимались земледелием, о чем свидетельствуют многочисленные находки мотыг и железных ральников, а также топоров с довольно широким лезвием. Из домашних животных, судя по находкам костей, у них были лошади, коровы, овцы и свиньи. Для скота на зимний период заготавливали сено, на что указывают находки косы-горбуши.

Охота и рыболовство также имели значение в хозяйстве родановцев. На городищах обнаружены стрелы (костяные и железные), копья, остатки лука, костяные дудочки для приманивания птиц. Из орудий рыбной ловли встречаются грузила от сетей, рыболовные крючки, остроги. Развиты были и ремесла: плавка и обработка металлов, обработка кости и кожи, гончарство и ткачество.

Находки богатейших кладов с женскими украшениями и богатого вооружения свидетельствуют о возросшей социальной дифференциации среди населения Прикамья в X—XIV вв. Однако таких крупных феодальных замков, какие имелись на более южной территории камских булгар, здесь не было. По общественному развитию, как полагают многие ученые, население верхнего Прикамья в X—XIV вв. находилось на последней стадии разложения доклассового общества и шло к становлению феодальных отношений.

При изучении древних культур Прикамья нельзя недоучитывать культурные и экономические связи, существовавшие в эту эпоху между народами Прикамья и населением степей Северного Причерноморья. Эти связи осуществлялись через посредство булгар. Как показывают археологические раскопки, булгары снабжали Прикамье оружием, керамикой и ювелирными изделиями. В памятниках верхнего Прикамья родановского времени прослеживаются также связи со славянскими и неславянскими племенами северо-востока Европы, заселявшими бассейны Вятки, Северной Двины и Вычегды. Связи со славянами особенно усилились в XII в.: в Прикамье появились славянские керамические и ювелирные изделия, денежные слитки, начал распространяться со славянского запада не свойственный Прикамью той эпохи обряд трупосожжения. Путь проникновения славянских изделий из северо-западных районов шел к северу от булгарских земель, минуя их, через Вычегду на Вятку и верховья Камы.

Термин «пермь» («пермяне») не является исконным самоназванием народа, он дан ему русскими, в свою очередь заимствовавшими его, возможно, от вепсов, в языке которых имеется выражение «перя маа», что означает: «земля, лежащая за рубежом». Для вепсов, обитавших в бассейне Север-

ной Двины, Коми край был действительно зарубежной страной. В русских источниках первое упоминание о Перми восходит к концу XII в. (1187 г.), когда новгородцы осуществили один из своих многочисленных походов на Урал за пушниной и данью. Однако в то время Пермью назывались земли, лежащие по Вычегде, и только позднее это название было перенесено на территорию верхнего Прикамья.

Впервые о «Перми Великой» как особой области среди земель, окружающих Пермь Вычегодскую, говорится в «Житии Стефана Пермского», составленном в конце XIV в. монахом Епифанием. В XV в. у прикамских коми существовало территориальное объединение во главе с князем, имевшим подчиненных ему военачальников (воевод, по терминологии русской летописи).

Московское государство, утвердив свое влияние сначала в Пермской епархии на Вычегде, постепенно расширяло его на восток, в Прикамье. В 1463 г. здесь один из преемников Стефана — епископ Иона крестил часть коми-пермяков. С этого времени установилась зависимость камских земель от Москвы, вскоре ставшая очень прочной.

В Никоновской летописи под 1472 г. описывается поход на Пермь Великую Московского отряда под началом князя Федора Пестрого. Результатом этого похода было окончательное присоединение к Москве коми-пермяцких земель. Некоторое время ими еще продолжал управлять их князь, ставший вассалом московского государя. Однако вскоре Пермь превратилась в административную единицу в составе Московского государства, и ею стали править русские наместники и воеводы. Она была поделена на два уезда: Пермский, или Чердынский, с г. Чердыню, и Усольский с г. Усолье (впоследствии Соликамск). Вскоре к Перми Великой отошел и третий уезд в верховьях Камы — Кайгородский. Во вновь присоединенный край начался приток русского населения: особенно сильной волна колонизации была во второй половине XVI в., после завоевания Казанского ханства, когда Прикамье стало как бы форпостом на восточных границах Русского государства. Через Соликамск, Чердынь и далее по Вишере — притоку Камы — проходила более южная и короткая дорога в Зауралье.

Коми-пермяки, как и русские крестьяне, выполняли ряд государственных повинностей. После присоединения Западной Сибири Пермский край, наряду с другими восточными областями, должен был обслуживать русские власти в Сибири. Население поставляло хлеб на жалованье сибирским служилым людям, несло тяжесть содержания Сибирского пути на своей территории: сюда входила ежегодная поставка подвод, ямщиков, лодок и гребцов для перевозки служилых людей, гонцов, стрельцов, а также ссыльных и опальных людей. В обязанности населения входила починка дорог и мостов от Соликамска до Верхотурья. Коми-пермяки должны были также защищать восточную границу от вторгений вогулов (манси) и татар.

Сравнительно редкое население Перми Великой быстро увеличивалось в XVI и XVII вв. благодаря переселенцам: коми с Сысолы и Вишеры (притоков Вычегды) и русских из разных областей Московского государства, в частности с Русского Севера.

Во второй половине XVI в. (1558—1568 гг.) в Прикамье возникла и стала развиваться феодальная вотчина солепромышленников, позднее «именитых людей» Строгановых, что привело к постепенному закреплению жившего здесь русского и коми-пермяцкого населения.

Выхлопотав у Ивана IV жалованную грамоту на обширную территорию по Каме ниже Соликамска, Строгановы на приобретенных землях завели соляные и рыбные промыслы и пашню. Русское правительство рассматривало владения Строгановых как свою военно-экономическую базу на востоке, поощряло ее владельцев к постройке укреплений и давало им

различные льготы. В крепостную зависимость к Строгановым попала иньвенская группа коми-пермяков. Превращение их в крепостных завершилось в конце XVII — начале XVIII в. Группа коми-пермяков, живших в Чердынском уезде, была в основной массе государственными крестьянами.

В XVIII в. стала развиваться горная промышленность на Урале. Царское правительство охотно приписывало к частновладельческим заводам Северного Зауралья коми-пермяцких крестьян, не считаясь с дальностью и трудностью их передвижения. Основной повинностью крестьян, приписанных к заводам и соляным промыслам, была рубка и доставка дров солеварням, заготовка древесного угля для заводов. Они выполняли также всевозможные другие работы: подвозку оборудования и руды на заводы, доставку готовых чугунных и железных изделий на камские пристани и пр. Коми-пермяки, жившие на землях Строгановых, платили оброк деньгами и хлебом. Кроме того, на них лежала еще особенно тяжелая натуральная повинность — посылка людей в «караван»: крестьяне должны были сопровождать суда с солью, железом, чугуном, а уход работника в летнее время на два-три месяца разорял крестьян.

Ненависть коми-пермяков к строгановским управителям и помещикам в 1861 г., когда местные приказчики стали требовать с крестьян обязательную явку на соляной караван на прежних крепостных условиях, вылилась в «караванный бунт». Крестьяне упорно сопротивлялись. Для усмирения их была вызвана военная команда. Руководителей восстания А. В. Кетова, У. И. Гусельникова, Д. И. Сыстєрова по приговору военного суда наказали шпицрутенами и сослали на каторжные работы.

Не лучше было положение и коми-пермяков, расселенных по верховьям Камы и в Чердынском крае. Они жили в глухих заброшенных деревушках, в тяжелых природных условиях. Дорог и связи с промышленными центрами не было. Только в некоторых местах со второй половины XIX в. стали развиваться лесные промыслы. Коми-пермяки уходили на лесоразработки и занимались сплавом плотов по Каме. Тяжелая жизнь коми-пермяцких крестьян правдиво описана в повести Ф. М. Решетникова «Подлиповцы».

Иньвенские пермяки жили в лучших природных условиях, но и здесь хозяйственное развитие тормозилось крепостническими пережитками и зависимостью от Строгановых. Все леса были графские. Коми-пермяки должны были платить за право войти в лес с топором, за охотничий билет, даже за сбор ягод и грибов. Не хватало пастбищ и выгонов для скота. Топливо и строительный материал дорожали. Неудобряемые поля истощались, техника сельского хозяйства находилась на очень низком уровне.

Имущественное расслоение в коми-пермяцкой деревне, начавшееся еще в крепостное время, продолжало усиливаться. Как показало земское обследование 1897 г., из 10 368 хозяйств одиннадцати коми-пермяцких волостей разоренные хозяйства вместе с одолошадными бедняцкими составляли до 55%. В деревнях кулаки захватили лучшие земли.

Так, например, в дер. Федотово, где теперь находится один из лучших в округе колхозов «Совет», земля была распределена крайне неравномерно. Перед Великой Октябрьской революцией у одних крестьян на душу приходилось 30 десятин, а у других на четыре души — 3 десятины. Кулаки всячески запугивали односельчан и срывали выполнение приговоров о переделе. Многие хозяйства нуждались в подсобных заработках. Главными подсобными занятиями были перевозка руды, дров и различные мелкие заводские работы. Тяжелая нужда и малоземелье гнали коми-пермяков за пределы родного края. Они переселялись главным образом в Сибирь, в район современного Новосибирска.

По вероисповеданию большинство коми-пермяков принадлежало к православной церкви. Наряду с этим в Коми крае издавна поселялись беглые русские старообрядцы, которым удавалось обратить в свою веру многих коми-пермяков. В деревнях Антипино и Ваньково на р. Язьве существовали молеельни. Центром старообрядчества была дер. Пудьва. Скиты, основанные в лесах близ деревни еще около 1790 г., приобрели в XIX в. большую известность среди местного русского и коми-пермяцкого населения. Свое значение религиозного центра старообрядчества Пудьва продолжала сохранять и в первой четверти XX в. Язьвинские коми-пермяки фанатически относились к старовойческой обрядности. Старообрядцы не ели и не пили из одной чашки с «мирскими». Человек, находившийся в общении с нестароверами, подвергался покаянию, прежде чем допускался к семейной трапезе.

Пережитки дохристианских верований сохранялись в представлениях о русалках, водяных, леших и домовых. Верили в колдунов (*mödis*) и знахарей, считая, что они могут напустить болезнь, сглазить и «испортить» человека. Считалось, что «порчу» якобы «напускает» колдун во время сна или дает выпить с брагой. «Лечили порчу» старухи, опрыскивая больного водой из ковша, в который клали горячие угли.

Бытовали магические приемы, связанные с лечением и оберегом скота, в которых большую роль играли, как и у коми, щучья челюсть, паутина и можжевельник.

Соблюдались некоторые пищевые запреты. Например, язьвинские коми-пермяки не употребляли в пищу мясо зайца и медведя, так как считали, что эти убитые животные похожи на мертвого человека.

* * *

Октябрьская социалистическая революция уничтожила власть Строгановых и других эксплуататоров в Прикамье. Крестьяне получили помещичью землю. Леса стали собственностью рабоче-крестьянского государства.

Собравшийся в декабре 1917 г. в Кудымкаре съезд представителей 13 волостей района избрал Кудымкарский районный земельный комитет, вверив руководство им большевистски настроенным солдатам-фронтовикам. Комитет ликвидировал все учреждения Строгановых, национализировал их имущество, обезоружил полицейских, стражников и графских служащих и организовал вооруженный отряд для защиты Советской власти. Весной 1918 г. были созданы Кудымкарский волостной исполком и волостная ячейка РКП(б).

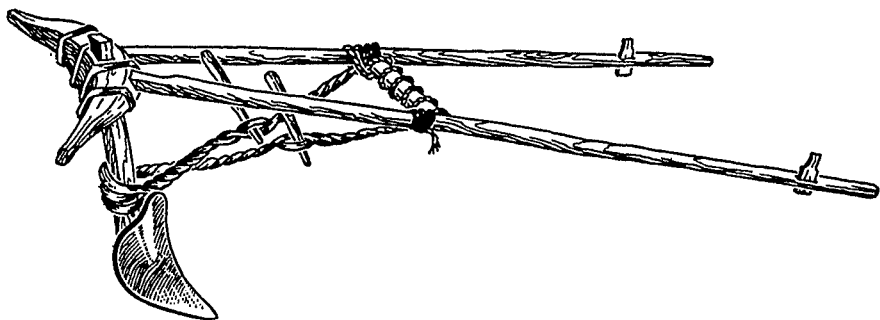
Зимой 1918/19 г. по Пермскому краю проходил фронт гражданской войны. Коми-пермяцкое население оказывало большую помощь красным частям, громившим белогвардейские банды Колчака. Отряды коми-пермяцких коммунистов и бедноты вливались в ряды Красной Армии. После того как край был очищен от колчаковцев, территория его вошла в состав Уральской обл.

26 февраля 1925 г. Президиум ВЦИК постановил выделить Коми-Пермяцкий национальный округ с подчинением его Уральскому областному исполкому. Создание национального округа способствовало быстрейшему хозяйственному и культурному развитию коми-пермяков. Вместе с тем укрепились их экономические связи с северо-западным Уралом и Пермью.

3 апреля 1925 г. в с. Кудымкарском открылся первый съезд Советов Коми-Пермяцкого национального округа.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Сельское хозяйство у коми-пермяков вплоть до Великой Октябрьской революции имело полунатуральный характер, его доходность была крайне низкой. Основной системой земледелия на протяжении XIX и первой четверти XX в. было трехполье, а местами, главным образом в северных районах округа, сохранялись лесные расчистки. Большая часть пашни отводилась под зерновые культуры — рожь, ячмень, овес; около 5% приходилось на долю льна и прочих культур. Пшеницу почти не сеяли. Очень мало выращивалось овощей и картофеля. Ассортимент овощей ограничивался капустой, луком, редькой и репой. Особенно большой недостаток в овощах и картофеле испытывало население северных районов округа.

Старинное пахотное орудие сабан. Дер. Федотово Юсьвинского района

Орудия обработки почвы и уборки урожая были такие же, как у соседних русских крестьян, большей частью самодельные или местного кустарного производства. Машины для уборки урожая встречались очень редко, только в имении Строгановых или кое-где в зажиточных хозяйствах. Пахотным орудием служила деревянная соха (гѳр) с двумя железными ральниками и перекладной полицей. Сошники различались по величине и форме; левый, называемый мужским («мужичок»), был больше, чем правый, женский («женка»). Наряду с сохой некоторые крестьяне пользовались сабаном — плугом местного кустарного производства с одним лемехом и железным отвалом.

Бороны (пня) были трех видов: суковатки, вязаные с деревянными зубьями и рамные с железными зубьями. Суковатки, сделанные из расколотых сучьев ели, применялись в основном на лесных расчистках. Вязаными боронами из прутьев с деревянными зубьями пользовались только изредка, на более легких песчаных почвах. Наиболее распространенными были рамные бороны с железными зубьями, которые бытовали у коми-пермяков вплоть до недавнего времени.

Сеяли вручную из лукошка, жали серпами, молотили цепами; в более зажиточных хозяйствах встречались конные молотилки.

Влажный климат Приуралья требовал обязательной просушки зерна перед обмолотом, поэтому необходимой хозяйственной постройкой был овин. Бедняки-крестьяне строили один овин на три-четыре хозяйства. На территории Коми-Пермяцкого национального округа были распространены так называемые ямные овины. В нижней камере такого овина, врытой в землю, раскладывали костер, а в верхней, наземной, сушили снопы на колосниках.

Мололи зерно на водяных мельницах, которые ставили на ручьях и небольших речках, столь многочисленных в этом крае. Зерно на крупу,

а иногда и на муку для повседневных нужд семьи молодежи на ручных каменных жерновах (*изки*) или ручных деревянных мельницах, сделанных из двух толстых отрезков ствола дуба или березы, с набитыми на их поверхности осколками чугуна.

Животноводство, издавна существовавшее у коми-пермяков, служило дополнением к земледелию. Разводили в основном коров, овец и лошадей. Свиной и домашнюю птицу — кур, гусей, уток — держали далеко не все, и только в южных районах округа.

В дореволюционное время животноводство, как и земледелие, находилось на низком уровне развития. Из-за плохих условий содержания скот отличался низкой продуктивностью. Коровы в основном были местной комолой породы, очень мелкие, но их положительными качествами были выносливость, приспособленность к местным условиям и высокая жирность молока.

Овцеводство, как и разведение крупного рогатого скота, не имело товарного значения. Овцы местной породы — грубошерстные, настриг шерсти с них был очень небольшой (не более 1 кг с овцы). Из овечьей шерсти вязали рукавицы, чулки, валяли валенки и шляпы.

На лошадях выполняли сельскохозяйственные работы, некоторые возили лес, другие занимались извозом. Кроме рабочих лошадей, зажиточные коми-пермяки держали племенных коней. В XVIII — первой половине XIX в. на территории округа, в быв. Соликамском уезде, было два конных завода — Капилинский (Архангельской волости) и Пашинский (Купросской волости), принадлежавшие Строгановым.

Кормовая база в крестьянском хозяйстве была недостаточна. Скот на подножном корму оставался пять-шесть месяцев. Лошади и коровы бродили по лугам и лесам без присмотра. Коровы часто оставались невыдоенными, лошади за лето дичали. Поля огораживали пряслами, но несмотря на это случались большие потравы. Скудные крестьянские наделы граничили на юге, в бассейне Иньвы, с землями и лесами Строгановых, и коми-пермяки зачастую подвергались большим штрафам за потраву хлебов и пастбу скота на графских угодьях.

Длительный стойловый период требовал обильной заготовки кормов для скота, в частности сена. Снимали траву косой-горбушей с изогнутым лезвием и коротким, также изогнутым, косовищем, сделанным из березы. Подобными горбушами косили сено не только коми-пермяки, но и другие народы, живущие по всему Европейскому Северу: коми, русские, карелы, вепсы. Сгребали сено граблями.

Грабли (*журан*) имели обычную форму, головку делали из березы, зубья из черемухи, ручку — из сосны, ели или березы. Копнили сено деревянными вилами.

В наше время коллективное сельское хозяйство в Коми-Пермяцком национальном округе развивается в мясо-молочном направлении. Однако зерновые культуры занимают все же важное место. Коллективизация сельского хозяйства способствовала значительному расширению посевных площадей: в 1925 г. их было 81,6 тыс. га, в 1960 г. — 180,3 тыс. га.

Систематически проводятся работы по расчистке залежей, раскорчевке леса, осушению болот и превращению их в сенокосы и пашни. За годы Советской власти произошли изменения и в составе сельскохозяйственных культур. Во много раз увеличились посевы пшеницы, стали возделывать кукурузу на силос, более чем в два раза по сравнению с дореволюционным временем возросли посевы льна.

Ассортимент огородных культур теперь более разнообразный. Наибольшее развитие овощеводство получило в колхозах, расположенных вокруг Кудымкара и в южных районах округа. Здесь выращивают капусту, морковь, свеклу, огурцы и помидоры. Огороды расположены преимущественно по берегам Иньвы и ее притоков.

Посевы зерновых и овощных культур стали производиться в основном сортовыми семенами, которыми обеспечивают специальные семеноводческие колхозы округа. К лучшим из них относятся колхоз «Совет» и колхоз им. Дзержинского. В 1962 г. в этих колхозах средний урожай зерна составил по 17 ц с 1 га. Хорошие показатели на протяжении ряда лет имеет также колхоз «Россия».

Только после коллективизации сельского хозяйства начало развиваться садоводство — совершенно новая для округа отрасль сельского хозяйства. В настоящее время во многих колхозах в южной части округа имеются сады. Сады есть также и на приусадебных участках колхозников. С 1935 г. в Кудымкаре создан плодово-ягодный питомник, который снабжает саженцами и семенами не только колхозы округа, но и многие области Урала, Сибири и Севера.

С каждым годом растет техническая оснащенность сельского хозяйства. Уборка зерновых культур машинами теперь производится на 95 % посевных площадей. Все большее значение приобретает электрификация сельского хозяйства. Большинство колхозов Коми-Пермяцкого производственного управления получает электроэнергию от местных электростанций или от Камской ГЭС (Пермь). Высоковольтная линия проводится теперь и в более северные колхозы округа.

Животноводство округа дает в настоящее время большое количество молочной и мясной продукции. Разводят преимущественно крупный рогатый скот. Для улучшения его породности скрещивают местный комольский скот с тагильской и ярославской породами. С каждым годом улучшается содержание скота и растут надой молока.

Кормовой базой — выгонами и лугами — колхозы Коми-Пермяцкого округа и теперь обеспечены далеко не равномерно. Лучшие сенокосы находятся по берегам рек Иньвы и Косы. Для пастбы скота и заготовки сена используют лесные поляны. Недостаток выгонов в отдельных колхозах заставляет их перегонять скот летом на три-четыре месяца в лесные районы, расположенные на расстоянии 70—80 км и более от фермы. После проведения коллективизации изменился и характер пастбы скота: вместо прежнего вольного выпаса колхозный скот, как и скот колхозников, объединяют в стада, которые охраняют пастухи с помощью собак.

Овцеводство развито в большей степени в центральных районах округа. Основными улучшенными породами тонкорунных овец являются рамбулье, а из грубошерстных — романовские.

Широкое распространение, особенно в южных районах округа, получило свиноводство. Из года в год развивается птицеводство. В некоторых колхозах с успехом разводят кроликов.

За годы Советской власти в округе получила развитие и еще одна новая отрасль сельского хозяйства — пчеловодство. Теперь во многих колхозах Юсьвинского и Кудымкарского районов имеются большие, хорошо оборудованные пасеки, приносящие колхозам большой доход.

Из промыслов были распространены охота и рыболовство. Фауна Коми-Пермяцкого национального округа довольно богата. Однако удельный вес охоты в хозяйстве коми-пермяков невелик. Промысловых охотников в округе насчитывается не более 300 человек. Имеются также охотники-любители.

Промысловая охота сохраняется лишь в северной части округа. Основными ее объектами являются белки, горностаи, куницы и лисы.

Сроки пребывания охотников на промысле сократились с трех-четырех месяцев до двух-трех недель. Дичь стреляют в одиночку, начиная с 1 августа; на белку обычно ходят вдвоем с 15 октября до глубокого снега; на лисиц и более крупных зверей охотятся уже зимой, иногда артелями по пять-шесть человек.

Промыслы
и домашнее
производство

Наиболее распространена охота с ружьем и собакой из породы лаек. Некоторые охотники, кроме ружья, имеют набор железных капканов. Старики продолжают пользоваться самодельными деревянными ловушками, которые они ставят на охотничьих тропах, кроме того, применяют петли из проволоки для зайцев и из волоса для птиц.

Промысловые избушки, в которых жили охотники во время промысла, теперь нигде почти не сохранились, но тот или другой охотник по традиции продолжает зачастую придерживаться границ старинного родового угодья его семьи.

В настоящее время, когда проводятся мероприятия по охране природы и упорядочению пушного и лесного хозяйства во всем Советском Союзе, и в Коми-Пермяцком округе обращается большое внимание на эту сторону хозяйства. Принимаются меры к сохранению ценных промысловых зверей: лося, куницы, соболя. В р. Тимшер и ее притоки запущены бобры, которые хорошо здесь прижились; ведется заселение многочисленных водоемов северной части округа ондатрой.

Рыболовство сейчас, как и охота, почти не имеет промыслового значения. Население, живущее по берегам небольших рек, занимается рыбной ловлей для личного потребления. Рыбу ловят мужчины, женщины и подростки. В Гайнском районе, по Каме, Тимшеру, Черной ловят рыбу сетями (неводом, мережами, бреднем), устраивают разнообразные запоры из свай и ветвей, ставят снаряды: «морды» и ветеля, плетенные из лозы и ниток. Рыбу сдают на рыбозавод и в потребительскую кооперацию.

Из домашних производств повсеместно в XIX — первой половине XX в. были распространены прядение и ткачество, которыми занимались исключительно женщины. Ткани домашнего производства очень редко поступали на рынок, а использовались в основном для нужд семьи. Сырьем служили шерсть (*вурун*), преимущественно овечья, и волокна конопля (*пыши*) и льна (*шабди*).

Процесс первичной обработки шерсти и волокон льна и конопля, а также орудия прядения и ткачества у коми-пермяков близки к русским. При прядении шерсти и кудели пользовались веретеном (*чорс*) и прялкой лопатообразной формы (*печкан*). Самопрялки в коми-пермяцких семьях встречались редко.

С начала XX в. коми-пермяки стали применять ткацкий стан (*добракьян*) русского образца, с деревянной рамой, боковыми стойками и двумя навоями; раньше, в XIX в., они пользовались более простым — трехподставным станом без рамы и заднего навоя, основу заплетали на конце в косу и зацепляли за столб или крюк. Изредка такой стан еще можно было встретить в 1940-х годах.

Домашнее ткачество утратило свое значение у коми-пермяков после 1930-х годов с укреплением и развитием колхозов и улучшением материального положения населения. Домотканая одежда везде сменилась шитой из фабричных тканей. В настоящее время домашним ткачеством почти никто не занимается. Прядение сохраняется, но уже не в прежнем объеме. Прядут только шерсть, из которой вяжут чулки, рукавицы, шарфы и кофты.

Гончарство у коми-пермяков тоже в основном было развито как домашнее производство, иногда изделия поставлялись на рынок. Глиняную посуду для нужд семьи изготовляли простейшим, весьма архаичным способом на простой доске, техникой жгутового налепа. Обжигали такую посуду в русской печи. Горшки, предназначенные для продажи, изготовляли на ручном или ножном гончарном круге.

В настоящее время домашнее производство гончарной посуды совершенно прекратилось; редко кто занимается ее производством на продажу. Колхозники предпочитают покупать фарфоровую, эмалированную и алюминиевую посуду в магазинах.

В прошлом были развиты некоторые ремесла по обработке дерева. Коми-пермяки делали сани, грабли, лопаты, гнули полозья, колеса, дуги, плели из бересты кузова, корзинки, резали деревянную посуду. Эти производства частично сохраняются и сейчас.

Промышленность Важное место в экономике округа занимает лесная промышленность. До Великой Октябрьской социалистической революции местные богатства края принадлежали в основном частным лицам — князьям Голицыну, Абамелек-Лазареву и графу Строганову. Промышленная разработка леса была незначительной. Валили деревья с помощью топора и поперечной пилы. Подвозили лес к сплавным пунктам лошадьми — волоком по бездорожью. Лесозаготовительный промысел имел сезонный характер. Рабочие нанимались обычно на зиму на рубку, а весной на сплав леса. Бытовые условия лесорубов были крайне тяжелыми. Жили они в сырых землянках или низких дымных избушках и за свой тяжелый труд получали жалкие гроши.

В настоящее время Коми-Пермяцкий национальный округ — один из крупнейших лесозаготовительных районов нашей страны. В округе работает 18 предприятий лесной промышленности комбината «Комипермлес». В 1962 г. предприятиями комбината было дано строительству более 5 млн. кубометров деловой древесины.

На лесозаготовках почти полностью вытеснен ручной труд. Валка леса производится электропилами, вывозка тоже полностью механизирована. Лес вывозят с помощью тракторов, автомашин, мотовозов по специально построенным железным дорогам.

Наряду с лесозаготовительными работами проводятся посев и посадка деревьев, заготовка семян хвойных пород, расчистка лесного массива, сбор смолы и т. д.

Изменился и самый характер организации лесной промышленности. Если до 1940 г. лесозаготовки велись в основном сезонниками, то благодаря росту механизации с конца 1950-х годов в лесной промышленности округа работают постоянные кадровые рабочие. Старое название «лесоруб» не соответствует современной квалификации рабочих лесной промышленности. Теперь в лесу трудятся кадровые рабочие-мотористы, трактористы, шоферы, крановщики и другие специалисты.

Национальный состав рабочих лесной промышленности довольно пестрый. Наряду с коми-пермяками, которые составляют основное ядро, здесь работают русские, приехавшие на постоянную работу в округ из различных районов Советского Союза, белорусы, украинцы и представители многих других национальностей.

За годы Советской власти развились в округе и другие отрасли промышленности. В прошлом на территории Коми-Пермяцкого округа работал в течение пятидесяти лет лишь один Кувинский чугуноплавильный завод Строганова, но и этот завод был закрыт в 1909 г. К моменту организации округа на его территории работала всего одна промартель в с. Кува.

В настоящее время в округе насчитывается более 50 государственных предприятий местной промышленности Пермского Совета Народного Хозяйства, в которой занято более 20 тыс. человек; среди них значительный процент составляют коми-пермяки.

Развивается мукомольная, маслодельная, деревообрабатывающая и металлообрабатывающая отрасли промышленности.

В южных районах округа построены заводы по первичной обработке льна. В 1957 г. в Кудымкаре был сдан в эксплуатацию сушильный завод по переработке овощей. В городе имеется типография, в которой печатается вся издаваемая в округе литература. Работает мебельная фабрика. Нужды округа в металлических изделиях почти полностью удовлетворяют местные предприятия. Еще совсем недавно сельское и городское население

округа остро нуждалось в кирпиче, который завозили из соседних районов; теперь в округе работает более десяти кирпичных заводов.

По сравнению с дореволюционным временем процент рабочих коми-пермяков в промышленности сильно возрос. Среди них имеются не только квалифицированные рабочие, но много техников, инженеров разных специальностей. Значительное число коми-пермяков занято в промышленности не только в своем округе, но и за его пределами — на уральских заводах, различных предприятиях Пермской области. Так, например, некоторые язьвинские коми-пермяки переселились из деревень в районный центр Красновшерск Пермской области и работают там на крупном бумажном комбинате.

Пути сообщения и средства передвижения

Коми-Пермяцкий край в дореволюционное время относился к наиболее глухим углам царской России. Многочисленные болота, топи, отсутствие мостов особенно затрудняли проезд весной и в летнее время.

Зимняя дорога из южных районов, в частности из Кудымкара, шла на Пермь через станцию Григорьевскую и занимала два-три дня.

Колесный транспорт у коми-пермяков вследствие бездорожья не имел широкого распространения. В южных районах округа первые телеги появились, на памяти стариков, в конце прошлого века; в северных лесных районах с более редким населением недостаток телег и слабое развитие колесного транспорта ощущались еще в 1930—1940-е годы.

В летнее время здесь для перевозки грузов и в эти годы чаще использовали дровни и волокушу. На санях подвозили летом сено, снопы, навоз; небольшой груз перевозили верхом, а бревна из леса подвозили на колесном передке или волокуше. В Кочевском районе в 1930—1940-х годах можно было встретить иногда самодельные телеги с цельными колесами, служившие для перевозки навоза. Некоторое распространение имели также двухколески.

В наше время важнейшее народнохозяйственное значение для Коми-Пермяцкого национального округа приобрел автомобильный транспорт. Основной тракт, начинающийся от поселка Гайны, соединяет северные, наиболее отдаленные районы и окружной центр с железнодорожной станцией Менделеево. В округе имеются и другие важные по своему значению автотрассы, например Юсьвинский тракт, который соединяет окружной центр через Юсьву и Пожву с Камой. Грузы перевозятся по дорогам округа главным образом на автомашинах, пассажиры ездят на автобусах, ежедневно курсирующих из Кудымкара в различных направлениях.

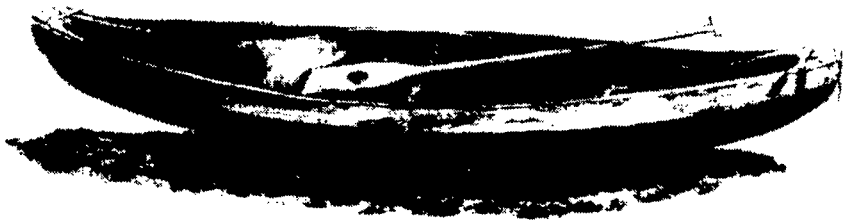
Лошадь используется в колхозах при перевозке некоторых грузов на небольшие расстояния (например, вывоз навоза, подвозка дров и сена и т. п.).

Коми-Пермяцкий округ богат реками, но не все они судоходны. Кроме Камы, только в низовьях Косы и Иньвы весной возможно судоходство. Однако Кама и все другие реки играют огромную роль в лесном сплаве. Почти весь лес из округа направляется моём по мелким рекам, собирается в плоты при впадении в Каму и далее следует вниз на Волгу.

Коми-пермяки широко пользуются лодками для перевозки грузов, сена, переправы и т. д. Распространены лодки, долбленные из осины («осиновки»), очень легкие и удобные. На озерах встречаются парные лодки, представляющие собой два выдолбленных ствола, соединенных двумя поперечными перекладинами. Для переправы леса, дров, сена вниз по рекам колхозники связывают плоты.

В последние годы очень широко пользуются различными видами водного моторного транспорта.

В округе развивается воздушный транспорт. Установлена регулярная связь с областным центром г. Пермью и северными районами округа. Авиация используется для скорой медицинской помощи, в сельском и

Распространенный тип лодки-осиновки. Дер. Федотово Юсьвинского района

лесном хозяйстве. Благодаря авиации трудящиеся Коми-Пермяцкого округа имеют возможность читать центральные газеты и журналы на второй день после их выхода.

**Поселения
и жилище**

Коми-пермяки живут преимущественно в поселках сельского типа. Селения у коми-пермяков небольшие, в среднем состоят из 50—60 дворов. В южной части округа они несколько больше, чем в северной, где встречаются селения из 15—20 дворов. У коми-пермяков, живущих на территории Кировской обл., также преобладают мелкие поселения, в 20—30 дворов. Вплоть до коллективизации здесь было много починков и выселков, встречались и хутора, села же составляли всего 2% общего числа населенных пунктов.

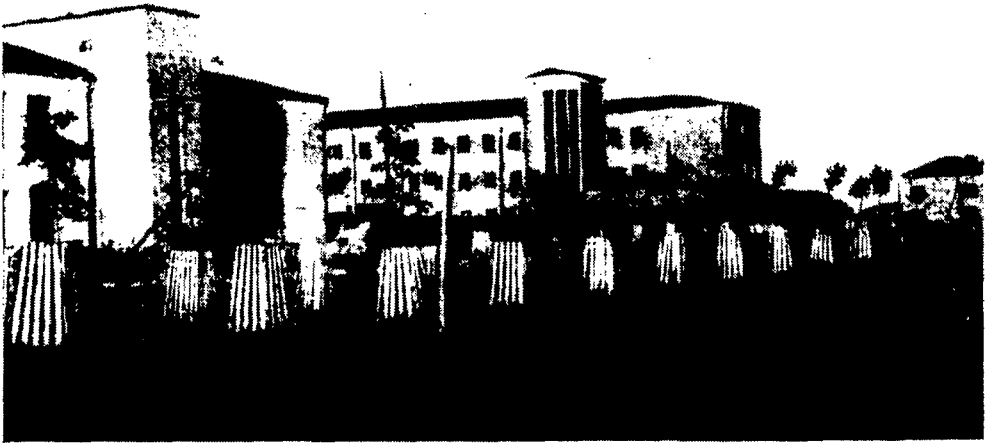
Для язьвинских коми-пермяков, живущих вблизи Красновишерска Пермской обл., характерны те же типы поселений, что и для коми-пермяков округа и Кировской обл. Здесь также преобладают мелкие селения. Достаточно сказать, что в 1930-х годах на этой территории, входившей в так называемый Верх-Язьвинский куст, было только одно село Верх-Язьва и 15 более мелких населенных пунктов.

У коми-пермяков часто встречаются деревни, жители которых носят одну фамилию и в недалеком прошлом считали себя родственниками. Так, почти все жители деревень Федотово и Власово — Власовы, деревень Конопля и Верх-Лупья — Мизевы, дер. Хариной — Харины. Семьи с другими фамилиями поселились здесь сравнительно недавно.

Историю поселений раскрывают иногда их названия. Многие селения, расположенные вблизи старых городищ, носят названия, в составе которых имеется слово *кар* (городище) — например, Кудымкар, Редикар, Дойкар, Искар и др. Большинство же коми-пермяцких сел и деревень получило название от имени первого поселенца, основателя данной деревни или поселка. Таковы деревни Ванино, Антипино, Федотово, Карпово и др. Многие населенные пункты носят название рек, озер, возвышенностей: Верх-Иньва, Верх-Лупья, Мысы и др.

Деревни и села коми-пермяков, как и коми, расположены преимущественно по берегам рек и часто на мысах при впадении одной реки в другую. В южных районах Коми-Пермяцкого национального округа, заселенных плотнее северных, наряду с приречным типом поселения встречаются селения на водоразделах, около ключей и колодцев, по сухопутным трактам, пересекающим Коми-Пермяцкий округ в различных направлениях.

В большинстве селений коми-пермяков преобладает уличная планировка. В деревнях, расположенных по тракту, дома обычно стоят по обеим сторонам дороги. В некоторых деревнях порядки отделены один от другого ручьем или оврагом. Однорядные деревни встречаются у коми-пермяков значительно реже, чем у коми. В некоторых старых небольших

Город Кудымкар. Улица Советов

селениях продолжает сохраняться беспорядочная застройка. Как правило, коми-пермяцкие селения обнесены изгородью из жердей, и при въезде поставлены большие одностворчатые ворота. Деревни окружены полями, которые расположены по склонам увалов.

Процесс укрупнения селений и ликвидации починков и хуторов, начавшийся еще в 1930-х годах при проведении сплошной коллективизации сельского хозяйства, особенно усилился в послевоенные годы с организацией укрупненных колхозов и совхозов.

Наблюдаются изменения в планировке селений в связи с прокладыванием новых дорог и проведением землеустройства. Зачастую можно встретить поселки смешанной планировки, в которых, например, дома на старых улицах обращены фасадом к реке, а на более новых расположены по обеим сторонам шоссе. Большую работу по перепланировке старых селений и строительству новых поселков проводит, например, колхоз «Правда».

С каждым годом все более меняется облик коми-пермяцкой деревни. Обновляется жилой фонд, строятся новые общественные здания, вблизи деревень возводятся колхозные хозяйственные постройки, скотные дворы, фермы, птичники. Появляются и небольшие предприятия: мельницы, кирпичные заводы, ремонтные мастерские и т. п.

С развитием лесной промышленности, в особенности за последние годы, на территории Коми-Пермяцкого округа для рабочих построено много новых поселков с числом жителей в 1,5—2—2,5 тыс. человек. Это Чуртан, Старица, Верхняя Кама, Серебрянка, Пельмин-Бор и др. Национальный состав жителей поселков смешанный. В каждом поселке своя школа, больница, клуб, детские учреждения. Здесь уже нет временных бараков и землянок. Рабочие живут в рубленых домах. Поселки радиофицированы и электрифицированы. Они имеют широкие улицы, деревянные тротуары, застройка домов ведется кварталами.

Разительным примером того, как изменился облик селений на территории края в советское время, может служить лесной поселок Новая Березовка Гайнского промышленного района. Он построен на месте старой деревни, состоявшей из трех дворов. Теперь здесь более сотни одно- и

двухквартирных домов, магазины, школа, клуб, почта, пекарня, баня, столовая, детские ясли и другие учреждения.

В Коми-Пермяцком округе только один город — Кудымкар и три поселка городского типа: Гайны, Майкор, Пожва. Кудымкар стоит при слиянии р. Кувы с Иньвой, неподалеку от одноименного городища. По данным переписи 1959 г., в нем было 22 тыс. жителей. Кудымкар преобразован в город из старинного коми-пермяцкого села. Развиваясь как окружной центр, он к настоящему времени в значительной степени утратил прежний сельский облик. В городе появились многоэтажные каменные дома, тогда как прежде все здания были деревянные. С каждым годом улучшается благоустройство Кудымкара, развивается промышленность.

Коми-пермяцким жилищем на протяжении последних трех столетий была рубленая изба (*жерку*) северновеликорусского типа. Таким оно остается в основном и теперь, хотя к настоящему времени произошли изменения в строительной технике, планировке и внутреннем убранстве помещений, появились пятистенные и стандартные дома.

В качестве строительного материала коми-пермяки, как и их соседи — коми, удмурты и русские, используют чаще всего хвойные породы деревьев.

Коми-пермяцкие избы, как правило, одноэтажные, рублены «в угол» и проконопачены мхом или паклей. Средний размер избы 5×5 или 6×6 м.

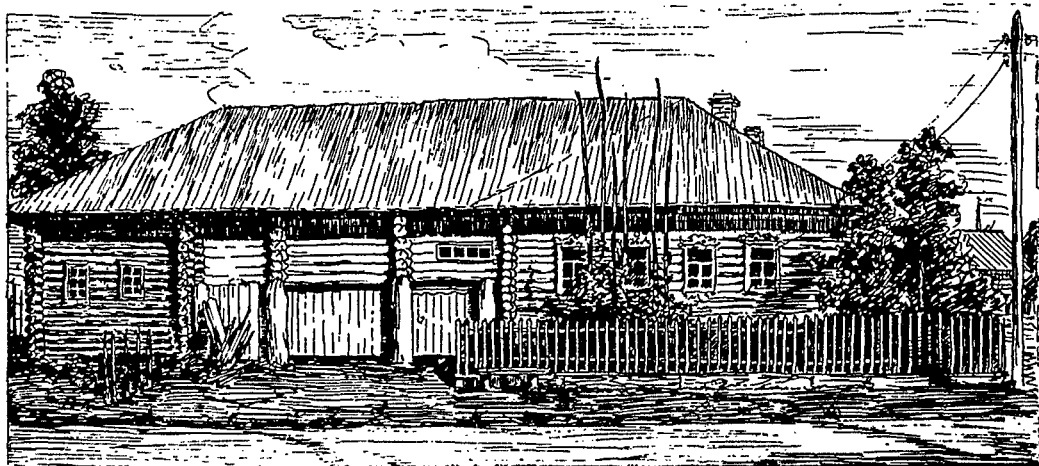
Избы ставят по большей части без фундамента, но с подклетом, который, однако, ниже, чем у коми, особенно в южных районах округа. Наружная обшивка и окраска изб встречаются редко. Избы покрывают тесом, железом и шифером. В северных и центральных районах округа крыши на избах почти у всех двускатные, в южных районах наряду с двускатными распространены и четырехскатные — шатровые крыши. Еще в 1940-х годах преобладали крыши на самцах. Теперь все чаще крыши делают на стропилах.

Князевое бревно — охлупень, выступающее над крышей старого коми-пермяцкого дома, а иногда и амбара, зачастую вырезывалось в виде причудливой головы животного или птицы.

Коми-пермяцкие дома обычно имеют три-четыре окна (*ошын*) по фасаду и два с боковой стороны. Ширина оконных проемов достигает 60—70 см. Под косяки окон часто подкладывают куски бересты, предохраняющие дерево от сырости и загнивания. Большинство наличников окон без резных украшений и окрашены в белый цвет. В старых коми-пермяцких избах сохраняются маленькие волоковые окна. Теперь в них вставлены стекла, но еще в начале XX в. они затягивались пузырем животного, елюдой или задвигались дощечкой. В старых домах одно окно выходит на улицу, а другое прорублено в боковой стене. Выходящее на улицу окно прорублено не посередине передней стены, а ближе к углу. Это объясняется тем, что еще раньше, при наиболее старой планировке, печь стояла в одном из передних углов и ее устье было обращено к входной двери; затем печь отодвинули к задней стене, а традиция не прорубать окна на месте, где ранее стояла печь, осталась.

Почти все коми-пермяцкие избы повернуты к улице коньком, но встречаются и такие, которые стоят параллельно улице, в особенности в южных районах округа и в Афанасьевском районе Кировской обл.

В XIX — первой четверти XX в. у коми-пермяков, как и у коми, господствующим типом жилища был трехраздельный дом, который наиболее распространен и теперь. В некоторых случаях обе избы трехраздельного дома жилые, но значительно чаще, в особенности у зюздинских и иньвенских коми-пермяков, второй сруб используется как клеть (*чом*); обычно сени располагаются посередине, между избой и чомом, но иногда изба и

Чертежник в 1947

Сельскохозяйственный Институт

Сыктывкарский филиал А. Д. Демидов

Симонов Семен Владимирович

Современный жилой дом с пристроенным закрытым двором. Дер. Демино
Кудымкарского района

чом стоят рядом в пятистенном срубе, а сени примыкают сзади. Встречаются у коми-пермяков и избы-двойни, соединенные общим двором и покрытые одной тесовой крышей.

В последние 10—15 лет трехраздельное жилище постепенно вытесняется двухраздельными и пятистенными домами. В двухраздельном доме, который состоит из жилой избы и сеней, в последних выделяется перегородкой чулан, заменяющий чом. Нередко в двухраздельном доме ставят перегородки, которые разделяют избу на две-три комнаты.

Большинство изб имеет среднерусскую внутреннюю планировку, при которой русская печь (у коми-пермяков она обычно глинобитная на деревянном основании) стоит налево или направо от входной двери и обращена устьем к окнам в передней стене дома. Красный угол при такой планировке располагается против двери по диагонали от печи. Дощатая перегородка или занавеска отделяет печь с прилегающим к ней углом избы.

В некоторых коми-пермяцких избах сохраняется традиционное убранство: широкие неподвижные лавки, а над ними полки; от печи к передней стене под потолком протянуты два широких бруса (*грятки*), на которые кладут каравай хлеба. Около боковой стены помещается обычно самодельный шкаф («залавка») для хранения посуды, к стене прибиты планки для ложек, а в переднем углу стоит самодельный деревянный стол.

Наряду с традиционным убранством в современном коми-пермяцком жилище встречается фабричная мебель городского типа: шкафы, стулья, кровати с постельными принадлежностями; полаты теперь есть далеко не во всех избах, но традиционная планировка продолжает сохраняться.

Русскую печь во многих избах ставят отступя 80—85 см от боковой стены, в образовавшемся проходе устраивают вход в подполье, а на уровне напечья между стеной и печью настилают узкие полаты. Если печь плотно примыкает к стене, то с ее боковой стороны, несколько ниже напечья, пристраивают деревянный настил (*зёбёч выв*) шириной в 70—80 см, поддерживаемый столбами. Внизу под настилем имеется небольшое зашитое досками возвышение в виде нар, прикрывающее вход в подполье (*джоджуэ*). Для спуска в подполье из нар вынимают доски, под которыми вниз идет лестница. Иногда люк в подполье устраивают в полу против печи.

Коми-пермяцкий Национальный округ Кудымкарский уезд
д. Демино
С. И. Мухоморова. Искусство. 1920 г.

Старый дом и двор (двурядная связь). Дер. Демино Кудымкарского района

Жилища коми-пермяков близки к избам русского населения Приуралья. Общие черты проявляются в типе построек, строительной технике, внутренней планировке и убранстве. Такая же близость наблюдается в типах хозяйственных помещений и связи двора с домом.

Позади жилой избы, через сени, находится обычно клеть (чом). Она меньше избы, но пол в ней настлан выше, чем в избе; для входа в нее из сеней надо подняться на три-четыре ступеньки. Вместо окон в стенах чома прорублены небольшие квадратные отверстия. В чоме хранят одежду, мелкие хозяйственные вещи, некоторые продукты, а летом в этом помещении иногда спят. Под полом чома некоторые устраивают погреб или нижний амбар, куда ссыпают зерно. Дверь в это нижнее помещение обычно ведет со двора.

Коми-пермяцкие сени (*посбѣ*), как и у коми, служат своеобразным мостом между двумя срубам и не имеют такого большого хозяйственного значения, как у русских или у мордвы. Сени делают рубленые (очень редко тесовые), с деревянным полом, но без потолка. Кроме выхода на улицу, они имеют выход во двор.

У коми-пермяков распространены в основном два типа связи двора с домом. В северных районах округа преобладает однорядная связь. Здесь двухэтажный двор пристраивается к дому сзади в одну линию и покрывается вместе с домом одной двускатной крышей. В других районах округа, а также у зюздинских и у язьвинских коми-пермяков больше распространена двурядная связь с покоеобразной застройкой одноэтажного двора. Во дворе стоят небольшие срубные помещения для коровы, овец, свиньи и птицы. Сено же обычно хранится на потолке хлева или на повети — в верхнем этаже двухэтажного двора.

Сзади к дому примыкает огород. Тут вырыта яма для хранения картофеля и где-нибудь в стороне стоит баня. Зачастую бани ставят группами за пределами усадьбы на берегу реки или поблизости от нее. В деревенских банях и теперь еще можно встретить печь-каменку, но в рабочих поселках и районных центрах бани отапливаются печью с дымоходом. Все надворные постройки и огород обнесены изгородью из жердей. Въезд в усадьбу через ворота, расположенные со стороны улицы рядом с домом. Ворота устраивают на столбах под двускатной крышей.

В настоящее время основная масса населения округа носит одежду из фабричных тканей и придерживается городских фасонов.

Одежда Хранителями традиционного народного костюма являются старики и в особенности старухи, хотя с каждым годом и они все чаще заменяют самодельный материал фабричным и одеваются так, как ходят в рабочих поселках и городах — Кудымкаре, Перми и др.

Традиционный комплекс народной одежды коми-пермячек состоял из холщовой рубахи *йёрндс* — белой или чаще цветной, с прямыми вставками на плечах, так называемыми поликами, с длинными рукавами и круглым воротом в сборку на обшивке. Рубаха, как правило, составная. Нижняя часть ее пришивалась по талии к верхней и состояла обычно из трех прямых полотнищ и четырех раскошенных боковых клиньев. Иногда верхнюю часть рубахи шили из ситца, а нижнюю из холстины. Эти рубахи уже не с прямыми поликами, а на кокетке, со стоячим воротником и разрезом посредине груди, застегиваемым на пуговицы.

Поверх рубахи надевался косоклиный сарафан *дубас* из набойки или синего холста.

В настоящее время, если кто и продолжает носить дубас, то шьют его из фабричной ткани, прямой, в виде юбки со сборками, на лямках, и называется он уже не дубасом, а сарафаном.

Дубас и сарафан подпоясывают плетеным из разноцветных ниток пояском (*покрот*) с бахромой на концах. Поверх сарафана надевают цветной или чаще белый «запон» — фартук с вышивкой на подоле. Такой наряд является в настоящее время праздничным национальным костюмом; в нем обычно выступают девушки на вечерах художественной самодеятельности, фестивалях и праздниках песни.

Исчезнувшие ныне традиционные головные уборы замужних коми-пермячек были в основном двух видов: *самшура* в южных районах и *кокошник* — в северных. Самшура — своеобразный чепец с твердым дном, обшитый кумачом, украшенный несложной вышивкой и полосками позумента. Кокошник тоже имеет вид чепца, но с твердым полуovalным очельем, зашитым мелкими пуговицами, блестками или бисером. Кокошник, как и самшура, удерживается на голове шнурками, продернутыми в нижнюю часть убора.

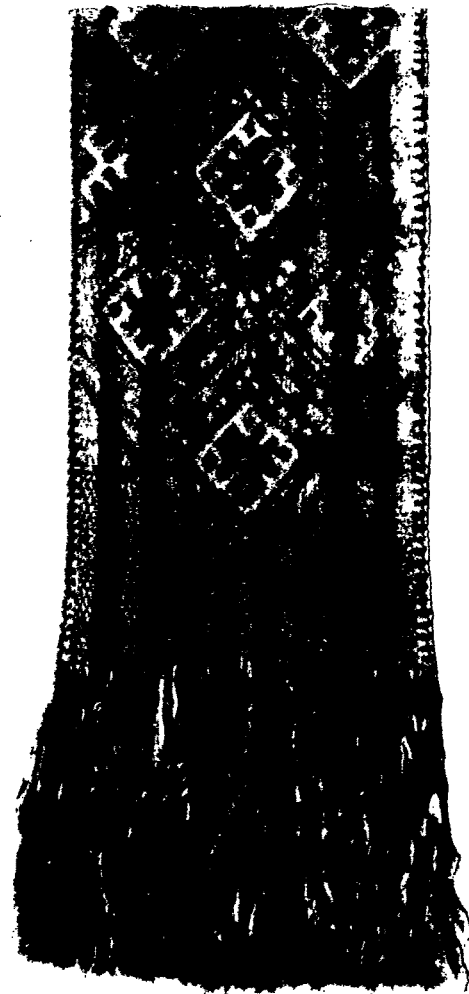
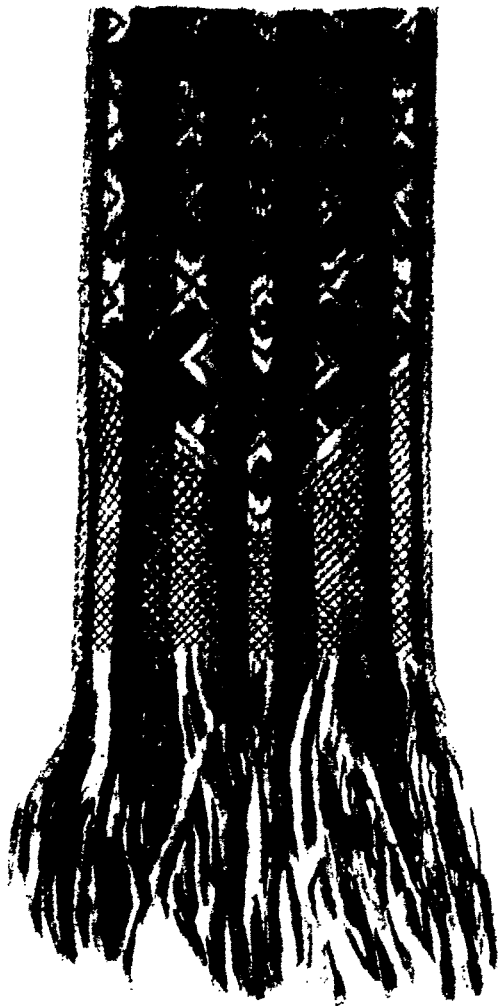
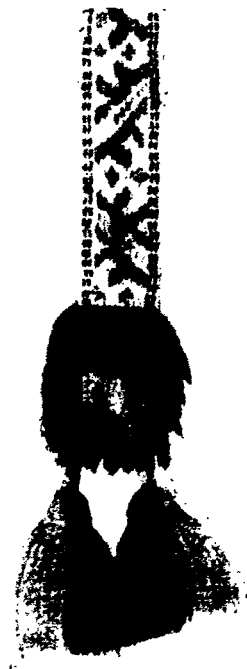
Дома женщины ходили в кокошнике или самшуре без платка, а при выходе из дома покрывались платком.

Старинные девичьи повязки не сохранились. Теперь самый распространенный головной убор девушек и замужних — платок. Некоторые пожилые женщины еще носят под платком матерчатый чепец (*моршень*) типа повойника. Так ходят обычно дома. Выходя на улицу, поверх платка или моршени повязывают второй, более плотный платок или шерстяной полушалок, завязывая концы его под подбородком.

Мужской традиционный костюм имел и в прошлом еще меньше своеобразных черт, чем женский, а в наши дни совсем не отличается от костюма русского колхозного крестьянства соседних районов.

Старинную мужскую рубаху шили из белого холста или пестряди, туникообразного покроя, длиннее современной. Ворот, рукава и подол рубахи украшали ткаными красными полосами, вместо пуговиц к вороту пришивали завязки. Рубаху носили поверх штанов, подпоясывая ее узким плетеным пояском или кожаным ремнем. На пояс, как и коми, вешали небольшую кожаную сумочку (*бива*), в которой хранили иголку, нитки, трут и кремень для высекания огня.

Штаны (*вешьян*) носили из грубого сурового холста или синей в белую полоску пестряди; зимой поверх холщовых штанов надевали еще суконные. Головные уборы мужчин уже давно утратили свои традиционные особенности. Валяные шерстяные колпаки, в которых ходили прежде,

Узорчатый пояс коми-пермяков

можно встретить очень редко. Мужчины носят разнообразные фуражки, картузы, зимой — меховые мерлушковые шапки.

Рабочей одеждой мужчин и женщин служат «запон» — закрытый передник с рукавами и глухая туникообразного покроя рубаша с длинными рукавами и круглым вырезом ворота, длиной почти до колен, спитая из грубого холста, крашеного или сурового. Рубашу подпоясывают ремненным поясом.

Традиционные формы верхней летней и зимней одежды у мужчин и женщин были почти одинаковы. Летом те и другие носили *шабур* — кафтан из синего или небеленого холста, отрезной в талии, с большим количеством сбор на спине, длиной до колен. Более теплой одеждой был *пониток* — тоже своего рода кафтан, но длиннее шабура, из полшерстяной ткани домашней выделки, спитый в талию со вставными клиньями по бокам.

В северных районах округа более теплой верхней одеждой была *гуля* — одежда типа русской поддевки, спитая из домашнего сукна коричневого или белого цвета, со сборами или фалдами на спине. Зимой носили шубу (*пась*) из желтых или черных овчин, прямого покроя и со сборами: иногда пась крыли сукном или холстом, выкрашенным в синий цвет.

В наши дни почти все покупают готовую верхнюю одежду в магазине, а если некоторые коми-пермяки и шьют ее дома или в пошивочной мастерской, то уже из фабричных тканей и по современным фасонам.

В 1940-х годах еще сохранялись отдельные виды традиционной обуви. Некоторые коми-пермяки, мужчины и женщины, продолжали носить в качестве рабочей обуви лапти (*нинкюм*), сплетенные из липового лыка и бересты; по форме они не отличались от русских лаптей. Верхние края (чаще всего у женских лаптей) обшивали цветным холстом, поэтому они и назывались «лапти с опушкой». Ноги обертывали белыми холщовыми онучами. Женщины зачастую вниз надевали чулки и обматывали ноги онучами только до половины икр. Обычно женщины, в особенности молодые, носили онучи с шерстяными красными оборами, мужчины — с черными или плетеными из лыка. В северных районах округа и на Язьве и в прошлом мало кто ходил в лаптях, там чаще носили самодельные кожаные коты типа кожаных галош с красными шерстяными оборами. В этих районах были распространены шерстяные чулки с пестрыми узорами, как и у коми.

Теперь на работу многие мужчины и женщины ходят в кожаных сапогах. Специальные высокие сапоги — *брёдни* с мягкой подошвой надевают, идя в лес и на рыбную ловлю. Зимой носят валяную обувь: валенки и *ишим* — валяные головки с пришитыми к ним суконными голенищами. Повсеместно распространены различные виды фабричной обуви.

Коми-пермячки в старинных костюмах и головных уборах «самштура». Село Коса Гайнского района. Начало XX в.

Несколько больше традиционных особенностей сохраняет охотничий костюм, который бытует в настоящее время только в северных районах округа и отчасти у язвинских коми-пермяков. Он очень похож на охотничий костюм коми. В него входят: холщовая или суконная безрукавка *лузан*, обшитая по краям кожей, четырехугольная на околыше самодельная суконная шапка, белая *гуня* и специальная охотничья обувь *кѳм* из сыромятной кожи, с очень толстой подошвой, загнутым носком и суконными или меховыми голенищами.

Пища

В дореволюционное время питание коми-пермяков было весьма скудным. Основу его составлял хлеб из ячменной или ржаной муки с добавлением в него различных суррогатов: толченой лебеды, пихтовой коры, муки из сушеных ягод черемухи. Овощей ели очень мало, молоко чаще всего пили квашеным; мясо бывало на коми-пермяцком столе главным образом в большие праздники. Подспорьем в питании служили сушеные и соленые грибы, а также ягоды, которые тоже сушили и замачивали на зиму.

Вместе с тем можно отметить сравнительное разнообразие традиционной кухни коми-пермяков. Она включает много различных мучных кушаний: оладьи, блины, шаньги, пироги с разной начинкой; из жидких блюд, кроме кислых щей (*шѳма шьд*), — мясной суп (*ял шьд*), суп из ячневой крупы (*туся шьд*), гороховый суп (*анькытша шьд*), кислый гороховый или ягодный кисель.

В наше время питание коми-пермяков стало несравненно лучше и обильнее. Хлеб теперь пекут из чистой ржаной муки, без примесей. Много используют пшеничной муки и кондитерских изделий.

Увеличился ассортимент круп. Наряду с овсяной и ячневой едят манную, рисовую и другие каши. Возросло потребление гороха, стали употреблять в пищу фасоль и кукурузу. В местных магазинах продаются макаронные изделия, которых ранее коми-пермяки почти совсем не знали.

Рыба, как и в дореволюционное время, занимает существенное место в питании коми-пермяков. Ее едят в самом разнообразном виде — соленую, жареную, варят из нее уху, но в особенности любят пироги *черинянь* с запеченной в них, как и у коми, целой рыбой. Пироги с рыбой являются праздничным блюдом, их пекут также на свадьбу, на новоселье, в поминальные и другие торжественные дни. Широкое распространение в послевоенные годы получили покупаемые в магазинах треска, морской окунь, а также различные рыбные консервы.

Увеличилось потребление молочных и мясных продуктов. Из молока делают творог, простоквашу. С молоком приготавливают яичницу из куриных яиц. Из мяса, кроме жидких мясных блюд, делают студень; готовят кушанья из жареного мяса. Коми-пермяки очень любят и часто приготавливают, в особенности по праздникам, пельмени, причем иногда мясную начинку заменяют капустой или вареным картофелем. От коми-пермяков, по всей вероятности, и получил распространение термин «пельмени». Они называют свое традиционное кушанье *пельнянь*, т. е. «хлеб, имеющий форму уха».

Большое место в питании коми-пермяков занимает картофель, его варят, жарят, пекут, кладут в тесто, добавляют в суп, используют как начинку для пирогов и шанег. У коми-пермяков появились помидоры и огурцы, которых раньше они почти не знали. В округ завозятся фрукты в свежем, сухом и консервированном виде.

Устойчиво сохраняются традиционные напитки. Далеко не все коми-пермяки любят и пьют чай, но зато в каждом доме имеется овсяная теплая брага. По праздникам варят пиво.

Во всех рабочих поселках и во многих деревнях работают столовые. Летом для колхозников во время работ организуется общественное питание на полях.

СЕМЕЙНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Современная коми-пермяцкая семья состоит в среднем из пяти-шести человек. Главой является отец, если нет отца — старший сын. В семьях, где нет ни отца, ни совершеннолетнего сына, главенствует мать.

Большая семья численностью в 20—30 человек исчезла у коми-пермяков в начале XX в. Распад ее начался значительно раньше, о чем сообщают некоторые исследователи второй половины XIX в. Большая семья состояла из нескольких поколений, в ее состав входили родители, их дети и внуки с семьями. Главой семьи был отец или старший сын. Члены семьи имели общее имущество, жили, как правило, в одном доме и вели общее хозяйство. Земельные наделы и луга находились в общем пользовании всей семьи. Денежной кассой распоряжался старший — «хозяин» семьи. Даже если члены семьи уходили на заработки, то и тогда все заработанные деньги они должны были отдавать «хозяину». Только деньги, вырученные женщинами за холст и льняное семя, поступали в их личное распоряжение.

Распределением домашних работ ведала «большуха» — хозяйка. Она же топила печь, в этом ей помогала старшая сноха; между другими женщинами были распределены работы по уходу за скотом, уборке помещения, сельскохозяйственные работы и т. д. Когда семья становилась слишком многочисленной, ее члены размещались по отдельным избам, которые ставили часто на общей отцовской усадьбе; члены семьи продолжали питаться за одним столом и вести общее хозяйство.

При распаде большой семьи в первую очередь выделялся старший сын, младший же чаще оставался наследником старого дома и жил с родителями. Имущество делили поровну, большей частью бросая жребий. В тех случаях, когда у стариков-родителей была только дочь, в дом брали зятя и родители оставались жить с молодыми. Так поступают часто и в настоящее время.

Женщина у коми-пермяков была бесправна и забита, она не имела голоса на сходках и не получала надела. В то же время на ней лежали многочисленные обязанности, она выполняла все работы по дому и в поле, заготавливала дрова, ездила на рыбную ловлю, в особенности в тех районах, где мужчины уходили на заработки. Дети с мнением матери считались, но у мужа жена была в полном подчинении. Разводы были очень редки, и женщина, вышедшая замуж неудачно, должна была жить до смерти с нелюбимым человеком. Особенно строго осуждалось бегство от мужа в староверческих районах (у язвинских и гайнских коми-пермяков). Характерно, что в этих районах женщину, вышедшую замуж, односельчане называли по имени ее мужа, например, «Семиха», «Алексейха», а ее настоящее имя забывалось. Эта бытовая традиция полностью не изжита до настоящего времени, хотя женщина уже давно перестала быть безличной собственностью мужа.

Ныне коми-пермячка принимает активное участие в хозяйственной и общественной жизни не только своего села, но и округа. Ее можно встретить на ответственной партийной и советской работе, многие работают бригадирами в колхозах, есть среди коми-пермячек и председатели колхозов.

Изменилось положение и других членов семьи. Если в дореволюционной коми-пермяцкой семье старики были тяжким бременем, то теперь колхоз обеспечивает нетрудоспособных и престарелых. Кроме того, при возрастающей потребности в рабочей силе, участие стариков в колхозном производстве и их советы приобретают большое значение. В семье старики обычно присматривают за маленькими детьми, выполняют различные работы по домашнему хозяйству, работают на приусадебном участке. Освободилась от деспотической власти старших молодежь.

За годы Советской власти изменились бытовые условия коми-пермяцкой семьи. Женщины теперь рожают в больнице; принимает ребенка уже не «бабушка», местная крестьянка, а врач или акушерка.

Отошли в прошлое магические обряды, которые совершались над ребенком при его появлении на свет. Так, например, на лбу новорожденного проводили сажей продольную полосу или крест для предупреждения «порчи». Роды происходили обычно в бане, а иногда и в холодном хлеву. Роженица сама должна была наносить дров и вытопить печь. После родов женщина в продолжение трех дней оставалась в бане, а новорожденного ежедневно парили на полке березовым веником. Поили детей из коровьего рога, давали сосать завернутую в тряпку хлебную жвачку. Согласно старой традиции, ребенка с рождения до двух-трех лет держали в самодельной колыбели, качавшейся на упругой жерди, прикрепленной к потолку.

В дореволюционной крестьянской коми-пермяцкой семье у детей было короткое детство. С семи-восьми лет выполняли они самые разнообразные работы по хозяйству, в поле, по уходу за младшими детьми. Мальчика семи-восьми лет называли «борноволок», так как на нем лежала работа по бороньбе. Девочки чаще были няньками. В наше время все дети школьного возраста учатся. В свободное время они помогают в семье, колхозе, ходят на охоту и рыбную ловлю.

В дореволюционной деревне молодежь общалась главным образом на посиделках и гулянках. Девушки вскладчину снимали у одинокой женщины избу на всю зиму. Здесь по вечерам они пряли, вязали, сучили нитки и вышивали; к ним на посиделки приходили парни. На святки и другие праздники устраивали игры, пели игровые и круговые песни, плясали под гармонию, пили брагу. Теперь посиделки исчезли, молодежь встречается в клубе, на производстве, совместно участвует в общественной жизни своего села или колхоза.

В брак теперь вступают по взаимному согласию, тогда как в дореволюционное время, да и в первые годы Советской власти женились чаще всего по сватовству. Невест сватали обычно из другой деревни, в этом сказывались пережитки обычая экзогамии. Девушку-пермячку выдавали замуж сравнительно поздно — 25—27 лет, так как родители не желали расставаться с рабочей силой в семье. Жених же нередко бывал на семь-восемь лет моложе невесты. Свадьбы справляли в промежуток от рождества до масленицы; они, подобно свадьбам в русских районах, сопровождались многочисленными обрядами, песнями и угощением. В приданое за невестой давали одежду, а богатые — и скот. Наряду с браком по сватовству бывали и «беглые свадьбы»: жених и невеста, стоворившись между собой, тайно венчались, а затем уже шли просить благословения и прощения у родителей. Беглые свадьбы в большинстве случаев совершались по взаимной любви и отчасти объяснялись экономическими причинами, желанием избежать расходов, связанных со свадебной церемонией. В настоящее время брак по сватовству встречается редко, а беглых свадеб совсем нет. Брак оформляют в сельсовете. В церкви теперь не венчаются. Народные свадебные обряды, происходившие в доме невесты и жениха, значительно упростились.

В погребальных и поминальных обрядах долго сказывались пережитки дохристианских верований, тесно переплетавшиеся с церковной обрядностью. Еще в начале XX в. полагалось вкладывать в руку умершего медные монеты и мелкие вещи, в поминальные дни — ходить на кладбище и «угощать» покойника брагой, рыбным пирогом и другой домашней снедью. Умерших, независимо от времени года, везли на кладбище на санях, которые оставляли на могиле, «чтобы не было в семье вскоре нового покойника».

Культурно-просветительная работа, проводимая среди коми-пермяков, успехи колхозного строительства, повышение материального и куль-

турного уровня населения способствовали постепенному преодолению религиозных пережитков и утверждению материалистического миропонимания, которое в наши дни преобладает среди основной массы коми-пермяцкого населения.

Развитие сети медицинских учреждений также способствовало искоренению распространенных в прошлом магических приемов врачевания, веры в знахарей и колдунов.

В дореволюционной России среди коми-пермяков были часты эпидемии натуральной оспы, сыпного и брюшного тифа, бичом населения была трахома. Обследование коми-пермяцких детей, проведенное в 1896 г.; показало, что среди них 25% заражено трахомой. Большая смертность наблюдалась от туберкулеза. Особенно ужасающей была детская смертность: не менее 50% детей умирало, не дожив до года. На территории современного округа работало всего четыре больницы со 100 больничными койками.

Медленно росла сеть медицинских учреждений и в первое десятилетие после Октябрьской революции. В 1925 г. в округе работало только шесть врачей и 35 человек среднего медицинского персонала.

В 1961 г. в Коми-Пермяцком округе имелось уже 39 больниц и 3 диспансера, 250 фельдшерско-акушерских пунктов, 30 колхозных родильных домов, 7 санитарно-эпидемических станций. В медицинских учреждениях работало 150 врачей и 1370 человек среднего медицинского персонала.

Правительство уделяет большое внимание вопросу обеспечения округа кадрами врачей и среднего медицинского персонала из местного населения. С 1932 г. в округе существует медицинское училище. В Пермском медицинском и фармацевтическом институтах, а также в Ленинградском педиатрическом институте обучается ежегодно около 150 коми-пермяков.

Идет строительство медицинских учреждений. За последние годы построены Усть-Черновская, Сереговская, Юксеевская, Ошпбская, Усть-Березовская больницы, оснащенные новейшей аппаратурой. В 1960 г. в Кудымкаре открылась городская поликлиника, которая провела диспансеризацию рабочих, занятых в местной промышленности. Особое внимание уделяется разворачиванию сети учреждений по охране здоровья матери и ребенка (родильные дома, консультации, ясли и детские сады).

Медицинские работники округа добились замечательных успехов в снижении общей и детской смертности, а также инфекционных заболеваний. Больных трахомой остались единицы. Ликвидована оспа, число заболеваний туберкулезом по сравнению с 1924 г. уменьшилось более чем в 10 раз.

Переписью 1959 г. установлено, что в округе проживают 28 человек в возрасте 95 лет и старше.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

В дореволюционной России грамотность среди коми-пермяков была очень низкой. Перед реформой 1861 г. из тысячи коми-пермяков умели читать всего четверо, из двух тысяч женщин — одна. По данным переписи 1897 г., грамотность поднялась до 11,4% среди мужчин и до 1,3% среди женщин.

Первые школы на территории современного Коми-Пермяцкого национального округа появились в конце XIX в. Небольшие группы детей занимались частным образом в курных крестьянских избах. Несколько позднее были организованы школы грамоты, а затем церковно-приходские

школы. Обучение велось на русском языке, по русским учебникам. Дело с образованием коми-пермяцкого народа двигалось очень медленно, и накануне Октябрьской революции лишь шестая часть населения умела расписываться и кое-как читать. В эти годы на территории расселения коми-пермяков было 98 церковно-приходских и земских школ и только 62 из них имели специальные помещения, остальные располагались в крестьянских домах. В этих школах занималось не более 15—20 % всех коми-пермяцких детей, преимущественно из более зажиточных семей. Остальные не имели возможности получить даже начальное образование.

Свою письменность (на основе русской графики) и школу с преподаванием на родном языке коми-пермяцкий народ получил в первые же годы Советской власти. В 1920 г. был издан букварь на коми-пермяцком языке. Дети и взрослые сели за книгу. Началась массовая работа по ликвидации неграмотности. Особое внимание было обращено на то, чтобы все дети учились в школах.

В настоящее время в первых четырех начальных классах обучение коми-пермяцких детей ведется на родном языке. Но с первого же класса изучается в школах и русский язык. В округе создаются учебники и наглядные пособия на коми-пермяцком и русском языках для национальных школ.

Выполняя директивы XX съезда КПСС, школы округа проделали большую работу по политехнизации школьного обучения. При многих школах организованы мастерские для работы по дереву и металлу, кабинеты по машиноведению. Окончившие среднюю школу (например, Юсьвинскую, Гайнскую) успешно работают шоферами, трактористами, слесарями, токарями и т. п.

При некоторых школах работают радиокружки. Почти все школы радиофицированы.

Педагогические коллективы организовали при школах участки, на которых учащиеся благодаря применению приобретенных агротехнических навыков получают высокие урожаи бобовых культур, кукурузы, овощей и картофеля. На некоторых пришкольных участках растут сады, имеются пасеки. Как правило, учащиеся помогают колхозу на уборке урожая и в уходе за животными.

Кроме начальных и средних школ, в округе работают школы рабочей и сельской молодежи, а также специальные средние учебные заведения, которые обеспечивают округ специалистами по сельскому хозяйству, лесной промышленности, народному образованию и здравоохранению.

Кадры учителей в основном готовились в двух техникумах, работавших в с. Коса и в Кудымкаре. В 1940 г. в Кудымкаре был открыт учительский институт, который за время своего существования до 1956 г. подготовил 2060 учителей. С 1944 г. работает окружной Институт усовершенствования учителей. При Пермском педагогическом институте открыто отделение, которое готовит преподавателей родного и русского языков для коми-пермяцких школ.

Развивается сеть дошкольных учреждений. В 1925 г. в Кудымкаре был открыт первый детский сад на 36 детей, теперь в округе работает более 170 детских садов. Созданы учреждения по внешкольному воспитанию — окружной дворец пионеров, Юрлинский дом пионеров, детская техническая станция, станция юных натуралистов.

В царской России коми-пермяки и понятия не имели о театрах, кино и библиотеках. Газеты читали только учителя и священники. Теперь все изменилось. Среди населения округа проводится массовая культурно-просветительная работа, открыто много домов культуры, клубов, красных уголков и библиотек, во многих колхозах работают народные университеты культуры.

Большую культурно-просветительную работу ведет местный краеведческий музей им. П. И. Субботина-Пермяка. В 1960 г. музей был участником Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства СССР и удостоился диплома 3-й степени. Работники музея, кроме постоянной экспозиции, организовали передвижной музей, с которым побывали во всех деревнях и селах округа.

Изобразительное искусство Народное прикладное искусство коми-пермяков представлено узорным ткачеством, вязанием, вышивкой, набойкой, резьбой и росписью по дереву, художественными изделиями из бересты и рога.

Узорное домашнее ткачество было развито у коми-пермяков вплоть до 1950-х годов. В наше время художественным ткацким занимаются лишь отдельные мастерицы.

Тканые узоры на полотенцах, рубахах и скатертях выполнялись преимущественно браной техникой. Узоры располагались по белому холсту в виде поперечных полос красного цвета с геометрическим орнаментом, который состоял из повторяющихся фигур: ромбов, косых крестов, зубцов и т. д.

Выполнялся узор чаще всего фабричными хлопчатобумажными нитками, реже льняными домашнего производства и окраски. Этот вид ткачества коми-пермяков очень близок к браному ткачеству коми и русских из соседних районов.

Для прикладного искусства коми-пермяков особенно типичны тканые пояса, которыми и теперь повязывают сарафаны, мужские рубахи и верхнюю одежду. Пояса изготовляют из разноцветных шерстяных, льняных и хлопчатобумажных ниток. Орнамент на поясах разнообразен, но, как и в браном ткачестве, он чаще всего геометрический. Техника изготовления поясов различна. Их плетут на руках, ткут на дощечках, на ниту и с помощью бердечка. Широкие пояса с браным узором ткут на том же ткацком стане, что и холст. Пояса бывают различной ширины, от 2 до 10—12 см. Особенно нарядны дарственные пояса. Их ткут из зеленой, синей, желтой и розовой шерсти и украшают кистями. Такие пояса невеста дарит своей будущей родне, в первую очередь жениху, его близким родственникам и дружке.

Вышивка у коми-пермяков в наши дни распространена значительно шире, чем в дореволюционное время. Коми-пермячки украшают вышивкой мужские рубахи, женские кофточки, передники, полотенца, подзоры. Вышивают разноцветными шелковыми и хлопчатобумажными нитками, крестом и гладью. В современных вышивках преобладает растительный орнамент.

До настоящего времени в некоторых коми-пермяцких семьях еще можно встретить красивые образцы набойки: скатерти, полотенца, платки, старинные сарафаны, хотя изготовление подобных вещей прекратилось еще в 1920-х годах. Расцветка и рисунки набойки близки к набойке, характерной для русского населения Севера и для коми. Наиболее распространенными были набойки с синим фоном и разноцветными узорами, в расцветке которых насчитывалось иногда до семи различных цветов. Набивные рисунки состояли в большинстве случаев из геометрических фигур: кружков, розеток, звезд, стрелчатых лучей, но встречались и более сложные растительные узоры — ветки с цветами, листья, стебли растений в различных комбинациях. Значительно реже узоры изображали птиц, коней и фигуры женщин.

У коми-пермяков, в особенности в северных районах округа, как и у коми, бытуют богато орнаментированные вязаные изделия — чулки, перчатки, варежки, шарфы, кушаки и т. д. Материалом для них служит овечья шерсть, которую женщины сами прядут и красят. Орнамент на вязаных изделиях почти всегда геометрический.

Как и у многих других народов, живущих в лесной полосе, у коми-пермяков развито искусство обработки дерева. Занимаются резьбой мужчины. Этот вид народного искусства представлен скульптурными изображениями животных и птиц на крышах домов, а также накладной, трехгранно-выемчатой и контурно-прорезной резьбой, росписью на посуде, прялках, предметах домашней обстановки, искусно сделанными предметами из бересты: туесами, солонками, пестерями и т. п. Богатые коллекции народных художественных изделий собраны в Окружном краеведческом музее им. П. И. Субботина-Пермяка.

Среди коми-пермяков, в особенности в послевоенное время, выдвинулась группа талантливых художников и скульпторов. Лучшие их произведения представлены в художественной галерее музея и демонстрируются на специальных выставках.

Из художников старшего поколения следует назвать Я. и А. Кривошековых и П. И. Субботина, имя которого носит местный краеведческий музей. П. И. Субботин (1886—1923 гг.), коми-пермяк по национальности, был талантливым художником и замечательным педагогом-организатором, он оставил заметный след в развитии коми-пермяцкого искусства.

Длительное проживание на одной территории и тесные культурные связи между коми-пермяками и русскими сказались на фольклоре коми-пермяцкого народа, у которого наряду с самобытными широко распространены и произведения русской народной поэзии. Русское влияние проявляется в близости сюжетов и образов, в широком использовании коми-пермяками речевых выразительных средств, характерных для русской народной поэзии. В северных районах округа можно услышать предания и сказки, героями которых являются русские богатыри: Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич и др.

Однако у коми-пермяков имеются и самобытные эпические сказания о богатырях. Одним из любимых героев коми-пермяцкого эпоса является Пера-богатырь. Прообразом его послужила, по всей вероятности, реально существовавшая личность. До настоящего времени жители деревень Верх-Лушья, Конопля и Мысы Гайнского промышленного района гордятся своим земляком, рассказывают различные случаи из его жизни, приурочивая их к XVI в., указывают старое поселение, откуда он был будто бы родом (дер. Важгорт) и где якобы находится его могила.

К былинному эпосу коми-пермяков следует отнести также народные сказания о Пеле, жизнь и деятельность которого связывается с р. Вишерой. Это предание бытует у язьвинских коми-пермяков.

Пеля-богатырь во многом напоминает Перу. Он, как и Пера, охотник, который ловит шелковыми сетями соболей. Сказания о Пеле, очевидно, сложились в XVI—XVII вв., когда в предгорья Среднего Урала все активнее стало проникать русское боярство и купечество, стремясь захватить лесные богатства местного края. С одним из боярских сынов, по прозвищу Лесной, и пришлось состязаться Пеле-богатырю. В поединке с боярином Пеля оказался победителем.

В некоторых сказаниях повествуется о двух богатырях — Полюде и Пеле, живших на скалистых берегах р. Вишеры. Когда на Русской земле стали переводиться богатыри, Полюд и Пеля вместе со своими сокровищами якобы обратились в камни.

Сказки — распространенный и любимый вид устного творчества коми-пермяцкого народа. Их можно подразделить на фантастические, бытовые, сатирические и сказки о животных. Главными героями сказок являются крестьяне, охотники, солдаты, наделенные храбростью и добротой. Они олицетворяют справедливость и добро, побеждают зло и искореняют ложь.

«Посиделки» — инсценировка коллектива художественной самодеятельности.
Дер. Тебеньково Кудымкарского района

К интересным образцам фольклора советского времени принадлежат сказы. Они отображают нашу действительность, в них говорится о народных чаяниях и трудной борьбе в прошлом.

Разнообразно песенное творчество коми-пермяков. Игровые, круговые, свадебные и любовные песни исполняются преимущественно на русском языке.

Многие варианты этих песен опубликованы в русских сборниках и бытуют у русского населения соседних районов. Большинство старинных, «долгих», песен помнят и исполняют только пожилые коми-пермячки, лучшие песенницы деревни, участницы хора художественной самодеятельности.

Колхозная молодежь чаще поет советские песни, проникшие в деревню через радиопередачи, кино, песенные сборники и литературу. Очень популярны частушки, которые поют и на коми-пермяцком и на русском языке. Репертуар их постоянно обновляется.

Коми-пермяцкая национальная литература возникла и стала развиваться лишь после Великой Октябрьской революции. В 1922—1923 гг. вышли первые сборники стихов на коми-пермяцком языке «Подснежник» и «Купальщица», а вскоре появился сборник рассказов и воспоминаний «Восход солнца». Эти три сборника положили начало национальной художественной литературе коми-пермяков.

Основоположником коми-пермяцкой поэзии и прозы по праву можно считать М. П. Лихачева (1901—1945 гг.). Он написал много стихотворений и рассказов, получивших всеобщее признание. Наиболее крупным произведением коми-пермяцкой прозы явилась его повесть «Мой сын», рисующая положение беднейшего крестьянства до революции и активную борьбу народных масс за Советскую власть.

К старшему поколению можно отнести также поэта и прозаика А. Н. Зубова (1899—1945 гг.). В своих стихотворениях «Бездомная кукушка» и «Несчастливая» А. Зубов показал тяжкую жизнь коми-пермячки

в дореволюционное время. В его стихах «Свободная пора» и других говорится о радостной жизни советской молодежи. Перу А. Зубова принадлежит также пьеса «Сквозь тьму», в которой изображена жизнь коми-пермяцкой бедноты в дореволюционной деревне. Эта пьеса была поставлена коми-пермяцким драматическим театром на своей сцене и в Свердловске.

Поэты Н. В. Попов и С. И. Караваев свои первые стихи начали печатать в газете «Пахарь» в 1929 г., а в последующие годы опубликовали несколько сборников.

К 1940-м годам ряды коми-пермяцких литераторов пополнились новыми силами: начали печататься поэты И. Гагарин, И. Минин, М. Вавилин.

Поэт И. Гагарин погиб в битве на Волге в 1942 г. При его жизни были напечатаны стихи «У колхозных полей», «Новый урожай», «Письмо матери», «Родина». Посмертный сборник его стихов и песен, выпущенный окружным издательством, пользуется широкой известностью у коми-пермяцких колхозников.

Стихи М. В. Вавилина посвящены колхозной жизни и природе края. Интересна и содержательна поэзия И. Минина. Его стихи «Колхозный праздник», «Столяр дед Пахом», «Семья Ипата», «Почтальон принес газету» и многие другие отличаются жизнерадостностью, в них много юмора, язык простой и выразительный. Минин много пишет о детях и для детей.

Наряду с поэзией у коми-пермяков развиваются проза и драматургия.

Артист Кудымкарского драматического театра Н. Свечков написал пьесу «Это было на Иньве» («Караванный бунт»), которая поставлена на сцене этого театра. Вторая его пьеса «Машины идут в лес» была опубликована в 1951 г. в альманахе «Прикамье». Несколько прозаических произведений оставили потомству умершие в расцвете творческих сил П. П. Златин и И. А. Шадрин.

Как драматург известен Н. Бормотов. Он написал три одноактные пьесы: «Красный обоз», «Ты мой друг» и в соавторстве с Н. Свечковым «Степан болеет». Драматург М. Сторожева опубликовала пять пьес, из них «Троицын день», «Бессонница», «Шесть тополей» поставлены Кудымкарским драматическим театром.

С. Можаяев выступает и как прозаик, и как драматург. Его пьеса «Пасмурная весна» была поставлена в 1959 г. Пермским драматическим театром, когда проходил смотр коми-пермяцкой литературы и искусства.

Произведения коми-пермяцких поэтов и писателей печатаются в ежегодниках и выходят отдельными книгами в коми-пермяцком издательстве; кроме того, они публикуются в альманахах «Прикамье», в журналах «Дружба народов», «Урал», «Северная звезда» и др. В Кудымкаре издается и детская литература, в частности выпускается ежегодный сборник для детей.

Театр и музыка Округ имеет свой национальный драматический театр, носящий имя М. Горького. В творческом коллективе театра выросли ныне заслуженные артистки РСФСР А. Котельникова и Н. Канюкова, талантливые артисты Н. Кивилева, Н. Четина, Н. Свечков, Ф. Кривошеков и др.

Театр с успехом показывает пьесы Островского, Горького, некоторых западноевропейских классиков и многих советских драматургов, в том числе — местных.

Молодые кадры для коми-пермяцкого театра готовятся на актерском факультете Ленинградского театрального института им. А. Н. Островского. Учащиеся из Коми-Пермяцкого округа объединены там в национальную студию.

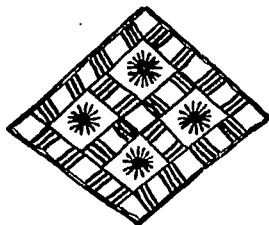
Большую работу по созданию оригинальных музыкальных произведений и обработке коми-пермяцких народных мелодий ведет молодой коми-пермяцкий композитор А. И. Клещин. Он переложил на музыку ряд произведений коми-пермяцких и русских поэтов.

С 1951 г. в Кудымкаре работает детская музыкальная школа.

Ежегодно в округе проводится Праздник песни, который одновременно является смотром художественной самодеятельности. Каждый район округа выступает со своей программой: песнями, музыкой, плясками, стихотворениями и частушками.

К Празднику песни подготавливается всегда и выставка произведений прикладного изобразительного искусства, картин и книг.

Из старинных народных музыкальных инструментов у коми-пермяков большим распространением пользуется известная и коми так называемая флейта Пана-пöлян.

У Д М У Р Т Ы

Удмурты живут в районах Западного Приуралья, расположенных в бассейне Камы и Вятки. Самоназвание — *удмурт*, или *удмурт* (*Уд* — имя собственное, *мурт* — человек). В русских письменных памятниках XVI—XVII вв. удмурты упоминаются под названиями «ари», «аряне», «отяки». В царской России их называли вотяками.

Численность удмуртов, по данным переписи 1959 г., — 624 794 человек, из них 76 % живет в Удмуртской АССР. За пределами республики удмурты живут небольшими группами в Татарской, Марийской, Башкирской АССР, в Кировской и Пермской областях. Язык удмуртов относится к пермской группе финно-угорских языков и близок к языку коми и коми-пермяков; он распадается на два диалекта — южный и северный, различия между которыми незначительны. В советское время из промежуточных говоров между северными и южными наречиями сложился литературный язык и создавалась письменность, в основу которой положен русский алфавит.

В состав удмуртского народа входит этнографическая группа бесермян, которые живут в Глазовском и Базинском районах Удмуртской АССР. Бесермяне говорят на удмуртском языке, но с включением значительного количества татарских слов, как и в южном диалекте удмуртского языка. Они сохраняют свое самоназвание *бесермен* и до недавнего времени отличались от удмуртов некоторыми чертами материальной и духовной культуры. Особенно своеобразны были их костюм и орнамент. Покрой одежды, вышивки и головные уборы бесермян несколько напоминают чувашские. Песни и напевы бесермян самобытны. В терминологии родства прослеживаются тюркские черты. В пародных верованиях наряду с древними анимистическими представлениями и магией сказывалось влияние ислама.

Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика, входящая в состав РСФСР, расположена на северо-востоке Европейской части Советского Союза и граничит на севере и западе с Кировской обл., на востоке с Пермской обл., на юге с Башкирской и Татарской АССР.

Климат Удмуртской АССР континентальный. Для нее характерны заморозки поздней весной и ранней осенью. Почвы в большинстве районов подзолистые и суглинистые, в центральной части — песчаные и супесчаные, в речных поймах — иловые и торфяные. Из полезных ископаемых наиболее значительны залежи торфа; имеются месторождения горючих сланцев, медных руд, бурого железняка, кварцевого песка, известняка и

красных глин, а также угля и нефти. В последние годы ведутся поиски нефтяных месторождений, удобных для промышленной разработки.

Больших судоходных рек на территории республики нет, за исключением Камы, небольшой отрезок которой омывает Удмуртию с востока. Наиболее крупные реки — Чепца, Кильмезь, Вала — используются в основном для сплава древесины. Леса занимают 43 % всей площади республики. Преобладают хвойные породы: ель, пихта, сосна, из лиственных распространены береза, осина и липа. Основной лесной массив сосредоточен в центральной части республики. Животный мир — типичный для лесных районов Восточной Европы.

Кроме удмуртов, в республике живут русские, татары; среди рабочих, занятых в промышленности, много приезжих из Белоруссии, Украины и других республик и областей Советского Союза.

Краткий
исторический
очерк

Первые сведения об удмуртах в русских письменных источниках восходят к концу XV в. В это время удмурты занимали примерно ту же территорию Камско-Вятского междуречья, где они расселены и теперь. Данные советской исторической науки позволяют видеть предков удмуртов в аборигенах Вятского края. Связи, прослеживаемые в материальной культуре удмуртов IX—X вв. н. э. с более ранними культурами той же области, говорят о том, что удмурты сформировались в бассейне Вятки и Чепцы на основе древнейшего населения, создавшего ананьинскую и пьяноборскую культуры I тысячелетия до н. э. и первых веков н. э. Территория, на которой найдены памятники ананьинской культуры, занимает бассейны среднего и верхнего течения Камы, Вятки, низовьев р. Белой, распространяется на часть Поволжья до р. Ветлуги и заходит на правый берег Волги в районе Казани. Ареал пьяноборской культуры несколько меньше, чем ананьинской. В первые века нашей эры произошло обособление и выделение более узких племенных групп из общего конгломерата обитавших здесь угро-финских племен. Об этом говорят и данные языка, указывающие на то, что удмуртский язык, входивший в пермскую языковую общность, в это время отделился от языка народов коми.

В IV—VI вв. н. э. приток скотоводческих племен из южноуральских и волжских степей на Камское левобережье вызвал частичное перемещение древнего населения в бассейне Вятки и Камы. Как указывают археологические данные, именно в этот период и несколько позднее, в VI—VII вв., по Чепце, Кильмезю, Ижу и Вале возникли поселения, жителей которых, потомков носителей пьяноборской культуры, можно считать предками современных удмуртов.

Археологические материалы VIII—IX вв. позволяют наметить районы с локальными различиями в культуре населения (в частности, в одежде, головных уборах, украшениях). Эти различия были обусловлены процессом формирования народностей Приуралья и выделением их из общей более ранней культурной среды.

В X—XIV вв. поселения предков северных удмуртов были сосредоточены на территории современного Глазовского района, о чем свидетельствуют раскопки городищ Донды-Кар, Гурья-Кар, Идна-Кар и др. Предки южных удмуртов в этот период обитали по течению Камы и ее притоку Ижу, отчасти по рекам Вале и Кильмезю. Городища, в которых жили предки удмуртов, были укреплены валами и рвами. Жилищами служили срубные постройки с очагами внутри. Основой хозяйства населения было пашенное земледелие, которое в лесных районах края развивалось на базе подсечно-огневой системы; большую роль в хозяйстве играли также скотоводство и охота, преимущественно на пушного зверя. Остатки горнов и многочисленные находки железных предметов в памятниках X—XV вв. указывают на то, что предки удмуртов в этот период были знакомы

с плавкой железа. Они знали также изготовление глиняной посуды и ткачество.

Во главе управления стоял совет старейшин, куда входили представители наиболее влиятельных родов; при решении важных вопросов созывалось народное собрание — *кениш*, в котором принимали участие взрослые мужчины-воины.

Примерно в XII—XIII вв. у населения Прикамья шел процесс распада родового строя. Стали выделяться отдельные семьи, которые селились совместно с семьями из другого рода в открытых, не укрепленных селищах. Родовая община постепенно сменялась территориальной, соседской общиной.

В памяти народа сохранились легенды о столкновениях, происходивших между рядовыми земледельцами и родоплеменной верхушкой — родовыми старейшинами и военными вождями. Однако развитых феодальных отношений у удмуртов не сложилось.

Распад родовых отношений у удмуртских племен протекал далеко не равномерно. Так, на Чепце и Каме население жило в своих родовых гнездах — укрепленных городищах — вплоть до XIV в., на Вятке городища были покинуты в XIII в., а на Камском правобережье, в районе устья р. Вятки, — еще в XII в. Такая неравномерность объясняется степенью экономического и культурного воздействия на отдельные родоплеменные группы удмуртов со стороны Волжско-Камской Булгарии и княжеств Северо-Восточной Руси.

Булгарское государство, которое, как известно, в конце I — начале II тысячелетия н. э. существовало на территории вдоль среднего течения Волги, на протяжении нескольких столетий поддерживало тесные связи с окружающими племенами: мордовскими, марийскими и др. и распространяло на них свое политическое и экономическое влияние. Удмурты тоже входили в сферу булгарского влияния. Они были данниками булгар, поставляли им военное ополчение, торговали с ними, за что пользовались свободой передвижения в булгарских землях и защитой границ булгарами от нападений степных кочевников. На территории Удмуртской АССР сохранились памятники булгарского времени в виде городищ, надгробий и могильников, в которых встречаются булгарские монеты и другие предметы булгарского происхождения.

Булгары вели оживленную торговлю со своими соседями, в том числе и с удмуртами, обменивая восточные привозные ткани, украшения и орудия труда на кожу, мед и пушнину. Последняя особенно ценилась, так как являлась главным предметом торговли с другими народами. Наименования «ары», «Арская земля» были даны удмуртам и их территории камскими булгарами. Удмуртские племена имели тесные связи с г. Биляром, который в XII в. стал столицей Волжско-Камской Булгарии. Термин «биляр» (в произношении удмуртов *бигер*) был распространен удмуртами на все тюркское население Волжско-Камской Булгарии, а позднее и на казанских татар. Термином «бигер» удмурты называют татар и поныне.

Удмурты, жившие на пограничной с булгарами территории, под натиском последних зачастую оставляли свои городища и переселялись на север в глубь лесов. Одно из таких городищ, известное под названием «Чертово Городище», булгары превратили в свой укрепленный форпост.

Булгары, у которых уже сложились феодальные отношения, не только способствовали разложению родового строя у удмуртов, но оказывали также влияние на их быт и язык.

Связи между удмуртскими племенами и славянами прослеживаются с IX—XIII вв. Значительное количество предметов славянского происхождения этого времени, найденных на городищах и в могильниках на Вятке, свидетельствует о ранних и обширных обменных связях або-

ригенов края с русскими. С укреплением в XII в. Владимиро-Суздальского княжества на северо-восток начали проникать русские.

С булгарами связано, по-видимому, и происхождение бесермян, хотя вопрос этот является пока предметом спора между учеными и окончательно не решен. Анализ старой культуры бесермян позволяет, как нам кажется, считать их потомками какого-то древнетюркского, по всей вероятности, болгарского, населения, жившего небольшими группами среди аборигенов края в бассейне р. Чепцы. Существование древних болгарских поселений в бассейне этой реки подтверждается археологическими памятниками болгарского происхождения, найденными в районах современного обитания бесермян (например, болгарское погребение в с. Гордино).

Этноним «бесермен» в письменных источниках появляется с середины XIII в. По свидетельству Плано Карпини, в числе народностей, покоренных татаро-монголами, были тухмены, мордва и бесермены. Согласно русским летописям, в Куликовской битве (1380 г.) у Мамая в войске, поставленном покоренными народами, была и бесерменская рать.

Живя продолжительное время на территории Вятско-Камского междуречья, бесермяне подвергались на протяжении ряда столетий культурному воздействию со стороны удмуртов и отчасти татар, смешивались с ними, восприняли язык удмуртов, многие элементы их культуры и в настоящее время представляют собой этнографическую группу, почти целиком слившуюся с удмуртским народом.

В конце XIII — начале XIV в. удмурты стали данниками татаро-монголов. Обосновавшись по среднему течению Волги, татаро-монголы вначале мало интересовались удмуртами и не стремились проникнуть в северное Закамье, но постепенно, как и вся Русь, удмурты оказались в зависимости от татаро-монголов и стали объектом жестокой эксплуатации с их стороны. На территории Удмуртии татары создали феодальную княжества, которые сохраняли свою независимость вплоть до разгрома Казани, а фактически значительно дольше. Южная часть Удмуртии была у татар особой административно-податной единицей — Арской даругой; правившие здесь татарские мурзы назывались арскими князьями. В Вятской земле, в Карино, расположенном в 15—20 км от устья р. Чепцы, обосновались в конце XIV в. (1391 г.) каринские мурзы, которые распространяли свою власть на все окрестное удмуртское население.

Удмурты были обложены ясаком, но, кроме взноса ясака, население выполняло в пользу татар и другие многочисленные повинности: поставку фуража, ямщину и пр. Удмурты должны были нести военную службу и сражаться в отрядах хана и мурз.

В легендах и песнях, дошедших до нас, часто рассказывается о тех унижениях и оскорблениях, которым татарские феодалы подвергали местное удмуртское население.

К концу XV в. почти у всех удмуртских племен распад родового строя уже завершился. Удмурты жили в поселениях — гуртах большими семьями, не связанными между собой кровнородственными отношениями. Для управления такой соседской общиной избирался *тöро*, обычно из более обеспеченной семьи. Такие представители сельских общин осуществляли связь с центральной властью. Примерно с этого времени можно говорить об удмуртах как о сложившейся народности.

Территориально и административно удмурты в XV—XVI вв. не представляли единого целого, а были разделены на несколько групп. Северные удмурты (каринские и чепецкие), жившие в бассейне Чепцы по ее правым и левым притокам, входили в состав Вятской земли; южные, занимавшие территорию по среднему течению Камы и Ижу, отчасти Вятке и Кильмезю, входили в состав Казанского ханства.

Удмуртский

Вятская земля в 1489 г. стала частью Великого княжества Московского. Вместе с русскими в состав этого княжества вошли и удмурты. Они привлекались к постройке и защите городов, участвовали в походах великого князя против казанского хана. Расселенные в основной массе на территории Хлыновского, Слободского и частично Котельнического станов (уездов) Вятской провинции, удмурты были приравнены к черносошному тягловому крестьянству и управлялись великокняжеским наместником.

Удмурты, жившие по соседству, но на территории Каринского стана, находились в феодально-крепостной зависимости от татарских мурз. Присоединив Вятскую землю, московские князья, желая привлечь на свою сторону каринских татар и использовать их в качестве служилых людей, сохранили за ними феодальные права «судить и ведать» удмуртами, жившими на этих землях.

При царе Федоре Ивановиче грамотой 1588 г. одна часть северных удмуртов была окончательно освобождена от крепостной зависимости от каринских мурз, а другая часть — черносошное крестьянство — была отделена от вятской администрации в податном и служебном отношении. Вместо прежних, довольно многочисленных повинностей удмурты были обложены определенным денежным оброком, раскладку которого они делали сами, с 1619 г. они стали сдавать оброк в Москве. По всем судебным делам (за исключением разбоя и тяжбы с поличным) постановлено было также не обращаться к местным властям, а творить суд в Москве, куда удмурты должны были являться один раз в год — 2 февраля. Эти особенности в управлении северных удмуртов сохранялись в течение всего XVII в. вплоть до реформ Петра Первого.

Южные удмурты, входившие в Казанское ханство, после падения Казани (1552 г.) отошли к Московскому государству и стали платить Москве

пейзаж

тот же ясак, что прежде казанским ханам. Сбор ясака обычно возлагался на служилых людей из татар, которые с этой целью разъезжали по удмуртским землям и, угрожая оружием, нещадно обирали население.

В начале XVIII в. царское правительство уравнило удмуртов с русским населением в податном отношении. В 1717—1718 гг. удмуртские дворы были переписаны, и на удмуртов была наложена подворная подать, которая с 1723 г. была заменена подушной. На удмуртов распространилось несение и других повинностей. Особенно тяжелым было лашманство — работы по заготовке корабельного леса. В 1719 г. была введена поставка рекрутов. А значительно раньше, вскоре после падения Казани, русские власти предприняли меры по укреплению Прикамья: начали строить крепости (Сарапул и др.), охраняемые гарнизонами, раздавать земли русским колонистам и особенно щедро монастырям. К монастырям было приписано до 50 тыс. крестьян, которые подвергались жестокой эксплуатации. Во второй половине XVIII в. с развитием горнометаллургической промышленности раздача удмуртских земель усилилась.

В 1729 г. кунец Григорий Вяземский основал в Вятской провинции на р. Кирсе первый железоделательный — Кирсинский — завод. В 1759 г. на севере Удмуртии возник Пудемский завод, а в более южном, Камском, районе в том же году П. И. Шувалов основал на р. Вотке Воткинский завод; через год он же построил на р. Иже Ижевский железоделательный завод, ставший позднее одним из крупнейших заводов Препуралья.

Уральские заводчики были крупными землевладельцами. В Удмуртии камским заводам Шувалова по указу императрицы Елизаветы Петровны было отведено около 700 тыс. десятин лесного массива сроком на 100 лет. На заводах работали крепостные и приписные крестьяне; в 1760-х годах на камских заводах насчитывалось до 18 тыс. крестьян. К заводам были

приписаны целые удмуртские волости; удмурты использовались заводчиками на самых тяжелых работах: лесозаготовках, углежжении, добыче железной руды. Многочисленные поборы царского правительства, взяточничество администрации, тяжелые заводские работы, жестокость заводского начальства, унижение национального достоинства, преследование религии, национальной культуры — все это создавало невыносимые условия существования и неоднократно побуждало удмуртов к восстаниям. Не раз удмурты выступали вместе с русским крестьянством. Так, например, среди удмуртов происходили волнения во время восстания Ивана Болотникова (1606—1607 гг.). Удмурты участвовали в крестьянских войнах под предводительством Степана Разина (1670—1671 гг.) и Емельяна Пугачева (1773—1775 гг.).

В первой половине XIX в. удмурты вместе с русским крестьянством принимали активное участие в так называемых картофельных бунтах.

Реформа 1861 г. ухудшила положение удмуртского крестьянства. В результате реформы удмурты лишились 44% своих дореформенных наделов, в то же время подати с крестьян увеличились.

Заметно усилился процесс классового расслоения удмуртской деревни: за счет разорения основной массы крестьянства обогащалось и крепло кулачество. Недоимки и другие долги крестьян в Вятском крае в 1880-х годах составляли свыше 16 млн. рублей. Недовольство крестьян росло, выливаясь в массовые восстания. Крупное волнение крестьян вспыхнуло в 1888 г. в Малмыжском уезде, оно охватило 68 селений. Однако это восстание, как и другие, предшествовавшие ему, а также разрозненные выступления кончались жестокой расправой с повстанцами.

Народные волнения усугублялись протестом против начавшегося еще с XVII в. усиленного внедрения среди удмуртов православия. Особенно большой размах христианизация удмуртов приняла в XVIII в. с момента организации в 1740 г. специальной «конторы новокрещенских дел» в Казани. Были созданы приходы и подобраны кадры миссионеров, знающих удмуртский язык. Новокрещенные получали ряд льгот: они освобождались от податей, повинностей и рекрутчины. Создавая видимость добровольного обращения в христианство «прозревших язычников», миссионеры в то же время применяли насильственные меры для искоренения народных верований: разрушали культовые постройки (*куала*), вырубали священные рощи (*луд*) и т. п. В конечном счете миссионерская деятельность среди удмуртов дала мало результатов. Православие навсегда осталось чуждым мировоззрению удмуртов, и они упорно продолжали совершать свои обряды и моления в священных рощах и куалах, иногда заменяя имена старых божеств именами православных святых и приурочивая свои моления к церковному календарю.

Религиозные представления удмуртов включали разнообразный комплекс верований, возникших на разных ступенях общественного развития. Наряду с пережитками тотемизма, выражавшимися в почитании некоторых животных и птиц — коня, быка, медведя, лебедя, — у удмуртов было развито поклонение силам природы. В священном коробе *воршуд*, считавшемся местом пребывания духа родового предка, в качестве реликвии хранили шкурку белки, перья рябчика и тетерева, засушенную рыбу, иногда металлические пластинки с изображением животных. Дохристианские удмуртские имена нередко совпадали с названиями животных и птиц: *Дукья* — глухарь, *Юсь* — лебедь, *Юбер* — скворец, *Койык* — лось, *Гондыр* — медведь, *Жакы* — сойка и т. п.

В религиозных верованиях удмуртов сохранялись отзвуки родовых отношений. Так, имена *воршуда* — родового божества — совпадали с названиями родов. У некоторых родовых групп с понятием о *воршуде* отождествлялось представление о женском родовом божестве, что было связано с пережитками материнского рода. Каждая родовая группа в прош-

лом имела свою куалу, в которой совершались моления. Ритуальное угощение на праздниках распределялось по родовым группам. На общеродовые моления члены рода съезжались из очень отдаленных мест (до 100 км и более). При переселении части рода на другое место брали пепел из родовой куалы для закладки новой.

Большую роль в религиозных воззрениях удмуртов играл культ предков. Удмурты считали, что покойники ведут такую же жизнь в загробном мире, как и живые люди на земле. Поэтому в гроб клали различные вещи, которыми покойный пользовался при жизни: котелок, топор, нож; умершим женщинам клали иголки, нитки. С умершим зарывали в могилу также одежду и пищу: хлеб, соль, мясо, блины, самодельную водку (*кумышка*). Считалось, что члены одного рода и семьи после смерти продолжали жить вместе, поэтому умерших сородичей хоронили на родовых кладбищах, приезжих же погребали на отдельных участках. Традиция обязывала живых сородичей проявлять заботу об умерших, справляя по ним поминки на кладбище. Кроме поминок по недавно умершим, в определенные дни года — накануне некоторых праздников — устраивались общие поминки по всем умершим. Раньше в поминках принимали участие все члены определенной родовой группы, позднее их совершали уже отдельные семьи на могилах своих близких.

Пантеон удмуртских божеств отражал дуализм религиозных воззрений удмуртов. Главным добрым божеством считался *Инмар*, который, по представлениям удмуртов, живет на солнце; ему противопоставлялось злое божество *кереметь*, или *шайтан*, якобы приносящее людям вред, его надо было задабривать жертвами. Кроме главных божеств, в представлениях удмуртов существовали второстепенные божества, населяющие окружающую природу. Они верили, что в воде живет *Вумурт* (водяной), в лесу — *Нюлесмурт*. Почитали они также двух богинь — *Шунды Мумы* и *Гудыри Мумы* (матери солнца и грома).

Обрядовая сторона культа была весьма сложной. Жреческие обязанности исполнял сначала старший в роде, а с распадом рода и утверждением сельской общины должность жреца (*восьясь*) стала выборной. Со временем в связи с имущественной дифференциацией крестьян функции жрецов переходили в большинстве случаев к наиболее зажиточным. Жрецы находились в привилегированном положении: они освобождались от всех общественных повинностей, пользовались правом первоочередной общественной помощи в сельскохозяйственных работах, над ними было запрещено производить самосуд в отличие от простых членов сельской общины.

Искоренить древние верования удмуртов царскому правительству и православному духовенству не удавалось. Неоднократно выступления удмуртов, их борьба за национальную культуру принимали характер религиозных движений. Были случаи массового отказа крещеных удмуртов от православной церкви (например, во время крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева). Они скрывались в лесах, спасаясь от религиозных гонений.

К концу XIX в. все удмурты Вятской губ. формально считались исповедующими православие, фактически же у них сложился религиозный синкретизм — сочетание обрядов православной церкви и дохристианских верований. Удмурты, жившие в Пермской и Уфимской губерниях, не приняли христианства.

Часть удмуртов, живших в пограничных с современными Татарской и Башкирской республиками районах, а также бесермяне подверглись воздействию ислама, что сказалось в некоторых обрядах. Они приглашали к умершему муллу, отмечали пятницу и другие мусульманские праздники, соблюдали мусульманские посты.

Царское правительство, стремясь отвлечь народные массы России от все возраставшего революционного движения, намеренно разжигало

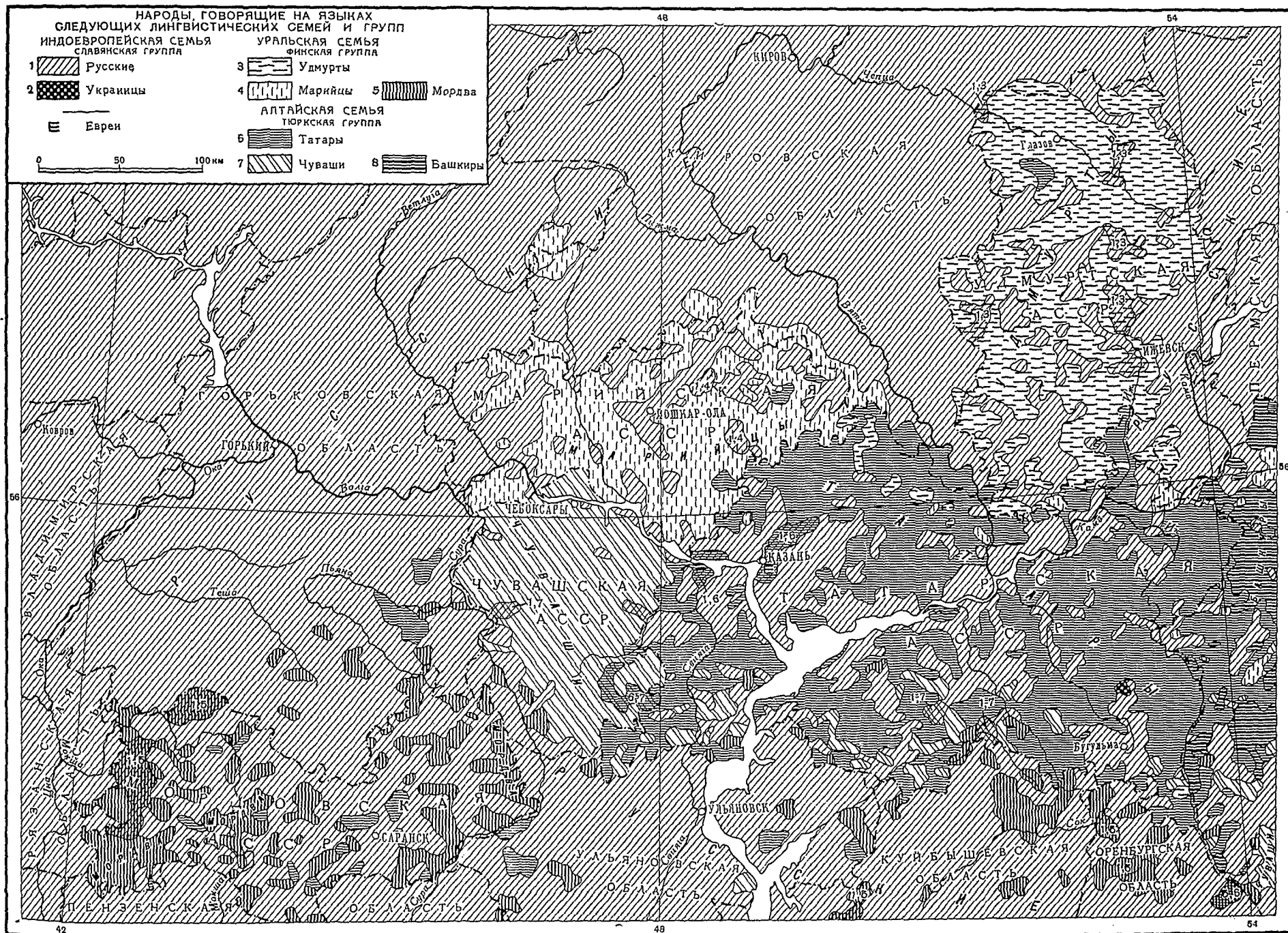
национальную рознь, прибегало к вопиющей клевете на угнетенные народы, инсценировало судебные процессы против них. Таким судебным делом, в котором бросалось обвинение целому народу, было мултанское дело, разбиравшееся с 1892 по 1896 г. Оно получило широкую известность и взволновало все передовое общество царской России. Сущность мултанского процесса заключалась в том, что 10 удмуртов из с. Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губ. обвинялись в убийстве нищего Матюнина, совершенном якобы с ритуальной целью, — для принесения в жертву, чтобы «умилостивить» богов. Дело пересматривалось три раза в глухих уездных городках царской России: Малмыже, Елабуге, Мамадыше. Подсудимые дважды приговаривались к каторжным работам и только после третьего разбирательства были оправданы. В их защите принимали участие представители передовой общественности царской России, среди них писатель В. Г. Короленко, этнографы С. К. Кузнецов и Гр. Верецагин, присяжный поверенный Н. П. Корабчевский, корреспонденты О. М. Жирнов, А. Н. Баранов и многие другие.

В начале XX в., когда в России широко развернулось руководимое большевиками рабочее движение, борьба удмуртских трудящихся вступила в новый этап. В 1904—1905 гг. в Глазове, Вятке, Ижевске, а затем в Воткинске, Сарапуле, Елабуге, Малмыже и некоторых удмуртских селах начали работу социал-демократические кружки. В 1905 г. было организовано Бюро Прикамской группы, переименованное в 1906 г. в Бюро Прикамского союза РСДРП, которое объединило социал-демократические организации Удмуртии. В октябре 1905 г. в Ижевске, Воткинске, Сарапуле, Елабуге, Малмыже и в нескольких селах были проведены политические демонстрации против лживого царского манифеста от 17 октября. В ноябре 1905 г. рабочие Ижевска избрали Совет рабочих депутатов в составе 146 человек. В революции 1905—1907 гг. принимали участие и удмуртское крестьянство и начавший складываться удмуртский рабочий класс. В с. Кай (ныне Кировская обл.), где в 1898—1899 гг. находился в ссылке Ф. Э. Дзержинский, крестьяне, обезоружив полицию, захватили власть и образовали «Кайскую республику», продержавшуюся некоторое время. В том же году крестьяне Малмыжского, Сарапульского и Глазовского уездов на собраниях и митингах требовали передачи им лесов и земель, упразднения стражников, ограничения произвола попов и выбора своих представителей в волостные, земские и другие органы без различия национальности. Крестьяне отказывались платить подати в казну и поставлять рекрутов на царскую службу. Правительство жестоко расправлялось с восставшими крестьянами.

В годы революционного подъема большевистская работа в крае значительно активизировалась. В феврале 1917 г. под руководством большевиков происходила всеобщая забастовка ижевских рабочих, охватившая все рабочее население города. Совет рабочих и солдатских депутатов был организован в Ижевске в марте 1917 г., большинство его вначале составляли меньшевики и эсеры, но в августе руководство Исполкомом Ижевского Совета перешло в руки большевиков.

27 октября (9 ноября) в Ижевске была установлена Советская власть.

На I Всероссийском рабоче-крестьянском съезде удмуртов в Елабуге (июнь 1918 г.) удмуртские трудящиеся выразили желание установить автономию в рамках Российской Федерации. При Народном комиссариате по делам национальностей был учрежден Удмуртский отдел, который вместе с партийными организациями Удмуртии приступил к созданию автономии удмуртского народа. Работа эта осложнилась в годы гражданской войны, когда территория Удмуртии стала ареной военных действий. Только в 1919 г. Красная Армия при активной поддержке удмуртского народа под руководством Коммунистической партии очистила территорию Удмуртии от мятежников и белогвардейцев. При

Народы Поволжья

разгроме колчаковских войск в боях за Сарапул, Агрыз и Ижевск действовала знаменитая 28 стрелковая дивизия под командованием В. Азина, в составе которой было немало удмуртов.

В сентябре 1919 г. в Сарапуле состоялся II Всероссийский рабоче-крестьянский съезд удмуртов, принявший решение о переводе Удмуртского отдела из Москвы в Сарапул и об организации Комиссариата для разработки вопросов удмуртской автономии. 4 ноября 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР издали декрет об образовании автономной области удмуртского народа с центром в г. Глазове; в нее вошли пять уездов Вятской губ. (без нескольких волостей). В 1921 г. областной центр был перенесен в г. Ижевск.

Первые годы существования Удмуртской (Вотской) автономной области были тяжелыми. Край истощила гражданская война. Тяжелое положение усугубила засуха, вызвавшая голод. Первые мероприятия Советской власти были направлены на восстановление хозяйства и ликвидацию последствий гражданской войны и голода. Области были ассигнованы для этого крупные денежные средства.

Самоотверженная борьба трудящихся Удмуртии под руководством Коммунистической партии и при поддержке Советского правительства к 1930-м годам увенчалась большими успехами во всех областях социалистического строительства. По всей Удмуртии успешно прошла коллективизация сельского хозяйства. К 1934 г. 81,3 % крестьянских хозяйств объединились в колхозы. Большие сдвиги произошли в области культуры. 28 декабря 1934 г. область была преобразована в Удмуртскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

С образованием республики удмурты получили новые возможности для подъема экономики и культуры. В годы предвоенных пятилеток в Удмуртской республике появились сотни новых промышленных предприятий, изменился быт колхозной деревни и городов. Сформировался национальный рабочий класс, выросли кадры удмуртской интеллигенции. В годы Великой Отечественной войны развитие промышленности Удмуртии не только не приостановилось, но стало еще более мощным. Трудящиеся Удмуртии напрягали все силы, чтобы обеспечить победу Красной Армии. Народ Удмуртской АССР принимал активное участие в борьбе против немецко-фашистских варваров не только поставками вооружения, хлеба и фуража, но и подвигами своих сыновей и дочерей. Свыше 60 тыс. воинов — уроженцев Удмуртии — за мужество, доблесть и отвагу награждены орденами и медалями Советского Союза. 79 воинов были удостоены звания Героя Советского Союза.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

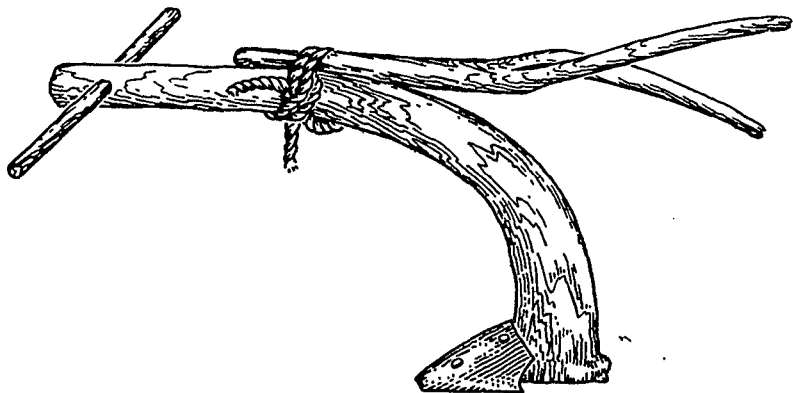
В условиях царской России Удмуртия была потребляющей областью, сельское хозяйство ее было крайне отсталым. Основная часть угодий Вятской губ. (куда целиком входила современная Удмуртия) принадлежала артиллерийскому ведомству и горным заводам. За крестьянами числилось только 24,5 % всей земли.

Крестьянское землевладение было общинным. Распределением земель ведал кенеш — совет дворохозяев сельской поземельной общины, который фактически находился в руках кулацкой верхушки. Кулачество захватывало лучшие и ближайшие к деревне земли, а основная масса удмуртского крестьянства получала разбросанные в разных полях узкие полосы. В некоторых селениях на одно хозяйство приходилось до

30 полос. В условиях отсталого полунатурального хозяйства эксплуатация кулацкими элементами батрачества и бедноты была особенно сильна. Удмурты были обеспечены землей далеко не равномерно: зажиточные хозяйства имели по 12—20 десятин, а бедняцкие и середняцкие — менее чем по 4 десятины. В удмуртских деревнях широко практиковались *испольщина*, аренда земель, займы хлеба под отработки и тому подобные способы закабаления бедноты.

Примитивная обработка почвы приводила к истощению земли, к частым неурожаям и голоду.

Удмурты надеялись магическими действиями и молениями поднять урожайность земли. Обычно моления были приурочены к определенным сельскохозяйственным работам или связывались с пробуждением природы: *гуждор* — первые проталинки, *геры поттон* — вынос сохи, *зёг*

Сабан — старинное пахотное орудие

луд дор — праздник на краю ржаного поля, *гырыны поттон*, или *гырыны кутскон* — весенний праздник начала сева, *бусы ёсь* — «напольная жертва», *выль жул* — новая каша, которую варили в день начала молотбы из ячменя первого обмолота.

В некоторых местах устраивались еще особые моления один раз в три года. Этот срок был связан с господствовавшей у удмуртов трехпольной системой земледелия: моление совершалось в тот год, когда овес сеяли в поле, прилегающем к священной роще.

Сеяли преимущественно зерновые морозоустойчивые культуры. Наиболее распространенными культурами были рожь, овес, ячмень. Пшеницы сеяли мало, только в южных районах Удмуртии (в Сарапульском и Елабужском уездах), на юге сеяли также горох, гречиху, полбу и коноплю. Огородничество играло небольшую роль. В общих посевах 1913 г. зерновые культуры занимали 93,8%, лен — 4,1, картофель — 2 и многолетние травы — 0,1%. Овощи, картофель и конопля выращивались обычно на приусадебных огородах.

Из пахотных орудий вплоть до коллективизации удмурты пользовались вятской косулей, но наряду с ней использовали соху с двумя ральниками, которая была значительно легче русской, но непригодна для глубокой вспашки. В южных районах был распространен сабан (род примитивного плуга), по устройству очень близко напоминающий старинный сабан соседних народов — татар и чувашей. Железные плуги встречались только у кулаков.

Для рыхления почвы применяли рамную борону с деревянными или железными зубьями. Удобрений было недостаточно, и уваживали главным образом ближние от деревни земли. Сеяли вручную. Жали сернами. Молотили зерно цепями, нередко без предварительной подсушки, так

как овинов у удмуртов почти не было. Размол зерна производили на ручных жерновах и водяных мельницах.

Скота у удмуртов было мало, а животноводство — малопродуктивное. Ощущался большой недостаток в пастбищах. Лучшие покосы и пастбища принадлежали казне. Скот у удмуртов был мелкий, коровы с низкой удойностью, овцы — грубошерстные. Зимой скот содержался в холодных помещениях.

Организованного выпаса скота с пастухами не было. Скот пускали в лес без присмотра, и много сил и времени уходило у населения на огораживание полей для предохранения от потрав и на розыски животных в лесу.

В более южных районах отдельные семьи занимались пчеловодством. Наряду с небольшими пасаками на усадьбах некоторые удмурты имели по несколько бортей в лесу.

Положение трудового удмуртского крестьянства и техника ведения сельского хозяйства коренным образом изменились с установлением Советской власти и особенно после победы колхозного строя. Коллективизация в Удмуртии проходила в условиях обостренной классовой борьбы трудящегося крестьянства с кулачеством. Родовые пережитки прикрывали эксплуатацию бедняков кулацкой верхушкой. Кулаки, пользуясь круговой порукой, при выполнении трудовых повинностей и уплате налогов раскладывали их на своих бедных родственников. В антисоветской деятельности удмуртские кулаки широко использовали религиозные пережитки, организуя различные моления, длившиеся по неделям, и отвлекая этим крестьян от работы в колхозах.

Большую помощь в проведении коллективизации оказывали советским и партийным органам рабочие Удмуртии. К концу 1932 г. основная масса крестьян объединилась в колхозы, и доля социалистического сектора в сельском хозяйстве превысила 75 %, а в 1937 г. коллективизацией было охвачено уже 99,2 % хозяйств.

В настоящее время удмуртские колхозы представляют собой крупные специализированные хозяйства: зерновые, льноводческие, овощеводческие, животноводческие мясо-молочного направления, свиноводческие. На полях Удмуртии работают мощные дизельные тракторы, самоходные комбайны, тракторные сеялки, сенокосилки и т. д. Все большее значение приобретает электрификация сельскохозяйственного производства; повышается агротехника возделывания сельскохозяйственных культур, увеличивается вывоз на поля органических и минеральных удобрений, проводится известкование подзолистых почв.

Из зерновых культур наибольшее значение имеет рожь. Возросли посевы гречихи. Большое внимание уделяется кормовым культурам. Вырос удельный вес и технических культур; основная из них — лен-долгунец.

Увеличилось, в особенности за последние годы, производство картофеля, который используется не только для продовольственных целей, но и как кормовая и техническая культура.

Овощеводство особенно развито в колхозах, расположенных в пригородных районах. Выращивают капусту, свеклу, лук, морковь, огурцы, помидоры. Несколько отстает развитие садоводства.

Из отраслей животноводства преобладают разведение молочного скота и свиноводство, менее развиты овцеводство и птицеводство. В некоторых колхозах и совхозах занимаются кролиководством. В республике имеются звероводческие фермы, где разводят серебристо-черных лисиц и норок. В южной части Удмуртии получило развитие пасечное пчеловодство.

Совхозы и колхозы республики обеспечены высококвалифицированными кадрами специалистов сельского хозяйства с высшим и средним

Подборка валков ржи. Колхоз им. Кирова Ижевский район. 1961 г.

специальным образованием — инженерами, агрономами, зоотехниками, ветеринарами.

Колхозники и рабочие совхозов систематически повышают свои специальные знания в агрономических кружках, школах механизации и т. д. Растет производительность труда в сельском хозяйстве Удмуртии, а вместе с ней растут доходы колхозов и колхозников. С переходом во многих сельскохозяйственных артелях республики на денежную оплату труда еще более возросло материальное благосостояние колхозного крестьянства Удмуртии; в новых условиях открылась большая возможность удовлетворения их культурно-бытовых запросов.

Домашнее
производство
и промыслы

Из отраслей домашнего производства наиболее распространенными были прядение и ткачество. При обработке льна и конопли на волокно стебли мяли на корневой мялке (сделанной из древесных корней), трепали деревянными трепалами, расчесывали самодельными чесалками из щетины или дерева с железными зубьями. Разматывали пряжу на лубяных и деревянных барабанах (вьюшках) и воробах, представлявших собой две вращающиеся крестовины на деревянном основании. Сновали пряжу по стене, у некоторых имелись деревянные сновалки.

В южных районах Удмуртии еще в 1940-х годах пользовались простейшим типом ткацкого стана — трехножковым, без навоя и рамы, с основой, заплетенной в косу. В северных районах был распространен более усовершенствованный стан русского типа — «кросны», с неподвижной рамой и двумя навоями — передним и задним для наматывания готового холста и основы.

Удмуртские женщины — искусные ткачихи. Они знают разнообразные и очень сложные приемы тканья. Ткут белый холст и пестрядь. Для отделки костюма, головных уборов, фартуков, скатертей вырабатывают браные узоры из яркой разноцветной шерсти. Знакомо удмуртам и много-

Уборка льна льнотеребилкой и разборка льна в бабки. Колхоз «Россия», Глазовский район. 1956 г.

ремизное ткачество. Кроме льняных и посконных тканей, удмуртки изготавливают и различные сукна.

В настоящее время в некоторых районах Удмуртской АССР организованы ткацкие мастерские. В них пользуются более усовершенствованными орудиями.

Так же широко было распространено изготовление веревок. Почти в каждой семье имелась самодельная машина (*гозы*) для витья веревок. Плели веревки и на руках.

В XIX — начале XX в. особым видом домашнего производства было изготовление мужских валяных шляп. Теперь этого производства уже нет. Несколько дольше, вплоть до 1930-х годов, оно сохранялось в южных районах Удмуртии. На территории Удмуртской АССР организована сеть пимокатных мастерских, где многие процессы — разбивание, чесание шерсти и другие — теперь механизированы.

Издавна на территории Удмуртии было широко развито кожевенно-обувное производство. Небольшие предприятия по выделке кожи были разбросаны в дореволюционное время по крупным населенным пунктам, особенно много их было в Глазове, Воткинске, Ижевске. Наиболее распространено кожевенно-обувное производство было в Сарапульском уезде, где в конце прошлого столетия насчитывалось до 2 тыс. кустарей. Теперь на базе старых кустарных производств в Сарапуле созданы крупные предприятия кожевенной и обувной промышленности.

Гончарство не было широко распространено у удмуртов. После коллективизации в некоторых колхозах были организованы промысловые артели гончаров. Однако техника гончарного производства оставалась еще очень низкой. Гончары пользовались зачастую ручным гончарным кругом. Терминология орудий гончарного производства у удмуртов русская.

В настоящее время получило развитие кирпичное производство. Добывается известь, разрабатываются карьеры бутового камня, песка и гравия.

Из лесных промыслов следует отметить гонку смолы и жжение угля. Эти производства относятся к древним занятиям населения лесной северо-восточной части Европы.

В 1902 г. в Вятской губ. насчитывалось до 2 тыс. смолокуров и дегтярников. Смолу гнали самым простым ямным способом. Несколько родственных семей пользовались обычно одним общим котлом и одной ямой. В конце XIX в. в смолокурении произошли некоторые изменения. Выгонка смолы и дегтя стала производиться на мелких кустарных предприятиях. Старый ямный и корчажный способы получения смолы и дегтя продолжали сохраняться лишь в наиболее глухих районах. Так как оборудование самого примитивного смолокуренного завода требовало средств, то естественно, что «заводы» эти принадлежали наиболее сильной в экономическом отношении кулацкой верхушке. В наше время на территории Удмуртии — разветвленная сеть лесохимических заводов по выработке дегтя, скипидара, сбору живицы (смолы) и т. д.

Из деревообделочных производств в дореволюционное время было развито изготовление ложек, берестяных тесов, корыг, чашек, а также средств передвижения — саней, колес, телег и т. п. В настоящее время деревянную посуду почти перестали изготавливать, но отдельные специалисты продолжают заниматься выделкой колес, саней и различного хозяйственного инвентаря (лопат, дуг, корыт и т. п.) для нужд колхозов.

Помимо различных домашних и кустарных производств, у удмуртов были развиты охотничий и рыболовный промыслы.

Охота была известна удмуртам с глубокой древности. Охотились на белку, горностая, лисицу, зайца, куницу, норку. Способы лова были разнообразные: с ружьем и собакой, при помощи капканов, ловушек. На птиц ставили силки, волосяные и металлические петли. Иногда устраивали облавы не только на крупных зверей (волков и других), но и на зайцев, которых загоняли в сети. В древности охотились с луком и стрелами.

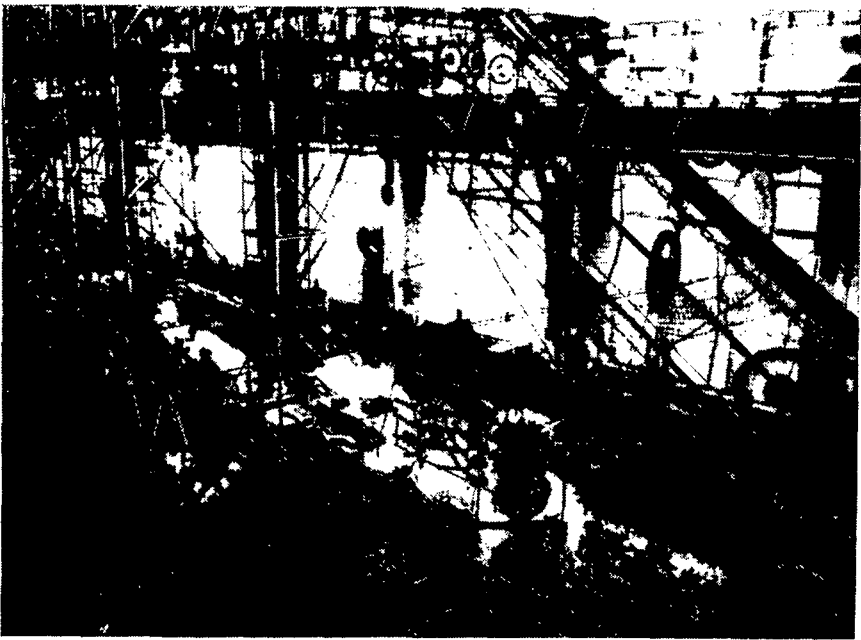
Некоторое значение в экономике Удмуртии охота сохраняет и теперь. До революции охотничье-промысловые ресурсы хищнически истреблялись, теперь они восстанавливаются. Экспорт пушнины приносит значительный доход. Помимо пушнины, охота на зверей и птиц дает ежегодно несколько десятков тонн мяса.

Население, живущее по берегам рек и озер, занимается рыболовством. Колхозники обычно ловят рыбу в свободное от полевых работ время. Орудиями лова служат сети, «морды», устраиваются искусственные запоры. Лов рыбы производится и государственными организациями. Рыболовство приносит некоторый доход государству и увеличивает производственные ресурсы населения.

Промышленность Великая Октябрьская социалистическая революция открыла огромные возможности для развития промышленности Удмуртии. Достаточно сказать, что за 40 лет Советской власти в республике введено в действие 1250 промышленных предприятий против 93 предприятий, построенных в течение 160 лет до революции. Объем производства валовой продукции промышленности по сравнению с 1913 г. в 1960 г. вырос в 173 раза. Продукция промышленности Удмуртской АССР экспортируется в 28 зарубежных стран. Ныне Удмуртия — одна из индустриально-аграрных республик СССР.

Главные отрасли промышленности республики — металлургия, машиностроение и металлообработка, лесозаготовки, деревообработка, лесохимия и топливно-энергетическое хозяйство.

Металлургическая промышленность Удмуртии относится к наиболее старым отраслям. Продукцию ижевских и воткинских заводов знают далеко за пределами республики. Ижевский завод выплавляет более 100 различных марок сталей, а также электросталь, изготавливает около сотни

Ижевский машиностроительный завод. Сборка мотоциклов
на главном конвейере

профилей проката, выпускает специальные сорта стальной ленты, проволоки, свыше 200 наименований напильников. В республике выросли замечательные кадры сталеваров, прокатчиков, кузнецов, литейщиков, в их числе и удмурты. Напомним, что до революции число удмуртов, занятых в промышленности, было крайне невелико и их чаще всего использовали на подсобных работах, наиболее плохо оплачиваемых.

Машиностроение и металлообработка дают почти половину общего объема выпускаемой промышленной продукции. В республике работают крупные машиностроительные заводы — Ижевский, Воткинский, им. Ф. Э. Дзержинского, им. Серго Орджоникидзе и др.

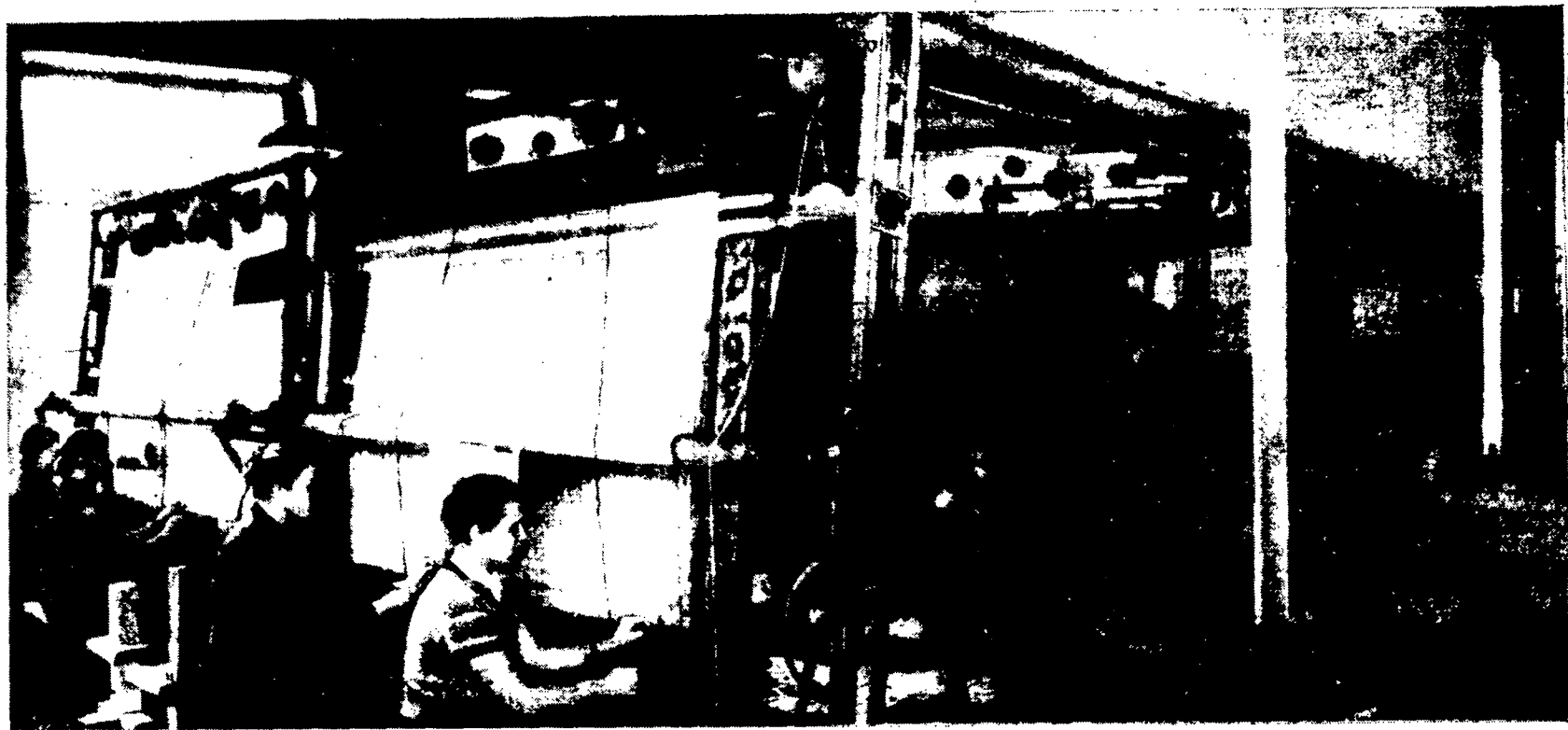
Продукция их разнообразна, например Ижевский машиностроительный завод выпускает мотоциклы. Предприятия республики производят оборудование для металлообрабатывающей, нефтяной, горной, лесной и строительной промышленности.

Ижевск известен и как старый центр производства охотничьих ружей. Еще в 1867 г. заводчик Петров построил в Ижевске первую фабрику. За годы Советской власти производство охотничьих ружей сильно возросло. Ежегодно сотни тысяч ижевских охотничьих ружей расходятся по нашей стране и за ее пределами. Ижевские ружья покупают Болгария, США, Югославия, Польша, Швеция и другие страны.

С 1928 г. в Ижевске началось производство мотоциклов. Первый ижевский мотоцикл был и первым советским. В настоящее время ижевские мотоциклы можно встретить не только в нашей стране, но и на дорогах Финляндии, Румынии, Болгарии, Венгрии и других стран. По выпуску мотоциклов Удмуртия занимает первое место в СССР.

Выпускаемая заводом им. Серго Орджоникидзе радиоло «Комета» на Всемирной выставке в Брюсселе была удостоена золотой медали.

Огромное значение в хозяйстве Удмуртской АССР имеет электроэнергия. Число электростанций все время возрастает. До 1917 г. работали лишь небольшие электростанции при Воткинском и Ижевском заводах.

В ковровом цехе. Город Ижевск

В 1933 г. в строй вступила Ижевская ТЭЦ, затем были пущены электростанции в Сарапуле, Глазове и других городах. В развитии электрификации республики огромная роль принадлежит недавно пущенной Воткинской ГЭС мощностью в 1 млн. квт.

Широкое развитие в республике получила лесозаготовительная промышленность, которая дает $\frac{1}{10}$ промышленной продукции Удмуртии. Созданы крупные лесные хозяйства, оснащенные передовой техникой, проведены широко- и узкоколейные лесовозные железные дороги. Изменились и условия работы в лесу. Раньше в лесной промышленности использовали в основном только сезонных рабочих, теперь созданы постоянные кадры, хорошо овладевшие техникой производства. В результате роста механизации и организации комплексных бригад повысилась производительность труда.

Выросла и деревообрабатывающая промышленность, возникающая только в советское время. Изделия ее представлены стандартными домами, строительными деталями, мебелью, корпусами для пианино, радиоприемников и радиол, различной деревянной утварью и т. п.

Отходы лесозаготовок используют в качестве сырья и топлива: часть их идет на газификацию (сучья, верхушки), другая часть (кора ели, ивы, дуба) — на приготовление экстрактов, необходимых для дубления кожи.

Заново перестроены старые отрасли легкой промышленности. Реконструированы стекольные заводы, возникла фабрично-заводская, льнообрабатывающая и швейная промышленность, расширилось кожевенно-обувное производство. Создано производство ковров.

Значительное развитие получили различные отрасли пищевой промышленности.

Как в лесообрабатывающей, так и в легкой и пищевой промышленности среди рабочих и инженерно-технического персонала много удмуртов; численность национальных кадров с каждым годом возрастает.

Пути сообщения
и средства
передвижения

В дореволюционное время территория Удмуртии была крайне слабо обеспечена путями сообщения. Единственной железной дорогой государственного значения была Пермская, но и она проходила лишь по северным районам и была удалена от основных промышленных центров Удмуртии. Только в 1916 г. была построена Казанская железная дорога, однако северные районы по-прежнему продолжали оставаться разобщенными с центром и южными районами.

Сеть грунтовых дорог также была развита очень слабо. Из существовавших в Удмуртии нескольких трактов наилучшим считался Сибирский, однако он мало отличался от обычных проселочных дорог в дореволюционной России. Не в лучшем состоянии находились и другие тракты: Сарапул — Елабуга, Ижевск — Чепца.

Основным транспортным животным у удмуртов была лошадь. Летом пользовались четырехколесной либо двухколесной телегой с коробом из луба и досок. В город и на базар ездили на тарантасе со сплетенным из прутьев кузовом. Снопы и сено перевозили на двухколесной телеге с деревянной рамой, а бревна — волокушей.

В зимнее время основным средством передвижения служили санирозвальни и дровни (*пу-дбды*). Средства передвижения, за редким исключением, были местного изготовления.

Для переноски клади использовали гнутые из луба и бересты кузова, а также кошель, плетенные из узких полос лыка или бересты, либо холщовые сумки с лямками для ношения их на спине.

Грудных детей женщины носили также за спиной в колыбели *кёкы*, имевшей вид лубяного короба прямоугольной или овальной формы. Колыбель подвешивалась за плечами на холщовых лямках.

Способ ношения колыбели «кокы» удмуртками в прошлом. Село Нижние Юри Ижевского района

Одновременно с ростом промышленности и сельского хозяйства идет развитие путей сообщения. По Удмуртии проходят крупные железнодорожные магистрали: Казанская (в 1961 г. объединенная с Горьковской) и Свердловская. Горьковская дорога является транзитной магистралью общегосударственного значения и играет крупную роль в экономике республики. Через Горьковскую железную дорогу столица Удмуртии связана с Москвой, Уралом и Сибирью. Железная дорога связывает центры республики с мощной водной магистралью — р. Камой. По Горьковской дороге перевозится большая часть грузов и основные потоки пассажиров. Построенная в 1942—1944 гг. новая железнодорожная линия Ижевск — Балезино соединила Казанскую и Пермскую линии. Эта дорога обеспечивает кратчайшую связь Северного Урала с районами Поволжья и Юга. Развито в Удмуртии и пригородное сообщение. Построено много ведомственных узкоколейных дорог.

Главная водная магистраль республики — Кама. Пассажирское движение и поток грузов по ней ежегодно возрастают. Крупные пристани — Сарапул, Бутыш, Галево, Гольяны, Каракулино. Другие реки Удмуртии — Лоза, Чепца, Кильмезь — используются для сплава. По этим рекам раньше плавали на долбленых лодках, на плотах, переправлялись на пароме. Теперь наряду с весельными широко распространены моторные лодки и мелководные катера.

Интенсивно развернулось и дорожное строительство. Значительная часть перевозок осуществляется по автогужевым дорогам. В Удмуртии пересекаются две автомобильные дороги общегосударственного значения: Ижевск — Якшур — Бодья — Игра — Балезино — Глазов и Сибирский тракт. Много в республике и местных дорог. Из них наиболее важны связывающие Ижевск с Воткинском, Малой Пургой, Можгой, Сарапулом, а также Сарапул с Воткинском, Глазов с Красногорьем и др.

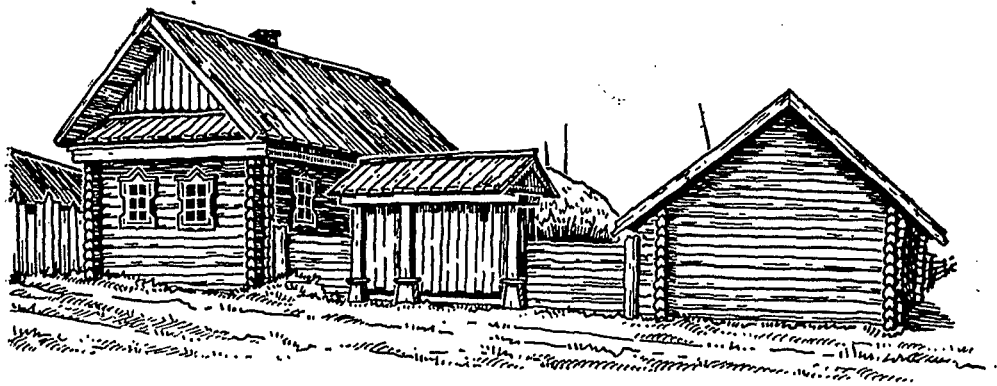
Все большее значение в республике приобретает воздушный транспорт. Через Удмуртскую АССР проходят авиалинии как всесоюзного значения, так и внутреспубликанские.

Большая часть удмуртов живет в деревнях. По данным переписи 1959 г., сельское население составляет 55% всего населения республики. Удмуртские деревни различны по своему размеру и планировке. Преобладают селения в 70—100 дворов. За последние годы особенно выросли районные центры, появилось много новых рабочих поселков.

Старые удмуртские селения расположены обычно по берегам небольших рек или вблизи ключей. В планировке селений прослеживаются два основных типа: разбросанный и уличный.

Поселки первого типа представляют собой беспорядочную группу отдельных замкнутых дворов, внутри которых расположены жилые дома и хозяйственные постройки. Один двор отделен от другого полем или лугом.

Поселения
и жилище

Дом колхозника в с. Нижние Юри. Ижевский район

Уличный, или порядковый, тип застройки более поздний. В таких селениях усадьбы размещены по определенному плану, чаще всего двумя вытянутыми рядами по сторонам дороги. По сохранившимся названиям участков и концов деревни можно представить себе расселение в прошлом отдельных родственных групп. Еще в начале XX в. родственники селились рядом, группируясь по отдельным участкам или концам, носившим имя родоначальника или главы данной родственной группы.

С разложением патриархально-родовой общины происходило выделение ее членов, перебиравшихся на новые места жительства, однако единство происхождения еще долгое время осознавалось. Поэтому в Удмуртии встречаются деревни, расположенные поблизости одна от другой, в названиях которых входит одно и то же родовое имя. Так, например, вокруг с. Норья группируются селения: Вишур Норья, Лудзи Норья, Коровай Норья, Кулай Норья, Сизящур Норья и т. д. Или возле с. Можга: Квадашур Можга, Пуру Можга, Бодино Можга. Часто современные деревни размещены вблизи древних городищ (*кар*) — Донды-Кар, Гурья-Кар и др.

В расположении жилого дома и построек на усадьбе тоже можно различать два основных типа застройки. Наиболее распространен первый тип, когда надворные строения поставлены замкнутым четырехугольником. По одну сторону ворот стоит амбар (*кенос*), по другую — изба (*корка*), обращенная фасадом к улице. За амбаром размещаются погреб и сарай для дров, иногда здесь же находится и баня. В глубине двора под навесом расположен хлев, который под прямым углом соединяется со вторым амбаром, стоящим за избой; если второго амбара нет, то навес примыкает непосредственно к дому. Таким образом получается открытый двор, со всех сторон окруженный постройками. Такой тип застройки двора называется покоеобразным. Он весьма характерен для Среднего Поволжья, верхнего и среднего Прикамья, бассейна Вятки. Он типичен как для русских, так и для татар, чувашей, мари, удмуртов и других народов, населяющих этот край.

При втором типе застройки изба располагается в середине открытого двора, а надворные строения группируются без всякого плана вокруг избы. Этот тип застройки встречается в настоящее время значительно реже, главным образом в южных районах республики, и является, по всей вероятности, более древним.

Встречаются и усадьбы, имеющие в центре обширного двора несколько изб, принадлежащих родственникам.

Жилищем удмуртов является изба (*корка*), довольно высокая бревенчатая постройка с двускатной, реже с трех- и четырехскатной шатровой крышей и тремя-четырьмя окнами. Сзади избы находятся сени (*корказь*).

Большая глинобитная русская печь (*гур*) на деревянном основании помещается обычно налево или направо от входа. Устье печи обращено к окнам фасадной стены. Красный угол находится против входной двери по диагонали от печи. Такую планировку принято называть среднерусской или севернорусской. При такой планировке в современных удмуртских избах печь с прилегающим к ней углом избы почти всегда отделяется занавеской или дощатой перегородкой с входом, иногда закрывающимся дверью.

Местами как более поздняя встречается и западнорусская планировка, при которой печь стоит также при входе, но обращена устьем к окнам в боковой стене дома, выходящей во двор. Иногда печь ставят посредине и перегородками делят избу на несколько частей.

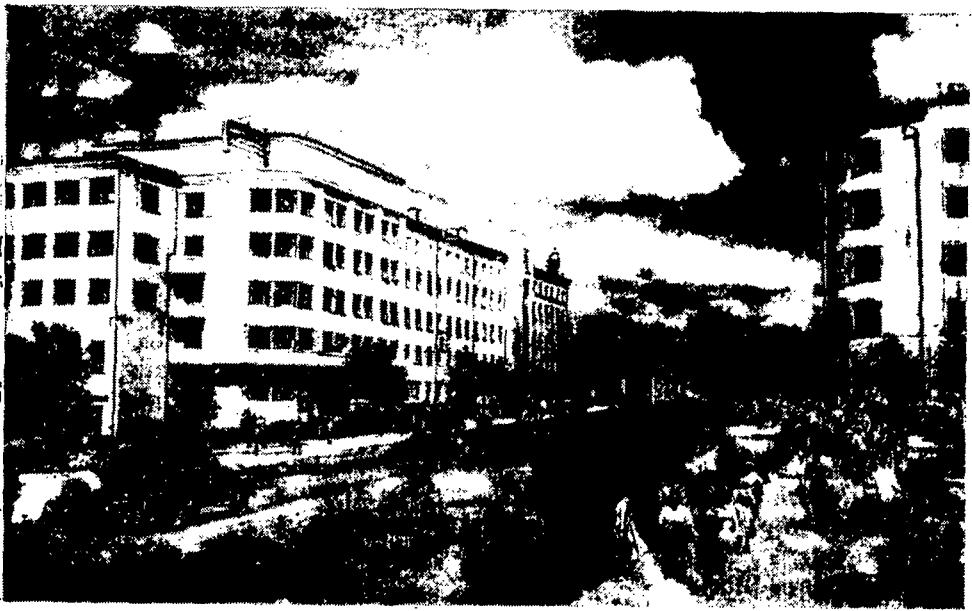
В южных районах республики к русской печи примыкает подтопок со вмазанным в него котлом. В нем кипятят воду, молоко, варят пищу. Такие подтопки типичны для жилищ татар, башкир и для населения степных районов Средней Азии и Казахстана. В центральных и северных районах Удмуртской АССР, население которых издавна живет совместно с русскими, пищу готовят в русской печи и только в летнее время, когда русскую печь не топят, пищу готовят в особой нише на шестке в котле, подвешенном над очагом или поставленном на таган.

Для удмуртской избы южных районов в прошлом были характерны нары (*бадым эус*) с деревянным изголовьем для подушки (*йыразьпу*). Нары устраивали направо от входа или против двери у передней стены; кое-где нары сохраняются и теперь. В избах более северных районов Удмуртии нар не делали, а спали на полатах и деревянных кроватях. По стенам избы, где не было нар, пристраивали лавки (*эус*), а над ними прибавляли полки (*жсанжы*). В переднем углу стоял стол (*жсёк*). От печи к стене шли две жерди (*сюри*) для подвешивания колыбели и сушки одежды. Около печи находился вход в подполье. Непременно в избе были шкафы для посуды (*камот*), специальное приспособление для тарелок (*тусьты тырон*) и плетеная ивовая корзинка для ложек (*пуньы возён*).

По внутренней планировке и некоторым характерным особенностям обстановки (тип печи, нары с одной стороны и полаты с другой) можно различать два типа удмуртского традиционного жилища. Одно из них ближе к татарской культуре и распространено в южных районах республики, а также среди удмуртов, живущих в Татарской и Башкирской АССР. Жилище второго типа характерно для северных районов Удмуртии, оно ближе к жилищу соседнего русского населения.

В настоящее время лавки, полки, нары и полаты сохраняются чаще всего в кухне и используются для хранения утвари. Новые дома удмуртов — просторные и светлые, в них по четыре-пять окон и по две-три комнаты. Крыши тесовые. Деревянная резьба, украшающая дом снаружи, обогатилась новой тематикой — часто встречаются изображения советского герба, пятиконечной звезды. Изменилась внутренняя обстановка жилища. Почти в каждом доме кровати, платяные и книжные шкафы, стулья, зеркала, радиоприемодуكتورы и приемники, телевизоры. Стены оклеивают обоями, полы красят. От прошлого сохраняется традиция украшать стены коврами и ткаными полотенцами. В домах очень чисто, на окнах кружевные и тюлевые занавески, цветы; такой вид имели раньше лишь дома зажиточных удмуртов.

Амбар (кенос) представляет собой бревенчатое здание с тесовой двускатной крышей и двумя-тремя небольшими волоковыми окнами. Встречаются одноэтажные и двухэтажные амбары. В двухэтажных амбарах нижнее помещение используется как склад для сельскохозяйственных продуктов, а верхнее служит летней спальней и местом хранения одежды. Внутри кенос в прошлом был разделен на несколько камер перегородками или холщовыми полами (*ын*). Количество отделений зависело

Город Ижевск. Улица Горького

от числа брачных пар в семье, которым отводилось в кенесе место для кроватей и хранения одежды.

Более зажиточные семьи раньше для каждой брачной пары строили отдельный кенос, так что в одном дворе иногда стояло два-три кеноса и даже больше. По назначению аналогичны кеносу — «куда» марийцев и клеть у славян и народов Прибалтики.

Женщина являлась полной хозяйкой в кенесе. Здесь хранились принадлежности пряденья и шитья, устраивалась *веме* — «помочь» при шитье приданого. Во время свадебных обрядов в кенесе переодевали невесту в одежду замужней женщины, здесь же проводили молодые первую брачную ночь. Взрослая девушка имела в кенесе определенное место за отдельным пологом. Этот полог был ее приданым, она его богато расшивала, украшала лентами, тесьмой, нередко пришивала к нему серебряные кольца и серьги.

Почти у каждой удмуртской семьи имеется баня (*мунчо*) — отдельная или построенная вместе с соседями. Баню ставят на огороде, иногда во дворе или выносят за пределы усадьбы поближе к ручью. Раньше баня представляла собой низкий сруб с небольшим волоковым окошком; к срубам примыкал предбанник, огороженный жердями. Отапливалась баня печью-каменной, внутри помещения стояла кадка для холодной воды, к стене был пристроен полоч для мытья и прибит лавка. В настоящее время большинство удмуртских бань топится по-белому. Они стали просторнее, выше, с большим окном.

Кроме описанных построек, во дворе удмуртского колхозника имеются хлев с сеновалом, свиарник, сарай для дров и различных хозяйственных предметов. В старых дворах еще сохраняются конюшни.

Вплоть до 1930-х годов на усадьбе у многих крестьян-удмуртов, особенно в центральных и южных районах республики, можно было встретить специальную культовую постройку куала (или *куа*). Это небольшой сруб размером 3,5 × 3,5 или 4 × 4 м, с двускатной крышей и земляным полом. Скаты крыши на гребне не соприкасались, и щели пропускали дым и свет. Окна и потолок отсутствовали. Посередине на земляном полу был устроен очаг; над очагом висел на цепи или крюке котел, в котором в ста-

рину варили жертвенное мясо. Вдоль стен тянулись лавки, а в одном из передних углов стоял стол. Над столом висела полочка, на которой лежали кости и перья птиц, жертвенных животных, тут же стоял и воршуд. В куале совершались семейные моления. В древности такого типа постройка, как куала, вероятно, служила жилищем удмуртов. В настоящее время куала, если она у кого и сохранилась, используется только как летняя кухня или подсобное хозяйственное помещение.

В послевоенные годы в колхозах Удмуртии широко развернулось строительство общественных зданий хозяйственного и культурного назначения, а также жилых домов для колхозников. В наиболее крупных деревнях теперь имеются школы, медпункты, почтовые отделения, продовольственные и промтоварные магазины, библиотеки, клубы, во многих деревнях работают детские сады и ясли. Повсюду в селениях много зелени, колхозники разбивают палисадники, сажают на усадьбах фруктовые деревья — яблони, груши, а также кусты малины, смородины.

За годы Советской власти значительно увеличилось городское население. Удельный вес его возрос с 13% в 1926 г. до 45% в 1959 г., т. е. в 3,5 раза. В дореволюционное время удмурты почти не жили в городах, теперь в среде сельского удмуртского населения наблюдается большая тяга в город — поступают на работу, идут учиться и переселяются на постоянное жительство. Неузнаваемо изменились города Ижевск, Сарапул, Глазов, Воткинск, Можга, Камбарка.

Столица республики г. Ижевск превратилась в крупный культурный и индустриальный центр с населением около 300 тыс. человек. В городе имеются: Удмуртский научно-исследовательский институт экономики, истории, языка и литературы, Институт усовершенствования учителей, филиал Института технического обучения при Министерстве коммунального хозяйства РСФСР, четыре высших и много средних специальных учебных заведений, три театра, несколько кинотеатров, цирк, клубы, библиотеки и другие культурно-просветительные учреждения. В советском Ижевске выросли кварталы многоэтажных каменных домов, работают предприятия бытового обслуживания. В городе много больниц, поликлиник. Новые асфальтированные улицы, тротуары, благоустроенные дороги и трамвайные линии перерезают город во всех направлениях. Развито автобусное движение. Проведены большие работы по озеленению города. В садах и скверах посажены сотни деревьев и декоративных кустарников, благоустроена плотина ижевского пруда.

Сарапул — в прошлом типичный уездный город — за годы Советской власти вырос в крупный центр по выпуску радиоаппаратуры и электрооборудования. В городе работает драматический театр, имеются средние специальные учебные заведения. С каждым годом город все больше благоустраивается, озеленяется. Растут кварталы новых жилых домов.

Крупным центром машиностроительной промышленности стал г. Воткинск — родина великого русского композитора П. И. Чайковского.

Один из старейших городов Удмуртии Глазов до 1917 г. был только торговым и уездным административным центром. В. Г. Короленко, который был сослан в Глазов в 1879 г., в очерке «Ненастоящий город» писал о нем: «Типичный городок северо-востока. Два-три каменных здания, остальное все деревянное. В центре — полукруглая площадь, лавки, навесы, старенькая церковка... и рядом огромное недостроенное здание нового храма, окруженное деревянными лесами... Подальше от центра домишки окраины подходят к ельнику, сосняку, которые, вырастая вверх по реке, становятся спокойным дремучим бором... И ничего, что должно быть в настоящем городе: ни фабрик, ни заводов, ни всего, что росло бы само собою, устанавливая живой обмен с деревней».

После Октябрьской революции в Глазове развернулось большое строительство, город стал промышленным и культурным центром северной

части Удмуртии, в нем насчитывается 59 тыс. жителей. В Глазове свыше 20 промышленных предприятий — мебельная фабрика, кирпичный завод, лесозавод, паромеханический маслозавод, мясокомбинат и др. Помимо общеобразовательных начальных и средних школ в городе имеются педагогический институт им. В. Г. Короленко, сельскохозяйственный техникум, медицинское училище, детская музыкальная школа. В Глазове несколько кинотеатров, стадион, парк, строятся новые благоустроенные дома.

В пище удмуртов наблюдается сочетание степных скотоводческих традиций с обычаями земледельца — жителя лесной полосы северовостока Европы.

Пища

Основой питания удмуртов является хлеб (*нянь*) из ржаной или пшеничной муки, раньше его пекли большей частью из ячменной муки с примесью различных суррогатов. Разнообразны традиционные хлебные изделия удмуртов: лепешки (*табань*), пресные ватрушки с начинкой из рубленого мяса, яиц и лука (*перепеч*), пироги со всевозможной начинкой (*жуа-самьянь*), блины (*мыльым*) и т. п. Варят различные каши (*жуя*) — ячневую, пшеничную и другие, приправляя их маслом или салом.

Подобно соседним народам — татарам, казахам и башкирам — удмурты широко пользуются мукой для приправы различных жидких блюд. Например, они готовят толокно, которое едят разведенное квасом, водой или кислым молоком, делают пельмени с начинкой из картофеля и мяса, варят своеобразную лапшу — *нугыли*, приготовляемую из кислого теста.

Из горячих жидких блюд распространена похлебка *шyd* с крупой и горохом.

Молочная пища, которая в дореволюционное время занимала незначительное место в питании удмуртской семьи, теперь с развитием животноводства получила большое распространение. Масло, сметана, творог стали каждодневными продуктами питания колхозника-удмурта. Обычным продуктом стало и мясо, которое, как и молоко, раньше было лакомством. В силу старых охотничьих традиций для удмуртов привычно употребление в пищу мяса лесных диких животных и птиц.

С развитием огородничества большое значение в питании удмуртов приобрели картофель и овощи: лук, капуста, огурцы, помидоры.

В качестве напитков распространены чай, кофе, подслащенная медом вода (*шербет*) и квас (*сюкас*); по праздникам пьют домашнее пиво (*сур*).

В наше время многие удмуртские колхозы имеют общественные хлебопекарни и столовые. В сельских и районных магазинах колхозники покупают сахар, кондитерские и макаронные изделия, крупы и т. п.

Одежда

Одежда удмуртов в прошлом была почти исключительно домашнего производства. Шили ее из белого холста, пестряди и сукон. Изготовлением тканей занимались женщины. Белый холст во второй половине XIX в. стал вытесняться пестрядью, и белая одежда уже в 1930-х годах встречалась редко, в основном у старшего поколения.

Мужской удмуртский костюм утратил национальную специфику значительно раньше, чем женский, и уже в XVIII в. почти не отличался от одежды русских крестьян. Он состоял из рубахи (*дэрэм*), сшитой из домотканой пестряди, а позднее из фабричной ткани, и штанов (*эрезь*) из синего холста или сукна. Рубаха была туникообразного покроя с невысоким стоячим воротником и разрезом на правой стороне груди, длиной 60—70 см. Ее носили поверх штанов и подпоясывали плетеным или кожаным поясом. Старики носили на поясе кожаную сумочку *тылдурсы*, в которой хранили огниво и трут, а впоследствии спички. У удмуртов южных районов туникообразная рубаха была значительно длиннее (85—90 см) и

шире, с разрезом посередине груди, отложным воротником и завязками вместо пуговиц. Такую рубаху носили поверх штанов, без пояса. Этот тип рубахи сближается со старинной рубахой башкир и татар.

Мужские штаны северных и южных удмуртов были несколько различны по покрою. В центральных и северных районах Удмуртии штанины шивали из перегнутых по продольной нитке холстин, вставляя между ними два треугольника. Верхний край штанов загибали и продевали шнурок, которым штаны удерживались на талии. Позднее штаны стали делать на обшивке, с карманами, разрезом спереди и застежкой на пуговицах. В южных районах Удмуртии штаны шили с широким шагом, как у казахов, башкир и татар. Их носили низко под животом, прикрывая длинной рубахой.

Летней верхней одеждой служил белый холщовый халат (*шортдэрем*), но более распространен был зипун — отрезной в талии суконный кафтан (*сукман*, *дукес*); его подпоясывали ремнем.

Зимой мужчины носили дубленые полушубки, нередко крытые сукном, а отправляясь в дорогу, надевали азиям — длинную широкую одежду из домашнего полусукна с большим запахом. Аналогичная дорожная одежда бытовала и у соседнего русского населения. В наши дни удмурты носят одежду из фабричных тканей и очень часто покупают готовую.

Главным убором мужчин служила раньше валяная шляпа кустарного изготовления, теперь носят фетровые фабричные шляпы и кеши. Зимой ходят в мерлушковых и бараньих шапках-ушанках.

В прошлом широко была распространена плетеная лыковая обувь. Удмуртские лапти отличались по форме и плетению от русских, они значительно легче, в особенности женские. Их плели на разных колодах (для правой и левой ноги), с остроконечным носком и прямым переплетением лык в верхней части носка, который на женских лаптях украшали полосками жести или клеенки. На каждой стороне удмуртского лаптя, как и русского, имелись лыковые петли, в которые пропускались лыковые или шерстяные оборы. Теперь в лаптях никто не ходит. Все удмурты носят фабричную обувь — сапоги, ботинки и т. п.

Женщины в качестве верхнего платья и нагельной одежды носили рубаху (*дэрем*), существенно различавшуюся по покрою и материалу в разных районах. У северных удмурток и бесермянок еще недавно (в XIX — первой четверти XX в.) бытовали рубахи из белого холста, туникообразного покроя, с вышивкой. Теперь женщины средних лет носят платье из фабричной ткани, но покрой его часто остается традиционным. Многие пожилые удмуртки продолжают носить рубаху на кокетке; верхнюю часть ее делают из ситца, а нижнюю из более грубого цветного холста. Старухи-бесермянки еще сохраняют иногда белую рубаху.

В южных районах рубаху шили из домотканой цветной пестряди (*алача*); по покрою она отличалась от бытовавшей в северных районах. Здесь рубаха была значительно шире в подоле, бока ее состояли из четырех более коротких скошенных кусков холста, сшитых попарно. Рукава — прямые, длинные. Под рукавами вшивали квадратные ластовицы. Воротник — стоячий, застегивался на пуговицу или на крючок. Нагрудный разрез обшивали полосками цветного ситца, тесьмой или кружевами. Под рубахой женщина носила нагрудник (*кыжрак*), сшитый из кусков разноцветного ситца или бархата. Подол рубахи заканчивался одной или двумя оборками. Такие рубахи-платья, сшитые из фабричной ткани, носят и теперь. Молодые удмуртки шьют платья из ситца и сатина, сохраняя старые традиции в отделке, применяя много цветных нашивок, лент, оборок.

Под рубахой удмуртки южных районов носили штаны, по покрою аналогичные мужским. На севере удмуртские женщины штанов не носили. В настоящее время повсеместное распространение получило мужское и женское нижнее белье, которого раньше у удмуртов не было.

Девушки удмуртки и замужняя женщина (в середине) в старинных праздничных нарядах. Село Карлыган Марийской АССР. 1925 г.

Поверх рубахи или платья женщины надевали цветной передник (*айшет*, *азькышет*).

Верхнюю женскую одежду, как и мужскую, шили из белого или цветного холста, шерстяных тканей и сукна домашнего изготовления. Летним выходным платьем удмуртки в северных районах были надеваемый поверх рубахи шортдэрем — длинная белая распашная одежда типа халата, с короткими рукавами, украшенная вышивкой и полосками кумача.

У южных удмурток верхней одеждой служил кафтан (*зыбын*) из цветной, обычно красной, шерстяной ткани, длиной до колен, сшитый в талию со сборами. Более теплой верхней одеждой был суконный кафтан (*сукман* или *дукес*), по покрою аналогичный мужскому. Зимой носили шубу (*пась*) из дубленых овчин. Теперь традиционную верхнюю одежду заменили готовые пальто и костюмы.

Старинные головные уборы удмурток были очень разнообразны. Ношение того или другого головного убора, как и прически, было связано с определенным возрастом и положением женщины в семье. Различались головные уборы девушек, замужних женщин и старух.

По форме и внешнему виду женские головные уборы могут быть разделены на четыре группы. К первой группе отнесем покрывала, платки, полотенца; ко второй — повязки, налобники, венки; к третьей — мягкие шапки, чепцы; к четвертой — высокие твердые уборы конусообразной и лопатообразной формы. В последнюю группу входит *айшон* — старинный головной убор замужней удмуртки конусообразной или цилиндрической формы, на берестяной основе, покрытый холстом и украшенный вышивкой, цветными лентами и монетами. Бытование айшона по этнографическим материалам прослеживается на протяжении XVIII и XIX вв. среди удмурток Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов Вятской губ. Местами он встречался и в начале нашего века (с. Карлыган, ныне Марийская АССР).

Аналогичные уборы в форме усеченного конуса или цилиндра известны многим народам Восточной Европы и Средней Азии. К айшону близки

На улице с. Бобья-Уча в выходной день

головной убор «шурка» луговых мари, «панга» мордвы, «саукеле» казахов, некоторые типы русского кокошника.

Интересна девичья шапочка *такья*, спитая из холста, обшитая кумачом и украшенная монетами или бисером. Она бытовала у удмурток еще в начале нашего века. У бесермянок *такья* удерживалась значительно дольше. Из женских головных уборов к группе шапок можно отнести *хошпу* бесермянок. Это круглая холщовая шапка с открытым верхом, вся зашита монетами. *Такья* и *хошпу* бесермянок близки к головным уборам чувашек и башкирок, у которых они известны под теми же названиями.

Замужние удмуртки в Увинском, Воткинском и некоторых других районах носили похожие на чепец мягкие шапочки (*подурга*, *йыркышет*) из холста, отделанные позументом и разноцветными полосками ситца. По форме и общему виду они напоминают русский повойник или сборник.

Разнообразны налобные повязки удмурток. Такого вида головные уборы широко бытуют также у марийцев, мордвы, чувашей, башкир, татар и у многих славянских народов. Это вышитые полоски холста, обшитые позументом, монетами и блестками. Носили их и девушки, и замужние женщины.

Широко были распространены платки и покрывала, причем наиболее старой формой удмуртского платка можно считать домотканую холщовую косынку *куинь серго* («три угла»), обшитую кумачом, кусочками сукна и ситца, украшенную вышивкой и позументом. Девушки носили косынки поверх *такьи*, женщины поверх *подурги*, а впоследствии и без этих голов-

ных уборов непосредственно на голове. Косынка куинь серго была известна почти повсеместно на территории Удмуртии еще в первой четверти XX в. В южных районах нынешней Удмуртской АССР и среди удмурток, живущих на территории Марийской и Башкирской АССР, бытовало покрывало *сюлык* из тяжелой парчовой ткани, на подкладке, отороченное бахромой. Сюлык набрасывали на айшон, а впоследствии стали использовать и без него как свадебное покрывало.

К группе покрывал относится также *чалма* — льняное или хлопчатобумажное полотенце с затканными яркими концами. Чалму носили замужние женщины до наступления старости. Ею повязывали голову и концы спускали на спину. Бесермянки носили полотнячатый головной убор — *кышон*.

В настоящее время все эти головные уборы вышли из употребления. Самым распространенным современным головным убором девушек и замужних женщин является платок — ситцевый, шелковый, шерстяной; носят также различные шапочки, шарфы, береты, покупаемые в магазинах.

В прошлом удмуртки носили разнообразные металлические украшения, нагрудники, сделанные из монет, перенязи, цепочки, а также браслеты, кольца, серьги и подвески к косам. Традиция носить украшения сохраняется у сельских жителей, но сами украшения несколько изменились. Девушки и женщины носят бусы и ожерелья из раковин и монет, браслеты и кольца.

СЕМЕЙНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

В дореволюционной удмуртской деревне землепользование было общинное, как и у русских. Среди членов земельной общины (*бускель*) наблюдалось резкое имущественное неравенство. Зажиточная верхушка имела земли больше и лучшего качества. Дела общины решал кенеш — сход дворохозяев. Как правило, зажиточные крестьяне удмуртской деревни навязывали кенешу удобные им решения и фактически руководили общиной. Они закабалили бедноту путем ссуд под большие проценты и за отработку. Бедняки, не имея возможности обрабатывать свои наделы, сдавали их в аренду, а сами шли в батраки или работали исполу у богатых односельчан, нередко у своих родственников.

Наряду с феодальными и капиталистическими отношениями в удмуртской деревне вплоть до Октябрьской революции широко бытовали пережитки первобытнообщинного строя. Так, в некоторых районах удмурты сохраняли представление о принадлежности к определенной родовой группе и помнили названия отдельных родов. Чаще всего это были женские собственные имена — Можга, Чола, Кибья, Салья и др. Они нередко совпадали с дохристианскими, так называемыми банными, удмуртскими именами, которые бабка-повитуха давала ребенку в бане до крещения в церкви. Далекие отголоски материнского рода содержатся в терминологии, обозначающей родственников по матери. В них всегда есть слово *чуж*, *чужатай*, *чужай* (дед, отец матери), *чужнэнэ*, *чужанай*, *чужмумы* (бабка, мать матери) и т. п.; в то же время деда по отцу называют *пересь атай*, бабку по отцу — *пересь нэнэ*. Нередко удмурты вели счет родства не только по мужской, но и по женской линии. В Глазовском и других районах еще недавно дочь наследовала родовое имя матери, которое продолжала носить и по выходе замуж. Большую роль в семейных делах и свадебных обрядах играли брат невесты и ее дядя по матери, что также является отголоском матриархальных отношений. С материнским родом связан и обычай *берен пуксён* («возвращение к прежнему месту»), согласно которому молодая после свадьбы возвращалась в дом родителей на полгода и более продолжительное время. Как пережиток матриархата можно

рассматривать и существовавшие у удмуртов в прошлом столетии «бабьи праздники».

Родовое единство выражалось в существовании общих тамг (*пуч*) — меток, которые наносили на прясла, лесные делянки, домашних животных и т. д. В некоторых местах, главным образом на юге Удмуртии, встречались деревни, где родственники жили на определенных концах, или имелись дворы-поселки, состоящие из трех-четырёх изб, в которых, как правило, жили женатые братья. Вплоть до коллективизации сельского хозяйства сохранялись пережитки родовой собственности на землю, лес и скот. Так, в дер. Улын Юри существовали определенные расчистки из-под леса, принадлежавшие роду Селья, а лесные делянки в этой же деревне распределялись по родам, причем, несмотря на то, что в деревне было три рода с неодинаковым количеством дворов, каждый род получал одинаковые по размерам делянки.

В прошлом родовые группы удмуртов были экзогамны. Еще в начале XX в. удмурты, носившие одно и то же родовое имя, хотя и жившие далеко друг от друга и не имевшие представления о действительном родстве, не вступали в брак. В настоящее время эти традиции исчезли.

Пережитки родовых связей особенно стойко сохранялись в религии. Вплоть до коллективизации в ряде деревень, особенно на юге республики, были родовые культовые места, родовые кладбища, куда на поминки приходили удмурты, сохранявшие воспоминание о принадлежности к данному роду.

В южных районах республики некоторые пережитки родового строя проявлялись и в организации общественного быта. Здесь устраивались родовые моления, совершавшиеся по дохристианскому обряду. Руководил молениями старейшина (*торо*), который выступал в качестве главного жреца, он же был главным лицом — «тысяцким» — и при совершении обряда бракосочетания. В Ижевском районе выделялся *бече* — старейший мужчина в роде. В южных районах Удмуртии дольше действовали такие организации, как *пура* — совет родовых судей, *восьясь пура* — объединение жрецов и кенеш. Согласно традиции кенеш ведал переделом земли в сельской поземельной общине, сбором податей, починкой мостов, дорог и изгородей, полевыми работами, покосами, чинил суд и расправу над членами общины. Его решения были обязательны для всех жителей данной деревни.

С развитием капиталистических отношений в дореволюционной удмуртской деревне эти организации использовались зажиточной частью крестьянства в своих классовых интересах, а в первые годы Советской власти они возглавили кулацкое сопротивление. В период коллективизации представители кулачества пытались использовать авторитет постановлений кенеша для отказа от вступления в колхоз, от уплаты государственных налогов и выполнения хлебопоставок, для преследования активистов колхозного движения. Они фальсифицировали приговоры кенеша для оправдания своих самосудов над беднотой и сельским активом (Лудорвайское дело 1928 г.).

Кулакам было выгодно поддерживать пережитки патриархально-родовых отношений, чтобы эксплуатировать бедняцкое население деревни. В частности, пользуясь традиционным обычаем родовой взаимопомощи — *веме*, они получали даровую рабочую силу, эксплуатируя труд своих односельчан при уборке урожая и других трудоемких работах в своем хозяйстве.

Большая семья у удмуртов в начале XX в. включала порой до 50 человек. В первое десятилетие Советской власти существовали семьи в 25—30 человек. Такая семья жила на одной усадьбе, но в нескольких избах, питались все вместе; пищу готовили на общем очаге. Главой семьи был старший мужчина — хозяин — *кузё*. Семья имела общее имущество, вела

общее хозяйство. Земельные наделы находились в общем семейном пользовании. Денежная касса была в распоряжении кузе. Даже если члены семьи уходили на заработки, то и тогда все заработанные деньги они должны были отдавать «хозяину». Распределением домашних работ между женщинами ведала «хозяйка». Она сама топила печь и готовила еду, в чем ей помогала сноха. При разделе большой семьи отдельные семейные пары выделялись в самостоятельное хозяйство. Один из сыновей оставался с родителями. В тех случаях, когда у родителей была только дочь, в дом брали зятя. Так поступают часто и теперь.

Браки в большинстве случаев заключались по сватовству. Наряду с церковным обрядом, обязательным в царской России, существовали многочисленные народные обычаи, сопровождавшие свадебную церемонию. Одни из них совершались в доме невесты, другие — в доме жениха. Наряду со свадьбой по сватовству бывали случаи похищения, или умыкания невесты из родительского дома. Иногда это делалось с согласия девушки.

В прошлом близкие отношения между парнями и девушками не вызывали строгого осуждения. В этом можно видеть отголоски группового брака, пережитки которого сохранялись и в некоторых свадебных обрядах. Например, жених покупал постель невесты у парней ее деревни.

Замужняя женщина рассматривалась в первую очередь как рабочая сила в семье мужа. Характерны подарки родителей при отъезде дочери в дом мужа: коса, грабли и прялка; их украшали разноцветными лентами, а подруги и родственники вколачивали в них серебряные и медные монеты — в знак пожелания благополучия, богатства и счастья.

Женщина выполняла почти все работы по дому: ухаживала за скотом, изготавливала ткани для одежды и шила ее, воспитывала детей; кроме того, многими сельскохозяйственными работами, в частности обработкой огорода, также занималась женщина. Такое положение женщины способствовало распространению неравных браков в возрастном отношении. У бесермян еще в начале XX в. нередко мальчика 13—15 лет женили на девушке 25—27 лет. Для получения даровых рабочих рук родители жениха стремились как можно скорее женить сына, а родители невесты, наоборот, — удержать дочь возможно дольше в своем доме. До недавнего времени отец сохранял право пользоваться трудом дочери после замужества.

Молодую женщину, перешедшую в семью мужа, новые родственники не называли именем, данным ей при крещении (Марья, Ольга и т. п.), а давали ей имя ее рода с прибавлением имени старшего мужчины в данной семье, например Иван Чабья, Петыр Дукья и т. д. Положение женщины в новой семье было крайне стесненным. Женщины ели отдельно от мужчин. На почетное место за столом, которое занимал кузе, они не имели права садиться. Молодушка не могла в течение года говорить со свекром и в его присутствии закрывала нижнюю часть лица.

За женщиной признавались лишь некоторые права в отношении собственности. В ее полном распоряжении находились изделия прядения и ткачества, сделанные ее руками из волокон льна и конопли. Ее собственностью оставалось принесенное ею приданое — ткани, постель, одежда и скот. Ей принадлежал доход от огорода и скота, включая приплод. Она распоряжалась кумышкой (самодельной водкой).

Право на развод признавалось лишь за мужем: он мог прогнать жену в случае ее бесплодия или измены, при этом кенеш не принимал жалобу на мужа. Участие женщины в общественной жизни не допускалось.

Исследователи дореволюционного удмуртского быта отмечают, что удмурты очень любят своих детей и обходятся с ними ласково, почти никогда не допускают по отношению к ним грубой ругани и побоев.

Однако физическому воспитанию ребенка в прошлом почти не уделяли внимания. Отсутствие медицинской помощи, неумелый уход и недогляд влекли за собой многочисленные детские болезни. Огромная смертность детей наблюдалась в особенности летом вследствие желудочных заболеваний. Во время полевых работ, когда маленькие дети находились без всякого присмотра родителей, бывало много несчастных случаев.

Наречение ребенку имени сопровождалось определенными обрядами. Один человек имел нередко несколько имен: одно имя личное, второе — родовое или воршудное, передававшееся от матери к дочери или от отца к сыну, третье имя давалось иногда во время болезни в качестве магического приема. Существовал также обычай *ним воштон* (т. е. скрытие имени), согласно которому младшему в семье полагалось переменить имя, если у кого-либо из старших было такое же.

За годы Советской власти в корне изменились все стороны жизни удмуртов. Они живут теперь малыми семьями, состоящими в среднем из пяти-шести человек. Главой семьи является отец, если нет отца — старший сын, а если нет ни отца, ни старшего сына, семью возглавляет мать. Отношения между членами семьи ныне строятся на полном равноправии и взаимном уважении. Молодые люди вступают в брак по взаимному согласию, браки по стовору родителей крайне редки. Оформление брака, как повсюду в Советском Союзе, совершается в ЗАГСе.

Развитие сети дошкольных воспитательных учреждений (яслей, детских садов, детских площадок) исключает безнадзорность детей, обеспечивает правильный уход за ними, нормальное питание. Профилактические меры и медицинская помощь снизили до минимума детскую смертность.

Бесправная в прошлом, удмуртка занимает в настоящее время видное место в управлении государством, в производстве и в быту, она получила возможность активно осуществлять свое право на труд, образование и отдых.

В результате упорной борьбы партийных и советских органов с пережиточными явлениями в общественной жизни удмуртов безвозвратно ушли в прошлое старые формы общественного быта удмуртов. В настоящее время структура общественных организаций у удмуртов такая же, как и всюду в нашей стране: ведущая роль принадлежит партийным, комсомольским, профсоюзным организациям, городским и сельским Советам депутатов трудящихся. Огромную роль играют производственные коллективы на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах. Работают товарищеские суды, добровольные дружины, эффективно действуют комиссии партийно-государственного контроля. Проводятся различные собрания, на которых осуществляется демократический порядок обсуждения и решения дел. Большое значение имеет общественное мнение, в формировании которого направляющую роль играет влияние партийных, комсомольских и профсоюзных организаций.

В первые же годы Советской власти на территории Удмуртии была развернута разносторонняя культурно-воспитательная работа среди широких масс трудящихся. Большое внимание уделялось борьбе с религиозной идеологией, как с православной, так и с дохристианской. Коммунисты, комсомольцы, культработники, учителя активно боролись с пережитками прошлого. Так, когда в июне 1923 г. крестьяне двенадцати удмуртских деревень Можгинского уезда собрались на моление, чтобы вызвать дождь, коммунисты и комсомольцы г. Можги, учителя и учащиеся педагогического техникума выехали на место моления, разъяснили крестьянам, отчего бывают дождь и засуха, сделали доклады о хлебом займе, о налогах, организовали хороший концерт на удмуртском языке, игры и танцы для молодежи. В результате моление не состоялось.

Игра детей на воздухе в Адинском детском саду

Догматы и обряды православной церкви большинство удмуртов и до революции выполняли по принуждению священников и полиции, а не по утвердившемуся в их сознании христианскому мировоззрению. В годы индустриализации страны и победы колхозного строя в результате больших успехов в области народного образования и культурного строительства произошел решительный отход трудящихся масс республики от религии. Уже в 1920-х годах жители многих удмуртских деревень перестали ходить в церковь, крестить детей, давать им имена по святцам и т. п. За годы Советской власти число православных церквей в Удмуртии сократилось с 311 до 18, резко снизилось соблюдение православной обрядности (в частности, свадебной и похоронной).

Большинство удмуртов перестало соблюдать и дохристианскую религиозную обрядность. Совершенно исчезли общественные моления, связанные с циклом сельскохозяйственных работ, не проводятся родовые и семейные моления. Давно заброшенные родовые культовые постройки куала разрушились; часть из них была занята под хозяйственные помещения колхозов (под склад, кузницу и т. п.). Деревья и рощи, раньше считавшиеся священными, где совершались моления, теперь полностью утратили свое культовое значение.

Профсоюзные и комсомольские организации ведут значительную работу по внедрению в быт новых праздников и гражданских обрядов. Так, заводской комитет профсоюза Ижевского машиностроительного завода за полтора года (1962—1963 гг.) интересно, умело провел более 200 комсомольско-молодежных свадеб, 33 дня отдыха родителей с детьми, новогодние карнавалы на льду, вечера боевой славы, торжественное вручение удостоверений ударников коммунистического труда, проводы в армию, Праздник первой полочки, торжественные проводы на пенсию. В октябре 1962 г. был организован Праздник серпа и молота, на который были приглашены передовики из подшефных заводу колхозов и шефствующих цехов.

По всюду в республике особенно торжественно отмечаются большие советские праздники — годовщина Октябрьской революции и 1 Мая. Проводятся также местные праздники, связанные с различными производ-

ственными моментами, например Праздник первой борозды, справляемый перед началом полевых работ. По окончании годового цикла сельскохозяйственных работ, после сбора урожая, колхозники устраивают праздник, на котором подводят итог своих работ. Во многих районах ежегодно осенью организуется колхозная животноводческая выставка. Место выставки украшается зеленью и флагами, в витринах помещаются фотографии знатных животноводов. На выставку съезжаются празднично одетые колхозники из разных районов Удмуртии. Приезжают гости из Ижевска и даже из соседней Татарской АССР. Устраивается праздничное гулянье, которое заканчивается выдачей премий, конскими бегами и физкультурными состязаниями.

Весенний праздник *сабантуй* (праздник плуга) стал смотром физкультурников и коллективов художественной самодеятельности.

Старый праздник *валвортон*, ныне получивший название *гырон быдтон* (окончание пашни), празднуется по завершении весенних полевых работ, перед сенокосом (вторая половина июня). Он проводится в воскресенье. Для молодежи этот выходной день превращается в Праздник песни и спорта.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

В дореволюционной России основная масса сельского населения Удмуртии была неграмотна.

Теперь все дети школьного возраста учатся. В первых четырех классах обучение ведется на родном языке. С первого класса изучается и русский язык. В пятых классах удмуртских школ преподают на русском и удмуртском языках, с шестого класса — только на русском. Выполняя закон «О связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования в СССР», школы республики проделали большую работу по преодолению отрыва обучения от жизни. При школах созданы учебные мастерские, учащиеся приобретают специальности шоферов, слесарей, токарей, трактористов и т. п. Учащиеся осваивают производственные специальности и непосредственно на заводах, фабриках, стройках. При сельских школах созданы учебно-опытные хозяйства. На опытных участках ученики выращивают высокие урожаи бобовых культур, кукурузы, овощей и картофеля.

Кадры учителей готовятся в основном в Ижевском и Глазовском педагогических институтах. Среди 14,5 тыс. учителей и воспитателей, работающих в республике, около 5 тыс. — удмурты. Помимо педагогических институтов, кадры специалистов высшей квалификации готовят медицинский, сельскохозяйственный и механический институты в Ижевске, а также филиал механического института в Воткинске. В республике имеется 21 среднее специальное учебное заведение: культпросветшкола, строительный и индустриальный техникумы, медицинское и музыкальное училища в Ижевске, сельскохозяйственный и электромеханический техникумы в Сарапуле, машиностроительный техникум в Воткинске и др.

Создание национальных кадров — огромное завоевание культурной революции. В 1960 г. в республике в различных отраслях экономики, науки и культуры работало 70 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием.

До Великой Октябрьской социалистической революции на удмуртском языке были изданы лишь отдельные брошюры да несколько номеров газет в народническом и миссионерском духе.

В декабре 1918 г. вышли первые номера удмуртской большевистской газеты «Гудыри» («Гром», ныне «Советская Удмуртия») и «Ижевской Прав-

ды» (ныне «Удмуртская правда»). Затем стали издаваться книги и брошюры на удмуртском языке.

Если в первые годы после революции газеты выходили небольшими тиражами и не ежедневно, то к 1960-м годам в Удмуртии издавались три республиканских и 40 районных, городских и заводских многотиражных газет на русском и удмуртском языках. Большими тиражами издаются произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, художественные, научные и другие книги.

За годы Советской власти в республике создана широкая сеть культурно-просветительных учреждений. Теперь в Удмуртии нет такого населенного пункта, где не работала бы библиотека, клуб или изба-читальня; везде слушают радиопередачи, смотрят кино. В 1957 г. в Ижевске был создан телецентр. В республике работает много домов культуры.

Важным средством воспитания трудящихся являются университеты культуры различных профилей, которых в городах и селах республики в 1963 г. было около 100. Значительную работу ведет Удмуртское отделение Всесоюзного общества «Знание», насчитывающее 10 тыс. членов.

Работает научно-исследовательский центр — Институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР. Крупным научно-исследовательским центром является также Ижевский медицинский институт, где работают 15 докторов и более 40 кандидатов наук. Удмуртский народ выдвинул много талантливых деятелей медицины. Среди них почетное место занимает А. И. Перевощикова, первая удмуртка, получившая ученую степень доктора медицинских наук. Большую научную работу ведут и другие высшие учебные заведения Удмуртии, заводские лаборатории, опытные станции. В республике есть краеведческий музей с богатыми коллекциями; он проводит массово-просветительную и научную работу, устраивает передвижные выставки, обслуживая ими все районы республики.

Большие успехи достигнуты и в области здравоохранения. Полностью ликвидированы трахома и другие бытовые заболевания. В республике работают около 2 тыс. врачей, среди них 20% составляют удмурты.

Изобразительное искусство

В народном прикладном искусстве удмуртов большое место занимают тканый орнамент и вышивка. Тканым и вышитым орнаментом украшают детали одежды, постельные принадлежности и разные другие бытовые предметы. Существовали специализированные артели, выполнявшие различные тканые художественные изделия. Широкой известностью пользовалась Шарканская артель. В настоящее время артели преобразованы в предприятия местной промышленности и промкомбинаты.

Старинная удмуртская вышивка выполнялась шелком и шерстью, без канвы, по счету ниток холста. Теперь вышивают разноцветными мулине, шелком, красными и черными хлопчатобумажными нитками, также без канвы. Наиболее распространенные швы — косой стежок, гладь, набор и роспись. Чаще всего встречаются геометрические узоры: ромбы, квадраты, косые кресты, иногда растительный орнамент. Тематическая вышивка появилась только в советское время.

Наряду с вышивкой применяется аппликация из кусочков разноцветной ткани или тесьмы. Широкое распространение получило ковроткачество. В Ижевске работает фабрика художественных изделий ткачества и ковроделия, которая выпускает хлопчатобумажные и шерстяные дорожки, паласы, махровые, ворсовые и высоковорсовые ковры с удмуртским и русским орнаментом. Большую помощь фабрике оказывает Институт художественной промышленности в Москве. Выполняют на фабрике и художественную строчку, роспись тканей и платков.

Издавна среди удмуртов бытует искусство вязания и плетения. Удмуртские женщины большие мастерицы в вязании узорных варежек, чулок,

носков, плетении кружев, бахромы и т. д. Материалом служат шерсть, льняная и хлопчатобумажная пряжа.

Широко распространена художественная обработка дерева: резьба, выпиливание, обточка и роспись. Росписью и резьбой украшают мебель — скамьи, столы, шкафы, стулья, а также оконные наличники, ворота и т. д. Орнамент большей частью геометрический, реже встречаются изображения животных. В наше время резчики по дереву исполняют довольно сложные по замыслу и композиции произведения.

Большое развитие получило и граверное искусство. В Ижевске работает школа граверов, в которой преподают народные мастера.

Начало развиваться и профессиональное искусство — живопись, графика, скульптура. Первые профессионалы-художники Удмуртии — портретист М. Балагушин и пейзажист Н. Косолапов. Пользуются известностью произведения, созданные в военные годы: «Партизаны» М. Балагушина, «Герой среди детей» Н. Косолапова, «Важное сообщение» Д. Ходырева, «Закрытие дзота» и «Поединок» Ф. Иванова. Талантливым художник Д. Ходырев добился значительных успехов в области жанровой живописи, его картина «Провинилась» получила высокую оценку на Всесоюзной художественной выставке.

Как пейзажист известен В. Жарский. Его лучшие работы — «Истоки реки Камы», «Дом Чайковского в Воткинске», «Лесные массивы в верховьях Камы». Не менее интересны и пейзажи Ф. Иванова «Лес» и А. Синилова «Сентябрь», «Приуралье». Из скульпторов Удмуртии известны С. Чирков, М. Тутынин.

Кадры учителей рисования и художников готовит художественно-графический факультет Удмуртского государственного педагогического института, открытый в 1959 г.

Растет число самодеятельных художников, в 20 кружках изобразительного искусства около 500 человек. Художники Удмуртии постоянно совершенствуют свое мастерство, основные темы их произведений — показ жизни народа, его борьбы за построение коммунизма. В 1960 г. 30 произведений художников Удмуртии были отобраны на Всероссийскую художественную выставку.

Богат и разнообразен фольклор удмуртов. Преобладающее место в нем занимает песенное творчество, но широко представлены также эпические сказания, сказки, пословицы, загадки.

Большое место в дореволюционном удмуртском фольклоре занимали рекрутские песни. У удмуртов был обычай, согласно которому каждый рекрут, а также девушка, вышедшая замуж за парня из другой деревни, должны были оставлять на память в своей деревне сочиненные ими песни. Для удмуртского фольклора характерны разнообразные импровизации. Удмуртский крестьянин слагал свои песни за работой, в пути, на праздниках и т. д. К семейным торжествам хозяйка сочиняла песни для гостей, а гости должны были отвечать импровизацией. Молодежь устраивала также специальные вечера загадок. Песни в большинстве случаев исполнялись без аккомпанемента. В южных районах республики наиболее отчетливо выделяется любовная лирика, песни, воспевающие красоту любимой девушки, которые по характеру близки к татарским и башкирским. Для северных районов более характерны эпические повествования, напоминающие русские сказки. Распространены частушки, молодежь часто распевает их на улицах. Популярна также массовая советская песня.

Удмурты очень любят сказки. Они бытуют и в наши дни. В республике ведется большая работа по сбору и изучению удмуртской сказки. Научно-исследовательским институтом Удмуртии издано несколько сборников удмуртских сказок и песен. Единственным художественным произведением на удмуртском языке до Октябрьской революции была поэма

поэта-просветителя Михаила Можгина «Беглой», выпедшая в 1910 г. Ныне удмурты имеют свою национальную художественную литературу.

Первые поэты и прозаики Удмуртии писали на темы революции, гражданской войны. Это прозаики Д. Пинь (Д. Баженов), К. Митрей (Д. Корепанов) и поэты М. Прокопьев, Д. Майоров. М. Прокопьев — поэт-большевик, первый переводчик на удмуртский язык произведений А. С. Пушкина, начал писать в окопах, на фронтах гражданской войны. В 1918 г. в г. Осе вышел сборник его стихотворений. Молодой поэт погиб в борьбе с врагами революции, а его сборник был уничтожен белогвардейцами.

Д. Майоров лучшие строки своих произведений посвятил защите революции, партии большевиков, советскому народу. Литературная деятельность Д. Майорова подвергалась яростным нападкам со стороны буржуазных националистов. В 1923 г. его убили кулаки.

Старейший удмуртский писатель И. Т. Дядюков — автор многих рассказов, поэм и стихотворений. Лучший его рассказ «Пашка Педор» («Федор Павлович») был написан в 1925 г.

Крупный писатель, поэт и драматург М. Петров впервые в удмуртской литературе разработал тему о Мултанском процессе и посвятил ей пьесу и роман «Вуж Мултан» («Старый Мултан»). М. Петров великолепный знаток удмуртского языка. Многие его песни положены на музыку, он известен также как талантливый переводчик. Ему принадлежат переводы таких произведений, как «Слово о полку Игореве», армянский эпос «Давид Сасунский», «Поднятая целина» М. Шолохова и др.

В 1930-е годы вышло несколько романов. Перу Г. Медведева принадлежит трилогия «Лёзя бесмен» («Лозинское поле»), в которой отражено колхозное строительство в Удмуртии. Жизнь деревни изображается и в повести «Катя» Ф. Кедрова. В те же годы было опубликовано лучшее произведение М. Коновалова «Вурьсо бам» («Лицо со шрамом»), посвященное изображению жизни и труда заводских рабочих.

Перед Великой Отечественной войной молодой писатель Петр Блинов издал роман «Улам потэ» («Жить хочется»). В романе показано становление советского человека, героической путь советской молодежи. В эти годы стали печататься Т. Шмаков, А. Лужанин и др. В годы Великой Отечественной войны писатели и поэты Удмуртии сражались в рядах Советской Армии. В боях погибли П. Блинов, Ф. Кедров, детский поэт Ф. Александров. В годы войны в литературе стали известны имена поэта С. Широкова, М. Лямина, В. Широкова, И. Гаврилова, И. Зорина и других, писавших о своих мужественных земляках, славных сынах и дочерях удмуртского народа, боровшихся на фронте и в тылу за победу над врагом. В послевоенные годы, после II съезда писателей, писатели Удмуртии усилили внимание к современности. Т. Архипов написал роман «Лудзи шур дурын» («У реки Лудзинки») о жизни колхозного села во время Отечественной войны и после нее. В последние годы стало широко известно имя прозаика Г. Красильникова, также посвятившего свою повесть «Вуж юрт» («Старый дом») жизни колхозников. Другое его произведение «Тонэн кылысько» («Остаюсь с тобой») затрагивает вопросы сближения школы с жизнью. Несколько рассказов написал он о взаимоотношениях молодежи: «Дусым» («Невеста»), «Куинетгез лутгэм» («Третий лишний»), «Вож весь» («Зеленые бусы») и др. Успешно выступают поэты А. Писарев, Н. Байтеряков, Н. Васильев, Ф. Васильев, Г. Ходырев, С. Перевощиков, П. Позднеев, А. Белоногов, и др.

Развивается и драматургия. И. Гаврилов написал пьесу об основоположнике удмуртской поэзии Д. Майорове. По мотивам романа Т. Архипова «У реки Лудзинки» автор и В. Садовников записали пьесу «Чук лысвуос» («Утренние росы»). В. Садовникову принадлежит либретто музыкальной комедии «Сюан» («Свадьба»). Бесправному положению дореволюционной крестьянки посвящена пьеса И. Гаврилова «Аннушка».

Сцена из балета «Италмас». Удмуртский музыкальный театр

Коллектив художественной самодеятельности колхоза «Южная Пурга». Ижевский район. 1959 г.

Зарождение национального театра в Удмуртии относится к 1918 г. В августе этого года удмуртский национальный самодеятельный коллектив Театр и музыка поставил первую пьесу на удмуртском языке. Вначале ставились пьесы, переведенные с русского, а затем и удмуртские. В 1920-х годах удмуртская драматургия была представлена одноактными пьесами, к 1930-м годам она достигла значительного развития — появились комедии, трагедии, драмы.

В 1931 г. в Ижевске был открыт Удмуртский государственный театр, преобразованный в 1958 г. в Музыкально-драматический. Со времен гражданской войны действует театр в г. Сарагуле, с 1935 г. работает Ижевский русский драматический театр. Большую популярность у юного зрителя завоевал Ижевский театр кукол, созданный в апреле 1935 г. В 1936 г. была организована Удмуртская государственная филармония.

Широкой известностью пользуются в Удмуртии и за ее пределами Удмуртский ансамбль песни и танца, а также хор удмуртского радио. Коллективу Можгинского дома культуры первому в Удмуртии было присвоено звание народного театра. Очень популярны удмуртский и русский народные театры дворца культуры Ижевского машиностроительного завода.

Из народных музыкальных инструментов бытовали *крёзь* (гусли), *чип-чирган* (труба из полого стебля растения), *быз* (волынка); теперь распространены балалайка, скрипка и двурядная гармонь.

В советские годы возникло профессиональное музыкальное искусство. Первыми собирателями удмуртской песни были русские композиторы Д. С. Васильев-Буглай, И. Я. Галкин и Н. М. Греховодов. Из удмуртских композиторов известны Герман Корепанов, Геннадий Корепанов-Камский, Н. Я. Шкляев, из исполнителей — народный артист Удмуртской АССР Г. И. Титов и др.

Большое значение для роста музыкальной культуры имеет развитие музыкального образования. В республике работают Ижевское музыкальное училище и несколько музыкальных школ.

Огромный размах получило в республике самодеятельное искусство. Проводятся смотры, фестивали, праздники песни. Большой популярностью пользуется [самодеятельный хор колхоза «Южная Пурга» (Ижевский район)].

Успехи в коренном преобразовании жизни удмуртского народа являются результатом практического осуществления Коммунистической партией и Советским правительством ленинской национальной политики, направленной на развитие экономики и повышение культурного уровня народов нашей страны.

МАРИЙЦЫ

Марийцы в прошлом были известны под названием «черемисы»; такое название встречается в исторических памятниках с X в.¹ Сами марийцы называют себя *мари*, *марий*, *мар* (человек). Это самоназвание утвердилось как этноним со времени образования Марийской автономной области. Живут марийцы в основном в пределах Среднего Поволжья. Общее число их по всему Советскому Союзу 504,2 тыс. Небольшими группами марийцы рассеяны в Башкирской, Татарской и Удмуртской АССР, Кировской, Горьковской, Свердловской, Пермской и Оренбургской областях. Основная же масса марийцев (55% общего их числа) обитает в Марийской Автономной Советской Социалистической Республике. Кроме марийцев, в Марийской АССР живут русские, татары, чуваша, удмурты, башкиры, мордва.

Марийская АССР расположена в средней части бассейна Волги. На севере и северо-востоке она граничит с Кировской обл., на юго-востоке с Татарской АССР, на юго-западе с Чувашской АССР, на западе с Горьковской обл. Волга делит территорию республики на большую низменную левобережную равнину — лесное Заволжье и занимающее сравнительно небольшую часть правобережье — гористое, изрезанное глубокими оврагами и долинами небольших рек. По Марийской АССР протекают реки Волжского бассейна: Ветлуга, Рутка, Кокшага, Илеть и др. На территории республики имеются большие лесные массивы и много лесных озер.

Марийцы делятся на три группы: горные (*курук марий*), луговые (*олык марий*) или лесные (*кожла марий*) и восточные (*йпӧ марий*). Основная масса горных марийцев населяет правый, гористый берег Волги, луговые марийцы живут в лесистых местностях левобережья; селения восточных марийцев расположены в пределах Башкирии и отчасти в Свердловской обл. и в Татарской АССР.

Такое деление существовало издавна. Уже русские летописи различали горную и луговую «черемису»; это же деление встречается и в старой картографии XVII в. Однако территориальный признак, принятый для обозначения отдельных групп марийцев, является в значительной степени условным. Так, горные марийцы, населяющие Горномарийский район Марийской АССР, живут не только на гористом правом, но частич-

¹ Существует мнение, что первое сообщение о марийцах принадлежит готскому историку Иордану (VI в. н. э.), который упоминает об обитающих на территории Поволжья племенах *mordens* (мордва) и *merens*. Однако вопрос об идентификации *merens* и марийцев остается пока спорным.

но и на левом берегу Волги. Основные различия между названными группами заключаются в языковых особенностях и некотором своеобразии быта.

Марийский язык относится к восточной ветви финно-угорских языков и имеет три основных наречия: луговое, восточное и горное. В словарном отношении первые два близки, горное же сходно с ними лишь на 60—70%. Во всех этих наречиях имеется некоторое количество слов общего финно-угорского происхождения, например *кид* (рука), *еър* (кровь) и т. п., и много слов, заимствованных из русского языка в результате длительного культурного общения с русским народом.

У марийцев два литературных языка: лугововосточный и горномарийский, различающиеся главным образом по фонетике: в лугововосточном языке 8 гласных фонем, в горном — 10. Система согласных в основном одинакова; общим является и грамматический строй.

За последние годы лексика марийского языка обогатилась благодаря новым словообразованиям и усвоению через русский язык интернациональных терминов.

В основу марийской письменности положен русский алфавит с добавлением некоторых диакритических значков для более точной передачи звуков марийского языка.

Краткий
исторический
очерк

Марийские племена складывались в результате взаимодействия носителей пьяноборской культуры левого берега Волги с жившими на правобережье племенами позднегородецкой культуры. Имеющиеся

в нашем распоряжении данные позволяют видеть в марийцах аборигенов местного края. А. П. Смирнов пишет: «Марийские племена сформировались на базе более ранних племенных групп, населявших между речью Волги и Вятки, и являются автохтонным населением края». Однако отождествлять древних насельников территории Поволжья с современным марийским народом было бы неверно, так как он сложился в результате скрещивания многих племен, из которых в дальнейшем сформировались народы Поволжья.

В письме хазарского царя Иосифа (середина X в.) среди подвластных ему поволжских народов упоминаются «пармис», в которых нетрудно узнать «черемис». Русская «Повесть временных лет» также упоминает о «черемисах», живущих при впадении Оки в Волгу. Это последнее известие позволяет значительно расширить наше представление о границах расселения марийцев в прошлом. В конце I — начале II тысячелетия н. э. мари испытали влияние булгар. В первой половине XIII в. Булгарское государство было разгромлено монголами и утратило самостоятельность. На территории Поволжья установилась власть Золотой орды. В начале XV в. образовалось Казанское ханство, под властью которого оказалась основная часть марийцев.

Золотоордынская культура также повлияла на формирование культуры марийцев. В то же время в ней проступают явные следы тесного общения с соседними народами (мордвой, удмуртами), с которыми марийцев роднит общность происхождения.

Археологический материал позволяет проследить древние связи марийских племен со славянами, однако вопрос о взаимоотношениях древнеславянской и марийской культур еще недостаточно разработан.

После падения Казани (1552 г.) занимаемая марийцами территория была присоединена к Русскому государству. В это время у марийцев господствовали патриархально-родовые отношения. Сохранились предания о существовании в прошлом в марийском обществе князей. По-видимому, под этим понятием разумелись представители выделившейся родоплеменной верхушки, так как нет никаких сведений о феодальной зависимости марийского населения от этих князей. В преданиях марийские князья

выступают как богатыри — военные вожди. В период Казанского ханства некоторые из этих князей, вероятно, присоединились к господствующему классу татарского общества, так как имеются сведения о существовании марийских мурз и тарханов. В составе Русского государства марийские мурзы и тарханы вошли в состав служилых людей и постепенно слились с русским дворянством.

Включение марийцев в состав населения Русского государства способствовало их приобщению к более развитой культуре русского народа. Однако положение их оставалось тяжелым. Насильственное введение христианства, многочисленные поборы, злоупотребления местных властей, захват лучших земель монастырями и помещиками, воинская повинность и различные натуральные повинности легли тяжелым бременем на марийское население, что не раз служило причиной выступления марийцев против социального и национального гнета. Марийцы вместе с другими народами Поволжья и русскими принимали активное участие в крестьянских войнах под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева (XVII—XVIII вв.). Восстания марийских крестьян вспыхивали также в середине и в конце XIX в.

Христианизация марийцев началась с конца XVI в. и особенно усилилась в середине XVIII в. Но христианская религия фактически не была воспринята даже крещеным марийским населением. Переход в православие народов Поволжья не вытеснил язычества, христианские обряды выполнялись зачастую по принуждению. Большинство марийцев, числившихся формально православными, сохраняло множество пережитков дохристианских верований. Кроме того, оставалась, главным образом среди восточных и луговых марийцев, группа так называемых *чи марий* — «настоящих марийцев», т. е. некрещеных. С исламом марийцы сталкивались и до христианизации, но влияние его было незначительно, хотя некоторые группы марийцев соблюдали отдельные мусульманские обычаи, например считали пятницу праздничным днем.

Для дохристианских верований марийцев характерно многобожие. Главным среди божеств, олицетворявших стихии природы, был добрый бог *Юмо* — бог неба. Носителем зла, по представлениям марийцев, был *керемет*, ему молились и приносили жертвы в специальных кереметных рощах. Вообще же стройной религиозной системы у марийцев не было. Можно говорить лишь о сложном переплетении верований, возникших на разных ступенях развития общества.

Значительное место в верованиях и обрядах марийцев занимала магия. Магические действия были связаны, например, с циклом земледельческих работ: праздник сохи (*ага—пайрем*), осенний праздник нового хлеба (*у кинде пайрем*). Праздник уваживания полей был связан по времени с обрядом *сўрем* — изгнания злого духа.

Борьба русского самодержавия и церкви с дохристианскими верованиями марийцев велась на протяжении многих десятилетий и особенно усилилась в XIX в. В своих действиях администрация и церковь опирались на зажиточные слои деревни. Репрессии по отношению к общей массе марийского населения, не поддавшейся христианизации, вызывали религиозно-националистические настроения среди марийцев. В 70-х годах XIX в. появилась секта *кугу сорта* (Большая свеча), которая пыталась реформировать старые верования на основе резко выраженного национализма и была крайне реакционной. Не случайно, что уже при Советской власти во время обострившейся классовой борьбы в деревне в период коллективизации сектанты активно выступали против колхозов, а также против культурных мероприятий.

К началу XX в. относятся организованные совместные выступления русских и марийских трудящихся — против царизма и эксплуататорских классов. Это в значительной мере было обусловлено ростом рабочего

класса в связи с развитием промышленности в Марийском крае (здесь в 1913 г., например, в промышленности было занято уже 1480 рабочих).

Как и везде в России, во главе трудящихся масс встала партия большевиков. Первый большевистский социал-демократический кружок на территории нынешней Марийской АССР был создан весной 1905 г. в поселке Юрино из рабочих кожевенных предприятий. Он имел связь с Нижегородским окружным центром РСДРП. В 1905—1906 гг. под его руководством проходили политические демонстрации.

В период революции 1905—1907 гг. Казанский областной комитет РСДРП руководил совместными выступлениями русских, чувашских и марийских рабочих и крестьян против помещиков и местной буржуазии. Такие революционные восстания были в Звенигове, Кокшамарах, Мариинском Посаде и других селах и городах Козьмодемьянского и Чебоксарского уездов. Эти выступления беспощадно подавлялись царскими властями.

После свержения царизма в марте 1917 г. власть в Марийском крае захватила буржуазия, организовавшая в Царевококшайске (ныне Йошкар-Ола) так называемый Комитет общественной безопасности. Однако росли и революционные силы, и с мая 1917 г. начался захват марийскими трудящимися частновладельческих земель и предприятий.

Полное освобождение марийского народа от политического, экономического и национального гнета было осуществлено в ходе Великой Октябрьской социалистической революции. В начале января 1918 г. на территории Марийского края установилась Советская власть. 30 января приступил к работе уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В конце того же года была создана первая партийная ячейка. Во время наступления Колчака на Поволжье в 1919 г. 50 % всего состава членов партии пошло на фронт; по инициативе партийной организации была проведена вербовка добровольцев из среды марийских трудящихся, которые были сформированы в роты особого назначения и посланы на Восточный фронт. В борьбе против иностранных интервентов и внутренних врагов марийские трудящиеся шли в одном строю с другими народами многонациональной Советской страны.

Знаменательной датой для марийского народа является 4 ноября 1920 г. — дата опубликования декрета об образовании Марийской автономной области за подписями В. И. Ленина и М. И. Калинина. В состав Марийской автономной области вошли Краснококшайский и часть Козьмодемьянского уезда Казанской губ., а также волости с марийским населением Яранского и Уржумского уездов Вятской губ. и Еманинская волость Васильсурского уезда Нижегородской губ. Областным центром стал г. Краснококшайск, переименованный затем в Йошкар-Олу. В начале 1921 г. организационно оформилась марийская областная партийная организация. 1 июня 1921 г. открылся I съезд Советов Марийской автономной области, наметивший практические мероприятия по восстановлению народного хозяйства.

В 1936 г. Марийская автономная область была преобразована в Марийскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

Преданность марийского народа Родине и Коммунистической партии проявилась с особой силой в суровые годы Великой Отечественной войны, когда марийские патриоты показали себя мужественными бойцами и на фронте и в тылу. Клятвой легендарного марийского героя Чорая поклялся колхозник с. Ныргында, рядовой Ерусланов перед уходом на фронт: «Пока глаза мои видят свет, а руки сгибаются в суставах, мое сердце не дрогнет. Если же дрогнет мое сердце, пусть навеки закроются глаза мои». И сердце отважного воина не дрогнуло: в 1943 г. его танк уничтожил целое подразделение фашистов. Героический подвиг совершила комсомолка-партизанка О. А. Тихомирова, которая после смерти командира

повела партизан в атаку. За проявленное мужество и отвагу сорока воинам Марийской республики присвоено звание Героя Советского Союза, боевыми орденами и медалями награждено более 10 тыс. бойцов и командиров. Колхозы Марийской АССР в период войны включились во всенародное движение помощи фронту. В фонд армии они сдали 1 751 737 пудов хлеба, 1 247 206 пудов мяса, 3488 полупубков, 28 100 пар валенок и 43 млн. руб. Члены колхоза «Передовик» на свои личные средства построили два самолета.

Послевоенный период в республике, как и во всем Советском Союзе, характеризуется повышением роли общественных организаций, дальнейшим развитием советской демократии. Активное участие принимают трудящиеся Марийской АССР в работе местных Советов через постоянные комиссии. Большими полномочиями наделены производственные совещания на предприятиях и в колхозах. Повысилась роль комсомола как в городах, так и на селе. Молодежь Марийской республики по комсомольским путевкам выезжает на шахты Донбасса, на Ангарстрой, на строительство железных дорог и целинные земли Казахстана.

Трудовые подвиги бригад коммунистического труда в промышленности и сельском хозяйстве — реальный вклад марийского народа в общее дело построения коммунистического общества.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Большинство крестьян, населявших территорию современной Марийской АССР, считались в прошлом государственными, частью монастырскими. Помещичье землевладение было распространено в меньшей степени. Крестьянское землепользование было общинным со всеми сопутствующими ему недостатками — чересполосицей, многополосицей и дальнотемельем. На землепользовании марийцев отражалось и старое родовое землевладение. Пережитком его следует считать обычай, в силу которого передел земли производился по отдельным концам деревни (*ял мучаш*), заселенным разветвлениями одного рода.

Основным занятием марийцев в XIX в. было сельское хозяйство, преимущественно земледелие, служившее главным источником их существования. Оно имело полунатуральный характер и отличалось отсталой техникой и низкой доходностью. Местами в Марийском крае сохранялось еще подсечное земледелие, характерное для многих лесных районов. В основном же к концу XVIII в. преобладала трехпольная система полеводства. Главное место в посевах занимали зерновые культуры: рожь, овес, ячмень, гречиха; из технических культур возделывали коноплю. Льна засеивали мало. Огородничество было развито слабо и имело исключительно потребительский характер. Огороды засаживали картофелем, отчасти капустой и луком, в некоторых местах выращивали хмель.

У горных марийцев было развито садоводство. Яблоки шли и на рынок. Скупщики, пользуясь недостатком фруктов в Заволжье, перепродавали их по очень высокой цене луговым мари.

Основным орудием обработки земли была соха (*ага, шага*) с двумя сошниками, в некоторых районах — соха-косуля с одним резцом, одним лемехом и деревянным изогнутым отвалом. Для запашки семян пользовались небольшой сохой без отвала (*шага вуй*). Кое-где новь поднимали широкими мотыгами. Плугами пользовались очень немногие, они были доступны только зажиточным слоям марийской деревни.

Бороны (*тырма, шурэ*) применяли рамные, в редких случаях с железными, а больше с деревянными зубьями, встречались и плетеные бороны.

Удобрение земли практиковалось в незначительных размерах. Данные конца XIX в. по Царевококшайскому уезду показывают, что унавоживали ежегодно не более 3—10% всей пашни. Плохая обработка земли объяснялась также необеспеченностью населения рабочим скотом. Безлошадные хозяйства к 1917 г. на территории Сернурского района, например, составляли 38,7%. Такие крестьяне были вынуждены обращаться к кулакам, имевшим по три—пять лошадей, а те давали им скот для обработки земли на кабальных условиях.

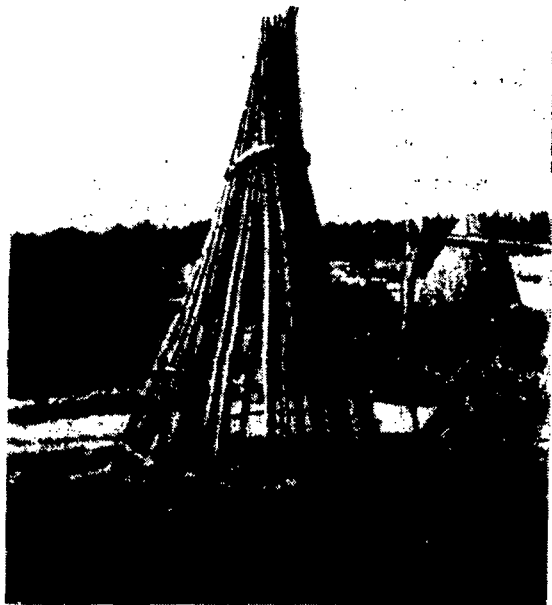
Раздробленное мелкое крестьянское хозяйство не могло обеспечить условий для роста поголовья и повышения продуктивности скота. От коровы местной породы получали всего 500—600 л молока в год. Местный скот был очень мелким, что объяснялось и плохой обеспеченностью кормами из-за недостатка лугов.

Уборка урожая и обработка продуктов сельского хозяйства производились в основном ручным способом. Машинные имели лишь отдельные кулацкие хозяйства. Жали почти исключительно серпом, реже применяли косу-горбушу (*кид са*). Перед молотью снопы просушивали в овине. Простейшего типа овин — шиш (*марла агун*) представлял собой шалаш конической формы, сделанный из жердей; под ним была вырыта яма, в которой разводили огонь. Встречались и срубные овины (*рушла агун*).

Молотили на току деревянными цепами или гоняли по снопам лошадей. Для размола зерна пользовались ветряными и водяными мельницами, большое распространение имели также ручные жернова из камней или кусков твердого дерева.

Доходность сельского хозяйства марийцев в дореволюционное время была чрезвычайно низкой. По статистическому отчету Казанского губернского земства за 1886 г., доход марийского крестьянина в среднем составлял 24 руб. 36 коп. в год, при годовом размере повинностей в 15 руб. 98 коп. Таким образом, крестьянину оставалось лишь 8 руб. 38 коп. Процесс обнищания основной массы марийского населения шел быстрыми темпами, наряду с этим наблюдался рост кулачества. В отдельных районах к началу XX в. сформировались крупные кулацкие хозяйства, применявшие для обработки земли сложные сельскохозяйственные машины и наемный труд. У кулаков накапливались большие запасы хлеба. Например, у некоторых кулаков в Сернурском районе было по 30—50 больших скирд, содержащих по 200 пудов ржи.

Проникновение элементов капитализма в марийскую деревню было менее интенсивным, чем в центральных губерниях России, но и здесь развитие капиталистических отношений значительно усилило имущест-

Марийский овин «марла агун». Царевококшайский уезд Казанской губ. 1905 г.

Жилые дома колхозников. Звениговский район

венную дифференциацию марийской деревни и привело к полному разорению беднейшей части крестьянства.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила марийского крестьянина от кабалы и воплотила в жизнь его вековую мечту о земле. Тысячи малоземельных и безземельных марийских крестьян получили землю. Революционные завоевания Октября марийцы вместе с другими народами Советской страны активно защищали во время гражданской войны. В 1920-х годах марийской партийной организацией была проведена большая работа по вовлечению бедняцко-средняцких масс в сельскохозяйственную кооперацию. В 1926 г. в Марийской автономной области имелось 74 кооперативных, 53 кредитных, 32 машинных товарищества и 22 простейшие сельскохозяйственные артели. Это подготовило переход к сплошной коллективизации, закончившейся в основном к 1937 г. В результате ликвидации капиталистического класса деревни — кулачества все посевные площади были сосредоточены в колхозах и совхозах. Согласно уставу сельскохозяйственной артели, колхозы Марийской республики получили бессрочно, в вечное пользование, 935, 5 тыс. га земли.

Объединение крестьян в колхозы, применение машин, механизация труда позволили освоить новые земельные массивы, значительно расширить посевную площадь.

Благодаря помощи Коммунистической партии и Советского правительства за годы Советской власти в сельском хозяйстве марийцев произошли коренные преобразования. Там, где раньше земля делилась на узкие полоски единоличников, раскинулись теперь поля укрупненных колхозов и совхозов. На колхозных и совхозных полях работают тысячи тракторов и зерновых комбайнов, льнокомбайнов, картофелекомбайнов и много других машин и орудий.

В 1933 г. в Марийской автономной области была пущена первая сельская Наргасская электростанция мощностью в 100 квт. В настоящее время в Марийской АССР общая мощность сельских электростанций достигла 8400 квт. Сотни электромоторов вырабатывают энергию для нужд сельскохозяйственного производства.

Проверка спелости ржи. Колхоз «Партизан». Мари-Турекский район. 1953 г.

В 1959 г. вступила в строй высоковольтная линия Зеленодольск — Йошкар-Ола протяженностью 120 км. В ближайшие годы не останется ни одного колхоза без электроэнергии.

В результате коренного преобразования сельского хозяйства выросли посевные площади и повысилась урожайность сельскохозяйственных культур. Из зерновых культур, которые занимают 70% всей посевной площади, высеваются рожь, пшеница, ячмень, просо, овес. Однако в последние годы посевы зерновых несколько сократились, и за этот счет увеличились площади под картофелем, овощами и кормовыми культурами. С 1954 г. колхозы стали возделывать кукурузу. Из технических культур наиболее распространенной и доходной является лен-долгунец, который почти совершенно вытеснил коноплю. Во многих колхозах производится заводская первичная обработка льна, эти колхозы сдают государству уже готовое волокно.

Увеличилось поголовье скота, улучшается его породность. В колхозы республики за последние десятилетия завезено несколько тысяч голов племенного скота. Организованы государственные племенные питомники, снабжающие колхозы породистым скотом. В колхозном животноводстве Марийской республики широко развернулось социалистическое соревнование, в которое включились тысячи доярок, скотниц, пастухов и т. д.

Благодаря организации семеноводческих колхозов в республике создана семенная база овощных культур, что способствует успешному развитию овощеводства.

Увеличилась площадь посева овощей в подсобных хозяйствах. Развитие общественного овощеводства значительно повышает доходность колхозов.

Заметно расширилось по сравнению с дореволюционным временем садоводство. Основным садоводческим районом по-прежнему является Горномарийский. Но применение мичуринских методов позволило продвинуть садоводство и в северо-восточные районы республики. Для

удовлетворения колхозного и индивидуального садоводства посадочным материалом организованы плодово-ягодные питомники.

В последние годы большое внимание уделяется шелководству, начало которому было положено в 1941 г. на территории Еласовского сельсовета Горномарийского района. Шелководы республики доказали возможность успешного разведения дубового и березового шелкопрядов в условиях Марийской АССР, являющейся самым северным районом промышленного шелководства.

В колхозах и совхозах республики выросли замечательные организаторы сельскохозяйственного производства, мастера земледелия и животноводства.

В производственной жизни колхозов широко применяются социалистические методы труда. Проводятся соревнования не только между отдельными бригадами, колхозами, но и межрайонные, а также с соседними республиками, в частности с Чувашской АССР.

Значительное место в сельском хозяйстве марийцев издавна занимало пчеловодство — одно из древнейших занятий народов Поволжья. Этому способствовали и благоприятные условия занимаемой марийцами территории.

Однако пчеловодство, как и другие отрасли сельского хозяйства, до революции велось примитивно. В районах расселения луговых мари вплоть до начала XX в. сохранялось еще бортничество. Борты (*вопи*) выдалбливали в высоких соснах и елях, иногда к деревьям прикрепляли небольшие ульи в виде колоды. Долго сохранялись в марийской деревне и пережитки родового владения бортями, в частности обычай ставить на них родовые клейма. Наряду с бортевым уже в конце XIX в. появилось пасечное пчеловодство. У горных мари, на территории обитания которых нет больших лесов, пчеловодство и раньше было пасечным. Однако и здесь зачастую применяли ульи примитивного типа — колоды, представлявшие собой спиленную борть (*краж омарта*).

Значительным количеством пасек владело духовенство, монастыри и зажиточные слои деревни. К концу XIX в. пчеловодство стало товарным. Мед и воск через скупщиков поступали на продажу главным образом в Казань, Марийский Посад, Нижний Новгород.

С утверждением колхозного строя состояние пчеловодства в корне изменилось. Широкое распространение пчеловодство имеет в колхозах Моркинского, Горномарийского, Медведевского и Звениговского районов республики. Вместо частных небольших пасек созданы крупные товарные пасеки с применением на них новейших научных методов пчеловодства. Ульи используются только рамные. С каждым годом растут продуктивность пчеловодства и его доходность. Получение четырех пудов (около 65 кг) меда от одной пчелиной семьи стало реальностью для многих пчеловодов республики. Помимо меда, ценными продуктами для промышленности являются воск и пчелиный яд, служащий сырьем для фармакологии.

Охота и рыболовство Охота — также одно из древнейших занятий марийцев. Даже в сравнительно поздний исторический период она была еще основным промыслом, о чем имеются летописные свидетельства. Промысловое значение у марийцев имели белка и куница. В древности белка была эквивалентом денежной единицы. Это нашло отражение в марийском языке: $\frac{1}{3}$ копейки по-марийски *икур* (одна белка).

Для марийцев как древних охотников характерно, что дети, играя, воспроизводят различные моменты и способы охоты на животных и птиц. Очень интересна, например, игра мальчиков (бытующая до нашего времени в Горномарийском районе), которая проводится во время листопада и имитирует процесс охоты на белок с луком.

Несмотря на давность существования у марийцев охоты как промысла, орудия ее даже в более позднее время оставались примитивными. Вплоть до конца XIX в. они применяли западни (*лјдо, рјдо*), силки (*чјчаш, шаранга*), деревянные капканы (*атор*), рогатины, кремневые ружья. Даже в середине XIX в. отмечались случаи использования охотниками стрел (*пикш*). Применялся способ облавной охоты на зайцев с сетью. Огнестрельное оружие использовали редко.

До революции продукты охоты шли на личное потребление или через скупщика на продажу. В конце XIX в. была развита сеть скупщиков, которые держали в кабальной зависимости марийских охотников. К началу XX в. охота утратила товарное значение, сохранив почти исключительно потребительский характер.

Рыболовством занимались в селениях, расположенных близко к Волге, а также к другим внутренним рекам и озерам. Основными орудиями лова были сети разного образца. В ловле большой сетью — бреднем — участвовала нередко почти вся деревня. У омутов и ям ставили «морды» и мережи (*гылга, мура*), сплетенные из ивовых и черемуховых прутьев или веревок. Крупную рыбу ловили на перемет или самодельную блесну. В половодье около устьев рек, впадающих в Волгу, ставили заборы — заборы из кольев, чтобы затруднить рыбе доступ в большую реку. При спаде воды рыба попадала в сеть, расставленную у забора. Этот способ давал большие уловы, но применение его вело к хищническому истреблению рыбы. Помимо подспорья в питании семей рыболовов, рыба имела и товарное значение; через скупщиков-рыботорговцев ее отправляли на рынки в города Поволжья. Некоторые селения сдавали промысловые рыбные угодья в аренду кулакам и приезжим рыботорговцам.

В настоящее время охота и рыболовство в Марийской АССР не имеют промышленного значения, но они сохраняются как подсобные занятия. Так, в некоторых колхозах (главным образом Горномарийского производственного управления) развито рыболовство. Большое количество озер, рек, прудов благоприятствуют развитию в Марийской АССР колхозного рыболовства. В республике создан рыбопитомник. Охота и рыболовство сохраняются и как любимые виды спорта. Кооперативные организации Охотсоюз, Рыбаксоюз объединяют любителей охоты и рыболовства. Они ведают организацией труда, сбыта, снабжают своих членов нужными орудиями. Охотники от примитивных орудий перешли к огнестрельному оружию; порох и дробь они получают через Охотсоюз. Изжиты хищнические способы истребления животных, птиц, рыбы. Установлены сроки охотничьего и рыболовецкого сезонов.

Вплоть до Октябрьской социалистической революции марийцы многие орудия производства и предметы потребления изготавливали домашним способом.

Домашнее
производство,
ремесла
и промыслы

Так, они ходили в домотканой одежде — холщовой и суконной. Холсты ткали в основном из волокон конопли (*кыне*). Из шерсти изготавливали также головные уборы, обувь. Обработку волокна, прядение, тканье марийцы производили теми же способами, которые применялись и у их соседей — чувашей, русских, мордвы и др.

Для отделения волокна стебли конопли обрабатывали деревянной мялкой (*тулэ*), затем их толкли пестами в ступе. У каждой ступы работало по четыре-пять женщин. Размяченное в ступе волокно трепали деревянными ланцетовидными трепалами или просто гладкими палками, а затем чесали с помощью щеток каждый пучок отдельно. Щетки изготавливали или из свиной щетины, скрепленной сапожным варом, или из шкурки ежа.

Прялки были своеобразного типа, с плоским донцем и высокой палкой. В редких случаях применяли русский гребень. Самопрялки с колесом марийцы совсем не знали. Веретена были такие же, как у соседних

В корзино-мебельной мастерской промартели с. Носели Горномарийского района. 1932 г.

народов. Аналогичны и приспособления для подготовки пряжи к тканью и для самого тканья: вороб, певка (*шоки*), сновалка (*олдырчо*) и скальница. Ткацкий станок марийцев был легко передвигаемым, горизонтальным, без заднего навоя, с укрепленной к стойке основой, заплетенной в косу. Бердо держалось на основе, а ниточки подвешивались на веревочках и прикреплялись к палке. В некоторых районах пользовались станом русского типа с рамой и задним навоем.

Особым видом домашнего промысла являлась вышивка, которой украшалась одежда.

Орнаментацией одежды занимались женщины, преимущественно девушки, в свободное от сельскохозяйственных работ время. Вышивание нередко брали с собой в гости. Поэтому вышивальницы часто говорят: «Эту новую вышивку я начинала в гостях». Традиции вышивки передавались из поколения в поколение. Развиваясь в условиях полунатурального хозяйства, вышивка была связана с использованием материала домашнего производства — пряжи, растительных красителей. Способы домашнего окрашивания, применявшиеся марийскими женщинами, свидетельствуют о мастерстве красильщиц; об удачной разработке ими методов окрашивания и прекрасном знании свойств различных красителей.

С проникновением в марийскую деревню капиталистических отношений вышивка приобрела характер промысла. Женщины изготовляли на продажу отдельные части одежды и продавали их на местных базарах. Появились скупщики, которые, покупая вышивки по очень низкой цене, перепродавали их с большой выгодой для себя. Вышитые изделия луговых мариек Моркинского района шли даже за границу — в Америку и Францию.

Домашним способом изготовляли также деревянную утварь, сельскохозяйственные орудия, средства передвижения. Из ивовых прутьев плели корзины; из бересты и луба делали обувь, кузова, сумки. Изделия деревообделочного производства использовались не только в домашнем быту, но и продавались.

Лесное хозяйство в прошлом было примитивным. Лес в необработанном виде сплавлялся в крупные промышленные центры, за пределы Марийского края. Довольно широко были распространены мелкие лесные промыслы: гнали деготь, смолу, скипидар, жгли древесный уголь. Почти до конца XIX в. смолу получали примитивным, так называемым корчажным, способом, но добывали ее много: в начале XX в. Марийский край давал 60% общего количества смолокурной продукции России. Заработки смолокуров были очень низкими.

Металлообработка у марийцев не получила развития. Даже простые железные части орудий они покупали. Незначительное распространение имело лишь изготовление металлических украшений. Так, жители дер. Чаломкино (ныне Еласовского сельсовета Горномарийского района) занимались производством на продажу цепочек из низкопробного, так называемого польского серебра, а также из различных металлических сплавов — латуни, альпака и т. п.

При Советской власти традиционные для марийцев промыслы — смолокурение, углежжение, выработка мочала, обода и полоза, корзиноплетение, производство гнутой черемуховой мебели (в Горномарийском районе) и т. п. стали развиваться на новой организационной основе. Были созданы артели, вошедшие в систему промысловой кооперации. В настоящее время промыслами ведает Управление местной промышленностью. Снабжение необходимым инструментарием и сырьем, а также сбыт продукции осуществляются на плановых началах.

Промышленность В дореволюционное время промышленность на территории нынешней Марийской АССР была представлена четырьмя полукустарными стекольными заводами, одним винокуренным в Царевококшайске, судоремонтной мастерской в Звениговском районе и полутора десятками кустарных лесохимических, деревообрабатывающих и кожевенных предприятий с примитивной техникой. Одно из основных богатств республики — лес — хищнически истреблялся лесопромышленниками, которые вели лесоразработки по течениям сплавных рек.

Для рубки леса и сплава лесопромышленники нанимали сезонных рабочих, приходивших в поисках заработка из различных деревень Марийского края. Предприниматели жестоко эксплуатировали эту дешевую рабочую силу.

Каторжные условия труда на лесоразработках усугублялись тяжелыми бытовыми условиями. Рабочие жили в зимовках — низких примитивных срубках с очагом посередине, спали вповалку на нарах. Эти сырые, темные, грязные помещения были рассадниками различных заболеваний.

При Советской власти большое внимание начало уделяться промышленному развитию Марийского края, как и других областей нашей страны. В 1920-х годах в Марийской автономной области был восстановлен и заново построен ряд предприятий: стекольный завод им. Ленина, типография, электростанция, лесопильный и кирпичный заводы и др. До Великой Отечественной войны было пущено в ход 45 новых промышленных предприятий. Заново были созданы бумажная, полиграфическая, лесобрабатывающая отрасли промышленности и производство строительных материалов. За годы войны был вновь создан ряд государственных и промыслово-кооперативных предприятий. Промышленные предприятия, построенные раньше, были реконструированы, благодаря чему в несколько раз увеличилась их мощность.

Гордостью трудящихся Марийской АССР является крупнейший в Советском Союзе Марийский целлюлозно-бумажный комбинат, со строительством которого возник г. Волжск. Только за первые 10 лет своего существования комбинат дал Родине столько бумаги, что, если ее растянуть

На заводе электрических приборов в г. Йошкар-Оле

в одну ленту, ею можно опоясать земной шар по экватору 16 раз. Существовавшая до революции небольшая судоремонтная мастерская за годы Советской власти превратилась в крупное предприятие по ремонту волжских пароходов — судоремонтный завод им. Героя Советского Союза С. Н. Бутыкова.

В настоящее время в республике работает более 300 промышленных предприятий, оборудованных передовой техникой. В Марийской АССР получили развитие машиностроительная, электротехническая, целлюлозно-бумажная, деревообрабатывающая, лесохимическая, пищевкусовая, текстильная и другие отрасли промышленности. Выпускаемая промышленными предприятиями продукция стала известна далеко за пределами республики. Бумага, вырабатываемая Марийским целлюлозно-бумажным комбинатом, экспортируется во все социалистические страны. Продукция завода торгового машиностроения известна не только в нашей стране, но и за рубежом.

Машиностроение становится ведущей отраслью промышленности республики. Благодаря внедрению новой техники, комплексной механизации и автоматизации производства производительность труда на предприятиях значительно повысилась.

Больших успехов добилась лесная промышленность республики. Лесозаготовительная промышленность Марийской АССР обслуживает не только нужды республики, но снабжает лесом и другие районы страны, в том числе шахты Донбасса и новостройки Волгограда. В лесопромышленности созданы постоянные кадры рабочих, для них построены десятки поселков с медицинскими пунктами, школами, клубами, банями, магазинами, столовыми, детскими яслями. Рост механизации, создание нормальных жилищно-бытовых условий для рабочих способствуют повышению производительности труда и увеличению числа передовиков-лесорубов.

Дальнейшее развитие получает лесобрабатывающая промышленность. Кадры квалифицированных рабочих готовят ремесленные училища и школы ФЗО. Из среды рабочего класса вышли тысячи замечательных ма-

В поселке лесорубов Юринского леспромпхоза

стеров своего дела, зачинателей социалистического соревнования. В республике 950 производственных коллективов, в которых тысячи передовиков и новаторов соревнуются за звание бригад коммунистического труда. Многим из них такое звание уже присвоено.

На заводе электроаппаратуры бригада коммунистического труда систематически перевыполняет нормы. Все члены бригады учатся в школах, техникумах или институтах.

Марийская АССР вместе с Чувашской и Мордовской АССР входит в настоящее время в Волжско-Вятский экономический район. Это дает возможность полнее использовать внутренние ресурсы республики для роста промышленного производства.

Средства
сообщения
и связь

В прошлом на территории нынешней Марийской АССР не было хороших путей сообщения. Железные дороги отсутствовали. Водными путями служили Волга и ее притоки — Сура и Ветлуга, но

эти притоки были судоходными лишь до спада весенней воды, летом они сильно мелели.

В зимнее время, с прекращением навигации, жители приречных районов, как и других местностей, страдали от бездорожья. Сеть грунтовых дорог была мало развита из-за густых лесов и болот. Тракты и проселочные дороги почти не ремонтировались. Незначительных сумм, отпускаемых на ремонт путей, едва хватало для починки мостов.

Летом средствами передвижения у марийцев служили деревянная четырехколесная телега (*орва*, *орава*), верх которой был выстлан деревянными досками или лубом, и тарантас с кузовом, сплетенным из ивовых прутьев. У горных марийцев в середине XIX в. были распространены кибитки, сводчатый верх которых, покрытый кожей и украшенный мелкой резьбой, прикреплялся к обычной четырехколесной телеге. Эти кибитки использовались главным образом во время свадьбы, отсюда и их название — *сўан повоска* (свадебная кибитка). Свадебный поезд состоял нередко из 30—40 кибиток.

В зимнее время бытовали сани-розвальни (*тер*) с настилом из луба и дровни на широких полозьях, на которых главным образом перевозили

дрова и строевой лес. По воде передвигались в дощатых лодках и долбленках (так называемых ботниках). Все средства передвижения были местного изготовления. Кладь переносили в крошнях, сплетенных из лыка, дубяных кузовах разных размеров, сумках из бересты и лыка, реже из кожи.

Некоторые исследователи отмечают, что в XVII и XVIII вв. мари́йцы перевозили кладь на вьючных лошадях в круглых липовых дуплянках с крышкой, которые вешали по обеим сторонам седла. В пережиточной форме этот обычай сохранялся у горных мари́йцев до конца XIX в. в свадебном обряде.

В настоящее время благодаря развитию дорожного строительства ликвидирована былая изолированность мари́йских деревень. К налаживанию дорожного хозяйства и транспорта приступили в первые же годы после Октябрьской революции. К 1945 г. Мари́йская АССР имела 4477 км дорог.

Заново построен Сернурский тракт с твердым покрытием, который связал республиканский центр с отдаленными северо-восточными районами республики. Закончено строительство Оршанского тракта.

Железнодорожная магистраль Йошкар-Ола — Казань соединила столицу республики с культурными центрами Советского Союза; ее значение в народном хозяйстве республики огромно.

С 1937 г. введена в эксплуатацию железная дорога Зеленый Дол — Волжск. Построен ряд лесовозных железнодорожных веток. Большое развитие получил автотранспорт. Между всеми районами курсируют пассажирские автобусы. Каждый колхоз имеет в своем распоряжении автомашины. Население широко пользуется велосипедами и мотоциклами.

С 1935 г. в республике налажено также воздушное сообщение. Авиалиниями связаны со столицей республики все районные центры. Установлено воздушное сообщение г. Йошкар-Олы с Москвой, Казанью, Чебоксарами, Горьким и другими городами. Почта, телеграф, телефон связывают между собой и с культурными центрами все отдаленные уголки республики. Широкое распространение получила радиофикация. Радиовещательная станция ведет передачу на русском и мари́йском языках.

Поселения
и жилище

По планировке мари́йские селения в конце XIX в. мало отличались от русских деревень. Постройки располагались вдоль дороги или порядками.

В более раннее время для мари́йских селений было характерно беспорядочное расположение построек, хранившее следы прежнего родового расселения. В то время селения состояли из разбросанных группами строений ближайших родственников.

В материалах С. К. Кузнецова отмечено: «Починки (*сола*) первоначально заселялись несколькими семействами, связанными между собой узлами родства, единством происхождения по отцу».

Как пишет И. Н. Смирнов, «когда роду становилось тесно в данном месте, из него выделялись отдельные семьи, которые основывали новые поселки, постепенно разраставшиеся».

Деревни разрастались путем образования большого количества разбросанных по разным направлениям выселков, так называемых околотков.

Отзвуки родовых отношений, хотя и весьма отдаленные, можно проследить и в топонимике. Многие старые мари́йские деревни носили название урочища, в котором они были расположены (*нур* — поле, *амер* — овраг и т. п.), с прибавлением имени собственного (например, Сернур). Словом *ял*, которым оканчиваются названия деревень (например, Лошьял), мари́йцы обозначали населенный членами одной родственной группы поселок.

Поселения старого типа были широко распространены еще в первой половине XIX в. Позднее под воздействием русской культуры началось постепенное выравнивание улиц. Этот процесс естественного изменения планировки был ускорен официальным распоряжением, обязывавшим производить уличную застройку марийских деревень.

Жилищем марийцев в начале XX в. была бревенчатая изба (*nöрт*, *сурт*) с двускатной крышей, двумя-тремя окнами на улицу и одним во двор. К избе примыкали ворота — двустворчатые, крытые, украшенные резьбой, или одностворчатые без резьбы. Резьбой украшали также наличники окон, подзоры (лобовые доски), иногда карнизы домов. В более старых поселениях изба стояла посередине двора. В безлесных районах (например, Сернурском) изредка встречались глинобитные постройки. У восточных марийцев, живущих по соседству с башкирами, можно было встретить плетневые постройки, обмазанные глиной, с соломенной или дранковой крышей.

Большинство изб состояло из одного помещения с бревенчатыми стенами и низким накатным потолком. Окна были зачастую одностворчатые с отодвигающейся половиной одинарной рамы. Печь в избе располагалась обычно у передней стены слева, реже справа от входа, устьем к двери, иногда к окнам. На шестке слева устраивали очаг. В печи пекли хлеб, пищу готовили чаще на очаге в подвесном котле. По стенам тянулись тесаные или рубленые некрашеные лавки. В переднем углу находился стол-шкафчик. Справа от входа помещался дощатый помост — подобие кровати. Около печи под потолком делали полати.

Описанная изба представляла собой основной вид жилища конца XIX — начала XX в. В более раннее время большинство изб в марийской деревне были курными (*шеме нöрт*) с дымовым отверстием в потолке. Окно в такой избе заменялось квадратным отверстием в стене, затянутым зачастую вместо стекла бычьим пузырем. Встречались также волоковые окна.

Курные избы, распространенные в начале XIX в., встречались еще и в конце столетия. Среди жилищ бедняцкого населения марийской деревни (в особенности северных районов) курные избы сохранялись вплоть до установления Советской власти. Жилища отражали классовую дифференциацию марийской деревни. Дома зажиточных нередко представляли собой просторные пятистенки, состоящие из двух помещений — переднего и заднего, у основной же массы населения размеры жилища не превышали 4×5 м.

К началу XX в. для освещения использовали керосиновые лампы, но еще в конце XIX в. употребляли светец с лучиной (*изике*).

Большинство марийских крестьян жило бедно, в антисанитарных условиях. В избах было сыро из-за отсутствия вторых рам, грязно, так как тут же зимой находился и скот. Воздух в избах был тяжелый, спертый, освещение слабое. Спали на деревянном помосте или кровати, сколоченной из досок, иногда на полу на подстилке из соломы, войлока или овчины. Подушки, перовые или пуховые, имелись в каждой семье, но постельного белья не было, вместо одеял укрывались обычно одеждой.

Непосредственно к жилой избе через сени примыкала бревенчатая постройка — клеть для хранения хлеба и домашнего скарба. Делали ее обычно на столбах-подставах, которые запирали досками.

У луговых марийцев клеть была одноэтажной; горные марийцы строили двухэтажные клетки с наружным ходом в оба этажа и галереей с резной деревянной решеткой в верхнем этаже. После свадьбы в этом помещении (*ош кудо*) в первое время жили молодые.

Из надворных строений для марийцев была характерна постройка, называемая *кудо*. Это был бревенчатый сруб без окон, с дощатой, редко сколоченной крышей, через щели которой выходил дым. Потолка не

делали, пол был земляной. Посередине куду помещался открытый очаг, на котором варили пищу в котле, висящем на длинном зубчатом деревянном крюке. Дверь куду была обращена на юг. По стенам ее шли лавки, в углу стоял стол. Куду использовалась марийцами как летняя кухня, однако есть основание видеть в ней древний тип марийского жилья. На это указывают также и связанные с ней религиозные представления марийцев.

Хлев (*вута*) строили с верхним помещением для сена и соломы. Иногда ставили несколько хлевов, они соединялись большим навесом, под которым хранились телеги, повозки и т. д., а также сельскохозяйственные орудия. Эти надворные постройки покрывали соломой или досками. Недалеко от избы, обычно против нее, был погреб (*нөрөн*). Двор делали открытый, большой, со всех сторон огороженный постройками (покоеобразная застройка). Содержали его в чистоте.

Позади усадьбы находились огород (*пакча*) и гумно (*идымпече*). Здесь часто ставили и баню (*монча*). В некоторых северо-восточных районах Марийского края на усадьбе огораживали *тошкэм* — место, засаженное деревьями, для семейных молений.

За годы Советской власти благодаря большим успехам, достигнутым трудящимися Марийской АССР в развитии экономики и культуры, произошли изменения в бытовом укладе марийцев. Совершенно преобразился облик их селений. Теперь в центре каждой деревни группируются общественные постройки — сельсовет, правление колхоза, клуб со зрительным залом и экраном для кино. Перед зданием сельсовета или правления колхоза нередко можно увидеть площадку с установленной на ней трибуной и доской показателей социалистического соревнования. Ясли, школа, магазин, столовая также находятся в центре поселка. Больница обычно расположена отдельно от жилых построек, чаще за селением, нередко она окружена зелеными насаждениями. Перед школой — спортивная площадка, служащая также местом вечерних встреч молодежи.

Хозяйственные постройки общественного назначения тоже сгруппированы в одном месте — хозяйственном центре колхоза. Это длинные строения специализированных скотных дворов, обширные сараи для сельскохозяйственных машин, амбары для зерна и т. п. В каждой деревне обязательно имеется пожарный сарай с вышкой для дежурного. В колхозах широко развернулось строительство новых домов, которое ведется большей частью специальными строительными бригадами. Некоторые колхозные поселки почти полностью отстроены заново. Так, в поселке колхоза «За коммунизм» Звениговского района в настоящее время из старых построек сохранилось только пять домов. Поселок большого колхоза «Чирки» Медведевского района также отстроен после организации колхоза, там возведено 250 новых домов. При строительстве новых домов строго соблюдается плановая застройка прямыми улицами. Улицы и дворы озеленяются. В марийских селениях теперь можно встретить мощеные улицы.

На территории колхоза «Сила» Горномарийского района построено восемь клубов, пять библиотек, имеются стационарная и передвижная киноустановки. Построен колхозный дом культуры со зрительным залом, библиотекой, комнатами для кружков художественной самодеятельности. В деревнях, входящих в колхоз, есть все, что характерно для города, — средняя и начальная школы, больницы, столовые, дом для приезжих, магазины, общественные бани, почта, служебные и квартирные телефоны, радиовещание. Колхоз электрифицирован.

Планировка усадеб колхозников сохраняет некоторую устойчивость как в размещении построек во дворе, так и в типах надворных строений. Но во вновь отстроенных дворах меньше помещений для скота (в част-

ности, отпала надобность в конюшне), исчезли сараи-навесы для сельскохозяйственного инвентаря. Место, отводившееся для гумна, засаживается теперь огородными культурами. Изменилось внешнее оформление домов. Новшеством являются балконы (галереи) и мезонины. В традиционную деревянную резьбу на воротах, оконных наличниках, карнизах введены элементы современного орнамента: серп и молот, пятиконечная звезда, голубь мира. Деревянная пятиконечная звезда устанавливается иногда и наверху крыши вместо охлупня. Повсеместно распространены богато украшенные резьбой фронтоны. Применяется нарядная зашивка досками фронтона, так что под двускатной крышей образуется ниша, этот прием характерен и для других народов Поволжья — мордвы, чувашей, татар.

Новыми в современных марийских домах являются также украшенные резьбой и точеными деталями большие слуховые окна четырехугольной формы.

Рост благосостояния марийцев отразился на внутренней планировке и убранстве жилых домов. Строятся в основном двух-четырёхкомнатные дома. Увеличились размеры и число окон, появились двойные рамы. Стены оклеивают обоями — явление совершенно новое для марийской деревни. В убранстве комнат используются декоративные изделия: ковры, узорные полотенца, вышитые наволочки, дорожки на стол, салфетки и т. п. Мебель в колхозной избе в основном традиционная — лавки, стол, стулья. Но в большинстве домов появились металлические кровати с пружинным матрацем, заменившие деревянный дощатый помост старого марийского жилья. В некоторых районах (например, Горномарийском) распространены стулья кустарного производства, гнутые из черемухи. В других районах бытуют складные стулья со спинкой.

В избах колхозников выделены уголки для школьников, где дети готовят уроки, развешивают свои рисунки, различные картинки и т. п. Во многих домах на стенах висят в рамках почетные грамоты членов семьи. Нередко ближе к переднему углу к стене приколоты медали, врученные членам семьи за боевые заслуги и за самоотверженный труд во время Великой Отечественной войны.

Иной облик, чем в прошлом, имеют теперь и марийские города. Население их численно возросло и изменилось по составу. В результате развития промышленности и общего подъема культуры выросли кадры рабочих, служащих и интеллигенции, живущих в городах. Удельный вес городского населения республики особенно возрос в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время (с 4 до 28%).

На территории республики имеется три города: Йошкар-Ола, Волжск и Козьмодемьянск.

Столица республики — г. Йошкар-Ола (Красный город) был основан в 1578 г. как «Царев город на Кокшаге». В дореволюционное время он развивался медленными темпами и на протяжении многих столетий влачил жалкое существование. «Вас поразит убожество жилищ: деревянные ветхие, покосившиеся набок и поросшие мохом домишки наводят на вас мрачные думы о жалком положении горожан», — писал о Царевококшайске в 80-х годах прошлого столетия местный житель Ив. Дерюжев. В XIX в. слово «царевококшайский» служило синонимом крайней отсталости, глуши и провинциализма.

Теперь от старого захолустья с двумя улицами и пятью безымянными переулками не осталось и следа. После Октябрьской революции город неузнаваемо изменился. Он начал перестраиваться уже в первые годы образования Марийской автономной области (с 1921 г.).

Вместе с развитием промышленности и культуры стали возводиться фабрично-заводские здания и корпуса, строятся новые помещения (нередко со специальным оборудованием) для культурно-просветительных

учреждений. В 1927 г. был оборудован радиоузел. Заметное влияние на развитие города оказало проведение железной дороги, которая связала Йошкар-Олу с крупнейшими центрами страны. Особенно значительный размах получило промышленное строительство в послевоенный период. Город окружен как бы кольцом промышленных предприятий, среди которых имеются и крупные, такие, как завод торгового машиностроения, электроавтоматики, сельскохозяйственных машин, витаминный и др.

В настоящее время строительство новых промышленных предприятий планируется преимущественно в юго-западном районе города. Наряду с заводскими районами перестраивается и центр. В соответствии с генеральным планом реконструкции города заново возникают целые кварталы, создаются ансамбли жилых и общественных построек. Архитектурно-композиционным центром города является Правительственная площадь, на которой находится Дом Советов. На ней же выстроено облицованное белым мрамором красивое здание Марийского государственного театра на 800 мест. С другой стороны площади — новая гостиница «Советская» на 218 мест. Привокзальная площадь, в центре которой высятся здание нового железнодорожного вокзала, также вновь застроена в последние годы.

Коммунально-жилищное строительство приняло небывалые ранее размеры. За 10 месяцев перед XXII съездом было отстроено 50 тыс. кв. м жилой площади. В центре города коммунальные дома имеют чаще всего четыре этажа, в остальных районах ведется строительство двух- и трехэтажных домов.

Жилые дома просты, но в них учтены все санитарно-гигиенические требования и обеспечен максимум бытовых удобств. Новые сооружения обогащают архитектурный облик города. В социалистическом соревновании городов РСФСР по благоустройству в 1961 г. Йошкар-Оле была присуждена вторая премия.

Козьмодемьянск — административный центр Горномарийского района, так же как и Йошкар-Ола, старинный город, основанный во второй половине XVI в. (1583 г.). В настоящее время это крупный транспортно-промышленный центр на Волге. Козьмодемьянский рейд ежегодно сплавляет по реке миллионы кубометров леса. Из предприятий местной промышленности в городе работают плодоягодный завод, маслозавод, мебельная фабрика и др. Среди культурно-просветительных учреждений города — дом культуры, театр, библиотеки, кинотеатр, краеведческий музей и др.

Город растет; в длину он растянулся на десятки километров. Отдаленные районы города связаны с центром автобусным сообщением.

Третий город республики Волжск (административный центр Волжского района) — город нового типа. Он возник в 1930 г. на месте двух небольших деревень и начал развиваться сначала как рабочий поселок в связи со строительством Лопатинского лесопильного завода. Его строительство расширилось в последующие годы, когда в этом районе началась постройка целлюлозно-бумажного комбината. В 1940 г. Волжск стал городом. Теперь это крупный индустриальный центр. В нем насчитывается свыше десятка промышленных предприятий. Кроме упомянутых выше крупных заводов, имеются и более мелкие — лесозавод «Заря», хлебозавод и др. Волжск — красивый, большой город с благоустроенными домами и целым комплексом учреждений бытового обслуживания. Дома в нем как деревянные двухэтажные, так и каменные двух- и трехэтажные с центральным отоплением, водопроводом, канализацией. Город телефонизирован и радиофицирован.

Новый тип зданий преобладает и в поселках городского типа, таких, как Звенигово, Юрино, Красногорский, Краснооктябрьский, Мариец,

Город Йошкар-Ола. Советская улица

Суслонгер, Мочалище. В довоенный период основным типом построек в рабочих поселках были деревянные дома с широкими окнами в виде бревенчатых рубленых барачков.

В настоящее время в названных поселках городского типа выстроены многоквартирные каменные здания в несколько этажей. Внутренняя планировка и обстановка в этих домах рабочих не отличаются от городских квартир.

В поселках организовано и культурно-бытовое обслуживание населения. Имеются школы, больницы, клубы промышленных предприятий, дворцы культуры, библиотеки, не говоря уже о столовых и магазинах. В некоторых поселках построены кинотеатры.

Одежда В прошлом одежда марийцев была почти исключительно домашнего производства. Изготовлением ее занимались женщины. Этот процесс требовал большой затраты времени. Материалом для верхней (зимней и осенней) одежды служило домотканое сукно черного, коричневого или белого цвета и овчина. Рубахи и летние кафтаны почти повсеместно шили из белого льняного холста. Только у восточных марийцев наряду с белой холщовой встречалась одежда из пестряди.

Основными частями женской марийской одежды были туникообразная рубаха, кафтан, штаны, головной убор и плетенные из лыка лапти. Женскую рубаху (*тувыр*, *тыгыр*) шили из трех-четырех полотнищ холста, прямого покроя, без клиньев. Рукав пришивали по прямой линии к переднему полотнищу. Разрез делали сбоку или посередине груди. В основном покроем был одинаковым у всех групп марийцев, локальные особенности

Замужняя мари́йка в праздничном костюме и головном уборе «сорока». Яранский уезд Вятской губ. Начало XX в.

швам, отсутствовала и орнаментальная полоса вдоль рукавов. Соблюдались и возрастные различия в орнаментации женской одежды: на детских рубашках отсутствовала нагрудная вышивка, у подростков 13—16 лет и у девушек узор состоял из группы небольших кружочков, квадратиков или крестиков, тогда как у взрослых женщин нагрудная часть рубах была богато орнаментирована. Рубаха служила одновременно нательной одеждой и платьем.

Под рубаху надевали штаны (*йолаги*) из грубого холста на завязках. Поверх рубахи носили род холщового балахона (*шобр, шовыр*) с вышивкой спереди по разрезу, на спине и на рукавах. У луговых мари́ек шовыр шили цельным с клиньями или без клиньев по бокам; горные мари́йцы носили шовыр отрезной в талии с борами сзади.

Верхний суконный кафтан (*мыжсер*) также был двух типов — с клиньями или с борами. Луговые мари́йки делали кафтан с открытым воротом и нередко украшали его по краю выреза нашивками из кумача, тесьмы или бисером. Горные мари́йки шили [кафтаны с небольшим стоячим воротником.

Рубахи и кафтаны носили с различными поясами (*йүштö*), плетеными или ткаными из шерсти и шелка, украшенными бисером, кистями, металлическими цепочками и бляшками. Передник был холщовый, вышитый. Более старая его форма — небольшой прямоугольный лоскут с завязками, позднее (с начала XX в.) появились передники с грудкой, хотя не во всех районах.

были незначительны. Так, у горных мари́ек рукава заканчивались нередко обшлагами, тогда как в других районах обшлагивания не делали. Восточные мари́йки обычно нашивали оборки на подоле или на груди рубах. У всех групп мари́йцев рубахи богато украшались вышивкой на груди, плечах, спине и рукавах. Вышивали шерстяными, шелковыми и хлопчатобумажными нитками.

В вышивке рубах наблюдались локальные различия. Наиболее богатой орнаментацией отличались рубахи в центральной и юго-восточной частях края. Зачастую рисунок ее был рельефным, плотным, выполненным шерстью темной расцветки. В северных районах вышивка на рубахе была значительно тоньше; ее выполняли шелком. Вышивка на рубахах горных мари́ек была многоцветной с очень мелким рисунком. Наблюдались различия и в размещении вышивки: например, в северных районах на рубахах не было вышивки по соединительным

Зимой носили шубу (*ужга*) из овчины с борами. Обувью служили лапти, плетенные из семи или девяти лык (*шымниан* или *индешниан йыдал*), с низкими бортами и мелкой головкой, с мочальными оборами. С лаптями носили холщовые портянки или суконные онучи из белого или черного сукна, которыми туго обертывали ноги.

Головные уборы замужних женщин отличались большим разнообразием. Основными были три типа головных уборов: сорока (*сорока*) — лопатообразный головной убор, *шымакш* (*шинга шовыч*, или *калпак*) — конусообразный головной убор в виде колпачка и головное полотенце (*шарпан*). Их изготовляли из тонкого холста и почти сплошь покрывали вышивкой. Отдельные типы головных уборов были специфичны для определенных районов. Были даже различные названия для мариек, носящих тот или иной головной убор: *сорокан-ватэ* — женщина носящая сороку, *шымакшан-ватэ* — женщина, носящая шымакш, и, наконец, *шарпан-ватэ*.

Горная марийка в праздничном наряде.
Козьмодемьянский уезд Казанской губ.
Начало XX в.

Непременной принадлежностью марийского женского костюма было большое количество различных украшений — головных, нагрудных, шейных, поясных. Материалом для изготовления их на территории нынешних Сернурского, Медведевского, Советского районов был бисер, в других местах преобладали монеты. Кроме того, повсеместно употребляли раковины-ужовки (*кишке вуй*). С насаждением христианства марийки к шейным украшениям стали привешивать кресты. Украшения и материал для них продавали на ярмарках и местных базарах. Металлические украшения собирали сами марийки, только цепочки из металлических сплавов изготовляли кустари в дер. Чаломкино близ Козьмодемьянска, да кресты отливали в с. Рыбная слобода (ныне Пестречинский район Татарской АССР). Полный набор украшений с настоящими серебряными монетами можно было встретить только у зажиточных мариек. Бедные крестьянки носили меньшее количество украшений, причем монеты они заменяли оловянными бляшками и жетонами.

Женская одежда в большей степени, чем мужская, сохраняла архаические черты и национальные особенности. Но в районах со смешанным населением происходило взаимовлияние культур, что отражалось и на одежде. Можно отметить многие черты сходства между марийским костюмом и одеждой соседних народов — чувашей, мордвы, удмуртов, татар.

Например, рубахи марийцев по покрою и отчасти орнаментации можно сравнивать с одеждой мордвы-мокши. Формы головных уборов чувашей и мордвы во многом сходны с марийскими. Одежду горных марийцев

зачастую трудно бывает отличить от одежды верховых чувашей. Распространение рубахи с оборкой из пестряди во многих районах Марийской АССР, сопредельных с Татарской и Башкирской АССР, несомненно, является результатом татарского или башкирского влияния. Все это объясняется древними историческими, бытовыми, экономическими и культурными связями, а также территориальной близостью упомянутых народов. К концу XIX в. стало заметно значительное воздействие русской культуры, выразившееся, в частности, в распространении среди марийцев одежды городского типа.

Основные части старинной мужской одежды — холщовая вышитая рубаха, штаны, холщовый кафтан, онучи (*витыр*) и лапти (*йыдал*). Рубаха была несколько короче женской, разрез часто делали на правой стороне груди, в некоторых районах рубахи шили со стоячим воротником. Рубаху носили с узким пояском, плетеным из шерсти, или кожаным ремнем с пряжкой. На мужской одежде вышивки было значительно меньше, чем на женской, кафтан совсем не вышивали.

Суконный кафтан (мыжер) и овчинная шуба (ужга) по покрою не отличались от женских.

Мужскими головными уборами были войлочные шляпы (*теркувыш*), плоские, с загнутыми краями или цилиндрической формы, а также круглые меховые бараньи шапки или шапки с суконным верхом и меховым околышем.

Детская одежда по покрою основных частей мало отличалась от одежды взрослых, но вышивали ее лишь слегка и несложным узором. Девочки не носили сложных головных уборов и украшений.

Народная марийская одежда сохранялась вплоть до начала XX в. Лишь в первой четверти XX в. получили распространение фабричные ткани. У мужчин появились ситцевые и сатиновые рубахи, темные брюки, кожаные русские сапоги, картузы. Особенно устойчиво сохранялись старые формы в обрядовой одежде. Существовал, например, обычай надевать молодой одежду наиболее архаичного покроя и притом исключительно домашнего изготовления. На территории нынешнего Сернурского района свадебное покрывало делали из волокна крапивы. Свадебная одежда особенно богато украшалась вышивкой. Женщины, отправляясь на свадебные торжества и моления, надевали высокий головной убор лопатообразной формы — *шурка*, теперь уже исчезнувший.

В советское время марийский народный костюм претерпел значительные изменения. Одежду шьют почти исключительно из фабричных тканей. Процесс замены старинной одежды новыми формами идет неравномерно в разных районах и у разных групп марийского населения. Более интенсивен он в рабочей среде и у горожан, а на селе — в местах, близких к районным центрам, среди учащейся молодежи и сельской интеллигенции. Проявление национальных традиций наблюдается при отборе тканей для одежды. Так, для летней одежды предпочитают одноцветную, чаще белую ткань. Исключения составляют восточные марийцы и марийцы, живущие близ татарских, удмуртских или чувашских сел, которые раньше носили пестрядь.

Традиции формировавшегося веками вкуса сказываются и в покрое. Излюбленным у марийцев остается платье цельного покроя по аналогии с распространенной прежде прямой туникообразной рубахой.

Наиболее существенные изменения произошли в женских головных уборах. Вместо старинных головных уборов почти повсеместно носят ситцевые, шерстяные, реже шелковые платки. Головные уборы старого типа изредка можно встретить главным образом на пожилых женщинах, но и они изменились. Так, в современной сороке, которую носят в Медведевском районе Марийской АССР, сильно уменьшился налобник, укоротились боковые лопасти и позатыльник.

Гулянье колхозной молодежи. Звениговский район

В марийской деревне, как и повсюду теперь, носят современную обувь. Летом молодые люди ходят в сандалиях, ботинках, полуботинках, туфлях, надевая их на чулки или теплые носки (очевидно, еще сказывается привычка к теплой обуви, к плотному обертыванию ног). Чулки обычно черные или белые. Зимой и женщины и мужчины носят русские сапоги и валенки с галошами. Русские сапожки в некоторых районах считаются также праздничной женской обувью.

Основной частью женской одежды продолжает оставаться белая вышитая рубашка, но узоры, расположение вышивки и техника ее изменяются. Осваиваются новые типы вышивки — крестом, цветной гладью, тамбуром вместо традиционного застила косой стежкой. Из традиционных приемов в новой вышивке сохраняется выделение контуров рисунка черной или синей нитью.

В некоторых районах современная женская рубашка по покрою приближается к платью: оборка на подоле, отложной воротник, обшлага и т. п.

Верхняя одежда в виде домотканых холщовых и суконных халатов еще встречается, но чаще эту одежду, особенно летнюю, теперь шьют из фабричной одноцветной ткани. Вместо кафтанов нередко носят трикотажные и суконные жакеты, осенние пальто. Летом поверх рубах надевают трикотажные футболки и шерстяные джемперы.

Передники местами сохраняются, но их шьют из фабричной ткани (иногда из крепдешина), украшают лентами и кружевами. Новым в комплексе женской одежды является фабричное белье, обычно трикотажное.

Набор украшений из монет, бисера и раковин постепенно упрощается. Наряду с покупными украшениями иногда носят самодельные.

Наиболее прочно традиционные формы одежды сохраняются в Горномарийском районе. Меняются лишь мелкие детали (оборка на подоле, меньше вышивки и т. п.) и применяются новые материалы для отделки.

Своеобразен и красочен новый костюм восточных мариек, живущих в Башкирской АССР. В процессе его формирования он претерпел большие

изменения по сравнению со старинными образцами и является как бы заново созданным. Рубахи шьют из фабричных тканей самых ярких расцветок. Для отделки применяют большое количество оборок и разноцветных нашивок.

Значительные изменения произошли в костюме луговых мариек. Их рубахи по покрою почти приближаются к прямому платью с отложным воротником и неширокой оборкой на подоле, они вышиты гладью. На голове также вышитый гладью платок. Передник шелковый, с крылышками, грудкой и широкой оборкой. В последние годы наблюдается распространение этого костюма по всей Марийской республике.

Мужская одежда почти утратила свои традиционные черты. Холщовые вышитые рубахи старого покрою сохранились лишь в отдаленных районах, однако вышивка на них уже нового типа, выполненная большей частью крестом. Но и здесь такие рубахи носят лишь пожилые люди. В основном мужская одежда марийцев мало отличается от одежды русских. Бытуют также докупные вышитые рубахи — изделия вышивальских мастеров, нередко русского или украинского образца. На ногах почти повсеместно носят сапоги, головные уборы — шляпы — покупают в магазинах.

Современная марийская одежда, несомненно, удобнее и гигиеничнее прежней. Изжиты старые традиции, заставлявшие женщину носить неудобный головной убор, не снимая его до рождения первенца. Постепенно исчезает обычай плотно обертывать ноги.

Если раньше марийцы совершенно не знали нижнего белья, то теперь ношение его стало обычным. Это прежде всего объясняется коренными изменениями условий труда и быта, повышением общего культурного уровня жизни в марийской деревне.

Пища Основу питания марийцев в прошлом составлял пресный хлеб (*кинде*), который выпекали из овсяной, ячменной, реже ржаной муки. Иногда его пекли в золе очага. Помимо хлеба из ячменной муки, пекли пресные круто замешенные лепешки (*эгерче*), пироги (*кагьль*) с разнообразной начинкой: из рыбы, мяса, яиц, картофеля, гороха, брюквы, конопляного семени, блины (*мэльна*) и ватрушки (*туаткал*) с творогом, картофелем, конопляным семенем. Излюбленное горячее блюдо марийцев — *лашка* — суп, заправленный шариками из пресного теста. Иногда его варили с мясом или рыбой, а чаще шарики опускали в кипяток, приправленный луком. Обычным блюдом была картофельная похлебка с луком. Молоко в основном употребляли кислое или снятое. Из творога приготавливали сухие маленькие сырки (*туара*).

Мясо ели вареное и жареное. Употребляли баранину, говядину, конину, зайчатину, медвежатину и мясо различных птиц до галок включительно. Лакомым блюдом считалась колбаса (*сокта*) из овсяной крупы с кусочками сала, которой начинали овечьи кишки. Иногда крупу смешивали с кровью только что заколотого животного.

Обычным напитком был чай. Квас марийцы приготавливали очень кислый, варили его редко. Как питье употребляли творог, разведенный водой.

Для семейных и религиозных праздников приготавливали в большом количестве хмельные напитки: водку (*арака*) из картофеля или хлеба, плохо очищенную и пахнущую гарью; сильно перебродивший медовый напиток (*шорба*); пиво (*сыра, пура*).

Зажиточные слои населения постоянно употребляли в пищу мясо, рыбу, горячий чай (самовар был показателем зажиточности в марийской деревне), сахар, белый хлеб, баранки. Остальная часть марийского населения, включая середняков, питалась плохо. Ограниченное потребление мяса, использование не полноценных молочных продуктов (снятое моло-

ко), недостаток овощей приводили к систематическому недоеданию. Частые неурожаи, постоянная нехватка хлеба заставляли прибегать к суррогатам. В пищу употребляли дикорастущие травы, семена сосновых и еловых шишек. К муке добавляли различные примеси — древесную кору, лебеду и т. п. Следствием плохого питания было распространение таких болезней, как туберкулез, желудочные заболевания, уносившие много жизней, особенно среди детей.

Утварь была в основном деревянная, домашнего изготовления, только для варки пищи применяли чугунные котлы (*под*). Деревянная посуда впитывала грязь, жир, плохо отмывалась.

В наше время с ростом зажиточности как городского, так и сельского населения коренным образом улучшилось питание марийцев. Колхозники в домашних условиях выпекают ржаной и пшеничный хлеб; наряду с этим большой спрос в колхозной деревне имеет готовый хлеб из пекарен, продаваемый в продовольственных магазинах. Баранки, пряники, печенье, кондитерские изделия — обычный ассортимент покушных товаров.

Новым в пище марийской деревни является большое количество разнообразных овощных блюд. До революции капуста, помидоры, огурцы, репа, морковь были редки; теперь их в республике выращивают в изобилии. Увеличивается потребление фруктов, так как садоводство в республике по сравнению с дореволюционным временем значительно расширилось. Фруктовые деревья имеются теперь повсюду, включая и северо-восточные районы, где раньше плодовых садов не было.

Молоко, яйца, масло, мясо прежде шли почти исключительно на продажу и потреблялись в небольшом количестве. Теперь они составляют повседневную пищу марийцев. Национальные блюда из творога, мяса, муки, крупы продолжают бытовать, но качество их значительно улучшилось. Традиционное блюдо ляшку варят теперь со свиной, мясом, рыбой. В результате совместного проживания в республике различных национальностей марийцы восприняли от них ряд кушаний — русские щи, украинский борщ и т. д. Огромное значение имеет организация общественного питания не только в городах, на промышленных предприятиях, в рабочих поселках, но и в селах. Разнообразный ассортимент блюд как в сельских, так и в городских столовых включает национальные марийские кушанья: *поджогыль* — тип пельменей, *мунопулашка* — яичница с молоком и т. п.

Питание населения улучшается и благодаря росту местной пищевой промышленности, которая в республике почти заново создана уже в советское время.

СЕМЕЙНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Некоторые обычаи, связанные с семейными отношениями марийцев, свидетельствуют о том, что у них еще в XIX — начале XX в. сохранялись пережитки весьма древних стадий развития семьи, носившие даже следы существовавшего некогда группового брака. Исследователи отмечали бытование у марийцев левирата, сорората. В терминологии родства запечатлены следы половозрастного деления общества.

Среди пережитков родового строя многие были связаны с его начальной стадией — материнским родом. Отражением этого был развитый в прошлом культ женских божеств: у марийцев насчитывалось 14 божеств, носивших название *ава* — мать (мать земли, мать воды и т. п.). Наряду с этим в марийском пантеоне было много и мужских божеств: например, хранитель дома *кудо водыж* (*кудой воз*, *суртымбал* и др.), которого можно рассматривать как предка-родоначальника. Переход к отцовскому роду

выражался в том, что женщинам запрещалось принимать участие в некоторых жертвоприношениях, в основном при молениях мужским божествам. При отправлении ритуальных действий основная роль отводилась мужчине-жрецу (*карт*).

Пережитки родовых отношений долгое время удерживались в культовых обрядах. Так, среди священных рощ (*юмоото*), в которых совершались жертвоприношения, различались общественные рощи (*мер ото*), предназначенные для моления всей деревней, и родовые (*насыл ото, тумкыл ото*) — для представителей одного рода.

Поминки устраивали в складчину родственной группой. По представлениям марийцев, в этой общей трапезе участвовали и все ранее умершие члены рода. На свадьбе ставили во дворе перед столом жениха и невесты березку, которая осмыслилась как место для умерших предков.

Характерная для эпохи патриархата в период его разложения большая семья — родственная единица, связанная коллективной собственностью, общим производством и потреблением, сохранялась у марийцев в отдельных местах вплоть до Октябрьской революции. В составе такой семьи нередко было до 40 человек. По мере того как становилось тесно в одном доме, выделялись отдельные семьи, которые в течение еще очень продолжительного времени помнили свое происхождение от одного предка. Такие родственные объединения назывались *урмат* (отрасль, отпрыск, поколение). Во время общественных молений и поминок по умершим члены урмата садились за отдельный стол, ели один номинальный пирог, должны были брать жертвенную пищу из одной чаши *кумыж*. У горных марийцев был обычай, согласно которому члены одной семьи или рода должны были приходить на общественное моление со своей посудой. Резьба на ковше у каждого рода была особая — изображение коня, птицы, медведя и т. п.; это позволяет предполагать существование в далеком прошлом родовых тотемов.

Идеологическая общность членов урмата проявлялась в семейном культе, в культе предков. С ростом урмата происходило его дальнейшее дробление, однако все члены этого разросшегося коллектива, называемого *насыл* (род), считали себя родственниками. В еще более позднее время *насылы* составляли отдельные деревни, причем представление о том, что их населяют родственники, сохранялось. Каждая деревня составляла общину (*мер*), в которой родственные отношения уже сочетались с соседскими.

Пережитки ранних общественно-экономических формаций сосуществовали с развивающимися, хотя и очень медленно, капиталистическими отношениями и подвергались их разрушающему влиянию. Замкнутое натуральное хозяйство становилось товарным. Среди членов земельной общины росла имущественная дифференциация в результате скупки и аренды земли богатыми односельчанами. Аренда была одной из характерных форм эксплуатации в марийской деревне. Обследование марийских деревень в 1884—1893 гг. в Вятской губ. показало, что 20% хозяйств арендовали землю, причем 14,8% из них брали землю в аренду в своей общине.

Из других форм эксплуатации была распространена издольщина. Так, за пользование земледельческими орудиями и рыболовными снастями их владельцу платили часть урожая или улова. Практиковались и отработки.

Капиталистические отношения, проникая в деревню, воздействовали на народные верования и установившиеся веками обычаи. Такое явление наблюдалось, например, в культе керемета. Лингвистические данные, а также некоторые этнографические материалы говорят о том, что сначала этот культ был связан с почитанием родового божества. С развитием капиталистических отношений представление о злом божестве керемете при-

нимало черты, свойственные капиталистическому обществу: нередко кереметь представлялся в виде важного барина, который «ездит на четверке лошадей с фореитором и лакеем на запятках».

Марийцы считали, что души умерших кулаков могут превращаться после смерти в злых кереметей. Таким, например, был «Макар керемет» у горных марийцев.

С утверждением капиталистических отношений менялось обычное право. Раньше для развода было достаточно решения стариков, которые обвязывали супругов веревкой, а затем ее разрезали. В начале XX в. этот обычай почти исчез. Прежнее рукобיתье при совершении сделки (купли-продажи и т. п.) вытеснилось официальными контрактами. Существовавшие издавна «помочи» в рыбном промысле и в сельскохозяйственных работах стали использоваться зажиточными слоями деревни для эксплуатации неимущих односельчан.

Женщина у марийцев пользовалась большей свободой, чем у многих других народов России. В большой семье марийская женщина участвовала наравне с мужчинами в решении семейных и некоторых хозяйственных вопросов. Иногда после смерти главы семьи она могла занять его место. Такие права сохранялись за марийкой и в малой семье. Вместе с тем собственностью женщины считались лишь некоторые продукты ее труда, например изделия из конопли. Труд же марийки был крайне тяжелым. Она работала в поле наравне с мужчиной, и на ней же лежало выполнение всех работ по дому: приготовление пищи, все трудоемкие процессы по изготовлению домотканой одежды, уход за скотом, воспитание детей.

С беспощадной эксплуатацией женского труда было связано широкое распространение неравных по возрасту браков, особенно среди зажиточных семей, хозяйство которых требовало большого количества рабочих рук. Сыновей женили еще мальчиками 14—16 лет, чтобы заполучить даровую рабочую силу, девушек же как можно дольше задерживали в хозяйстве, не выдавая их замуж.

При большой занятости в хозяйстве женщина не могла уделять много внимания уходу за детьми. В то же время у марийцев бытовало множество обрядов и магических действий, связанных с заботой об охране здоровья и жизни детей. Для предохранения от «сглаза» или «порчи» прибегали к различным оберегам: к одежде или колыбели пришивали различные железные предметы, раковины, бусы, бисер и т. п. При опасных заболеваниях меняли имя ребенка.

Обычно имя ребенку давала повивальная бабка при отрезании пуповины. У некрещеных марийцев в имена новорожденных вставлялись начальные звуки имени отца или деда у мальчиков и матери или бабушки у девочек. Крещенные марийцы часто давали детям двойные имена — христианские и старые марийские.

После Великой Октябрьской социалистической революции жизнь марийского народа неузнаваемо изменилась. Социалистические преобразования, коллективный труд на предприятиях и в колхозах, общая заинтересованность всех трудящихся в хозяйственных успехах республики и всего Советского Союза ликвидировали основу консервации различных пережитков. Исчезла былая обособленность родственных ячеек и групп. С ликвидацией эксплуататорских классов исчезла и разобщенность отдельных слоев деревни, где теперь сложилось новое общество, качественно отличное от дореволюционного.

Неизмеримо выросло материальное благосостояние крестьянства и повысился его культурный уровень. Из среды колхозников вышли агрономы, учителя, трактористы, комбайнеры, счетоводы и т. п. По всей республике идет рост национальных кадров. Народ, который в прошлом был отстранен царизмом от государственной, общественной и культурной

жизни страны, в настоящее время принимает активное участие в советском строительстве на всех его участках.

Советская власть полностью раскрепостила женщину-марийку. Ей предоставлены равные права с мужчинами во всех областях государственной, хозяйственной, общественной жизни и созданы условия для повышения ее культурного уровня. В числе депутатов в Советы значительный процент составляют женщины. Наравне с мужчинами работают женщины и на производстве. Организованы женские бригады коммунистического труда — передовые отряды рабочего класса.

Среди марийской интеллигенции, выросшей за годы Советской власти, много женщин-учителей, врачей, инженеров, научных работников. Женщины составляют 50% общего числа учителей-орденоносцев Марийской АССР.

Широкое приобщение женщин к общественно полезному труду стало возможным благодаря развитию сети детских учреждений и всемерной помощи со стороны государства многодетным матерям. В республике свыше трех тысяч мест в постоянных детских яслях, которые содержатся за счет государства. Кроме того, работают детские сады и ясли, организованные различными предприятиями. Колхозы и совхозы открывают на летний период и сезонные детские ясли.

Идейно-воспитательная работа комсомольских и партийных организаций в трудовых коллективах, культурно-просветительные мероприятия, пропаганда атеистических воззрений через школу, радио, печать, кино обеспечили постепенное изживание религиозных представлений и связанных с ними ритуалов, характерных ранее для общественного и семейного быта. Так, уже не совершаются общественные моления в священных рощах.

Наибольшей устойчивостью отличается погребальный обряд: в ряде районов похороны и поминки совершаются с соблюдением старинного ритуала.

Значительно реже теперь соблюдают религиозные установления в свадебном обряде, ограничиваясь регистрацией брака в загсе. В большинстве районов традиционные свадебные церемонии значительно упростились, соблюдаются лишь некоторые обряды, в частности надевание головного убора молодухе. В некоторых же районах, особенно в Моркинском, свадьбы часто справляются почти полностью по-старинному, по и в традиционные обряды включаются элементы нового быта.

Участниками прежних свадебных церемоний были только родственники. Теперь в свадебных торжествах часто принимают участие представители производственного коллектива и общественных организаций. Так, наряду с родственниками, роль *сյан вуй* (главы свадьбы), распорядителя исполняет иногда и председатель колхоза, в котором работает жених. Он организует свадебный поезд, наблюдает за автомашинами и т. п. Поезжанам, помимо родственников, бывают члены бригад, в которых работают жених и невеста. Свадебный поезд имеет уже иной вид: вместо прежних кибиток и тарантасов движутся автомашины, украшенные зеленью. В подарки, которые невеста раздает на свадьбе, входят нередко и старинные и современные предметы. Так, наряду с вышитой традиционной одеждой, часто ушедшей из быта, она дарит вафельные и махровые полотенца, кружевные салфетки, пояса с пряжками и т. д. В приданое невеста наряду с традиционными приносит и современные вещи: часы, радиоприемник, швейную машину, велосипед.

В городах свадьбы справляют по-новому, хотя нередко в свадебные торжества включают элементы старинных обычаев. Летом 1959 г. мы наблюдали комсомольскую свадьбу, которая справлялась в городском парке Йошкар-Олы. Женился рабочий одного из заводов на учительнице. И жених и невеста были родом из Моркинского района. Они пригласили на

свадьбу хор моркинских девушек и парней, которые продемонстрировали весь свадебный ритуал. Старинные обряды исполнялись в народных костюмах. После окончания традиционной церемонии администрация завода вручила молодым ключ от новой квартиры, молодежь преподнесла им подарки.

Новое содержание получили массовые народные праздники и увеселения. В 1920—1930-х годах был широко распространен праздник Красного цветка (*йошкар педыш*), с успехом вытеснявший во многих деревнях весеннее обрядовое моление. В селах со смешанным татарским и марийским населением традиционный праздник сохи (ага-пайрем — у марийцев, сабантуй — у татар) приурочивают теперь к Дню объявления автономии — 21 июня — и считают его праздником соревнования за лучший посев. Торжественно отмечается в колхозах и День урожая, окончание уборки, сдача хлеба государству.

По окончании осенних сельскохозяйственных работ повсеместно устраиваются колхозные ярмарки, районные сельскохозяйственные выставки с демонстрацией лучших достижений и раздачей премий. Организуются народные гулянья.

Особенно торжественно отмечаются общенародные революционные праздники — годовщина Великого Октября и 1 Мая. В эти дни из деревень и сел прибывает на гулянья в районный центр много народа: едут на колхозных машинах, на лошадях, украшенных кумачом и зеленым, идут пешком; все одеты в лучшие праздничные костюмы.

В праздничной обстановке проходят выборы в Советы. Торжественно отмечается повсеместно начало учебного года. В ряде районов к этому дню устраивается школьная ярмарка, которая обычно бывает очень многолюдной.

С проникновением культуры на село по-иному стал организовываться досуг. У отдельных колхозников имеются личные библиотеки, многие являются активными посетителями клубов, читателями сельских библиотек. Молодежь занимается физкультурой и спортом. Спортивные площадки имеются при каждой школе, на предприятиях, почти в каждом колхозе. Кружки самодеятельности, колхозные театры, агитбригады обслуживают население, помогая культурно провести отдых в полевом стане, в обеденный перерыв на заводе или в поле, вечерний досуг в клубе.

Здравоохранение Больших успехов достигла Марийская АССР в деле борьбы за здоровье трудящихся, которые пользуются теперь бесплатной и общедоступной медицинской помощью. Тяжелые условия, в которых жили марийцы до революции, вели к развитию социальных болезней — трахомы, зоба, туберкулеза. Больных трахомой было до 65%. Смертность среди детей доходила до 70%. Лечебных заведений было мало, да и те влачили жалкое существование. Марийский народ был обречен на вымирание. Из-за необеспеченности медицинской помощью невежественный крестьянин обращался к знахарям, которые «лечили» преимущественно магическими приемами. Наряду с этим применялись и лекарственные травы, лечебные свойства которых были проверены на опыте.

Ныне в республике работает 700 врачей и более 4 тыс. человек среднего медицинского персонала. Больным оказывается высококвалифицированная помощь. С 1945 г. работает санитарная авиация.

Социальные болезни марийцев — трахома, зоб, туберкулез, которые заставляли до революции ставить вопрос о «вырождении волжских инородцев», ныне почти ликвидированы. В г. Йошкар-Оле работают филиал Казанского трахоматозного института и противозобная станция. Авторитет медицинских учреждений среди населения очень высок.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Основная масса марийцев в прошлом была неграмотной: до Великой Октябрьской революции грамотных мужчин было около 16%, женщин — 2%. Марийцев с высшим образованием насчитывалось 10 человек. Одна школа приходилась на 900 жителей. Образование было доступно главным образом детям зажиточных марийцев. Дело народного образования находилось в руках духовенства, хотя среди учителей были и передовые люди, приобщавшие марийцев к культуре русского народа. Изданием марийской литературы занималось миссионерское общество в Казани. Первой книгой на марийском языке, вышедшей в 1821 г., было напечатанное русскими буквами евангелие, в 1827 г. появилась грамматика горномарийского наречия, правда, еще далеко не совершенная, так как она почти не выявляла специфики марийского языка. Последующие издания составляли книги религиозного содержания, но и их было немного: за 100 лет, с 1821 по 1921 г., вышло в свет всего 112 названий.

Среди неграмотной массы марийцев было распространено так называемое добуквенное письмо. Знаки собственности — тамги (*тамга*) — служили и родовыми знаками. Их ставили на деревьях в охотничьих угодьях, на бортах, орудиях промысла, на утвари. Эти знаки в ряде случаев служили также распиской. В документе 1872 г. подписи марийских крестьян были представлены родовыми знаками. Кроме того, применялись бирки — податные, налоговые, пастушьи, красильные и т. п. В них наряду со знаками домохозяев обозначались зарубками счетные единицы — деньги, скот и т. п.

До 1870 г. для приглашения на общественные моления служили дощечки, на которых вырезались условные изображения той или иной священной роши.

В советское время марийский народ добился крупных успехов в развитии культуры. С первых же дней революции началась работа по организации просвещения народных масс. Яркой иллюстрацией победы ленинской национальной политики было создание новой, советской школы с обучением детей на родном языке. С 1930 г. в республике введено всеобщее начальное обучение. Теперь в республике достигнута сплошная грамотность населения.

Ежегодное плановое расширение сети школ, рост числа учащихся в полных средних школах — яркий показатель роста культуры марийского народа. К 40-летию республики (июнь 1961 г.) функционировало 785 общеобразовательных школ, в которых обучалось более 110 тыс. детей, и 13 школ-интернатов с 3500 учащимися. Кроме того, несколько тысяч человек училось в техникумах и других средних специальных учебных заведениях. В соответствии с законом «Об укреплении связи школы с жизнью» в республике созданы общеобразовательные школы с производственным обучением.

В Марийской АССР на тысячу жителей приходится 181 учащийся. Это на 31 человека больше, чем в Англии, и на 37 человек больше, чем во Франции.

В крае, где до революции население не имело возможности получить даже начальное образование, работают теперь два высших учебных заведения: Марийский государственный педагогический институт им. Н. К. Крупской и Поволжский лесотехнический институт им. А. М. Горького. Кроме того, марийцы-студенты обучаются в вузах Москвы, Ленинграда, Горького и других городов. На каждые 10 тыс. жителей в республике приходится 80 студентов.

В Марийской АССР работают 472 массовые библиотеки, 504 клуба, 302 киноустановки, 535 красных уголков. В городах — три театра, два музея, филармония. При некоторых школах открыты школьные музеи.

Занятия на кафедре лесных культур Поволжского лесотехнического института.
Город Йошкар-Ола

Марийцы имеют возможность смотреть кинофильмы, дублированные на их родной язык.

Недоступные в прошлом книжные знания народ восполнял познаниями, приобретаемыми опытом. О природной сметливости и наблюдательности марийцев свидетельствуют изобретенные ими простейшие метеорологические приборы (в частности, гигрометр с использованием черемухового или можжевельного прутика). Они владели также обширным запасом эмпирических знаний в области фенологии.

Теперь метеорология в колхозах поставлена на научную основу; в ряде колхозов работают метеорологические и опытные станции.

Росту культуры марийского народа способствует развитие печати. В республике издается 3 журнала, 27 различных газет. Марийское книжное издательство выпускает ежегодно около 700 тыс. экз. книг. Марийцы читают на родном языке произведения классиков марксизма-ленинизма, русской и мировой литературы, книги советских писателей.

Одновременно с ростом культуры и народного просвещения в Марийской АССР развивается и наука. Руководящим научным учреждением республики в области гуманитарных наук является Марийский научно-исследовательский институт в Йошкар-Оле. Он ежегодно организует экспедиции — археологические, фольклорные, диалектологические, этнографические, собирающие большой материал по истории, языку, быту и культуре марийского народа.

В республике созданы условия для подготовки научных кадров, особенно из числа марийцев. В лесотехническом и педагогическом институтах открыта аспирантура. Большое пополнение Марийская АССР получает из Москвы, Ленинграда, Казани и других городов, в вузах которых учатся марийцы. В высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях работает более 300 марийцев научных сотрудников и преподавателей вузов, среди них 100 человек с учеными степенями и званиями.

До революции марийский народ не имел своей национальной художественной литературы. Свои мысли, чувства, художественные дарования и возможности он выражал в устном народном творчестве. Значительное место в фольклоре марийцев занимали песни: лирические, бытовые, свадебные, рекрутские, гостевые, плясовые. Излюбленными были лирические песни, близкие к плачам. В них зачастую была отражена тяжелая жизнь марийского народа. Существовал даже особый жанр — «песни печали».

Фольклор и литература

Кроме песен, широко распространены были сказки, а также устные предания и легенды. Почти в каждом селении до настоящего времени можно услышать от стариков рассказы о далеком прошлом Марийского края, о его первых насельниках, о легендарных марийских героях, борющихся за независимость и счастье марийского народа.

Возникновение марийской художественной литературы относят к периоду первой русской революции 1905—1907 гг. Однако большинство поэтических произведений этих лет, преследовавших в основном просветительные цели (авторы С. Г. Чавайн, М. С. Герасимов, Г. Михай), увидели свет лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

С первых же лет после революции начала развиваться массовая печать, стали выходить газеты на марийском языке, где и публиковались первые произведения марийских писателей.

Наибольшее развитие в марийской художественной литературе получила поэзия. Первыми представителями марийской поэзии были Н. Мухин и Г. Михай. Из выступающих в настоящее время можно назвать немало имен талантливых поэтов: М. Казаков, Г. Матюковский, В. Чалай, М. Майн, Н. Ильяков, И. Осмин, А. Бик и др. В их произведениях последних лет преобладают темы мирного труда, коммунистического воспитания советского человека. Эти темы находят отражение и в лирике, и в эпических произведениях.

Значительное внимание уделяют марийские поэты переводам на родной язык произведений великих русских поэтов — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова и советских авторов — В. В. Маяковского, К. М. Симонова и др. Лучшие стихи марийских поэтов переводятся на русский язык. В 1950 г. был издан на русском языке сборник стихов и поэм М. Казакова «Поэзия — любимая подруга» (на русском языке), отмеченный Государственной премией.

Основателем марийской художественной прозы был М. Шкетан. Он создал первый роман в марийской литературе «Эренгер». В этом произведении отражена жизнь марийского народа в первые годы коллективизации. Теперь в марийской литературе есть немало произведений, затрагивающих широкий круг проблем современной жизни. Описывается и прошлое марийского народа. В романах, повестях и рассказах Н. Лекайна, Д. Орая, Н. Ильякова, А. Эрыкина, З. Катковой и других отражены темы, характеризующие пробуждение марийских трудящихся в годы революционного подъема и создание новой национальной интеллигенции в период коллективизации деревни, борьбу советских людей во время Великой Отечественной войны и мирный созидательный труд в настоящее время. В области марийской драматургии плодотворно работают писатели С. Н. Николаев, Н. Арбан, продолжающие традиции первых марийских драматургов — А. Ф. Конакова, М. Шкетан и др.

Произведения марийских писателей переведены не только на русский язык, но и на языки других братских народов нашей страны. Многие из них стали известны в странах народной демократии.

В июле 1956 г. Союзом писателей СССР были организованы вечера марийской поэзии с выступлениями поэтов Марийской АССР перед трудящимися Москвы. В порядке культурного обмена марийские писатели весной

Вышивальщицы артели «Труженица». 1960 г.

1961 г. выступали в братской Татарии, а в ноябре того же года в Йошкар-Оле была организована неделя татарской литературы и искусства.

Изобразительное искусство

До Октябрьской революции у марийцев не было профессионального изобразительного искусства. Однако их бытовое орнаментальное искусство гово-

рит о талантливости и художественном вкусе его творцов.

Среди других видов народного прикладного искусства наибольшее распространение в прошлом имела вышивка, применявшаяся для орнаментации одежды. Марийская старинная вышивка отличалась гармоничностью форм, расцветки, композиции. В ужасающих жилищных условиях, при свете лучины, в курной избе марийские женщины создавали поразительные по красоте произведения.

Орнамент вышивки на одежде разных локальных групп имел свои характерные особенности. Одежда луговых мариек украшалась широкими массивными полосами вышивки с крупным узором, горные марийки вышивали узкие полоски мелким геометрическим рисунком. Для вышивки марийцев, живущих в Башкирии, характерно преобладание в расцветке черного, темно-синего и коричневого цветов. Выполнялась вышивка без канвы, по счету ниток; нередко она была двусторонней. Сначала обшивался черными или синими нитками контур узора, а потом заполнялся фон. Вышивание сложного и мелкого узора требовало большой затраты времени. Так, на отделку женской рубахи, например, уходило не менее месяца.

Любовь к вышивке марийские женщины пронесли через века. Образцы современной вышивки на одежде свидетельствуют о большом мастерстве марийских женщин. Если для старинной марийской вышивки были характерны геометрический узор, сильная стилизация животного и слабое применение растительного орнамента, то в новой преобладают растительные узоры: цветы, листья, гирлянды. Нередко включается в орнамент советская эмблематика. Появляются округлые линии, чему способствует

освоение новой техники (тамбур, гладь). Характер вышивки напоминает татарскую, иногда имеет сходство с украинской.

На предприятиях местной промышленности под руководством художника-прикладника Л. А. Орловой марийскими вышивальщицами создаются прекрасные образцы современной вышивки, которые экспонируются и на международных выставках. Только в 1958 г. изделия марийских вышивальщиц демонстрировались на девяти выставках — в Брюсселе, Дамаске, Познани, Кабуле, Загребе, Измаиле, Лейпциге, Осаке и, наконец, в Москве. Вышивка теперь не безымянна. Имена вышивальщиц Зайцевой, Фазлеевой, Бабушкиной, Куклиной, Новоселовой становятся известными не только в нашей стране, но и за ее пределами.

У марийцев была развита также художественная обработка дерева. Резьбой украшали предметы хозяйственного назначения, жилище, утварь, ее широко применяли для орнаментации культовых предметов. Распространены были деревянные резные черпаки для разливания пива и браги. В орнаменте ковшей горных марийцев преобладала фигура коня, у луговых — изображение медведя и птицы.

Художественная обработка дерева у горных марийцев приобрела характер промысла. В деревнях нынешнего Горномарийского района — Шывдырьял, Носелы, Шелаболки, Чермышево — было развито кустарное производство выжженных тростей и плетеных черемуховых изделий. Эти традиционные виды изобразительного народного искусства марийцев существуют у них и в настоящее время.

Из среды народных мастеров-резчиков выросли профессионалы, использующие искусство обработки дерева в скульптуре. К числу их надо отнести мастера-самоучку Ф. П. Шабердина. Его деревянные скульптуры — «Марийская девушка», «Среброзубая Пымпалче» (фольклорный сюжет), «Народные музыканты», а также ряд бюстов для памятников писателям республики составляют ценный вклад в изобразительное искусство марийцев. Народному мастеру Ф. П. Шабердину присвоено звание заслуженного деятеля искусств.

Первым марийским художником-профессионалом был А. В. Григорьев, один из организаторов АХРРа; он многое сделал для воспитания национальных кадров художников в Марийской республике в первые годы ее становления.

Развитию художественной культуры в республике способствовало открытие в двух ее городах — Йошкар-Оле и Козьмодемьянске — краеведческих музеев с большими коллекциями картин. В картинной галерее при Козьмодемьянском музее (открыт в 1919 г.) наряду с работами местных художников были выставлены картины крупных русских живописцев — Кустодиева, Врубеля, Шишкина, Бенуа, Головина, Малявина, Жуковского и др.

В музее г. Йошкар-Олы (открыт в 1924 г.) экспонируются лучшие произведения первых марийских художников — Горбунова, Атлашкиной, Добрынина и др. В 30-е годы активно работало творческое объединение (филиал АХРРа) художников Поволжья, среди которых были В. К. Тимофеев, П. А. Радимов, Г. А. Медведев, Е. Д. Атлашкина, К. Ф. Егоров, П. Т. Горбунов, И. М. Пландин и др. Их произведения тех лет отражали новую жизнь в молодой Марийской республике и тяжелое прошлое народа («Агитатор из города» Горбунова, «Сбор ясака» Медведева и др.).

Произведения марийских художников, созданные в годы Великой Отечественной войны, запечатлели участие марийцев в защите Родины: «Отправка подарков на фронт» П. Добрынина, «Сдача серебра в фонд обороны Родины» Б. Осипова.

В настоящее время в марийском изобразительном искусстве представлены все жанры: живопись, графика, книжная иллюстрация, театральная декорация.

Выступление марийского ансамбля гузляров в Казани на смотре национальной музыки народов Поволжья и Сибири. 1958 г.

Неоднократно проводившиеся республиканские художественные выставки свидетельствуют о значительных успехах, достигнутых марийскими художниками. Их произведения экспонировались также и на выставках в Казани и Москве. Широкой известностью пользуются картины: «Подписание декрета об организации Марийской автономии» и «Проводы коммунистов-добровольцев на фронт» В. М. Козьмина, «Пугачев в марийской деревне» Е. Д. Атлашкиной, «Народный певец» и «На стройке» И. И. Мамаева, «Академик Мосолов среди колхозников» Д. А. Митрофанова и др.

Первый марийский передвижной театр был создан в 1919 г. на основе самодеятельного коллектива. Ядро театра составляли основоположник марийской литературы М. Шкетан, учителя Беляев, Белков и др. Для подготовки актеров в г. Йошкар-Оле (тогда Краснококшайск) были организованы трехмесячные курсы. В 1926 г. было построено здание театра и организована студия для повышения квалификации работников театра и подготовки кадров.

В 1929 г. из окончивших театральную студию был организован Марийский государственный театр. В 1930 г. его коллектив уже участвовал во Всесоюзной олимпиаде искусств в Москве.

Большим успехом пользуются у зрителей пьесы из жизни марийцев, такие как «Салика» и «Айвика» С. Н. Николаева, «В родном селе» А. Волкова и др. В музыкальном сопровождении таких пьес используются марийские мелодии. Художественное оформление пьес ярко отражает национальные особенности культуры и быта, изучению которых театр уделяет большое внимание. Театр работает также над постановкой пьес русских классиков и советских драматургов.

У марийцев издавна существовала своя оригинальная музыкальная культура. Музыка марийцев отличается богатством форм и мелодичностью. Марийскими национальными музыкальными инструментами являются гусли (*кӱсле*), пузырь (*шӱвыр*), барабан (*тӱмӱр*) и различные трубы (*пуч*) — берестяные, роговые, деревянные.

Г. М. Пушкин, заслуженный артист Марийской АССР, играет на пузыре — старинном народном музыкальном инструменте

В ряде районов музыкальные инструменты изготавливались кустарями марийцами на продажу.

На народных музыкальных инструментах исполнялись мелодичные, полные лиризма, протяжные наигрыши, они сопровождали марийские песни, исполнялась на них и инструментальная народная музыка.

Интересно отметить, что русские композиторы — Балакирев, Глазунов, Афанасьев интересовались музыкой марийского народа и использовали ее в своем творчестве. Так, в середине XIX в. русским композитором Афанасьевым был создан квартет «Волга» на основе мелодии одной горномарийской песни и гусельного плясового наигрыша. Этому квартету, тепло принятому музыкальной общественностью, в 1860 г. была присуждена первая премия Русского музыкального общества. На основе марийской народной музыки развивается творчество марийских композиторов. Основоположителем марийской профессиональной музыки является первый марийский композитор — И. С. Палантай (Ключников, умер в 1926 г.) Он создал свыше 50 произведений. Большинство из них — обработки народных мелодий для хора. Палантай заложил основы многоголосого хорового пения в марийской музыке. Он проявил себя также и на музыкально-педагогическом поприще как руководитель хора национальной песни.

Заслуженный деятель искусств Марийской АССР, старейший марийский композитор Я. А. Эшпай (умер в 1963 г.) является одновременно и теоретиком марийской музыки. Ему принадлежит монография «Музыкальная культура народа мари».

Музыкальные и песенные произведения марийских композиторов Я. А. Эшпая, К. А. Смирнова, А. И. Искандарова, Н. А. Сидушкина и других разнообразны, но всех их роднит органическая связь с марийской национальной музыкой. В 1963 г. в Марийском оперном театре была под-

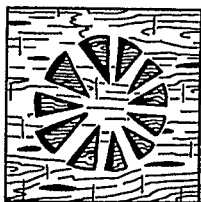
Игрой на гуслях сопровождалась танцы на праздниках, а также некоторые религиозные церемонии. Струны делали из овечьих кишок или жил, настраивали в пятитонном звукоряде. У луговых марийцев на гуслях играли только мужчины, у горных — преимущественно женщины, причем невеста должна была обязательно играть на своей свадьбе. На пузыре (род волынки) играли большей частью на свадьбах в сопровождении барабана; он считался специально мужским инструментом.

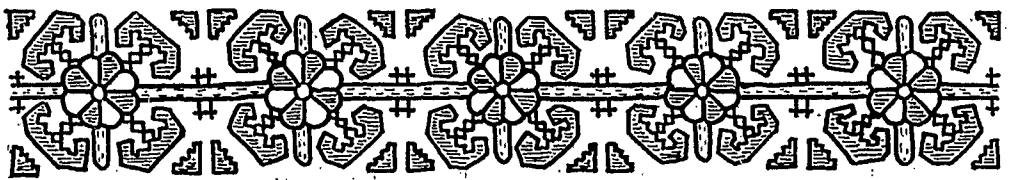
Трубы имели ритуальное значение. Берестяные трубы (*сүрем пуч*) употребляли для изгнания злого духа на летнем празднике. В жатвенные трубы трубили за неделю до снятия урожая. В осенние трубы (*шыже пуч*) трубили девушки, достигшие совершеннолетия.

готовлена постановка первой марийской оперы композитора Э. Сапаева «Акпатыр».

Большую роль в развитии марийской хоровой культуры и пропаганде марийской музыки сыграл хоровой коллектив Радиокомитета, а также ансамбль песни и танца Марийской государственной филармонии. Широко развернули работу по подготовке кадров марийских музыкантов Йошкар-Олинское училище им. И. Палантая и музыкальная школа для детей им. П. И. Чайковского. Открыты музыкальные школы и в ряде районов Марийской республики.

В настоящее время значительное развитие в Марийской АССР получило народное самодеятельное искусство. В колхозах, на предприятиях, в учебных заведениях создаются сотни коллективов художественной самодеятельности. Систематически проводятся смотры, праздники песни, фестивали, отчетные концерты и т. п. В республике имеется около 2 тыс. кружков художественной самодеятельности, охватывающих до 25 тыс. участников. На смотрах художественной самодеятельности нередко участники ее играют на национальных музыкальных инструментах. Марийский ансамбль гуслиров дважды завоевал право выступать в Москве на Всероссийском смотре художественной самодеятельности (в 1948 и 1954 гг.).

МОРДВА

Мордва — самый крупный в Советском Союзе народ из финно-угорской языковой семьи. Численность мордвы, по переписи 1959 г., 1 285,1 тыс. человек. Наиболее компактно она расселена в Мордовской Автономной Советской Социалистической Республике. Кроме того, значительные группы мордвы живут в Саратовской, Пензенской, Ульяновской, Горьковской, Оренбургской, Куйбышевской областях, в Татарской и Башкирской АССР, в Сибири и Средней Азии.

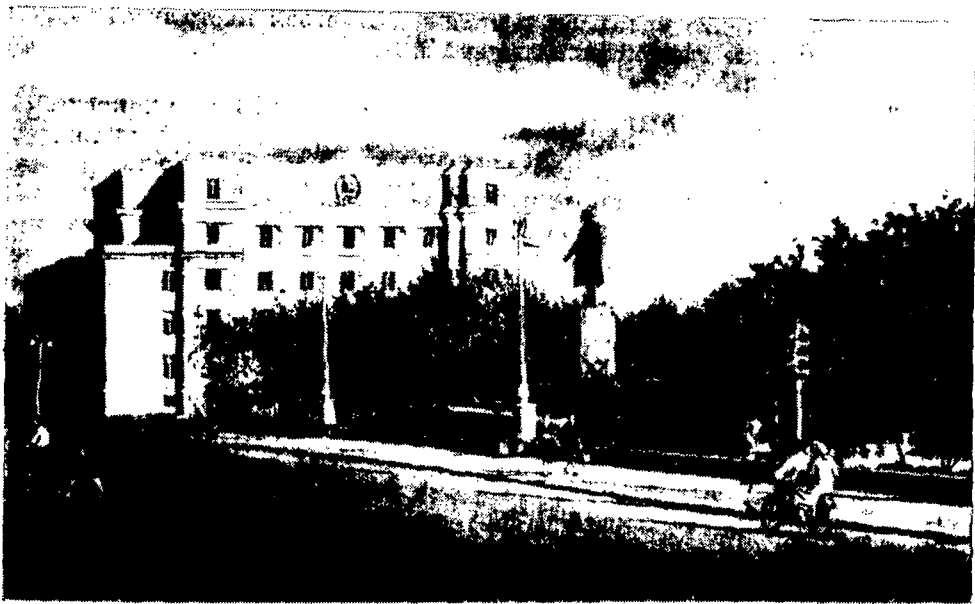
Термин «мордва» служит общим наименованием для всего народа, который делится на две основные группы: мордву-эрзя и мордву-мокша. Каждая группа сохраняет до настоящего времени свое самоназвание (*эрзя* и *мокша*), особенности в языке, материальной культуре (одежде, жилище), народном творчестве.

Эрзя живут преимущественно в северо-восточных и восточных районах Мордовской АССР. Исключение составляет своеобразная локальная группа мордвы-эрзи, живущая в северо-западной части республики, в селениях по нижнему течению р. Мокши с центром в с. Теньгушеве (ныне Темниковский район). К этой так называемой теньгушевской группе мордвы-эрзи относится и население двух сел — Дракино и Кажлодка, расположенных в южной части республики (Торбеевский район). Обособившись еще в XVII в. от общей массы эрзянского населения и живя продолжительное время среди мордвы-мокши, теньгушевская мордва продолжает и поныне сохранять свое культурное своеобразие и самоназвание «эрзя». Народный женский костюм этой группы отличается от костюма основной части эрзи, так же как фольклор и многие обряды, например свадебные. Говорит эта группа на переходном диалекте от эрзянского к мокшанскому языку. Культурное своеобразие ее определяется также сильным влиянием соседнего русского населения, в непосредственной близости к которому она живет уже длительное время.

За пределами республики мордва-эрзя живет преимущественно в Горьковской, Куйбышевской, Саратовской, Оренбургской областях, в Татарской и Башкирской АССР.

Мордва-мокша расселена в основном в западной части Мордовской АССР. За пределами республики мокшанские селения более многочисленны в Пензенской обл. В Татарской АССР и в Оренбургской области мокшанские деревни встречаются наряду с эрзянскими.

Смешанных мокшано-эрзянских деревень в республике нет, но они имеются в Оренбургской и Пензенской областях. За пределами Мордовской АССР встречаются также мордовско-чувашские села, но чаще всего

Центр Мордовской АССР — г. Саранск. Около Дома Советов МАССР

русско-мордовские. Мордовское население, живущее за пределами республики в окружении русских, татар, башкир и других народностей Среднего Поволжья, в ряде случаев утрачивает свои самоназвания «мокша» и «эрзя» и называет себя мордвой.

Среди мордвы выделялись еще недавно и две более мелкие этнографические группы: терюхане и каратаи. Терюхане — группа мордвы, обитавшая в пределах Горьковской обл. недалеко от г. Горького. В наше время она полностью слилась с русским населением, но еще в 1920-х годах терюхане называли себя мордвой, сохраняли ряд особенностей в культуре, одежде, жилище, свадебных обрядах и своеобразную интонацию (хотя говорили по-русски). Каратаи живут в трех селах на территории Тетюшского района Татарской АССР и говорят на татарском языке. Их матерьяльная культура близка к русской, но некоторые обычаи и фольклор весьма своеобразны. Сами они считают себя мордвой. Термин «каратаи» совпадает с названием одного из сел, в которых они живут — Мордовские Каратаи.

Эрзянский и мокшанский языки составляют особую, мордовскую, группу финно-угорских языков. Первый из них в фонетическом отношении ближе к русскому, второй имеет значительно больше особенностей в фонетике и татарских слов в словарном составе.

Теперь мокшанский и эрзянский языки являются литературными языками, на них издаются книги, газеты и ведется обучение в начальных классах. В средней школе преподавание ведется на русском языке, а мокшанский или эрзянский языки и литература преподаются как отдельные предметы. В районах за пределами Мордовской АССР со смешанным русско-мордовским населением обучение детей ведется на русском языке.

Среди мордвы очень широко распространен русский язык. Все мордовское население, за исключением отдельных пожилых женщин, не выезжавших за пределы своей деревни, знает русский язык. В городах, на производстве, в средних и высших учебных заведениях эрзя и мокша общаются на русском языке, так как общение между ними на родных языках затруднительно.

Население Мордовской АССР довольно пестрое. Перепись 1959 г. показала, что мордва составляет 36% населения республики, первое место

по численности в ней занимают русские; на третьем месте стоят татары. В небольшом числе в республике живут также украинцы, белорусы, чуваши, марийцы.

Мордовская АССР расположена в зоне лесостепи. Из рек, протекающих на ее территории, более крупные Сура, Мокша, Цна, Алатырь. Республика богата лесами, преимущественно лиственными; леса чередуются с большими пространствами пашни и лугов.

Краткий
исторический
очерк

Первые сведения о мордве относятся к середине I тысячелетия н. э. Впервые мордва под названием *морденс* упоминается у готского историка Иордана, жившего в VI в. В сочинении византийского писателя Константина Багрянородного (X в.) названа страна «Мордиа». Название «мордва» встречается уже в Начальной летописи и в дальнейшем не сходит со страниц русских летописных сводов.

В настоящее время автохтонность мордвы уже не подлежит сомнению. Изучение древних мордовских поселений и могильников дает возможность установить преемственную связь мордвы с более древними местными племенами эпохи бронзы. Это подтверждает мнение ряда исследователей о том, что мордовские племена сложились на базе древних племен Среднего Поволжья. Генетическая связь мордвы с культурой местных племен, в частности с городецкой культурой, которая была распространена в Поволжье с VII в. до н. э. по V в. н. э., отчетливо прослеживается в орудиях труда, типах жилища, технике изготовления гончарной посуды, украшениях и т. д. Наиболее ранние археологические данные, позволяющие судить о жизни мордовских племен, относятся к первым векам нашей эры. Жители древних городищ середины I тысячелетия н. э. занимались скотоводством, подсечным земледелием и охотой на пушного зверя. Множество находок железных изделий указывает на сравнительно высокий уровень развития ремесла. В VIII—IX вв. мордовские племена начали переходить к пашенному земледелию.

Некоторые советские ученые (В. В. Гольмстен, Е. И. Горюнова и др.) на основании археологических данных отмечают существование в конце I тысячелетия нескольких групп мордовских племен. Нижнесурская группа занимала северо-западные районы теперешней Чувашской АССР и северо-восточную часть Горьковской обл.; верхнесурская — север Саратовской и восточные районы Пензенской обл.; цнинская группа — западную часть Тамбовской обл. Еще одна группа мордовских племен, по-видимому, обитала по течению Оки, вдоль территории нынешней Рязанской обл. Начиная от устья р. Москвы, вплоть до районов, расположенных несколько ниже впадения Мокши в Оку, найдены остатки древних поселений и многочисленные могильники II—VIII вв., обычно называемые рязанскими. Их инвентарь имеет много общего с предметами типичных мордовских могильников, открытых под Пензой и Тамбовом, на реках Сура и Цне. Сходство прослеживается в обряде погребения, в костюме и украшениях. Именно это племя, по мнению В. В. Гольмстен, было известно его соседям под названием мордвы и с VI в. начало упоминаться в письменных источниках.

Вместе с тем археологические данные свидетельствуют о раннем культурном смешении приокских мордовских племен со славянскими. Ранние славянские погребения покрывают более древние мордовские могилы.

Старая Рязань, возникшая на месте мордовского городища как славянский город, восприняла название его древних насельников. Академик А. А. Шахматов считает несомненным родство слов «Рязань» и «эрзянь». В X в. мордва здесь, по-видимому, ассимилировалась со славянами, так как на этой территории не известны более поздние мордовские могильники. Следы мордовской культуры сохраняются в современной культуре при-

окского населения, в нерусских географических названиях, в особенностях старинного женского костюма, типе плетения лаптей, украшениях, орнаменте и т. д. С ассимиляцией приокских мордовских племен их самоназвание «мордва» было утрачено, и перенесено русскими на всю группу родственных им племен, которые сложились позднее в народ, известный в настоящее время под названием «мордва».

В Начальной летописи упоминается наряду с другими племенами, обитающими на Оке, племя «мурома», родственное мордве, но имеющее свой язык. С конца X в. Муромская земля упоминается в летописи уже как земля Русского княжества.

Сведения о дальнейшей этнической истории мордвы крайне скудны, они сводятся лишь к отрывочным сообщениям арабских писателей и русских летописцев. Из письма хазарского царя Йосифа, датируемого X в., известно, что в эпоху расцвета Хазарской державы мордовские племена находились в зависимости от нее и, подобно многим другим племенам, платили хазарам дань. В том же письме Йосифа упоминаются многие народности Поволжья, в частности племена буртасы и арису. О буртасах писали арабы, упоминаются они и в «Слове о погибели Рускыя земли» (XIII в.), и в русских грамотах XVI—XVII вв. В настоящее время наименование народа буртасы утрачено, и вопрос об их этнической принадлежности является спорным. Одни исследователи причисляют их к тюркоязычным народам, другие видят в буртасах племя угорского происхождения, наконец, третьи сопоставляют их с мордвой-мокшей, считая, что «мокша» — это самоназвание группы племен или народности, которая была известна ее восточным соседям под названием буртасов.

Племя арису, или арта, сопоставляется лингвистами с названием «эрзя». Однако об арте, или арисе, арабские писатели сообщают очень немногое, так как они не поднимались по Волге дальше владений булгар и плохо знали землю арты. Все же имеются данные, свидетельствующие о том, что эта земля лежала на пути из владений булгар в Киевскую Русь. Путь этот проходил по Волге, Оке, через водораздел Оки и Днепра и далее вниз по Днепру. Как указывают древние памятники, эрзя занимали южную часть теперешней Горьковской обл. с центром, где ныне находится г. Арзамас, название которого явно связано с этнонимом «эрзя».

Различия в культуре мокши и эрзи по археологическим данным начинают проследиваться уже с VI—VII вв. Вместе с тем эти племена, обособившись, продолжали сохранять тесные связи, близость культуры и языка.

В IX—XII вв. мордовские земли находились между двумя крупными государственными объединениями: с северо-востока и востока они примыкали к стране волжских булгар, на западе были ограничены течением Оки и граничили с землями древнерусского Киевского государства. С юга открывались просторы степей для кочевых орд. Устье Оки являлось прекрасным стратегическим пунктом, здесь князем Юрием Всеволодовичем в 1221 г. был основан Нижний Новгород, который стал форпостом Русского государства, опорным пунктом русской колонизации и базой для продвижения во владения булгар и мордовские земли.

Западное Поволжье, населенное мордовскими племенами, мало-помалу включалось в состав земель, которые были обложены данью русскими князьями. Мордва оказывала упорное сопротивление, скрываясь в лесных дебрях или открыто выступая против русских войск и организуя походы на Нижний Новгород. Тем не менее основная часть приокской мордвы-эрзи и муромы — племена, близкородственного мордве, к началу XII в. прочно слилась с русским сельским населением. Связи с русскими прослеживаются в хозяйстве (земледелии), материальной культуре (жилище, одежде, украшениях) и языке. В то же время племена, жившие

в бассейне верхней Цны и Мокши, Суры и Пьяны, подпали под влияние болгар.

Несмотря на скудные известия русских летописей, все же можно составить представление о жизни мордовских племен в XII и XIII вв.

К этому времени у мордвы в основном завершился процесс распада родовой общины, на смену которой в связи с развитием пашенного земледелия пришла сельская, или соседская, община.

Однако еще долго продолжали сохранять свою силу патриархально-родовые отношения.

Ограниченность документов и материалов не позволяет пока полностью осветить вопрос о формировании феодальных отношений у мордвы. Однако А. П. Смирнов и некоторые другие ученые придерживаются правильной, на наш взгляд, точки зрения, предполагая, что у мордвы к IX—XII вв. уже появилась феодальная верхушка, которая имела связи с феодальной верхушкой своих соседей. В богатой усыпальнице болгар найдено погребение мордовки. Летопись упоминает о мордовских князьях Пургасе и Пуреше, живших в XIII в. Пуреш (мокша) был союзником русского князя Юрия и выступал вместе с ним против эрзи, предводительствуемой Пургасом, который находился в вассальной зависимости от болгар.

Мордва была оседлым земледельческим народом. Зиму она проводила в селениях и жила в избах. Селения были окружены пашнями и выгонами для скота. Летом мордва жила в легких постройках около полей или на своих лесных бортовых и охотничьих угодьях, в зимницах, которые, как можно полагать на основании упоминания о них в некоторых документах, представляли собой поселения, близкие по типу к хуторам или заимкам. Для защиты от внешних врагов мордва строила окруженные высоким тыном городки, а в лесах устраивала «тверди» — убежища, в которых укрывалась от неприятеля, покидая дома и имущество.

С развитием феодальных отношений происходила консолидация мордовских племен в народность. На ее формирование оказали влияние славянские племена, а затем древнерусская народность.

Мокша и эрзя с давних пор сознают себя как один народ. Этому способствовали торговые связи, общий тип хозяйства, близость территории и необходимость совместно обороняться от набегов хазар, печенегов, болгар. К началу XIII в. процесс консолидации мордовских племен усилился, но потом был заторможен монголо-татарским нашествием.

В XIII—XIV вв. мордовские племена находились под властью монголов. На юге мордовских земель, среди лесов по р. Мокше, монголами был основан улусный город Мухши (современный Наровчат). Создание административного центра повлекло за собой проникновение в край монголо-татарской знати. Естественно поэтому, что на южной группе мордвы — мокше — сильнее, чем на эрзе, сказалось влияние татарской, более южной культуры. Поселения татар возникли здесь еще во времена Золотой Орды.

Монголо-татарское влияние прослеживается в инвентаре мордовских могильников XIV в. — в украшениях, типичных для золотоордынских городов Поволжья, в обряде погребения и т. д.

По-иному складывались исторические судьбы мордвы-эрзи. В середине XIV в. суздальский князь Константин Васильевич, перенеся свою столицу из Суздаля в Нижний Новгород, начал расширять границы своих владений. Мордва-эрзя оттеснялась от берегов Оки и Волги в леса, а на ее месте поселялись выходцы из Суздальского княжества. Русские владения распространялись все дальше в глубь мордовских земель. Северная группа мордвы-эрзи к концу XIV в. окончательно утратила свою самостоятельность и стала данницей русского князя, а Нижний Новгород, упрочив свое положение, приобрел большое экономическое значение.

С ростом политической мощи Москвы мордовские князья изменили свою ориентацию и стали поддерживать московского князя. Во время осады Казани мордовские отряды участвовали в ликвидации татарских засад.

После падения Казанского ханства (1552 г.) мордовские земли вошли в состав Русского государства. Для мордвы это было единственным спасением от опустошительных набегов кочевых племен. С целью обороны степных границ Московское государство начало строить засечные черты и укрепленные города. Под влиянием экономически и культурно более развитого русского народа ускорился процесс перехода мордвы к более прогрессивным формам производства, были восприняты от русских некоторые элементы материальной и духовной культуры, расширилось проникновение в мордовскую среду русского языка, что способствовало укреплению экономических связей с соседним русским населением и обогащению мордовского языка. Вместе с тем усилился процесс колонизации русскими мордовских земель. Около городов, построенных на мордовских землях, образовывались деревни русских поселенцев. Возникли десятки монастырей, занимавшиеся распространением христианства среди мордвы, они владели большими земельными угодьями. Жалованные от московского государя земли и угодья получали также служилые люди из татар, мещеры и самой мордвы.

К началу XVIII в. высшую прослойку в мордовском обществе составляли мурзы и тарханы, приравненные в правах к русским служилым людям. Они владели обширными поместьями и крестьянами и не платили податей. Мурзы назначались в походы, несли станичную и сторожевую службу. Впоследствии многие из них крестились, закрепили за собой вотчины и вошли в состав русского дворянства (Мордвиновы и др.). В дальнейшем большая часть служилого местного дворянства измельчала и сильно обеднела.

Одной из повинностей, ложившихся тяжелым бременем на нерусские народы Поволжья, в том числе на мордву, было так называемое лашманство. С 1718 г. все работы Казанского адмиралтейства по заготовке корабельного леса были возложены на коренное население Поволжья. С каждой девяти душ мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет брали на осеннее и зимнее время двух человек — конного и пешего. Если требовались работники на год, брали с 25 человек одного конного и двух пеших. Такой отрыв работников на долгое время разорял крестьянское хозяйство.

После первой ревизии (1724 г.) мордовское население было причислено к государственным крестьянам и уравнено в правах с русским тягловым крестьянством. Оно должно было давать рекрутов, посылать артели на постройку Петербурга, на строительство флота и другие работы, уплачивать в казну ямские деньги, нести обязанности ямской службы и т.п. Мордовское население, жившее на землях дворцовых вотчин, с образованием уделов (1797 г.) стало числиться крестьянами удельного ведомства. Некоторая часть мордвы была приписана к винокурным, поташным и красильным заводам для выполнения в определенный срок заводских работ, которые засчитывались за подати. Часть местного населения стала монастырскими крестьянами. Наконец, значительную группу среди мордвы составляли крепостные барские крестьяне; по данным десятой ревизии (1858 г.), их насчитывалось до 20%.

Крепостные крестьяне находились в очень тяжелом положении. Кроме подушной подати, которая взималась в одинаковом размере как с удельных, так и с монастырских крестьян, они должны были платить оброк помещику, размеры которого, по словам И. Т. Посошкова, достигали очень больших размеров: «рублев по восемь или малым чем меньше». Особенно притесняли крестьян бурмистры (барские управляющие) и старосты.

Часть мордовского населения, уравненная в правах с русскими государственными крестьянами, фактически находилась в более бесправном положении, чем русские крестьяне. Купцам было запрещено торговать в мордовских селениях, ввозить туда оружие и военные припасы. Мордва могла покупать необходимое лишь в городе и то в ограниченном количестве. Запрещение изготовления и ввоза металлических изделий, частей сельскохозяйственных орудий, предметов домашнего обихода искусственно консервировало применение деревянных орудий, деревянной посуды и других примитивных бытовых предметов.

Мордва не имела права поселиться в городах, а могла жить там лишь ограниченное время и в небольшом числе. Вследствие этого мордовское население сосредоточивалось почти исключительно в сельских местностях.

Чрезвычайно остро для мордвы стоял земельный вопрос. Лучшие земельные и лесные угодья раздавались русским помещикам, которые, организуя на этих землях крепостные хозяйства, строили мельницы, поташные и винокуренные заводы, насильно переселяя сюда крепостных крестьян из различных районов России. Мордва сгонялась со своих исконных земель, переселялась в другие районы. Помещики травили луга, косили сено и хлеба, отбирали скот, не позволяли мордве заниматься пчеловодством и охотой на ее наследственных угодьях.

Результатом таких притеснений и непосильных обложений явилось полное разорение мордовского населения и запустение его земель. Мордва покидала свои исконные земли, уходила в зимницы, скрывалась в лесах, шла через Самарскую луку в Заволжье в поисках свободной земли. Мордовские поселки возникали в Саратовской, Уфимской губерниях и даже в Сибири.

Одной из главных задач колониальной политики царизма в Поволжье являлась полная ассимиляция местных народностей путем внедрения православия и уничтожения национальной культуры.

Уже после покорения Казанского ханства одной из забот Ивана IV было обращение «инородцев» в православие. Миссионерская деятельность усилилась в XVII в. во времена патриарха Никона. Но особенно большой размах массовое крещение мордвы получило в середине XVIII в., с учреждением «конторы новокрещенских дел», проводившей работу среди поволжских «инородцев». Ревностные служители церкви крестили мордву целыми деревнями и даже волостями. Нижегородский епископ Дмитрий Сеченов в течение двух лет (1740—1742 гг.) успел окрестить более 17 тыс. человек. Методы крещения были двоякого рода. С одной стороны, продолжали применяться еще старые приемы прямого насилия, когда мордву заставляли креститься силой оружия и угрозами; с другой стороны, крестившимся обещали материальные льготы: освобождение от подушных сборов, рекрутчины и заводских работ на определенное количество лет, кроме того, новокрещенным выдавали некоторую сумму денег и одежду.

К середине XIX в. мордва считалась христианизированной. Однако длительное время, еще продолжали сохраняться дохристианские верования. Часто церковные и языческие обряды сосуществовали, тесно переплетаясь между собой. Многочисленные древние мордовские божества, олицетворявшие силы природы, считались преимущественно женскими существами, как, например, мать леса (*Вурь-ава*), мать воды (*Ведь-ава*), мать ветра (*Варма-ава*), мать огня (*Тол-ава*) и др. По всей вероятности, эти представления возникли у мордвы еще в ту отдаленную эпоху, когда в хозяйстве и общественной жизни ведущая роль принадлежала женщине.

Наряду с божествами женского рода мордва, хотя и в меньшей мере, почитала и мужские божества (отца леса—*Вурь-атя*, отца земли—*Мод-атя*

и др.), считавшихся мужьями женских] божеств. По народным представлениям, почти все мордовские божества воплощали одновременно и злое и доброе начало. Чтобы умилостивить их и получить помощь в хозяйственной деятельности и семейной жизни, устраивали моления (*озкст*) на полях, в лесах, у воды, в жилище, совершали жертвоприношения. Позднее, с развитием классового общества, возникла вера в единого верховного бога. Эрзя называли его *паз*—*Нишке-паз*, или *Вере-паз* (верхний бог), а мокша — *шкай*. Однако былые представления о многих мелких божествах-покровителях продолжали еще долго проявляться в старых обрядах.

Большое место в верованиях мордвы занимал культ предков. Связанные с ним погребальные обряды представляли сочетание язычества с православием. Хоронили умерших в долбленых колодах, позднее — в обычных тесовых гробах. С умершим клали любимые и необходимые ему при жизни вещи: с мужчиной — хлеб, нож, кочедык (инструмент для плетения лаптей), с женщиной — холст, иглу, нитки и веретено. У мордвы-терюхан долго сохранялся обычай класть детям в гроб пряники, конфеты и цветы. В более отдаленные времена, по рассказам стариков, закапывали в могилу мужчины соху, борону, телегу.

По представлениям мордвы, умерший мог возвращаться в свой дом и оказывать своим живым родственникам помощь или, наоборот, вредить им. Чтобы уберечь себя от вреда (болезни или смерти), который мог нанести умерший, совершался ряд охранительных действий. Помещение, где лежал покойник, тщательно мыли и окуривали, связанные с ним вещи (сосуд, из которого его обмывали, и т. п.) бросали за околицу, прося умершего не возвращаться в дом.

Поминки совершались в дни, установленные православной церковью, т. е. в день похорон, а затем на 9-й, 20-й и 40-й дни после смерти; давно умерших родственников поминали в так называемые родительские дни, а также на пасху, Ильин день, троицу и т. д.

В поминках по умершему принимали участие все родственники. В ритуал поминального обряда, помимо молитвы и общей трапезы, включалась инсценировка прихода покойника в дом родственников и обратных проводов его в загробный мир.

Руссификация, проводившаяся с таким ожесточением царским правительством и православной церковью, больше всего коснулась мордовских крепостных крестьян Нижегородской губ., которые раньше и теснее столкнулись с русскими. Обрусению быстро поддались также мордовские переселенцы в Саратовской и Самарской губерниях. Пензенская и тамбовская мордва, жившая более компактно группой, дольше сохраняла свою языковую и культурную самобытность.

Непомерно тяжелые обложения и гнет помещичьей эксплуатации, жестокость обращения, насильственная христианизация — все это побуждало мордовское население к активным выступлениям за уничтожение крепостного гнета. Мордва принимала деятельное участие в крестьянских восстаниях под руководством Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева.

Протест мордвы против феодально-колониального гнета иногда носил религиозную окраску и был направлен одновременно против господствующей христианской религии, за возрождение старой мордовской веры. К таким движениям принадлежит и терюшевское восстание 1804 г., возглавлявшееся крестьянином Кузьмой Алексеевым из дер. Большое Сеськино Терюшевской волости Нижегородского уезда.

Проникшие в мордовскую деревню товарно-денежные отношения вызвали усиленное расслоение мордовского крестьянства. В начале XX в. территория современной Мордовии представляла собой отсталый аграрный район царской России с развитым помещичьим и монастырским

землевлaдением, где эксплуатация трудового крестьянства помещиками и кулаками сочеталась с колониальным гнетом царского правительства.

Промышленность на территории современной Мордовии в это время была представлена мелкими предприятиями полукустарного типа с отсталой техникой. Общее число рабочих в них не превышало 3 тыс. Наиболее видное место в промышленности занимали винокуренные заводы. Основным источником дохода населения было сельское хозяйство, однако основная масса мордовского крестьянства имела ничтожные земельные наделы и влачила жалкое существование.

Непомерно высокие подати, всей своей тяжестью ложившиеся на плечи главным образом крестьянской бедноты, еще больше разоряли крестьянство и превращали значительную часть его в деревенских пролетариев. Чтобы не голодать, мордовские крестьяне нанимались работать у местных помещиков и кулаков или уходили на заработки во все концы страны. Условия работы отходников были очень тяжелые: рабочий день длился с восхода до захода солнца, а оплата изнурительного труда была крайне низкой, составляя всего 25—40 коп. в день на своем довольствии.

Естественно поэтому, что мордовское крестьянство приняло активное участие в революции 1905—1907 гг. Большое влияние на развертывание крестьянского движения оказали выступления железнодорожных рабочих, являвшихся проводниками революционных идей в среду трудящихся крестьян. Уже весной 1905 г. зачастую крестьяне стали бросать работу у помещиков, а к осени революционное движение охватило многие села Мордовии. Крестьяне делили помещичьи земли, громили помещичьи усадьбы и винокуренные заводы. В течение 1905—1907 гг. на территории нынешней Мордовии было разгромлено более 500 помещичьих имений.

После поражения революции 1905 г. тысячи мордовских крестьян подверглись аресту, порке и ссылке на каторгу.

Февральская революция 1917 г. существенного изменения в положение мордвы не внесла. Временное правительство, в котором большую роль играли эсеры, стремилось удержать мордву, как и другие национальности России, в том же положении, в каком они находились при самодержавии.

Коренные изменения произошли только после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Советская власть была завоевана трудящимися Мордовии под руководством Коммунистической партии в ожесточенной борьбе против эсеров и меньшевиков. В течение первых лет существования Советской власти на территории Мордовии еще продолжалось упорное сопротивление кулацко-эсеровских и белогвардейских банд, организовывавших здесь мятежи и контрреволюционные восстания. И только в 1921 г. враги были окончательно уничтожены.

В 1921 г. в Самаре состоялась конференция большевиков, которая подвела итоги борьбы трудящихся за Советскую власть и наметила пути дальнейшей работы. Большое место в этой работе отводилось вопросу о национальном строительстве Мордовии.

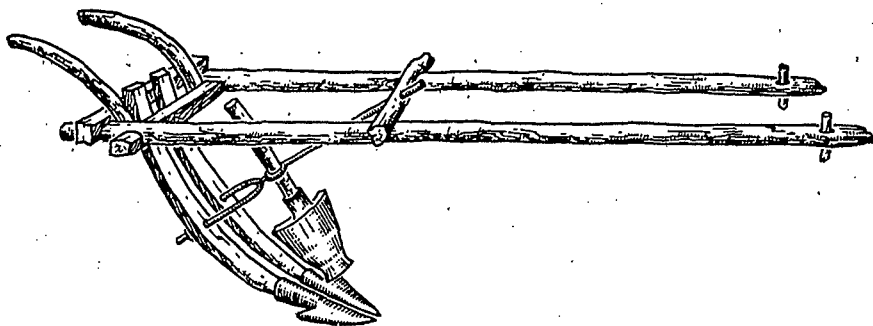
В 1928 г. был образован Мордовский национальный округ, вошедший в состав Средневолжского края. 10 января 1930 г. округ был преобразован в Мордовскую автономную область, а 22 декабря 1934 г. — в Мордовскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР с центром в городе Саранске.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции почти 37% крестьянских хозяйств Мордовии были безлошадными, более 20% — бескорновыми и около 18% всех крестьян совсем не имели посевов или засевали меньше одной десятины.

Почти половиной всех лучших земель и угодий владели помещики, монастыри и сельская буржуазия, которая имела надельной земли; приходящейся на один двор, в 4,5 раза больше, чем бедняцкие и маломощные середняцкие хозяйства.

Сельское
хозяйство

Тип сохи, распространенной в прошлом у мордвы

Пахотные земли делились между крестьянами узкими полосками, которых выходило до десяти на десятину. Узкополосица и чересполосица очень вредно отражались на урожаях. Переделы земли происходили почти ежегодно. Земля, переходя из рук в руки, не унавоживалась, истощалась и приносила ничтожный урожай.

Наиболее распространенной системой земледелия у мордвы в дореволюционное время было трехполье.

Орудия обработки земли были очень сходны с русскими. Пахали сохой (сока) с перекладной полицей и широко расставленными перовыми сошниками. Глубина вспашки была небольшая, всего 4—5 см. У мордовского населения Казанской губ. был распространен татарский сабан. В Самарской губ. и на луговой стороне Саратовской губ. в конце XIX в. соху выгеснил плуг украинского образца. Сеяли чаще всего вручную. Боронили деревянной бороной (инзама), связанной из сучьев, с деревянными зубьями, а с конца XIX в. — рамной бороной с железными зубьями. Жали рожь серпом (тарваз) с зазубренным краем, который ничем не отличался от русского. Молотили различными способами. Наиболее распространенным орудием молотбы оставался цеп — тьялма (м), пивсама (э)¹.

У мордовского населения нынешних Башкирской АССР и Куйбышевской обл. применялась молотба лошадьми, которых гоняли по разложенным на току колосьям. У зажиточных крестьян встречались конные молотилки.

Наиболее распространенными культурами были рожь, просо, пшеница, греча и овес. Из технических культур сеяли коноплю, а в Нижегородской губ. — лен. Некоторые селения имели посевы полбы. В огородах выращивали огурцы, лук, морковь, горох, в Саратовской и Оренбургской губерниях — арбузы и дыни (у богатых — на бахчах).

Урожай были плохие, и многим семьям не хватало хлеба на год. Беднейшее мордовское крестьянство занималось исполу обрабатывать земли

¹ Буквами «м» и «э» отмечаются термины, звучащие по-разному в мокшанском и эрзянском языках.

у помещиков и кулаков. По рекам Мокше и Суре, где арендные цены на земли, особенно на луга, были очень высокие, помещичьи покосы снимали из расчета двух третей в пользу помещика.

Скотоводство было дополнительным занятием к земледелию. Крестьяне держали коров, овец и птицу: кур и гусей. Рабочим скотом была лошадь. Способы пастбы скота и ухода за ним у мордвы были такие же, как у соседних русских крестьян. В скотоводстве у мордвы особенно ярко проявлялась эксплуатация беднейшего крестьянства кулачеством. Одной из тяжелых форм кабалы была сдача скота внаем. Крестьяне бедняки, бравшие скот внаем, обязывались поставлять хозяину с коровы 1 или 1 1/2 пуда масла и приплод.

Среди мордвы было развито отходничество на сельскохозяйственные работы в низовья Волги.

Жалкое состояние сельскохозяйственной техники, нищета крестьянского населения, его бессилие в условиях царизма и капитализма реальными средствами улучшить свое положение, повысить урожайность полей и продуктивность животноводства породили у мордвы обилие магических обрядов и верований, связанных с сельскохозяйственной деятельностью. В них особенно ярко проявлялся религиозный синкретизм. Место прежних скотоводческих и земледельческих божеств заняли христианские святые, культ которых, однако, внешне продолжал оставаться старым, языческим. В молитвах назывались имена и мордовских божеств, и христианских святых. Местами молений продолжали оставаться лесные поляны, поля и овраги.

Первое весеннее моление — *клярд-озкс* (моление плуга) совершалось перед весенним севом. Для проведения этого моления резали селеня, готовили из него обед. Собирались на лужайке близ села и старики выполняли различные обряды. После обеда назначали день выезда в поле, выбирали «счастливец, у которого хлеб лучше родится и нога легкая».

В течение года совершалось несколько таких общественных молений. У мордвы-мокши, обитавшей на территории нынешней Татарской АССР, перед сенокосом устраивали «моление луга» (*лайме-озкс*). Резали двух овец, молясь о том, чтобы Шкай помог скосить сено и сметать его в стога. После посева яровых культур устраивали «моление курицы» (*сараз-озкс*), на котором каждый домохозяин приносил в жертву курицу, прося о хорошем урожае.

Особенно торжественное моление происходило осенью, после окончания полевых работ.

Многие скотоводческие и земледельческие обряды выполнялись как магические действия в охранительных целях во время эпидемий, засухи и других общественных бедствий. Таким обрядом являлось, например, опахивание, имевшее до революции довольно широкое распространение и у русского крестьянства. В этом обряде главная роль принадлежала незамужним женщинам и вдовам, которые, собравшись в чистых одеждах в числе 10—15 человек и распустив волосы, проводили сохой борозду вокруг деревни. Одна из старых женщин впрягалась в соху и, надев на себя хомут, произносила заклинания. С введением православия в обряде появились церковные элементы. При проведении борозды сохой брали иконы, читали христианские молитвы.

Широко распространен был и магический обряд «прохождения сквозь землю» (или земляные ворота). Он также проводился в предохранительных целях. Обряд этот встречался и у соседних народов, например у чувашей. Между оврагами прорывали канаву, в селении тушили огни и новый огонь добывали трением. По обе стороны канавы зажигали добытым огнем можжевельник и окуривали проходивший по канаве скот. С распространением христианства в этом обряде стало принимать участие православное

духовенство, в земляных воротах ставили столб с иконой, а скот окропляли «святой водой».

Занявшие место мордовских божеств христианские святые стали считаться покровителями домашних животных, пчел, растений. Большим почитанием у мордвы пользовались святой Николай, Илья-пророк, заменивший мордовского бога грома и молнии *Пургине-паз*, и др. Иногда моления древним божествам приурочивались к православным праздникам: на пасху, например, молились Нишке-пазу, шкаю. Скотоводческие обряды приурочивали к дням празднования православных святых — Василия, Егория, Петра, Фрола и Лавра. День Василия (1 января) праздновался как день покровителя свиней (*тувонь-озкс*). В Егорьев день (21 апреля) скот перед выгоном в поле окуривали. В день Фрола и Лавра (18 августа) эрзя Городищенского района совершали моления перед иконой этих святых, чтобы не было убыли в лошадях; во время моления лошадей кропили «святой водой».

* * *

Советский строй коренным образом изменил жизнь мордовских крестьян. В первые же дни после Октябрьской революции крестьянство Мордовии получило дополнительно около 800 тыс. десятин лучших земель, которыми ранее владели правящие классы и кулаки. Трудящимся крестьянам на льготных условиях отпускались кредиты на приобретение скота и инвентаря, выдавались семена для посева.

Вместо мелких разрозненных крестьянских хозяйств, в одиночку ковырявших сохой свои полоски земли, в Мордовии были созданы коллективные хозяйства, вооруженные передовой техникой. Знаменательным для колхозного строительства в Мордовии, как и для многих других районов нашей страны, был 1929 год — год массового движения крестьян за создание колхозов, развернувшегося на основе решений XV съезда Коммунистической партии.

К 1934 г. основные массы сельского населения Мордовии объединились в колхозы. Тысячи тракторов, комбайнов, автомашин, молотилок, сеялок стали работать на колхозных и совхозных полях. Колхозы и совхозы в этом году сосредоточили в своих руках уже 99,1 % всей посевной площади.

Тогда же произошел и коренной перелом в развитии общественного животноводства. В колхозах были созданы специальные фермы и постоянные животноводческие бригады; для улучшения породы местного скота было завезено более тысячи голов племенных животных, главным образом коров и свиней; значительно улучшилось зоотехническое и ветеринарное обслуживание животноводства.

Большую помощь трудящимся Мордовии при организации колхозов и подготовке колхозных кадров оказали рабочие промышленных центров страны, в частности рабочие московских предприятий. В 1931—1932 гг. рабочие заводов и фабрик Ленинского района Москвы внесли из своих личных сбережений 100 тыс. руб. на создание школ и техникумов по подготовке специалистов колхозного производства и сами приняли непосредственное участие в обучении трактористов, комбайнеров, механиков и других специалистов для Мордовии.

Оправившись после тяжелых лет второй мировой войны, сельское хозяйство Мордовии к 1959 г. стало более разносторонним. Кроме зернового хозяйства, широкое развитие получило производство картофеля, технических и кормовых культур.

Особое внимание в текущем семилетии уделяется выращиванию конопли и сахарной свеклы, которые дают в Мордовии хорошие урожаи. В некоторых колхозах республики выращивается кукуруза. Так, в колхозах им. Чапаева и «Большевик» (Рузаевский район) в 1959 г. было

Сев яровых. Колхоз «Светлый путь» Ковылкинского района, 1960 г.

получено 850—900 ц зеленой массы с 1 га, а в колхозе им. Тельмана (Ромодановский район) по 907 ц/га.

Животноводство занимает второе по значению место в сельском хозяйстве Мордовии. Большинство ее совхозов имеет животноводческое направление.

Долгое время во многих колхозах и совхозах было слабо развито птицеводство. Птицефермы были карликовые, птица не породистая, и эта отрасль хозяйства сильно отставала. В настоящее время в каждом колхозе и совхозе имеется высокопродуктивная птицеводческая ферма.

С каждым годом сельское хозяйство Мордовии становится более производительным, повышается урожайность зерновых и технических культур, расширяются площади посевов, проводятся большие работы по осушению болот, добыче торфа на удобрение, улучшению лугов и пастбищ. Увеличивается поголовье скота и возрастает его продуктивность.

За последние годы в республике большое внимание уделяется восстановлению и расширению плодово-ягодных насаждений. Многие колхозы, совхозы, промышленные предприятия, школы имеют хорошие сады и получают много плодов и ягод.

Принимаются меры и к развитию пчеловодства, которое издавна было любимым занятием мордвы. Теперь во многих совхозах и колхозах есть крупные пасеки. Колхозники и рабочие совхозов также зачастую занимаются пчеловодством, ставя ульи на своих огородах в садах.

Растут неделимые фонды колхозов. Большие средства вкладываются в техническое оснащение производства, строительство хозяйственных и культурно-бытовых помещений, повышается механизация сельского хозяйства. Еще в 1958 г. в колхозах республики были полностью механизированы такие работы, как посев зерновых культур, подъем пара и яби, сплошная культивация и боронование. Слабее механизирована уборка зерновых культур (90%) и особенно сахарной свеклы и картофеля (57%).

Доярки изучают доильный аппарат. Темниковский район

Важное значение в колхозном и совхозном производстве Мордовии имеет конопля — *каньт* (э), *каньф* (м). В связи с этим ведутся большие работы по комплексной механизации возделывания этой культуры, организации мочильных пунктов и др.

С пуском новых электростанций расширяются работы по электрификации сельского хозяйства.

В 1959 г. были электрифицированы все совхозы и половина колхозов, а в ближайшее время намечено электрифицировать и остальные колхозы и населенные пункты.

Кроме сельскохозяйственных артелей, где работает только мордва, в республике имеется немало смешанных в национальном отношении колхозов, где бок о бок с мордвой дружно и успешно трудятся русские, татары и представители других национальностей. Из среды мордовского крестьянства, как и из других национальностей, выросло много передовых людей колхозного производства — это мастера высоких урожаев зерновых культур, механизаторы, известные всей стране коноплеводы, доярки, добившиеся больших успехов и передающие свой опыт другим, телятницы, выхаживающие 100% родившихся телят, и т. п.

Исчезли обряды, связанные с сельским хозяйством. Колхозное крестьянство, стремящееся к поднятию сельскохозяйственного производства, понимает, что успехи обеспечиваются механизацией, новой агротехникой, новыми способами ухода за скотом, основанными на достижениях современной науки.

В многочисленных кружках, на агрономических курсах, курсах механизации и т. д. колхозники приобретают необходимые знания. Проводимая на селе массовая культурно-просветительная работа, в частности атеистическая, сельские университеты культуры, различные лекции, современная периодическая печать, научная и художественная литература содействуют неуклонному росту культурного уровня колхозников, освобождению их миропонимания от религиозных пережитков.

Повышению производительности труда, заинтересованности колхозников в его результатах, а также возрастанию материального благосостояния колхозного крестьянства способствует переход колхозов на денежную оплату труда, с учетом качества работы.

**Домашнее
производство
и промыслы**

В полунатуральном хозяйстве дореволюционной мордовской семьи важное место занимали прядение и ткачество. И теперь некоторые мордовские женщины продолжают заниматься прядением шерсти. Из шерсти вяжут чулки и рукавицы. Из холста и домотканого сукна в настоящее время шьют одежду уже редко.

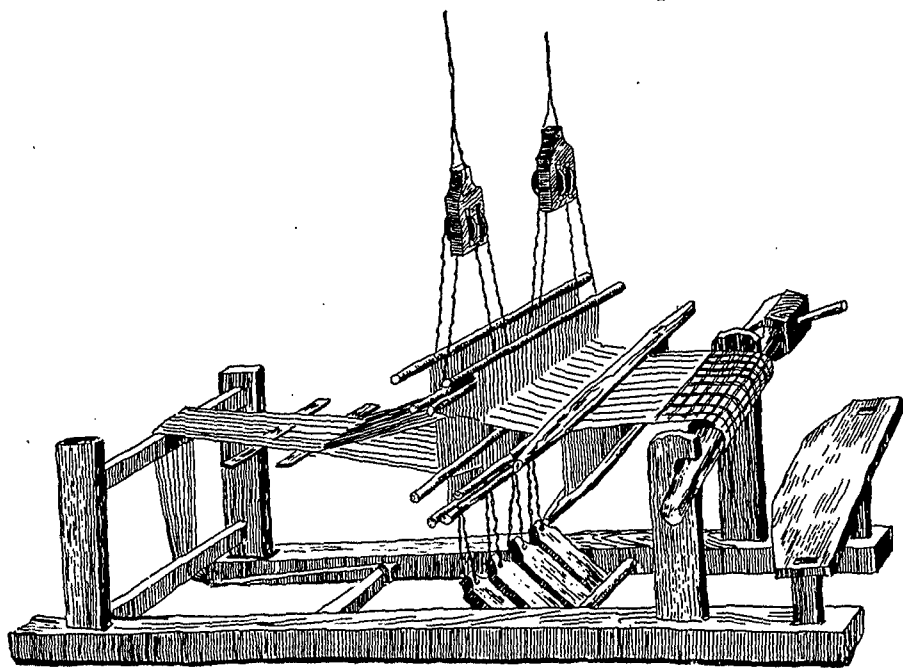
Обработка шерсти (преимущественно овечьей) и волокон конопли и льна у мордвы производилась теми же способами, что и у других народов Восточной Европы. Орудия прядения и ткачества не отличались по своему типу от применявшихся соседним русским населением. Наиболее распространено было прядение с помощью веретена (*житирь* (м), *штере* (э) и прялки (*пакарь*) (э), *лапа* (м)). У мордвы-эрзи преобладали прялки лопатобразной формы с донцем, у мокши — палкообразной формы без донца. Прялкой пользовались, когда пряли шерсть; при прядении кудели прялку заменял гребень. Самопрялки использовали значительно реже, чем прялку и веретено. У мордвы встречались оба типа самопрялок: «лежак» и «стояк». Сновали по стене или на переносной деревянной сновалке в виде прямоугольной рамы. Ткали на стане с горизонтальной основой. Ткацкий стан мордвы-эрзи по виду ничем не отличался от соседнего русского. У мокши был распространен более архаичный тип ткацкого стана. Он приближался по виду к трехподставному стану чувашей, удмуртов и марийцев, бытовавшему у них вплоть до недавнего времени. Стан мордвы-мокши не имел рамы и заднего навоя, основа его закреплялась за столбик или перекидывалась через заднюю стойку; верхние перекладины ткацкого стана отсутствовали, а ниточки и бердо привязывали к палке, подвешенной к потолку. Холст чаще всего изготавливали белый, на двух подножках. Для портянок ткали «рядный» холст на четырех подножках. Он был уже, и ткали его гораздо быстрее.

Много труда тратила еще совсем недавно мордовская женщина на беление холста. Нитки, приготовленные для тканья, залили в корыте и ставили в истопленную печь на двое суток. Мыли, сушили, квасили в продолжение двух суток в творожной жиже, а затем вторично мыли и сушили. Вытканый холст снова бучили, клали в корчагу или чугунок, засыпали туда золу, наливали воду и бросали раскаленные камни. Затем холст расстилали на лугу, просушивали, снова полоскали, били вальком; проделывали это по нескольку раз до тех пор, пока он не становился совершенно белым.

У мордвы были развиты овчинное и валяльное производства, которые с конца XIX в. приобрели характер отхожего промысла. На зимний сезон кустари-отходники открывали мастерские в деревнях и принимали заказы на валяную обувь и выделку овчин. Работали обычно по два-три человека. Более крупные предприниматели имели наемных рабочих. В качестве учеников-помощников держали двух-трех мальчиков. В технологии производства и инструментарии ничего специфичного для мордвы не было. В советское время после коллективизации сельского хозяйства специалисты валяльщики и шубники объединились в промысловые артели, а теперь работают в местной промышленности. Имеются валяльные и овчинные мастерские при колхозах и в городах.

Значительное место в дореволюционном хозяйстве мордовского крестьянина занимали лесные промыслы: углежжение и смолокурение. Ямный способ получения угля и смолы применялся еще в 1930-х годах в лесных районах. Широкой известностью пользовались мордовские угольщики из Нижегородской губ. Некоторые из них имели по нескольку ям и за зиму

нажимали более 500 четвертей угля (четверть — около 25 кг). Уголь возили на продажу в Нижний Новгород и другие города Поволжья. Так как углежжение и смолокурение проводилось в основном зимой, угольщики и смолокуры не бросали сельского хозяйства, а от промыслов получали некоторый дополнительный заработок. В настоящее время углежжением колхозники занимаются очень редко, а если кто и жжет уголь, то только для нужд колхоза, в основном для колхозной кузницы. Смолокуры работают на лесохимических предприятиях местной промышленности.

Мордовский ткацкий стан. Ковылкинский район

Из других производств, связанных с обработкой дерева, у мордвы было развито изготовление экипажных и щепных изделий: чашек, лопат, корыт и т. п. Эти производства имели характер промысла, которым занимались целые деревни и даже районы в свободное от полевых работ время. Производство полозьев, колес и лопат не утратило своего значения до наших дней. Почти в каждом мордовском селе изготовлением полозьев и колес занимаются отдельные колхозники—знатоки этого дела. Их продукция поступает в колхоз.

Кулеткацкий промысел также был широко распространен у мордвы. Возникнув в 40—50-х годах XIX в., выделка рогож первоначально имела характер домашнего производства. Ткач-рогожник сам заготавливал мочалу и луб и значительно реже покупал сырье на базаре. Готовые изделия или использовались для личного потребления или сбывались на ближайших рынках.

С развитием в деревне капиталистических отношений рогожно-кулеткацкий промысел приобрел форму мануфактурного производства; кустари работали на дому на материале заказчика. Заготовка сырья и сбыт готовых изделий сосредоточивались в руках нескольких крупных предпринимателей. Одновременно были и мелкие хозяйчики, скупавшие сырье на Ветлуге, Каме, Белой и отправлявшие кули и рогожи за определенный процент крупной фирме. В Лукояновском уезде Нижегородской губ. кулеткацким промыслом занималась значительная часть мордовского населения. Центром производства было с. Кочкурово, расположенное

в западной части уезда, с прилегающими к нему селениями и деревнями. Наибольшее развитие тканье рогож и шитье кулей получили в 60—70-х годах XIX в. Лукояновские рогожи и кули отправлялись в Москву, Харьков и на ближние рынки — в Моршанск, Елец и др. Рогожно-кулеткацким промыслом занимались главным образом в осеннее и зимнее время, после окончания полевых работ. Зимой работали в жилых помещениях, в теплое время года — под навесом во дворе. В кулеткачестве широко применялся женский и детский труд, иногда нанимали даже посторонних детей и подростков. Заработок кустаря-рогожника зависел от спроса и был подчинен целиком капризам капиталистической системы производства.

Мордовские кустари-рогожники работали на общераспространенном рогожном стане с горизонтальной основой; такой же стан был и в соседних поволжских районах у русских, татар, чувашей. Он состоял из двух стояков, двух шестов, жерди и двух железных колец, укрепленных в стене. Стояки устанавливали в зависимости от длины рогожи, на некотором расстоянии от железных колец. Иногда кольца заменяли второй парой стояков, и тогда станок можно было установить в любом месте избы. Между стояками и кольцами на двух шестах натягивали основу. Для работы станка необходимо было иметь также бердо, трепало и иглу.

Бердо представляло собой деревянную четырехугольную раму длиной 0,75—1,10 м. Между долевыми параллельными брусками было вставлено на некотором расстоянии друг от друга до 60 и более плоских деревянных зубьев, посередине каждого зуба имелось круглое отверстие. Трепало имело вид продолговатой лопатки с овально выступавшими боками. Игла представляла собой продолговатую деревянную, тонкую и узкую планку длиной не менее 75 см с овально заостренными концами и отверстиями для продевания утка. На каждом станке в нормальных условиях работало три человека. Ткач руководил процессом тканья, второй рабочий (чаще всего женщина) заготавливал мочало для основы и утка, третий — игольник, обычно подросток 12—14 лет, продергивал деревянную иглу, вдевал в нее мочало и помогал ткачу. После того как рогожа была выткана, ее подчищали, обрезали основу и заплели концы. Если рогожу ткали на кули, то ее передавали сновальщику на сшивку.

Рогожи изготавливаются и в наше время во многих колхозах Мордовской АССР. Они служат тарой для колхозных продуктов.

До настоящего времени мордовское население в домашнем хозяйстве пользуется, кроме металлической и фарфоровой посуды, также и глиняной. Гончары изготавливают большие корчаги для пива, посуду для молочных продуктов и для варки пицци. Глиняную посуду делают на ручном, но чаще на ножном гончарном круге. Ручная лепка посуды без гончарного круга, на доске, существовала еще несколько лет назад в Саранском районе Мордовской АССР. Готовую посуду просушивают на доске или на полках, а затем обжигают. Там, где гончарные изделия не имеют широкого сбыта, горшки обжигают в русской печи, а потом закалывают: раскаленные в печи докрасна горшки опускают в раствор из ржаной муки с водой, где горшки находятся до тех пор, пока не пропитаются раствором. При массовом изготовлении обжиг производят в специальных горнах.

В настоящее время на территории Мордовии существует несколько предприятий по выработке разнообразных гончарных изделий. Продукция их поступает на колхозные рынки и в сельские магазины.

На базе местных глин успешно развивается кирпичное производство. Крупные кирпичные заводы имеются в Рузаевке, Саранске, а более мелкие — во многих колхозах и совхозах республики.

В цехе полупроводников завода «Электровыпрямитель» в Саранске

В дореволюционной России промышленность на территории Мордовии была развита крайне слабо и состояла в основном из полукустарных предприятий легкой и пищевой промышленности, на которых перерабатывалось местное сельскохозяйственное сырье. Достаточно сказать, что в 1902 г. Пензенская губ., в которую входило более 60% современной территории Мордовской АССР, по числу рабочих занимала 36-е место среди 50 губерний Европейской России, а по числу промышленных предприятий 38-е.

Рабочий класс составлял очень немногочисленную прослойку среди основной массы населения Мордовии. Так, по данным Всероссийской переписи 1897 г., 98% всего мордовского населения Пензенской губ. занималось сельским хозяйством, 0,4% — обработкой сельскохозяйственной продукции, 0,1% — торговлей и 1,5% — прочими промыслами. Условия труда рабочих Мордовии, особенно в лесозаготовительной и текстильной промышленности, были очень тяжелые. Оплата труда их была на 30—35% ниже, чем средняя по России.

После Великой Октябрьской социалистической революции в восстановительный период основное внимание Советского правительства было обращено на восстановление и оборудование уже существующих промышленных предприятий. В дальнейшем, в годы первой и второй пятилеток в Мордовии было введено в эксплуатацию более 20 новых промышленных предприятий, в том числе Саранский пеньковый комбинат, консервный комбинат и некоторые др. Благодаря этому промышленная продукция увеличилась в семь раз по сравнению с 1913 г. Но особенно быстрыми темпами промышленность Мордовии стала развиваться после второй мировой войны. Определелись ведущие отрасли промышленности: электротехническая, светотехническая и приборостроение. Возрос удельный вес машиностроения и металлообработки в валовой продукции всей республики. Численно вырос и окреп рабочий класс Мордовии. Однако, несмотря на сравнительно быструю индустриализацию, Мордовия все же отставала от средних темпов индустриального развития соседних областей и республик РСФСР. Объем производства продукции сельского хозяйства в 1958 г.

превышал объем валовой продукции промышленности. Основная масса трудоспособного населения была занята в сельском хозяйстве.

Семилетним планом развития народного хозяйства Мордовской АССР предусмотрено дальнейшее повышение удельного веса промышленности. К концу семилетки значительно увеличится мощность электростанций. Во второй половине 1960 г. закончились работы по строительству газопровода на участке Саратов — Пенза — Саранск, и столица Мордовии получила газ, который принес не только бытовые удобства, но и большую экономию твердого топлива.

Очень быстро развивается электротехническая промышленность. Саранский завод «Электровыпрямитель» является основным предприятием в Советском Союзе по производству силовых полупроводниковых выпрямителей и приборов. В Саранске работает также крупный электроламповый завод. Различные типы осветительных приборов выпускает Ардатовский светотехнический завод. Второй такой завод строится в г. Ковылкино. В связи с тем, что Мордовия занимает ведущее место в светотехнической промышленности СССР, в Саранске создан Всесоюзный научно-исследовательский институт источников света.

Успешно развивается производство автосамосвалов, автомобильных запасных частей и др. С каждым годом растет продукция Саранского инструментального завода, развивается тяжелое и химическое машиностроение.

Создана и совсем новая для Мордовии химическая промышленность. В первом году семилетки в Саранске вступил в строй завод медицинских препаратов — одно из наиболее крупных предприятий химико-фармацевтической промышленности нашей страны. В 1960 г. в день 30-летия Мордовской АССР в районе Саранска был заложен крупный резиновый комбинат; ведется строительство Саранского завода искусственного волокна.

Форсируется строительство предприятий по производству строительных материалов.

В связи с тем, что конопля как старая техническая сельскохозяйственная культура Мордовии не только не утратила своего значения в наши дни, но приносит колхозам и совхозам большие доходы, построенные еще в 1930-х годах предприятия по переработке конопли заново оборудованы, на них введена комплексная механизация, построено два новых пенькозавода. При Саранском пеньковом комбинате работает канатная фабрика. Реконструируются и расширяются старые предприятия текстильной, легкой и пищевой промышленности. Значительный рост промышленности в Мордовии способствовал увеличению численности рабочих и инженерно-технических работников. К концу семилетки число рабочих в крупной промышленности Мордовской АССР возрастет почти в 50 раз по сравнению с 1913 г. и в 4,3 раза по сравнению с 1940 г. Для подготовки техников и квалифицированных рабочих открыты вечерние и заочные техникумы, расширилась сеть технических училищ и школ ФЗО. Таким образом, с ростом промышленности Мордовии ее рабочий класс вырастает не только численно, но изменяется и по уровню квалификации, и профессиональному составу. Изменился и национальный состав рабочих республики, повысился процент рабочих мордвы. Сотни молодых рабочих — русских, мордвы, татар и других — получают среднее и высшее образование без отрыва от производства.

Транспорт и связь

В дореволюционное время территория современной Мордовии не имела хороших дорог. Особенно весной и осенью, в дождливое время года, не только проселочные дороги, но и городские улицы становились малопроезжими. В настоящее время развитию транспорта и дорожному строительству республики уделяется большое внимание. В Мордовской АССР, как и во многих других областях и республиках нашей страны, организованы машинодо-

рожные станции, оснащенные мощными дизельными тракторами и первоклассными дорожными машинами. Колхозы и совхозы принимают активное участие в дорожном строительстве республики. Благоустроенные грунтовые дороги пересекают Мордовию в различных направлениях. Многие из них асфальтированы (например, Рузаевка — Саранск, Саранск — Инсар и др.). Через Мордовию проходит автотрасса Москва — Куйбышев.

Наиболее распространенным видом транспорта в Мордовской АССР является автомобиль. По дорогам Мордовии курсируют многочисленные грузовые и легковые автомашины. Из Саранска во все районы республики отправляются автобусы. В быт как городского, так и сельского населения прочно вошел велосипед.

Лошадь используется для езды верхом и в упряжке в основном в сельской местности. Наиболее распространенным средством передвижения является четырехколесная телега с окованными колесами и железными осями. Зимой основным средством передвижения служат дровни, розвальни и разнообразные деревянные сани (*нурдт*).

Водные средства передвижения из-за отсутствия судоходных рек в Мордовии развиты слабо. Чаще других встречаются дощатые лодки-плоскодонки и дощатые челноки с подшитыми боками; в некоторых пунктах для переправы через реки имеются паромы.

Железнодорожные линии соединяют Мордовию с крупными промышленными и культурными центрами страны. Железнодорожная магистраль Москва — Куйбышев — Оренбург проходит через Мордовию.

Железнодорожные линии, проходящие через станцию Красный Узел, соединяют Саранск и Рузаевку с Горьким и Казанью. Рузаевка — крупная узловая железнодорожная станция; здесь имеется вагонное депо, реконструированы паровозное депо, средства сигнализации и связи. Железная дорога от Рузаевки до Москвы электрифицирована. За самоотверженный труд многие железнодорожники Мордовии удостоены высоких правительственных наград.

Почтовая связь организована повсеместно. Широко распространена и телефонная связь. Особенно большое значение для мордовской деревни имеет радио. В самых отдаленных уголках Мордовии в каждом доме колхозника имеется радиоточка. Радио является здесь одним из главных проводников советской культуры.

Поселения
и жилище

Основная масса мордовского населения живет преимущественно в сельской местности. По данным переписи 1959 г., сельское население в Мордов-

ской АССР составляло 80%.

В лесных районах мордовские деревни обычно расположены вблизи леса или по склонам холмов и балок, спускаясь к небольшой реке или ключу, бьющему на дне оврага. Сравнительно густо заселены берега более крупных рек (Суры, Мокши, Иссы), а также старые сухопутные тракты.

В южных и центральных районах республики мордва расселена сравнительно плотно и равномерно, тогда как в северных районах мордовские деревни стоят группами и образуют как бы гнезда, которые возникли в процессе постепенного освоения территории, занятой лесом. В прошлом с ростом общины отдельные ее члены недалеко от села строили выселки, из которых вместе со старыми селами и образовывались гнезда и кусты селений. Так, например, из Писцовой книги 1624—1626 гг. видно, что гнездо деревень вокруг с. Чукалы (ныне Ардатовского района Мордовской АССР) образовано в основном выселками из него. Подобные группы селений имеются вокруг с. Турдаково (Ардатово, Кечушево, Урусово) и вокруг с. Ичалки (Новые Ичалки, Малые Ичалки, Лобаски). Такие гнезда селений отстоят обычно друг от друга на 40—60 км; пространство между ними занято почти везде лесными массивами.

По характеру планировки мордовские селения подразделяются на беспорядочные, круговые, радиальные, рядовые и уличные. Наиболее древний вид — беспорядочная застройка селений. Большинство мордовских деревень было перестроено еще в конце прошлого века, и в наши дни беспорядочную застройку можно встретить изредка на старых, не перестроенных концах села. Так, например, реликт беспорядочной застройки представляет старый конец с. Мордовское Давыдово Рузаевского района Мордовской АССР, где постройки стоят в беспорядке на небольшой площади и ориентированы в разные стороны. Здесь нет улиц, усадьбы крайне малы, часть их расположена не за домом, а впереди, некоторые усадьбы стоят совсем отдельно, на пойме р. Суры.

Интересны мордовские деревни с круговой планировкой, также весьма старой. Круговые поселения создавались, как правило, вокруг какого-либо центра, озера, торговой площади, церкви или помещичьей усадьбы. Так, например, центр с. Турдаково ныне занимают огороды и сады, а в прошлом здесь была расположена помещичья усадьба; то же и в с. Чукалы.

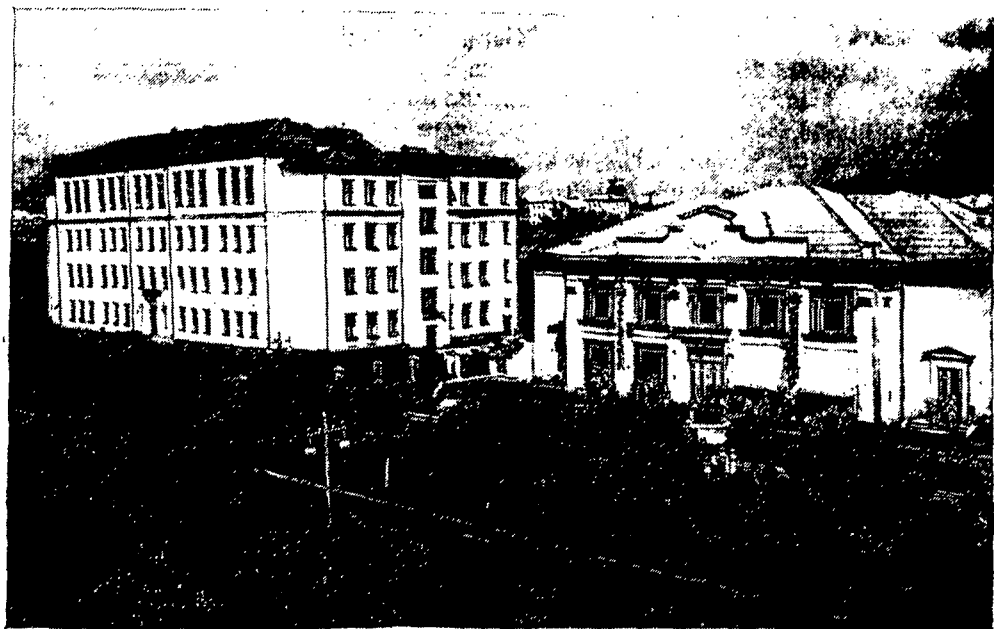
Для селений, расположенных по берегам рек, характерен рядовой план. Фасады домов в этих деревнях обращены к реке, особенно если эта сторона солнечная. Такова, например, планировка с. Семилей Рузаевского района, в котором два ряда домов обращены фасадами не друг к другу, а в одну сторону — к реке. Рядовая планировка встречается и в таких селениях, которые возникли сравнительно недавно и не успели еще разрастись. Там улица состоит из одного ряда домов, перед окнами которых по другую сторону улицы располагаются хозяйственные постройки — мазанки, амбары и бани. Таков, например, один из концов с. Кочетовки Ковылгинского района, известный под названием Шаталовки.

Наиболее распространена уличная планировка, которая представлена в основном тремя видами: линейным, квартальным и радиальным. При линейно-уличном плане дома располагаются по обе стороны дороги, иногда ручья и обращены фасадами друг к другу. Такую планировку имеет большинство мордовских сел. С ростом селения создаются новые улицы, переулки, и село в целом приобретает квартально-уличную планировку. Таковы наиболее крупные мордовские села — Ичалки, Старые Найманы, Алькино, Старое Дракино и др.

Селения с радиальной планировкой состоят из двух или нескольких улиц, расположенных под углом или (обычно в центре) пересекающих друг друга; улицы чаще всего расходятся от площади, где располагаются общественные постройки. Примером радиальной планировки могут служить села Мамолаево Краснослободского района, Кулдым и Вертелим Старошайговского района, Поводимово Атяшевского района и некоторые др. При радиальной планировке направление улиц часто определяется также проходящими через селения дорогами.

Названия многих сел и деревень связаны с именами их основателей. Таковы села Сабаево, Налитово, Атяшево и др.; в большинстве случаев это дохристианские мужские имена. Иногда названия селений и в особенности улиц отражают топографические особенности местности: *Верёпе* — верхний конец; *Алопе* — нижний конец. Часто к названию села добавляется слово новый, старый (Новая Пырма, Старая Пырма) или большой, малый (Большой Уркат, Малый Уркат). Очень многие названия селений оканчиваются мордовским словом *лей* (э) или *ляй* (м), которое в переводе на русский означает «река» (Семилей, Камляй, Леплей, Неляй, Нерлей и др.).

Величина мордовских селений различна. В степных районах, как, например, в Саратовской, Куйбышевской, Пензенской областях, встречаются очень большие села — по 800—1000 дворов. Для Мордовской АССР и Горьковской обл. типичны села средней величины, в 150—300 дворов, хотя имеются и более крупные, в 600—700 дворов (Агюрьево, Чамзинка Теньгушево и др.).

Город Саранск. Советская улица

В связи с укрупнением колхозов в Мордовии, как и в других республиках, наблюдается тенденция к укрупнению поселков. Жилой фонд в подавляющей массе селений за последние 10—15 лет обновлен и продолжает обновляться. Застройка улиц, как старых, так и новых, производится по определенному плану, с соблюдением противопожарных интервалов между усадьбами. Все это меняет облик старой мордовской деревни. Вблизи от большинства селений располагаются колхозные хозяйственные постройки: фермы, инкубаторы, силосные башни, водокачка и пр. По другую сторону села находятся обычно промышленные предприятия: кузница, мельница, электростанция, ремонтные мастерские и др. Центральная площадь села, где раньше, как правило, стояла церковь, теперь по большей части застроена зданиями общественного назначения. Здесь находятся почта, магазин, клуб, правление колхоза.

Поселки усиленно озеленяются. Для сел теперь характерны зеленые пришкольные участки, засаженные фруктовыми деревьями, и колхозные сады. Много фруктовых насаждений на приусадебных участках колхозников. Если деревня стоит у оврага, деревьями засаживают его склоны. В притрактowych селениях деревья сажают по обе стороны шоссе. Многие колхозники сажают деревья около своего дома и отгораживают палисадники. Новым для внешнего облика села являются телефонные столбы и электрические фонари, освещающие улицы. В сельских центрах делают тротуары.

На территории Мордовской АССР семь городов и десять поселков городского типа. Столица республики — Саранск — старинный город, возникший еще в середине XVII в. (1641 г.). Первоначально это была военная крепость на юго-восточной сторожевой черте Московского государства. В конце 1651 г. был образован Саранский уезд, а бывшая крепость стала значиться городом. К этому времени в Саранске насчитывалось около 6 тыс. жителей. В 1670 г. Саранск был осажден и взят отрядами Степана Разина, а после их отхода от Симбирска стал одним из опорных пунктов повстанцев. Столетием позднее (в 1774 г.) жители Саранска приветствовали Емельяна Пугачева и оказывали ему помощь фуражом, лошадьми и

продовольствием. От того времени в Саранске сохранилось небольшое каменное здание под названием «Палатка Пугачева». С каждым столетием город рос и неоднократно перестраивался, но до наших дней сохранил старую планировку основных улиц. Со второй половины XVIII в. город, потеряв значение военной крепости, все больше развивался в торговом отношении и превращался в центр сбыта зерна, кожи, мяса и пеньки. Развивалась в нем и мелкая промышленность, в основном мыловаренная, кожевенная и винокуренная. Вместе с тем, хотя Саранск и числился вторым по величине городом Пензенской губ., рос он медленно. Несколько ускорила его развитие построенная в 90-х годах XIX в. Московско-Казанская железная дорога, прошедшая через Саранск.

Город был застроен в основном одноэтажными деревянными домами. Каменными были лишь церкви да некоторые дома купцов и городской знати.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции Саранск, став центром автономной республики, начал быстро расти. В 1916 г. его население не превышало 25 тыс. человек, а сейчас в нем насчитывается около 100 тыс. жителей. Особенно быстро стал развиваться Саранск в послевоенные годы. В настоящее время он является центром электротехнической и металлообрабатывающей промышленности. Широкое развитие в Саранске получила также пищевая промышленность.

Город застраивается большими многоэтажными домами. Выделяются средства на постройку учебных заведений, больниц, административных зданий, успешно идет жилищное строительство. На юго-западной и юго-восточной окраинах города выросли новые жилые массивы. Лучшими улицами города можно считать Советскую с площадью около Дома Советов, Полежаевским сквером и новым зданием музыкально-драматического театра, а также Гражданскую улицу с Привокзальной площадью и новым зданием вокзала. В Саранске имеется телецентр. Город хорошо озеленен, в нем много садов и скверов.

Из других городов республики Краснослободск, Инсар, Ардатов, Темников существовали и в дореволюционное время и были уездными центрами. Рузаевка и Ковылкино стали городами в годы Советской власти. Во всех городах и селах Мордовии идет бурное строительство, но особенно быстро растут и благоустраиваются поселки городского типа — Зубова Поляна, Торбеево и др.

Свои дома мордовское население издавна строило из дерева, и только в степных районах Башкирской АССР, Куйбышевской и Оренбургской областей наряду с рублеными встречались глинобитные дома и даже жилища, сложенные из дерна. Каменные дома в дореволюционное время были только в крупных торговых селах — Атюрьеве, Теньгушеве, Березняках; они принадлежали более зажиточным домохозяевам или местным торговцам.

Традиционное жилище мордвы было в основном двух типов: трехраздельное и двухраздельное. Трехраздельный дом состоял из жилой избы — *куд* (м), *кудо* (э), сеней — *кудонголь* (м), *кудыкелькс* (э) и горницы — *горньча*. Если изба была постоянным жилищем для всей семьи во все времена года и отапливалась, то горница использовалась по-разному. Иногда в ней жила семья родственников, например женатый сын или брат главы семьи, в других случаях она считалась «чистой», парадной комнатой, но значительно чаще служила местом хранения утвари и мелких хозяйственных вещей, отчасти продуктов и только в летнее время была спальней. Трехраздельные дома чаще всего стояли перпендикулярно улице, и горница находилась через сени за избой, значительно реже она стояла впереди или в одну линию с избой. Трехраздельный дом в XIX — первой половине XX в. бытовал как у мокши, так и у эрзи, но более

Внутренний вид старой избы мордвы-мокши с южнорусской планировкой.
Село Алькино Ковылкинского района

характерен он был для эрзи, каратаев и терюхан. Трехраздельное жилище можно исторически связать с большой семьей.

Двухраздельный дом существовал у мордвы в XIX — начале XX в. параллельно с трехраздельным. В двухраздельных домах, как правило, жили малосемейные, бездетные, одинокие и к тому же менее обеспеченные люди. Исторически же двухраздельный дом предшествовал трехраздельному как более простой тип жилой постройки. Он состоял из жилой избы и сеней. По отношению к улице двухраздельное жилище располагалось различно. В эрзянских деревнях изба стояла обычно перпендикулярно улице, сени находились за избой, а вход в них вел сбоку, чаще всего со двора. Если же изба стояла параллельно улице, что бывало чаще в мокшанских деревнях и главным образом в южных районах (нынешних Ковылкинском, Торбеевском, Рузаевском), то сени располагались в одну линию с домом по улице и вход в сени также был с улицы.

В XX в. для постройки применялся уже пиленый лес, тогда как в прошлом столетии избы рубили только топором. Избы строили обычно сами хозяева. Как правило, дома ставили без фундамента или на деревянных столбах-стульях, которые врывали в землю по углам сруба. Рубили избу самой простой техникой — «в угол».

Дома у мордвы были невысокие, число венцов в срубе колебалось от тринадцати до семнадцати. У эрзи дома были несколько выше, чем у мокши. Сруб конопатили мхом, паклей, а иногда даже соломой. Некоторые крестьяне, чаще в мокшанских деревнях, промазывали пазы между бревнами внутри и снаружи глиной. В степных районах, например на территории нынешних Куйбышевской и Оренбургской областей, были распространены жилые постройки со сплошной наружной глиняной обмазкой. Размер жилой избы колебался от 25 до 36 м².

Крыши преобладали соломенные, покрытые внакидку, в некоторых местах солому обмазывали глиной, что защищало от раздувания ее ветром и до некоторой степени предохраняло от огня при пожарах. Эрзя, живущие в более северных по сравнению с мокшей и в лесных районах, покрывали свои избы и тесом. Железные крыши были только на домах сельской буржуазии.

Потолки в избах делали бревенчатые, полы дощатые, неровные, без плинтусов, со щелями. У мокши встречались и земляные полы.

Свет скупо проникал в старую мордовскую избу, до появления стекла (в конце XIX в.) окна затягивали пузырям животного или слюдой. В старых мордовских избах чаще всего было два окна, одно на улицу, второе во двор. Нередко окна выходили в огород или во двор, а к улице дом был обращен глухой стеной.

Для мордовского традиционного жилища характерны определенные виды планировки. У мордвы-мокши преобладала южнорусская планировка в ее западном подтипе, при котором русская печь стояла в дальнем углу избы, а ее устье было обращено к окну боковой стены. Красный угол находился справа или слева от двери. Для мордвы-эрзи была характерна среднерусская планировка, при которой русская печь стояла в одном из углов при входе, устье ее было обращено к окнам, прорубленным в передней стене, выходящей на улицу, а красный угол был расположен против двери по диагонали от печи. Избы отапливались русской печью. Печи с топкой «по-черному», как правило, глинобитные, исчезли в мордовских деревнях в начале XX в.

Для старой мокшанской избы характерен *кершпель* — дощатый настил в виде нар на высоте 30—35 см от пола. Ширина его — 1—1,5 м, а в длину он занимал все пространство между печью и задней стеной. Под кершпелем было свободное пространство, где хранили обычно картофель. На кершпеле спали. Иногда спали не непосредственно на кершпеле, а сверху пристраивали широкую лавку. Позднее здесь стали ставить кровать. В эрзянских избах конца XIX — начала XX в. кершпель не встречался, но для них были характерны полаты над дверью, которые зачастую отсутствовали в мокшанских избах.

Вдоль стен мордовской избы шли неподвижные широкие лавки — *эзем*, а над ними пристраивались полки — *лавця*.

Рядом с печью находился, как правило, самодельный шкаф-ларь — *потмар*, в котором хранили мелкую посуду и небольшие запасы хлеба и других продуктов. В переднем углу висели иконы, стоял стол.

Сени примыкали непосредственно к жилой избе, а в трехраздельном доме служили связью — мостом между избой и горницей. Сени в дореволюционном мордовском жилище чаще рубленые, чем тесовые. У мокши были распространены также плетневые сени с земляным полом.

Усадьба мордовского крестьянина делилась на три части: одна из них была занята избой, вторая — двором и третья — огородом и садом.

Двор — *пирьф* (м), *кардаз* (э) — непосредственно примыкал к дому и имел форму прямоугольника или квадрата. Для мокши более типичен открытый двор, когда хлев, конюшня и сарай не связаны с домом и не представляют единой застройки. У эрзи чаще встречаются закрытые дворы, иногда двухэтажные; связь однорядная, но наряду с этим в районах Среднего Поволжья была довольно широко распространена двурядная связь с покоеобразной застройкой двора.

Почти у каждого крестьянина на усадьбе стояла баня — небольшая низкая бревенчатая постройка, часто с земляной крышей, с печью-каменкой и предбанником в виде плетневой загородки. Не менее архаичная постройка — подвал (*виход*), который обычно строили на улице, против окон избы. Он представлял собой полуземлянку, состоявшую из двух камер, углубленных на 0,70—1 м в землю. Крыша двускатная, из дерна, передняя наружная стенка сложена из камня. В подвале хранили на случай пожара наиболее ценное имущество, главным образом одежду и зерно, некоторые летом здесь спали. Полуземлянки, подобные выходу, обнаружены при раскопках древнего мордовского селища Полянки. Это наводит на мысль о том, что выход — пережиточно сохранившаяся форма древнего мордовского жилища.

Внешний вид арзянской избы. Село Мордовское Давыдово Рузаевского района

В советское время, в особенности за два последних десятилетия, в мордовской крестьянской архитектуре произошли большие изменения; вместе с тем следует отметить и большую устойчивость некоторых черт традиционного мордовского жилища, возникших очень давно и продолжающих существовать и поныне почти в неизменном виде (например, внутренняя планировка, тип печи, техника рубки и т. д.).

Основным строительным материалом мордовского жилища продолжает оставаться дерево, но наряду с ним все большую роль стали играть местные глины, камень, кирпич, шлакобетон и др. Строительная техника стала более совершенной. Деревянные здания строят все чаще с чистым углом («в лапу») и подводят под них каменный фундамент. Грубую обмазку пазов глиной заменила в более южных, степных районах наружная и внутренняя штукатурка стен, а в более северных, лесных районах — обшивка из теса. Трехраздельное жилище, которое было широко распространено у мордвы еще в первой четверти XX в., уступило место двухраздельному дому с приделом и пятистенку.

Дом с приделом имеет почти тот же вид, что пятистенок, поставленный перпендикулярно улице. Однако сами мордовские крестьяне различают эти два типа. Очень часто дом с приделом возникает постепенно: новую избу пристраивают к старой и из старого помещения, используемого под кухню, прорубают дверь в новую избу. Совершенно исчезли большие неразделенные усадьбы, на которых раньше стояло по три-четыре дома, принадлежавших родственникам. Почти не встречаются теперь в мордовской деревне дома, обращенные к улице глухой задней или боковой стеной.

В последнее десятилетие во всех мордовских селах идет, как и везде в Советском Союзе, интенсивное строительство — обновляется старый жилой фонд.

Сени и в настоящее время продолжают составлять неотъемлемую часть жилого дома; однако их стали чаще делать тесовыми и отгораживать в них небольшой чулан. Очень часто теперь параллельно дому пристраивают

вают тесовый коридор, иногда галерею, и делают крыльцо на улицу, которое оформляют заметно лучше, чем раньше.

Увеличились размеры окон и возросло их число. По фасаду стали прорубать три окна, в пятистенных домах — пять-шесть окон. Рамы в окнах делают створчатые, двойные, у многих с форточками.

Изменился и материал покрытия. В лесных районах — Торбеевском, Темниковском, Ардатовском и других, более северных районах Мордовской АССР, в Горьковской обл., а также в лесных районах Ульяновской обл. широко используются для покрытия домов щепа, стружка, тес, дранка. В селениях, расположенных вблизи городов, железнодорожных станций, промышленных предприятий, население кроет дома шифером, железом и черепицей.

Традиция украшать жилища резьбой не только сохранилась, но получила еще большее распространение. Украшают резьбой главным образом фронтоны и наличники окон. Преобладает пропиловочная резьба, но встречается и накладная, а также скульптурные украшения. Богатые растительные мотивы переплетаются со стилизованными изображениями животных и птиц или иногда с резными изображениями человеческих фигур.

Во внутренней планировке современного мордовского жилища преобладает среднерусский план, который, распространяясь из северо-восточных районов республики, уже повсеместно вытесняет южнорусскую планировку. И в мокшанских, и в эрзянских домах встречается иногда и западнорусский план. В ряде случаев он представляет собой позднее явление, так как удобен для выделения кухни¹. Во многих новых избах традиционной планировки теперь совсем не придерживаются; печь и стол потеряли свое устойчивое расположение; их ставят не только в различных углах избы, но иногда и посередине.

Современные мордовские избы в большинстве случаев разгорожены на несколько частей, прежде всего выделяется печь с прилегающим к ней углом.

Традиционная обстановка старой мордовской избы почти совсем исчезла. Кершпель, коник², потмар сохраняются в редких домах. Процесс вытеснения предметов внутреннего убранства старой мордовской избы и замена их мебелью фабричного производства идет повсеместно, но далеко не равномерно: более быстро в районных центрах, в крупных, более зажиточных колхозах, в селах, расположенных вдоль шоссе, вблизи железной дороги и промышленных центров, медленнее — в деревнях, удаленных от основных дорожных магистралей, там, где население реже соприкасается с городской культурой.

Отапливается изба и теперь русской печью. Если жилое помещение состоит из двух комнат, то в кухне ставят русскую печь, а в горнице — голландку. Кроме того, в том помещении, где стоит русская печь, всегда имеется вторая небольшая кирпичная печь для дополнительного обогрева помещения зимой. На шестке русской печи некоторые хозяйки стали вмазывать конфорки, устраивая плиту. Освещение во многих избах теперь электрическое.

Двор и хозяйственные постройки в степных районах остаются в основном плетневыми или саманными, а в лесных районах их строят из бревен и теса. По типу застройки дворы сохраняют большое разнообразие.

¹ При западнорусской планировке жилища печь стоит в одном из углов при входе, а ее устье обращено к боковой стене. Красный угол располагается против входной двери по диагонали от печи.

² Коником (*коник ланга*) называется широкая лавка, стоявшая обычно около входной двери. Она часто имела на конце (около двери) загородку, украшенную резным изображением конской головы.

Современный дом мордвы-мокши. Село Подгорное Конаково Темниковского района

В смене типов застройки двора наблюдается тот же процесс, что и во внутренней планировке жилища. Характерная для Поволжья и лесостепных районов Европейской части России двурядная связь и застройка двора покоем, которая была распространена в мордовской деревне в XIX в., постепенно уступает место специфичной для более северных районов однорядной связи, при которой к дому пристроены сзади в один ряд помещения для скота и птицы. Одновременно продолжает устойчиво сохраняться открытый двор со стоящими на нем в разных местах сараем, погребом и хлевом, типичный не только для мордвы-мокши, но и для русского населения южных областей Европейской части Советского Союза.

Такие традиционные хозяйственные постройки, как выход, все чаще заменяются теперь мазанками и каменными кладовыми. Погреба и ямы для хранения картофеля и в наши дни сохраняют свое значение и распространены повсеместно. В некоторых деревнях еще сохранились кое-где старые бани с топкой по-черному, но печь-каменку в них заменили глинобитной или кирпичной печью. Новые бани ставят теперь сообща несколько домохозяев и делают их более просторными и высокими, с топкой по-белому.

Старые постройки мокши близки к южнорусским, а эрзи — к средне-русским. В новых домах черты различия в постройках мокши и эрзи в настоящее время стираются, и в домостроительстве мордовских сел и деревень наблюдаются те же процессы, что и в соседних русских районах.

Одежда Традиционный мордовский костюм, особенно женский, очень красочен и разнообразен. В комплексе одежды каждой группы мордовского народа наряду с общемордовскими наблюдаются и своеобразные черты. Это своеобразие выражается в различных составных частях комплекса одежды, в материале, из которого шиты нательная и верхняя одежда, в особенностях покроя и способах ношения, в форме и материале головных уборов, в украшениях, характере орнамента и т. д. Известную специфику в одежду каждой мордовской группы вносят излюбленная расцветка, детали отделки, традиционное

расположение вышивки и т. п. Мокша и теперь продолжает носить свой народный костюм, тогда как эрзя почти перестала носить его еще в 1930-х годах, а местами и раньше (в начале XX в.). Примерно в эти же годы перестали носить свой традиционный костюм терюхане и каратаи.

В XIX — начале XX в. мордва шила одежду из белого, преимущественно посконного (конопляного) холста. Фабричные ткани вплоть до советского времени проникали в мордовскую среду сравнительно слабо и не нарушали устойчивых традиций в общем стиле мордовского наряда.

Мужская народная одежда мордвы утратила специфические черты значительно раньше, чем женская. Мужской костюм в XIX — начале XX в. состоял из белых или чаще синих в белую полоску холщовых портов (*понкст*) и рубахи (*панар*) обычно белой, также холщовой с разрезом ворота на левой стороне груди. Рукава, ворот и подол рубахи украшали вышивкой или полоской узорного тканья красного цвета. Рубаху носили навыпуск и подпоясывали кожаным или сплетенным из ниток узким пояском.

Верхняя одежда мужчин состояла из суконного, домашней валки кафтана (*сумань*) и овчинного полушубка или нагольной желтой шубы *ор*. Летом мужчины носили картуз, а зимой баранью круглую шапку с суконным верхом или треух. Наиболее распространенной обувью были липовые лапти (*карь*), которые носили с белыми холщовыми портянками; в кожаных сапогах ходили только по праздникам, да и то лишь более зажиточные.

Основная часть женского традиционного мордовского костюма, как и мужского, — белая холщовая рубаха, которая у отдельных групп мордовского населения различалась по покрою, характеру вышивки и расцветке.

Женская рубаха мордвы-эрзя (*панар*) была длиной до щиколоток, туникообразного покроя. Ее кроили из двух полотнищ холста, согнутых поперек на плечах и сшитых между собой по продольной нитке. Для головы и рук оставляли незашитые места. Спереди внизу полотнища не зашивали до конца на 10—15 см. Рубаха не имела воротника; на груди делали вырез треугольной формы. Рукава прямые, длиной до локтя. Носили рубаху подпоясанной, с напуском (пазухой). Вышивка располагалась на плечах, вокруг ворота и по переднему шву рубахи, проходила узкими продольными полосками по спине, спускалась наперед, окаймляла подол и рукава рубахи. Вышивка мордвы-эрзя очень плотная, она выполнялась шерстяными нитками специальными эрзянскими швами. Орнамент ее в основном геометрический, в расцветке преобладал красно-коричневый тон.

Холщовая рубаха аналогичного покроя, но с обильной вышивкой называлась *покай*; вышивка покрывала почти весь ее стан. Девушки впервые надевали покай при достижении совершеннолетия. В конце XIX в. покай стал подвенечной рубахой. В наши дни отдельные экземпляры этой старинной одежды сохраняются только в музейных коллекциях.

У мордвы-мокши для рубахи, помимо термина *панар*, имеется и другое название — *шам*, например, в Торбеевском районе Мордовской АССР. По покрою мокшанская рубаха, как и эрзянская, туникообразная, однако расположение швов несколько иное: перед и спину ее кроют из одного полотнища, перегнутого поперек, а бока — из двух более коротких холстищ, перегнутого по продольной нитке и пришитых к центральному полотнищу. Воротника у мокшанской рубахи также нет, а разрез на груди либо, как у эрзя, треугольный, либо трапециевидный, реже овальный. Рукава у мокшанской рубахи длиннее, чем у эрзянской, они достигают кисти. Мокшанская рубаха тоже украшена вышивкой. В расцветке преобладают черный и синий цвета. Среди узоров чаще других встречаются розетка, косой крест, звездочка. Рубахи мокшанок из Торбеевского района Мордовской АССР украшены многоцветными яркими вышивками, выполненными шелком, причем особой яркостью отличаются наплечные и наспинные (на ло-

патках) вышивки — *нале*. Многие мокшанские вышивки выполнены техникой набора (на подоле), росписью и косым стежком. Мокшанские рубахи шире и длиннее эрзянских; их носят с большим напуском (еще большим, чем у эрзи), подбирая поясом до колен, а в некоторых районах даже выше.

Рубаха каратаек (*аккульмяк*) отличалась от рубах мокши и эрзи. По покрою она ближе к мокшанской, но боковые полотнища раскошены. Вышивка похожа, скорее, на эрзянскую, хотя имеет и свои особенности.

Женская рубаха терюханок, как и у других групп мордовского населения, белая, туникообразного покроя. Рукава до локтя. Узкая вышивка идет вокруг ворота и на подоле. Выполнена она шерстью, в основном красного и зеленого цветов.

Уже в конце прошлого века во многих мокшанских районах белую рубаху стали носить как нижнюю, так как поверх нее надевали специально сшитое платье (*нула, сарапан, кафтонь-крьда*) на кокетке, с длинными рукавами и высоко пришитой оборкой из красного или бордового сатина у молодых женщин и коричневого или синего у более пожилых. В Ковылкинском и Краснослободском районах Мордовской АССР, а также за пределами республики мокшанки носили поверх белой рубахи закрытый передник (*сапоня*) с грудкой и рукавами, который, по существу, служил таким же верхним платьем, как нула и сарапан.

Распространен был у мордвы и обычный передник — *икеле паця* (э), *инголькс* (м) — с нагрудником или без него. Его шили из холстины или из фабричных тканей; обшивали кружевами, вышивали или украшали цветными полосками ткани и сутажом.

Нательную поясную одежду — штаны (понкст) носили только мокшанки. Шили их из белого холста, с широким шагом. Они были аналогичны носимым марийками и чувашками. Укреплялись штаны на бедрах при помощи завязок, длиной доходили до щиколотки и при ходьбе были видны из-под рубахи, в особенности летом, когда женщины ходили босиком. Эрзянки, как и русские, штанов под рубахой не носили. Это различие еще раз указывает на то, что мокша по своим этнографическим особенностям ближе стоит к татарам, а эрзя — к русским.

Верхней летней одеждой эрзянкам служила *руця* — белая распашная одежда из холста с прямой спинкой и прямыми полами, похожая на халат. Плотная вышивка из красных шерстяных ниток украшала грудь, плечи, рукава и подол *руци*, проходила продольными полосами по спине. На подол, кроме вышивки, нашивали широкую кайму из цветных лент, полосок кумача, бархата, позумента и блесток. Руцю, как и панар, эрзянки носили с поясом (*каркс*) или с специальным набедренным украшением *пулай*.

У мокшанок верхняя белая распашная одежда называлась *мышкас*, но она не была столь широко распространена, как *руця* у эрзи. Мышкас шили из холста, вытканного из поскони или льна пополам с хлопчатобумажными нитками. Он был несколько короче рубахи и эрзянской *руци*. Его обычно не украшали вышивкой, но полы и рукава были оторочены кумачом. Кроме того, на плечах и подоле нашивали полоски браного узорного тканья, а на подоле — разноцветные ленты, блестки и галун. Все эти украшения назывались *петькс* (оконцовка). В Ковылкинском районе Мордовской АССР мышкас шили без всяких украшений и называли его *глахон*. Его носили как рабочий халат, предохраняющий белую рубаху от пыли и грязи.

Верхняя летняя одежда каратаек и терюханок также была сшита из холста и по своему виду напоминала *руцю* эрзянок. Это распашная одежда с прямой цельной спинкой, только в бока между полами и спинкой вставлялись клинья. У каратаев такая одежда называлась *чиба*, у терюхан — *шущпан*. Чибу и шущпан украшали вышивкой из разноцветных шерстяных

ниток. Шущпан терюханок имел своеобразную вышивку на плечах в виде небольших шестиугольников, сплошь зашитых зеленой и красной шерстью, и широкую ярко-красную вышивку на концах рукавов.

Кроме верхней белой холщовой одежды, поверх рубахи девушки и молодые замужние женщины, в особенности мокшанки, носили безрукавки, жилетки, курточки, крытые сатином, черным плисом, молескином. Мокшанки с. Подгорное Конаково (ныне Темниковского района Мордовской АССР) шили безрукавки черного цвета, на подкладке, длиной до колен, с отрезной спинкой и большим количеством сбор на талии. В Торбеевском районе Мордовской АССР были широко распространены короткие суконные жилетки, очень похожие на обычные мужские жилеты, а в Белинском районе Пензенской обл. мокшанки носили курточки с рукавами, чаще всего сшитые из синего сатина, на подкладке, с оторочкой из цветного ситца или разноцветных лент. Курточку надевали на рубаху при выходе из дома.

Эрзянки из Теньгушева и соседних сел ходили в «шубейках» — своеобразных безрукавках из красного шелка или сатина с оторочкой из меха и украшением из позумента и разноцветного сутажа.

Многочисленные виды более теплой суконной одежды — сумань, сермяга, пониток, чапан и другие — зачастую были одинаковы по своему виду и покрою не только у всех групп мордовского народа, но походили также на верхнюю одежду соседних с мордвой чувашей, марийцев, русских, от которых были восприняты и термины.

Сумань чаще всего шили коричневого цвета с отрезной спинкой и сборами или фалдами, идущими от талии. Чапан представлял собой прямошпинную одежду, подобную тулупу. Его шили из сукна, чаще коричневого цвета, он запахивался на любую сторону и не имел застежек.

Из других видов верхней одежды следует отметить сермягу и шубу мордвы-терюхан. Сермягу шили из белого валяного сукна, а шубу из нагольных желтых овчин. Покрой их был тождественен — с прямой цельной спинкой и небольшим полустоячим (только сзади) воротником прямоугольной формы. Запахивались шуба и сермяга на левую сторону. Поля украшались вышивкой из разноцветных шерстяных ниток, аппликацией из кусков красного сукна и кожи. В торжественных случаях, отправляясь, например, на свадьбу, на грудь сермяги пришивали *дудянистье* — бахрому из разноцветных ниток, бусин и раковин каури, а поверх шубы в таких случаях надевали шущпан.

На ногах большинство мордвовок носило лапти (карь), толсто обертывая ноги белыми, а в некоторых, преимущественно мокшанских районах, и черными шерстяными онучами, обвивая их до колен белыми конопляными оборами, которые заменили ранее употреблявшиеся ремни. Выше онучей мокшанки надевали короткие шерстяные наколенники (*цюлка почкит*), которые обычно бывали видны из-под высоко подобранной рубахи. По праздникам ноги обертывали шерстяными красными обмотками (*серьгат*). Мордовские лапти отличались своеобразным плетением. Они имели тупую головку с украшением из перевитого лыка (*атяжи*) и низкие борта, а на месте пятки своеобразную заплетку, так называемый хвост, который заправлялся под онучи.

В качестве старинной обуви были известны поршни. В праздники, особенно молодые женщины и девушки, носили сапоги *кель* со сборами на голенище (гармоникой) и подковками на каблуках. Шили их местные сапожники. Чтобы сапоги не спадали, их подвязывали цветными тесемками с кисточками на концах.

Головные уборы мордвовок очень разнообразны. Девушки носили головные уборы в виде повязок или венков, сшитые из цветных тканей или лент, с украшениями из блесток, бус и бумажных цветов. Головные уборы замужних женщин очень сложны. Для эрзянок типичны высокие головные уборы на твердой основе с длинной спускавшейся на спину лопа-

Мокшанки возвращаются с сенокоса. Село Волгашино Ковылкинского района

стью из холста, вышитой и украшенной блестками. Твердый остов уборов обычно делали из луба, бересты, иногда из картона. Одни из них напоминали своей формой цилиндр или полуцилиндр, другие были лопатообразной или конической формы.

В Симбирской и Пензенской губерниях у эрзянок существовал головной убор в виде рога, который носили слегка наклоненным вперед. Твердую часть его обшивали красной тканью, монетами и бусами, а затылочную часть вышивали красными шерстяными нитками. Для эрзянок Самарской и Саратовской губерний характерен головной убор *шлыган*, сшитый из холста в форме чепца с полукруглым очельем и сплошь вышитой длинной лопастью сзади.

У теньгушевской группы эрзи (ныне Темниковский район Мордовской АССР) бытовали совершенно особые головные уборы, не похожие на уборы других эрзянок. Девушки носили здесь круглую холщевую шапочку *пехтим*, обшитую бубенчиками, с украшениями на висках в виде двух шаров из разноцветных шерстяных ниток. Женщины носили «сороку» с высоким полукруглым очельем, обшитым золотой парчой, и длинной широкой лопастью с бахромой на концах, закрывавшей спину почти до пояса.

Головные уборы мокшанок еще разнообразнее эрзянских. Особенно характерны для них двурогие головные уборы. Прически замужних мокшанок также представляли собой два закрученных на висках узла волос, которые походили на рога. На эти рога из волос надевали матерчатый волосник со вставленной в него дощечкой, а поверх покрывали платок, обертывая его вокруг головы.

Многие головные уборы мокшанок состояли из нескольких частей. Например, головной убор мокшанок из Торбеевского района Мордовской АССР состоял из холщового волосника с небольшой дощечкой, полотенца с красиво орнаментированными концами и бисерного назатыльника. На значительной части территории Мордовской АССР (Краснослободский, Старошайговский районы) у замужних мокшанок в качестве головного убора была распространена *панга*, считающаяся наподобие холщового чепца с твердой прямоугольной дощечкой на лобной части. В Темников-

ском и Краснослободском районах Мордовской АССР замужние мокшанки носили мягкий вышитый головной убор трапециевидной формы, с небольшой вышитой лопастью, спадающей на шею. В Пензенской области (быв. Беднодемьяновский уезд) женщины носили головной убор под названием *сорока*, однако этот убор мокшанок не имел ничего общего ни с русской, ни с марийской сорокой.

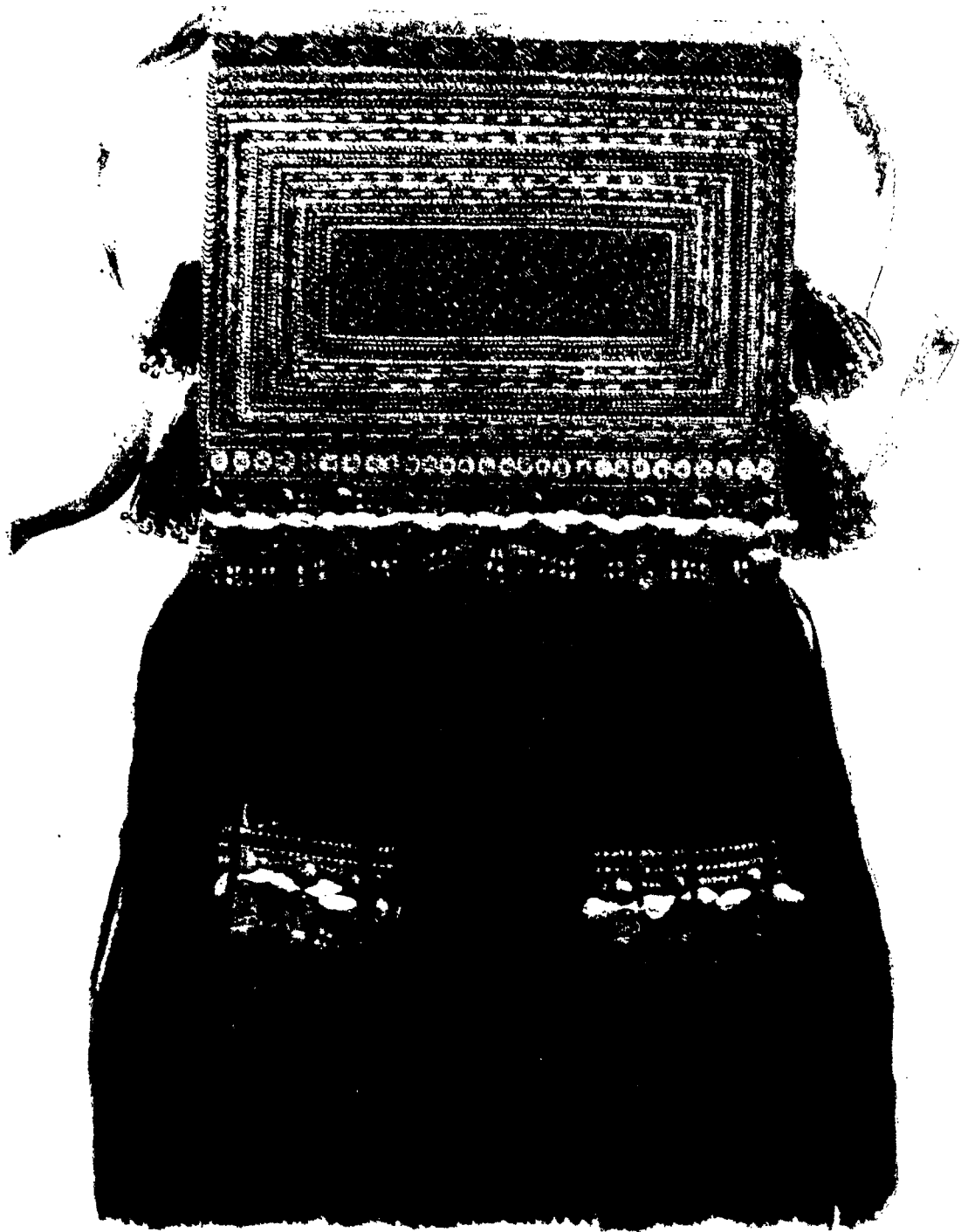
Своеобразны головные уборы мордвы-терюхан. Терюханки носили *венец* различной формы у девушек и замужних женщин. У замужних он представлял собой шапку с открытым верхом (типа чувашского хошпу), обшитую в несколько рядов раковинами каури и крупными серебряными монетами; сзади к шапке была пришита бахрома из разноцветных шерстяных ниток. На висках около ушей к венцу прикрепляли *пушки и плетни* — подвески из узких холщовых лент с нашитыми на них монетами. На девичьем венце не было такого количества монет, и он не имел бахромы сзади; с правой стороны его висела кисть, а сзади «хвост» толщиной в руку из черных шерстяных ниток, прикреплявшийся к косе и доходивший до пояса.

У каратаев замужние женщины носили мягкий чепчик — *чешлик* с твердой верхней частью, а сверху — сороку с вышитым красными шерстяными нитками очельем и длинным широким полотнищем, также вышитым, которое спускалось на спину.

Женские украшения мордвы очень разнообразны. Они сделаны в основном из монет, бус, проволоки, бисера и раковин. Головные уборы украшали перьями селезня, а по бокам около ушей прикрепляли пушки. Девушки прикрывали волосы косником. Особенно интересен косник мокшанских девушек, состоящий из ремня или полоски ткани с нашитыми на него бляхами и монетами. Среди шейных украшений наиболее распространенными были бусы, чаще всего стеклянные различных цветов и елочные дутые (более поздние). Из нагрудных украшений мокшанок отметим большие ожерелья (*комбани*) из разноцветного бисера с подвесками из раковин каури, близкие к башкирским и удмуртским нагрудникам. В Ковылкинском, Старошайговском, Темниковском, Рузаевском районах Мордовской АССР мокшанки носили черезплечные украшения из монет и раковин; черезплечные украшения носили и теньгушевские эрзянки.

Специфичным украшением женского мордовского костюма является нагрудная брошка-заколка *сюлгана* (э), которой скрепляли края нагрудного выреза рубахи. Сюлгамы эрзянок и мокшанок различны. Эрзянская сюлгана представляет собой незамкнутый овал из медной, иногда витой, проволоки, с глазками из красного стекла на концах. Внизу к овалу прикреплены ряды бус и подвески из медных цепочек с монетами на концах. В мокшанской сюлганае было медное основание, вокруг которого шли ряды проволоки с наанизанными на них бусинами или монетами, а иногда разноцветным бисером. Вся сюлгана чаще всего имела неправильную трапециевидную форму.

Интересно поясное украшение эрзянок *пулакш* (*пулай, пулагай*). Это своеобразное украшение носили сзади на талии. Оно состояло обычно из куска грубого холста, сложенного в несколько рядов, иногда простеганного. С внешней стороны на толстый валик нашивали ряды медных пуговиц, раковин и бисера. Пулакш заканчивался длинной шерстяной (чаще всего черной) бахромой с висящими по бокам кистями из разноцветных шерстяных ниток. Пулакш, или пулай, различался по виду и размеру по отдельным районам. Так, у эрзянок Лукояновского района Горьковской обл. пулакш был меньшего размера, чем, например, в Рузаевском районе Мордовской АССР. Он имел трапециевидную форму, с внешней стороны был украшен аппликациями из черного сукна и обшит раковинами и позументом; бахрому делали из черных и зеленых

«Пулагай». Мордва-эрзя. Краеведческий музей, г. Уфа

Мокшанки в современной рабочей одежде. С. Подгорное Конаково
Темниковского района

шерстяных ниток. Эрзянки Ардаатовского и Атяшевского районов Мордовской АССР носили по праздникам одновременно два пулая — один с короткой красной бахромой и белым бисером, а второй — с разноцветным бисером и черной длинной бахромой.

В районах Заволжья (Куйбышевская обл.) эрзянки вместо пулая носили спереди и сзади по куску плотной ткани в форме удлиненного прямоугольника с вышивкой и нашитыми украшениями из раковин, бисера, медных пуговиц и бубенчиков. Этот вид поясного украшения напоминает запаску украинок.

Мокшанки вместо пулая носили разнообразные украшения на поясе, чаще всего это были парные подвески (*цёконе, кильки*) из раковин, бисера, цветных пуговиц и цепочек. Прикреплялись к поясу и кисти из цветных шерстяных ниток. В XIX в. существовал обычай вешать по бокам на пояс несколько (до шести) полотенец (*кескоруцят*) с тканым и строчным узором. В начале XX в. их заменили цветные фабричные платки, которые носили, затыкая за пояс.

Из наручных украшений были распространены медные запястья, обычно узкие, гладкие и с орнаментом, а также медные и серебряные кольца.

Мужской традиционный костюм мордвы еще в прошлом веке вышел из употребления. Женский костюм бытует в наше время, но далеко не в одинаковой степени у различных групп мордвы. Мокшанки всех возрастов и теперь в большинстве районов республики и в Пензенской области продолжают и в рабочие дни, и в праздники носить традиционный народный костюм. Несколько упростились головные уборы. Вместо панги и сороки носят платки, нередко по два (нижний белый и верхний цветной), которые повязывают вокруг головы на традиционный лад — как раньше повязывали платок поверх старинного головного убора. Мокшанки, живущие в городах, уже не носят народного костюма, но почти каждая имеет его. Народную одежду в городах можно видеть на концертах и спектаклях художественной самодеятельности, на праздниках песни и т. п.

Эрзянки, как уже говорилось, перестали носить народный костюм еще в 1930-х годах, а за пределами республики — на территории нынешних Куйбышевской, Ульяновской, Оренбургской областей — и раньше, в начале XX в.

Несколько дольше сохранялся народный костюм эрзянок в Рузаевском районе Мордовской АССР, но и там он в последние годы почти исчез. Теперь эрзянки и в городах, и в сельской местности носят обычную современную одежду.

Каратайки и терюханки перестали носить свой традиционный наряд уже в начале XX в., но еще в 1950-х годах некоторые пожилые женщины сохраняли его как память или как «смертную» одежду.

В некоторых эрзянских районах и отчасти у терюхан и каратаев переходой одеждой к современным городским формам был народный костюм русского населения окружающих сел. Чаще всего он состоял из короткой рубахи (так называемых рукавов), прямого сарафана, повязываемого поясом, и головного платка. Иногда пожилые мордовки, как и русские крестьянки, носили поверх сарафана ситцевую или сатиновую кофту с застежкой спереди. Позднее они стали носить юбку и такую же кофту навывпуск.

Пища

Занятия населения в значительной степени определяют и характер его пищи. Свои традиционные кушанья мордовское население приготавливало из продуктов, производимых в основном в собственном хозяйстве. Будучи народом со старой земледельческой культурой, мордва издавна питалась мучными изделиями и крупой из зерен злаков — ржи, проса, овса, полбы; из бобовых растений чаще других употребляли в пищу чечевицу и горох.

В настоящее время наряду с ржаной мукой все большее распространение получают пшеничная мука и покупные мучные изделия: макароны, вермишель и такие виды круп, как манная, рисовая, ячневая и др. Утратили прежнее значение полба, чечевица, ячмень.

Мясная и молочная пища занимает значительно больше места в ассортименте мордовских кушаний, нежели в дореволюционное время, хотя и сохраняет некоторую сезонность. Мясо едят чаще осенью и зимой, а молочные продукты весной и летом. Мордва употребляет в пищу мясо коров, овец, свиней и домашних птиц: кур, гусей, уток, а также яйца (преимущественно куриные). Молоко пьют в свежем и квашеном виде; готовят из него масло, сметану и творог.

В древности, когда большое значение в хозяйстве имела охота, мордовское население широко использовало в пищу мясо диких зверей и птиц. Зайчатина до настоящего времени является любимым блюдом мордвы, особенно вкусным считаются пироги и пельмени с начинкой из зайчатины.

Рыбу (*кал*) очень любят, однако в качестве повседневного блюда свежую рыбу население ест редко, только в селах, расположенных по течению крупных рек — Суры, Мокши, Инсара, Вада и др. Несколькими чаще сельские жители покупают в местных магазинах соленую рыбу — сельдь, треску, воблю, а также различные рыбные консервы.

Существенное место в пище мордвы занимает картофель (*модамарь*). Значительно большее распространение по сравнению с дореволюционным временем получили овощи: капуста, огурцы, лук, морковь, свекла, в советское время стали выращивать тыква и помидоры. Небольшим подспорьем в питании служат грибы и лесные ягоды: земляника, черника, малина, а также калина. В районах, где занимаются садоводством, разнообразие в питание вносят фрукты и садовые ягоды, которые едят в сыром виде, сушат, начиняют ими пироги, варят варенье.

Из мучных изделий хлеб (*киш*) и поныне составляет основу питания мордвы как в селах, так и в городах. Хлеб пекут кислый из чистой ржаной, реже пшеничной, муки на поду в русской печи в форме круглых караваев весом в 2—3 кг. Традиция печь дома хлеб в современной мордовской деревне устойчиво сохраняется, тогда как население рабочих поселков чаще покупает хлеб в местных магазинах.

О древнем употреблении хлеба мордвой можно судить по тому, что ему отводилась большая роль почти во всех обрядах: свадебных, похоронных, календарных; кроме того, до наших дней у мордвы сохраняется традиция старшинства, согласно которой выпечка хлеба в семье находится в руках старшей женщины, обычно свекрови, пока она имеет силы. Невестка допускается к самостоятельной выпечке хлеба лишь после рождения ребенка.

Издавна, кроме хлеба, мордовки умели готовить из муки разнообразные сдобные изделия: пироги, пышки, лепешки, ватрушки. Обычно их пекли в праздники и к семейным торжествам. Пекут их и теперь, даже чаще, чем раньше, главным образом из пшеничной и отчасти пшеничной муки. Наиболее популярны печенья из пресного теста, например, сдобные лепешки *сюкорот*, небольшие по размеру, но различные по форме, из сеяной ржаной или, чаще, пшеничной муки. Ни один праздник не обходится без подобных лепешек. В мордовской свадьбе был даже обряд *сюкоронь ознома* («моление лепешки»). Пышки пекут как из пресного, так и из кислого теста. Они круглой формы и по размеру больше, чем лепешки (12—15 см в диаметре).

Разнообразны мучные изделия из кислого теста, в особенности пироги (*пряка*). Их пекут преимущественно из пшеничной муки с различной начинкой: грибами, ягодами, мятым картофелем, капустой, горохом, что чаще всего с пшенной кашей. Особо следует отметить свадебный пирог *луки*. Его пекла, как правило, мать жениха и отправляла в подарок род-

ным невесты вместе с свадебным поездом, который ехал за невестой, чтобы привести ее в дом жениха. В старину, когда пшеничная мука у мордвы была редкостью, лукш пекли из кислого ржаного теста. Нижний слой начинки делали из пшенной каши, сверху клали целую вареную курицу и яйца в скорлупе, все это вновь засыпали кашей и закрывали слоем теста. Верхушку пирога затейливо украшали выпеченными из пресного теста фигурками птиц, звездочками, еловыми веточками, перевивая украшения цветными нитками, лентами и бисером.

Лукш и теперь обязательно пекут к свадьбе. Он сохраняет свою традиционную круглую форму и богато украшенную верхушку; однако курицу и яйца запекают теперь в редких случаях, а иногда пекут лукш даже совсем без начинки, но из пшеничного сдобного теста. Верхушкой пирога угощают женщин в доме невесты, а нижнюю часть поезжане везут обратно в дом жениха.

Из других многочисленных свадебных печений особенно интересны пироги *одирвань потть* («груды молодушки») с начинкой из творога, напоминающие формой женскую грудь. В селах Сабаево и Мордовское Давыдово Рузаевского района, где на свадьбу и теперь пекут такие пироги, в прошлом в доме жениха совершали над ними специальное моление, прося бога, чтобы молодушка имела в грудях много молока и могла вскормить своих будущих детей.

Кроме пирогов, на праздники пекут ватрушки — *панжаскай* (э), намазывая их сверху мятым картофелем, молочной пшенной кашей или творогом.

Традиционным национальным блюдом мордвы являются пшенные блины *пачат*, которые и теперь очень часто подаются к завтраку в доме колхозника и рабочего.

Из жидких кушаний варят лапшу, щи и разнообразные похлебки. Раньше хозяйка дома всегда замешивала лапшу сама из ржаной или картофельной муки; теперь чаще пользуются покупными изделиями. В качестве повседневного первого блюда готовят похлебки из пшена с добавлением картофеля, которые забеливают пресным или кислым молоком. Традиционным жидким блюдом является также бульон *салма* (э), *чакарат* (м), заправленный кусочками теста из гороховой, ржаной или пшеничной муки, молоком и яйцами, поджаренными с кусочками свиного сала.

В деревнях и рабочих поселках, расположенных недалеко от водоемов, варят рыбный суп — *кал ям*, заправляя его картофелем и капустой. Летом к обеду делают окрошку с квасом домашнего приготовления.

Традиционным кушаньем является каша (*ям*) из пшена, гречи, гороха, манной крупы или риса. Лет 20—30 назад варили кашу из чечевицы и полбы. Полбяная каша была частым блюдом в крестьянской среде.

Наибольшим распространением пользовалась и пользуется пшенная каша. Она входила и входит в состав не только повседневной пищи, но подается на свадьбе, крестинах и поминках. В свадебных обрядах мордвы, как описывает М. Е. Евсевьев, последний день пребывания невесты в доме ее родителей называется днем каши (*кашадо ярцамо чи*). Каша в этот день готовится не только у самой невесты, но и в каждом доме ее родственников, откуда последние приносят ее к невесте в чашках. На крестинах обычно варили молочную пшенную кашу, она считалась символом долголетия. Каждый пришедший, отведав каши, желает новорожденному столько лет жизни, сколько зерен каши в чугуне.

Каша входила также в обряд, связанный с размножением домашних животных. В с. Старое Дракино Ковылкинского района Мордовской АССР очень долго сохранялся обычай, связанный с отелом коров. Согласно этому обычаю из молока седьмой дойки варили кашу, подавали ее на стол к обеду в чугуне и обязательно давали ложку корове.

У мордвы-эрзи в Ардатовском районе Мордовской АССР еще лет 10—15 назад соблюдался обычай при укладке матицы обходить сруб с горшком пшенной каши.

Довольно часто раньше, да и теперь варят кисели из ржи, гороха, овса и ягод. У мокши и эрзи, живущих в Ковылкинском и Рузаевском районах Мордовской АССР, овсяный кисель до настоящего времени служит поминальным блюдом.

Мясо чаще всего употребляют в вареном виде, готовят и жаркое, например, жареное мясо с луком и яйцами — *селанка* (э), *щелям* (м).

Из свиных ножек и голов делают студень, маленьких поросят жарят. Кишки домашних животных используют для приготовления специального блюда *валнонь-сюлот*: их начиняют пшенной кашей, смешанной с жиром и вареным луком, и томят в сале. Такое кушанье известно у татар под названием «тутырма», у марийцев — «сокта», «шохта», у чувашей — «сутту» или «тултормаш».

К завтраку, в особенности по праздникам, повсеместно делают пельмени.

Из напитков у мордвы распространены чай, квас, брага и др. Хорошо утоляет жажду напиток *эрян* (э), или *шапам видь* (м) — смесь кислого молока и воды. Подобный напиток готовят и соседние народы Поволжья — чувашаи, татары, башкиры, удмурты и мари.

Чай получил повсеместное распространение в мордовских деревнях только в советское время, раньше его во многих районах, в особенности в мокшанских, совсем не пили. Самовары имели только зажиточные, да и то далеко не все. Своим древним любимым напитком мордва считает брагу (*поза*); готовят ее к праздникам из ржи, а теперь и из сахарной свеклы. Поза входит в состав обрядовой пищи — свадебной и поминальной. В некоторых мокшанских селениях, например в Волгалине, до наших дней сохраняется обычай варить общественную брагу. Этот обычай, называемый *авань поза* (женская брага), раньше был приурочен к весеннему женскому празднику «братчины».

К старинным излюбленным хмельным напиткам следует отнести также медовое пиво (*пуре*), которое готовят и теперь главным образом в районах, где занимаются пчеловодством.

Широко распространен квас; сельское население употребляет квас домашнего приготовления, а городские жители — покупной. Уходит в прошлое такой своеобразный напиток, как березовый сок — *келунь ведь* (м), *килей ведь* (э). Собирали его весной в лесу, теперь сок собирают только дети, которые и пьют его тут же, на месте.

Таким образом, пища и напитки мордвы типичны для народа со старой земледельческой культурой. В них много общих черт с пищей соседних народов — марийцев, удмуртов, чувашей, но главным образом русских.

СЕМЕЙНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Общественные отношения в мордовской деревне до революции почти ничем не отличались от существовавших в южнорусской деревне; здесь тоже господствовала община. Капиталистическое развитие, выделение кулачества и сельскохозяйственного пролетариата у мордвы шло в общем теми же темпами, что и в русской деревне среднеземледельческой полосы (Пензенской, Тамбовской, Саратовской губерний).

В настоящее время мордва живет отдельными небольшими семьями в пять-шесть человек. Однако еще в прошлом веке для нее были характерны большие патриархальные семьи. Особенно многолюдные семьи были у мокши.

В детской поликлинике. Саранск

Численность большой мордовской семьи в 70-х годах XIX в. достигала иногда 30—40 человек. Такая семья состояла из старика — хозяина дома, его взрослых сыновей, имеющих свои семьи, и внуков, иногда тоже женатых. В начале XX в. большие семьи стали встречаться реже, так как женатые сыновья начали отделяться. Типичная малая мордовская семья в предреволюционное время состояла из семи-восьми человек. В процессе выделения малой семьи создавались некоторые промежуточные формы. Так, например, разделившись, члены семьи часто продолжали вести общее хозяйство, обрабатывать общий надел. При разделах сыновья ставили свои избы на усадьбе отца. Усадьбы, на которых стояло по три и даже по четыре дома родственников, встречались в 1920-х годах довольно часто, особенно у мордвы-мокши.

В прошлом столетии в мордовском семейном быту еще сказывались отдельные пережитки родовых отношений, хотя они были значительно слабее, чем у соседних народов — мари, удмуртов.

Мордовские семьи на общественных трапезах после молений группировались по родовому признаку. В 60-х годах XIX в. в некоторых деревнях еще можно было встретить родовые кладбища и «священные» рощи. Члены семьи имели общий родовый знак собственности — тавро, изображавший колесо, вилы, спицы и другие бытовые предметы или геометрические фигуры. Отделившийся член семьи прибавлял к тавру новый значок.

Степень родства в мордовской семье накладывала на ее членов определенные обязанности и связывала их установленными правилами. Старшие пользовались большим авторитетом у всех членов семьи. Власть

отца — главы семьи (*пожитя*) — была непререкаема, и сын, даже старший (*сире*), до 30 лет, а иногда и старше, находился в полной зависимости от родителей. Отец был судьей в домашних делах и распорядителем семейного имущества. Непочтительного сына отец мог лишить наследства, выгнать из дома. Но, сделавшись нетрудоспособным, отец терял свое положение и свои права.

Женатые и холостые члены семьи пользовались одинаковыми правами. На семейном совете имел голос каждый, достигший 16 лет. Женщина, вошедшая в дом, с рождением первого ребенка также становилась равноправным членом семьи. Однако фактически сохранялась ее зависимость от свекра. Молодушка не должна была показываться свекру с босыми ногами и открытой головой, в продолжение года нельзя было сидеть, при родителях мужа.

Особым уважением у замужней женщины пользовался дружка *уредев* (обычно дядя — брат матери), и никого она так не стыдилась и не боялась, как своего уредева. При уредеве она не могла сидеть, петь песни и смеяться, не показываясь босой. Своего мужа женщина, как и дружку, не называла по имени.

Весь доход, получаемый членами семьи, в том числе и значительная часть заработка отходника, поступал в общее пользование. Жена и дети отходника, остававшиеся в семье, пользовались такими же правами, как и другие. Женщина выполняла работы наравне с мужчиной; кроме того, она должна была одевать и обшивать мужа и детей, для этого ей из общего хозяйства выдавались кудель и шерсть. Даже приданое молодой — корова, телка, поросенок — шло в общее пользование семьи. Только деньги, вырученные за холст и за собственные рукоделия, принадлежали женщине, и она их тратила на приобретение украшений и нарядов. Праздничный национальный костюм составлял личную собственность каждой женщины. Головной убор и ожерелья передавались по наследству.

Мордовская девушка с ранней юности начинала готовить себе приданое, складывая его в особую липовую кадку с крышечкой (*парь*).

У мордвы нередко встречались неравные по возрасту браки. Богатый отец старался скорее женить сына и взять в дом новую работницу. Родители девушек задерживали их дома и часто ранее 25—30 лет не выдавали замуж. Жених же бывал на 10—15 лет моложе невесты. Эти бытовые явления нашли отражение в мордовском фольклоре: во многих песнях женщина жалуется на свою горькую долю, на жизнь с мальчиком-мужем.

В XVIII в. одной из форм заключения брака было умыкание — насильственное похищение девушки. Позднее, в XIX и XX вв., умыкание иногда совершали с согласия невесты. Поводом к умыканию служило нежелание родителей невесты отдавать девушку за выбранного ею жениха. Для жениха умыкание было выгодно, так как ему не приходилось тратить на свадьбу. Однако наиболее распространенной формой в дореволюционное время являлся брак по сватовству. Свадьба сопровождалась многочисленными обрядами. Согласно обычаю за несколько дней до свадьбы невеста по вечерам начинала причитать и оплакивать свою жизнь, прощаясь с родным домом и своими подругами. Девичество отождествлялось со свободой и волей, замужняя жизнь рисовалась в черных, неприглядных красках. Все обряды, связанные с невестой, имели характер инсценировки насильственного увоза или подчеркивали куплю невесты. Перед ней развертывалась трагедия перехода в чужую семью, в чужой род. Отголоски родовых пережитков наиболее долго сохранялись именно в брачных обрядах. Так, например, по сообщению И. Н. Смирнова, у эрзи Самарской губ. мать жениха перед отъездом невесты из дома обязана была обойти всех ее родных и оставить в каждом доме по ковриге

хлеба. У эрзи Симбирской губ., по сообщению того же автора, невеста ходила по родственникам и искала у них защиты от «чужих людей» — родственников и родителей жениха, которым продал ее отец.

В настоящее время свадебные обряды почти не соблюдаются, сохраняются лишь отдельные обычаи, например приготовление некоторых традиционных блюд к свадебному пиршеству. Девичник теперь заменяется вечеринкой с танцами, на котором невеста уже не «плачет», т. е. не поет прощальных песен.

Браки заключаются по взаимному согласию молодежи, преимущественно в возрасте от 18 до 27 лет. Широко распространены смешанные браки, в особенности с русскими.

В царской России мордовские женщины не получали земельного надела. Женский труд оценивался значительно ниже мужского.

Ныне мордовские женщины принимают активное участие в государственном, хозяйственном и культурном строительстве страны, получили право избирать и быть избранными во все органы Советской власти. Среди мордвовок есть депутаты Верховных Советов СССР, РСФСР, Мордовской АССР. Многие мордовки — передовики промышленности и сельского хозяйства — коноплеводы, животноводы, доярки и др. за самоотверженный труд награждены орденами и медалями.

Огромную заботу проявляет Советское государство о женщине-матери. Многодетным и одиноким женщинам государство выплачивает пособие. За последние годы тысячи матерей Мордовской АССР награждены орденом «Мать-героиня» и медалями материнства. Хорошо организована охрана материнства и младенчества. Могла ли мечтать мордовская крестьянка, до Великой Октябрьской социалистической революции рожавшая в холодном хлеву или бане, о родильном доме, женской консультации, детских поликлиниках, молочных кухнях, садах и яслях? Теперь все это прочно вошло в быт, стало обычным явлением.

Но самым замечательным достижением ленинской национальной политики является создание многочисленных женских национальных кадров разных профессий.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

До Великой Октябрьской социалистической революции мордовский народ не имел своей письменности и своей литературы, за исключением напечатанных русскими буквами переводов нескольких книг духовного содержания (евангелия, деяний апостольских), которые распространялись в целях насаждения православия.

Из учебной литературы были изданы «Первоначальный учебник русского языка для мордвы-эрзи» (Казань, 1897) и «Первоначальный учебник русского языка для мордвы-мокши» (Казань, 1894). Число мордовских школ было крайне незначительно. В 1866 г. на территории Пензенской губ. было всего лишь шесть мордовских школ. Учителями были священники. Преподавание велось на русском языке. Прежде чем обучать детей школьным дисциплинам, нужно было научить их русскому разговорному языку, что чрезвычайно замедляло обучение грамоте. В начальных школах учились преимущественно дети зажиточной части населения, средние же учебные заведения, которых было очень мало, находились в городах и были практически недоступны мордовским детям. Естественно, что при такой постановке школьного образования грамотных среди мордовского населения было очень мало, накануне революции их насчитывалось всего лишь 3—4%.

Учительство находилось в тяжелом материальном положении. Подготовка учителей была весьма слабой. Большинство учителей начальных школ имело низшее и незаконченное среднее образование.

Недостаток педагогических кадров в первые годы после Великой Октябрьской революции, а также отсутствие учебников на мордовском языке затрудняли переход к обучению на родном языке. Первый эрзянский букварь, составленный на основе русской графики, был выпущен в 1922 г., первый мокшанский букварь — в 1923 г.

После образования автономного округа (1928 г.), а еще более после образования Мордовской автономной области (1930 г.) развернулась усиленная работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. Если в 1928 г. в Мордовском округе было 27,3 % грамотных, в 1932 г. — 79,8 %, то к концу 1939 г. Мордовия стала республикой сплошной грамотности.

Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии о введении всеобщего начального обучения детей в Мордовии к 1934 г. было претворено в жизнь. В 1948 г. Мордовия в числе первых республик в стране осуществила переход к всеобщему семилетнему обучению детей, что было большой победой в культурном строительстве республики.

Решения XX и XXI съездов Коммунистической партии о перестройке системы народного образования znamenуют собой новый этап в жизни советской школы. В Мордовии, как и в других республиках нашей страны, теснее стала связь школы с промышленным и сельскохозяйственным производством. Учащиеся приобретают трудовые навыки в учебных мастерских, на пришкольных участках и фермах, на производственной практике на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах. Введено всеобщее обязательное восьмилетнее образование.

Помимо общеобразовательных школ, в республике открыты школы-интернаты, школы рабочей и сельской молодежи, имеются профессионально-технические школы и училища, существует разветвленная сеть внешкольных и дошкольных учреждений: детских садов и площадок, домов пионеров и т. п.

До Великой Октябрьской социалистической революции на территории Мордовии не было ни одного высшего и среднего специального учебного заведения. Все имеющиеся теперь в республике техникумы, училища и институты открыты в годы Советской власти. В 1959/60 учебном году в Мордовии работало 13 средних специальных учебных заведений, в которых обучалось 46 тыс. человек. Особой популярностью пользуются такие учебные заведения, как Кемлянский сельскохозяйственный и Саранский торгово-кооперативный техникумы, Саранское медицинское училище, Зубово-Полянское и Ичалковское педагогические училища, Ардатовская культурно-просветительная школа. Первое высшее учебное заведение — Мордовский государственный педагогический институт — было открыто в 1931 г.

С 1947 г. в Саранске начала работать Мордовская областная партийная школа, а в 1957 г. на базе педагогического института был создан Мордовский государственный университет с пятью факультетами: историко-филологическим (с отделением мордовского языка и литературы), физико-математическим, химико-биологическим, инженерно-техническим и сельскохозяйственным. В 1962/63 учебном году открылись еще два факультета: зоотехнический, инженеров промышленного и гражданского строительства. На дневном, вечернем и заочном отделениях университета в 1962/63 учебном году обучалось более 7 тыс. студентов. В 1962 г. в Саранске был открыт новый Мордовский государственный педагогический институт с тремя факультетами: физико-математическим, естественным, филологическим.

Еще до Великой Октябрьской социалистической революции из среды мордовского народа вышли такие крупные деятели науки и искусства, как историк В. О. Ключевский, математик В. А. Стеклов, архитектор М. П. Варенцов (Коринфский), скульптор С. Д. Эрзя, этнограф

М. Е. Евсевьев и др. Но лишь после победы Великого Октября смогли развиться творческие способности мордовского народа.

Уже в первые годы Советской власти появились работы мордовских ученых Ф. Ф. Советкина, М. Н. Коляденкова, А. П. Рябова, М. Т. Маркелова, внесших большой вклад в развитие таких наук, как языковедение, литературоведение, история, этнография и педагогика. Широко развернулась деятельность М. Е. Евсевьева. В 1932 г. был создан Научно-исследовательский институт мордовской культуры (ныне Институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР). Теперь в Мордовии имеются и другие научно-исследовательские учреждения: институт источников света, электротехнический институт, сельскохозяйственная опытная станция и др.

Большой размах получила массовая культурно-просветительная и агитационно-пропагандистская работа, направленная на коммунистическое воспитание людей, выработку у них материалистического мировоззрения и преодоление вредных пережитков прошлого в быту и сознании. В городах и селах Мордовии создана разветвленная сеть культурно-просветительных учреждений — клубов, библиотек, домов и университетов культуры. В результате широко проводимой научно-атеистической пропаганды с каждым годом уменьшается число верующих, а среди молодежи их и совсем нет. Церковные праздники и религиозные обряды даже пожилые люди постепенно перестают соблюдать.

С большой торжественностью мордовское население городов и сел отмечает революционные праздники — 1 Мая, годовщину Октябрьской революции, а также Новый год и др. Входят в быт сельского населения и новые колхозные праздники, приуроченные к началу и окончанию сельскохозяйственных работ — Праздник первой борозды, Праздник урожая и др.

Богато и разнообразно устное поэтическое творчество мордвы. Фольклор мордовского народа вызывал большой интерес еще у дореволюционных исследователей мордовского быта. Впервые образцы мордовской народной словесности были изданы Казанским миссионерским обществом в 1883 г., а в 1910 г. академик А. А. Шахматов составил и издал «Мордовский этнографический сборник», не потерявший своего значения до наших дней. В сборник вошли образцы народного творчества, собранные по двум селам бывшего Саратовского уезда: Сухой Карбулак и Оркино. Много сделал для изучения мордовской этнографии и фольклора мордовский ученый М. Е. Евсевьев. За время своей научной и педагогической деятельности он совершил многочисленные поездки по мордовским селам и собрал богатейшие этнографические коллекции, произвел раскопки древних могильников. Лингвистические исследования М. Е. Евсевьева и записанные им фольклорные тексты частично опубликованы и продолжают издаваться. Вышло в свет также несколько других исследований и сборников мордовских народных песен, сказок, пословиц и загадок как на русском языке, так и на языках эрзи и мокши.

В песенном творчестве мордвы значительное место занимают исторические песни. Наиболее популярна из них «Вирь чиресэ» («У опушки леса»), в которой рассказывается о мордовском юноше, попавшем в плен к ногайцам, и его встрече со своей сестрой, еще в детстве увезенной ногайцем. Широко распространены среди мордвы песни о воцарении Павла I и жестоким отношении к крестьянам, о Пугачеве, который поднимал крестьян на борьбу за землю и свободу, песни о крепостном праве и т. д. В фольклоре мордвы много эпических песен. К ним можно отнести циклы песен о Тюште, о Литове, о Саманьке, о Скворце или Дятле и др. В основе цикла о Тюште, по всей вероятности, лежат исторические события — военные столкновения мордвы с другими народами под руководством выборного

начальника — *инязор* (э), *оцязор* (м). Многие песни о Тюште претерпели существенные изменения, получили позднейшие наслоения, а в ряде случаев приняли сказочно-мифологический характер. В песнях о Литове говорится о том, как красивая мордовская девушка по имени Литова была выдана замуж за мордовского бога грома и молнии Пургинепазы, в других вариантах за чужеземца. К народному мордовскому эпосу относятся также легенды о Сабане, о змеборчестве, о девушке-воине, о юноше и смерти. Некоторые песни связаны с представлениями о покровителях природы, хозяйства и семьи. К этой группе произведений относятся песни о Ведяве — покровительнице водной стихии, Вираве — покровительнице лесной стихии.

Наибольшее место в песенном творчестве мордвы занимают семейно-бытовые песни и песни о солдатчине. В них раскрываются семейные отношения между отцами и детьми, между мачехой и падчерицей; сюда же относятся старинные песни о жене и муже-недоростке. Неравные браки, заключенные по расчету, иногда заканчивались убийством малолетнего мужа. В песнях о солдатчине рассказывается о тяготах службы в царской армии. Широко были распространены колядные, свадебные песни. В настоящее время весьма популярны русские, в особенности новые советские песни.

Один из самых популярных жанров мордовского фольклора — различные сказки: о животных, волшеббно-фантастические, бытовые. Часто действующим лицом в сказках является Вирава, покровительница леса и его обитателей. Вирава следит за лесом, чтобы он не засох, охраняет птиц и зверей от истребления; убитых зверей и птиц воскрешает живой водой. В сказках рассказывается также об охотниках, встречах со зверями, удачной и неудачной охоте.

Героями сказок о животных являются те из них, которые хорошо знакомы мордве — лиса, медведь, заяц, кошка, петух и пр. Лев и тигр встречаются значительно реже. В мордовской сказке о животных, помимо показа характеров и нравов людей под видом животных, можно встретить объяснения отдельных явлений природы, глухие отзвуки процесса приручения животных, рассказы о появлении тех или иных качеств у некоторых животных и т. п.

Немало у мордвы разнообразных пословиц и загадок. Наиболее интересны из них бытовые; многие загадки относятся к орудиям труда, жилищу, домашней утвари.

В наши дни народное творчество мордвы продолжает развиваться. Создаются новые песни, сказки и сказы. Лучшие сказительницы Мордовии Ефимия Кривошеева и Фекла Беззубова отразили в своих сказках и тяжелое прошлое мордовского народа, и его нынешний хозяйственный и культурный рост. Сказительницы не оставались безучастными и к общенародным событиям, волновавшим все народы Советского Союза. Достаточно вспомнить плач Ефимии Кривошеевой о Сергее Мироновиче Кирове («Как мне горе мое выплакать»), сказ Феклы Беззубовой «День Победы» и др. Лучшие произведения ее — «Песня о матери», «Песни новой эпохи» и др. — изданы. За свои сказы Ф. И. Беззубова отмечена высокой наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Народные песни обычно исполнялись без музыкального сопровождения. Народная инструментальная музыка у мордвы была развита в меньшей степени, чем вокальное искусство. В настоящее время из старинных народных инструментов еще изредка можно встретить в деревнях пастушьи трубы, волынки (*нудей*) из тростника, самодельные балалайки и скрипки. Широко распространена гармонь, под которую пляшут «Барыню», «Елецкого», поют частушки.

Мордовская художественная литература начала развиваться с 1920-х годов, она возникла одновременно с появлением первых газет на мордовских языках. Сюжеты и отдельные образы первых произведений мордов-

Выступление эрзянского хора. На переднем плане народная сказительница Ф. И. Беззубова

ских писателей и поэтов были во многих случаях заимствованы из фольклора. Важную роль в воспитании мордовских литературных кадров сыграл А. М. Горький, который много внимания уделял развитию национальной литературы. На мордовскую литературу Горький воздействовал не только своим художественным творчеством, но и личным общением с мордовскими писателями и перепиской с ними. Он призывал их воспитывать свой художественный вкус на лучших произведениях русских классиков, учил наблюдательности, требовал внимательного отношения к языку. Развитию мордовской литературы во многом способствовало также создание в конце 1932 г. Мордовского отделения Союза советских писателей, а также проведение в 1934 г. I съезда писателей республики. Среди первых мордовских писателей отметим З. Дорофеева, А. Дорогойченко, Д. Морского (Мальшева), Ф. Чеснокова, И. Кривошеева. Особенно выросла и окрепла мордовская литература за последние годы: успешно стали развиваться все литературные жанры, расширилась тематика, повысился идейно-художественный уровень произведений. Наряду с прошлым мордовские писатели отражают в своих произведениях и современность, рассказывают о труде и стремлениях советского человека.

Большим достижением мордовской литературы послевоенных лет является роман Т. Кирдяшкина «Кели Мокша» («Широкая Мокша»), рассказывающий о подвигах мордовского народа в революции 1905 г. Издан роман И. Антонова «Вейсэнъ семьясо» («В семье единой»), в котором показано участие мордовского народа в Великой Отечественной войне. Писатель А. Лукьянов написал роман «Валдо Ки» («Светлый путь»), героями которого являются передовые люди колхозной деревни. В 1956 г. вышел в новой редакции роман В. Коломасова «Лавгинов», а в 1957 г. — роман К. Абрамова «Найман». Крупным событием в современной мордовской литературе является выход в свет романа в стихах А. Куторкина «Покш ки лангсо умарина» («Яблоня на большаке»), посвященного революции 1905—1907 гг. Все эти произведения переведены на русский язык.

Среди поэтов необходимо отметить зачинателя мокшанской литературы Михаила Безбородова. Широко известны сборники стихов поэта и

драматурга П. Кириллова, стихи поэтов Н. Эркай, А. Моро и многих других, произведения которых в большинстве случаев отличаются большим мастерством, глубоким содержанием, заостренной идейной направленностью.

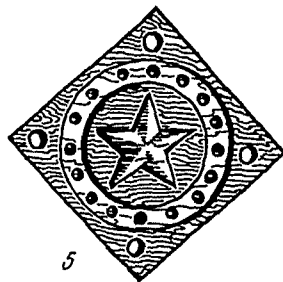
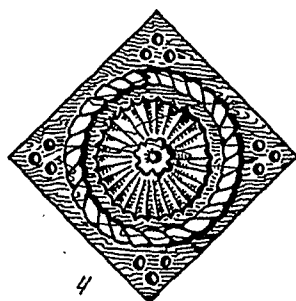
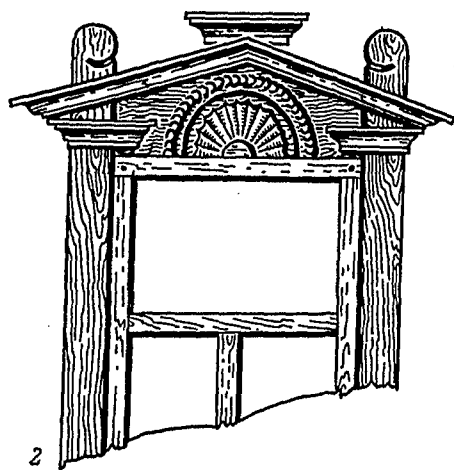
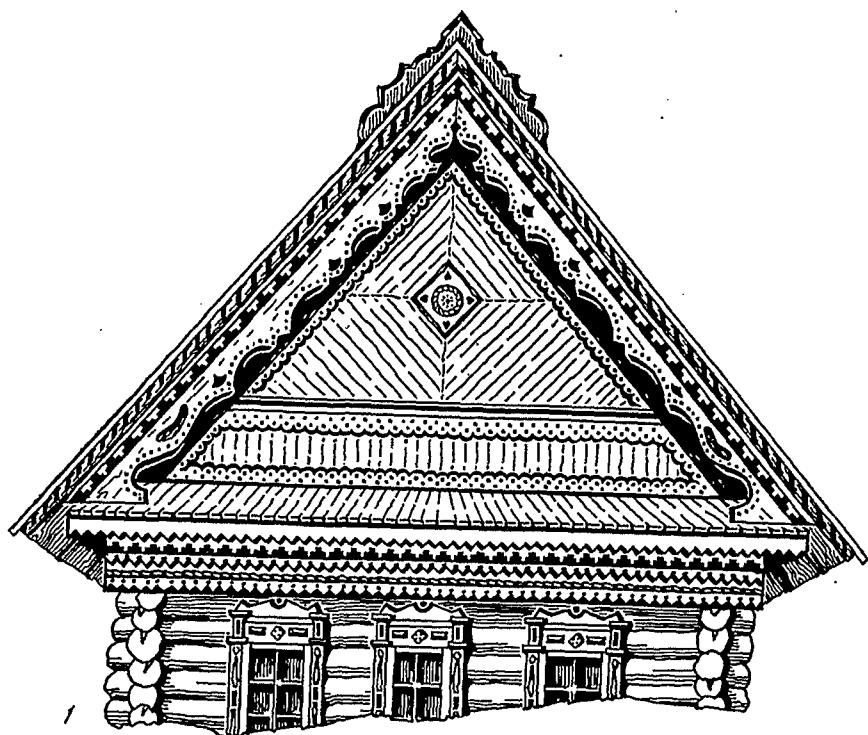
Достигнуты некоторые успехи и в развитии мордовской драматургии, у истоков которой стоит первый мордовский драматург К. Петрова. Наибольшей известностью пользуются пьесы П. Кириллова «Валдо васоло» (угол велькссэ («Свет над дальним углом»)) и «Учительница». В первой автор описывает социалистическое строительство в мордовской деревне в послевоенные годы, во второй — революционную борьбу мордовского народа вместе с русскими в 1905—1907 гг. Положительную оценку получили пьесы Г. Меркушкина «Во имя народа» и «На рассвете». Развивается и детская литература. Широко известны не только в СССР, но и за рубежом рассказы Я. Пинясова «Живые фонарики», «Белые шубки», «Обыкновенные варежки» и др. Интересна повесть Н. Эркай «Алешка». Большой популярностью пользуются рассказы и сказки Ф. Атянина «Дочь пастуха», «Сельведь-богатырь», «Чудо над Мокшей» и др.

Изобразительное искусство

Народное декоративное искусство мордвы особенно ярко представлено вышивками и резьбой по дереву. Значительно слабее были развиты узорное ткачество, вязание и роспись. Искусство мордвовок в вышивании и окраске ниток отмечал еще И. Лепехин в XVIII в. В XIX в. мордовские вышивки приобрели мировую известность. Финский ученый А. Гейкель на основе собранных им материалов издал в 1899 г. книгу-альбом, посвященную мордовским вышивкам. Мордовские вышивки не утратили своего художественного значения и в наши дни. Они экспонируются на многочисленных выставках прикладного искусства не только в Советском Союзе, но и за рубежом. На двух Всемирных выставках в Париже они заняли одно из первых мест, были представлены на выставке в Индии, а также на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 г.

Старинная мордовская вышивка украшала в основном традиционный народный костюм, преимущественно женский. Ею окаймляли рукава, ворот и подол, она располагалась продольными полосами по спине и спереди женских рубашек и верхней холщовой одежды — руди. Женские головные уборы также часто покрывали сплошной вышивкой. Чаще всего вышивка была двухцветной — синего и красного тонов. В вышивках мордвы-эрзи преобладает красно-кирпичный тон, мокши — синий или черный. В южных мокшанских районах Мордовской АССР: Торбеевском, Ковылкинском, Рузаевском, где традиционный костюм бытует и по сей день, — вышивка многоцветна. Характерная особенность мордовской вышивки состоит в ее декоративности; благодаря плотно положенным стежкам фон холста почти не просвечивает, и вышивка по своему виду напоминает ковер. Старинные мордовские вышивки выполнялись преимущественно шерстяными нитками, которые пряли сами мордовки из овечьей шерсти. Значительно реже вышивали фабричными шелковыми или хлопчатобумажными нитками; только в последние 10—15 лет мордовки стали вышивать мулине. В XIX — начале XX в. женщины красили нитки сами, пользуясь в основном растительными красителями, особенно широко были известны подмаренник (*кей*) и марена (*кей тикше*). В настоящее время мордовки также часто окрашивают нитки домашним способом, но пользуются фабричными химическими красками.

В вышивках мордвы редко встречается русский крест, чаще узор обводится контуром и заполняется косыми стежками, гладью, набором; последний обычно выполняют на подоле и рукавах мокшанских рубашек. У мордвы-эрзи распространены свои швы, напоминающие болгарский крест. Узор, в основном геометрический, состоит из тесно положенных спиралей, звездочек, ромбов, косых крестов; реже встречаются

Резные украшения эрзянского дома:

1 — резьба на фронтоне; накладная и пропиловочная резьба; 2, 3, 6 — глухая резьба;
4—5 — детали резного орнамента

растительные узоры: стилизованные цветы, напоминающие тюльпаны, листья, ветки, а иногда и стилизованные фигуры птиц.

В наши дни вышивки с национальным мордовским орнаментом украшают не только традиционный костюм, но и бытовые предметы: занавески, скатерти, портьеры. В 1950-х годах в серии самолетов ТУ-104 салоны были оформлены вышитыми изделиями, выполненными по мордовским народным мотивам. Большая работа по составлению эскизов на основе старинной мордовской вышивки проводится Республиканским домом народного творчества в Саранске и научно-исследовательским институтом художественной промышленности в Москве. В Мордовии работает фабрика художественных изделий.

Узорное ткачество не получило у мордвы большого развития. Бранные узоры чаще встречаются на концах полотенец, подолах старинных мужских рубах и женских передников; это узкие полосы геометрического орнамента, набранного красными хлопчатобумажными нитками.

Художественное вязание также занимает небольшое место среди других видов народного искусства мордвы. Наиболее интересны чулки-наколенники, связанные из черной и белой шерсти с геометрическим, а иногда и растительным орнаментом; отчасти они напоминают чулки других финно-угорских народов (коми, эстонцев).

Особого внимания заслуживает резьба по дереву. Резьбой и ныне украшают карнизы и фронтоны жилых домов, наличники и ставни окон, ворота, орудия труда, мебель и различные бытовые предметы. По технике резьбу, встречающуюся у мордвы, можно подразделить на врезную, или трехгранно-выемчатую, барельефную, глухую и пропиловочную. Врезная резьба — это простейший и, по-видимому, наиболее древний вид резьбы. Она выполняется резцом и представляет собой сочетание зубцов и «веревочки»; нередко встречаются также врезанные в дерево косые кресты и ромбы. Врезным орнаментом особенно часто украшают кадушки, в которых мордвки хранят одежду, главным образом рубахи. Врезной орнамент по своим мотивам перекликается с орнаментом на древней мордовской керамике.

В северо-восточных районах Мордовской АССР (Ардатовском, Атяшевском), а также в мордовских селениях Горьковской и Ульяновской областей и теперь можно видеть на фронтонах жилых домов и наличниках окон барельефные украшения, которые выдолблены специальными долотами на цельной доске, благодаря чему орнамент выступает над фоном. Барельефная резьба называется часто «глухой» резьбой, а плотникам именуется «корабельной», так как она перенесена с украшений волжских судов. Для «глухой» резьбы более типичен растительный орнамент, однако часто встречаются солярные розетки, а на концах фриза — изображения сирен, стилизованных животных и птиц.

Значительно шире, чем глухая резьба, у мордвы, как и у их соседей, русских, в настоящее время распространена пропиловочная и накладная резьба. Во многих мордовских районах принято украшать фронтоны домов накладными украшениями в виде расходящихся солнечных лучей или вместо слухового окна помещать резную розетку.

Из бытовых предметов резьбой украшают спинки деревянных кроватей, шкатулки для рукоделия, а раньше украшали прялки, солонки, рубели для катания белья и т. д.

Народное искусство обработки дерева нашло яркое выражение в гениальных работах мордовского скульптора С. Д. Нефедова-Эрзя (1876—1959 гг.). Сын потомственного бурлака-плотогона, Эрзя уже в раннем детстве начал увлекаться обработкой древесного материала, который потом стал основным для его скульптур в течение всей его жизни. Природные древесные наросты и затейливые извилины сучьев захватывают воображение мальчика. Он видит в причудливом пне — лешего, а в замысловатой березовой капе — голову девушки. Позднее в искусных ру-

Скульптор С. Д. Эрзя в своей мастерской, 1954 г.

как зрелого ваятеля причудливые формы, созданные природой, фантазией художника претворялись в реальные образы, необычные по силе замысла и художественной выразительности. Весь свой большой талант С. Эрзя отдал своему народу. Значительная часть его работ помещена в художественной галерее г. Саранска.

Среди живописцев старшего поколения заслуженной известностью пользуется народный художник Мордовской АССР Ф. В. Сычков (1870—1958 гг.). Окончив еще в дореволюционное время Академию художеств, он поселился затем в родном селе Кочелаеве (ныне Ковылкинский район Мордовской АССР), где прожил всю свою жизнь. Его картины очень этнографичны. В них отражена жизнь мордовского народа: бытовые сцены, свадьба, трудовые процессы, показаны передовые люди Мордовской республики. Его лучшие произведения также находятся в Саранской художественной галерее. Похоронен Ф. В. Сычков, как и С. Д. Эрзя, на городском кладбище в г. Саранске. Значительный вклад в развитие живописи вносит мордовский художник Н. В. Ерушев.

Развитию изобразительного искусства в Мордовской АССР во многом способствовали также созданное в 1935 г. Мордовское отделение Союза советских художников, открытие студии живописи, регулярно проводимые художественные выставки и шефство Академии художеств СССР над художниками Мордовской республики.

Театр и музыка Мордовский государственный национальный театр был создан в начале 1930-х годов на базе мордовской музыкально-драматической труппы, которая была укомплектована талантливыми участниками художественной самодеятельности и регулярно ставила спектакли и давала концерты на языках эрзя и мокша.

Первоначально большую помощь молодому мордовскому театру оказывал Государственный академический Малый театр, который, взяв шефство над мордовским театром, обучал молодых мордовских артистов сценическому искусству, подбирал репертуар, силами своих режиссеров ставил спектакли, помогал в оформлении и т. д.

В Инсарской музыкальной школе

Теперь в Мордовии работает объединенный музыкально-драматический театр, в составе которого имеются оркестр, вокальная группа, хор и балет. За последнее время театр, кроме оперных постановок, показал драматические спектакли на русском и мордовском языках. Наряду с пьесами русских авторов — Л. Н. Толстого, М. Горького, В. Вишневского — были поставлены пьесы уже упоминавшихся мордовских драматургов П. Кириллова и В. Коломасова, а также А. Щеглова («Комсомольский билет») и Г. Я. Меркушкина («Во имя народа», «На рассвете»). Театр вырастил большую группу талантливых мордовских артистов, среди которых следует назвать заслуженного артиста РСФСР народного артиста Мордовской АССР С. И. Колганова и заслуженных артистов Мордовской АССР Н. Ф. Костюшова и А. А. Аржадееву. Труппа театра пополняется новыми кадрами. В 1949 г. закончил учебу коллектив мордовской студии при Московском театральном институте им. А. В. Луначарского в составе 20 человек. Вторая мордовская студия была организована при Ленинградском институте им. А. Н. Островского из 13 человек, которые, закончив учебу в 1960 г., влились в творческий коллектив Мордовского государственного национального театра. В 1961 г. Мордовский музыкально-драматический театр переехал в новое здание.

Успешно работает, растет и крепнет Мордовский театр кукол.

Профессиональное музыкальное искусство, как и драматическое, начало развиваться в Мордовии только после Октябрьской революции. В феврале 1937 г. в Саранске был открыт Мордовский государственный театр оперы и балета. Труппа театра состояла из квалифицированных кадров певцов, музыкантов, артистов балета. Театр показал несколько классических опер русских композиторов — Глинки, Даргомыжского, Бородина, Мусоргского; им были поставлены и первые советские оперы: «Тихий Дон» И. Держинского, «В бурю» Т. Хренникова. Открытие этого театра во многом способствовало воспитанию национальных кадров оперно-музыкального и хореографического искусства. Впоследствии он был преобразован в музыкально-драматический театр, о деятельности которого сказано выше.

С работой театра неразрывно связано и творчество первого мордовского композитора, заслуженного артиста РСФСР, народного артиста Мордовской АССР Л. П. Кирюкова. Им написаны музыка к драме П. С. Кириллова «Литова» и первые мордовские оперы «Несмеян и Ламзурь» и «Нормалья». Л. П. Кирюков много работает по сбору и обработке мордовских народных песен. Большой популярностью в Мордовии и за ее пределами пользуется переложенная им для хора песня «Яксень Пансяв» («Выходила я в поле»). Из сольных вокальных произведений Кирюкова часто исполняется «Учема» («Ожидание»). В последние годы Л. П. Кирюков написал концерт для скрипки с оркестром и много фортепианных миниатюр.

Интересные музыкальные произведения различных форм созданы молодыми мордовскими композиторами Г. Сураевым-Королевым, Г. Павловым и др. Большую роль в развитии музыкальной культуры в Мордовии сыграло созданное еще в 1936 г. Мордовское концертно-эстрадное бюро, реорганизованное в 1943 г. в Мордовскую государственную филармонию, а также Мордовская государственная капелла, преобразованная в дальнейшем в Мордовский государственный ансамбль песни и танца.

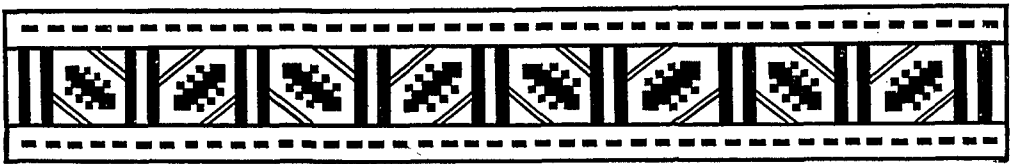
Мордовская государственная филармония ведет большую работу по пропаганде лучших произведений русской классической и советской музыки, а также произведений мордовских композиторов. Длительное время в филармонии работал эрзя И. М. Яушев (1909—1961 гг.), заслуженный артист РСФСР и народный артист Мордовской АССР, превосходный исполнитель мордовских народных песен. Им создано несколько ярких мелодий в народном духе, в числе их песня «По ленинскому пути» (стихи И. П. Кривошеева) и былина «Сказ о Москве» (на слова Ф. И. Безубовой).

Больших успехов добился Мордовский ансамбль песни и танца. В ансамбле творчески работают заслуженные артисты РСФСР, народные артисты Мордовской АССР М. Антонова, Беспалова, Д. Еремеев и др. Ансамбль выезжает не только в города и села республики, но гастролирует по всему Советскому Союзу и за рубежом.

Значительную роль в музыкальной жизни Мордовии играет созданный еще в 1918 г. Темниковский оркестр народных инструментов. Организатор и бессменный руководитель оркестра заслуженный артист РСФСР, народный артист Мордовской АССР Л. И. Воинов является одновременно композитором, исполнителем и дирижером оркестра. Из более крупных его произведений следует отметить «Сказку о попе и работнике его Балде», две сюиты, Торжественную увертюру, Мордовскую рапсодию, Мордовские напевы для скрипки. Его кантату «Край родной» исполняет Мордовский ансамбль песни и танца в сопровождении симфонического оркестра.

Музыкальные кадры готовят специальные учебные заведения, открытые в Мордовии: музыкальное училище с вокальным, фортепианным и инструментальным отделениями, музыкальная школа-интернат и десять детских музыкальных школ, в которых обучается более тысячи человек. Высшее музыкальное образование молодые мордовские музыканты получают в консерваториях Москвы, Ленинграда и Казани.

ЧУВАШИ

Чуваши (самоназвание *чӑваш*) живут в Среднем Поволжье. Основной район их расселения — территория Чувашской АССР (правобережье Волги, между средним и нижним течением ее притоков Свияги и Суры). Здесь среди компактной массы чувашей вдоль Волги и Суры встречается русское население, на востоке и юго-востоке — татары, преимущественно мишари, на юго-западе — мордва, на северо-западе — марийцы.

Всего чувашей в СССР, по переписи 1959 г., насчитывается 1470 тыс. человек, из них 52,4% живет в Чувашской АССР, составляя 70% населения. Значительные группы чувашей живут в Татарской и Башкирской АССР, в Куйбышевской, Ульяновской и Саратовской областях, а также на Алтае и в других районах Сибири вплоть до Дальнего Востока и Сахалина. По данным переписи 1926 г., 95% всех чувашей жило в сельских местностях, в настоящее время сельских жителей среди чувашей 64%. Многие чувашаи переселились в города своей республики и другие районы Советского Союза, уехали на новостройки и целинные земли.

Чуваши в основном делятся на две этнические группы: верховые (*вирьял*) и низовые (*анатри*). Они говорят на разных диалектах чувашского языка и в прошлом несколько различались по бытовому укладу и материальной культуре. Теперь эти различия, которые продолжали особенно устойчиво сохраняться в женской одежде, с каждым годом все больше сглаживаются. Вирьялы занимают преимущественно северную и северо-западную части Чувашской АССР, а анатри — юго-восточную. На стыке территории расселения верховых и низовых чувашей живет немногочисленная группа средненизовых чувашей (*анат-енчи*). Они говорят на диалекте верховых чувашей, а по одежде близки к низовым.

В прошлом каждая группа чувашей делилась по бытовым особенностям на подгруппы, но их различия теперь в значительной мере стерлись. Только среди низовых чувашей некоторым своеобразием отличается так называемая степная подгруппа (*хирти*), живущая в юго-восточной части Чувашской АССР; в быту хирти отмечается немало черт, сближающих их с татарами, рядом с которыми они живут.

Чувашский язык относится к тюркским языкам. Но в отличие от других современных тюркских языков он сохранил много древнетюркских слов и оборотов, а также некоторые элементы, близкие к древнемонгольскому. Встречаются также персидские и арабские слова, попавшие в чувашский язык в течение длительной исторической жизни чувашского народа. За последнее столетие и особенно в советский период в чуваш-

ский язык в результате тесного сближения с русскими вошло много русских слов и интернациональных терминов. В основе чувашского литературного языка, сформировавшегося в конце прошлого столетия, лежит диалект низовых чувашей, который в настоящее время все шире распространяется через школу и печать.

Краткий
исторический
очерк

Территория, ныне занятая чувашами, во II—I тысячелетиях до н. э. была населена племенами сначала фатьяновской, затем абашевской, и, наконец, городецкой культуры эпохи неолита, бронзы и раннего железа; население занималось охотой, отчасти мотыжным земледелием и домашним скотоводством по долинам рек. В конце I тысячелетия до н. э. и в начале нашей эры здесь обитали финно-угорские племена, которые можно считать очень древним субстратом современного населения края.

В VII—VIII вв. н. э. в Среднее Поволжье из Приазовья стали продвигаться тюркоязычные племена, известные под общим наименованием булгарских. К X в. они создали здесь сначала союз, а затем раннефеодальное государство — Волжскую Булгарию.

В 1236—1238 гг. Булгарское государство было разгромлено татаро-монголами и потеряло свою независимость. Вся территория Среднего Поволжья подпала под власть Золотой Орды. В период военных действий часть булгар продвинулась к северу и северо-западу, где смешалась с аборигенным населением. Это привело к формированию в Предволжье в XII—XV вв. самостоятельной народности, получившей наименование от одного из булгарских племен — сувазов, или суваров, звучащее на ее языке как «чаваш».

Во второй половине XIV в., особенно после 1380 г. (Куликовская битва), Золотая Орда утратила свое могущество и распалась. Возникло Казанское ханство, население которого получило наименование казанских татар; в XV в. под его властью наряду с другими народностями края оказались и чувашаи, которые были вынуждены платить татарским феодалам ясака. К этому времени среди чувашей уже обозначился процесс социального расслоения. Стала выделяться чувашская знать — тарханы, туруны и др., значительная часть которых состояла на службе у татар.

В 1552 г. в результате 100-летней борьбы Казанское ханство было покорено Русью, и все Среднее Поволжье вошло в состав Русского государства. Чувашаи, испытывавшие особенно тяжелый гнет казанских феодалов, еще в 1551 г. отказались от подчинения Казанскому ханству и вошли в состав России.

Вхождение в состав Русского государства для чувашей, как и для других народов края, имело большое положительное значение. Прекратились разорительные феодальные войны и грабительские набеги кочевых племен юго-восточных степей. Перейдя под власть царской администрации на положении ясачного населения, а позднее — государственных крестьян, чувашаи после строительства царизмом засечно-сторожевых линий получили возможность частично переселиться в более южные плодородные районы современной территории края. Здесь они сблизились с русским крестьянством, также поселявшимся на этих землях. Влияние русских способствовало развитию земледельческой культуры у чувашей.

Вместе с тем проводимая по отношению к коренному населению края национально-колониальная политика царского правительства тяжелым гнетом ложилась на чувашей. Чувашаи не были закрепощены, но часть их земель была передана русским помещикам и монастырям. Царская администрация безнаказанно угнетала трудящихся чувашей, наживалась за их счет, пользуясь поддержкой представителей чувашской феодальной верхушки. Чувашаи, знавшие русский язык, грамоту и поступавшие на царскую службу переводчиками и писарями, также угнетали и обирали

народ, пользуясь его незнанием русского языка и законов. В начале XVIII в. тяжелым бременем для населения была так называемая лашманская повинность — заготовка леса для казанского адмиралтейства, администрация которого безнаказанно творила произвол. С середины XVIII в. к этому присоединилось вымогательство православного духовенства, проводившего насильственное крещение чувашских крестьян. Все это возбуждало народный гнев и вело к активным выступлениям против царского правительства. Не случайно чувашаи были деятельными участниками крестьянских восстаний XVII и XVIII вв. под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева. В народе шла и глухая борьба с произволом, откликом которой было бегство чувашей, как и представителей соседних народностей, в менее заселенные места, где власть царской администрации была еще не так сильна. Уходили преимущественно в районы левобережья Волги и в западное Приуралье, на башкирские земли. Поселялись на новых местах отдельными деревнями, нередко образуя группы селений среди деревень других народностей. Частично чувашей переселяло правительство, привлекая их к строительству оборонительных линий в Заволжье и на правобережье Волги (Симбирская и Сызранская линии), где переселенцев затем оставляли на постоянное жительство.

С середины XVIII в. основная масса чувашей стала по официальному вероисповеданию православными христианами и только небольшая часть их не крестилась. Однако, приняв христианство, чувашаи долгое время фактически сохраняли свои древние верования. Среди этих верований большое место занимало поклонение силам природы. Особенно был развит культ солнца (*жөөл*), которое почиталось как божество, дающее жизнь всему живому. Поклонялись также огню. Не менее почиталась и вода. Чувашаи верили в духов—охранителей водоемов (источников, ручьев, рек), а также в духа—охранителя леса *арсѳури*, близкого к лешему русских, шурале татар.

Божеством (*турă*) считалось и голубое небо; ряд обрядов был связан с небесными явлениями, особенно с молнией (*сисѳм*) и громом.

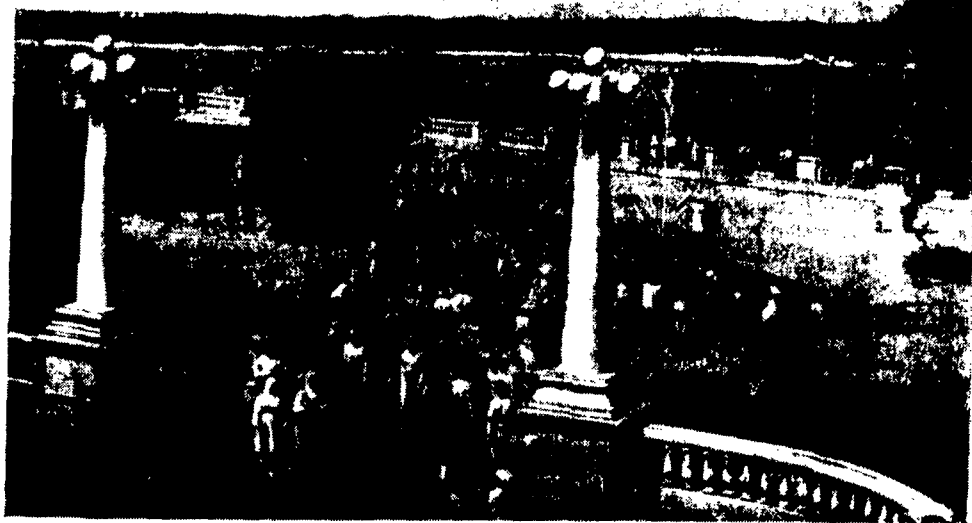
Особое место в древнем культе чувашей занимала земля. Ее считали матерью, от сосцов которой питаются люди.

Чувашаи почитали души умерших предков, им устраивали торжественные поминки, проводившиеся отдельными семьями, а нередко — группой родственных семей.

Злым началом, по мировоззрению чувашей, был кереметь¹. По одним представлениям, кереметь в виде женщины, животного или неодушевленного предмета мог поселяться в доме и приносить зло его владельцам, по другим — это душа очень вредного колдуна (*йомзă*) или злого человека, который при жизни приносил вред. Чувашаи очень боялись керемета и старались задобрить его. Кереметом называли также рощу или какое-либо урочище, где якобы обитали злые духи; для их умилостивления там приносили жертвы и совершали моления.

Из материалов о народных верованиях чувашей видно, что у них не сложилось стройной иерархии божеств. В древних преданиях имеются лишь неясные намеки на то, что в болгарский, а возможно, и в золотоордынский период, у чувашей возникло представление о верховном божестве (*султи тура*), живущем на небе и якобы имеющем в своем подчинении другие божества. Но представление о султи тура все же не укоренилось и не получило развития в сознании народа; султи тура не приносили жертв, и ко многим второстепенным божествам, например

¹ «Кереметь» по-арабски означает чудо; в своеобразном осмыслении это слово проникло не только в чувашский, но и в языки других народов Поволжья (например, татар, мари).

Сквер на берегу Волги в Чебоксарах

к матери-земле, чувашаи относились с бoльшим почитанием, чем к верховному божеству.

Иерархии служителей культа у чувашей также не было, но все же назначали моления и руководили ими определенные лица. Общественными молениями руководил кто-либо из старейших и уважаемых членов общины. Семейные моления проводили йомзи. Старики за руководство общественными молениями не получали вознаграждения и в обычное время никакими привилегиями не пользовались. Йомзи же считались как бы посредниками между людьми и духами, поэтому им полагалась определенная часть жертвы, приносившейся во время моления.

Православное духовенство стремилось вытеснить дохристианские верования из сознания населения, но мало в этом успело. Многие языческие обряды стали забываться, но представления о духах, олицетворяющих силы природы, и о связи живых с умершими все же оставались.

С развитием капитализма после реформы 1861 г. интенсивно пошел процесс расслоения чувашского крестьянства. Крестьянское хозяйство все больше приходило в упадок. Численность бедноты непрерывно возрастала. Выделялась зажиточная верхушка. Искусственно консервировались уже изжившие себя так называемые сложные общины (охватывавшие несколько деревень) с их сильно запутанным землепользованием, что было на руку кулакам, распорядившимся всеми делами общин. Большинство крестьян не могло прокормиться за счет земледелия и было вынуждено искать дополнительные средства к существованию. Часть их стала уходить на заработки в промышленные центры Поволжья: Нижний Новгород, Казань и дальше, на заводы Урала и в шахты Донбасса. Немало их работало и на волжском транспорте. Летом чувашаи целыми семьями отправлялись «на низа́» (в Саратовскую и Самарскую губернии), где хватало рабочих рук для уборки хлебов. Многие находили дополнительный заработок в кустарных промыслах, преимущественно по обработке дерева (бондарное, кулеткацкое дело и др.).

Во второй половине XIX — начале XX в. в Чувашии появились зачатки промышленности в виде небольших фабрик и заводов, главным образом по переработке сельскохозяйственного сырья. Чуваша, работавшие на местных промышленных предприятиях, а также отходники, общаясь с русскими рабочими, знакомились с более культурными формами быта, которые они старались перенести в свои деревни. Общение с русскими рабочими, отстаивание общих интересов способствовали и развитию классового самосознания чувашского пролетариата. Чуваша-рабочие, распространяя свое влияние в деревне, усиливали протест трудовых масс крестьянства против разорявших их угнетателей. Чуваша активно участвовали в революции 1905—1907 гг. и в Великой Октябрьской социалистической революции.

В результате победы Октября чувашский народ освободился от национального и социального гнета. Коммунистическая партия, Советская власть помогли трудящимся чувашам поднять и в корне перестроить экономику, совершить культурную революцию. Важным завоеванием революции было создание национальной государственности сначала в виде Чувашской автономной области (1920 г.), а затем — Автономной Советской Социалистической Республики (1925 г.) со столицей в г. Чебоксары.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Чуваша — древние земледельцы. Живя длительное время в условиях при которых не было возможности расширять запашку, и испытывая острый земельный голод, чуваша очень дорожили землей. Это нашло отражение в их древних верованиях и обрядах. Совершались обряды «выдавания земли за муж», охраны земли во время плодоношения; в календаре чувашей был праздник *синсе*, во время которого строго запрещалось тревожить землю — не только пахать, но даже копать ямы или вбивать колья. Чтобы напоить землю во время засухи, совершался обряд вызывания дождя (*самар чйк*).

Вместе с тем чуваша применяли и вполне реальные, выработанные вековым опытом меры к тому, чтобы получить от земли возможно больше. Наблюдая за явлениями природы, они накопили многочисленные приметы для предсказания погоды, разработали богатый сельскохозяйственный календарь. Постигая на практике свойства возделываемых культур, они заботились о наиболее рациональном их выращивании. Чуваша очень давно стали удобрять поля навозом, хотя и недостаточно из-за малого наличия скота. Они издавна применяли протравливание семян перед посевом, обрабатывая их золой.

Однако низкий уровень культуры и бедность не давали труженику-чувашу возможности поднять свое хозяйство, и оно было весьма примитивным. В условиях общинного землепользования чуваша при переделах дробили землю на небольшие полоски с тем, чтобы каждый получил надел со всеми типами почв. Система земледелия у чувашей в далеком прошлом была подсечная, а затем до самой Октябрьской революции — трехпольная. Орудиями труда были в основном соха, борона, часто с дубовыми зубьями, лукошко для сева, серп для уборки, цеп для молотбы, лопата для провеивания. Эти орудия были в общем одинаковы у всех народов Поволжья и лишь в деталях иногда имели некоторые национальные особенности. В степных местах для подъема целины изредка применяли древнее орудие вспашки — тяжелый однолемешный плуг сабан, унаследованный, по-видимому, от булгар.

Сеяли чуваша, как и их соседи, в озимом клину рожь, в яровом — полбу, овес, немного пшеницы, гречиху, горох, реже чечевицу. Из

Доставка зерна, заработанного семьей колхозника. Колхоз «Гвардеец»
Батыревского района. 1956

технических культур возделывали лен и коноплю (последнюю чаще на приусадебных, хорошо удобренных участках). Выращивали также хмель, который продавали и соседним народам. В начале XIX в. на полях и огородах чувашей появился картофель. Выращивали чувашаи и капусту, репу, брюкву, лук, морковь, а также мак, семена которого использовали в пищу. За посевами тщательно ухаживали, но на плохо удобренных почвах урожаи получались небольшие.

Животноводство из-за недостатка кормовых угодий было ограниченным. Рядовой крестьянин-середняк обычно имел не более одной лошади, корову, нескольких овец и свинью. Куры имелись в каждом дворе, но гусей и уток разводили только богатые.

Издавна чувашаи занимались пчеловодством. Пчел держали на усадьбе в колодах, а у некоторых зажиточных крестьян были крупные пасеки в липовых лесах.

Охота и рыболовство давно перестали быть промыслами.

В настоящее время чувашские крестьяне объединены в крупные многоотраслевые колхозы, оснащенные мощной техникой, дающие стране значительное количество продукции.

Социалистическое сельское хозяйство Чувашии специализируется на развитии животноводства и технических культур. Чувашские колхозы имеют крупные фермы рогатого скота, свиней, овец, птицы и т. п. Наряду с зерновыми культурами (рожь, пшеница) все большую площадь занимают бобовые (горох, кормовые бобы), а также сахарная свекла, технические культуры (лен, конопля, махорка). Развито хмелеводство. По сравнению с 1913 г. площади под картофелем расширились в 21 раз, под овощами — в 53 раза, посевы кормовых культур возросли более чем в 300 раз. Передовые колхозы хорошо оплачивают труд своих членов и снабжают их продуктами своего хозяйства. Так, в ряде мест, например в кохозе «Гвардеец» Батыревского района и в других передовых районах республики, колхозники отказались держать коров, и молочными продуктами их снабжает общественное хозяйство. Колхозники в большинстве случаев не стали сажать на своих огородах картофель, а выращивают

больше других овощей. Многие колхозники в дополнение к общественным фруктовым садам и ягодникам разводят сады на своих приусадебных участках.

Некоторые колхозы Чувашии к настоящему времени создали небольшие предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья (пеньки, картофеля и т. п.), а также по добыче и изготовлению строительных материалов для своих нужд, а нередко и на продажу. Так, например, колхоз «Дружба», расположенный близ станции Урмары, наладил у себя производство крахмала, уже упоминавшийся колхоз «Гвардеец» организовал пенькообрабатывающий завод. Наличие подсобных предприятий, повышая доходность колхозов, позволяет в то же время более равномерно загрузить работой коллектив артели в течение года.

Кустарные промыслы

Чуваши в прошлом, как правило, почти все, что необходимо было в хозяйстве и быту, изготавливали сами. С развитием товарно-денежных отношений некоторые крестьяне стали заниматься изготовлением различных предметов (орудий труда, утвари и т. д.) на продажу. Нужда в приработке у малоземельного чувашского крестьянства все возрастала, и постепенно от продажи некоторых своих изделий многие перешли к производству ходких предметов на рынок. Стали развиваться кустарные промыслы. Вначале каждый кустарь сам добывал необходимое сырье и продавал на рынке свою продукцию. Но довольно скоро появились различные посредники, которые стали снабжать кустарей сырьем, на месте скупать их продукцию, а затем продавать ее. Иногда они заказывали кустарю изделия из своего сырья. Таким образом, чуваши, как и кустари других народов, оказались в кабале у посредников.

Больше всего было развито у чувашей рогожное, кулеткацкое, веревочно-канатное дело, изготовление колес, ободьев для саней, бондарный, а также столярный промысел (преимущественно изготовление паркета). Кули и рогожи крестьяне делали дома, привлекая к этому всю семью. Это был очень вредный промысел: люди работали в пыли в тех же помещениях, где жили. Для изготовления ободьев и полозьев для саней артель кустарей устраивала на окраине деревни парильню и строила вокруг нее станки для сгибания полозьев и ободьев. Колесники больше работали у себя во дворе в одиночку, так же как и бондари, имевшие при домах небольшие помещения или навес для работы. Веревки из пеньки и канаты для плотов и судов изготавливали или отдельные семьи, или для этой цели объединялось несколько хозяев.

Своеобразно было организовано плотницкое дело. Плотники строили по заказу дома и другие здания своим односельчанам или в соседних деревнях, а иногда небольшими группами уходили довольно далеко от дома, работая в качестве специалистов со своим инструментарием. Подобно им работали и бродячие портные, которые по двое—по трое ходили по деревням и шили верхнюю одежду. Многие плотники в прибрежных селах занимались изготовлением лодок и небольших суденышек. На этой базе в начале XX в. организовались небольшие предприятия в Козловке и Мариинском Посаде, строившие не только лодки, но и шхуны для каспийских промыслов. Кое-где были созданы небольшие предприятия, изготавливавшие клежки для бочек, используемых на рыбных промыслах Каспия, а также мастерские по изготовлению винных бочек, паркета и мебели.

Многие чувашские крестьяне находили заработки на заготовках и первичной обработке леса.

Значительное число чувашских бедняков уходило на отхожие промыслы без инструментов и даже без определенной специальности. Эта наиболее многочисленная к началу XX в. группа отходников попадала в особенно тяжелое положение, выполняя самые низкооплачиваемые работы.

В новом корпусе электроаппаратного завода в Чебоксарах

Женщины принимали непосредственное участие лишь в рогожно-куле-ткацком промысле, зато они почти все пряли и ткали холст и сукно для одежды. Ткали преимущественно для нужд своей семьи, но некоторое количество продукции продавали на рынках или скупщикам, нередко выменивали на необходимые промышленные товары.

В советское время, особенно после коллективизации сельского хозяйства, большинство кустарей организовались в артели (ныне преобразованные в предприятия местной промышленности), а многие пошли работать на предприятия республики и отчасти за ее пределы. Некоторые из владевших тем или иным ремеслом стали работать в колхозах. Это в первую очередь плотники. Из них организованы специальные бригады, которые по поручению правления колхозов занимаются строительством хозяйственных, общественных и жилых зданий. Отдельные бригады колхозы направляют даже в довольно отдаленные деревни, где нет своих специалистов, и в строительные организации городов и рабочих поселков. Благодаря созданию «Межколхозстроя» сельское строительство поставлено на прочную основу.

Промышленность На территории современной Чувашской АССР ко времени Октябрьской революции имелось всего около трех десятков более или менее крупных предприятий; среди них преобладали предприятия по обработке дерева (известностью пользовалась мебельная фабрика в Урмарах). Было также несколько паровых мельниц и винокуренных заводов. Обработкой металлов занимались алатырские железнодорожные мастерские. Всего рабочих насчитывалось около 6,6 тыс. человек, из них почти половина — сезонных. Больше всего рабочих было занято на железной дороге, проходящей по Чувашии от станции Тюрлема до Алатыря.

В первое десятилетие после Октябрьской революции в Чувашской АССР были восстановлены и реконструированы некоторые промышленные предприятия. Затем начался быстрый рост промышленности республики. Коммунистическая партия и Советское правительство оказывали большую помощь чувашам как отсталому в прошлом народу, с тем чтобы они

быстрее догнали более развитые народы страны. Поэтому темпы роста промышленности в Чувашской АССР, как и в других ранее отсталых в экономическом отношении республиках, были гораздо выше, чем по всей Российской Федерации. Первым крупным предприятием в Чувашии стал Канашский вагоноремонтный завод, один из крупнейших в Советском Союзе, а также Шумерлинский деревообделочный комбинат и мебельная фабрика. В дальнейшем число предприятий все увеличивалось, но особенно быстро стала развиваться промышленность республики после окончания Великой Отечественной войны. Во время войны в Чувашию были перебазированы многие предприятия из западных районов СССР, которые так и остались здесь, значительно усилив индустриальную мощь республики.

За последнее десятилетие в Чувашской АССР возникли и бурно развиваются электротехническая, приборостроительная, металлообрабатывающая, машиностроительная, химическая, текстильная и другие отрасли промышленности. Ныне на предприятиях Чувашии производятся лучшая в мире электроаппаратура, приборы и средства автоматизации, запасные части к тракторам и автомашинам, хлопчатобумажные ткани, пианино, стиральные машины, ремонтируются паровозы и вагоны и т. д. Некоторые виды промышленной продукции вывозятся более чем в 20 стран мира. Объем валовой продукции крупной промышленности вырос против дореволюционного в 114 раз. На этих предприятиях, оснащенных новейшей техникой, работают тысячи вчерашних землеробов-чувашей, получивших теперь соответствующую квалификацию. Управляют предприятиями квалифицированные специалисты, в основном чуваши. Особенно знаменательно, что среди рабочих много женщин-чувашек (преимущественно в текстильной промышленности).

Средства передвижения	Основные современные средства для перевозки грузов и пассажиров — те же, что и у соседей. Кроме того, в качестве местного транспорта служат: летом дроги с теми или иными приспособлениями, зимой дровни, также с различного типа кузовами.
-----------------------	---

У большинства чувашских крестьян распространена обычная для края так называемая русская телега, но в северных районах до последних лет изредка встречалась старинная чувашская телега — на дроги прикреплялась широкая и открытая с обоих концов осиновая или липовая колода. Применялась в прошлом также специальная сноповозка, представлявшая собой покрытые лубом дроги. Для поездок без груза иногда на дроги ставили плетенный из тальника кузов.

Своеобразным экипажем была свадебная кибитка, в которой перевозили в дом жениха невесту и ее подруг. Это большой закрытый кузов, украшенный снаружи и внутри пластинами луба с набитыми на них медными гвоздиками. Такой кузов можно было легко ставить летом на дроги, зимой на дровни, он был очень вместителен.

Зимой основным экипажем служили такие же, как и у русских, сандрозвальни с боковыми крыльями, поставленные на дровни. Для поездки в гости или на дальнее расстояние зимой использовали возки, обшитые рогожей, иногда закрытые сверху. Как в летние повозки, так и в сани, обычно запрягают одну лошадь с дугой, как и у русских.

Гужевой транспорт в настоящее время сохраняется для внутриколхозных перевозок. Для отправки на дальние расстояния широко используется автомобильный транспорт. В Чувашии хорошая дорожная сеть. Она имеет прекрасные асфальтированные тракты, много дорог с жестким покрытием. По ним, кроме множества грузовых автомобилей, курсируют большие пассажирские автобусы.

Через Чувашию проходят транзитные железные дороги, построенные в конце прошлого столетия: Казань — Москва и Казань — Рузаевка,

а также построенные в советское время местные железнодорожные ветки: Канаш — Чебоксары и Урмары — Козловка.

Большое значение, как и прежде, имеет водный транспорт по Волге, Суре, а в половодье и по р. Цивиль. У многих жителей приречных деревень имеются лодки, долбленые, с нашитыми на борта досками или полностью сделанные из досок. По рекам курсируют моторные лодки, современные трехпалубные теплоходы и суда на подводных крыльях, грузовые баржи.

Обслуживают Чувашскую АССР и самолеты, как транзитные, соединяющие Чебоксары с Москвой, Казанью, Горьким, так и местные, курсирующие между районными центрами и крупными населенными пунктами.

Поселения
и жилище

Большинство чувашей и теперь живет в деревнях (мл). В северных районах Чувашской АССР, более древних по заселению, поселки обычно расположены гнездами, включающими нередко до десятка деревень. В южной части республики, заселенной позднее, размещение деревень более равномерное. Наименования большинства северных деревень имеют приставку *касй*, что означает конец, или выселок. В южных районах названий с такой приставкой не встречается, но многие деревни представляют собой выселки из старинных северных селений. Здесь они носят названия старых деревень с добавлением — Новое, Полевое и т. п. Южные селения обычно крупнее северных (иногда до 500—800 дворов; в северных — 80—100 дворов).

Для старой чувашской деревни северных районов характерно деление на концы. Часто это обуславливалось тем, что рельеф сильно изрезан оврагами, и концами назывались части деревни, расположенные на отдельных межовражных пространствах. Нередко концы выделялись и при ровном рельефе. Вероятно, эти концы представляли собой группы усадеб родственников. Для северных деревень характерны также искривленные улицы, как бы проложенные между отдельными, в беспорядке разбросанными гнездами усадеб. В наше время в связи с развернувшимся массовым жилищным строительством в подобных поселках прокладываются новые прямые улицы и производится перепланировка старых. В южных районах и раньше преобладала уличная планировка, без концов, чаще вдоль реки.

Усадьбы чувашей в большинстве случаев имеют форму вытянутого прямоугольника и отделены одна от другой проулком, обычно засаженным деревьями или кустарниками. Как правило, усадьбы делятся на две части: переднюю — собственно двор, на котором стоит жилой дом и расположено большинство надворных построек, и заднюю, где разбит огород, здесь же находится и баня. В прошлом в задней части усадьбы было гумно с мякинником, а нередко и амбар для хранения зерна. В новых усадьбах часто такого четкого деления усадьбы на две части не наблюдается, так как хозяйственных построек стало меньше (во многих из них отпала надобность), и они не отделяют переднего двора от задней части усадьбы.

Раньше при постановке жилого дома обязательно соблюдалась ориентировка на солнечную сторону. Его часто ставили внутри усадьбы со входом, обращенным на восток, и окном на юг вне зависимости от ориентировки усадьбы по отношению к улице. Теперь новые дома ставят, как правило, фасадом на улицу, окна в них прорубают в соответствии с внутренней планировкой.

Основным типом дома (*пурт*) как раньше, так и теперь является бревенчатый четырехстеноч, рубленный в чашку. В последнее время все больше стал распространяться пятистеноч, более отвечающий запросам колхозников. Сруб обычно ставят на дубовых стульях; пространство между стульями забирают короткими бревнами или плахами, которые подкладывают под нижний венец сруба поперек стены. В каждом доме

имеется подполье глубиной около 1,5 м. Высота сруба от пола до матицы (*мачча*) варьирует от 2 до 2,3 м, а в новых больших домах достигает даже 3 м. У четырехстенка чаще всего делают три окна в фасадной и два в боковой стене; у пятистенка окон больше, и они располагаются обычно с трех сторон дома.

В последние годы начали строить дома не только бревенчатые на кирпичном или каменном фундаменте, но и полностью кирпичные. В районе железнодорожных станций, где скопляется много шлака, нередко стали возводить и шлакобетонные дома.

Крыши у большинства домов двухскатные на стропилах. В южных районах чаще встречаются четырехскатные крыши, и только очень старые дома имеют крыши на самцах. Прежде большинство домов крыли соломой внатруску, укрепляемой поперечными слегами. Только немногие дома, у более зажиточных, покрывались дранкой или тесом. В наше время все крыши новых домов кроют тесом, железом или шифером. Фронтон двускатной крыши обычно зашивают тесом и нередко украшают фасонными дощечками.

После реформы 1861 г. чуваши стали применять украшение домов снаружи, чего раньше не делали. Наличники домов (особенно богатых крестьян) украшали долотной резьбой, а фриз — барельефной судовой резьбой. Фронтоны и наличники окрашивали иногда полихромно. Углы срубов зашивали продольными досками с резными планками под филенку.

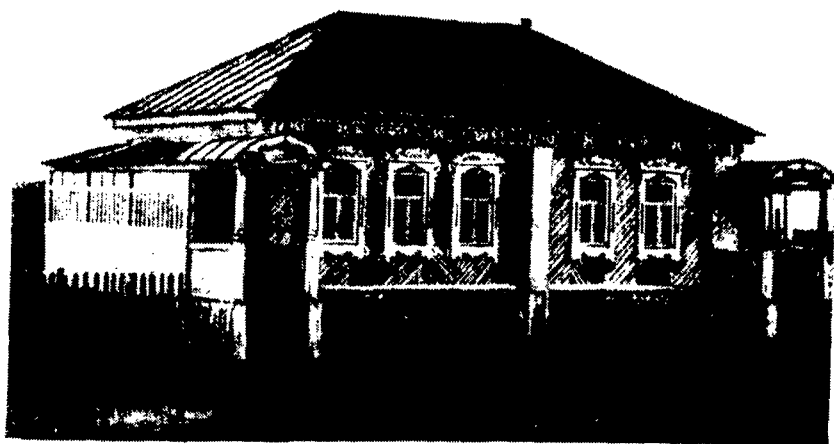
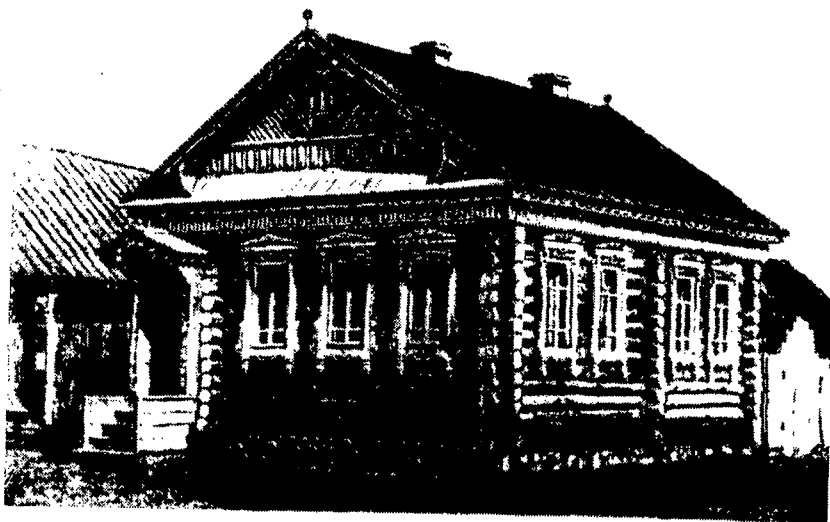
В настоящее время украшение жилищ у чувашей получило значительное развитие. Если раньше дома украшали только зажиточные крестьяне, теперь у всех колхозников появилась эта возможность. Во внешнем оформлении жилых домов широко применяется пропиловочная резьба. Сохраняется и полихромная раскраска.

В XVIII — начале XIX в. чуваши не строили сеней. Дверь дома выходила наружу: в ее верхней части прорубали окно, чтобы лучи восходящего солнца сразу же могли проникать в избу. В середине XIX в. позади дома появилась клеть, а между ней и жилой частью дома — сени, перед которыми в дальнейшем стали делать крылечко с лестницей. Вход в клеть был не из сеней, как у русских крестьян, а отдельный. В результате чувашский дом получил трехраздельную структуру: изба — сени — клеть.

Отопливались старинные чувашские дома глинобитной печью с топкой по-черному (*кмака*); над открытым шестком подвешивался котел. В начале XX в. топка по-черному стала быстро исчезать, и теперь все сельские дома отапливаются русской печью, сбоку шестка которой сохраняется очаг с подвешенным котлом. У части населения южных районов Чувашии распространен очаг, пристроенный к печи сбоку, с вмазанным в него котлом, как у татар. В новых домах боковую сторону печи отделяют под голландку, без лежанки.

В старинных домах печь обычно клали в углу, близко к задней и глухой стенам дома, обращая топкой к передней стене. Вся передняя часть избы была занята широкими нарами, как в татарском жилище. Вдоль стен ставили подвижные скамьи, иногда — стол у боковой стены, в которой прорубали окно. Позднее чувашская изба приняла планировку и обстановку русской крестьянской избы. Появилась перегородка, отделявшая кухню: она шла по линии боковой стороны печи к передней стене. Нары исчезли или остались только в кухне. Вдоль передней и боковых стен пристраивались широкие неподвижные лавки, а у задней, рядом с входом, — помост типа русского коника. С введением топки побелому появились полатаи (чаще в южных районах); постепенно стал выделяться передний угол избы с божницей и столом.

После коллективизации, когда материальное положение крестьян резко улучшилось, чуваши начали строить дома нового типа и перестра-

Современные сельские жилища чувашей:

1 — с. Батырево; 2 — с. Яльчики

ивать старые. Особенно широко развернулось жилищное строительство в послевоенный период. Строят, как и прежде, четырех- и пятистенки, но планируют их иначе. Новые четырехстенки часто делают несколько длиннее прежних. Печь кладут отступя от задней стены более чем на 1 м и обращают топкой к боковой стене с окном. Между печью и задней стеной образуется небольшая комната, иногда в нее прорубается окно в глухой стене. По линии боковой стороны печи ставят перегородку с дверью, отделяя чистую переднюю половину дома. Последнюю иногда также делят перегородкой, таким образом получают большую комнату и спальня.

Для отопления здесь ставят дополнительно небольшую кирпичную печь, имеющую общий дымоход с основной печью. Многосемейные колхозники, а также сельская интеллигенция строят себе чаще всего пятистенки, в которых обе жилые половины, как правило, соединены дверью.

Интерьер дома колхозника. Колхоз «Гвардеец»
Батыревского района. 1956 г.

Одна половина, в которую ведет вход из сеней, обычно используется как кухня и столовая; вторая половина, отапливаемая по большей части голландской печью, делится на две или три комнаты. Полы в новых домах обязательно красят, во многих домах окрашивают и стены.

В новых домах у чувашей уже современная обстановка. У многих колхозников книжные и платяные шкафы, радиоприемники, большое количество комнатных растений, тюлевые занавеси на окнах, вышитые коврики на стенах. Интерьер дома постепенно приобретает вид городской квартиры. Передний угол оформляется хорошей картиной или семейными фотопортретами. В кухне, хотя и остается обязательным подвесной котел, но на шестке часто устраивают плиту и пищу готовят в кастрюлях, которых раньше у чувашей не было.

Кроме жилого дома и клетки, которая почти всегда была объединена с домом под одной крышей, на усадьбе у чувашей располагались бревенчатые по-

стройки для скота, навесы, амбар для хранения зерна, иногда баня, а также *лас* — характерная для чувашей постройка, служившая легкой кухней и местом для приготовления пива.

Клеть строили из толстых бревен, на стульях, как жилые дома, с хорошим полом и потолком, но без окон. Крыша выступала над срубом, образуя навес. Перед входом в клеть имелось широкое крыльцо высотой до 0,5 м, иногда с двумя ступеньками.

Амбары часто делали близкими по типу к клетям, но делили их бревенчатой перегородкой на два помещения с отдельными входами. В одном из них в сусеках и кадках хранили запасы зерна, в другом — хозяйственную утварь, сбрую и т. п.

Лась — небольшое строение из тонких бревен или горбылей, без толка и окон. Крыша двускатная, из дранок или теса, причем зачастую один скат делали выше другого, чтобы получались щели для выхода дыма. Пол земляной. Внутри — открытый очаг с подвесным котлом. Вдоль стен — низкие земляные нары, обшитые с лицевой стороны досками или брусками. На нарах и полках хранилась различная хозяйственная утварь. У некоторых семей в одном из углов стоял низкий дощатый стол, за которым летом ели, сидя на нарах. Это строение, по-видимому, представляло собой пережиток древнего жилища чувашей, подобно «кудо» у мари и «куала» у удмуртов.

Как уже отмечалось, в новых усадьбах количество надворных построек резко уменьшилось, исчезает даже клеть, заменяясь чуланом в сенях дома.

В каждой деревне имеются школа, изба-читальня, медпункт, а во многих деревнях — сельский клуб или дом культуры, больница, один или несколько магазинов, в некоторых — общественные бани. Хозяйственные постройки колхоза большей частью расположены на окраине; это помещения для скота, хранилища для хлеба, силосные башни, зерносушилки и пр. Во многих деревнях построены водокачки, подающие воду из колодцев и других водоемов, установлены водоразборные колонки, в больших селениях имеются водонапорные башни. Все это значительно изменило облик поселений.

В ряде селений работают хлебопекарни, столовые, пошивочные мастерские, организован ремонт обуви, открыты парикмахерские, фотографии и другие предприятия бытового обслуживания населения. В крупных поселках стали делать тротуары, около общественных зданий устраиваются цветники. Чувашские деревни отличаются обилием зелени.

В последние годы во многих совхозах и укрупненных колхозах началась перестройка поселков по генеральному плану. Новое строительство связано с перепланировкой старых поселений или их расширением. В районных центрах, где много населения, не связанного непосредственно с сельским хозяйством (служащие, рабочие), строят многоквартирные дома городского типа, чаще двухэтажные.

По переписи 1959 г., 26% населения Чувашской АССР (267 749 человек) живет в городах и поселках городского типа. Городов в настоящее время семь, из них Чебоксары, Алатырь, Цивильск и Ядрин были основаны еще в XVI в., а Канаш и Шумерля превратились в города уже в советское время в связи с развитием промышленности. Теперь в Чувашии шесть поселков городского типа: Козловка, Киря, Вурнары, Ибреси, Буинск, Урмары.

За советское время особенно вырос г. Чебоксары — столица республики. До Октябрьской революции в нем было всего около 5 тыс. жителей, а по переписи 1959 г., в Чебоксарах числится более 104 тыс. человек. Теперь Чебоксары — современный город с многоэтажными домами и различными коммунальными предприятиями. Недалеко от Чебоксар строится город-спутник. Большое строительство ведется также в Канаше, Шумерле и Алатыре, хотя в них еще много зданий сельского типа. Остальные города и рабочие поселки состоят в основном из небольших одно- и двухэтажных домов и внешне напоминают крупные селения. Среди

В магазине самообслуживания. Колхоз «Гвардеец» Батыревского района. 1963 г.

жителей новых городов много чувашей, преимущественно недавних крестьян, ставших теперь рабочими.

Пища В пище чувашей, как и у всех древних земледельцев, преобладали растительные продукты: мука, крупы, овощи, масла из семян масличных культур. Меньшее значение имели молоко и молочные продукты: масло, пахтанье, творог, сыр и др. Сравнительно мало потреблялось, даже средним крестьянством, мяса. Большинство чувашских крестьян было вынуждено продавать более ценные продукты (мясо, масло, яйца), чтобы свести концы с концами в своем хозяйстве.

Хлеб пекли почти всегда кислый, из ржаной муки и только для праздничных печений употребляли пшеничную муку, большей частью покупную, которая была доступна лишь более зажиточным семьям. Оладьи и блины пекли из полбенной, гречневой, реже ячменной, овсяной или гороховой муки. Помол зерна и его обдирку производили на водяных и ветряных мельницах и крупорушках, но небольшие количества зерна почти до последних десятилетий мололи на деревянных ручных мельницах, а обдирали в деревянных ступах.

В большом количестве употребляли овощи — капусту, лук, репу, редьку, морковь, хрен, а также дикорастущие травы: щавель, борщовник, крапиву и др., которые вместе с овощами служили приправой к кушаньям, начинкой для пирогов и т. д. С середины XIX в. большое место в питании чувашей занял картофель.

Мясо чувашский крестьянин-средняк имел возможность употреблять лишь по большим праздникам, преимущественно осенью, когда кололи скот. Только богатый чуваш мог есть мясо — говядину и баранину, если не постоянно, то часто. Свинину стали больше употреблять в пищу только в последнее столетие. В прошлом, особенно низовые чуваша, охотно ели конину, но чаще она служила обрядовой пищей во время молений. Мясо домашних птиц ели редко. Только осенью резали петухов, курица же представляла слишком большую ценность. Гусей и уток, как отмечалось, разводили только зажиточные крестьяне.

Рыбы ели мало, и то преимущественно в приволжских и присурских поселках. Чуваша, жившие в отдаленных от рек местах, покупали рыбу только в тех случаях, когда приходилось им приезжать в город.

Из яиц готовили ряд блюд, но только для почетных родственников или гостей. Яйца употреблялись в пищу очень редко. Их продавали, чтобы купить различные необходимые предметы у разъездных торговцев.

Широко использовались в питании крестьян молоко и молочные продукты. Молоко в свежем виде давали только детям, взрослые же его почти не пили. Масло продавали. Обрат, или пахтанье (*уйран*), употребляли как приправу к жидким кушаньям или запивали им кашу. Из снятого молока делали творог и своеобразный сыр *чакът*. Для приготовления кислого молока (*турях*) заквашивали снятое, реже цельное молоко. Прибавляя в турах воду, получали освежающий напиток *турях уйранё*.

Кроме животного масла, чуваша приготавливали в большом количестве растительное масло из семян льна, конопля, мака. В качестве приправы к каше употребляли маковое «молоко».

Основным первым блюдом был обычно суп (*яшка*, или *шёрне*) с картофелем и другими приправами из муки, овощей, трав и пр. Иногда его варили без мяса, прибавляя лишь животным или растительным маслом или пахтаньем (*уйраном*). Верховые чуваша нарезали вареное мясо мелкими кусочками и клали в суп; низовые чуваша вынимали мясо из супа и подавали как второе блюдо с вареным картофелем.

Постоянным блюдом были каши — полбенная, гречневая, пшенная, чечевичная. Часто ели и горох. Густые каши ели как второе блюдо, при-

Колхозная столовая в с. Батырево

правляя животным либо растительным маслом или запивая их уйраном, реже молоком. На второе часто подавали картофель, сваренный в кожуре, или очищенный, мятый, который ели с маслом или молоком. Передко, особенно в поле, заваривали толокно, которое также сдабривали маслом или уйраном. Из овсяной и гороховой муки варили кисели, кислые и пресные.

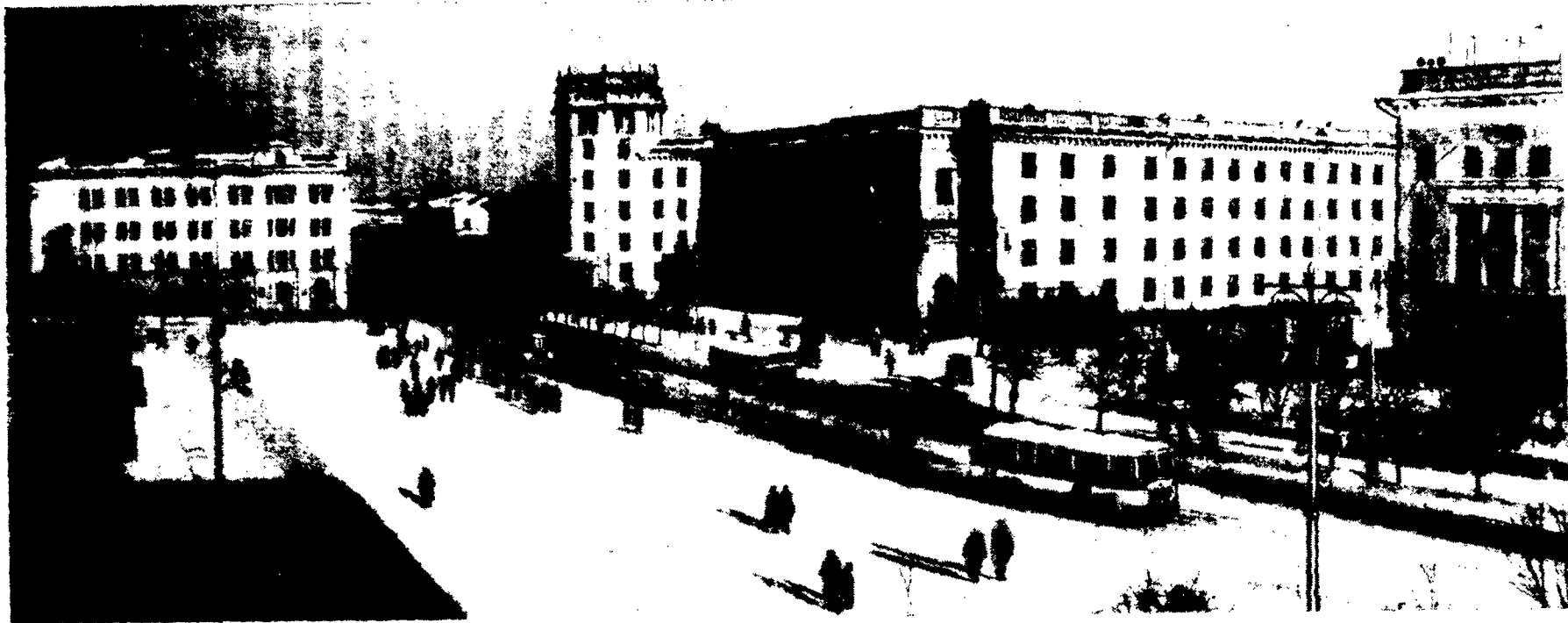
К семейным и общественным праздникам приготавливали *хуран кукли* — сваренные в котле пирожки с начинкой из творога с яйцом, мятого картофеля с маслом или сметаной, иногда из мяса с луком. К столу подавали чашку растопленного масла, куда обмакивали хуран кукли. К праздничному столу подавали несколько видов яичницы. Особенно лакомым блюдом считались сваренные вкрутую яйца, разрезанные пополам и поджаренные на сковороде с маслом.

Лакомым кушаньем считался и *тултармайи* — кишки, начиненные жирным мясом с ячменной, полбенной или пшенной кашей, которые варили в котле, а затем слегка поджаривали. Свежую кровь животных вместе с мелкими кусочками сала запекали в жаровне и подавали в горячем виде.

Оригинальным кушаньем была чувашская колбаса *шарттан*: очищенный желудок животного, чаще бараний, начиняли мелкими кусочками мяса и сала, затем зашивали и ставили на сковороде в печь на 3—4 часа. Остудив, его нарезают тонкими ломтиками и подавали гостям как лакомое блюдо. Иногда шарттан приготавливали с целью консервирования мяса, для этого его сильнее солили, затем подвешивали. В таком виде он мог храниться долго. Летом из него варили суп.

Из теста, преимущественно кислого, в праздничные дни, а также для вечеринок пекли лепешки, пышки; мелкие шарики из сдобного теста (*ййва*) или маленькие лепешки (*юсман*) в прошлом служили ритуальным блюдом при молениях.

Пекли также пирожки с различной начинкой и *пўремеч* — типа вагтрушек с творогом или картофелем. Иногда пекли такие же, как у русских, закрытые пироги. Особенно характерным для чувашей был *хуплу*,

Город Чебоксары. Советская площадь

или *пелёш*: пресную лепешку клали в глубокую сковороду так, чтобы она закрывала всю внутреннюю поверхность сковороды; на нее накладывали толстый слой мелко изрубленного сырого или слегка сваренного мяса, а поверх него — тонко нарезанные ломтики свиного сала, и все это закрывали другой лепешкой. Хуплу запекали в печи и на сковороде подавали на стол. Старший разрезал верхнюю корку по числу едоков и раздавал каждому по куску. Затем все ложками ели начинку вприкуску с верхней коркой. Потом съедали пропитавшуюся салом нижнюю корку, которую тоже предварительно разрезали на куски по числу едоков. Иногда хуплу начиняли кашей с изюмом, обильно сдобренной маслом.

В чувашской кухне было немало вкусных и питательных блюд, но их готовили только по праздникам и для гостей. Семьи же, даже середняков, питались весьма скудно, в основном хлебом, яшкой с уйраном, кашами и киселями.

Немало продуктов чуваша расходовали не для потребления семьи, а на жертвоприношения. Во время общественных молений в каждом населенном пункте резали значительное количество скота, птицы. Много зерна расходовалось на приготовление обрядового пива. На семейные моления и жертвоприношения расходовали яйца, чакат, кашу и другие продукты.

Из напитков наиболее распространенным было пиво (*сăра*), которое готовили почти в каждом дворе, за исключением бедняцких хозяйств. В небольшом количестве пили русский квас.

В советское время в связи с резким подъемом материального и культурного уровня чувашей изменилось и их питание. Продукты в основном остались прежними, но наиболее ценные из них (мясо, масло) стали употребляться в больших количествах и всеми чувашами. В рацион вошли фрукты, сахар и кондитерские изделия, которые раньше, и то в минимальных количествах, употребляли только богатые. Наряду со многими сохранившимися от старой кухни кушаньями стали обычными гуляш, тушеное мясо с картофелем, жареный картофель с маслом или мясом и другие блюда, перешедшие преимущественно из русской кухни, частично через общественное питание. Изменилась сервировка стола: исчезла деревянная посуда, стали подавать каждому отдельные тарелки и столовые приборы. Питание чувашей становится все калорийнее, разнообразнее, улучшаются способы приготовления блюд и сервировка.

Одежда, особенно женская, весьма устойчивый элемент быта, отражающий многие явления этнической истории народа и его культурные связи. У чувашей женская одежда была близка к одежде соседей, но все же имела некоторые особенности.

Материалом для одежды у чувашей издавна были холст и сукно, изготовлявшиеся в каждом хозяйстве. Чувашки из льна, а чаще из конопли ткали несколько сортов холста: от очень тонкого для головных уборов *сурпан* и кафтанов до грубого, употреблявшегося на портянки и онучи.

В XIX в., кроме холста, стали готовить ткань из хлопчатобумажной пряжи, близкую к фабричной бязи. Легкие ткани фабричного производства (ситец, сатин и др.) чуваша начали приобретать лишь в конце XIX в., а в советское время фабричные ткани почти полностью вытеснили домотканые.

Верхнюю одежду шили из сукна, в большинстве также домотканого, коричневого или черного цвета. Реже для одежды ткали более тонкие сукна: белые, желтые, синие и зеленые.

Мужчины в старину непосредственно на тело надевали холщовую рубаху (*кёне*) и такие же штаны (*йём*). Этот же наряд служил рабочей одеждой в теплое время года. Рубахи были туникообразного покроя,

без воротника, с боковыми клиньями и разрезом на груди посредине или сбоку. Носили рубаху навыпуск, обхватывая ее узким плетеным поясом. Шили ее обычно из крашенины или пестряди, а для стариков из белого холста. Штаны были из такого же материала, довольно узкие, на гашнике, длиной до щиколотки. Во время молений и других религиозных обрядов надевали чистую одежду белого цвета. Зимой поверх йем надевали того же покроя *сытма* из более толстой крашенины или сукна; летом в прохладную погоду сверх рубахи носили холщовый *шупар*, или *пустав* из тонкого сукна; оба они имели вид короткой поддевки с борами сзади. Пожилые и старики постоянно ходили в шупарах, у зажиточных они были вышиты спереди и сзади.

Осенью (а бедняки и зимой) носили кафтаны из более тяжелого сукна *сайман* в виде поддевки со стеганой подкладкой до талии. Основной зимней одеждой была шуба (*кёрёк*) из овчин желтого, а у богатых черного дубления, сшитая в талию с борами или складками. Осенью в дождливую погоду поверх сахмана надевали *асам* (азям) из толстого, плотно сотканного и валяного сукна, а зимой в дорогу — дубленный или крытый тканью тулуп. Азиям и тулуп в отличие от других видов верхней одежды имели большие воротники шалью.

Со второй половины XIX в., когда широко развернулось отходничество, молодые и средних лет мужчины стали вместо шупаров носить городского покроя пиджаки. Только верхняя одежда долго еще оставалась прежней. Теперь мужчины, кроме стариков, носят нательное белье, городского покроя костюм и пальто, а зимой для работы — русский дубленный полушубок.

Более сложна женская одежда, особенно нательная. Женская рубаха чувашек по покрою не отличается от мужской, но имеет некоторые особенности у разных групп чувашей. У верховых чувашек холщовая рубаха очень слабо расклешена и потому узкая в нижней части; ее шьют длиной до щиколоток, но при носке туго подпоясывают, а затем подтягивают вверх до колен, образуя напуск (пазуху). У низовых чувашек рубахи длиной до середины голени и значительно расширенные в подоле; их носят без пояса и без напуска. И того, и другого вида рубахи без воротника, разрез у них посередине груди, все они обильно украшены вышивкой.

Во второй половине XIX в. низовые чувашки стали носить рубахи из пестряди с крупными полосами или клетками. Одновременно изменился и их покрой: туникообразную, сильно расклешенную рубаху стали шить длиной только до середины бедер, а ниже к ней пришивали широкую и пышную оборку, часто другого цвета и рисунка, спускающуюся до середины голени. Подобные рубахи, близкие по покрою к татарским, сохраняются до сего времени в комплексе национальной одежды. Старинные холщовые рубахи, часто украшенные полосками кумача вместо вышивки, наряду с пестрядиными продолжают бытовать у промежуточной группы чувашей — анат-енчи.

В наше время и верховые чувашки шьют рубахи из фабричных тканей, но в отличие от низовых чувашек, любительниц ярких и пестрых расцветок, они носят рубахи светлых оттенков, чаще светло-голубого или светло-лилового цвета.

Обязательная принадлежность женской одежды — штаны; у верховых чувашек они близки по покрою к мужским, у низовых — ближе к татарским, с широким шагом. Их шьют не на вздержке, а с завязками на боках.

Непременной частью одежды является фартук. У верховых чувашек, носящих большое количество нагрудных украшений, фартуки чаще шьют без нагрудника, у низовых — обязательно с нагрудником. Фартуки обычно богато украшают вышивкой и кружевами.

Верхняя одежда обеих групп чувашек одинакова и мало отличается от мужской.

Наиболее древней и широко распространенной обувью чувашей обоего пола были лапти, которые носили с портянками, онучами и длинными оборами. Мужские и женские лапти низовых чувашей различались только размерами, тогда как у верховых чувашей женские лапти отличались от мужских по форме. Их плели из большого числа полосок лык с небольшой головкой, как в лаптях мариек. Верховые чувашки обертывали ногу черными портянками и черными же суконными онучами до самых колен, а затем обматывали длинными оборами. Шерстяные онучи и портянки они носили круглый год, тогда как мужчины надевали их только зимой, причем белые, а не черные. При обертывании ног онучами чувашки старались превратить голень в ровный столбик от колена до ступни — это считалось красивым. Женщины ходили так весь день, несмотря на летнюю жару, а некоторые не разувались и на ночь. Многие низовые чувашки носили шерстяные вязаные чулки с черной резинкой вверху паголенка, чтобы чулок не спускался. У юго-восточных так называемых степных чувашей (хирти), живущих близко к татарам, широкое распространение имели чулки, спитые из толстого белого сукна, а летом — из холста.

Лапти служили не только рабочей, но и постоянной обувью. Лишь богатые да побывавшие на отхожих промыслах носили русские сапоги на твердой подошве. Богатые чувашки покупали у русских сапожников специальные женские сапожки с «гармошкой» на голенище. В конце XIX — начале XX в. в качестве праздничной обуви стали носить мелкие и глубокие резиновые галоши, надевая их прямо на чулок.

Зимой кто побогаче носил валенки, а основная часть чувашей ходила в тех же лаптях, только вкладывая в них для тепла пучок сушеной осоки или сена.

В первые годы Советской власти лапти наравне со старинной одеждой еще держались у основной массы чувашей. Теперь мужчины в качестве рабочей обуви носят русские сапоги или тяжелые башмаки, а по праздникам легкие ботинки и полуботинки. Женщины ходят в туфлях фабричного производства.

Девушки, придерживающиеся в той или иной мере традиционной одежды, в качестве выходной обуви носят щегольские шевровые или сафьяновые сапожки на высоком каблуке.

Головные уборы чувашей, особенно женские, в прошлом были весьма разнообразны, но с конца XIX в. они постепенно упрощались,

Чувашка (вирьялка) в национальной одежде.
Дер. Яманаки Цивильского района

приближаясь к головным уборам русского населения края. С непокрытой головой в прошлом чувашки никогда не ходили.

Наиболее распространенным типом зимнего мужского головного убора еще в недавние годы считалась барашковая шапка с суконным верхом; теперь ее часто заменяет шапка-ушанка. Изредка встречается еще старинная мерлушковая шапка конусообразной формы с выпуклыми стенками. Летним головным убором мужчин издавна служила черная войлочная шляпа: у верховых чувашей — в виде цилиндра с узкими полями, напоминающая русский гречневик, а у низовых — полусферическая с широкими, загнутыми вверх полями, близкая к распространенной у соседних татар-мишарей. В конце XIX в. молодые и средних лет чувашки стали носить русский картуз с лакированным козырьком; в настоящее время бытуют городская кепка и фетровая шляпа, последняя главным образом у интеллигенции.

Наиболее распространенный женский головной убор — легкий платок, сложенный на угол и завязанный под подбородком, а летом — на затылке. В холодную погоду женщины носят шаль, которую также складывают на угол и один конец ее обматывают вокруг шеи.

Очень своеобразны старинные головные уборы замужних женщин — сурпан и *хушпу*. У низовых чувашек сурпан это длинное, до 2,5 м холщовое полотенце, им обертывали голову и лицо, а концы, украшенные браным тканьем, вышивкой, кружевами, спускали на спину в виде широкой орнаментированной полосы. Сурпан закреплялся на голове коротким; не более 1 м, полотенцем с орнаментированными концами (*пустутри*, букв. — головной платок), которым туго обвязывали голову, а концы спускали на шею. Иногда вместо пусь-тутри употребляли обычный головной платок, сложенный в несколько раз, или специальную треугольную косынку (*чалма*), или хушпу.

У верховых чувашек сурпан короче, чуть длиннее 1 м, и уже, с искусной орнаментацией концов и очень мелкой вышивкой вдоль боковых сторон. Им обертывали шею, а на темя клали вышитую полоску ткани (*масмак*), которая возле ушей прикреплялась к сурпану, поддерживая его.

Хушпу имеет форму перевернутого книзу усеченного конуса с открытым верхом. Основа его жесткая, из кожи или туго простеганного холста, сплошь покрыта бисером, монетами и т. п. Сбоку прикреплены также покрытые монетами кожаные наушники, застегивающиеся под подбородком, а сзади — унизанный монетами и бисером «хвост» шириной в ладонь и длиной до поясницы.

Девичий головной убор *тухья* представляет собой шапочку, напоминающую шлем из ткани или кожи, сплошь зашпиганную бисером и монетами, с твердой, часто металлической шишечкой наверху (у низовых чувашей) или без нее. Иногда тухью целиком делали из бисера, нанизывая его на тонкий проволочный остов. Сбоку имеются также наушники из кожи, унизанные монетами, а сзади хвост, как и у хушпу. В качестве девичьего головного убора употреблялся также белый вязанный хлопчатобумажный колпак, надевавшийся иногда поверх тухьи.

Зимой девушки на платок надевают иногда шапку в виде папахи из серой мерлушки, а женщины — мужскую шапку.

Чувашки-горожане, кроме глубоких стариков и старух, как правило, традиционного костюма теперь не носят, а ходят в одежде, приобретаемой преимущественно в магазинах. В Чебоксарах только кое-где, особенно в районе рынка, можно встретить чувашей в традиционных костюмах. Это приезжие из деревень, да и то в связи со все большим проникновением городской одежды в деревню, их становится с каждым годом все меньше. В праздники женщины и девушки любят надевать традиционную одежду.

Женский костюм еще и теперь нередко дополняется большим количеством украшений, носимых на ушах, шее, груди, спине, а также на поясе. Очень своеобразны старинные народные украшения: девичьи *шылкеме* и женские — *сурпан-сакки*. Это — полоски кожи размером 20—25 на 14—16 см, покрытые мелкими старинными монетами, а по краям — бисером и раковинами каури. Женщины иногда соединяли оба эти украшения, закрывая ими всю грудь до пояса. Оригинальным украшением у верховых чувашек считалось *пус-хысё*, имевшее форму полукруга или полуовала, покрытое монетами, бисером и стеклярусом и закрывавшее верхнюю часть спины от плеча до плеча. Для низовых чувашек характерна была перевязь *теветь* — полоса ткани, сплошь покрытая крупными монетами; ее надевали через левое плечо под правую руку.

У верховых чувашек обязательной принадлежностью праздничного наряда были плетеные с крупными кистями пояса; к ним прикреплялись *сарà* — полоски кумача размером 5—10 на 12—20 см, покрытые вышивкой и аппликацией, позументом, пуговицами, бляшками и т. п., с длинными кистями или бахромой.

Кроме сара, верховые чувашки прикрепляли к поясу *яркйч* — подвеску из бус с кистями на конце. Низовые чувашки прикрепляли сара к поясам, завязывая их на талии сбоку, иногда сзади и спуская вниз. Они надевали сзади еще одно украшение — *хйре* (хвост), состоящее из длинных пучков черных крученых нитей, вставленных верхним концом в медные трубочки длиной до 10 см; трубочки соединялись вверху поясом, посредством которого хуре держалось на талии. В наше время большинство этих украшений, как и старинные головные уборы, можно изредка встретить на свадьбах или на спектаклях художественной самодеятельности. Только кольца, бусы и ожерелья из монет еще продолжают носить.

Одежда чувашей свидетельствует о древнем и тесном общении их с соседними народами. Так, одежда верховых чувашек близка к одежде горных марiek. У низовых чувашей много общего с другими тюркоязычными народностями. Например, расклиненная рубаха анатри, а также сурпан, тухья, хушпу определено тюркского происхождения. Возможно, это наследие предков чувашей — болгар, но не исключено и влияние соседей-татар. Так, замена старинной белой рубахи анатри пестрядиной с оборками раньше произошла у татар, а затем, уже во второй половине XIX в., у чувашей. Велико было и воздействие русского народа, которое стало особенно значительным в XX в.

СЕМЕЙНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

В общественном быту чувашей длительное время сохранялись пережитки первобытнообщинных отношений. Они проявлялись в феодальный период в частности в том, что в деревенской общине родственные семьи нередко поселялись рядом, о чем говорит наличие так называемых концов (касы) во многих северных чувашских деревнях, а также их своеобразная запутанная планировка, в которой чувствуется наличие прежних семейных гнезд.

Общины владели определенными участками земли и по мере их разрастания из центрального поселка выделялись выселки, размещавшиеся на территории общинных земель. В результате получались гнезда поселений, имевших общие земельные угодья; позднее они превратились в так называемые сложные общины, состоявшие из ряда поселений с общим земельным наделом. Многие такие общины дожили до Октябрьской революции.

До вхождения в состав Русского государства чувашские ясачные общины подчинялись казанским феодалам, а позднее — русской админи-

страции. После вхождения в состав Русского государства в чувашских общинах руководство перешло к обеспеченной верхушке (*куштан*), которая поддерживалась царской администрацией и верно ей служила.

В начале XVIII в. ясачные были превращены в государственных, а частично (в южных районах) в удельных крестьян. С этого времени общины управлялись формально выборной, а фактически назначаемой сверху администрацией, старостами и писарями.

В основном общественные отношения в чувашских деревнях в начале XX в. почти не отличались от сложившихся в крестьянской среде русского и других народов края. Только сложные семейно-родственные отношения сохранили пережитки более древних общественных норм.

В территориальных, или соседских, общинах продолжали устойчиво сохраняться родственные связи. Жители одного конца деревни и даже обитатели отдельных выселков из одного гнезда сохраняли между собой более тесные отношения, чем с представителями других гнезд и концов. Распад больших семей у чувашей был весьма длительным процессом и закончился только в конце XIX в.

В прошлом при наличии подсечно-огневой системы земледелия существование больших семей до известной степени стимулировалось самой техникой ведения хозяйства, требовавшей большого количества рабочих рук при общем руководстве. Малая семья вести такого хозяйства не могла. Только тогда, когда чуваша в основном провели расчистку прежних дремучих лесов под пахотные угодья и получили возможность (после вхождения в состав Русского государства) частично переселиться на новые лесостепные земли с большими открытыми пространствами, интересы отдельной брачной пары возобладали, и большие семьи стали распадаться на малые, с собственным хозяйством.

У чувашей нередко организовывались помочи (*пулайш*) при постройке домов, а иногда и при проведении некоторых сельскохозяйственных работ; на эти помочи прежде всего созывались родственники. Даже в период резкого классового расслоения крестьянства, когда разбогатевшие члены бывшей большой семьи перестали считаться со своими бедными родственниками, они все же привлекали их в необходимых случаях к работе, используя народную традицию в эксплуататорских целях. Многочисленные родственники принимали участие в различных делах индивидуальных семей: при разделах имущества между детьми после смерти родителей, при организации и проведении свадеб и т. п.

Во главе семьи стоял старик-отец или дед, а иногда — старая, уважаемая всеми женщина — мать или бабка.

Подчиняясь беспрекословно воле старших в хозяйственных делах. в личной жизни молодые люди, в том числе и девушки, были довольно свободны. Молодежь обоих полов свободно общалась. Так, в первой половине лета, до начала сенокоса, девушки собирались на окраинах поселений и водили хороводы, в которых принимали участие и юноши, нередко из соседних деревень. Летними вечерами девушки сидели на скамейках около домов, сюда же приходили и юноши. Зимой девушки в складчину организовывали вечеринки, типа посиделок, в которых принимали участие и парни. Во время совместных развлечений завязывались тесные знакомства, намечались будущие брачные пары. Несмотря на свободу общения между молодежью, распущенность была крайне редким явлением, так как она очень осуждалась общественным мнением и наказывалась, причем осуждались не только девушки, но и юноши.

Девушки лет с 12—13 начинали готовить себе приданое: ткали холсты, шили и вышивали рубахи, покрывала для невесты (*пёркенчёк*) и другие необходимые вещи. Для девушек нередко выделялись специальные участки земли, чаще на усадьбе, там они сами выращивали лен или ко-

ноплю для получения волокна, из которого изготовляли холсты. Считалось необходимым, чтобы девушка-невеста из семьи среднего достатка имела не менее дюжины богато вышитых рубах и соответствующее количество других предметов одежды. Более ценные вещи: верхнее платье, в том числе шубу, по возможности из овчин черного дубления, фабричные ткани, украшения, перину, подушки и т. п. готовили родители. Таким образом, очень редко чувашская девушка выходила замуж без приданого, так что выдача многочисленных дочерей даже для зажиточной семьи была весьма тяжелым делом.

Чуваши стремились как можно раньше женить сына, чтобы получить в дом лишнюю работницу, и старались как можно дольше задержать дочь, чтобы не лишиться ее как рабочей силы. Поэтому в старину у чувашей нередко невеста была на восемь-десять лет старше жениха.

Цикл свадебных обрядов начинался со сватовства. Сговор обычно заканчивался пиршеством.

За несколько дней до свадьбы невеста устраивала вечеринку для своих подруг, будущих участниц свадебной церемонии, а жених — для своих друзей.

В день свадьбы невесту, одетую в свадебный наряд, покрытую с головой перкенчеком, подруги и холостые родственники отвозили в специальной кибитке в дом жениха, где после ряда церемоний, она, не снимая покрывала, усаживалась в углу. Родственники жениха, подходя к ней, приподнимали край перкенчека и рассматривали ее. В определенный момент распорядительница свадьбы (*туй-армё*) торжественно поднимала покрывало, и невеста выходила из угла. После этого она должна была пойти по воду в сопровождении родственниц жениха, затем растопить очаг и сварить яшку, чтобы показать свои хозяйственные способности. Выполнив все это, она садилась вместе с женихом в передний угол за праздничный стол, и начинался пир, во время которого невеста не раз выходила из-за стола и танцевала вместе с молодежью.

Пир в доме жениха был главным торжеством среди свадебных обрядов. Характерно, что и в прошлом церковное оформление брака, требуемое царским законодательством, не связывалось с семейным проведением свадьбы, и нередко чувашки венчались со своими женами даже через несколько лет после фактического брака. На другой день после главного торжества устраивалось пиршество у родителей невесты, позднее у родственников с обеих сторон. Часто продолжали торжество в доме родственника, который становился как бы покровителем новой семьи (*хайматла́х*). Молодые не только пировали, но обычно по нескольку дней жили у него. К хайматлаху, которого выбирали из числа наиболее уважаемых родственников, молодожены относились с большим уважением, обращались к нему со своими нуждами в первые годы после свадьбы и до конца жизни сохраняли с ним добрые отношения. Наличие подобного покровителя является очень древним обычаем чувашей.

Заключение брака по взаимной склонности нередко встречало противодействие родителей. Были случаи, когда родители невесты категорически возражали против ее избранника и выдавали ее за выбранного ими жениха. Это чаще наблюдалось в семьях богачей: если избранник девушки был бедняком, родители считали недостойным породниться с ним. Однако, если намечаемый родителями жених совершенно не устраивал девушку, а своего избранника она очень любила, то по договоренности с ним невеста убегала из дому. Наспех оформлялся церковный брак. В этом случае молодые выбирали себе хайматлаха, который принимал их к себе в дом до примирения с родителями и выступал посредником в данном деле. Иногда родители ловили убежавшую дочь, жестоко избивали ее избранника и все же выдавали девушку за того, за кого они хотели.

Еще реже происходила кража невесты. Если девушка не соглашалась выйти за добивавшегося ее согласия парня, то он с товарищами похищал ее, вступал с ней насильно в фактический брак, после чего приходилось соглашаться и ей, и родителям, но нередко это кончалось трагедией.

Зависимое положение молодой пары в семье, пока она не обзаводилась собственным хозяйством, особенно сказывалось на снохе, которой приходилось выполнять значительную часть работы по хозяйству. Да и после отделения от родителей мужа, в своей собственной семье, чувашка была обременена многочисленными обязанностями по хозяйству и, кроме того, она сама всех обшивала, заготавливала для одежды необходимое количество холстов, сукна и т. п.

Юридически женщина пользовалась всеми правами в семье: в случае смерти мужа жена становилась главой семьи, девушки наследовали имущество родителей наравне с братьями. Но фактически женщина находилась в полной экономической зависимости от мужа. Он был владельцем всего имущества. Все доходы семьи находились в его бесконтрольном распоряжении. Жена владела только своим приданым, да в ее пользу шли доходы от птицеводства (яйца), животноводства (молочные продукты), огородничества и ткачества (холсты). Однако, за исключением холстов и яиц, которые служили своеобразной денежной единицей, все остальное шло на потребление семьи.

Определенное своеобразие семейному и общественному быту чувашей придавало соблюдение различных обрядов, связанных с их религиозными представлениями. Так, веря в очистительную силу огня, чуваша при повальных заболеваниях людей или скота совершали обряд очищения огнем, добытым путем трения. Им зажигали костры, между которыми проходили люди и прогонялся скот. Специальные обряды совершались при перенесении огня из старого жилища в новое, особенно при зажигании первого огня в доме, построенном для молодой семьи. Почитали «хозяина дома» (*хёртсурт*) и «хозяина двора» (*карта-пуçё*) — духов — охранителей жилища и хозяйства.

Еще в XIX — начале XX в. в каждой семье имелся свой *йёрёх* — кузовок из коры, где хранились изображения духов в виде куколок, прутиков и т. п. При выходе девушки замуж ей выделяли часть фамильного йереха, который она присоединяла к йереху своей новой семьи.

Рождение ребенка сопровождалось магическими обрядами, направленными, по представлениям чувашей, на сохранение жизни и охрану здоровья новорожденного. Вешали на шею детям или пришивали к их одежде различные амулеты, якобы оберегающие от действия злых сил. В случае заболевания призывали знахаря, который «лечил» заговорами и другими магическими средствами, хотя иногда не без успеха применялись и методы народной медицины (лекарственные травы и пр.). Роды принимала бабка-повитуха, происходили они в антисанитарных условиях, что стоило жизни многим женщинам.

Похороны у чувашей в XIX в. проводились преимущественно по христианскому обряду, но при этом соблюдалось немало и языческих обычаев. Исходя из представлений о загробной жизни, в гроб клали некоторые предметы, которые якобы могут там пригодиться. Покойника даже летом отвозили на кладбище на санях, там их ломали и оставляли на могиле. Обычно на могиле устанавливали крест, но на многих ставили столбы с семейной тамгой и грубо вырезанным на вершине изображением человеческого лица (*юпа*).

После Октябрьской революции общественные и семейные отношения чувашей резко изменились. Уже в 1920-х годах в результате культурно-просветительной работы, борьбы против семейно-бытовых пережитков нарушился прежний патриархальный уклад семьи и до некоторой сте-

Велогонка. Республиканский спортивный праздник. Канашский район

пени улучшилось положение женщины. Коренное же изменение семейных взаимоотношений началось после коллективизации сельского хозяйства. Работая в большом коллективном хозяйстве, основанном на применении новой техники, молодежь стала образованней. В связи с этим молодые люди повели борьбу против безраздельной власти старших, за построение новой советской семьи и достигли больших успехов в этом отношении. Современная чувашская семья держится не на экономическом и моральном принуждении, а на взаимном уважении всех ее членов, добровольной взаимопомощи, без ущемления чьих-либо прав и интересов.

Исживаютяся и религиозные предрассудки. Как христианство, так и древние верования, в основном потеряли свое значение, но пережитки их еще сказываются. Так, например, сохраняются старинные обряды поминания умерших родственников. В некоторых семьях, где имеются старики, можно видеть иконы в переднем углу. Кое-где в сельских местностях и даже в старых городах действуют православные церкви. В целом же в быту чувашей сохраняется больше пережитков древних верований, нежели христианства, которое, как говорилось выше, было искусственно навязано чувашам.

Преодолевая различные пережитки, мешающие движению вперед, чувашаи, как и другие народы нашей страны, твердо встали на путь строительства новой жизни. Они принимают активное участие в общественной жизни республики и всего Советского Союза. Многие чувашаи, в том числе женщины, избраны депутатами в местные Советы и Верховный Совет РСФСР. Активно участвуют чувашаи в производственных совещаниях на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, проявляют себя как новаторы производства. Ушла в прошлое былая изолированность отдельных семей, теперь большинство чувашей живет общими интересами своего завода, колхоза. Общественные и семейные праздники стремятся отмечать в кругу своего коллектива.

Культурными стали развлечения молодежи, да и пожилых людей. Многие чувашаи активно участвуют в кружках художественной самодеятельности, увлекаются спортивными играми, занимаются физкультурой.

Как и все народы Советского Союза, чуваши торжественно отмечают революционные праздники — 1 Мая и 7 Ноября. В общественной жизни чувашей получили распространение новые, советские праздники — День урожая, День животновода, День механизатора, Праздник песни.

Исчезли из быта такие обряды, как *уй чӳк* (полевое моление), симырчюк (вызывание дождя) и все осенние благодарственные и другие моления, связанные с земледелием. Некоторые из старинных земледельческих обрядов, утратив прежнее магическое содержание, превратились в современные народные гуляния и увеселения. Так, старинный обряд *акатуй* (свадьба плуга) превратился в весенний праздник. В послевоенные годы акатуй принял форму Праздника песни, который проводится ежегодно во всех районах после окончания весеннего сева.

Общественный характер стали приобретать и семейные праздники — рождение ребенка, торжественное бракосочетание в загсе и др., в которых принимают участие не только родственники, но и представители общественности. Эти праздники проводятся без соблюдения религиозных обрядов. В противовес ритуалу религиозных похорон, уже в первые годы Советской власти стали складываться гражданские обряды, получившие теперь повсеместное распространение.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Чуваши, как и некоторые другие народы Поволжья, до второй половины XIX в. не имели своей письменности. Чисто эмпирически они овладевали некоторым кругом представлений об окружающем мире, создали свою мораль, этику, различные виды искусства. Правительству нужны были чуваше, знающие русский язык и русскую грамоту. В этом было заинтересовано и духовенство, стремившееся увеличить свою паству. Поэтому неоднократно поднимался вопрос об обучении чувашей русскому языку и грамоте. При монастырях открывались школы для детей нерусского населения, но обучавшиеся в них приносили мало пользы народу, они обычно оставались на службе у царской администрации или у духовенства.

Только в начале 1870-х годов силами передовой русской интеллигенции и отдельных интеллигентов-чувашей была создана чувашская грамота на базе русского алфавита с добавлением ряда букв для передачи специфических звуков и грамматического строя чувашского языка. Появилась возможность писать по-чувашски. Большую роль в просвещении чувашского народа сыграл чуваш И. Я. Яковлев (1848—1930 гг.), который был не только создателем чувашской грамоты, но и организатором чувашских школ, в том числе училища для подготовки педагогов-чувашей в Симбирске (1871 г.). Такую большую работу он смог проделать благодаря помощи передовых русских людей, особенно И. Н. Ульянова, который в этот период руководил школьным делом в Симбирской губ.

После Октябрьской социалистической революции с получением чувашами своей автономии перед деятелями культуры новой республики во весь рост встал вопрос о народном образовании. Надо было создать широкую сеть школ для детей и обучить грамоте свыше 80% взрослого населения. К 1930 г. удалось охватить всеобщим начальным обучением детей, а к 1933 г. ликвидировать неграмотность почти среди всего взрослого населения, кроме глубоких стариков. В дальнейшем, когда было введено всеобщее семилетнее обучение детей, значительно поднялся и уровень образования взрослого населения. Большое число чувашей получило не только среднее, но и высшее образование по различным специальностям.

Дом культуры в с. Моргауши

В последние годы успешно проводится перестройка школ Чувашии в соответствии с решениями XXI съезда КПСС. Многие средние и неполные средние школы, чтобы улучшить производственное обучение, тесно связались с предприятиями, крупными колхозами и совхозами. Открыто значительное число школ рабочей и сельской молодежи. Организованы и успешно развиваются школы-интернаты, число которых все время увеличивается. Теперь в школах Чувашии обучается 168 человек на тысячу жителей.

К настоящему времени Чувашская АССР имеет три высших учебных заведения (педагогический, сельскохозяйственный и энергетический институты) и несколько отделений различных индустриальных вузов других крупных центров. В Чебоксарах обучается до 4 тыс. студентов, из которых более половины чувашей. Кроме того, до 2,5 тыс. чувашей учатся в высших школах Москвы, Горького, Казани и других городов. Республика обеспечена национальными кадрами, особенно для работы в деревне.

По подготовке специалистов с высшим и средним образованием Чувашия идет впереди многих развитых капиталистических стран. В Чувашии имеется более 200 научных работников.

Одновременно с борьбой за грамоту и образование широко развернулась культурно-просветительная работа, особенно в сельских местностях. Если в 1919 г. на территории Чувашии было всего несколько десятков культурно-просветительных кружков, то в настоящее время в республике создано много домов культуры, почти во всех селениях имеются колхозные клубы, и в каждой деревне — библиотека с читальным залом. Организовано несколько сельских университетов культуры. Все эти учреждения размещаются преимущественно в новых, удобных для работы зданиях.

В культурно-просветительной деятельности большое место занимает атеистическая работа, направленная на изживание остатков религиозных воззрений у чувашей. Борьба с религиозными пережитками ведется путем чтения лекций, показа научных фильмов, средствами печати и радио. В Чувашии имеются многочисленные группы атеистов, членов Всесоюзного

Нижне-Кибексинская сельская библиотека

общества «Знание», проводящих не только лекторскую работу, но и индивидуальные беседы с верующими.

Организованное в 1923 г. Чувашское государственное издательство, постепенно усиливая свою полиграфическую базу, в настоящее время выпускает большое количество книг на чувашском и русском языках (за 40 лет Чувашия выпустила 48 млн. книг). Значительными тиражами выходят в Чувашии десятки названий газет и журналов.

Большую роль в поднятии культуры населения играют кино и радио. Если в 1926 г. в чувашской деревне начали работать, четыре кинопередвижки, то в 1962 г. только в системе Министерства культуры Чувашской АССР имелось более 500 стационарных киноустановок в сельских местностях. Построен телецентр. Радиотрансляционной сетью охвачена вся территория республики. Во многих населенных центрах имеются свои радиоузлы.

Развивается в республике и художественная самодеятельность. Если в прошлом просветитель чувашского народа И. Я. Яковлев мог лишь мечтать о том, что когда-нибудь чувашская песня «выйдет из оврага», то теперь, в значительной мере на базе традиционных хороводов, на селе возникли сотни самодеятельных хоров, оркестров, танцевальных коллективов и драматических кружков, многие из них становятся профессиональными художественными организациями, особенно при домах культуры.

Большое внимание уделяется заботе о здоровье населения. В настоящее время нет населенного пункта, в котором не было бы какого-либо медицинского учреждения. Почти не осталось людей, обращающихся к знахарям. В республике работает свыше 125 больниц с большим количеством медицинского персонала и хорошим оборудованием, а также развитая сеть родовспомогательных учреждений, женских консультаций и т. п. Появились диспансеры, санатории. Общее количество коек превысило 7 тыс. В республике работает свыше 1200 врачей, тогда как накануне революции в Чувашии было всего 22 врача. Прежде в чувашских селах

Льноводы колхоза «Победа» на отдыхе. Ибресинский район. 1959 г.

не было ни одного глазного врача, хотя около 50% населения болело трахомой. В наше время трахома, считавшаяся прежде «национальной» болезнью коренного населения края, исчезла.

Фольклор
и литература

Долго не имея своей письменности, чувашский народ выражал свои думы и чаяния, свою наблюдательность и мудрость, свои переживания в устном по-

этическом творчестве.

Наиболее распространенным жанром были народные песни. Песней чуваша сопровождали почти все трудовые процессы, начиная от домашних занятий (прядание, ткачество и т. п.) и кончая сельскохозяйственными работами. Исполнение песен было любимым развлечением во время отдыха, особенно у молодежи. Весной молодежь водила хороводы с играми, танцами, песнями, то плавными, неторопливыми, подчиняющими себе ритм движения, то быстрыми, стремительными во время плясок и игр.

Много песен связано с теми или иными обрядами и праздниками. Были песни благодарственные и просительные, с ними чуваша обращались к различным силам природы, от которых, по их представлениям, зависело благосостояние, или к предкам, также якобы имеющим возможность помочь своим родственникам.

После весенних полевых работ начинались молодежные обрядовые игры, известные под названием *вэйй*, *тапá*, или *уяв*, продолжавшиеся вплоть до подъема паров и сенокоса.

Среди обрядовых песен очень многие связаны со свадебным циклом. Здесь и «плач невесты», полный воспеания девичества и ужаса перед тяжелой подневольной долей замужней женщины, песни подруг невесты и дружков жениха, а также представителей старшего поколения с пожеланиями новой семье всевозможных благ.

Пользовались широким распространением застольные песни, в которых обычно воспевались старинные обычаи, дружба родственников, святость труда на земле и одновременно сквозило недовольство существовавшими социальными порядками.

Трогательны по содержанию и задушевы по исполнению лирические песни. Обычные темы их: переживания юноши или девушки, тоскующей о любимом, сетования женщины на тяжелую долю в семье и т. п.

Позднее, уже в капиталистический период, распространилась сатирическая песня типа частушки, так называемая сормовска, которую принесли отходники. В этих коротеньких песенках шутливо изображались любовные увлечения молодежи, но чаще остро и зло высмеивались недостатки тех или иных членов общества, а нередко и целых его прослоек или классов.

В наше время старинные песни большей частью сохраняются лишь в памяти старшего поколения; их место заняли новые песни, прославляющие свободный труд и героические дела советских людей. Большой популярностью среди рабочих и колхозников пользуются частушки, нередко слагаемые ими самими на местные волнующие темы.

Значительно развит у чувашей жанр сказок. Они иногда переплетаются с народными легендами о различных исторических личностях, образы которых сильно опоэтизированы. Много сюжетов, общих со сказками других народов. Особенно часто в чувашских сказках подчеркивается благотворная связь с землей и возвеличивается труд на ней.

Как и в сказках других народов, основным героем у чувашей выступает крестьянский сын, который испытывает ряд приключений и в конце концов торжествует над темными силами. Герой обычно добывает лучшую долю не только для себя, но и для народа. В фольклоре чувашей имеется множество поговорок, загадок, пословиц. Тематика всех этих видов народного творчества тесно связана с повседневной жизнью.

Зачинателем литературы на чувашском языке, в основном переводной с русского, был создатель чувашской грамоты И. Я. Яковлев, писавший небольшие рассказы из жизни чувашей. В дальнейшем образовании чувашской интеллигенции привело к появлению первых писателей и поэтов-чувашей. Из их числа можно упомянуть И. Н. Юркина, Г. Т. Тимофеева, К. В. Иванова, Ф. П. Павлова. Правда, печатать свои произведения первым чувашским литераторам было трудно, но их обычно переписывала грамотная молодежь, и в таком виде они шли в народные массы.

Незадолго до революции 1905—1907 гг. чувашская литература вышла из стадии рукописной и начала распространяться гораздо шире. В 1906 г. вышла первая чувашская газета «Хыпар» («Вести»), в которой печатались и художественные произведения. Она издавалась в течение 1906 и 1907 гг. Несмотря на реакцию, наступившую после революционного подъема, число чувашских писателей возрастало.

Наиболее крупным из них был К. В. Иванов (1880—1915 гг.) — поэт, публицист, сатирик, переводчик. Писал он на родном языке и много сделал для его обогащения. Среди его произведений особенную известность получила поэма «Нарспи» с драматическим сюжетом из народной жизни. Писателями-сатириками, раскрывавшими социальные противоречия в чувашском обществе, были М. Ф. Акимов, Т. С. Семенов-Таер, Н. И. Полоруссов-Шелеби, М. Ф. Федоров, написавший прекрасную поэму «Арсури» («Леший»), полную картин социальной несправедливости и безотрадной жизни бедноты.

Широкую дорогу чувашской литературе открыла Октябрьская революция, в результате которой чувашский народ получил возможность полностью развернуть свои силы и способности. Если раньше в чувашском творчестве преобладала поэзия, то теперь писатели начали овладевать и прозой, создавая небольшие рассказы, а затем и более крупные произведения. Большую помощь в становлении чувашской литературы оказали русские писатели, особенно А. М. Горький, который был непосредственно связан с писателями-чувашами.

Литература на родном языке, тесно связанная с практической жизнью народа, значительно содействовала повышению культурного уровня трудовых масс, их воспитанию в духе интернационализма. Среди прозаических произведений последних лет заметно выделяются романы из быта чувашей: «Деревня в ветлах» К. Турхана, «Близ Акрамова» Ф. Уяра, «Тридцатые годы» С. Аслана, повести «На Буинском тракте» А. Талвира, «Буйные ветры» М. Ухсяя и др. Из поэзии наиболее популярны поэмы «Перевал» и «Дед Кельбук» Я. Ухсяя, книги стихов «Песнь сердца», «Поют дубравы» и другие П. Хузангая и немало стихов молодых поэтов.

Произведения драматургов А. Калгана «Волна Октября», А. Эсхеля «Три свадьбы», В. Алагера, Н. Терентьева и других с успехом идут на сценах театров Чувашской АССР. Среди детских и юношеских книг наиболее популярны произведения Л. Агакова, В. Давыдова, Н. Евстафьева.

Лучшие произведения чувашских писателей и поэтов переведены на русский и другие языки народов СССР; в то же время многие писатели и специалисты-переводчики знакомят чувашей с произведениями русской и иностранной литературы.

Музыка

Вместе с песней родилось и ее музыкальное оформление. Старинная чувашская музыка сложилась на базе пентатоники. Впоследствии она обогатилась дуолями и триолями. Благодаря внесению в нее элементов русской народной музыки многие чувашские песни по своему художественному уровню не уступают песням других народов СССР, имеющим более сложные ладовые структуры.

Кроме сольной песни, у чувашей широко распространено хоровое пение, в котором мелодия, развиваясь, приближается к многоголосью. Старинные музыкальные инструменты чувашей: пузырь, волынка, дуда позднее дополнились казахской домброй, русскими гусями, скрипкой, а затем гармонью.

Довольно богатое музыкальное наследие, которое выработал народ за многие века своего существования, начало быстро развиваться после Октябрьской революции. Видные музыканты С. М. Максимов, Т. П. Парамонов, В. П. Воробьев, Г. Г. Лисков, Ф. П. Павлов и др. занялись гармонизацией чувашских песен.

Широко развитое в быту у чувашей хоровое пение дало возможность создать прекрасные хоровые коллективы, профессиональные и самодеятельные.

Опираясь в основном на народное песенное творчество, чувашские композиторы Ф. Лукин, Г. Лебедев, Г. Хирбю, Т. Фандеев, А. Орлов-Шузм и другие создают музыкальные произведения не только малых, но и крупных форм: симфонии, музыкальные комедии, балеты. В 1957 г. композитором Ф. Васильевым была написана первая чувашская опера «Шывармань» («Водяная мельница»).

Организована в Чувашии и подготовка музыкальных кадров, которые пополняют состав театральных музыкальных коллективов, а также руководителей и организаторов самодеятельных хоров, оркестров, танцевальных групп и т. п. при домах культуры и клубах. Артисты Чебоксарской филармонии часто выезжают с концертами в районы; они помогают и работе кружков самодеятельности.

Театр

Театральных представлений у чувашей до Октябрьской революции не было, как не было и национальной драматургии. 27 января 1918 г. в Казани силами небольшого коллектива чувашской интеллигенции было дано первое представление на чувашском языке. Эта дата стала началом чувашского профессионального театра, который после образования Чувашской автономной области в 1920 г. был переведен в Чебоксары. Театр этот, получивший наименование Чувашского академического театра, сгруппировал вокруг себя всех

Вышивальщицы мастерской «Паха-Тере»

интересующихся драматургией и музыкой. Одновременно с созданием национального театра появилась и чувашская драматургия, сначала в виде небольших пьесок, а затем и более крупных драм, комедий, часто сопровождаемых музыкой.

С момента организации Чувашский академический театр показал более 10 тыс. спектаклей и поставил более 200 пьес, из которых около 90 пьес написаны чувашскими драматургами.

Немало представлений было дано театром на селе (около 6 тыс. спектаклей), а также в соседних республиках и областях, где имеется чувашское население.

В 1961 г. в Чебоксарах построено новое здание театра, куда и перенес свое местопребывание Чувашский академический театр, ныне получивший наименование музыкально-драматического, так как в нем ставятся и чувашские оперы. Кроме чувашского и русского театров, в Чувашии созданы и успешно функционируют еще два театра: Республиканский передвижной колхозный театр и Театр юного зрителя, который также часто выезжает в различные районы.

Изобразительное искусство Профессионального изобразительного искусства — живописи, ваяния — у чувашей до Октябрьской революции не было, зато было широко развито прикладное народное искусство, особенно вышивка и резьба по дереву. Вышивать умела каждая чувашка, так же как прясть и ткать. Плохо вышивавшую девушку считали неумелой, и женихи избегали ее. Вышивкой украшали предметы одежды и другие вещи бытового обихода (покрывала невесты, свадебные наволочки и т. п.).

Часто, главным образом у верховых чувашей, рисунок накладывался так плотно и был так мелок, что ткани из-под него не было видно. У низовых чувашей в нагрудных вышивках на рубахе (кебе) тонкий ажурный рисунок широко разбрасывался по фону белого холста.

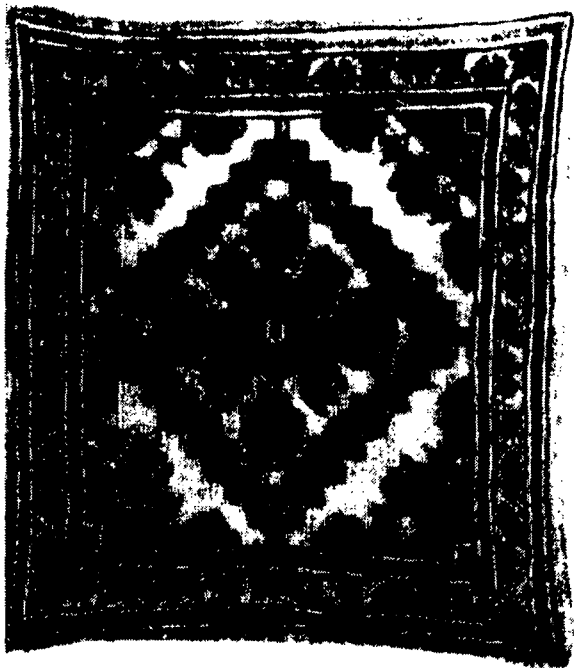
Разнообразна была также расцветка чувашских вышивок. У вирьял чаще применялись черный, розовый, малиновый, фиолетовый, реже красный и желтый цвета, причем они подбирались так, что вышивка в целом казалась ажурной. У анатри вышивки были крупнее, и нередко большие площади заполнялись стежковой гладью одного тона. В расцветке здесь, кроме черного, который чаще всего применялся как контур, господствовал красный или приглушенно палевый тон. В орнаменте преобладали геометрические формы, но встречались и стилизованные изображения животных и птиц.

После того как низовые чувашки перешли на пестрядь для изготовления рубах, они стали вышивать значительно меньше, но верховые продолжали вышивать свои рубахи, фартуки и вышивки у них, пожалуй, стали еще разнообразнее. В наше время на смену традиционным швам, требующим много времени, пришла вышивка тамбуром, русской гладью и русским или болгарским крестом. Однако старинная, дающая большой художественный эффект, техника и орнаментика не отмерли. В республике создан ряд мастерских, в которых вышивают старинной техникой, используя ее для выполнения иных сюжетов и на других вещах (дорожки на столы и буфеты, мужские рубахи, женские блузки и т. д.). Продукция этих мастерских имеет хороший сбыт не только в Чувашии.

Художественное ткачество было развито меньше, чем вышивка. Наиболее эффектны были концы сурпанов низовых чувашек. Ткали чувашки и большое количество разнообразной пестряди, в изготовление которой вкладывали немало художественного вкуса.

Мужским видом народного искусства является резьба по дереву. Донца прялок, подставки светцов, солоницы, ковши и братины для пива, кадушки для хранения холстов и белья и другие предметы покрывались искусным орнаментом. Техника орнаментирования состояла в вырезывании неглубоких бороздок, а также треугольников или накалывании точек. Орнамент большей частью был геометрический, как и в вышивках, но здесь фактура дерева давала больший простор компоновке рисунка. В чувашской деревянной резьбе встречаются весьма реалистические изображения животных.

Кроме легкого резного орнамента, выполнялась и более глубокая так называемая глухая резьба. Применялся также скульптурный орнамент. Так, на крышках солониц вырезали барельефные изображения птиц, преимущественно уток, а на ручках ковшей для пива — скульптурные изображения коня.

Наволочка, вышитая чувашскими мастерицами

Герой Советского Союза летчик-космонавт А. Г. Николаев

Когда чувашаи стали украшать свои жилища снаружи, глухая резьба, став крупнее и несколько тяжелее, перешла на фризы домов, на наличники и ставни, столбы и переводы ворот. Еще до настоящего времени кое-где сохраняются дубовые столбы, покрытые богатой глухой резьбой.

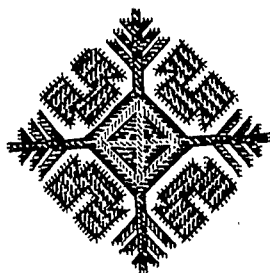
В наше время получили развитие живопись и скульптура. Среди чувашских скульпторов, по-видимому в силу старинной традиции, многие работают по дереву. Неплохо чувашские скульпторы стали владеть и искусством барельефа, применяемого для украшения общественных зданий; прекрасно выполнены, например, барельефы на фронте нового театра в Чебоксарах.

В Чувашии немало талантливых художников. Заслуживают внимания произведения чувашских живописцев как старшего поколения — М. Спиридонова («Портрет поэта П. Хузангая»), С. Скрябина («Вид над Волгой») и других, так и молодых — В. Гурина («Бакенщик»), П. Григорьева («Крановщица») и др. Появились также графики — оформители книг.

* * *

Чувашская Автономная Советская Социалистическая Республика ныне одна из развитых областей Российской Федерации. За 47 лет Советской власти из отсталой аграрной провинции России она превратилась в рес-

публику развитой индустрии и сельского хозяйства, науки и культуры. О замечательных успехах чувашей ярко свидетельствует и тот факт, что славный сын чувашского народа Андриян Николаев явился участником первого в мире группового полета в космос. Чувашский народ занимает достойное место в великой социалистической семье советских народов и вносит свой замечательный вклад в строительство коммунизма, в развитие техники, в освоение космоса.

ПОВОЛЖСКИЕ ТАТАРЫ

Среди нерусского населения востока Европейской части СССР наиболее многочисленны татары (4969 тыс. человек, по переписи 1959 г.). Кроме обитающих по среднему течению Волги и в Приуралье так называемых поволжских татар, этнографической характеристике которых посвящена данная статья, в это число входят и татары других областей Советского Союза. Так, между реками Волгой и Уралом живут астраханские татары (кундровские и карагаши) — потомки ногайцев, основного населения Золотой Орды, по быту отличающиеся от поволжских татар. Крымские татары, отличающиеся и по быту, и по языку от поволжских, расселены ныне в различных областях СССР. Литовские татары являются потомками крымских татар, но они не сохранили своего языка и лишь по некоторым особенностям быта отличаются от литовцев¹. Западно-сибирские татары близки к поволжским по языку, но отличаются по быту².

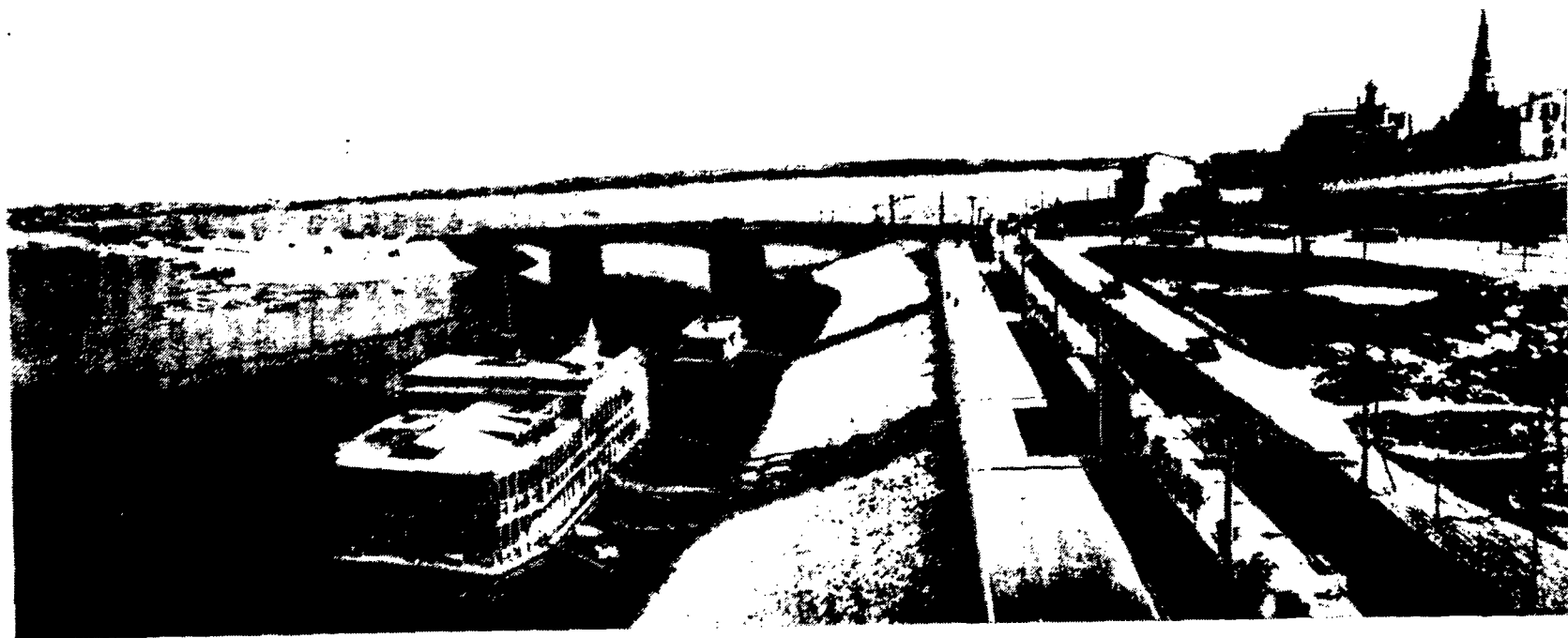
По диалектным особенностям языка, бытовым отличиям, истории формирования поволжские татары делятся на две основные группы: казанских татар и мишарей, среди этих групп имеется несколько подразделений.

Наиболее компактно казанские татары расселены в Татарской, а также в Башкирской АССР и отдельными группами встречаются в Марийской и Удмуртской АССР, в Пермской, Кировской, Свердловской и Оренбургской областях. Мишари расселены преимущественно на правобережье Волги: в Горьковской, Ульяновской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской областях, а также в Татарской, Башкирской, Мордовской и Чувашской АССР (в частности, значительные группы мишарей живут в Западном Закамье, в Татарии, южнее Камы, и в западных районах Башкирии). Отдельными селениями татары-мишари живут в левобережных частях Куйбышевской и Саратовской областей, а также в Свердловской и Оренбургской областях. Несколько особняком стоят так называемые касимовские татары, живущие в Рязанской обл. Изолированно живут каринские (нукратские) и глазовские татары — потомки населения древней булгарской колонии на р. Чепце, притоке р. Вятки.

Значительное число казанских татар и мишарей живет в Донбассе, Грозненской обл., Азербайджане, республиках Средней Азии, в Западной и Восточной Сибири, в частности на Ленских приисках, где они появились в конце XIX — начале XX в. в качестве рабочих-отходников и частично

¹ См. подробнее стр. 17.

² См.: «Народы Сибири», М.—Л., 1956 (серия «Народы мира. Этнографические очерки»).

Город Казань. Набережная р. Волги

крестьян-переселенцев. Немало татар в Москве и Ленинграде, в городах Поволжья и Приуралья. Имеются татары—переселенцы из Поволжья и за рубежом: в Китае, Финляндии и некоторых других странах.

Согласно переписи 1959 г., в Татарской АССР числится 1345,2 тыс. татар, из них 29,4% — в городах. Кроме татар, в республике живут русские, мордва, чувашаи, удмурты, марийцы и др.

Название «поволжские татары» употребляется только в литературе. Сами они называют себя *татар*. Казанские татары иногда называют себя *казанлык*, а мишарей — *мишар*. Мишари называют себя *татар*. Русские, называя все группы татарами, различают их по месту обитания: казанские, касимовские, сергачские, тамбовские, пензенские и т. д.

Среди поволжских татар имеется небольшая этнографическая группа кряшен—татар, принявших православие. Они в некоторой степени восприняли русскую культуру, сохранив, однако, свой язык и многие особенности быта.

Татары говорят на одном из языков тюркской группы, образовавшемся в результате смешения ряда древних племенных языков. Следы этого смешения до настоящего времени обнаруживаются в различных диалектах и говорах. Современный язык татар Поволжья распадается на западный — мишарский и средний — казанский диалекты, несколько отличающиеся один от другого по фонетике, морфологии и лексике.

Татарский литературный язык построен на базе казанского диалекта, но в наше время он включил много мишарских элементов. Так, в ряде слов казанское *ж* заменилось мишарским *йе* (*жигит* — *йегет*).

В советское время татарский литературный язык получил значительное развитие, обогатившись новыми словами, особенно в области политических и научных терминов, что является следствием того огромного культурного подъема, который переживает татарский народ в условиях советского социалистического государственного строя.

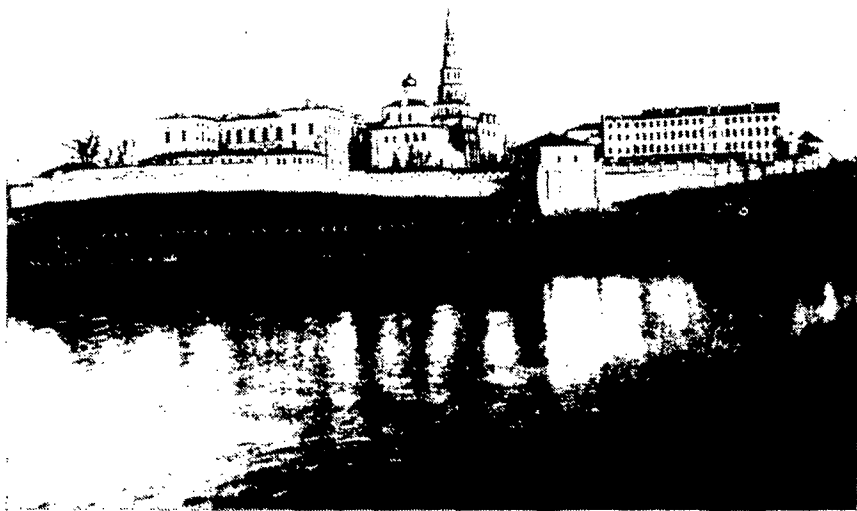
Краткий исторический очерк

Население территории современной Татарской АССР познакомилось с железом в эпоху так называемой ананьинской культуры (VII—III вв. до н. э.). Ананьинцы были оседлыми, основу их хозяйства

составляли мотыжное земледелие и скотоводство. Существенную роль продолжала играть охота. Около рубежа нашей эры на основе ананьинской культуры сформировалась пьняноборская. Потомками пьняноборцев являются финские народы Среднего Поволжья и Прикамья.

Некоторые из этих финских народов были покорены и ассимилированы булгарами — тюркским народом, пришедшим с юга во второй половине I тысячелетия н. э. Еще в степях Поволжья и Приазовья, т. е. до переселения в Прикамье, в состав булгар вошла часть аланов — ираноязычного народа, предками которого считаются сарматы, а потомками современные осетины. Булгаро-аланские племена создали в Прикамье государство, известное под названием Волжской Булгарии. Значительная, если не большая, часть населения Волжской Булгарии являлась потомками местных финских народов. Язык волжских булгар, относящийся к тюркской языковой семье, наиболее близок был, вероятно, к современному чувашскому.

В 1236—1238 гг. Волжская Булгария была разгромлена монголами, которые были известны их соседям под названием татар. Позднее название «татары» стало применяться к тем тюркским народам, которые были покорены монголами и входили в состав монгольских армий. После распада монгольской империи Волжская Булгария вошла в состав Золотой Орды, подавляющее большинство населения которой составляли тюркские народы, главным образом кыпчаки (половцы). За ними и закрепилось наименование «татары». Пришельцы стали селиться на булгарских землях, преимущественно в южных местах, постепенно переходя

Казанский кремль

на оседлость и сливаясь с коренным населением, внося в его быт, и особенно в язык, немало своих черт.

Религиозные верования булгаро-татарского населения были близки к анимистическим воззрениям соседних народов Среднего Поволжья. Верили в духов—хозяев воды (*су анасы*), леса (*урман иясе* или *шурале*), земли (*жир анасы* — мать земли), в духов, насылающих болезни (мать оспы, лихорадки и других болезней). Кроме домового (*өй иясе*) — покровителя дома, они почитали «хозяина хлеба» (*абзар иясе*), близкого к духам—покровителям скота у кочевников. Верили в оборотней (*убыр*), а также в особого духа *бичура*, которого не было в мифологии соседей. Бичура, по представлениям татар, поселялась в доме и могла помогать хозяину: доставать ему деньги, доить для него чужих коров и т. д. либо вредить ему. Почти все духи татарской народной мифологии имеют аналогию у соседей, но некоторые наделались специфическими свойствами. Например, леший — шурале якобы любит защекотать до смерти попавших в лес людей, катается на лошадях, пасущихся у опушки, доводя их до изнеможения.

Ислам суннитского толка стал проникать в среду булгар с Востока, начиная с X в. Он был сначала религией правящей верхушки булгарского, позднее — татаро-булгарского общества, а затем постепенно проник и в трудовые слои татар.

Во второй половине XIV в. восстановившиеся были булгарские земли вновь подверглись нападению золотоордынских феодалов, русских удельных князей, а затем нашествию войск Тамерлана. В результате Волжская Булгария прекратила свое существование и как вассальное государство Золотой Орды. Территория прежнего центра Волжской Булгарии опустела, население уходило еще дальше к северу от нижнего течения Камы и в северную часть междуречья Свияги и Суры, на правобережье Волги. На этих землях начало создаваться новое экономическое и культурное объединение, центром которого был город Казань. В середине XV в. оно превратилось в феодальное государство — Казанское ханство.

Вопрос о происхождении основного населения ханства — казанских татар — долгое время служил предметом споров. Одни ученые (В. В. Радлов, В. В. Бартольд, Н. И. Ашмарин, С. Е. Малов) считали их переселив-

шимися в край золотоордынскими татарами, вытеснившими прежних болгар, другие (Д. К. Греков, С. П. Толстов, А. П. Смирнов, Н. Ф. Калинин, Н. И. Воробьев, Х. Г. Гимади), на основании археологических, исторических и этнографических материалов, а также данных антропологии, полагают, что этнической основой казанских татар является часть древних болгар, переселившихся к северу и ассимилировавших там отдельные группы финно-угорского населения. С ними слилась часть татар-кыпчаков, которые оказали значительное влияние, преимущественно на язык, сделав его близким к татарскому официальному языку Золотой Орды. Подобное мнение в настоящее время считается наиболее обоснованным. Соседи казанских татар, главным образом русские, с которыми они также издавна соприкасались, сначала называли население ханства новыми булгарами, казанцами, а позднее, ввиду того что в новом государстве правила золотоордынская династия и огромное значение имели ордынские феодалы-татары, дали им наименование казанских татар, которое, кстати сказать, долго не прививалось в качестве самоназвания.

Формирование татар-мишарей проходило в лесостепной полосе к западу от р. Суры, в бассейне притоков Оки. Сюда, в районы обитания местных племен, финно-угров по языку, преимущественно предков мордвы, еще с начала II тысячелетия н. э. стали проникать отдельные группы степняков-кочевников, которые и оседали здесь. После образования Золотой Орды в этот район, ставший фактической границей собственно ордынских и заселенных русскими земель, перебирались отдельные группы татар-кыпчаков с их мурзами. Возникли опорные пункты этих групп, небольшие городки: Темников, Наровчат, Шацк, Кадом и др. Здесь татары постепенно переходили на оседлость, сближаясь с древними насельниками этих мест — финно-угорскими племенами. После Куликовской битвы и ослабления мощи Золотой Орды татары-кыпчаки перешли на службу к московским князьям и стали вместе с русскими отрядами охранять южные границы русских земель.

В золотоордынский период ислам стал официальной религией. Однако древние верования еще долго проявлялись в различных обрядах. Татары почитали места молений соседних народов, священные рощи, где якобы обитал злой дух кереметь. Кереметями называли и самые рощи. Усилия мусульманского духовенства уничтожить эти рощи не увенчались успехом, так как население их охраняло.

Большой популярностью пользовались знахари и знахарки (*йемчи*), особенно как врачеватели болезней. Лечили заговорами. Магические приемы для лечения и предотвращения болезней применяло и мусульманское духовенство. Муллы, азанчи (младший духовный чин) практиковали лечение чтением отдельных мест из корана, различными молитвами-заговорами, навешиванием амулетов с зашитыми в них текстами священных книг, использовали священную воду из источника Зем-Зем в Аравии, землю, приносимую богомольцами из Мекки — священного города мусульман.

Множество магических приемов применяли для лечения детских болезней, происшедших якобы от сглаза. Чтобы отвести дурной глаз и вообще предохранить детей от действия злых сил, на их одежду и головные уборы нашивали различные обереги, в частности кусочки дерева (рябины), а также блестящие предметы, которые будто бы должны были принимать на себя дурной взгляд.

Среди религиозных представлений татар были и занесенные вместе с исламом некоторые древние верования арабов. К ним можно отнести веру в юху — чудесного змея, который будто бы может принимать человеческий образ, веру в джинов и пери — духов, якобы могущих принести большой вред человеку. Татары считали, например, что психические заболевания являются результатом поселения в человеке определенного пери, а параличи — случайного соприкосновения с ними.

После падения Золотой Орды число татар, переселявшихся с юга на русские земли, стало увеличиваться. Так, в XV в. в Москве появился со своей дружиной ордынский царевич Касым, перешедший на русскую службу. Ему был передан в управление Мещерский городок на Оке, позднее названный Касимовом. Здесь образовалось вассальное Касимовское ханство. В дальнейшем на русскую службу перешли и многие ногайские мурзы со своими отрядами; их вместе с частью перебравшихся сюда кыпчаков¹ расселяли по оборонительной линии, проходившей вдоль р. Суры, для охраны границы с Казанским ханством. Возникали поселения татар в районах новых русских городов: Арзамаса, позднее Алатыря, Курмыш и др.

Таким образом, в течение XV — XVI вв. одновременно формировались обе группы поволжских татар: на старых булгарских землях — казанские татары, потомки булгар с примесью татар-кыпчаков, и мишари, в основном кыпчаки, выходцы из Золотой Орды, расселившиеся западнее р. Суры, в бассейне Оки.

Борьба между Москвой и Казанью за Среднее Поволжье окончилась в 1552 г. взятием Казани и присоединением всех земель, подвластных ханству, к Русскому государству. Таким образом, в середине XVI в. все татары Поволжья как казанские, так и мишари оказались на территории русских владений.

После присоединения Среднего Поволжья к Московскому государству население края тесно связало свою судьбу с русским народом. Присоединение к Русскому государству положило конец феодальной раздробленности, постоянным нападениям кочевников, хищническому истреблению производительных сил, деспотическому гнету со стороны ханов, от которых страдало население края. Народы Среднего Поволжья включились в более интенсивную и развитую экономическую жизнь Русского государства.

Вместе с тем коренным народам края, особенно казанским татарам, приходилось в упорной борьбе отстаивать свой язык и культуру против русификаторской политики царского правительства. Одной из сторон этой политики было навязывание православия татарскому населению. К моменту присоединения края к Русскому государству не все слои населения исповедовали ислам, поэтому распространение православия в какой-то мере было успешным; образовалась даже этническая группа татар-кряшен (крещеных), существующая до сих пор. Позднее христианизация татар шла значительно труднее. В говоре современных кряшен, предки которых не были мусульманами, почти отсутствуют арабские и персидские слова, попавшие в татарский язык через ислам.

Проводя колонизацию края русским населением, царское правительство сгоняло татарских крестьян с лучших земель. Это вызвало ряд восстаний, а затем бегство части казанских татар, преимущественно в среднюю часть Приуралья и Башкирию.

Трудовые массы татар попали под двойной гнет: являясь в большинстве сначала ясачными, а позднее государственными крестьянами, они много терпели от произвола царской администрации и от своих феодалов, которые сперва пытались получить с них второй ясак в свою пользу, а позднее иными путями эксплуатировали их. Все это обостряло классовые противоречия и подготавливало почву для жестоких классовых битв, не раз развертывавшихся в крае, особенно во время народных восстаний под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева, в которых татары принимали активное участие.

После присоединения края к Русскому государству татарские феодалы в большинстве перешли на службу к царскому правительству, но вместе

¹ В период разложения Золотой Орды кыпчаков стали именовать ногайцами. Они и являются предками астраханских татар.

с тем продолжали бороться за свои привилегии, за господство над коренным населением; противопоставляя православию ислам, они проповедовали ненависть ко всему русскому. Однако во время народных движений татарские господствующие классы обычно становились на сторону царского правительства.

По отношению к татарам-мишарям, вошедшим в состав Русского государства раньше казанских татар, национально-колониальная политика царизма осуществлялась несколько по-иному; в частности, среди них не проводилось жестокого обрусения путем насильственного крещения. Царское правительство в XVII в. перебросило часть мишарей вместе с их мурзами в западную часть Башкирии для охраны укрепленных рубежей Поволжья от нападения южных кочевников. Мишарей привлекали к строительству оборонительных сооружений как на правобережье, так и за Волгой, наделяя их землями во вновь захваченных местах. Оставшихся же на прежних местах мишарей правительство уравнило с ясачными, позднее государственными крестьянами, отняв у них значительную часть земель и передав их русским помещикам.

Таким образом, в XVII — XVIII вв. казанские татары и правобережные татары-мишари в довольно значительном числе продвинулись на восток, в заволжские земли, особенно в Западное Приуралье, составив там большой процент населения. Бежавшие сюда еще раньше казанские татары попали в полукрепостную зависимость от башкирских феодалов и получили наименование «припущенников», или «тептярей». Служилые татары-мишари под названием *темен* (темниковских) долго сохраняли свое привилегированное положение, а переселившиеся позднее так называемые алатырские, или симбирские, мишари стали обычными ясачными, позднее государственными крестьянами. Они приселились к башкирам или заняли свободные земли. Тептяри и алатырские мишари сблизились с башкирами и представителями других народов Поволжья: чувашами, мордвой, мари, удмуртами, но сохранили свой язык, хотя и с некоторыми башкиризмами. Они образовали своеобразную подгруппу татар Приуралья, в быту отличную от казанских татар и от татар-мишарей правобережья.

Миграции татар после вхождения их в состав Русского государства в течение XVI — XVIII вв. способствовали дальнейшему процессу их этнического формирования. На новых местах они не теряли своих основных особенностей, но вследствие сближения с новыми соседями в их языке и быту появились черты, отличающие их от оставшихся на прежних местах обитания.

Развитие капиталистических отношений среди татар шло медленнее, чем у русских. Однако товарно-денежные отношения постепенно проникали в татарскую деревню, способствуя расслоению татарского крестьянства. В конце XVIII в. разорявшиеся крестьяне стали заниматься кустарными промыслами, а торговцы и разбогатевшая часть крестьян сначала занялась скупкой продукции у кустарей, а затем — организацией мелких мануфактур.

Отмена крепостного права мало затронула татар, бывших и до этого государственными крестьянами, но реформа 1866 года, касавшаяся государственных крестьян, ухудшила их экономическое положение, лишив значительной части лесных и сенокосных угодий.

Быстрое развитие капитализма в России в пореформенный период усилило расслоение татарской деревни. Крестьяне теряли скот, инвентарь и вынуждены были сдавать надельную землю в аренду. Из-за жестокой эксплуатации со стороны скупщиков и владельцев кустарных производств кустарные промыслы не обеспечивали трудовое население средствами существования. Татарская беднота стала уходить на отхожие промыслы, создавая отдельные группы рабочих в местах отходничества. Однако

формированию татарского пролетариата мешали феодальные пережитки, удерживавшие бедноту в деревне.

Татарская буржуазия, в ряды которой постепенно вливалась и старая феодальная верхушка, занявшаяся торговлей как в крае, так и за его пределами (Средняя Азия, Казахстан), во второй половине XIX в. пыталась основать крупные промышленные предприятия, но натолкнулась на жестокую конкуренцию: русским промышленникам было выгоднее удерживать татар на скупке сырья, особенно за пределами края, и на его первичной обработке, чем допускать их к крупному производству, где прочно утвердился русский капитал.

В это время татары уже формировались в буржуазную нацию. Татарские господствующие классы провозгласили ислам основой народной культуры. Возникли многочисленные кадры мусульманского духовенства, подчинившие себе школу и вторгавшиеся даже в семейную жизнь татар. В течение веков ислам пропитал своими догмами и установлениями не только сознание, но и быт народа. В каждой татарской деревне была обязательно хотя бы одна мечеть с соответствующим штатом духовенства. Для совершения обряда бракосочетания (*никях*), как и для наречения имени ребенку, приглашали мулду.

Похороны проводились обязательно по религиозному обряду. Умершего старались похоронить возможно быстрее, причем весь ритуал выполняли мужчины. Женщинам даже вход на кладбище не разрешался. На могилах татары обычно сажали крупные деревья, поэтому кладбища представляли собой большие рощи, тщательно огороженные и охраняемые.

Относительная замкнутость пропитанной мусульманским фанатизмом культуры татар обуславливала сохранение их отсталости, тормозила культурный рост татарского общества. Религиозная школа, где все внимание было сосредоточено на бессмысленной зубрежке мусульманских догм, не давала знаний, необходимых в практической жизни. Передовые люди татарского общества восставали против мусульманской схоластики с ее учением о безразличии ко всему земному и безграничной покорности судьбе (суфизм), столь удобным для эксплуатации трудовых масс господствующими классами. Вместе с этим передовая русская общественная мысль пореформенного времени не могла не влиять на татарское образованное общество. Огромную роль здесь сыграл открытый в 1804 г. Казанский университет, ставший центром культуры всего Среднего Поволжья.

Среди татарской буржуазии выделились сторонники некоторых преобразований в жизни татарского народа. Свою деятельность они начали с изменения методов преподавания в школе, поэтому получили название новометодистов (джадидистов) в отличие от сторонников старины — старометодистов (кадимистов). Постепенно борьба между этими течениями охватила различные стороны жизни татарского общества.

Как в любом национальном движении, среди джадидистов наблюдалось два резко различных направления — буржуазно-либеральное и демократическое. Либералы требовали осторожных реформ в пределах основных догм ислама, внедрения новой (русской) культуры только в среду господствующих классов и сохранения для народных масс старой мусульманской культуры. Демократы стояли за построение татарской культуры по образцу демократической русской, за повышение культурного уровня трудовых масс, за их просвещение.

Во главе просветительного движения среди татар стал ученый-демократ Каюм Насыри (1825—1901 гг.). Он организовал первую новометодную татарскую школу, являлся основоположником татарского литературного языка, так как раньше татары писали на арабском языке. Заботясь о просвещении народа, Насыри составил и издал много книг по различным

отраслям знания. Его деятельность вызывала бешеную ненависть реакционеров, насмешки либералов, но демократическая общественность нашла в нем своего руководителя. Идеи Насыри оказали большое влияние на развитие татарской демократической культуры.

Во второй половине XIX в. в крае начала развиваться крупная промышленность и стали формироваться, хотя еще и слабые, кадры рабочих, которые вступили в борьбу против капиталистической эксплуатации. Сначала эта борьба носила стихийный характер, но с конца 1880-х годов созданию организаций рабочих и выработке у них пролетарского самосознания стали помогать марксистские социал-демократические кружки. Первым из них был кружок Н. Е. Федосеева, в работе которого принимал участие В. И. Ленин, вернувшийся в Казань из своей первой ссылки в дер. Кокушкино.

В начале 1900-х годов возникла Казанская социал-демократическая группа, в 1903 г. организовался Казанский комитет РСДРП, стоявший на позициях ленинской «Искры».

Социал-демократы развернули большую пропагандистскую деятельность среди рабочих казанских предприятий. В это время из среды татар выделился высокообразованный марксист-большевик Хусаин Ямашев (1882—1912 гг.).

Во время революции 1905—1907 гг. в татарском обществе уже ясно обозначилась расстановка классовых сил. Передовые татарские рабочие под руководством большевистской партийной организации, во главе которой в это время стоял Я. М. Свердлов, боролись против царского правительства вместе с пролетариатом других национальностей. Татары-крестьяне боролись за землю, но среди них была еще слабо поставлена социал-демократическая пропаганда, и они зачастую действовали стихийно. Господствующие классы целиком встали на сторону правительства, хотя внешне и разделились на группы: одни стали откровенными мракобесами черносотенцами, другие — кадетствующими либералами. Объединившись в партию «Союз мусульман», татарская буржуазия, стоявшая на националистических позициях, пыталась занять господствующее положение не только среди своего народа, но и на всем мусульманском Востоке России.

Лагерю буржуазии противостояла демократическая интеллигенция, из которой выделилась группа крупных деятелей татарской культуры — поэты Г. Тукай и М. Гафури, драматург Г. Камал, писатели Г. Кулахметов, Ш. Камал, Г. Ибрагимов и др. Они развернули пропаганду демократических идей, борясь с черносотенцами и либералами. Большевикам в 1907 г. удалось организовать издание первой татарской большевистской газеты «Урал», выходившей в Оренбурге под руководством Х. Ямашева и имевшей большое значение для пропаганды социал-демократических идей среди трудящихся татар.

Революция 1905 г. оказала огромное влияние на татарское общество. Даже в мрачные годы столыпинской реакции лучшие представители татарского народа продолжали борьбу за демократическую культуру. Трудящиеся татары начали постепенно выходить из векового застоя и изоляции, они накапливали силы, чтобы совместно с русским народом под его руководством дать последний бой угнетателям, без различия национальностей.

В период развития капитализма произошло значительное культурное сближение казанских татар и мшарей. Чтение литературы, созданной на казанском диалекте, влияло на язык мшарей, постепенно сближало его с казано-татарским. Мшари принимали активное участие в создании общетатарской демократической культуры.

Февральская революция, когда руководство захватила татарская буржуазия, ничего не дала трудовым массам. Только Великая Октябрьская

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина — один из старейших вузов нашей страны

социалистическая революция, проведенная трудящимися России под руководством Коммунистической партии, освободила все народы страны, в том числе и татар, от многовекового угнетения и открыла перед ними путь к новой счастливой жизни.

Основные трудовые массы татар, как и всех народов края, приняли активное участие в Октябрьской революции, но татарская буржуазия встретила Советскую власть ожесточенным сопротивлением. В период гражданской войны, охватившей некоторую часть территории этого края, трудовое население оказывало активное сопротивление белогвардейцам.

После гражданской войны, в которой красные татарские части принимали активное участие, трудящиеся татары получили свою автономию. 27 мая 1920 г. была образована Татарская АССР. В ее состав вошли территории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, наиболее густо населенные татарами. Значительная часть мишарей и татар Приуралья, разбросанных небольшими группами среди других народностей, не вошла в Татарскую АССР.

Образование Татарской АССР дало возможность татарскому народу, совместно с другими народами, живущими на территории республики, под руководством Коммунистической партии осуществить социалистические преобразования.

Татарский народ полностью преодолел прежнюю хозяйственную и культурную отсталость, стал равноправным членом социалистического общества, с успехом строящим коммунизм. В общую сокровищницу социалистической культуры Советского Союза татарский народ вносит и свою долю, свои культурные ценности, собранные за века его исторического существования и созданные в последние десятилетия.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

До Октябрьской социалистической революции основные промышленные предприятия были сосредоточены в Казани: текстильно-кожевенный комбинат, небольшой металлургический завод, мыловаренный завод, а также мелкие предприятия по обработке кожи, мехов и др. В других же городах предприятия были в большинстве мелкие, имевшие максимум по несколько десятков рабочих.

Совершенно изменилось положение в настоящее время. Промышленность старого центра Казани преобразилась до неузнаваемости. Созданы новые заводы: «Точмех» и химико-лабораторных приборов, газовой аппаратуры, химической, резиновой промышленности, меховые фабрики, по своему значению занимающие второе место в СССР, кожевенное, валяльное производство и др.

Промышленная продукция казанских предприятий экспортируется почти в 40 стран. Значительно выросла промышленность и в других районах республики.

В связи с развитием промышленности возникли новые города и многочисленные поселки городского типа. В районе нефтедобычи, на юго-востоке Татарской АССР, в новых городах республиканского подчинения — Альметьевске и Лениногорске — сосредоточены предприятия по добыче нефти и газа.

В Закамье возник город Нижнекамск, где ведется строительство крупнейшего химического комбината. Выросли и приобрели большое значение и некоторые старые города. Бугульма стала центром нефтедобычи на юго-востоке республики, Елабуга — центром нефтепромыслов Прикамья. Значительно расширилось производство на старинном химическом заводе, расположенном в пос. Бондюжском близ г. Елабуги.

Самый большой в прошлом уездный город Казанской губ. Чистополь, который прежде пользовался известностью лишь как хлебный центр Закамья, теперь имеет судоремонтный завод. Здесь же расположен известный всей стране часовой завод, созданный на базе эвакуированного во время Отечественной войны Ленинградского часового завода. Изменился до неузнаваемости облик г. Буинска, где теперь построен сахарный завод. На местной сельскохозяйственной базе создан сахарный завод в Нурлате. Здесь уже возник новый современный город.

К северу от Казани вырос поселок Кукмор — центр валяльной промышленности. В Закамье заканчивается строительство крупной ГРЭС близ поселка Заинск. Ниже г. Набережные Челны началось строительство Нижнекамской ГЭС, которая совместно с Заинской ГРЭС намного увеличит энерговооруженность Татарской АССР и прилегающих к ней областей и республик, даст возможность перевести на электротягу железные дороги Казань — Москва и Казань — Свердловск.

Наиболее значительное место в наши дни занимает созданная в годы социалистической индустриализации нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность, а также добыча и переработка газа (юго-восточные районы Татарской АССР). В целом по Татарской АССР объем промышленного производства к 1960 г. вырос по сравнению с 1913 г. в 146 раз.

Если в 1913 г. на территории Казанской губ. насчитывалось около 13 тыс. рабочих, то в 1959 г. в Татарской АССР их было уже более 70 тыс. Почти половина их — татары. Следует добавить, что теперь татарский рабочий не прежний чернорабочий, неграмотный и не имеющий квалификации. За годы Советской власти эти, в недалеком прошлом крестьяне, благодаря постоянной заботе Коммунистической партии и Советского прави-

тельства, овладели высококвалифицированными специальностями и вместе с рабочими других национальностей увеличивают индустриальную мощь нашей социалистической Родины.

Сельское хозяйство

Сельское хозяйство в дореволюционного татарского крестьянства по своей структуре и уровню мало отличалось от хозяйства других народов Поволжья.

То же в основном зерновое направление, с рожью в озимом клину, преимущественно овсом, а также полбой, гречей и чечевицей — в яровом. Та же трехпольная система, те же сельскохозяйственные орудия: соха, у более зажиточных — однолемешный плуг, борона с деревянными или железными зубьями, лукошко для сева, серп, цеп, лопата для провеивания зерна. Каких-либо особых сельскохозяйственных орудий у татар в XIX в. не было.

Даже болгарское наследие — древний тяжелый плуг *сабан*, требующий запряжки не менее четырех лошадей, уже в XVIII в. полностью исчез. Его заменила соха.

Подушные наделы у татар в результате национально-колониальной политики царизма были очень малы, в среднем около 2,5 десятины на мужскую душу. Лишь у татар Приуралья наделы были крупнее, до 6—7 десятин. Земельный голод отражался и в распределении земли между различными имущественными группами деревни: около 7% имели наделы более 25 десятин на двор, 11% было безземельных, 13% сдавали свои наделы в аренду, так как не в состоянии были обрабатывать их сами. Вследствие почти полного отсутствия удобрений из-за малого количества скота даже лучшие земли быстро истощались, и урожаи были низкими: ржи получали редко более 30—40 пудов с десятины, а овса — 20—30 пудов. При таком распределении земли и низкой урожайности полей почти половина татарских крестьян вынуждена была, помимо земледелия, прибегать к подсобным промыслам.

В дореволюционном татарском хозяйстве в небольшом количестве выращивали картофель, в основном только на приусадебных участках, слабо развито было огородничество и садоводство. Землевладение вплоть до проведения коллективизации являлось общинным. При довольно частых переделах у татар существовал обычай делить участки не по жребью, а по соглашению, что давало возможность богачам округлять свои владения и не менять своих участков. Сенокосных угодий было особенно мало, так как татары были оттеснены от больших рек, где имелись значительные массивы лугов. Только у татар Приуралья, особенно у живущих близ

Сбор газовых плит на казанском заводе «Газоаппарат»

р. Белой, было много лугов, и там до конца XIX в. существовало табунное скотоводство.

Рабочего скота в татарских деревнях было мало. В 1917 г. в среднем по Казанской губ. приходилось на хозяйство 1,1 лошади; 35 % татар были безлошадными. Мало было и продуктивного скота: коров, коз, овец. Бедняки часто, кроме козы, другого скота не имели. Богатые татары имели много скота, в том числе выездных лошадей, которыми очень гордились.

Безземельные татары часто нанимались к деревенским богатым на работы по уходу за скотом, в частности за лошадьми. Почти все крестьяне разводили кур, так как они не требовали большого ухода, а яйца служили в крае своеобразной денежной единицей, которая имела хождение у разъездных торговцев. В богатых хозяйствах разводили стада гусей. Как и у других народов края (марийцев, чувашей, мордвы), у татар было развито домашнее пчеловодство; крупные пасеки встречались редко.

Проблему обеспечения земель и поднятия сельского хозяйства у татар, как и у всех крестьян СССР, разрешило только проведение коллективизации с новыми методами ведения хозяйства, минеральными удобрениями и механизацией.

Несмотря на упорное сопротивление кулачества, к середине 1939 г. коллективизацией было охвачено 94,6 % крестьянских хозяйств. На колхозных полях работали уже тысячи тракторов и комбайнов, урожайность полей повысилась по сравнению с 1913 г. в полтора раза.

В настоящее время большинство татарских колхозов представляют собой крупные хозяйства с хорошо поставленным полеводством, животноводческими фермами, собственным машинным парком, многочисленными, хорошо подготовленными кадрами.

Изменился ассортимент культур. Основное место среди зерновых культур занимает пшеница, большие площади отводятся под картофель, на колхозных огородах выращиваются различные овощи, созданы общественные сады и ягодники. Большой размах получили посевы кормовых и технических культур (подсолнечник, конопля, горчица и др.). Благодаря применению удобрений и правильной агротехники урожайность всех культур стала выше.

Колхозы постепенно превращаются в крупные фабрики продовольствия и сырья для промышленности, они улучшают и расширяют свое производство, осваивают его новые отрасли. Многие татарские колхозы научились выращивать сахарную свеклу и с успехом снабжают сырьем новую в крае сахарную промышленность.

Среди колхозников много квалифицированных работников как в области агротехники и животноводства, так и механизации сельского хозяйства. Нет теперь неграмотных людей в деревне. Все более стирается грань между умственным и физическим трудом.

Невозможность существовать только за счет сельского хозяйства заставляла татарских крестьян в прошлом прибегать к побочным заработкам. Такие заработки в северной части края давали преимущественно кустарные промыслы, на правобережье Волги — отходничество, а на востоке, главным образом в Приуралье, — работа по найму в сельском хозяйстве у помещиков и кулаков.

Кустарными промыслами, особенно в местностях, расположенных к северу от Казани, занималось до 80 % взрослого населения и значительная часть подростков обоего пола. Заготавливали липовую кору, шили рогожи и кули, плели лапти. Эти промыслы не требовали большой квалификации, несложным был и инвентарь. Обычно всю зиму крестьяне-бедняки в своих избушках по 15 часов и более занимались кулеткадким делом, работая в основном на материале скупщика. Обработывали также древе-

Кустарные
промыслы

сину (бондарное, колесное производство, изготовление долбленной посуды и т. п.). Многие занимались обработкой кожи, овчин, шитьем обуви, полушубков, шапок, рукавиц и т. д., а также изготовлением изделий из шерсти (валяная обувь, головные уборы). Женщины ткали сукна, холст, пестрядь, полотенца с орнаментированными концами. Было некоторое число слесарей и других ремесленников, занятых обработкой металлов. Кузнецов не было, так как кузнечным ремеслом царское правительство запрещало заниматься всем нерусским народам края. Характерной для татар была выделка своеобразной орнаментированной так называемой азиатской сафьяновой обуви. Среди татар встречалось много ювелиров, изготовлявших «восточные» украшения.

Большинство кустарей занималось промыслом для дополнительного заработка, но для многих промыслы являлись основным занятием. Они полностью или частично забрасывали сельское хозяйство и сдавали земельные наделы в аренду. Некоторые поселки превращались в специально ремесленные, где сельским хозяйством занималось меньшинство населения. Были поселки шубников, валяльчиков, рукавичников и т. п. Однако, несмотря на большой спрос на изделия кустарей, заработок их был ничтожен (редко более 100 руб. в год), так как львиную долю забирали себе поставщики сырья, скупщики, «организаторы» производства и тому подобные люди, беспощадно эксплуатировавшие кустарей. Много кустарей-ремесленников проживало в городах.

Значительное число разорившихся крестьян, не имевших никакой квалификации или происходивших из местностей, где трудно было добывать сырье (безлесные районы), уходило на сторону, в города края, на заводы Урала, нефтепромыслы Грозного и Баку и особенно на шахты Донбасса. Шли и в центральные города и даже на золотые прииски Алдана и Лены. Многие отправлялись на Волгу и Каму работать грузчиками. Не имевшие квалификации и не знавшие русского языка татары-отходники брались за любую работу. Немало, особенно правобережных татар-мишарей, работало возчиками на трактах. Некоторые отходники постепенно приобретали ту или иную квалификацию, работали вдали от родной деревни по многу лет, возвращаясь домой уже стариками, но большинство уходило лишь на зимние месяцы.

После Октябрьской социалистической революции, в период индустриализации страны, число кустарей сократилось, так как многие ушли работать в промышленность. Остальные объединились в артели промысловой кооперации. Некоторые артели постепенно превратились в фабрики. Например, кукморские кустари-валяльчики теперь работают на валяльных фабриках уже в качестве рабочих, а дер. Кукмор стала крупным рабочим поселком со специфическим производством. Многие бывшие кустари-меховщики работают на крупнейшем в СССР Казанском ордена Ленина меховом комбинате, возникшем здесь именно на базе наличия квалифицированной рабочей силы. Ныне прежние кустарные артели влились в систему местной промышленности.

Многие сельские жители-татары работают на новостройках. Развитие социалистической промышленности в республике потребовало огромного количества рабочей силы, и многие крестьяне переселились в города и рабочие поселки, став постоянными рабочими.

Транспорт С давних пор у татар, как и у других народов края, средствами передвижения служили телеги, тарантасы и сани. Татарские телеги отличались от русских более высокой передней и задней частями кузова и несколько большей изогнутостью боковых слег. Тарантасы были обычного для края типа — в виде прикрепленной к дрогам плетенки. Зимой для перевозки леса, дров и т. п. служили обычные русские дровни, а для поездов без большого груза — розвальни. Для переноски тяжестей на плечах служила обычная котомка с ляжками из

На трассе строительства нефтепровода «Дружба»

холста. От верховой езды, кроме спортивной во время сабантуя, татары давно уже отказались.

Гужевой транспорт используется лишь для внутривозрастных перевозок в колхозах, да иногда зимой, когда сильно заметает дороги.

Железными дорогами край обеспечен относительно слабо, причем большинство их имеет направление с запада на восток (из Москвы через Казань на Свердловск, через Ульяновск на Уфу, через Куйбышев на Уфу и Оренбург), тогда как с севера на юг дорог меньше (Свияжск — Ульяновск — Сызрань — Саратов, Канаш — Рузаевка — Пенза и строящаяся дорога Бугульма — Кама, которая пройдет до ст. Агрыз). В связи с этим важную роль в Татарии играет автомобильный транспорт, так как многие даже относительно крупные пункты нередко отстоят от железной дороги на 100 км и более.

Большое развитие получил водный транспорт, особенно в последние годы в связи с развернувшимся переустройством волжского водного пути (постройка водохранилища, углубление фарватера и т. д.). Волга подошла к Казани, в городе построен новый речной порт, где пристают мощные суда.

Авиалинии связывают Казань со многими городами Советского Союза (Москвой, Ленинградом, Харьковом, Свердловском, Новосибирском, Алма-Атой и др.), с Кавказом и Крымом; местные авиалинии обслуживают нужды республики.

По Татарии проходит нефтепровод «Дружба», доставляющий волжскую нефть в социалистические страны зарубежной Европы.

Поселения
и жилище

В отличие от других народов края татары еще до революции в довольно значительном числе жили в городах (в Казани и других городах Поволжья, в Москве, Ташкенте, Самарканде и др.). При этом в городах татары стремились селиться по-соседству, образуя отдельные «татарские слободки», кварталы или улицы.

В настоящее время около 30% татар Татарской АССР живет в городах. В связи с бурным развитием промышленности в республике вы-

росло и перестроилось большинство старых городов и создан ряд новых, сосредоточивших до 100 тыс. жителей каждый: Альметьевск, Лениногорск (район добычи нефти), Зеленодольск (судостроение и изготовление фанеры). В республике свыше 20 поселков городского типа с населением в 10 тыс. человек и более. Города и рабочие поселки благоустраиваются, озеленяются, застраиваются новыми, часто многоэтажными домами, большими зданиями общественного и культурного назначения.

Столица республики — Казань. Это не только крупный промышленный, но и важный культурный центр. В Казани работает более десяти научно-исследовательских институтов Академии наук СССР и различных ведомств, одиннадцать высших учебных заведений (Государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина, авиационный, инженерно-строительный, медицинский, сельскохозяйственный и другие институты), консерватория, пять театров, дворцы культуры, парки и стадионы, крупнейшее в Российской Федерации книжное издательство. Население Казани увеличилось за 60 лет (со времени первой Всероссийской переписи) в пять раз (130 тыс. жителей в 1897 г., 643 тыс., по переписи 1959 г.).

Все же большинство (до 70%) татарского населения живет в деревнях. Татары издавна селились у воды. Их деревни (*авыл*), как правило, находятся в долинах небольших рек. В северных, лесных районах, где больше мелких речек, деревни расположены чаще, но они небольшие, в степных районах — реже, но крупнее (до 2—5 тыс. дворов).

Планировка деревень, особенно старинных, очень сложна. В деревнях и до сих пор встречаются отдельные «концы» с гнездами усадеб. Жители концов раньше считали себя родственниками и даже не вступали в брак между собой. Наличие концов объясняется как стремлением родственников селиться вместе, в стороне от посторонних, так и многонациональностью деревень. Предки казанских татар на землях к северу от Камы, согласно преданиям, часто приселялись к деревням аборигенного населения, создавая отдельные концы. Позднее это население уходило или ассимилировалось татарами, но старый план деревни сохранялся. У татар Приуралья в одних и тех же деревнях часто жили представители различных групп: тептяри и мишари, нередко вместе с хозяевами земельных массивов — башкирами и другими народами: марийцами, чувашами, мордвой, причем каждая группа составляла свой конец; названия этих концов нередко сохраняются до сих пор.

Наличие гнезд усадеб — результат прежнего кочевого поселения родственников, которые вели общее хозяйство на крупных участках. Об этом говорят народные предания, на это указывают и многие авторы, наблюдавшие быт татар в конце XVIII—начале XIX в. Родственные семьи ставили свои жилища на общей усадьбе беспорядочно или вокруг жилищ старшего. Появившиеся индивидуальные усадьбы были мелкими, неправильной формы, расположенными скученно, для подъезда к ним прокладывали узкие, кривые улочки и тупики. Пространства между концами или гнездами усадеб застраивались позднее; здесь усадьбы получили более правильную форму, появились широкие и прямые улицы. В поселках, построенных 100—150 лет назад, и у казанских татар, и у татар-мишарей концы и запутанная планировка встречаются реже.

В период господства капиталистических отношений и резкого классового расслоения татарской деревни богачи, стремясь поселить своих сыновей или родственников возле себя, скупали усадьбы у соседних бедняков, а последние перебирались на окраину деревни.

При въезде в деревню, особенно у казанских татар, бросались в глаза большие, нередко двухэтажные дома богачей, с садами на обширных усадьбах, среди небольших, часто покрытых соломой домиков середняков и лачужек бедноты. В центре деревни возвышались одна или несколько мечетей со стрелами минаретов.

Совершенно иной облик получила современная деревня. В процессе отхода масс трудящихся татар от религии закрылось большое число мечетей, их минареты во многих случаях снесены, а здания используются под школы, клубы, детские учреждения. В домах бывших богатеев размещаются государственные и общественные учреждения, библиотеки, медпункты и т. п. Крупные поселения застроены добротными жилыми домами колхозников, новыми большими зданиями средних школ, озелененными больничными городками, зданиями клубов и домов культуры, хорошими помещениями магазинов и общественных столовых. На окраинах поселков выросли многочисленные хозяйственные постройки колхозов, встречаются водонапорные башни сельских водопроводов. Улицы засаживаются деревьями, особенно в мишарских поселках, где раньше часто не было ни кустика; появляются и другие элементы благоустройства. Меняется планировка деревень. Старые скученные усадьбы ликвидируются, выпрямляются улицы, исчезают тупики. Появляются новые кварталы с широкими озелененными улицами, нередко с мостовыми и тротуарами для пешеходов.

Большинство дореволюционных усадеб имело форму вытянутого прямоугольника, обращенного узкой стороной к улице. Для старой планировки усадьбы казанских татар характерна постановка дома в глубине двора. Поэтому улицы в их поселках представляли собой бесконечные заборы, из-за которых выглядывали только фронтоны домов или иногда верхние части окон. В этом сказывалось стремление скрыть внутреннюю жизнь семьи от глаз посторонних. Мишари почти во всех районах их поселения ставили дома по линии улицы и лишь иногда несколько отступя, разбивая перед домом небольшой палисадник. То же наблюдается и теперь.

В настоящее время казанские татары иногда ставят дома по линии улицы, но все же большинство предпочитает строить их в глубине двора, разбивая перед ними небольшие садики и огораживая их, но уже не глухими заборами, а легким штакетником.

Как правило, к дому у татар не примыкало никаких надворных построек, даже клетки ставили отдельно, часто напротив дома. Так называемый покоеобразный план двора, обычный для русского населения края, у казанских татар встречался редко. Чаще хозяйственные помещения — хлевы, сараи и т. п. — размещались глаголеобразно. Крытых дворов у казанских татар не было.

Задняя часть усадьбы, соединенная с двором воротами, использовалась под огород (обычно под картофель). Здесь ставили бани, амбары, а в глубине устраивали ток и мякинницу.

Усадьбы у богатеев были значительно больше. Переднюю часть усадьбы занимали амбары, склады товаров, иногда флигели для работников.

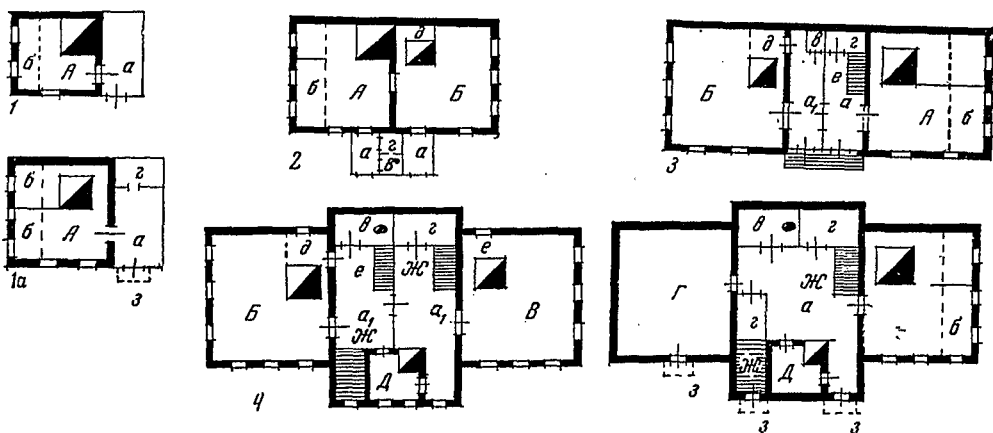
Нередко впереди дома ставили баню, глухой стеной на улицу. Помещения для скота и хозяйственного инвентаря строили позади переднего двора, соединяя с ним воротами.

У мишарей планировка усадьбы чаще бывала покоеобразная, но встречались и разбросанные постройки. Крытые дворы также встречались редко.

У татар Приуралья надворных построек было мало. Они состояли, как правило, из двухкамерного помещения для скота и пристроенной к его длинной стороне «стайки» — хлева из плетня или досок.

В настоящее время планировка усадеб изменилась. В новых усадьбах уже нет такого количества хозяйственных построек, которые были необходимы при индивидуальном хозяйстве.

Надворные постройки возводят позади дома, располагая их по традиции поперек усадьбы.

Планы старинных традиционных домов татарского крестьянства:

1 и 1а—четырёхстенки бедняков и середняков; 2—пятистенки зажиточного крестьянина; 3—шестистенки зажиточного крестьянина; 4—кулацкий двухэтажный дом; А—черная изба; Б—чистая изба; В—жилая чистая половина; Г—кладовая; Д—комната для старух; а—хозяйственные сени; а₁—чистые сени; б—нары; в—уборная; в₁—чулан; д—комната для омовений; е—лестница на чердак; ж—лестница на верхний этаж; з—навес над входной дверью

С давних пор наиболее распространенным типом татарского крестьянского дома был рубленый четырехстенок почти квадратной формы, величина которого зависела от состоятельности владельца. Сруб обычно ставили на столбах (стульях), углубленных почти до уровня земли или несколько выше, так что нижний венец находился почти на земле. Переводы для настила полов врубали в среднем на высоте около 60—70 см и только у бедняков они находились на уровне земли. Если сруб возвышался над землей, то пустое пространство над ним заполнялось брусьями или бревнами. Богатые ставили дома чаще на каменном или кирпичном фундаменте, возвышавшемся над землей на 30—50 см. Под полом выкапывали яму для хранения картофеля, причем вынутую землю использовали на внутреннюю завалинку. В некоторых местах делали и постоянную или временную (на зиму) наружную завалинку.

Высота сруба, считая от переводов пола, равнялась 2,5—3 м, а иногда — 2 м. Полы и потолки в прошлом, когда еще не было продольных пил, настилали из расколотых или стесанных полубревен, теперь же делают их из толстых досок. Потолки сверху обмазывают глиной, смешанной с рубленой соломой, а затем засыпают землей.

Как правило, в фасадной стене прорубают два-три окна, а в боковой—одно-два. Окно довольно больших размеров, со створчатыми рамами. Двойные рамы были и раньше почти во всех домах, кроме самых бедных. Если дом стоит фасадом на улице, то делают ставни, а если за забором, то лишь наличники.

Крыша преобладает двускатная, на стропилах, в прошлом ставили крыши и на самцах. У татар-мишарей, особенно в Приуралье, крыша делается чаще на четыре ската — шатром. Материалом для покрытия крыши у большинства крестьян служила солома, у более зажиточных — тес, а у богачей — железо. Теперь же соломенные крыши встречаются очень редко.

К основному срубу, как правило, пристраивают сени из досок или горбылей, закрытые со всех сторон, а к ним — крыльцо с навесом.

Зажиточные казанские татары в дореволюционное время обычно ставили два сруба — один против другого, соединяли их холодными сенями, так что дом получал вид шестистенки, обращенного фронтоном к улице.

Мишари часто ставили пятистенок русского образца, хотя нередко обе части его не соединялись внутренней дверью, и вход в каждую из них шел из сеней. Пятистенки обычно ставили длинной стороной к улице.

Деревенские богачи у казанских татар, особенно к северу от Казани, строили двухэтажные дома в виде двух поставленных друг на друга шести-стенков с холодными сенями. В одной половине нижнего этажа обычно размещались кухня и жилье для работников, в другой, нередко каменной, — кладовая для хранения товаров. Обе половины верхнего этажа были жилыми. Иногда сени строили значительно шире дома (крестообразный план), также бревенчатые, и в них по фасаду выделяли небольшие комнаты с самостоятельным отоплением для старух или девушек. Богатые татары-мишари, как правило, строили двухэтажные дома, как у русских торговцев, с каменным низом, в котором помещались лавка и склад товаров, и деревянным верхом наподобие большого пяти- или шести-стенка. С длинной стороны к такому дому примыкали холодные сени вдоль всей стены, либо только от середины до заднего конца.

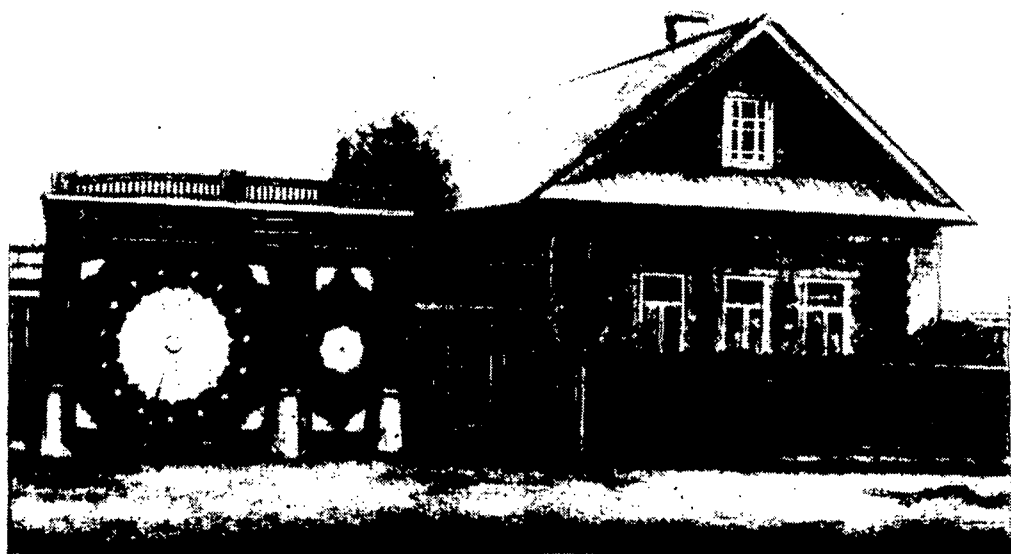
Отапливается дом и теперь посредством своеобразной печи (*миш*), состоящей из русской печи и пристроенного к ней сбоку очага с вмазанным котлом. Татарская печь издавна топилась по-белому и только у мишарей правобережья еще относительно недавно встречались печи с топкой по-черному. Вместо очага с вмазанным котлом у мишарей с одной стороны шестка устраивали нишу, в которой на крюке подвешивали котел. Очаг имел общий с основной печью дымоход. Чистые комнаты в больших домах отапливались голландскими печами.

Как и у русских крестьян края, печь обычно ставили топкой к передней стене, на расстоянии 70—80 см от задней и глухой стен, отчего сзади и сбоку ее образовывался проход. Только в небольших четырехстенках и у мишарей печь ставили в углу, почти вплотную к задней и глухой стенам. В больших четырехстенках у всех татар делали перегородку от печи до передней стены, отгораживая пространство перед печью, которое называлось *пычмак* (у мишарей — чулан). В этой перегородке, как и у русских, у мишарей делался проход, а у казанских татар она была сплошная, и проход в *пычмак* был за печью. Этим основная часть избы совершенно изолировалась от кухни, в которую входили, сворачивая сразу от входной двери в сторону, в проход между печью и стеной. В небольших четырехстенках перегородки не делали, но по линии печи вешали занавеску. У крышен перегородок не ставили.

Второй особенностью татарских изб были нары (*сякэ*) шириной около 1,5 м, расположенные вдоль всей передней стены избы. На них спали, ели, выполняли некоторые домашние работы. При наличии перегородки нары перед печью служили кухонным столом. Стол, если он был, ставили у боковой стены, но за ним не ели, на нем лишь держали посуду и самовар. Иногда у задней стены, в стороне от двери, устанавливали шкаф для посуды, а вдоль печи — сундуки, покрытые кусками ткани или специальными покрывалами. У крышен выделялся передний угол, где висели иконы, стояли короткие скамейки и стол, но и за ним далеко не всегда ели.

По линии матицы обычно вешали занавес, который при приходе посторонних задергивался и полностью изолировал от входной части избы ее переднюю часть. На перегородке, отделяющей *пычмак*, вешали хорошую одежду, а повседневную — на костылях за печью. Постельные принадлежности: перины, подушки, одеяла складывали стопкой на одной стороне нар и покрывали. Поверхность нар застилали войлоком или ткаными ватолами (половиками), реже ткаными коврами (паласами).

Если в доме была чистая половина, то в рабочей половине, или черной избе, планировка оставалась такой же. Только здесь уже не ставили сундуки, не вешали занавеску на матице, не было шкафа для посуды,

Сельский дом, построенный в 1957 г. Село Балтасы Арского района

а иногда и перегородки. Чистая половина большей частью отапливалась голландской печью, поставленной далеко от стен. Убирали чистую половину по-разному. Иногда в углу за печью делали небольшие нары, вдоль стен ставили сундуки, а на стене около двери развешивали хорошую одежду. Пол застилали кошмой или ковром, на котором во время праздников сервировалось угощение. Иногда эту половину обставляли на городской лад: устанавливали столы, стулья, диван, большое зеркало, красивую этажерку для посуды. Стены завешивали вышивками. У некоторых по-прежнему в углу сохранялись нары-постель, у других они заменялись двуспальной кроватью. На этой половине постоянно жили лишь хозяин с хозяйкой.

В двухэтажных домах одна из половин верхнего этажа служила комнатой для приема гостей, ее обставляли на городской лад, а вторая была жилой частью, здесь размещались члены семьи, тогда как сам хозяин чаще жил в комнате для гостей (*жунак бұлмәсе*).

Подобная планировка татарского дома до революции не была случайной. Она связана с безраздельным господством в семье отца-хозяина, а также с требованием ислама изолировать женщин от посторонних. Если в избе середняка это было меньше заметно, то у богатого татарина бросались в глаза привилегированное положение главы семьи и приниженность остальных ее членов, особенно женщин. Надо сказать, что больших семей с несколькими поколениями у татар давно уже почти не встречалось, но и в малой семье все же сохранялись власть мужа и изоляция женщин от посторонних. Этим объясняется и постановка печи с ходом за ней, и отгораживание пычкама, который считался женской половиной, и занавеска вдоль матицы, из-за которой при наличии посторонних не имели права выходить женщины. Даже угощение гостя сервировалось самим хозяином, а женщины подавали нужное из-за занавески.

В двухэтажных домах в помещение для гостей вел особый ход со двора, и даже сени верхнего этажа делились на две части, чтобы гость не мог встретить женщин.

В советское время старый дом (четырёхстенки и даже шестистенки с холодными сенями) стал тесен и перестал удовлетворять возросшие потребности семьи.

В 1950-х годах, когда развернулось интенсивное жилищное строительство на селе, наиболее распространёнными домами колхозников стали четырёх- или пятистенки с новой планировкой. Четырёхстенки стали делать длиннее. Печь поворачивают топкой к боковой стене, и передняя часть избы выделяется в качестве чистой. В ней иногда ставят перегородку к передней стене с проходом и устраивают здесь спальню. Задняя часть избы перед печью стала служить семейной столовой. В пятистенках в глубине ближайшей к входу половины отгораживают кухню, а вторая часть ее становится столовой. Иногда печь отделяется от средней стены и тогда здесь устраивается небольшая спальня для стариков. Вторая половина служит чистой. В ней вдоль по линии голландской печи ставят перегородку с входом у самой двери и меньшую часть используют как спальню. Иногда здесь устраивают две комнаты. Большая из них служит парадной. Сени также стали делать больше с окном, в них устраивают легкую столовую и ставят кровать или небольшие нары. Сени теперь превратились как бы в террасу. Иногда в сенях отгораживают маленькую спальню. Новые дома стали крупнее и более вместительными.

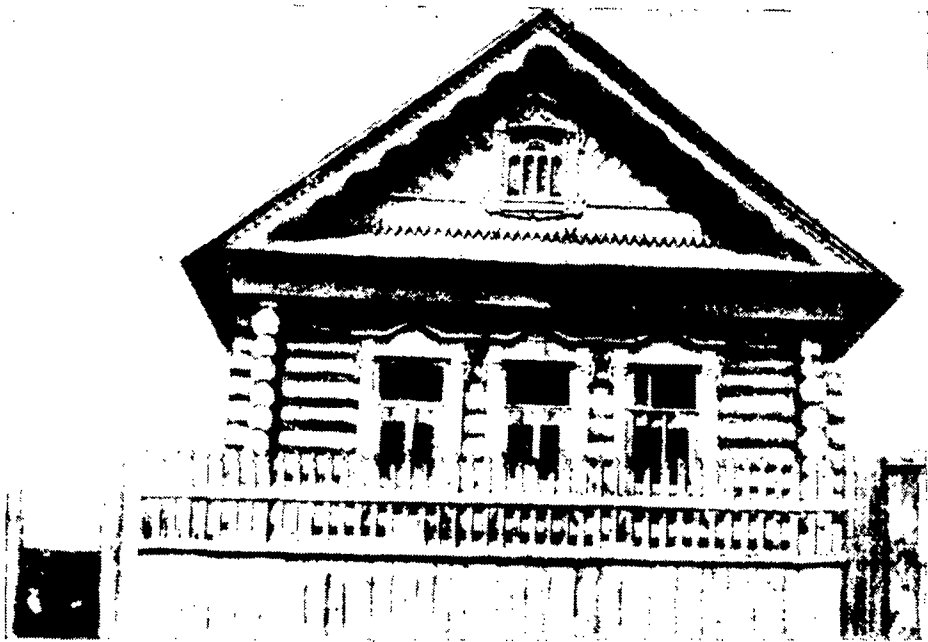
Совершенно изменилась и обстановка в домах колхозников. Почти всюду исчезли нары, их можно встретить лишь в домах, где хозяева глубокие старики. Появились кровати для всех членов семьи, а также столы и стулья, этажерки для книг, платяные шкафы и другие предметы городской обстановки.

Дома большинства татар обычно украшаются резьбой. При этом у казанских татар резьба преимущественно накладная, с геометрическим орнаментом, а у мишарей чаще пропиловочная, нередко ажурная. У татар правобережья широко распространилось украшение фронтона фасонной обшивкой и красиво обрамленными резьбой слуховыми окнами.

Для казанских татар, которые в прошлом обычно ставили дома отступая от линии улицы, характерно было украшение только верхней части дома: фронтона, фриза, верхней части наличников — того, что видно с улицы из-за забора. Особенно ярко это выражено в районах к северу от Казани. Здесь в домах фронтоны украшались большим окном с богатыми наличниками или своеобразной нишей, в которой помещалось слуховое окно. Нишу эту делали или четырехугольной с овальным верхом, или полукруглой, причем верхнюю часть ее украшали лучеобразно расположенными деревянными планками, так называемым сиянием. Нередко в передней части ниши, глубина которой достигала 40—50 см, ставили красивую решетку, а по бокам ее — колонки.

Самой же оригинальной особенностью внешнего оформления татарских домов истари является полихромная раскраска оконных наличников и рам, фризов и других деталей. В этом чувствуется влияние Востока, с его яркой раскраской зданий, перешедшей к татарам через болгар и население Казанского ханства, где городские здания ярко и своеобразно окрашивались. После присоединения края к Русскому государству в районе Закамья переселилось немало горожан, и у них-то и сохранились традиции раскраски и украшения зданий, правда уже деревянных, а не каменных, как прежде. Подобное стремление к оригинальному украшению и раскраске домов отражено в татарском фольклоре. Традиция своеобразно украшать и раскрашивать здания удерживается и в настоящее время. причем стремление к украшению домов распространилось гораздо шире.

Для современного облика татарских селений характерно озеленение. Теперь сажают деревья не только на усадьбе за заборами, но и на улице, на некотором расстоянии от домов. Поэтому даже в южных степных поселках улицы стали озелененными. Сзади домов, там, где раньше располагались

Современный татарский дом с резными украшениями. Дер. Качелино Арского района

лпшние теперь хозяйственные постройки, разводят небольшие сады с кустарником и цветами. На задворках усадеб не только возделывают огороды, но и сажают фруктовые сады.

В городах богачи часто строили для себя каменные двухэтажные дома, нижний этаж которых обычно использовался для служебных помещений и часто не имел окон на улицу, а верхний этаж предназначался для жилья. Изредка такие дома ставили в глубине усадьбы, отгородив от улицы решеткой и садиком. Как правило, в таких домах главный вход не выходил на улицу.

Ремесленники и служащие татары строили на усадьбе дома типа сельских пяти- или шестистенков, обращая их узкой стороной к улице и отделяя от нее забором и небольшим садом. Рабочие снимали комнаты в общежитиях (бараках), построенных крупными предприятиями, или у богачей, нередко ставивших в глубине своих усадеб дома для сдачи в аренду татарской бедноте.

В богатых домах с главного входа можно было попасть в парадные комнаты, обставленные по-купечески; в них жил хозяин. Остальные члены семьи размещались в других комнатах, обставленных большими кроватями с множеством подушек и иных постельных принадлежностей и сундуками, которые устлаивали вдоль стен и покрывали коврами или специальными покрывалами. На сундуках обычно сидели. Обедали в нижнем этаже, в помещении близ кухни, а торжественные обеды сервировались в парадных комнатах.

Дома ремесленников обставлялись, как и у зажиточных крестьян. Одна половина дома предназначалась для приема гостей, в другой, состоявшей из одной или двух комнат, жила семья. Рабочие в своих комнатах почти всегда устраивали нары, а также независимо от типа печи, служившей для отопления дома, делали дополнительно очаг с котлом для варки пищи. Только те рабочие, которые тесно сблизились с русскими, не соблюдали традиционной обстановки, однако сохраняли, как правило, очаг с котлом, без которого татарки не могли обходиться.

В наше время татарское население городов живет уже не в особых слободках, как прежде, а в обычных городских квартирах, обставляя их так же, как и русское население. Лишь в квартирах, где живут рабочие-татары, недавно переселившиеся из деревень, особенно если среди них есть представители старшего поколения, отмечаются следы традиционной сельской обстановки: в комнатах ставят сундуки, постели убирают, складывая подушки и одеяла к одной стороне вдоль кровати, как в прошлом на нарах, на стенах вешают старинные вышитые коврики и полотенца. Но это лишь детали, а в целом татарские квартиры в настоящее время в городах и рабочих поселках мало отличаются по обстановке от квартир представителей других народов.

Пища

Основу питания татар издавна составляют зерновые — мука и крупа. Мука, ржаная и пшеничная, идет на изготовление хлеба, выпекаемого так же, как у русских, на закваске. Из пшеничной муки делают различные заправки для жидких блюд. Широко распространена лапша домашнего изготовления. Для лапши замешивают густое тесто, затем его раскатывают и нарезают тонкими полосками. Для приготовления *тукмач лапша* такое же тесто режут квадратиками, а для *салма* от него отрывают мелкие кусочки, которые опускают в кипящий бульон, после того как из него вынут мясо, или в кипящую воду, куда позднее добавляют масло, сало или кислое молоко (*катык*). Из ячменной или овсяной муки готовят кисель и завариху (*балмык*).

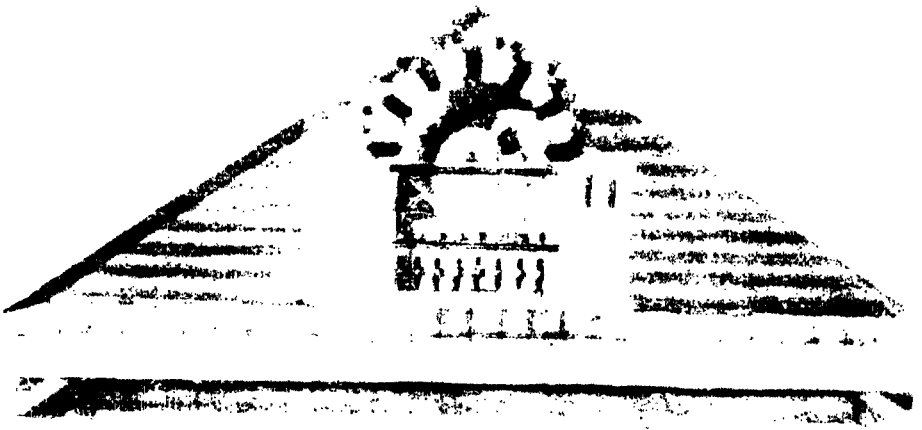
Из простого или кислого теста, преимущественно пшеничного, в праздничные дни жарят в котле в кипящем масле или сале пышки (*кабартма*). С появлением в кухонном инвентаре сковород стали печь ячменные или гречневые оладьи (*коймак*). В котле готовят также *пэрэмэч*. Это небольшие лепешки типа ватрушки с мясом, кусками картофеля, творогом или ягодами, обжаренные в масле или сале. Иногда перемеч имеет вид толстой лепешки, помазанной сверху маслом или покрытой мятым картофелем и т. п., наподобие сибирской шаньги. Делают *бэлеш*, тоже имеющий вид ватрушки, но крупной и высокой, куда кладется много начинки из сырого мяса с кусками картофеля. Перемеч и белеш — излюбленная праздничная еда татарского населения. Живущие в городах пекут пирожки и пироги с различной начинкой.

Лакомством служат сделанные из крутого теста небольшие, размером с лесной орех, шарики, вареные в сале или масле (*баурсак*), или такие же шарики, но величиной с горошину, которые варят в масле и меде (*чэк-чэк*).

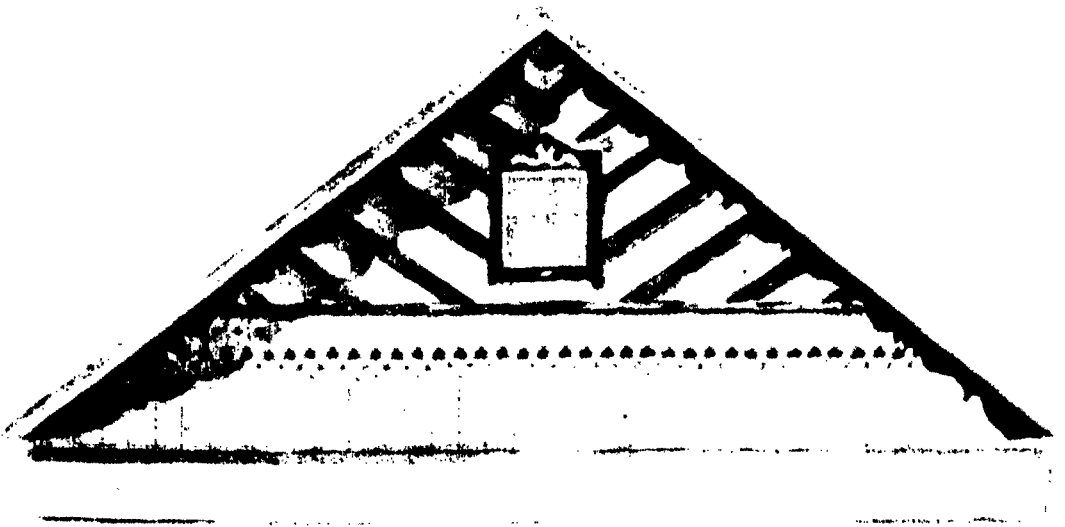
Из ячменной, овсяной, полбенной крупы, пшеницы, гречи варят каши различной густоты. Прежде часто варили чечевицу, реже горох.

Овощей в прошлом татары ели очень мало. Даже картофель стал играть заметную роль в их питании только с конца XIX — начала XX в. Его кладут в жидкие блюда, едят в вареном или жареном виде. Капуста, морковь, свекла, помидоры вошли в быт только в советское время и употребляются преимущественно в виде салатов. Правобережным же мишарям овощи были известны и раньше.

Наиболее излюбленными видами мяса, хотя его в прошлом даже и средний крестьянин ел мало, являются баранина, говядина, курятина и гусятина. Конину, особенно жеребятину, охотно ели мишари, а казанские татары ее употребляли сравнительно редко. Мясо обычно варят в котле, а затем вынимают и подают на стол отдельно от бульона. Иногда мясо кусочками жарят в котле (*бишбармак*). К праздничному столу подают колбасу *тутырма*, начиняя мясом и пшеном коровью или конскую толстую кишку, которую затем варят в котле. Мясо птиц тоже чаще готовят в котле. Одним из излюбленных блюд считается фаршированная курица (*тутырган таук*). Мясо гусей нередко солят, а затем подвешивают и употребляют для приготовления бульона уже в вяленом виде. Обычно

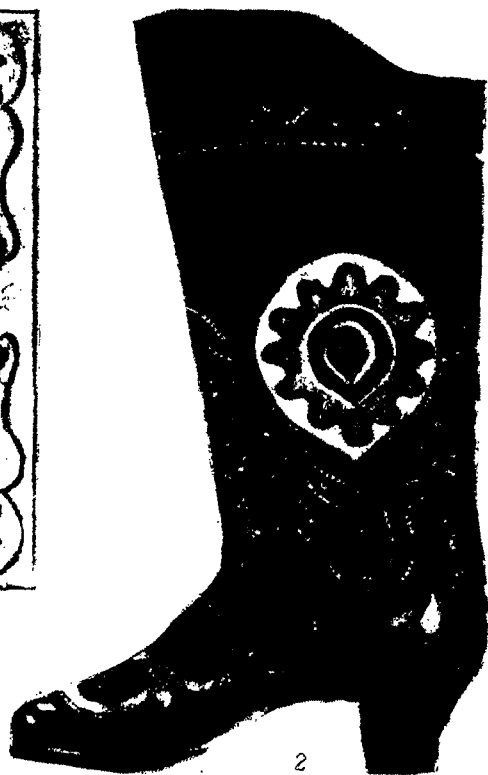
1

2

Полихромная раскраска татарского дома:

- 1 — дер. Большая Береза Тунаевского района. Вторая половина XIX в.,
2 — современный татарский дом. Дер. Юртыш быв. Дубязского района

Изделия из кожи с аппликацией:

1 — татарская кожаная подушка. 30—40-е годы XX в.; 2 — женский «ичег». Конец XIX в.;
3 — современная узорная обувь

вяленое мясо больше едят летом, когда свежего мало. Для приправы бульонов и жаренья широко используют сало; конское сало нередко кладут в тесто.

Цельное коровье и козье молоко дают обычно детям, а взрослые пьют его только с чаем. С молока снимают сливки, а из снятого делают *катык* — особый вид кислого молока, получающий при долгом хранении острый вкус. Катык едят с хлебом, добавляя его в жидкие блюда. Разведенный водой он служит хорошо утоляющим жажду напитком (*эйрен*). Делают также два вида творога; один готовят так же, как у русских, а другой — путем длительного выпаривания молока в котле, пока не получится творожистая масса красноватого цвета, сладковатая на вкус. Такой творог подают к чаю, нередко прибавляя в него сливочное масло.

Сметану татары стали употреблять только в последние годы. Из свежих сливок делают масло (*ак май*), которое предпочитают топленому (*сары май*).

Основной напиток татар — чай; его пьют часто и много. Заваривают его так же, как русские, для крепости долго держат на самоваре и пьют с небольшим количеством молока. Спиртных напитков, кроме браги, татары прежде употребляли мало. В городах пили заводское пиво, сельские жители приобретали домашнее пиво у соседей-чувашей.

В качестве сладкого раньше ели мед, а теперь преимущественно сахар и разные кондитерские изделия. Фруктов и ягод едят сравнительно мало. Из ягод готовят сухую пастилу (*как*).

В прошлом в питании татар наблюдалось смешение обычаев, существовавших у кочевников (употребление в значительном количестве мяса, отсутствие овощей) и у местных оседлых народов (выпечка хлеба, приготовление меда и т. п.).

На режиме питания татарского населения сказывалось сильное влияние ислама. До революции подавляющее большинство татар выполняло мусульманские пищевые запреты, в частности совершенно не употребляло в пищу свинину. Строго соблюдался пост ураза. Теперь и пищевые запреты, и пост соблюдаются ничтожным меньшинством населения.

В настоящее время питание татар — современное, но наряду с этим сохраняются многие его национальные особенности. В частности, даже многие татары, живущие в городах, предпочитают жидкие блюда с кусочками теста (*лашпа*), а не с овощами, которые чаще употребляют в виде салата. Татарская кухня широко бытует не только у сельского, но и у городского населения, она охотно используется и в общественном питании. Большой популярностью пользуются татарские кушанья: перемечи, белеши, фаршированная курица и др., которые подают почти повсеместно в городских и сельских столовых, ресторанах, заводских буфетах и т. п.

Утварь татарского населения в целом мало отличается от употребляемой теперь соседними народами. Но всевозможные лыковые лукошки, кадушки, долбленые и из клепок, еще сохраняются у татар.

Большинство кушаний готовили в котле (*казан*). Другая посуда (горшки, жаровни, сковороды) появилась недавно и более распространена у мишарей. Широкая доска для раскатывания теста (*жуна тактасы*) — обязательная принадлежность кухонного инвентаря татар. Для хранения молочных продуктов используют различную глиняную посуду. Для приготовления и хранения катыка нередко и до сих пор используют небольшую кадушку из клепок, с ушками и плотно пригнанной крышечкой, зашнурованной засовом. Такие кадушки-ведерки в прошлом широко применялись для переноски обеда в поле и назывались обедным ведром (*эбет чиллягы*). В настоящее время их часто заменяют глиняные корчаги или эмалированные ведра.

Воду в сельских местностях хранят обычно в ведрах, в которых ее приносят с реки или ключа. Раньше ведра были деревянные из клепки,

но за последнее столетие их заменили металлические. Умываются еще многие колхозники по-старому, из специальных узкогорлых кувшинов *комган* над низкими тазами. Однако в последнее десятилетие стали все чаще пользоваться покупными умывальниками, особенно молодежь.

Кастрюли, мясорубки, примусы, керогазы и плиты вытеснили традиционный очаг с вмазанным котлом. Котел, как правило, сохраняется почти у всех татар, кроме некоторых правобережных мишарей, но его все чаще стали использовать лишь для нагревания воды, а готовят на плите, которую устраивают на шестке печи или в подтопке. Кухонный инвентарь татар-горожан и сельской интеллигенции в целом уже не отличается от общепринятого городского.

С резким подъемом материального благосостояния и культурного уровня татарского населения улучшилось питание его основной массы. Увеличился ассортимент используемых продуктов, в том числе фабричных — готовых и полуфабрикатов. Приобретены новые навыки в приготовлении разнообразных вкусных и питательных кушаний. Поднялась культура сервировки стола.

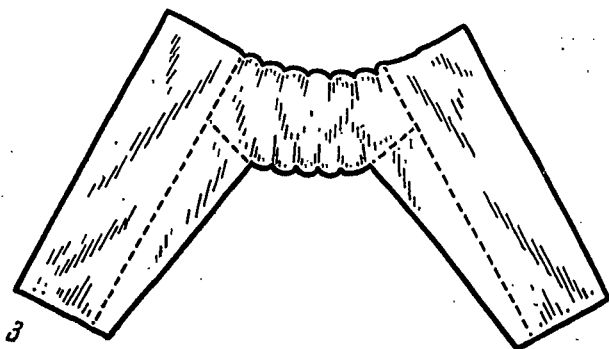
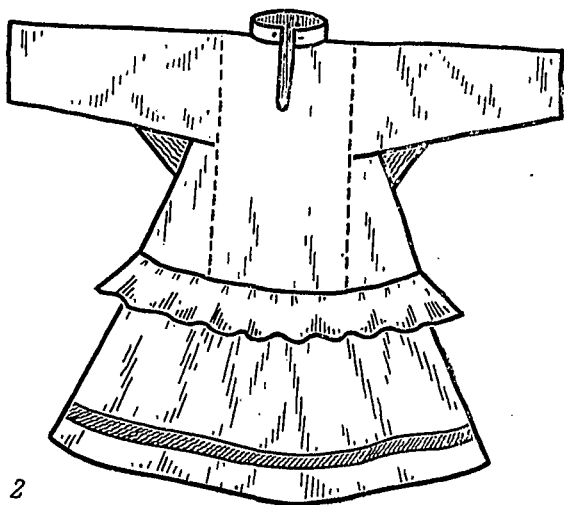
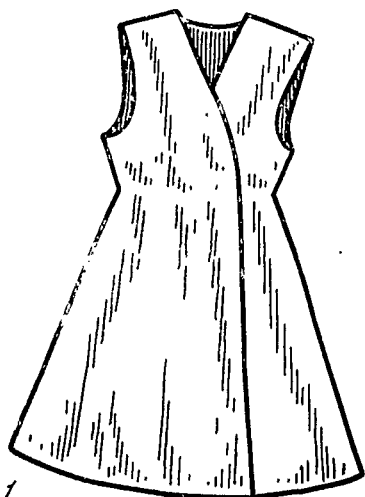
Одежда В отличие от других народностей края, изготавливающих одежду из белого холста и самодельных сукон серого или коричневого цвета, татары еще в начале XIX в. стали использовать более яркие ткани — покупные или самодельные (пестрядь). По мере развития капитализма ткани домашнего изготовления быстро вытеснялись фабричными: ситцем, сатином, нанкой и т. п., и только сергачские мишари продолжали шить одежду из синей или красной крапешенины, а крапешенины — носить пестрядь. Казанские же татары из пестряди шили только мужские шаровары.

Тип одежды сельских и городских татар в прошлом был довольно устойчив. После Октябрьской революции, а еще больше после коллективизации, одежда татар стала быстро приближаться к городской.

В настоящее время только глубокие старики и особенно старухи продолжают носить старинную одежду. Большинство татар в городах почти полностью перешло на костюм городского типа. В деревнях молодежь, да и люди среднего возраста одеваются по-городскому лишь с небольшими отступлениями. В костюме старшего поколения иногда наблюдается сочетание частей старинной и современной одежды. Так, нередко они носят, например, старого покроя рубахи и штаны, которые теперь стали нижним бельем, а поверх — брюки и пиджаки городского покроя. Отдельные элементы традиционного костюма продолжают сохраняться, например верхняя одежда *бишмэт*. В прохладную погоду пожилые люди надевают камзол вместо жилета. Встречается также нарядная женская обувь *читек* — сапожки из разноцветной кожи, которую некоторые горожанки иногда носят с городским костюмом. Носят их и пожилые женщины, одевающиеся по-старинному. Из традиционных мужских головных уборов бытует шапка старинного фасона и белая войлочная шляпа с опущенными полями. Их носят в деревнях мужчины старшего поколения.

Традиционный татарский костюм, существовавший длительное время, сохранил в своем покрое много древних черт, характеризующих сложение самой народности. Мужская рубаха (*кульмак*) имела туникообразный покрой, обычный для всех народов края, но боковые клинья вшивались более широкие, почему и сама рубаха становилась широкой, напоминая рубаху казахов. Длинной рубаха доходила почти до колен, носили ее навыпуск, без пояса. Рукава, довольно широкие и длинные, вшивались с ластовицей. Разрез делали посредине груди и не подшивали приполка, воротник был низкий, завязывавшийся тесемками. Своеобразными были и шаровары (*штан*), их шили с широким шагом, как у всех кочевых тюрок.

Поверх рубахи надевали короткий без рукавов или с рукавами до локтя камзол, а на него или прямо на рубаху — спитый тоже в талию, но

Старинная женская одежда:

1 — камзол; 2 — платье; 3 — шаровары

более длинный и с рукавами *кэзэки*. Зимней одеждой служил стеганный на вате или меховой бешмет, длиной значительно ниже колен, также спитый в талию. Воротник делали низкий и с бешметом обычно надевали длинный вязаный шарф, которым обвертывали шею несколько раз, а концы, свернув жгутом, прятали за пазуху. Бешмет, как и казакин, застегивался только до талии.

В дорогу надевали (да и теперь надевают) прямоспинный меховой тулуп с большим воротником шалью, подпоясываемый кушаком. Осенью в дорогу обычно надевали *чикмэн* того же покроя, что и тулуп, но из плотного сукна. Татары Приуралья носили его и вместо казакина. Тулуп и чекмень, который у соседних народов чаще называется чапаном, — широко распространенная в крае дорожная одежда; благодаря удобству она сохраняется и до настоящего времени. Более богатые татары зимой носили прямоспинные шубы с большими воротниками. Позднее, особенно в городах, эти шубы заменились обычным городским пальто на меху; иногда оно было стеганым; такие пальто теперь носят в деревнях.

В традиционном татарском костюме наблюдались иногда и прямые заимствования. Так, мусульманское духовенство и некоторые богатые татары носили среднеазиатские разноцветные халаты, а многие мишари — русские полушубки длиной до колен.

Медленнее изменялась женская одежда, причем ее модернизация зависела от возрастных групп. Особенно ярким примером изменения женской рубахи может служить клоульяк, который в прошлом был единственной

нательной и выходной одеждой, так как белья у татарок, как и у соседних нерусских народностей, не было. Девушки, особенно из семей интеллигенции, еще в 1930-х годов стали носить белье и менять традиционный кюльмяк на платье городского покроя, воздерживаясь, однако, от ношения юбки с блузкой. Теперь они полностью перешли на платье городского покроя, но стараются шить его как можно более широким, подобно старинному кюльмяку. Старухи в большинстве и теперь носят старинную одежду, редко надевают покупное белье, продолжая заменять его поношенным кюльмяком и шароварами того же типа, что и мужские. Живущие вдали от городов старухи продолжают носить кюльмяк наиболее древнего типа туникообразного покроя, похожий на мужской. К такой рубахе, доходившей длиной до бедер, пришивается широкая оборка — *итэк* (подол), делающая ее нижнюю часть очень широкой и удлиняющая ее почти до пола. В городах и в пригородных местностях чаще встречается новый тип кюльмяка на кокетке с пришитой к ней в сборку нижней частью. В подол такой рубахи вставляют клинья, что делает его довольно широким. Из-за отсутствия приполка на разрезе старинного женского кюльмяка с ним обычно непосредственно на тело надевали обильно украшенный вышивкой нагрудник (*кюкрякча*), закрывавший всю грудь.

В прошлом женщины поверх кюльмяка надевали камзолы того же типа, что и мужские, но, как правило, длиной до колен и более широкие книзу. Теперь камзолы почти исчезли. Их заменяют вязаные кофты и жакеты.

Зимой пожилые женщины носят стеганные бешметы одинакового покроя с мужскими или прямоспинные меховые шубы. Носимые женщинами бешметы, как и шубы, покрывают тяжелыми тканями, чаще зелеными, синими, оранжевыми, но не черными. Молодые женщины и девушки носят пальто, купленное в магазинах.

Поясов, кроме кушаков, надеваемых на тулуп или чекмень, редко на казакин, у татар в прошлом не было. Женщины во время работы носили фартуки с нагрудником и с завязками на талии. Девушки на селе, особенно с конца XIX в., начали носить нарядные фартуки с большими нагрудниками, часто вышитые. Интересно, что фартуки из грубого белого холста с небольшим нагрудником долгое время носили и мужчины для защиты одежды во время работы, надевая их даже на бешмет. Крестьяне и горожане нередко надевали их и в праздники как своеобразное украшение. И теперь многие колхозники еще носят фартуки поверх рабочей одежды, но все же эта часть костюма уже постепенно исчезает.

Детей раньше начиная с трех-пяти лет одевали в костюм, не отличающийся по покрою от одежды взрослых. В настоящее время детям покупают соответствующую возрасту одежду в магазинах.

Основным видом обуви татарских крестьян обоего пола, как и других народов края, до Октябрьской революции были лапти. Казанские татары по большей части вместо онучей носили с лаптями белые суконные чулки, поэтому и оборы лаптей они завязывали на щиколотках, не обматывая голени. Татары-мишари обычно носили онучи, обертывая ими всю голень. Женщины, особенно у мишарей, лапти чаще надевали на вязаные шерстяные чулки. При входе в дом лапти обязательно снимали, и дома ходили в чулках или какой-либо домашней обуви (туфли, обрезки валенок и т. п.). Богатые татары носили кожаные сапоги (*читек*) с мягкой подошвой; при выходе из дома на них надевали кожаные, а зимой — валяные галоши. Часто зимой богатые ходили в валенках, белые голенища которых были украшены узорами красного цвета.

Женщины носили лапти, а зимой валенки, но богатые чаще — *читек* из цветной кожи либо кожаные или бархатные орнаментированные туфли.

В настоящее время лапти почти исчезли из быта, и только иногда пожилые крестьяне надевают их на полевые работы. Большинство и в городе, и в деревне носит фабричную обувь: мужчины — чаще сапоги, а мо-

лодые люди — ботинки. Щегольской обувью женской сельской молодежи считаются хорошо сшитые хромовые сапожки на высоком каблуке, повседневной же обувью служат ботинки и туфли.

Обязательным мужским головным убором прежде была тюбетейка, появившаяся под влиянием ислама, запрещавшего ходить с непокрытой головой даже дома. Тюбетейка, по-видимому, ведет происхождение от подшлемника воинов. Теперь тюбетейка потеряла ритуальное значение, ее носят некоторые старики, да летом иногда молодежь.

По выходе из дома поверх тюбетейки обязательно надевали еще какой-нибудь головной убор. У татарских крестьян начиная с XIX в. была распространена шапка в виде низкого цилиндра с полусферическим верхом, сшитая из ткани, с меховой подкладкой и иногда узкой опушкой.

В жару, особенно во время полевых работ, надевали белые войлочные шляпы с опущенными полями. Мишари и крышени носили белые или черные шляпы с загнутыми вверх полями. Буржуазия и интеллигенция ходили в каракулевых шапках в виде низкого цилиндра с плоским верхом на жесткой стеганой подкладке.

В наше старшее поколение в деревнях продолжает носить полусферическую шапку и войлочную шляпу, а молодежь летом — кепку, зимой — шапку-ушанку. В городах носят обычные городские головные уборы, в частности фетровые шляпы.

Основным головным убором татарок начиная с середины XIX в. служат различные платки и шали, которые сохраняются и теперь как единственный вид головного убора основной массы колхозниц и многих горожанок. Только женщины из семей интеллигенции носят различного типа шляпы и шапочки, а летом нередко ходят с непокрытой головой.

Непосредственно на волосы, заплетенные в две спущенные на спину косы, надевается легкий ситцевый платок, который татарки под подбородком завязывают за два соседних конца в роспуск, так что он закрывает полностью спину и плечи. Теперь нередко, особенно девушки, завязывают концы платков на затылке, оставляя открытыми подбородок и уши, или повязывают платок по-русски, на угол. Все большее распространение у молодых женщин получают легкие шелковые косынки фабричного производства.

При выходе из дому, главным образом пожилые женщины, поверх платка надевают шаль фабричного производства, которую складывают на угол, но концы ее редко обертывают вокруг шеи, а спускают вдоль

Татарка в современной рабочей одежде.
Чистопольский район

груди. Поверх платка или шали пожилые татарки иногда надевают мужскую шапку или тюбетейку. В прошлом богатые татарки носили бобровую шапку (*кэмчат бурек*) в виде слегка расширяющегося кверху цилиндра с плоским бархатным верхом, на который часто нашивалась крупная металлическая бляха.

Старинные женские головные уборы разнообразнее и сложнее. Прежде всего это полотнятые покрывала (*тастар*), которыми обертывали голову, а концы спускали на спину. Подобные покрывала встречаются у многих тюркоязычных народов — чувашей, башкир, казахов, туркмен, а также у мариийцев и др. Богатые пожилые женщины покрывались огромной косынкой (*орнек*), имевшей форму прямоугольного треугольника. Накинув на голову длинной стороной, ее укрепляли завязками на лбу. Углы такой косынки были богато орнаментированы и располагались: один на груди, другой — на спине, а третьим обертывали лицо и шею и закидывали его на спину.

По праздникам девушки и молодые женщины-крестьянки надевали белые вязаные колпаки, украшая их в наlobной части бахромой из позумента. Богатые горожанки носили цветные колпаки, вязаные или бархатные, одна сторона которых, опускавшаяся при надевании на бок, украшалась вышивкой, аппликацией из лент и металлическими бляшками.

В конце XIX в. колпак, постепенно уменьшаясь, превратился в небольшую наколку с жестким орнаментированным краем; ее носили на темени, ближе ко лбу. Девушки-крестьянки колпаки ничем не покрывали, а горожанки при выходе из дому набрасывали сверху легкую шаль.

Все эти головные уборы, кроме платков, шалей и обычной шапки поверх них, к началу XX в. постепенно стали исчезать и с конца 1920-х годов их уже никто не носит.

В прошлом татарки, особенно женщины, в зависимости от их зажиточности носили большое количество украшений, особенно наcosных (*чулты*) и нагрудных (*хасите*). Однако с начала XX в. количество их постепенно сокращалось. В настоящее время колхозницы довольно охотно носят только серьги, кольца, браслеты (преимущественно старинные, в виде полоски серебра, сгибаемой вокруг руки), а также броши и различные безделушки, приобретенные в магазинах.

Вместо браслетов у женщин и девушек очень часто можно видеть наручные часы. Только пожилые женщины и старухи продолжают носить наcosники, преимущественно в виде нескольких крупных серебряных монет, прикрепленных к шнуру, который вплетается в косы.

* * *

Материальная культура татар среднего Поволжья и Приуралья складывалась в течение длительного времени из элементов культуры ряда тюркских племен (булгар, кыпчаков и др.) и некоторых бытовых черт местных народов. Кроме того, на нее оказывала большое влияние культура нередко отдаленных народов (Средней Азии, Ирана и даже Аравии, откуда распространился ислам). С конца XVIII в., особенно в период капитализма, татарская культура стала сближаться с русской. После Октябрьской революции сближение с русскими и другими народами СССР стало идти быстрее. Татары охотно воспринимают бытовые формы, присутствующие всему социалистическому обществу, не отбрасывая вместе с тем и того ценного, что создал сам народ в предшествующие периоды.

СЕМЕЙНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Огромные сдвиги в татарском обществе, происшедшие после Октябрьской социалистической революции, по-настоящему можно понять и оценить только в сравнении с прошлым.

Крепостнические отношения у татар не были развиты. К моменту присоединения к Русскому государству, кроме небольшого числа *куллар* (холопов), полностью зависевших от феодалов, основное население состояло из лично свободных людей, живших общинами, которые платили правительству и феодалам определенные подати (ясак) и несли некоторые другие повинности. Внутренними делами общины ведали старшины (*аксакалы* и *абызы*). Общины были относительно самостоятельны. В качестве ясачных они вошли и в состав Русского государства, платя ясак царскому правительству. В начале XVIII в. население ясачных общин было занесено в разряд государственных крестьян.

Положение татарских трудовых масс было таким же, как и у соседних нерусских народностей, но феодальная верхушка татар была более сильной. Потеряв свое официально господствующее положение, значительное число феодалов переселилось в татарские деревни, стараясь сохранить свои права на эксплуатацию масс.

Родовые отношения у татар исчезли еще в период их формирования в народность, общины у них были типично соседскими, но некоторые пережитки родовых отношений все же проявлялись, например, в стремлении родственников селиться в отдельных концах деревни. У многих групп татар в качестве пережитка, сохранявшегося до Октябрьской революции, существовал особый праздник родственных деревень — *джиен*. Этот праздник был как бы отголоском существовавших у многих тюркских народов родовых советов (курултаи, джиены), собиравшихся для обсуждения вопросов, касающихся всего рода. У татар этот обычай сильно трансформировался. Никаких общественных дел во время джиенов не решалось, но ими поддерживались отношения между ранее родственными деревнями. Древность джиенов подтверждается и тем, что во время их празднования соблюдались некоторые обычаи, позднее исчезнувшие под давлением ислама. Например, в играх принимала участие молодежь обоего пола, чего вне джиена никогда не допускалось. Мусульманское духовенство к этому празднику относилось крайне отрицательно. Джиены сохранялись лишь в старых местах поселения татар, поэтому, например, в Закамье, которое заселялось позднее отдельными группами татар из Предкамья, джиенов не было. Не было их и у мишарей, тогда как у так называемых тептярей, живущих в Башкирии, они сохранялись очень долго, возможно под влиянием джиенов башкир.

Капиталистические отношения у татар также проявлялись несколько по-иному, чем у соседей. С ростом расслоения татарского крестьянства выделилось большое количество бедноты, которая практически оторвалась от сельского хозяйства. Татарские же богатеи и кулачество, опираясь на поддержку мусульманского духовенства, всячески препятствовали уходу бедноты из деревень, чтобы исключить общение татар с другими народами и иметь больше возможностей эксплуатировать трудовое крестьянство. При этом татарские кулаки меньше, чем кулачество других народов края, занимались концентрацией земли в своих руках. Они не стремились к организации крупных хозяйств с многочисленными батраками, а занимались больше эксплуатацией кустарей, организацией в деревнях мелких промышленных предприятий и скупкой у крестьян их продукции, часто в обмен на промышленные товары. Это не облегчало кабалу, но придавало ей иной характер.

Татарские общины и в капиталистический период оставались формально такими же, как и прежде, но в них стала резче выступать

социальная дифференциация; кулаки более открыто эксплуатировали трудящихся крестьян.

Сложное переплетение капиталистических, феодальных и еще не изжитых полностью родовых отношений тормозило развитие татарского общества в первые годы Советской власти. Партийному и советскому активу пришлось вести героическую борьбу за ликвидацию пережитков, мешавших татарской деревне приобщаться к новой жизни.

Если в городах татары-рабочие, еще до Октябрьской революции находившиеся в известной степени под воздействием большевиков, сразу разгадали замыслы разбитых эксплуататорских классов, то в деревне проповедь последних имела некоторый успех. Только после проведения сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса татарское крестьянство встало полностью на путь социалистического строительства.

В процессе социалистического строительства создавались новые отношения между людьми, новое отношение к труду, формировались другие взгляды на личную и общественную собственность. Уничтожение национальной замкнутости способствовало развитию дружбы между народами, населяющими край, их взаимной помощи в труде и строительстве социализма. Этому во многом содействовал совместный труд в промышленности и сельском хозяйстве представителей разных народов, их общие интересы и цели. В деревнях большую роль сыграло укрупнение колхозов; это при наличии чересполосного поселения отдельных народностей привело к тому, что в составе многих колхозов оказались представители двух-трех народов. Совместный труд в таких колхозах еще более укрепил дружбу народов, успешно строящих коммунистическое общество.

Семейно-родственные отношения у татар в прошлом регулировались народными обычаями, складывавшимися в течение веков и освященными религией. Тщательно соблюдались они и в народных массах, и в среде феодальной аристократии. Что же касается буржуазии, то разбогатевший кулак или купец не склонен был признавать бедных родственников, а если и признавал, то только с целью их эксплуатации, используя обычай родственной помощи. Если родственники из среды трудящихся всегда считали необходимым помогать друг другу, то кулак стремился получать помощь от них, ничего не давая взамен.

В настоящее время родственные отношения у татар, как и прежде, имеют большое значение. Татары хорошо помнят свои родословные. Нередко в деревнях можно встретить хранителей *шэжэре* — родословных целой группы родственных семей, которые ведутся несколькими поколениями. Такие родословные обычно начинаются за семь поколений от ныне живущего и представляют собой сложно ветвящееся дерево или как бы кисть в виде кружков с именами, соединенных линиями родственных связей. Даже с дальними родственниками сохраняются близкие отношения, и они являются обязательными участниками всех семейных торжеств и событий. Выехавшие из деревни татары обычно долго сохраняют родственные отношения с оставшимися на селе. Это особенно проявляется теперь, когда многие крестьяне окончательно переехали на работу в города. Они обычно приезжают на семейные праздники в деревню и сами приглашают родственников к себе при важных семейных событиях.

В условиях феодального и капиталистического общества татарская семья почти всех социальных слоев была основана на патриархальном принципе, связанном с всемерным подавлением самостоятельности отдельных ее членов; этот принцип поддерживался духовенством и закреплялся предписаниями шариата. Характерной чертой семейного быта являлось неравноправное положение женщин; она считалась неполноценным существом. Нередки были случаи грубого обращения с женами, снохами и дочерьми. Строго соблюдалась взаимная изоляция мужской и женской частей молодежи, якобы в целях охранения нравственности.

Подобная изоляция полов и неуважительное отношение к женщине наиболее резко проявлялись у богатых татар и более обеспеченных групп. Среди трудового, особенно сельского, населения это было менее заметно, так как трудовая деятельность таких семей требовала совместного участия всех ее членов, в том числе женщин и девушек. Поэтому, внешне соблюдая изоляцию полов, крестьяне не возражали против встречи молодежи на реке, у ключа, на девичьих вечерках. Таким образом, если в среде господствующих классов молодые люди, вступая в брак, нередко не были знакомы, то в трудовой среде будущие супруги в какой-то мере уже знали друг друга.

Духовенство, желая поддержать запрет в отношении общения молодежи разных полов и в деревне, всячески поощряли экзогамию: брать невесту в своей деревне не рекомендовалось якобы из соображений родственности всех семей даже большого населенного пункта.

Теперь это уже изжито. Юноши и девушки свободно встречаются на совместной работе, собраниях, в клубах, на уличных гуляньях. Однако, чтобы добиться этого, приходилось вести упорную борьбу со сторонниками старины, с установившимися традициями старших, воспитанных на догмах ислама. Еще 10—15 лет назад девушки в клубе держались отдельной группой в стороне от юношей, танцевали только друг с другом, во время гуляний ходили по улице особняком.

Заключение брака в прошлом начиналось длинной процедурой сватовства, в котором принимали участие многочисленные родственники обеих сторон. При этом зачастую желания жениха и невесты не учитывались; все переговоры велась вокруг размера калыма (*мәһер*) со стороны семьи жениха и приданого невесты. Нередко свадьба расстраивалась из-за каких-нибудь деталей в размере калыма и приданого. Калым у татар, как правило, шел в пользу новой семьи, но нередко отец-бедняк продавал свою дочь богатому старику ради присвоения полученных от будущего зятя средств. Обычай сватовства и торговля из-за калыма особенно соблюдались в обеспеченных семьях. Трудовые семьи стремились упростить эту процедуру.

Кроме обычного заключения брака, практиковался и брак убегом, с согласия девушки, а иногда и уводом без ее согласия. Если родители, особенно девушки, не соглашались выдать ее за любимого человека, она убегала из дому со своим нареченным, тайно вступала с ним в брак, а позднее молодая пара стремилась восстановить хорошие отношения с родителями, что иногда достигалось лишь после долгих мытарств. Браки умыканием, хотя бы и с согласия девушки, чаще встречались среди обеспеченных классов. У трудового крестьянства они нередко только инсценировались. При браке умыканием отпадали калым и дорогостоящие свадебные пиршества, поэтому средние и бедные крестьяне, чтобы избежать непосильных расходов на свадьбу по сватовству, договаривались об умыкании, при котором после примирения с «беглецами» можно было ограничиться лишь небольшой вечеринкой. В большинстве случаев браки умыканием заканчивались примирением сторон, но иногда беглецов догоняли и жестоко избивали.

Как у всех мусульман, у татар допускалось многоженство, но в трудовых семьях оно встречалось редко. Лишь некоторые брали вторую жену в случае бездетности или болезненности первой жены. Богачи и представители духовенства и без подобного повода заводили по нескольку жен. Отношение основной массы к многоженству отражено в поговорке: «Буран на улице можно терпеть, а буран в избе — нельзя».

Празднование свадьбы (*туй*) проходило в доме невесты, без участия молодых. Мулла совершал религиозный обряд бракосочетания (*никях*), затем устраивалось угощение для мужчин и женщин отдельно. Далее следовали торжества в доме жениха, затем у ближайших родственников жениха и

невесты. Свадебные торжества иногда продолжались по нескольку дней, стоили немалых денег, поэтому во время сватовства строго предусматривали не только количество и место проведения пиршеств, но и состав приглашаемых лиц.

Встреча новобрачных происходила в доме молодой, причем новобрачный шел к своей жене как бы тайно, избегая встречи с ее родителями. После окончания свадебных торжеств у трудового населения невестка сразу переходила в семью мужа, приступала к работе, а у обеспеченных этот переход задерживался, часто довольно надолго, пока не будет полностью выплачен калым, который до заключения брака можно было внести в половинном размере. Переход в семью мужа обычно также сопровождался пиршеством родственников, причем в это время выполняли ряд обрядов, унижающих молодую женщину.

В настоящее время браки, как правило, заключаются по инициативе самой молодежи, и родители обычно дают свое согласие. Совершенно не практикуются совещания родственников и почти исчез обычай сватовства через третьих лиц. Нет речи о калыме. Приданое получило тоже своеобразный характер. Девушка, имеющая свой заработок, старается заготовить то, что необходимо для ее будущей семейной жизни. Если новобрачные предполагают жить в семье мужа, будущая сноха перед свадьбой привозит сюда свое приданое и с помощью родственниц мужа оборудует помещение, в котором они будут жить. Свадьба теперь чаще происходит в доме родителей жениха, причем на ней присутствуют родственники обоюбого пола и молодежь. Торжество сопровождается музыкой и танцами, чего раньше никогда не допускалось. Мулле для совершения брачного обряда, как правило, теперь не приглашают. Правда, некоторые родители новобрачных иногда считают необходимым религиозное освящение брака, но проводят это после свадьбы, обычно тайно, украдкой от новобрачных, благо религиозный ритуал мусульманской свадьбы не только не требует, но даже исключает присутствие самих вступающих в брак. Однако такое явление наблюдается все реже.

В наше время складывается новый ритуал свадьбы, без религиозных обрядов, с отказом от всех обычаев прошлого, унижавших девушку. Это так называемая красная свадьба (*кызыл туй*). Часто проводятся и комсомольские свадьбы с участием не только родных и друзей жениха и невесты, но и представителей общественных организаций. Процедура регистрации брака в загсе принимает все более торжественный характер; в частности, входит в традицию после регистрации тут же в специально оборудованном буфете поздравлять новобрачных, их родные и гости поднимают бокалы с шампанским в ознаменование торжественного события — создания новой советской семьи. Эти новые обычаи успешно вытесняют старый мусульманский ритуал *никяха* — бракосочетания с участием муллы.

В качестве общественного и в то же время семейного праздника в некоторых городах Татарии периодически проводятся вечера молодоженов, вступивших в брак в течение последнего года. С приветствиями к молодоженам обращаются супруги, отпраздновавшие в текущем году золотую свадьбу. В некоторых случаях здесь же работники загса регистрируют вновь заключаемые браки. В непринужденной обстановке проходят игры, танцы, шуточные конкурсы «молодых отцов» и «молодых хозяек». Начинает входить в быт ежегодный День молодоженов, одним из элементов этого праздника является посадка каждой молодой супружеской парой нескольких деревьев в «аллеях молодоженов».

В корне изменились по сравнению с дореволюционным временем самые основы семейного быта татарского населения. Прежнее положение, когда девушка, выходя замуж, переходила от рабства в родительском доме к рабству в доме мужа, безвозвратно ушло в прошлое. Женщина в семье те-

перь равноправна, и если изредка встречаются некоторые пережитки старого в жизни современной семьи, то они резко осуждаются общественностью.

Главой семьи в настоящее время, как и прежде, считается мужчина, но в это вкладывается теперь другое содержание. В прошлом женщина даже формально не могла возглавлять семью. Вдова всегда попадала под опеку кого-либо из родственников умершего мужа. Мужчина являлся владельцем всего имущества, а жена имела право распоряжаться только своим приданым и по традиции, особенно в трудовых семьях, продуктами молочного хозяйства, яйцами и холстами. Теперь глава семьи обычно пользуется большим уважением ее членов, но он не может единовластно распоряжаться имуществом семьи, а также судьбой жены и детей. Современные татарские семьи держатся на взаимном уважении и любви.

В прошлом развод по мусульманскому обычному праву (шариату) проводился очень легко по инициативе мужчины, но очень трудно по желанию женщины. Хотя мужчина при разводе должен был отдать жене все ее приданое, но практически мог выгнать ее из дому без всяких средств. Дети, как правило, всегда оставались у отца. Несчастливая женщина, претерпев всяческие издевательства от мужа, принуждена была скитаться без средств, так как родная семья не всегда принимала разведенную дочь. Общественное мнение осуждало уход от мужа. Все это делало положение женщины невыносимым.

Советские законы установили полное равенство в отношении разводов, но практически они встречаются редко. Женщина по традиции оказывает большое почтение мужу, но семьи строятся на взаимном согласии обоих супругов.

Положение снохи в семье мужа в прежнее время было очень тяжелым. Она должна была беспрекословно подчиняться мужу, свекру, свекрови, да и вообще всем старшим в семье. На нее возлагались главные работы по хозяйству, так как золовки-девушки принимали в них малое участие, в основном только приносили воду для питья. Сноха должна была прятаться от свекра и взрослых братьев мужа. Чтобы избежать семейных неприятностей, крестьяне старались скорее выделить взрослых сыновей, но богатые семьи, не желая раздела хозяйства и нуждаясь в рабочих руках, стремились держать в одном хозяйстве всех женатых сыновей. Зять также старался меньше общаться с родственниками жены, особенно с тещей, а положение зятя, вошедшего в семью примаком, было близким к положению невестки.

Теперь все это ушло в прошлое. Хотя иногда невестка чувствует себя несколько стесненной в доме родителей мужа, но это уже пережиток старой традиции, так как реальных оснований для этого нет. Обычно невестка имеет самостоятельный заработок и нередко играет видную роль в общественном производстве; она оказывает свекру и свекрови почтение, но уже совершенно не зависит от них. В городских семьях чаще всего молодожены не живут с родителями и сразу начинают строить свою жизнь отдельно. До некоторой степени это объясняется тем, что теперь вступают в брак несколько позднее. Если прежде татарин, особенно зажиточный, старался как можно раньше женить сына, чтобы получить в дом лишнюю работницу, то теперь женятся обычно тогда, когда молодые люди становятся самостоятельными и могут жить без опеки старших.

Советская власть открыла татарке широкую дорогу. Освободившись от гнета установлений шариата, получив равные с мужчиной права, ныне она активно участвует в производственной и общественной жизни и нередко занимает руководящие посты на предприятиях, в государственных учреждениях и общественных организациях.

Раскрепощению татарской женщины от тягот домашнего быта во многом способствует организация детских садов и ясель, число которых в республике с каждым годом растет. Детские учреждения организуются не

В детских яслях Заинской ГРЭС

Что касается древних доисламских культов и верований, то среди татар они и раньше не были особенно широко распространены. В настоящее же время, если о них и вспоминают, то обычно как о старых суевериях. Распространение социалистических форм быта и культурных мероприятий, в частности в области здравоохранения, лишило почвы знахарское врачевание, но все же борьба с ним имеет еще актуальное значение.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Письменность на основе арабского алфавита появилась у предков татар еще в XI—XII вв.¹, она была принесена из Передней Азии вместе с исламом. Очень давно возникли школы, но они были целиком религиозными.

Старые татарские школы содержались на средства населения, преподавали в них преимущественно муллы, реже специальные учителя (*мугаллим*), которые сами получили религиозное образование. Начальная школа (*мектеб*) давала элементарную грамотность и знакомство с основами религии. С давних времен существовали у татар и средние школы (*медресе*), но они готовили преимущественно духовенство. Особенностью

¹ Имеются данные, что у булгар до ислама существовала своя письменность, но она исчезла с появлением арабской.

Юные натуралисты собирают пух с кроликов. Средняя школа. Пестречинский район

просвещения у татар (по сравнению с соседями) было обучение грамоте девочек. Женских школ, правда, не существовало, девочки обучались у жен мулл на дому. Их чаще учили только читать, считая, что письмо для девочек не нужно, но практически большинство их самоучкой изучало и письмо. Читать и писать в религиозных школах учили на арабском языке. По-татарски каждый писал, применяя арабский алфавит по-своему, норм орфографии очень долго не было выработано.

Все же, несмотря на большие недостатки старых татарских школ, элементарная грамотность у татар до середины XIX в. была самой высокой по сравнению с другими нерусскими народами Среднего Поволжья. В 1897 г. грамотных мужчин среди татар было 24,1%, женщин — 19,7%.

Однако вплоть до второй половины XIX в. светской литературы у татар не было, грамотные могли читать только книги религиозного содержания или произведения на религиозно-нравственные темы. В конце XIX в. передовым людям того времени, борющимся со сторонниками исключительно религиозного обучения, удалось ввести в школе, но преимущественно в средней, преподавание начал светских наук и татарского языка. После 1905 г. число реформированных татарских школ увеличилось, и в некоторых из них было введено преподавание русского языка. Реформа школы имела большое значение для повышения культуры обучавшихся, но влияние ее было ограниченное, так как лишь немногие имели возможность учиться в средних школах.

В связи с появившимся во второй половине XIX в. стремлением к овладению русской культурой некоторые татары стали отдавать своих детей в русские средние школы, но таких насчитывалось немного. В высшую школу тоже могли попадать только единицы. Так, за все время существования Казанского университета до Октябрьской революции его окончило только шесть татар из наиболее богатых семей. Националистически настроенные обеспеченные люди посылали свою молодежь на обучение в Турцию и Египет, но там школа опять-таки была связана с религией, и ее воспитанники мало способствовали поднятию татарской культуры. Отдельные представители татарской буржуазии посылали своих сыновей

в учебные заведения стран Западной Европы, например в Сорбонну, но эти случаи были крайне редки.

В конце XIX — начале XX в. по настоянию царского правительства, нуждавшегося в переводчиках-татарах, при медресе были организованы русско-татарские классы, а затем татарская учительская школа. Поскольку эта мера соответствовала стремлению передовой татарской интеллигенции к овладению русским языком и культурой, эти классы охотно посещались молодежью и отсюда, особенно из учительской школы, вышло немало крупных деятелей татарской культуры. В числе ее воспитанников были первый большевик-татарин Хусаин Ямашев, крупный лингвист профессор М. Курбангалеев и др.

Только после Октябрьской социалистической революции татарская школа полностью утратила религиозный характер, и дети татар стали обучаться на родном языке по тем же программам, что и во всех школах СССР. К 1939 г. в школах обучались все дети школьного возраста; в 1940-х годах в Татарской АССР было введено обязательное семилетнее обучение. В татарских деревнях Поволжья открылось много татарских средних школ. Только на территории Татарской АССР имеется более 2 тыс. татарских школ разного типа. Школы обеспечены подготовленным педагогическим персоналом, снабжены учебниками на родном языке, имеют хорошее оборудование. После XXI съезда КПСС, как и во всей стране, в татарских школах начался переход к производственному обучению. Этот процесс увязки преподавания с практикой производства успешно развивается, и школьники, в частности сельские, не только учатся, но и оказывают большую помощь колхозам своими силами и знаниями.

Одновременно с развитием школьного обучения детей в первые же годы после Октябрьской революции была поставлена задача ликвидации неграмотности среди взрослого населения и повышения образования грамотных. Решение этой задачи было связано с огромными трудностями. Для вновь открываемых школ не хватало подготовленных учителей, для ликвидации неграмотности — достаточно хорошо грамотных людей из среды татар. Однако освобожденный от угнетения народ справился с этими задачами, и к 1939 г. общая грамотность татар достигла 91 %, неграмотными остались только престарелые, главным образом женщины. В процессе борьбы за повышение образования взрослых открывались различного типа школы, широко развернулось среднее и высшее заочное обучение.

В настоящее время борьба за повышение образования широких масс татарского населения активно продолжается, народ стремится до конца преодолеть прежнюю культурную отсталость.

Крупной вехой в культурном строительстве явился перевод старой арабской татарской письменности сначала на латинизированный, а затем на русский алфавит. Новый алфавит лучше обеспечил выражение фонетических особенностей татарского языка.

В Татарской АССР имеются довольно крупные кадры национальной интеллигенции, в основном вышедшие из народа, которые с успехом работают в различных областях народного хозяйства и в культурном строительстве: десятки тысяч учителей, тысячи инженеров, агрономов, многочисленные кадры врачей и других специалистов. Среди татарских работников искусства — писатели, артисты, музыканты — не самоучки, как было прежде, а получившие специальное образование в Казани, Москве, Ленинграде и других городах СССР. Немало теперь научных работников в различных отраслях знания, выходцев из татар. Несколько сот их работает в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах. Более трех десятков из них имеют степень доктора наук и звание профессора. На территории Татарской АССР имеется двенадцать высших учебных заведений вместо трех существовавших до революции; в них

В отделе «Для самых маленьких» книжного магазина в г. Казани

обучается около 35 тыс. студентов, из которых до 11 тыс. татар. Преподавание ведут около 2 тыс. научных работников, в том числе более 500 татар.

Татарские ученые занимают видное место в разработке вопросов культуры татарского народа. Так, в основанном в 1946 г. Казанском филиале Академии наук СССР были созданы такие капитальные труды, как «История Татарской АССР» в двух томах, «История татарской литературы», «Татарская научная грамматика», «Татарская диалектология» и несколько капитальных словарей. Немало в этом же направлении сделано учеными Казанского университета и педагогического института.

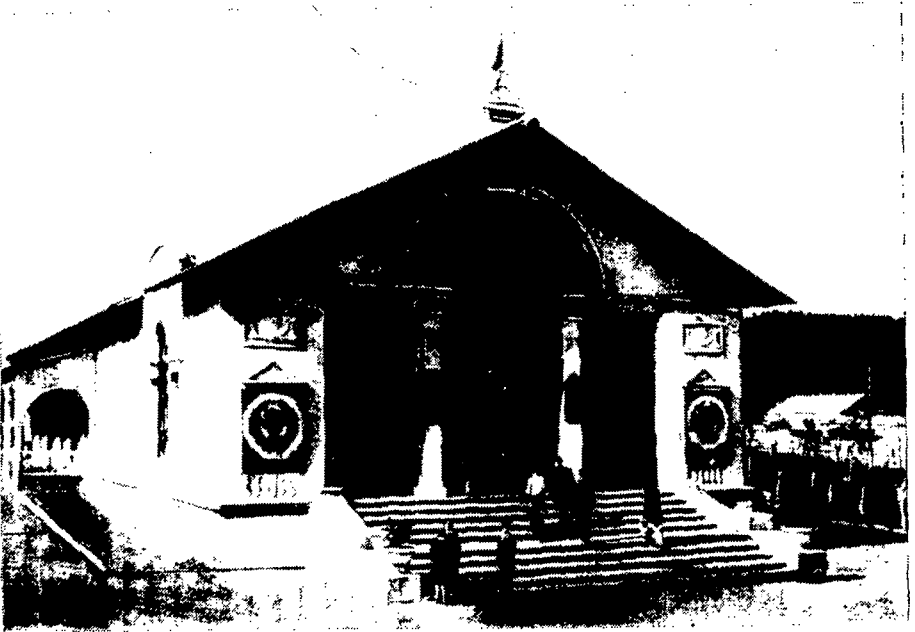
Произведения татарских писателей переводятся на многие языки народов Советского Союза, в том числе на русский. Татарские композиторы создали значительное количество крупных произведений, среди них несколько опер и балетов.

Далеко за пределами Татарии пользуются успехом произведения композиторов Н. Жиганова опера «Муса Джалиль» и Ф. Яруллина — балет «Шурале». Татарский театр имеет обширный репертуар, пополняемый новыми произведениями татарской драматургии.

На татарском языке издается большим тиражом много газет и журналов. Татарское книжное издательство печатает большое количество книг по разным отраслям знания. Кроме оригинальных произведений, татарский народ имеет возможность читать в переводе на родной язык книги лучших русских авторов, а также писателей других народов СССР и многих зарубежных. Выходят книги и для детей.

На татарском языке напечатано большое количество сочинений классиков марксизма-ленинизма, издано собрание сочинений В. И. Ленина.

Кроме литературы на родном языке, Татарское государственное издательство выпускает в большом количестве и русские книги. Изучение русского языка широко распространено в татарских школах. Значительное

Клуб нефтяников им. Маяковского в г. Ленингорске

В доме отдыха сельхозартели «Путь к коммунизму»
Зеленодольского района. 1962 г.

Татарский народный праздник «сабантуй». Бой мешками на бревне

число татар, особенно молодежи, наравне с родным языком прекрасно владеет и русским. Культурное сближение татарского и русского народов, имеющее вековую историю, теперь, в условиях социалистического общества, идет весьма быстро и способствует огромному культурному росту татарского народа.

В республике как в городе, так и на селе ведется большая культурно-просветительная и массово-политическая работа. Организации отдыха и досуга населения уделяется очень много внимания. На предприятиях, в районных центрах и во многих колхозах и совхозах функционируют дворцы и дома культуры, библиотеки, клубы, где читаются различные лекции, проводятся читательские конференции, работают кружки, регулярно идут кинокартины, ставятся спектакли гастрольными труппами и местной художественной самодеятельностью. Для повышения квалификации и общего культурного уровня сельских тружеников организуются агротехнические и другие школы и курсы. В последние годы появились районные и сельские университеты культуры.

Многие промышленные предприятия, а также крупные колхозы и совхозы имеют свои дома отдыха и санатории.

Большое развитие получили различные виды спорта — современного и традиционного. Так, например, во время весеннего праздника сабантуй обязательно проводятся традиционные состязания в верховой езде, борьбе и т. п. Этот праздник, как и раньше, занимает важное место в общественном быту татар. После окончания весенних полевых работ в колхозах и совхозах проводятся районные сабантуи, а затем, обычно 24 июня,

или в ближайшее к этому числу воскресенье, сабантуй проводится в столице республики. Из районов в Казань приезжают отличившиеся в труде люди, а также лучшие спортсмены, участники художественной самодеятельности и т. д. Сабантуй в Казани проводится по районам, каждый район использует для этого то или иное живописное место в окрестностях города. После очень краткой официальной части, обычно посвященной чествованию передовиков коммунистического труда, исполняется большая программа спортивных и прочих игр, соревнований и развлечений. Среди них и традиционные татарские: бой мешками на бревне, перетягивание палки, национальная борьба, бег с полными ведрами на коромысле (не пролить ни капли воды!) и т. п. Проводятся также веломотогонки, организуются скачки, выполняются акробатические номера и т. д. День республиканского сабантуя считается в Татарии общенародным гражданским праздником.

Вместе со всеми другими народами Советского Союза татары торжественно отмечают революционные праздники — годовщину Великого Октября, 1 Мая и др. Гражданские праздники все более вытесняют отмирающие религиозные празднества.

Фольклор и литература

Устное творчество татарского народа имеет древние традиции. В народе издавна бытовали и бытуют различные жанры фольклора, носящие оригинальные черты. Наиболее широко распространены песни-четверостишия, построенные на параллелизме или контрасте образов двух первых и двух последних строк.

Переплыл бы реку Белую,
Но берега покрыты тиной;
Твое лицо назвал бы цветком,
Но цветы недолговечны.

Реже все четверостишие имеет один смысл:

Чернее смородины твои брови,
Краснее костяники лицо,
Слаще сахара, вкуснее меда
Твои слова ¹.

Но не только любовные мотивы звучат в старой татарской песне, в ней часто говорится о нужде, тяжести подневольного труда, о кулацкой кабале, о презрении богатых к бедным, а нередко содержится злая сатира на богачей и других угнетателей трудового народа.

Кроме четверостиший, татары поют протяжные песни, состоящие из нескольких куплетов, объединенных единым содержанием. Эти песни по построению близки к башкирским и чаще встречаются среди татар Приуралья.

Новое содержание приобрели татарские песни после Октябрьской революции. Характерно традиционно построенное четверостишие, в котором воспевается В. И. Ленин.

Если бы не было ивы в саду,
Не садился бы соловей.
Если бы Ленин не начертал нам путь,
Не было бы светлых дней.

Народ прославляет в своих новых песнях радостный совместный труд, новую, светлую жизнь, выражает свою готовность бороться за ее процветание, за мир во всем мире.

Много песен сложили татары в период Великой Отечественной войны, воспевая своих героев-воинов и их победу над фашизмом.

¹ Песни даются в подстрочном переводе.

Богаты по содержанию сказки татар. Они отражают тонкую наблюдательность народа, его жизненные идеалы и уверенность в победе над врагами, какими бы сильными они ни были. Батыр — сын трудового народа, переживая различные приключения и беды, в итоге всегда выходит победителем. Сюжеты татарских сказок близки к сказкам соседних народов, но в них много и характерных национальных черт.

В фольклоре татар значительное место занимают так называемые баиты, в которых рассказывается о каком-нибудь крупном событии, а также исторические песни, воспевающие борьбу народа с угнетателями и с врагами, покушавшимися на родную страну. Таковы песни о Пугачеве, о татарских батырах, о борьбе с Наполеоном в Отечественной войне 1812 г., в которой татарский трудовой народ принимал активное участие, проявляя глубокие патриотические чувства.

Баиты, исторические песни и сказки в наше время создаются реже, чем раньше. Они обычно не бытуют долго в народной памяти, а сразу записываются, превращаясь в литературные произведения. По-прежнему очень популярна короткая песенка, возникающая по разным поводам и быстро подхватываемая народом. Продолжают создаваться загадки и поговорки, выражающие народную мудрость, отношение к тем или иным фактам жизни прошлого и современности.

Отдельные попытки собирания и изучения татарского фольклора начались в конце прошлого столетия. Систематическое же изучение устного поэтического творчества, как и других видов народной культуры татар, стало проводиться только при Советской власти. Особенно интенсивно развернулась работа по собиранию татарского фольклора в последние два десятилетия, когда в нее включился коллектив сотрудников Казанского филиала Академии наук СССР под руководством Х. Х. Ярмухаметова. Этот коллектив не только собирает живущие в народе произведения устного творчества, но многие обрабатывает и издает на родном, а частично и на русском языке.

Художественная литература у татар зародилась давно. Известно, что художественные произведения, представлявшие собой подражания восточным авторам, были еще у предков татар — болгар домонгольского периода. Так, до нас дошла поэма конца XII — начала XIII в. «Юсуф и Золейха» поэта Гали, пользовавшаяся большой популярностью среди татар вплоть до половины XIX в. Известны произведения Мухамедьяра (XVI в.), Мэвла Колья (XVII в.), Г. Кандалы (начало XIX в.), Гали Чокры (середина XIX в.) и других писателей. Произведения этих авторов, хотя и имели светское содержание, были написаны в стиле мусульманской схоластики на языке «тюрки» — литературном языке средневековья, почти не понятном трудовому народу.

Первые художественные произведения, написанные на татарском языке, принадлежали просветителю татарского народа Каюму Насыри («Сорок садов» и др.). По форме они были еще близки к традиционным.

В окончательном становлении татарской художественной литературы огромная роль принадлежит народному поэту Г. Тукаю (1886—1913 гг.), писавшему в различных жанрах: поэмы и сказки, критические и сатирические произведения с острой социальной направленностью. Писал он на понятном народу языке, используя его богатства и нередко черпая свои темы в фольклоре. Такова, например, его поэма «Шурале», написанная по мотивам народных легенд и сказок. В то же время он знакомил татарский народ с произведениями великих русских писателей и поэтов: Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Толстого, Горького.

С начала XX в. татарская литература стала быстро развиваться. Появились такие крупные писатели, как Г. Кулахметов, М. Гафури, Г. Камал, Ш. Камал, Ф. Амирханов, Г. Ибрагимов и др. Они писали в различных жанрах (поэзия, проза, драматургия). В своих произведениях они

Самодельный ансамбль народного танца на репетиции. Дворец культуры Ленинского района г. Казани

подвергали острой критике господствующие классы и их стремление к эксплуатации татарского народа, отражали тяжелую жизнь рабочих и крестьян и призывали народ к борьбе с угнетателями. Большинство этих писателей после Великой Октябрьской социалистической революции активно помогали становлению татарской советской литературы.

За годы Советской власти число татарских писателей значительно возросло, выросло их мастерство, и в настоящее время татарская литература заняла достойное место среди литератур советских народов. Широкой известностью, и не только среди татар, пользуются поэты Х. Такташ, Г. Кутуй, Ахмет Файзи, Ш. Маннур, С. Хаким и др.

Всеми миру известно имя поэта-героя Мусы Джалиля, погибшего в фашистских застенках, жизнь и смерть которого были подвигом во имя Родины.

Наиболее крупные и зрелые прозаические произведения создали К. Наджми, Г. Баширов (оба лауреаты государственных премий), А. Абсалямов, А. Шамов, И. Гази, Т. Гиззат, Н. Исанбет. Многие из их произведений, переведенные на русский язык, стали популярны и среди других народов СССР.

Ряды татарских писателей все время пополняются молодыми талантами, чутко реагирующими на все то, чем живет народ, и отражающими в своих произведениях его мощное движение вперед по пути строительства коммунистического общества.

Музыка

Татарская народная музыка, построенная на пяти-тонной гамме, близкая к музыке других тюркских народов — башкир, казахов, киргизов, — весьма своеобразна. Для нее характерны длинные тягучие переливы, перемежающиеся быстрыми речитативами. Народная музыка, как и устное поэтическое творчество, произведения которого она часто сопровождает, имеет большую древность, но развитие ее веками тормозилось мусульманским духовенством, считавшим ее вредной для «правверных». Тем не менее татарский народ сумел создать и сохранить прекрасные мелодии, преимущественно сольного пения, так как молодежь не имела возможности открыто встречаться, устраивать хоры и с громким пением, танцами и т. п.

Наиболее старинными музыкальными инструментами татар Поволжья были теперь почти исчезнувшая деревянная дудка (*курай*), близкая к башкирской, и маленький *кубыз*. Позднее среди татар некоторое распространение получили скрипка, часто самодельная, затем гармонь с особым строем. В среде господствующих классов, преимущественно

Сцена из оперы «Алтын чеч» з театре оперы и балета. Г. Казань

в городе, в конце прошлого столетия появились мандолины, у некоторых — рояль.

Татарская молодежь увлекалась музыкой, исполняя свои песни, в основном лирические, любовного содержания. Всегда сопровождался музыкой народный праздник — сабантуй.

После революции 1905 г. народная татарская музыка постепенно стала входить в быт горожан. Стали устраиваться музыкальные вечера, сначала семейные, среди передовой буржуазной молодежи, а затем и публичные. Зазвучала музыка и в татарском театре, сопровождая драматические спектакли. Ее начали записывать, а в дальнейшем аранжировать.

Однако только после Октябрьской революции татарская музыка зазвучала во весь голос как в городе, так и в деревне. Молодежь стала громко распевать свои песни, обычно под аккомпанемент гармоники. Появились первые композиторы-самоучки, которые стали собирать и обрабатывать народную музыку и на основе ее создавать новые произведения. Впервые татарская молодежь переступила порог музыкальной школы. Наиболее способные музыканты и певцы-татары стали получать образование в консерваториях Москвы, Ленинграда и других городов, а в 1946 г. была открыта Казанская государственная консерватория для подготовки музыкальных работников из представителей народов Среднего Поволжья и Приуралья. Первые татарские композиторы — С. Сайдашев, А. Ключарев и другие, начав с обработки татарской народной музыки, перешли затем к созданию крупных произведений вплоть до балетов и опер. Кроме упомянутых, появились новые композиторы: Дж. Файзи, Р. Яхин, Ф. Яруллин, М. Музафаров, З. Хабибуллин.

Особенно следует отметить заслуги Н. Жиганова — дважды лауреата государственной премии, создателя ряда прекрасных опер, идущих на сценах не только казанских, но и столичных театров; ему, например, принадлежит основанная на старинных преданиях татарского народа опера «Алтын чеч» («Златоволосая»). Широкой известностью пользуется уже упоминавшийся балет «Шурале» Ф. Яруллина.

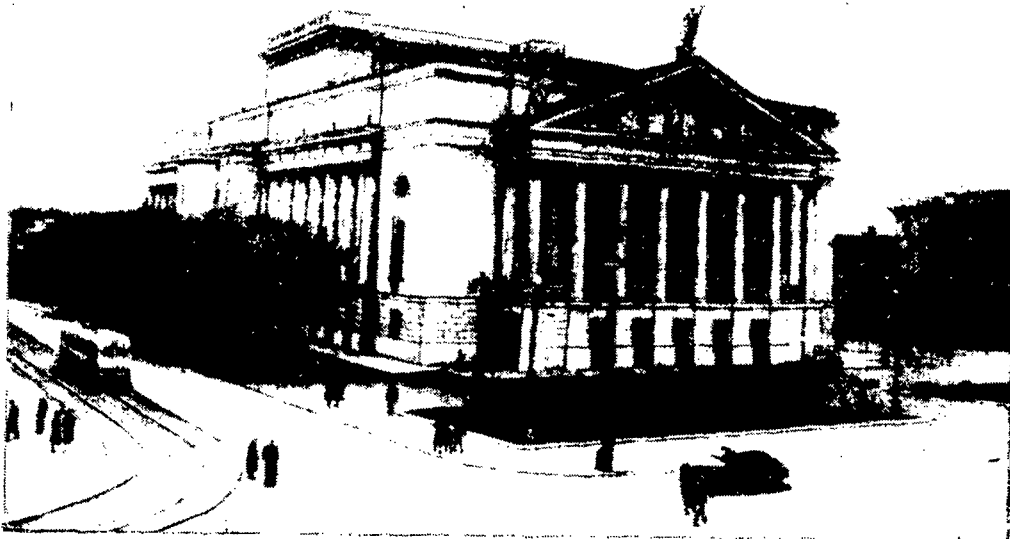

Герой Советского Союза поэт Муса Джалиль

Татарский театр стал зарождаться только в конце XIX — начале XX в. под влиянием и по образцу русского театра. Характерно, что татарская драматургия появилась раньше театра, и первые театральные пьесы сначала только читались в кружках татарской интеллигенции, а затем на семейных вечерах начали разыгрываться отдельные сценки. Организовать их публичную постановку было невозможно из-за сопротивления реакционной буржуазии и духовенства. Только в начале 1906 г. с большим трудом удалось поставить первый публичный татарский спектакль в Казани.

После этого создано несколько татарских групп, но их существование было плачевным. Не было постоянных помещений, реквизита, не было и достаточного сценического мастерства. Им приходилось кочевать из города в город, где жили татары, и с трудом добиваться разрешения властей на постановку спектаклей. Только огромная любовь к делу первых татарских актеров, да товарищеская помощь русских артистов и режиссеров дали возможность татарскому театру пробить дорогу к широким массам зрителей. Выдающимися деятелями татарского театра дореволюционного времени были А. Кариев, С. Гизатуллина-Волжская и др.

На базе передвижных групп после Октябрьской революции были созданы в Казани государственные театральные коллективы, а затем Государственный ордена Ленина академический драматический театр им. Галиаскара Калама и Татарский государственный театр оперы и балета,

Город Казань. Государственный театр оперы и балета им. М. Джалиля на площади Свободы

носящий ныне имя Мусы Джалиля. Созданы татарские театры и в других городах с татарским населением: Уфе, Оренбурге, Троицке, Пензе. Организовано театральное училище. Театры имеют хорошие помещения и декорации. В их репертуаре, кроме многих оригинальных произведений, переводные пьесы русских и иностранных драматургов. Широко практикуется посылка передвижных коллективов для постановки спектаклей в сельских клубах и домах культуры, оказывается дружеская помощь коллективам местной художественной самодеятельности.

Изобразительное искусство

Возможности развития изобразительного искусства у татар были ограничены тем, что ислам запрещал изображать людей и животных. Живописи и скульптуры у татар не было вплоть до Октябрьской революции. Художественные способности народа, его вкус находили выражение в прикладном искусстве: украшении жилищ, вышивках, художественном тканье, ювелирном деле, каллиграфии. Здесь народ сумел создать образцы высокой художественной ценности.

Наиболее широко распространена вышивка, искусством которой владеет почти каждая татарка. Большинство вышивок выполняется тамбурным швом, истари распространенным в быту татар. Тамбуром вышивают одежду, скатерти, полотенца, занавеси, покрывала на постели и многие другие предметы домашнего обихода, что придает уют татарскому жилищу. Вышивают татарки и гладью различного вида, а также золотошвейным швом, но последний вид вышивки применяется главным образом на головных уборах (колпаках, тюбетейках) и обуви и выполняют его профессиональные вышивальщицы, работающие в местных предприятиях.

Для всех видов прикладного искусства татар типичен растительный орнамент: стилизованные цветы, листья, ветки, «усики» и т. п.

Обычно татарки выполняют вышивки легким контуром тамбурного шва, избегая заполнения фона, что придает большое изящество узору. В отличие от вышивок соседних народов (мордвы, марийцев) в татарских вышивках всегда просвечивает фон. Сплошной застил рисунка приме-

няется только при шитье гладью или золотошвейным швом, но и там отдельные элементы рисунка размещаются по поверхности украшаемого предмета, оставляя значительное место для фона. Характерно, что татарки обычно точно не копируют образец, а всегда вносят свои вариации. Даже два конца полотенца часто слегка отличаются один от другого.

Особенностью татарских вышивок является также их полихромная расцветка, состоящая из сложной гаммы различных, хорошо подобранных сочных тонов. Иногда применяется тонкая золотая или серебряная нить. Своеобразно и размещение расцветки. Вышивая ветку, листок или завиток, татарка каждую деталь шьет другим цветом. Если рисунок повторяется, то чередующиеся части его вышиваются разными цветами.

Художественное тканье применяется преимущественно для изготовления концов полотенец и занавесей. Оно выполняется главным образом в красных и белых тонах, но иногда татарки вводят в него также зеленый и синий цвета. Орнамент преимущественно геометрический, что связано с техникой, но татарки пытаются внести в него и свой излюбленный завиток.

В настоящее время художественным тканьем занимаются немногие. Оно, как и все домашнее ткачество, постепенно отмирает, а в фабричном производстве пока не применяется.

Вышивка нередко сочетается с аппликацией лентами, блестками, бляшками. С давних пор у казанских татар получило широкое распространение изготовление разноцветной, так называемой азиатской обуви, которую шьют из небольших кусков цветного сафьяна, образующих довольно сложный растительный узор. Для получения рисунка на сапожках (ичег) или туфлях накладывают одну на другую несколько кож разного цвета и вырезают детали рисунка. Затем эти детали складывают так, что каждая заготовка становится многоцветной, и сшивают их. Линии соединения прошивают шелком или металлической нитью, так что получается красиво и четко оконтуренный рисунок. Из таких заготовок шьют красивую обувь, получившую широкую известность.

В прошлом отдельные рукодельницы создавали эффектные украшения, особенно на старинных больших женских колпаках, нашивая на них нити канители, синельки, блестки или кусочки лент, из которых составлялись крупные цветы и целые букеты. Аппликацией из кусков лент украшали нагрудник (*изю*), подзоры к кроватям, занавеси и другие предметы, придавая им, в сочетании с вышивкой, художественный вид.

У татар было развито ювелирное дело, уходящее корнями в древне-булгарское искусство и воспринявшее затем влияние мастеров Средней Азии, Ирана и других стран Востока.

До 1930-х годов ювелиры изготавливали многочисленные изделия техникой гравировки, чекана и особенно скани (филиграни). Рисунок был в большинстве случаев растительный, но чеканом и гравировкой наносились на украшения и сильно стилизованные арабские надписи. Особенно эффектно были сканные изделия, растительный рисунок которых превращался в плотную, изящную спираль (бугорчатая скань). Ювелирные изделия часто украшали полудрагоценными и драгоценными камнями. Лучшие изделия изготавливались казанскими ювелирами, потребителями их были не только татары, но и другие тюркские народности. В последние десятилетия перед Октябрьской революцией по татарским образцам стали изготавливать украшения русские ювелиры в Рыбной Слободе по нижнему течению Камы. Эти украшения были преимущественно из латуни, частично из низкопробного серебра. В целом неплохие, особенно из плоской скани, они все же во многом уступали выполненным татарскими ювелирами. Их покупала преимущественно беднота. Некоторый сбыт они находили также у народов, живущих за пределами Поволжья.

Своеобразное место в татарском прикладном искусстве занимали графика и каллиграфия, завезенные с Востока. Красивой арабской вязью,

переплетающейся с растительным орнаментом, нанесенным тушью или красками и нередко украшенным фольгой, каллиграфы писали различные изречения на бумаге или стекле. Такие изречения, красиво обрамленные, развешивались богачами и духовенством вместо картин на стенах жилищ. Каллиграфией оформляли титульные листы и обложки издаваемых в Казани книг, создавая красивые графические рисунки. Хороших каллиграфов было немного; однако этот вид искусства был довольно широко распространен среди шакирдов (учащихся медресе), оформлявших таким образом стихи, подносимые ими различным лицам в праздники и торжественные дни.

Резьба по камню и дереву появилась у татар давно, еще в болгарский период, и применялась в основном для украшения зданий. Позднее она утратила свое основное назначение и развивалась слабо. Резьба по камню, прекрасные образцы которой исстари украшали монументальные постройки, начиная с конца XVI в. стала применяться лишь на надгробиях. Резьба по дереву слабо развивалась в связи с тем, что основа орнаментации деревянных строений сосредоточилась на их богатой полихромной раскраске, при которой эффектно выглядел лишь крупно выполненный геометрический орнамент. Мелких форм резьбы для украшения утвари, как у соседних народов, у татар не было. Только в советское время, и то преимущественно у мишарей, стала распространяться известная у других народов края пропиловочная, накладная и ажурная резьба.

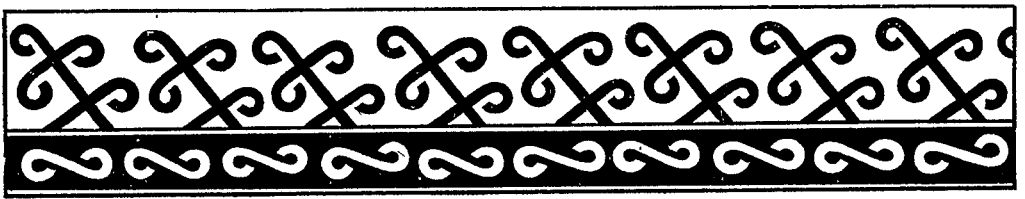
В украшении зданий основное место заняла полихромная раскраска, близкая по тональности к вышивкам. Комбинированная раскраска различных частей здания (фронтон, фасада, наличников, углов и т. д.), создавая цветные пятна, видимые издали, придает этим зданиям очень эффектный вид.

В наше время из прикладных видов искусства полностью исчезли ювелирное дело и арабская каллиграфия. Изменилась тематика вышивки. Кроме растительного орнамента, вышивальщицы той же техникой выполняют другие орнаментальные мотивы и даже портреты. Аппликация по коже применяется, кроме обуви, в красивых коврах, покрытиях для диванов, диванных подушках и других вещах. Появился новый вид аппликации с использованием меха. Искусные татарские мастера подбирают из мехов прекрасные рисунки различного содержания вплоть до целых картин. Вышивки и аппликации с их яркой раскраской широко применяются в декоративном искусстве: при оформлении празднеств, различных совещаний, съездов, концертов и т. п., а также в театральных постановках.

В годы Советской власти освободившись от гнета ислама, народ получил возможность создавать свою живопись и скульптуру. Талантливая татарская молодежь начала учиться рисовать и лепить, опираясь на классические образцы русского искусства и достижения советских мастеров. В настоящее время пользуются известностью живописцы Л. Фатахов и Х. Якупов и скульптор С. Ахун. Стала развиваться и архитектура.

Татарский народ в течение своей долгой жизни прошел тяжелый путь, полный борьбы против всех видов угнетения. В процессе этой борьбы он создал свою оригинальную культуру. Уже много веков тому назад, связав свою жизнь с русским народом, он совместно с ним боролся за свободу и счастье, за общую с ним Родину. В этой борьбе он победил и сейчас рука об руку со всеми народами Советского Союза строит счастливую, радостную жизнь, внося свой вклад в общее дело построения коммунистического общества.

БАШКИРЫ

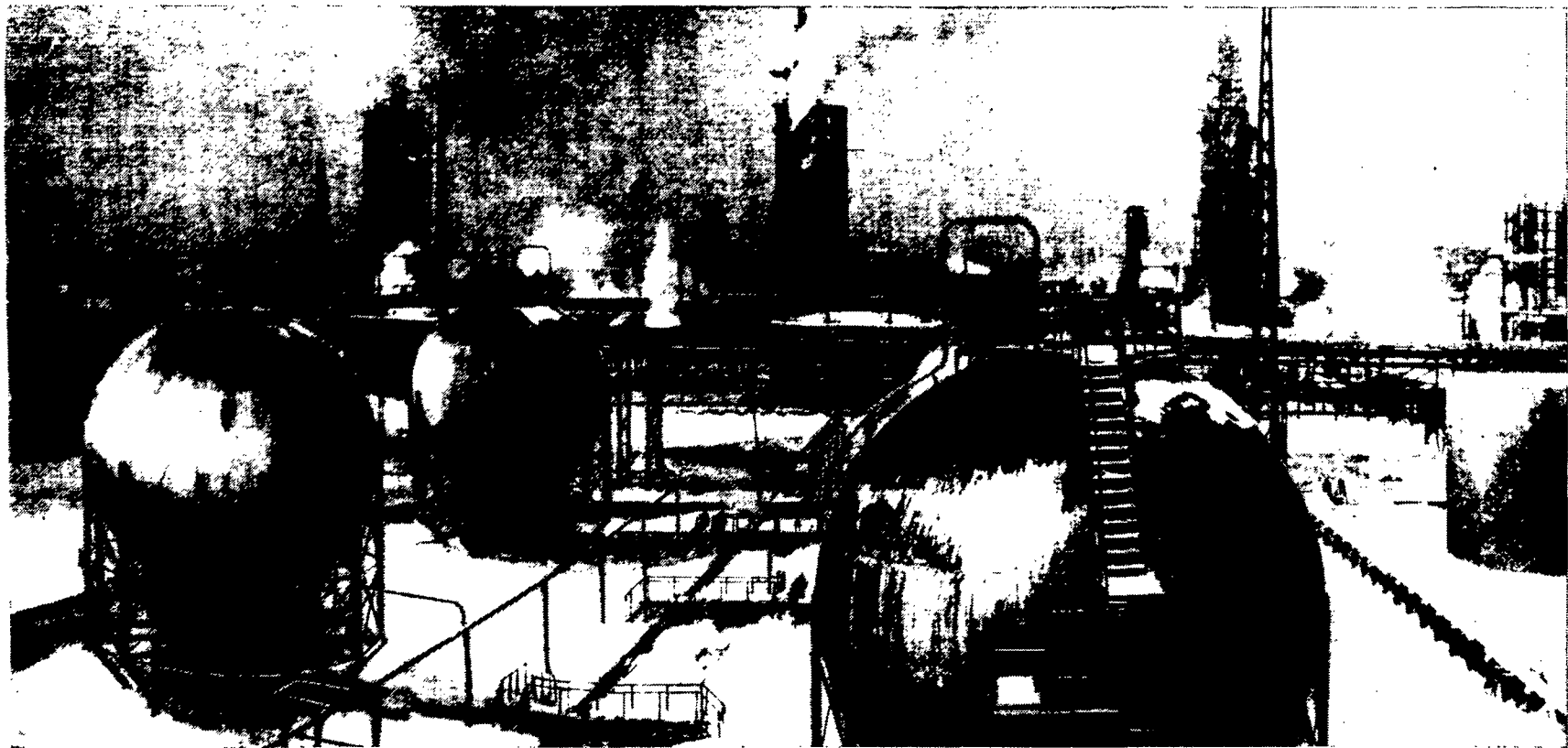
Башкиры (самоназвание *башкорт*) являются коренным населением Башкирской АССР. По данным переписи 1959 г., всего башкир в СССР насчитывается 989 тыс. человек, из них 737,7 тыс. живут в своей республике. Основная масса башкир расселена в долине р. Белой и по ее притокам: Уфе, Быстрому Танышу — на севере; Деме, Ашкадару, Чермасану, Кармасану — на юге и юго-западе; Симу, Инзеру, Зилиму, Нугушу — на востоке и юго-востоке. Почти вся территория бассейна Белой, стекающей с северных отрогов Южного Урала, вплоть до ее впадения в Каму, входит в Башкирскую АССР. Только несколько южных и зауральских районов республики расположены в бассейне р. Урал, главным образом в его верховьях, по среднему течению р. Сакмары и ее правых притоков, а также по рекам Большой и Малый Кизил, Таналык.

За пределами республики башкиры расселены компактными группами в Челябинской и Курганской областях (в верховьях р. Миасс и по берегам многочисленных зауральских озер), в Оренбургской обл. (по рекам Сакмаре, Самаре и их притокам) и в Татарской АССР (в долине р. Ик, притока Камы). Небольшие группы башкирских деревень расположены в Куйбышевской и Саратовской областях и в южных районах Пермской обл. И, наконец, около 35 тыс. башкир живет за пределами РСФСР, в основном на территории Казахской, Узбекской и Таджикской ССР.

Природа Башкирской АССР чрезвычайно богата и разнообразна. Здесь сходятся границы нескольких природных географических зон: Зауралье переходит в обширную Западно-Сибирскую равнину, Уфимское плато является частью бескрайних лесных массивов, а холмистая лесостепь Западного Приуралья примыкает к плодородной Приволжской низменности и Русской равнине. Восточную часть Башкирии с севера на юг пересекают хребты Южного Урала, сплошь покрытые лиственными и хвойными лесами.

Климат Башкирии континентальный с умеренно теплым, иногда жарким летом и холодной зимой. Южноуральские хребты создают довольно резкие различия в климатических условиях приуральской и зауральской частей республики. Среднегодовая температура в восточных районах заметно ниже, чем в западных. Особенно резкие колебания летних и зимних температур бывают на Южном Урале (летом температура поднимается до плюс 40°, зимой морозы достигают минус 40—50°).

Разнообразие природных и климатических условий, географическое положение Башкирии на стыке северной лесной и южной степной зон

Нефтехимический комбинат в г. Салавате

обусловили богатство и разнообразие ее растительного и животного мира.

Здесь можно встретить альпийскую и субальпийскую растительность в горах Южного Урала, елово-пихтовые и сосновые таежные леса на горных склонах; сухие степи, заросшие ковылем, солончаки. Такие же контрасты и в животном мире.

Башкирия славится своими санаториями, домами отдыха, кумысолечебницами. Санатории Юматово, Шафраново, грязелечебница Янгантау имеют всесоюзное значение.

В недрах Башкирии сосредоточены крупные залежи железных руд, меди, марганца, значительные запасы золота, серебра, цинка, свинца, алюминия и т. д. Железные руды и руды цветных металлов залегают в юго-восточной и горной частях. Западная Башкирия богата горючими ископаемыми — нефтью и газом, бурными углями, горючими сланцами, торфом. Главным богатством республики является нефть, по перспективным запасам которой Башкирия занимает одно из первых мест в стране.

Особенности географического положения в совокупности со сложным процессом этнической истории башкир наложили отпечаток на их материальную и духовную культуру, обусловив ее многообразие. Это хорошо прослеживается не только в этническом облике народа, его этнографической характеристике, но и в особенностях современного разговорного языка.

Башкирский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков. В современном башкирском языке два диалекта: южный (юрматинский) и восточный (куваканский), различия между которыми главным образом фонетические. Оба диалекта имеют единый основной словарный фонд и грамматический строй. В каждом диалекте различается множество говоров и подговоров, в которых отражаются или архаические особенности древнетюркского языка или различные влияния, являющиеся следствием сложных этнических процессов в период средневековья или позднейших взаимодействий башкирского языка с другими языками, в частности с татарским.

Значительное число башкир говорит на восточном диалекте татарского языка. По данным переписи 1959 г., 348,7 тыс. башкир (35% их общей численности) считают своим родным языком татарский. На территории Башкирской АССР живет 768,6 тыс. татар (23% населения республики), главным образом в северо-западных и западных районах. Башкиры этих районов в течение многих веков находились в тесном контакте с близкими к ним по языку и культуре татарами. В результате длительного и постоянно возрастающего влияния татар западные башкиры в большинстве своем к середине XIX в. восприняли татарский язык и многие элементы татарской культуры. Однако это не единственная причина этнической близости западных башкир к татарам. В формировании башкирской народности, особенно на поздних этапах, заметную роль сыграли кыпчакские племена и этнические группы, которые одновременно явились существенным компонентом в составе татар. Наиболее сильное влияние кыпчакские племена оказали на формирование этнических признаков западных башкир, обусловив тем самым большую близость языка и культуры этой части башкир к языку и культуре татар.

Башкирская АССР — многонациональная республика. Общая численность ее населения составляет 3341,6 тыс. человек, занимаемая территория — 143,5 тыс. км². Свыше 42% населения Башкирии составляют русские (1418,1 тыс. человек), которые более или менее равномерно расселены по всей территории республики. Большая часть русского населения живет в городах и рабочих поселках. В Башкирии представлены все основные народности Поволжья. Кроме татар, здесь живут чуваш

(110,0 тыс.), марийцы (93,9 тыс.), украинцы (83,6 тыс.), мордва (43,5 тыс.), удмурты (25,3 тыс.). В основном эти народности, как и татары, расселены в северных и западных районах республики, хотя чувашские и марийские села изредка встречаются и в горно-лесных и юго-восточных районах.

**Краткий
исторический
очерк**

Вопрос о происхождении башкир в историко-этнографической литературе еще не получил полного разрешения: накопленный наукой археологический и этнографический материал пока не позволяет построить удовлетворительную схему этногенеза башкир. Особенно слабо изучена история башкирского языка. До настоящего времени остается неясным вопрос о языковой принадлежности тех древних племен, которые положили начало башкирскому этносу. Вот уже более полутора столетий не утихают споры между сторонниками тюркской (Н. А. Аристов, В. М. Флоринский, С. И. Руденко) и угорской (И. Фишер, Ф. Страленберг, М. Кастрен, М. К. Уйфальви, Д. А. Хвольсон, С. А. Токарев) теорий этногенеза башкир. Сторонники угорской гипотезы отождествляют древних башкир с мажарскими (венгерскими) племенами.

По мнению Д. А. Хвольсона, в трудах которого эта гипотеза получила наиболее четкое оформление, угорские племена, обитавшие на Южном Урале, примерно в середине I тысячелетия н. э. разделились на две ветви. Одна из них двинулась на запад и, сохранив свой язык, дала начало мажарской народности, а другая, оставшись на месте, постепенно «отюречилась» и составила ядро современных башкир.

Сторонники тюркской теории Н. А. Аристов и позднее С. И. Руденко, хотя и допускают возможность участия на ранних этапах этногенеза башкир финно-угорских элементов, связывают формирование башкирского народа с древними тюркоязычными племенами Алтая, Южной Сибири и Средней Азии. Однако сторонники и той и другой гипотезы почти не учитывают в своих построениях поздние этапы этнической истории башкир, которые по существу являются определяющими в формировании основных этнических признаков башкирской народности.

Об этнической и культурной принадлежности древних племен, живших на территории Башкирии, можно говорить, и то в значительной мере предположительно, лишь начиная с эпохи поздней бронзы, когда Приуралье было заселено носителями срубной, андроновской и абашевской культур. Археологи относят представителей этих культур к двум языковым общностям: индоевропейской, в частности иранской (племена андроновской и срубной культур), и финно-угорской (племена абашевской культуры). Преемниками племен андроновской и срубной культур на юге Башкирии были савроматы (сарматы), которые, двигаясь с юга, к середине I тысячелетия до н. э. захватили центральные области Башкирии. К северу от территории, населенной сарматами, обитали прямые потомки абашевцев — племена карабызской культуры, представлявшей собой местный вариант ананьинской культуры. Ананьинские племена занимали обширную территорию по среднему и нижнему течению Камы и бассейн Вятки. В последние века I тысячелетия до н. э. север Башкирии заселяли племена пьяноборской культуры, генетически связанной с карабызской.

В эпоху поздней бронзы абашевские и андроновские племена занимались мотыжным земледелием и оседлым скотоводством. Преемники абашевцев — племена ананьинской и пьяноборской культур сохранили эти формы хозяйства. В южных степях в I тысячелетии до н. э. ираноязычные сарматы перешли к кочевому скотоводству, что повлекло за собой значительное расширение территории их расселения и вызвало сравнительно быстрые изменения в общественной жизни этих племен.

В середине I тысячелетия н. э. проникновение сарматов на север усилилось: развитие скотоводства, накопление имущества у родоплеменной

аристократии заставляли кочевников пополнять рабочую силу за счет рабов—пленных, которых захватывали во время войн с северными лесными племенами. В это же время на территории Башкирии появились новые культурные элементы, возникновение которых одни археологи связывают с начавшимся проникновением в Приуралье из Западной Сибири древних тюркских, другие — древних угорских племен.

С началом активного продвижения в Восточную Европу гуннов (II—IV вв. н. э.) этнический состав населения древней Башкирии еще более усложнился: в иранскую и угро-финскую среду начали проникать тюркские племена. Примерно к этому времени относится множество принадлежащих кочевникам разнохарактерных археологических памятников в Южном Приуралье, отражающих чрезвычайно пестрый этнический состав населения этой территории. Пришлые кочевники постепенно смешались с сарматами, вытеснив в то же время часть сарматских племен с их прежних территорий. Отступая под натиском гуннских племен, сарматы в свою очередь вынудили местные финно-угорские племена уйти дальше на север — в бассейн среднего течения Камы. Однако далеко не все местные племена были вытеснены из северных районов Башкирии. С IV по VII—VIII вв. территории по нижнему течению рек Белой и Уфы и особенно бассейн Таныпа (правого притока Белой) заселяли племена бахмутинской культуры, преемственно связанной с предшествовавшей ей пьяноборской культурой. Бахмутинскую культуру некоторые археологи (А. В. Шмидт, Н. А. Мажитов) связывают с пребыванием в Приуралье мадьярских племен.

Оседание части тюркоязычных гуннских племен в Приуралье дало толчок языковой ассимиляции коренного населения. В последующие века в связи с передвижением в Восточную Европу новых волн тюркоязычных кочевников, а также с заселением в V—VII вв. Среднего Поволжья болгарскими племенами этот процесс еще более усилился.

Заметную роль в формировании основных этнических признаков башкир сыграли тюркоязычные племена, входившие в печенежско-огузскую (VIII—X вв.) группу племен. К этому периоду относится приход и расселение на Южном Урале и в Приуралье племен бурзян, тангаур, усерган и некоторых других. Именно эта группа племен, первоначальным местом расселения которых, согласно преданиям и легендам, было Приуралье, стала основой формирования башкирской народности. В материальной культуре современных потомков бурзян, тангаур и усерган немало общих черт с культурой каракалпаков и в меньшей степени туркмен. С печенежско-огузским периодом этнической истории башкир связано появление на Южном Урале этнонима *башкорт*. Многочисленные этногенетические предания, распространенные среди башкир, дают основание предполагать, что в составе восточных печенегов еще в период обитания их в Приуралье определенная группа племен носила общее название «башкорт».

Первое письменное упоминание о башкирах относится к 922 г. и принадлежит Ибн-Фадлану — послу арабского халифа Муктадира к камским булгарам. Ибн-Фадлан сообщает о «стране народа турок, называемого аль-башгирд». Древние башкиры, по сведениям Ибн-Фадлана, занимали территорию по левобережью среднего течения Волги и юго-западному Приуралью; на юго-востоке они граничили с печенегами. Жили башкиры родовым строем. Религиозные воззрения башкир в этот период характеризовались анимистическими и тотемистическими представлениями, свойственными многим народам на ранних этапах их исторического развития.

Окружающий мир представлялся башкирам населенным духами-хозяевами гор, пещер, рек, озер, лесов, ветров, буранов (*парей, дейец*) и т. д. Некоторые духи почитались как божества. Обожествляли они и пред-

ставителей животного мира. По словам Ибн-Фадлана, башкиры почитали лебедя, беркута, сокола, ястреба, журавля. У каждого рода было священное животное (или птица), которому поклонялись. Башкиры верили в сверхъестественные свойства костей, зубов и когтей медведя, волка, норки. Их носили в качестве оберега или использовали в магических обрядах. Многие башкирские роды и родовые группы назывались по именам животных и птиц: *кюян* (заяц), *айыу* (медведь), *торна* (журавль), *йылан* (змея) и т. д.

Небесные светила башкиры считали антропоморфными существами. Солнце (*юльш*) в старинных народных сказках изображается в виде «красной девы», дочери подводного «царя-владыки»; луна (*ай*) — как существо мужского пола. Звезды и планеты, по древним народным поверьям, прикреплены к небу толстыми цепями. Для каждого светила имелись определенные, часто довольно образные названия: млечный путь — *кюш юльш* (птичья дорога), полярная звезда — *тимер казык* (железный кол), отдельные звезды в Большой Медведице — *кара ат*, *буз ат* (соловый конь, серый конь) и т. д.

С заселением в V—VII вв. Среднего Поволжья тюркоязычными булгарскими племенами началось постепенное продвижение их на восток, которое позднее, с образованием Булгарского государства, заметно активизировалось. В бассейне р. Белой булгары вошли в этническое взаимодействие с башкирами, оказав заметное влияние на формирование башкирского языка и культуры. Особенно сильно сказалось влияние булгар на западных башкирах, которые долгое время находились в политической зависимости от Булгарского государства. Об активном участии булгарского компонента в этногенезе башкир свидетельствуют этнонимы западных башкирских племен *бульар* и *байльар*, многочисленные предания и легенды, эпиграфические памятники Башкирии.

По мере проникновения булгар в бассейн р. Белой и смешения части их с башкирами территория расселения башкирских племен расширялась к северу. Были ли вытеснены угро-финские племена, населявшие север Башкирии, тюркоязычными кочевниками или, смешавшись с пришельцами, приняли участие в формировании башкир, в настоящее время сказать трудно. Скорее всего в определенной среде происходили оба эти процесса. Археологи А. В. Шмидт и Н. А. Мажитов полагают, что носителями бахмутинской культуры были мадьярские племена, в VIII или в начале IX в. покинувшие Приуралье. Совершенно естественно, что до своего ухода мадьяры находились в контакте с соседними башкирскими племенами. Уход основной части мадьярских племен на запад был, видимо, связан с неудачным исходом борьбы с новой волной тюркских кочевников (А. А. Берс). Небольшая группа мадьярских племен могла остаться в бассейне р. Белой и постепенно раствориться в башкирской этнической среде. Это подтверждается наличием племен *дьярмат* и *енё* в составе венгров, *юрматы* и *еней* — в составе башкир, а также богатым топонимическим материалом. Процесс этнического смешения оставшихся в Приуралье мадьярских племен с башкирами протекал, очевидно, в конце I — начале II тысячелетия н. э.

В XI в. в южнорусских степях сложилось обширное кыпчакское объединение. Тесное взаимодействие башкирских племен с племенами Дешти-Кыпчака, проникновение многочисленных кыпчакских родоплеменных групп (кыпчак, тамьян, канлы и др.) до среднего и нижнего течения р. Белой и далее на север продолжались более двух столетий. Это привело к тому, что кыпчакский период оказался решающим в формировании языка и культуры башкирских племен. Именно тогда в основных чертах сложилась и этническая карта Башкирии.

В XIII—XIV вв. в процесс этногенеза башкир включились родоплеменные группы, попавшие в Приуралье вместе с волной монгольских

завоевателей. Крупные передвижения племен и родов в этот период расширили территорию расселения башкир. Кыпчакские родоплеменные группы, хлынувшие после разгрома монголами Дешт-и-Кыпчака в Южное Приуралье, оттеснили местные башкирские племена на север, в горно-лесные районы. Пришлые тюркские, частично монгольские по происхождению племена (табын, катай, сальют и др.) направились в северо-восточную часть Башкирии, где заселили Уфимское плато, долины рек Инзер, Зилим, Сим, верховья р. Миасс. Позднее, в XV—XVI вв., они продвинулись дальше на восток, в Зауралье. Западные башкиры в XIII—XIV вв. продолжали заселение северных земель и достигли р. Тулвы, притока Камы.

К концу XV — началу XVI в. окончательно сложилась башкирская народность и сформировались ее основные этнические признаки.

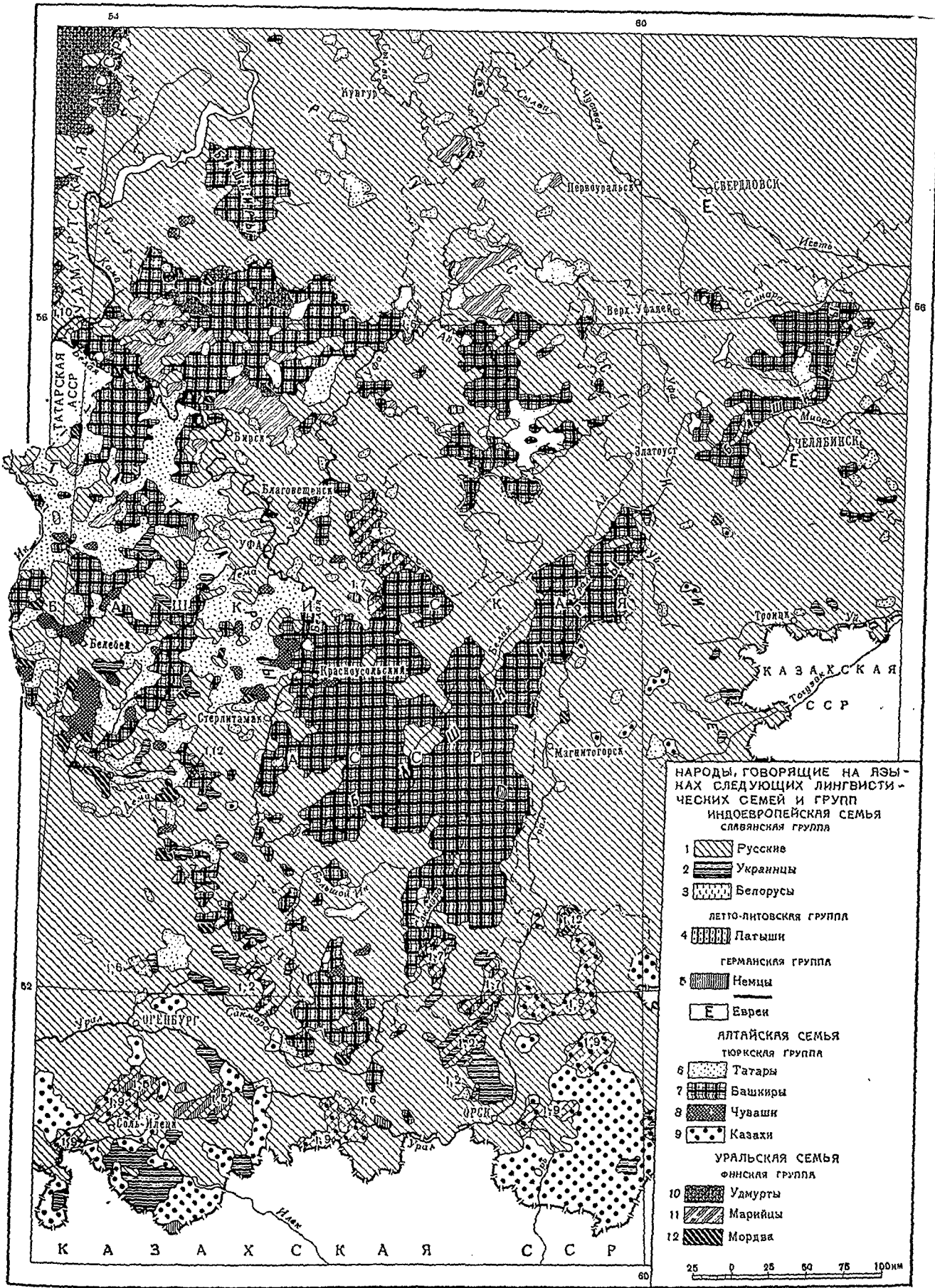
Более чем двухвековое господство монголов имело тяжелые последствия для башкирского народа; оно не только задержало развитие производительных сил, но и привело к длительному культурному и хозяйственному застою. В XIII—XIV вв. основными занятиями башкир оставались точевое скотоводство, охота и бортничество. Башкиры были обложены тяжелым ясаком, главным образом в виде дорогих мехов. Монгольские ханы, опираясь на башкирскую знать, установили в подвластных им землях жестокий деспотический режим.

В XV в. Золотая Орда, раздираемая феодальными междоусобицами, бесконечными войнами и набегами, распалась. На ее развалинах образовалось несколько феодальных ханств. Еще в конце XIV в. из Золотой Орды выделилась Ногайская Орда. Кочевья Ногайской Орды были обширны: на юге они простирались до Каспийского и Аральского морей, на севере в их состав входила значительная часть южных и центральных районов Башкирии. Северо-восточные башкиры, кочевавшие по рекам Ай и Юрюзань, а также башкиры зауральских областей вошли в Сибирское ханство. Башкирское население по нижнему течению р. Белой подчинилось Казанскому ханству.

Все эти ханства были экономически отсталыми, политически непрочными феодальными государствами. Башкиры-кочевники жестоко страдали от усилившейся в XV—XVI вв. междоусобной борьбы казанских и особенно ногайских феодалов. Однако отдельные стихийные выступления башкир против господства Ногайского, Казанского и Сибирского ханств в условиях раздробленности Башкирии к успеху привести не могли. В этой обстановке башкирские племена одно за другим добровольно вошли в состав Русского государства. Присоединение Башкирии к Русскому государству, начавшееся в 1555 г., завершилось в основном к 1557 г.

Вхождение в состав Русского государства, несмотря на антинародную политику царизма, гнет и эксплуатацию со стороны русских и башкирских феодалов, а позднее и буржуазии, все же имело прогрессивное значение для башкирского народа, способствовало развитию экономики и культуры края.

Сильным толчком в развитии производительных сил края был начавшийся сразу после присоединения к Русскому государству массовый приток в Башкирию пришлого населения. Заселение территории Башкирии было результатом как правительственной колонизации, наиболее активно проводившейся в XVI—XVII вв., так и народного переселенческого движения, принявшего особенно широкий размах в XVIII—XIX вв. Правительственная колонизация была преимущественно военного характера, она проводилась с целью заселения территории вокруг городов и крепостей, созданных вдоль крепостных линий, построенных в XVIII в. по южным и восточным границам башкирских земель. Поток добровольных переселенцев составляли выходцы из центральных районов России

НАРОДЫ, ГОВОРЯЩИЕ НА ЯЗЫКАХ СЛЕДУЮЩИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЕМЕЙ И ГРУПП
ИНДРОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ
СЛАВЯНСКАЯ ГРУППА

- 1 Русские
 - 2 Украинцы
 - 3 Белорусы
- ЛЕТТО-ЛИТОВСКАЯ ГРУППА
- 4 Латыши
- ГЕРМАНСКАЯ ГРУППА
- 5 Немцы
 - Е Евреи
- АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ
ТЮРКСКАЯ ГРУППА
- 6 Татары
 - 7 Башкиры
 - 8 Чувашы
 - 9 Казахи
- УРАЛЬСКАЯ СЕМЬЯ
ФИНСКАЯ ГРУППА
- 10 Удмурты
 - 11 Марийцы
 - 12 Мордва

Народы Южного Урала

и Среднего Поволжья, крестьяне разных национальностей, бежавшие от безземелья и крепостничества. Они расселялись мелкими группами по всей Башкирии, главным образом в ее западной части.

Быстрое заселение Приуралья и Южного Урала, строительство крепостей и заводов привело к возникновению крупных населенных пунктов — торговых и промышленных центров. В 1586 г. был основан г. Уфа, несколько позднее — города Бирск и Белебей. В XVIII в. на Южном Урале появились сравнительно крупные заводские поселения. Уже в 1781 г. на территории Оренбургской губ., в состав которой входила вся Башкирия, было 30 действующих и 4 строящихся завода.

С ростом горнозаводской промышленности усилился приток на Урал крестьян — русских и других национальностей. Переселенческое движение сильно изменило национальный состав населения. Башкирия превратилась в многонациональный край. В XVII—XVIII вв. башкирские деревни чередовались с русскими, татарскими, марийскими, мордовскими, чувашскими, удмуртскими. Среди переселенцев преобладало русское и татарское крестьянство. К середине XIX в., когда территория Башкирии вошла в Уфимскую губ., русские и татары составляли большинство ее населения. По данным переписи 1912—1913 гг., в Уфимской губ. было 2 659 430 жителей, из них 876 539 русских и 846 413 башкир, т. е. общая численность русского населения превышала число коренных обитателей края. Татарское население Уфимской губ. превысило к этому времени 600 тыс. человек.

Массовое крестьянское переселение в Приуралье уменьшило количество свободных земель. Это привело к тому, что башкиры стали оседать на бывших своих кочевьях, которые раньше использовались лишь для летних или зимних пастбищ. В XVI—XVIII вв. башкирские деревни появились в Зауралье, по рекам Мияс и Уй, по берегам многочисленных озер, в отдаленных горно-лесных районах.

Социально-политическая обстановка в Башкирии в XVII—XVIII вв. была сложной. Башкиры-общинники подвергались жестокому гнету. Размеры ясака и других многочисленных податей, установленных царским правительством, были непосильны для населения. Колониальная администрация творила произвол и беззакония при сборе податей. Башкирия была окружена сетью крепостей, форпостов и редутов, на которых башкиры обязаны были нести разорительную для них военную службу. Царское правительство проводило политику закрепощения башкирского народа: указом 1736 г. были запрещены народные собрания башкир (*джиин*); боязнь вооруженных выступлений побудила колониальную администрацию уничтожить башкирские кузницы, запретить башкирам покупать оружие, порох.

В то же время уже с момента присоединения к России царизм проводил политику, рассчитанную на создание социальной опоры в лице башкирских феодалов. Баи, мурзы, тарханы, старшины — в большинстве потомки родовой знати, став проводниками политики царской администрации, жестоко эксплуатировали трудящихся башкир.

На протяжении XVII—XVIII вв. башкиры десятки раз выступали против колониального и феодального гнета. Стихийные выступления против царской администрации возникали еще в XVI—XVII вв. Башкирские феодалы, используя свое влияние на трудовые массы, стремились придать выступлениям антирусскую направленность. Однако уже с начала XVIII в. трудящиеся башкиры стали выступать не только против национально-колониальной политики крепостнического Русского государства, но и против гнета и эксплуатации башкирских феодалов. В ходе этой борьбы башкиры все чаще объединялись с русскими крестьянами. Яркое выражение боевой союз русского и башкирского народов нашел в крестьянской войне 1773—1775 гг. под предводительством Емельяна

Пугачева. Крестьянская война выдвинула из среды башкир выдающихся предводителей. Таков, например, сподвижник Пугачева Салават Юлаев — легендарный герой башкирского народа.

Царское правительство в своей политике, помимо местной феодальной знати, опиралось и на мусульманское духовенство. Ислам (суннитского толка) был занесен в Башкирию в X—XII вв. купцами и мусульманскими миссионерами из Средней Азии и Булгарии. Особенно широко эта религия распространилась среди башкирского населения ко времени владычества золотоордынских ханов, когда ислам насаждался среди башкир не только проповедями, но и силой оружия. Ислам, утверждающий извечность имущественного и социального неравенства, в первую очередь был принят башкирской родоплеменной знатью и стал сильным орудием эксплуатации в руках формировавшегося класса феодалов. В XVII—XVIII вв. мусульманское духовенство в Башкирии было уже довольно многочисленной и влиятельной социальной силой. Взаимоотношения людей в обществе и в семье были подчинены религиозно-правовым установлениям шариата. Мулла практически руководил всей жизнью башкирского аула. Он вмешивался во все споры и неурядицы, участвовал в семейных и общественных празднествах. Представители духовенства оказывали большое влияние на формирование идеологии молодого поколения, так как в их руках находилось обучение грамоте и религиозное воспитание детей. В последней четверти XVIII в. правительство Екатерины II стало проводить в Башкирии политику, направленную на использование влияния мусульманского духовенства в интересах царизма. В Уфе было создано духовное управление (муфтихат) мусульман Поволжья и Западной Сибири, которое всей своей деятельностью активно поддерживало официальную политику царской России.

Однако башкиры, особенно восточных районов, не были последовательными приверженцами ислама. У них не получили распространения многие религиозные обряды, характерные для народов Средней Азии и Ближнего Востока, исповедующих ислам; не все его догмы и предписания строго выполнялись. Религиозный фанатизм был чужд основной массе башкирского народа. В верованиях башкир было немало элементов, восходящих корнями к доисламским религиозным воззрениям. Древнейшие понятия о дуализме души и тела и о существовании загробной жизни были поддержаны исламом и по-своему осмыслены, хотя в конкретном мышлении, в образных представлениях относительно самостоятельного существования души у башкир осталось много от первобытной религии. Сохраняя веру в то, что душа покидает человека во время сна, они думали, что она принимает определенный образ: белого комочка, мухи, утки и т. д. Башкиры верили в злые души (*убыр, маскэй*), которые якобы оставались жить на земле после смерти людей, вступивших при жизни в связь с нечистой силой.

В конце XVIII в. (1798 г.) в Башкирии была введена кантопная система управления, превратившая башкир в военное сословие. Башкирия была разделена на 12 кантонов, которые выставляли на военную службу определенное число башкир со всем снаряжением. Повинности башкир не ограничивались военной службой; они привлекались к работам на казенных горных заводах и приисках. Военная служба отвлекала значительную часть мужчин от хозяйства и в конечном итоге явилась одной из причин упадка скотоводства. За 15—20 предреформенных лет поголовье лошадей по некоторым уездам Уфимской губ. сократилось на 65%.

С проникновением в первой половине XIX в. в башкирскую деревню товарно-денежных отношений усилилась начавшаяся еще в XVIII в. массовая скупка купцами, заводчиками, помещиками башкирской земли. Нередко огромные земельные площади приобретались за бесценок, что

являлось в сущности не чем иным, как ограблением земельных богатств башкир.

В 1865 г. кантонная система была отменена, башкир приравнивали к сельским жителям и подчинили общим губернским и уездным учреждениям. Быстрое развитие капитализма в России в пореформенный период в известной мере захватило и Башкирию. Расхищение башкирских земель под видом «продажи», отчуждения «свободных земель» приняло еще большие масштабы. «Земельная лихорадка» захватила буржуазию, чиновников, военных. За несколько десятилетий было расхищено около 2 млн. десятин башкирских земель.

Разграбление башкирских земель имело тяжелые последствия для трудящихся башкир. Хозяйство приходило в упадок. Во многих башкирских районах ведение кочевого скотоводства стало невозможно. Значительная часть башкирского населения, не успевшая к этому времени перейти к земледелию, разорялась; башкиры вымирали целыми деревнями. В конце XIX — начале XX в. запустение и нищета царили во многих башкирских селах. Тысячи разорившихся башкир покидали свои деревни и в поисках заработка уходили батрачить в кулацкие хозяйства, на отхожие промыслы, на уральские заводы.

В пореформенный период среди башкир усилилось социальное расслоение. Развитие капитализма привело к зарождению местной, в основном торговой, буржуазии и кулачества (байства). Одновременно шел и процесс формирования башкирского рабочего класса. Однако в целом башкиры были слабо втянуты в капиталистические отношения; численность башкирского промышленного пролетариата была незначительной.

К началу XX в. более 90% населения Башкирии занималось сельским хозяйством. По данным переписи 1897 г., городское население в Уфимской и Оренбургской губерниях составляло 5—10%; среди башкир городских жителей не насчитывалось и одного процента.

Промышленность Башкирии по уровню технического оснащения была чрезвычайно отсталой. В сельском хозяйстве были сильны пережитки феодализма: в начале XX в. в руках тысячи помещичьих семей находилось 3,3 млн. десятин земли, тогда как более 360 тыс. малоземельных крестьянских дворов имели всего 4,6 млн. десятин.

Борьба против колониального и феодального гнета в конце XIX в. переросла в борьбу против капиталистической эксплуатации. Как и по всей стране, в Башкирии в период первой русской революции 1905—1907 гг. прокатилась волна стачек. Крестьянские выступления охватили все уезды губернии. В Уфе и некоторых других городах были созданы боевые органы революционной борьбы рабочего класса — Советы рабочих депутатов. Трудящиеся массы башкир принимали активное участие в революции 1905—1907 гг. Их выступления влились в общий поток крестьянского движения края.

Поражение первой русской революции не сломало воли народа. Вместе со всеми трудящимися России, во главе с русским пролетариатом башкирский народ вел мужественную борьбу с самодержавием и местной эксплуататорской верхушкой, борьбу, которая в октябре 1917 г. увенчалась победой социалистической революции.

Октябрьская революция открыла новую страницу в истории башкирского народа. В условиях Башкирии социалистическая революция слилась с национально-освободительным движением, с борьбой за советскую автономию. В этой борьбе большевики встретили яростное сопротивление буржуазных националистов, пытавшихся спровоцировать вражду между трудящимися башкирами и русскими рабочими и крестьянами. Но планы контрреволюции были сорваны революционными массами. Башкирские крестьяне, значительная часть которых в первые дни революции подпала под влияние буржуазных националистов, в огне гражданской войны

убедились, что правда на стороне коммунистов, что только Советская власть защищает интересы угнетенных народов. Борьбу трудящихся башкир против местной эксплуататорской верхушки, белогвардейцев и контрреволюционных националистов возглавила Коммунистическая партия, в рядах которой объединились лучшие представители башкирского народа: Шагит Худайбердин, Багау Нуриманов, Бахтигарей Шафеев и многие другие. Эта борьба увенчалась полной победой. В марте 1919 г. был опубликован декрет ВЦИК о создании Башкирской Автономной Советской Республики.

Советская автономия явилась наиболее целесообразной формой приобщения ранее отсталого в экономическом и культурном отношении башкирского народа к социалистическому строительству. На основе советской автономии, при братской помощи русского народа, в единой семье народов СССР башкиры смогли, преодолев свою вековую отсталость, достичь огромных успехов в экономическом и культурном развитии.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

До присоединения к Русскому государству основным занятием башкир было кочевое скотоводство. Разводили главным образом лошадей и овец, сельское хозяйство в меньшей мере — крупный рогатый скот и верблюдов. Каждая родовая группа имела свои кочевые пастбища и традиционные пути передвижения стад. На лето табуны и отары отгонялись в горы, а поздней осенью спускались на равнину. Зимой весь скот находился на тебеневке.

Однако скотоводство не было единственным источником существования. Разнообразные природные условия, богатый животный мир способствовали развитию охоты, рыболовства, бортничества. Башкиры, жившие по нижнему течению р. Белой и в бассейне р. Быстрый Таныш, были издавна знакомы с земледелием. В остальных районах земледелие распространилось значительно позже и было связано с присоединением Башкирии к Русскому государству и заселением башкирских земель выходцами из соседних областей и из центральных районов России.

Пришлое русское и татарское земледельческое население оказало большое влияние на развитие производительных сил края. Увеличение плотности населения, сокращение пастбищ заставляло башкир переходить к полукочевому, а на северо-западе — к стойловому скотоводству. Уже в начале XVIII в. на севере Башкирии, в междуречье Белой и Уфы, скотоводство стало подсобной отраслью хозяйства. Появились участки, пашни и на северо-востоке Башкирии — по долинам рек Ай, Уфа и Юрюзань.

В течение XVIII в. к земледелию перешло большинство башкир западных районов. Лишь в бассейне р. Демы главным занятием населения продолжало оставаться полукочевое скотоводство с заготовкой сена на зиму для прокорма дойных кобылиц и молодняка. Значительно позже земледелие распространилось в юго-восточных районах. Изолированные от остального населения горными хребтами Урала юго-восточные башкиры еще в середине XIX в. по-прежнему вели полукочевой образ жизни; засеваемые здесь участки были незначительны. Однако упадок скотоводства, явившийся результатом дальнейшего сокращения пастбищных угодий и уменьшения поголовья скота, способствовал более интенсивному распространению земледелия и среди южных и юго-восточных башкир. К концу XIX в. у башкир Оренбургской губ. поголовье скота по сравнению с 1864 г. уменьшилось более чем в три раза. В Стерлитамакском уезде, например, где еще в середине XIX в. скотоводство было основным

занятием населения, число безлошадных накануне XX в. составляло 32%, однолошадных — 36,9%. В большинстве районов Башкирии на летние кочевки (*йэйләү*) продолжали выезжать лишь зажиточные крестьяне. Вместе с ними выезжали семьи, имевшие одну-две лошади, а порой — и безлошадные, но уже в качестве саунщиков, получавших скот на выпас (*һауын*), за что обязаны были сдать владельцу скота определенное количество мяса и молока. Однако и в этом случае сроки выезда на летовки были полностью подчинены календарю сельскохозяйственных работ. Откочевывали на летние пастбища после пахоты и посева. Имея четыре-пять кочевков, башкиры в начале лета селились на самой дальней из них; по мере того как скот выедал траву, приближались к деревне, чтобы в конце лета заняться уборкой урожая.

До середины XIX в. в Башкирии господствовали две системы земледелия: подсеčno-огневая — в лесной и переложная — в степной местности. К концу XIX — началу XX в. эти системы земледелия сохранились лишь местами; на смену им пришло заимствованное у русских крестьян трехполье. Сеяли рожь, просо, меньше — пшеницу, ячмень, овес, коноплю и лен, кое-где — гречиху и бобовые; в некоторых северных и западных районах башкиры по примеру русских начали культивировать картофель.

Вплоть до начала XX в. землю рыхлили тяжелой мотыгой (*һатман*). В XIX в. в лесной местности пахали сохой-косулей, впрягая одну-две лошади, в степной — сохой с двумя сошниками (*һука*). Поднимали новь на четырех — шести лошадях деревянным татарским плугом с железным лемехом (*һабан*). Боронили землю деревянной бороной — решетчатой рамой с деревянными или железными зубьями. Убирали хлеб серпом (*ураж*), сушили в снопах (*кәлтә*), сложенных в суслоны. В отдельных северо-западных районах для сушки колосьев сооружали распространенный у народов Прикамья «шиш» или татарский овин (*әуен*). Молотили, прогоняя по снопам лошадей или провозя по ним повозки, нагруженные камнями. Цепы (*сыбағас*) — две палки, соединенные веревкой, — применялись в основном на севере Башкирии. Зерно веяли лопатой. Почти во всех хозяйствах были ручные деревянные или каменные жернова (*жул тирмәне*); водяные мельницы-мутовки или мельницы с вертикально расположенным колесом встречались очень редко. Некоторые сдвиги в земледельческой технике произошли лишь в начале XX в., когда в отдельных зажиточных хозяйствах появился инвентарь заводского производства: железные плуги, веялки, молотилки.

Важное место в хозяйстве лесных башкир еще в конце XIX в. занимало пчеловодство. В большинстве районов пчел держали в долбленых колодах с узкой щелью в боку. Пасека (*умарталык*) устраивалась во дворе или на открытой поляне в лесу. В горах было развито бортничество — сбор меда диких пчел из дупел (*солок*); позднее к деревьям в лесу стали привязывать колоды (*йоморо умарта*), которые зимой хранили в подполье или в специально сооруженных землянках.

Охотой занимались на всей территории Башкирии. Охотились на куниц, соболей, бобров, лис, выдр, медведей, волков, лосей, зайцев. В степной местности устраивали коллективную верховую охоту с ловчими птицами. В лесах на звериных тропах ставили ловушки, капканы, самострелы. Зимой преследовали зверя по насту на лыжах. На тетеревов охотились на саях с высокими полозьями (*жор санаһы*); на медведя ходили с рогатиной. Стреляли зверей и птиц из лука и из ружья. Старинные охотничьи березовые луки (*йэйә*) делали полукруглой формы с прочной тетивой из сухожилий. Наконечники стрел (*уң*) были ромбовидные или в форме рогатины. Для охоты на мелких пушных зверей применялись стрелы с утолщением на конце (*туһаҡай*). Ружья были кремневые и лишь в XIX в. появились пистонные и берданки.

Рыболовством в конце XIX — начале XX в. продолжали заниматься главным образом в северных районах, на зауральских озерах и горных реках. Башкиры знали все основные приемы рыбной ловли, распространенные в Волго-Камском бассейне: ловля крючком, неводом, сетью, ветерем и т. д. В горных районах и в Зауралье устраивали ночной лов (*сырак*) с выслеживанием рыб с факелами и лучением острогой (*налдау*); применялся там также весенний подледный лов щук (*шига*) волосяной петлей (*маскэу*) с подманиванием их щукой-самцом, зацепленным в конец палки.

Подсобное значение в хозяйстве северо-западных башкир в XIX в. имело разведение гусей и кур. Однако большого развития птицеводство не получило.

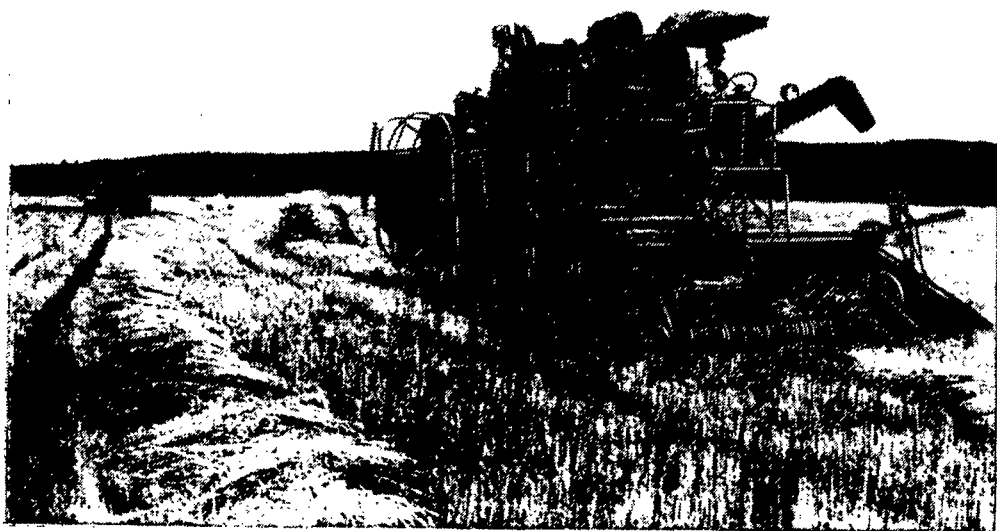
С победой Октябрьской социалистической революции в Башкирии открылись широкие возможности для резкого подъема всех видов сельскохозяйственного производства. Первым важнейшим шагом Советской власти явилась ликвидация помещичьего землевладения. Земля была провозглашена народной собственностью. В бывших Оренбургской и Уфимской губерниях в пользование народа было передано около 5,7 млн. десятин земли.

Первый башкирский колхоз «Кзыл батыр» был основан в конце 1919 г. крестьянской беднотой дер. Буранчино Стерлитамакского уезда. Созданные в 1920-е годы коллективные хозяйства Башкирии были небольшими, в каждом из них объединялось не более 10—12 дворов. В конце 1920 — начале 1930-х годов, после упорной борьбы с кулачеством, началось массовое объединение крестьян в колхозы. В производственные коллективы вступали целыми деревнями. Этому способствовали развитие механизации и быстрый рост промышленного производства.

С утверждением социалистических производственных отношений были созданы необходимые условия для превращения сельского хозяйства республики в высокотоварное крупное механизированное производство. Большую роль в организации и укреплении колхозов сыграли государственные машинно-тракторные станции (МТС), которые не только помогали колхозникам выполнять наиболее трудоемкие сельскохозяйственные работы (вспашку, сев, уборку урожая и т. д.), но и осуществляли организационно-хозяйственное руководство колхозами.

Большие сдвиги в колхозном строительстве относятся к последнему десятилетию. После сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. и ряда последующих мероприятий партии и правительства, предоставивших колхозам большие возможности для проявления инициативы в планировании производства, в использовании техники, укрепивших колхозы кадрами, сельское хозяйство Советской Башкирии добилось значительных успехов в своем развитии. В широких масштабах было проведено укрупнение коллективных хозяйств. Это усилило их экономически, позволило более рационально использовать кадры и технику, а также поднять товарность сельскохозяйственного производства. К началу 1963 г. в Башкирии имелось 619 крупных колхозов, каждый из которых объединял по нескольку сот дворов и имел в среднем более чем по 7 тыс. га сельскохозяйственных угодий. Кроме колхозов, в республике существует около 80 государственных сельскохозяйственных предприятий — совхозов. Крупные совхозы организованы на целинных землях — на юге и востоке республики; здесь каждое зерновое хозяйство имеет в среднем по 19 тыс. га пашни.

Основное направление хозяйства большинства колхозов и совхозов Башкирии — полеводство и животноводство; подсобными отраслями являются птицеводство, овощеводство, пчеловодство, садоводство. Часть совхозов специализирована: имеются зерновые, молочные, мясо-молочные, овцеводческие, птицеводческие хозяйства.

Уборка хлебов в колхозе «Октябрь» Кармаскалинского района. 1960 г.

Большое развитие в социалистических условиях получило земледелие. По сравнению с 1913 г. посевная площадь в Башкирии увеличилась более чем в два раза. Этот рост в значительной степени произошел за счет распашки целинных и залежных земель; с 1954 по 1962 г. в Демском бассейне и юго-восточной части Зауралья поднято 564 тыс. га целины.

Среди сельскохозяйственных культур преобладают зерновые. В среднем по республике на долю зерновых приходится 60—70% посевов. Основной зерновой культурой, особенно в засушливых степных районах, является пшеница. В лесостепных районах в больших количествах сеют рожь. Меньшее место в посевах зерновых занимают ячмень, овес, просо; в северных и западных районах выращивают гречиху.

Большие площади в колхозах и совхозах заняты теперь техническими и кормовыми культурами. По сравнению с 1913 г. площадь под техническими и кормовыми культурами увеличилась почти в 13,5 раза. Основным свекловодческим районом является бассейн среднего течения р. Белой, к югу от г. Уфы. Лен и коноплю выращивают на северо-востоке и западе, подсолнечник — в западных и юго-западных районах. Овощные культуры — картофель, капуста, лук, огурцы, помидоры распространены по всей Башкирии, хотя основным овощеводческим районом по-прежнему остается запад. На западе получила развитие и такая новая отрасль колхозного хозяйства, как садоводство.

В колхозных садах культивируются яблони, смородина, крыжовник, малина, клубника.

Из года в год повышается агротехнический уровень земледелия. Внедрение прогрессивных севооборотов, установление структуры посевов в соответствии с климатом и почвами каждого района, использование новых, приспособленных к местным условиям сортов, применение минеральных и органических удобрений способствуют повышению урожайности сельскохозяйственных культур.

Внедрение новых методов ведения сельского хозяйства сопровождается механизацией и электрификацией труда; к началу 1963 г. уровень механизации работ в полеводстве достиг 97,5%.

Электрострижка овец в колхозе им. Попова Бирского района. 1956 г.

Главным направлением животноводческого хозяйства республики является разведение мясо-молочного крупного рогатого скота. Вместе с тем колхозы и совхозы занимаются овцеводством, коневодством, разведением коз (на юге); появилась совершенно новая для башкир отрасль — свиноводство¹. Однако темпы развития животноводства отстают от полеводства; богатые луга и горные пастбища используются далеко не полностью. В связи с этим в последние годы, наряду с повсеместным увеличением поголовья скота, большое внимание уделяется разведению крупного рогатого скота и овец в горно-лесной зоне, располагающей благоприятными условиями для интенсивного развития животноводства.

Большая работа проводится по улучшению породности скота. На республиканской опытной животноводческой станции, в племенных хозяйствах, в колхозах и совхозах местный крупный рогатый скот скрещивают с симментальской и бестужевской породами. На западе республики на основе местной грубошерстной породы овец выведены тонкорунные и полутонкорунные породы. На юго-востоке, в Баймакском племенном рассаднике, разводят особую породу пуховых коз.

Коневодство уже не играет прежней роли в хозяйстве башкир. Поголовье коней в Башкирии по сравнению с дореволюционным временем уменьшилось в четыре раза, так как лошадь с внедрением тракторов и развитием автотранспорта потеряла в основном свое значение как тягловая сила в земледелии и как средство передвижения. Однако в Демском бассейне и на востоке республики, особенно в горно-лесных районах, табуны лошадей имеются почти в каждом колхозе. В основном это дойные кобылицы, молоко которых идет на приготовление кумыса.

В колхозах и совхозах скот содержится в хорошо оборудованных типовых коровниках, телятниках, овчарнях, конюшнях. На многих фермах, построенных в последние годы, сооружены подвесные дороги для подачи

¹ Появление свиноводства в башкирских колхозах — очень важное явление, свидетельствующее об изживании религиозных предрассудков. Раньше башкиры в силу запретов ислама не только не употребляли в пищу мясо свиней, но считали грехом даже прикасаться к ним.

Доение кобылиц в колхозе им. В. И. Ленина Баймакского района. 1954 г.

кормов, автопоилки, используются кормоприготовительные аппараты. Во многих колхозах имеются специальные доильные площадки, применяются электродоилки. На овцеводческих фермах организована электрострижка овец.

В большинстве колхозов зимнее стойловое содержание скота сочетается с летним пастбищным. Летний отгон крупного рогатого скота в предгорных районах Башкирии проводится на сравнительно небольшие расстояния — до 50—100 км. Отгоняют скот в конце апреля — начале мая в долины Уральских гор, а в середине июня перегоняют на субальпийские горные луга; с середины августа, когда спадает летняя жара, стада постепенно спускаются на равнину. В горах и на местах остановок стад построены загоны, легкие помещения для молодняка, домики для пастухов. При определении маршрута перегона стад в известной мере используются традиционные пути кочевания башкир. В засушливых степных районах зимой овцы содержатся на подножном корму; при этом за животными ведется постоянное медицинское наблюдение, а присмотр за отарами поручается опытным пастухам. В Зауралье на тебеневку нередко пускают табуны лошадей.

Успешно развивается такая традиционная отрасль сельского хозяйства, как пчеловодство. По развитию пчеловодства Башкирия занимает одно из первых мест в Российской Федерации. В отдельных предгорных частях республики и в некоторых северо-западных районах многие колхозы имеют до 4 тыс. пчелиных семей; доходы от пасек составляют здесь 40—50% общего дохода. В пчеловодческих хозяйствах организуются летние кочевья пчел в ульях на горчичные, гречиховые поля, на луга с медоносными растениями, к кленовым или липовым рощам. Во многих колхозах пчелы содержатся в двухкорпусных рамочных ульях новой конструкции; в зимнее время пчелиные семьи подкармливают, в помещениях, куда заносят ульи на зиму, поддерживается постоянная температура. В распространении новых научных методов организации пасек и ухода за пчелами большую роль играют опытные пчеловодческие станции.

На колхозной пасеке. Уфимский район

Коллективный способ ведения хозяйства, широкое применение техники обусловили рождение новых методов организации труда в сельском хозяйстве, которые постоянно развиваются и совершенствуются.

Основной производственной единицей в колхозах является бригада. В каждом хозяйстве имеется несколько специализированных растениеводческих и одна или несколько животноводческих бригад. После передачи технических средств колхозам они организовали тракторные бригады. В последние годы в колхозах применяется более прогрессивная форма организации труда: создаются механизированные бригады, за которыми закрепляется определенный участок поля или ферма; в бригаде имеется звено механизаторов, которое вместе с другими членами коллектива выполняет работы, требующие применения машин: пахоту, сев, уборку урожая, сенокос, подвозку кормов к фермам и т. д.

В Башкирии довольно часто встречаются многонациональные колхозы, в которых работают русские, башкиры, татары, марийцы и др. Особенно характерны многонациональные колхозы для северо-запада Башкирии, где этнический состав населения очень пестрый. В колхозах царит дух дружбы и взаимопомощи; многонациональные колхозы способствуют интернациональному воспитанию трудящихся, дальнейшему укреплению дружбы и сближению культуры народов, живущих в Башкирской АССР.

Оплата труда в колхозах до недавнего времени была основана на учете трудодней и производилась натурой; рассчитывались с колхозниками в конце сельскохозяйственного года. С 1960 г. в колхозах Башкирии осуществляется переход на денежную оплату труда. По новой системе учитывается не только количество затраченного времени, но и качество выполненной работы; оплата труда производится периодически — в конце каждого месяца или квартала; за перевыполнение плана начисляется дополнительная прогрессивная оплата.

Ведение сельского хозяйства на научной основе стало возможно только с помощью высококвалифицированных кадров специалистов — агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей, инженеров-механизаторов.

В среднем на каждый колхоз приходится по три-четыре специалиста с высшим или средним специальным образованием. Многие колхозники учатся в сельских агрономических и зоотехнических кружках и школах, в школах механизации сельского хозяйства, на курсах по обучению бригадиров, заведующих фермами, работников пасек и т. д.

Промышленность Ископаемые богатства Башкирии, особенно цветные металлы, железо и строительные материалы, издавна находили широкое применение в хозяйстве местного населения. Башкиры знали немало рудных мест; им были знакомы примитивные способы обработки металлов. Сохранились сведения о том, что в первой четверти XVIII в. башкиры Ногайской дороги выплавляли чугун и железо; башкиры, живущие по р. Ай, вели разработки серебряной руды, из которой изготовляли украшения для конской упряжи. Илецкое соляное месторождение было открыто башкирами еще до присоединения к Русскому государству. В ряде районов Южного Урала население занималось поисками золотых россыпей. Однако эксплуатация природных богатств имела весьма небольшие масштабы и едва выходила за рамки домашних промыслов.

Более интенсивная разработка полезных ископаемых на Южном Урале началась в середине XVIII в. В 40-е годы XVIII в. русскими предпринимателями был построен Воскресенский (Табынский) завод — первое промышленное предприятие на территории Башкирии. Вслед за Воскресенским появились Преображенский, Верхоторский, Архангельский, Верхний и Нижний Авзяно-Петровские, Белорецкий, Тирлянский, Зигазинский и другие заводы. Работали на них главным образом русские крестьяне, вывезенные заводладельцами из центральных губерний России. Вместе с тем в развитии горнорудной промышленности немалую роль играло и башкирское население. Целые башкирские аулы северных предуральских районов были вовлечены в изыскательские и рудные работы. Из среды башкир выделилась своего рода промысловая группа рудознатцев, услугами которых пользовались предприниматели и заводладельцы. Разработка некоторых рудных залежей находилась целиком в руках башкир. Добытую руду они продавали на ближние заводы. Например, башкиры Гайнинской волости сосредоточили в своих руках поставку медной руды на соседний Полевской завод. История сохранила имя башкирского владельца рудников Измаила Тасимова, который приобрел известность своим ходатайством в 1771 г. перед Сенатом об открытии на Южном Урале школы для подготовки специалистов горного дела. В промысловую жизнь края в меньшей мере было втянуто полукочевое скотоводческое население юга и востока, но и в этих районах по мере упадка кочевого скотоводства и разорения основной массы населения начали развиваться отхожие промыслы, связанные с различными подсобными заводскими работами.

Реформы 1860-х годов, расчистившие дорогу капитализму, способствовали более интенсивному промышленному развитию Башкирии. Расширение горно-металлургического производства, нуждавшегося в древесном топливе, привело к появлению лесной промышленности. Уже с конца XIX в. количество заготавливаемого леса позволяло не только обеспечить нужды местных заводов, но и вывозить его далеко за пределы Урала.

Быстрыми темпами начала развиваться фабрично-заводская промышленность, связанная с переработкой сельскохозяйственного сырья. Повсеместно возникали небольшие мукомольные, винокуренные, водочные, кожевенные, салотопенные и другие заводы.

Развитие промышленности сопровождалось формированием рабочего класса. Его основу составили освобожденные от крепостной зависимости раньше приписанные к заводам русские крестьяне. Постепенно в промышленное производство были вовлечены десятки тысяч разорившихся

крестьян из соседних деревень и среди них немало башкир. Башкиры чаще всего работали в лесной промышленности, на рудниках и золотых приисках, в гораздо меньшей степени в металлургической промышленности и на небольших предприятиях по переработке сельскохозяйственного сырья. На заводах башкир использовали главным образом на различных не требующих квалификации подсобных работах: углежжении, подвозке руды, дров и т. д.

Однако вовлечение башкирского населения в промышленное производство сдерживалось длительным сохранением на большой территории полукочевого быта, а главное — остатков феодально-патриархальных отношений. Даже в начале XX в. на постоянных работах в промышленности было занято всего 13,5 тыс. башкир. Правда, ежегодно под давлением нужды и голода башкиры нанимались на сезонные работы: заготовку и сплав леса, подвозку руды, добычу золота. Только лесозаводчики Пименовы и Щетинины набирали из башкирских деревень по берегам Ика и Суры до 5—6 тыс. рабочих.

Положение рабочих на заводах и фабриках Башкирии было чрезвычайно тяжелым. Рабочие южноуральских предприятий зарабатывали в два-три раза меньше, чем рабочие металлургических заводов юга России. Заработанных денег едва хватало на уплату штрафов и покрытие долгов лавочникам. Заводские и особенно рудничные рабочие вместе с семьями жили в старых землянках или тесовых бараках-казармах; только при некоторых заводах имелись небольшие поселки деревенского типа. В еще худшем положении находились рабочие-башкиры, которые подвергались не только капиталистической эксплуатации, но и национальному гнету. Неграмотность, незнание русского языка, во многих случаях временный характер работы позволяли предпринимателям жестоко эксплуатировать рабочих-башкир. На сплаве леса башкиры должны были, стоя в воде, работать по 14 часов в сутки. Жилищ на летних лесозаготовках не было. Люди гибли от изнурения и голода, но оставить работу не могли, так как обязаны были отработать полученный весной от предпринимателя задаток. На заводах рабочий день башкир длился 16—17 часов. «Башкирец, — читаем в одном из донесений оренбургскому генерал-губернатору, — делается в руках заводской администрации крепостным человеком, из которого она старается извлечь сколько можно выгоды, не заботясь о том, вынесут ли его физические силы налагаемые на него трудности или нет». Тяжелые условия труда, жестокая эксплуатация обусловили крепкую солидарность башкир с русскими рабочими, которая неоднократно проявлялась во многих совместных выступлениях против произвола заводчиков и фабрикантов.

Промышленное развитие Башкирии в конце XIX — начале XX в., его масштабы и направление определялись, с одной стороны, низким уровнем развития капитализма в России, с другой — своеобразным положением Урала как внутренней колонии царизма. Существование на Южном Урале горных заводов и рудников, возникновение лесной, легкой и пищевой промышленности не превратило Башкирию в развитый промышленный район России: удельный вес промышленности в общей продукции хозяйства Башкирии перед революцией составлял всего 13%.

С победой Октябрьской социалистической революции открылись широкие перспективы для наиболее рационального использования природных богатств Башкирии. Все заводы, фабрики, рудники перешли в руки трудящихся. Отныне свободный рабочий стал не только творцом, но и хозяином материальных ценностей. Однако молодой Башкирской республике в наследство от прошлого досталось хозяйство, разрушенное войной. На Южном Урале, ставшем ареной борьбы с контрреволюционными бандами Дутова, Колчака и местных националистов, были остановлены почти все фабрики и заводы, затоплены рудники и шахты, а уцелев-

шее оборудование вывезено белогвардейцами при отступлении. Промышленность республики фактически пришлось создавать заново. Довоенный уровень промышленного развития в Башкирии был достигнут в 1928 г.

Коммунистическая партия и Советское правительство, русский народ оказали Башкирской АССР огромную помощь в деле индустриализации. Только за десятилетие, начиная с 1929 г., в хозяйство республики из общесоюзного бюджета поступило около 2 млрд. руб., большая часть которых была использована в промышленности и транспорте. Строительство многих крупных промышленных предприятий, в частности Уфимского крекинг-завода, было объявлено народными стройками общесоюзного значения. Крупные заводы страны снабжали их необходимым оборудованием и машинами, присылали своих инженеров и техников; из Москвы, Ленинграда и других городов прибывали в Башкирию квалифицированные рабочие. В то же время многие башкиры проходили обучение на предприятиях центральных городов. Благодаря помощи всего советского народа Башкирия уже в предвоенные годы превратилась в развитую индустриальную республику.

Современная Башкирия принадлежит к числу крупных промышленных районов страны. Индустриальный облик республики определяет нефтехимическая промышленность. В послевоенный период здесь были открыты десятки новых нефтяных месторождений, среди которых такие крупные, как Шкаповское, Белебеевское, Арланское, Сергеевское. По добыче нефти Башкирия далеко опередила нефтяной Азербайджан и стала центром «Второго Баку». Республика занимает первое место в Советском Союзе по переработке нефти. Большое количество химической продукции дают крупные Ново-Уфимский и Ново-Ишимбайский нефтеперерабатывающие заводы, Стерлитамакский содово-цементный комбинат. В общем плане борьбы за «большую химию», принятом майским Пленумом ЦК КПСС 1958 г., Башкирии отведено одно из первых мест. Уже в 1962 г. в республике было закончено строительство первой очереди гиганта нефтехимии — Стерлитамакского завода синтетического каучука, завершается постройка Уфимского завода синтетического спирта, пущен ряд производств на Салаватском нефтехимическом комбинате.

Определились промышленные отраслевые центры республики. На востоке (Белорецк, Телян) развивается черная металлургия. Центром угольной промышленности является юг. Нефтеперерабатывающая промышленность охватывает центральные, западные и северо-западные районы. Лесная промышленность сосредоточена в основном в северных и восточных районах — по берегам Уфы и Белой. Основные машиностроительные и химические предприятия находятся в городах центральной полосы: Уфе, Стерлитамаке, Ишимбае, Салавате, Благовещенске. Продукция предприятий Башкирии поступает почти во все экономические районы Советского Союза и во многие зарубежные страны. К 1962 г. валовая продукция крупной индустрии по сравнению с 1913 г. выросла в 214 раз.

Грандиозным достижениям в области промышленности способствует широкое использование местных энергетических ресурсов. Большое количество энергии дают работающие на газовом топливе теплоэлектростанции; в 1960 г. закончено строительство Павловской ГЭС на р. Уфе — одной из крупнейших электростанций Урала. В настоящее время в Башкирии вырабатывается электроэнергия в два раза больше, чем в 1913 г. во всей царской России.

Развитие мощной индустрии сопровождается ростом местных рабочих кадров. Уже к 1958 г. на предприятиях было занято более 800 тыс. рабочих и служащих, из них почти 30 % — представители коренной национальности. Приток башкирского населения в промышленность особенно усилился в последнее десятилетие. Соответственно быстро растет удельный вес башкирского населения в городах и рабочих поселках республики. Башкиры

работают на самых важных участках народного хозяйства: в цехах заводов, на нефтепромыслах, в шахтах, строительных бригадах и т. д. Многие из них возглавляют отдельные производственные участки, цехи и лаборатории. Большим достижением является формирование национальной технической интеллигенции. На заводах, фабриках и стройках работает много инженеров и техников-башкир, подготовленных высшими и средними учебными заведениями страны.

За годы Советской власти резко изменились условия труда на промышленных предприятиях. Регламентированный семи-, а на вредных производствах шести- и пятичасовой рабочий день, широкое использование техники, введение комплексной автоматизации и диспетчеризации, строгое соблюдение санитарно-гигиенических условий намного повысили культуру производства, значительно облегчили труд. Автоматизация основных процессов на многих нефтяных промыслах позволила при сохранении круглосуточного производства организовать основные работы в дневное время.

На предприятиях Башкирии растет движение рационализаторов, борцов за технический прогресс. Многие рабочие регулярно изучают техническую литературу, учатся в школах передовых методов труда, на заочных и вечерних отделениях техникумов и институтов. В последние годы среди рабочих развернулась борьба за звание ударников и коллективов коммунистического труда. В эту борьбу включилось более 3 тыс. рабочих бригад республики, сотни из них уже удостоились этого почетного звания; движение быстро растет, захватывает целые предприятия и даже города.

Коренным образом изменился быт рабочих. Рабочие со своими семьями живут в светлых, благоустроенных квартирах. Несемейные поселяются в заводских общежитиях, в просторных комнатах на два — четыре человека. Большую помощь рабочим семьям оказывают предприятия бытового обслуживания, столовые, заводские ясли, детские сады. При заводах и фабриках имеются клубы, библиотеки. В свободное от работы время трудящиеся учатся в различных учебных заведениях, посещают народные университеты культуры, кружки текущей политики, творческие кружки, спортивные секции.

Домашнее производство и промыслы

Большинство башкирских промыслов до революции не выходило за рамки домашнего производства. Ткачеством, вязанием, шитьем обуви и одежды, обработкой шкур, выделкой кож, шерсти, изготовлением кожаной (в степных южных районах) или деревянной (в лесной местности) посуды занимались чуть ли не в каждом башкирском хозяйстве. Одежду и обувь шили только женщины. Выработка кожаной и деревянной посуды была делом мужчин.

В башкирском скотоводческом хозяйстве большое место занимала обработка животноводческих продуктов. С переходом к земледелию эти промыслы постепенно утратили свое прежнее значение. Шкуры башкиры обрабатывали так же, как и многие другие скотоводческие народы: очищали от остатков мяса и в растянутом виде просушивали на солнце, затем натирали свежим сыром (*йэш корот*) и несколько дней квасили. Овчины для шитья верхней одежды в течение двух недель коптились в особых землянках из двух помещений, соединенных дымоходами; в одном помещении (*сокор*) тлели куски гнилого дерева, в другом (*ыстык*) были развешаны шкуры. Подобным образом обрабатывали и кожи. Дубления башкиры не применяли. Кожи для изготовления посуды сшивали, наполняли золой и высушивали. После того как сосуды приобретали определенную форму, их коптили. Дымом обрабатывали и кожу, из которой делали обувь и ремни.

Овечья шерсть шла на изготовление тканых орнаментированных ковров (*балаэ*), сукна, вязаных изделий, войлока для обуви, чулок и голов-

ных уборов, войлочных кошом (*көйгөз*). Валяли войлок вручную, закладывая шерсть между двумя циновками. В южных районах циновки обвязывали вокруг вала, в который впрягали лошадь, и катали по земле до тех пор, пока войлок не сваливался.

Для тканья использовали шерсть, а также нити, полученные из растительных волокон: крапивы, дикой конопли, позже — из культурной конопли и льна-долгунца. На станках с двумя и более ремизками, которые передвигались с помощью подножек, ткали сукно и ковры, простой и узорный холст. Из домотканого холста и пестряди шили одежду, делали полотенца, занавеси, скатерти и салфетки.

Большое место в башкирском быту занимали деревянные изделия, особенно посуда. Гончарное дело башкирам не было известно. Из березового нароста и кап-корня выдалбливали ковши, миски, ложки, черпаки и т. д. Делали посуду и со вставным дном: различных размеров сосуды для хранения продуктов, кадки и ведра.

Башкиры издавна были знакомы с обработкой металлов. Изделия башкирских кузнецов, оружейников находили распространение среди населения окрестных деревень. Башкирские кузнецы занимались не только ковкой металла, но и тонкими ювелирными работами. Сохранились отдельные предметы бытового обихода, металлические части конской упряжи, оружие, искусно украшенные чеканкой, гравировкой и чернением. Но с XVI в., когда царское правительство, напуганное народным движением на Южном Урале, запретило башкирам иметь кузницы, ювелирное ремесло начало исчезать, и в XIX в. редкие башкирские ювелиры занимались лишь изготовлением несложных женских украшений из серебра и монет.

В XIX в. под влиянием начавшегося в крае промышленного развития получили распространение промыслы, связанные с обработкой дерева: углежжение, гонка дегтя, смолокурение, изготовление ободьев, дуг, саней, телег, колес, плетение циновок. Со второй половины XIX в., когда скотоводство в хозяйстве башкир утратило прежнюю роль, лесной промысел стал основным занятием башкирского населения во многих деревнях горных районов.

Проникновение в башкирскую деревню товарно-денежных отношений привело к развитию в отдельных районах довольно узкой специализации кустарей. Так, в дер. Токиеве Уфимского уезда 103 двора занимались исключительно бондарным делом, сбывая продукцию приезжим скупщикам. Центрами производства деревянной посуды стали восточная часть Стерлитамакского уезда и Бирский уезд Уфимской губ. Эта продукция находила сбыт на местных ярмарках, через скупщиков поступала на центральные российские рынки. В начале XX в. появились кустари-башкиры, занятые плотничьим ремеслом. Заготовка строительного леса, срубов для постройки домов и продажа их в безлесные районы Башкирии стали чуть ли не единственным средством существования многих башкирских семей по берегам р. Инзер и в верховьях Белой.

В советское время фабричная продукция — одежда, обувь, ткани, хозяйственная утварь, мебель — постепенно вытеснила изделия домашних и кустарных промыслов. Теперь трудно встретить в башкирских деревнях мастеров по обработке кожи, резчиков по дереву, ювелиров. Несмотря на то, что многие башкирские женщины умеют шить одежду, предпочтение отдается фабричным изделиям. В то же время прочное место в башкирском народном быту продолжают занимать предметы художественного ткачества. На севере республики ткнут декоративные полотенца, скатерти, занавески; на западе и юге — преимущественно ковры, на юго-востоке — шали. В Уфе работает Художественный комбинат, выпускающий ворсовые и безворсовые ковры, панно, дорожки. Художники и мастерицы комбината широко используют в своем творчестве

башкирский народный орнамент. Народные мотивы находят отражение и в продукции Уфимской фабрики строчевышитых изделий. На юге Башкирии, в Зиянчурином районе, создана мастерская, где народные вязальщицы и ткачихи заняты изготовлением пуховых и шерстяных шалей.

По-прежнему широко развито вязание. Из козьего пуха и овечьей шерсти вяжут носки, варежки, платки, шарфы. Дальнейшее развитие получили промыслы, связанные с обработкой дерева. В горно-лесных районах работает немало мастерских по выделке ободьев, колес, саней, телег. Столяры и плотники объединены в колхозные строительные бригады. В Бирске создана фабрика башкирских сувениров, выпускающая деревянные (из березового капа) резные и раскрашенные банки для меда, шкатулки, табакерки, женские украшения и т. д.

Средства передвижения В полукочевом скотоводческом хозяйстве башкир основным средством передвижения и перевозки грузов была лошадь. Верхом на лошади ездили мужчины и женщины, взрослые и дети. Оседлав коня, объезжали пастбища и борти, отправлялись в гости в соседние деревни, добирались до ближайшего волостного или уездного центра. Ранней весной, погрузив на лошадей домашний скарб, выезжали на летовки.

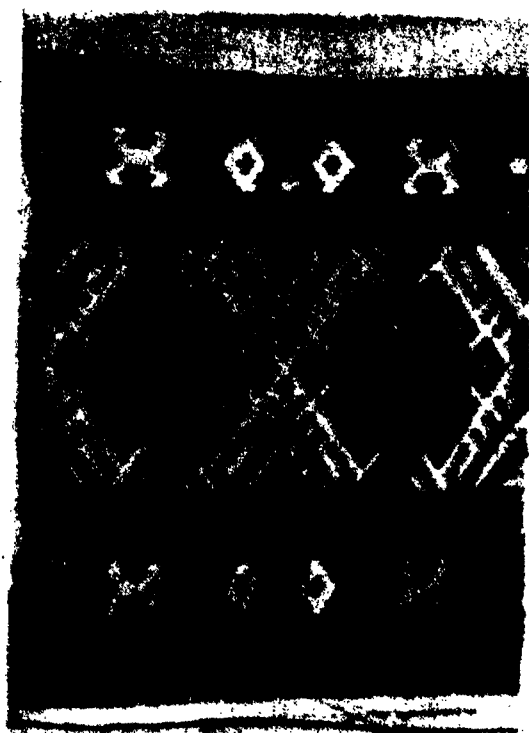
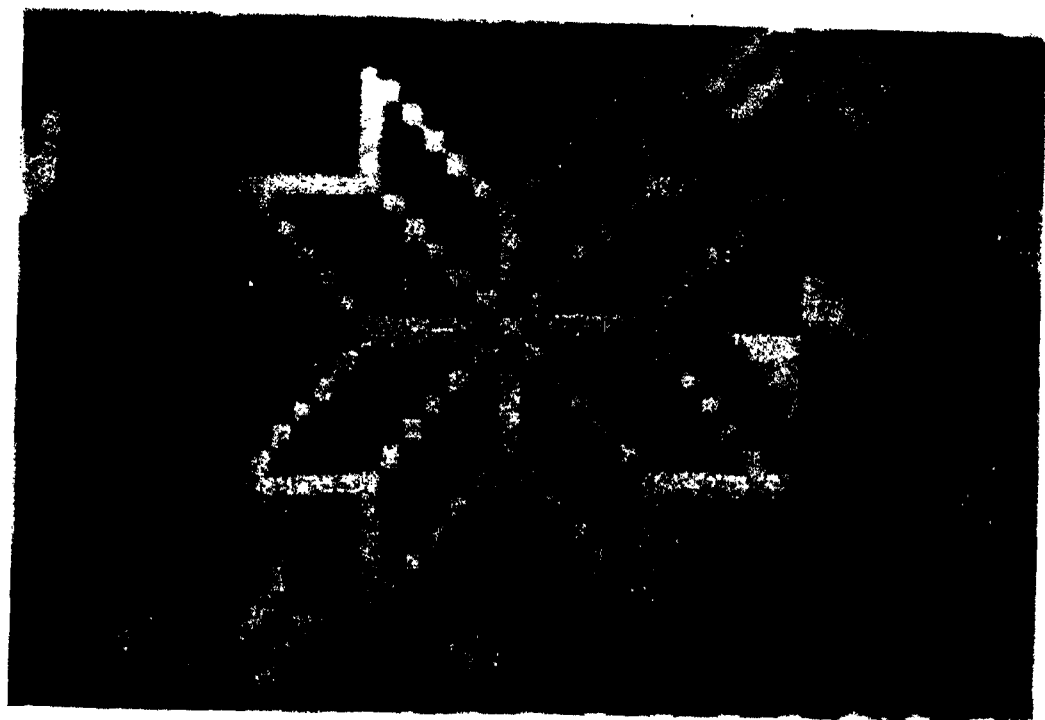
Основные части конской сбруи (уздечки, удила, стремяна, шлеи и т. д.) у башкир не отличались от распространённых у скотоводческих народов Средней Азии и Южной Сибири. Башкирское седло (*эйар*) представляло собой деревянный остов, обтянутый войлоком и кожей. Передняя и задняя луки старинных седел украшались резным орнаментом или гравированными металлическими пластинами. Под седло подкладывали прямоугольной формы войлочный потник (*сергетши*), обшитый кожей или ярким сукном.

Собираясь в дорогу, к седлу подвешивали кожаные мешки с провизией, кожаные сосуды, наполненные кумысом, сумки с пожитками. При переезде на летние пастбища на лошадей укладывали мешки с негромоздким домашним скарбом. Тяжелые вещи (части юрты, сундуки) нагружали на волокуши (*һейрәткә*) — две длинные, прикрепленные с обеих сторон седла жерди с натянутой между ними широкой полосой луба. Подобный способ перевозки тяжестей еще в начале нашего века применялся во многих труднопроходимых районах горной Башкирии. В равнинной местности, особенно в северных и западных земледельческих районах, грузы перевозили на телегах (*арба*) или санях (*сана*), запряженных лошадьми. Телеги, сани и другие транспортные средства башкир в земледельческих районах были в основном такими же, как у соседних татар.

Гужевой транспорт в конце XIX — начале XX в. играл большую роль во всей хозяйственной жизни края. В качестве тягловой силы лошадь использовалась на заводах и горных рудниках. Летом на телегах, а зимой на санях доставляли топливо, сырье, вывозили готовую продукцию.

Почтовые тракты и гужевые дороги соединяли Уфу с Казанью и Челябинском. Из Уфы был проложен тракт на Оренбург. Гужевая дорога Стерлитамак — Златоуст пересекала Уральские хребты, соединяя западную часть Башкирии с Зауральем. Однако дороги, в том числе и почтовые тракты, ремонтировались редко, были запущены. Выбраться в распутье из какой-нибудь деревни, расположенной в стороне от тракта, было почти невозможно.

До XIX в. передвижение по рекам в основном осуществлялось на лодках с дощатыми днищем и боками. Башкиры, жившие в центральных районах, по правому берегу р. Белой и по ее притокам, пользовались долбленными лодками-однодеревками (*йоморо камә*). С развитием на Южном Урале промышленности по рекам стали сплавливать лес и некоторые промышленные грузы.

Образцы орнамента западных башкир:
1 — безворсовые ковры («палас»); 2 — тканые полотенца

В 1858 г. в Башкирии было открыто судоходство. По р. Белой пошли пароходы и баржи, груженные хлебом, солью, железом и чугуном. Ожили тихие прибельские селения. Бирск, Дюртюли, Топорнино (ныне Кушнарсенково), Табынск, Стерлитамак стали местами торговых сделок, ярмарок, базаров. В поисках заработка сюда стали стекаться разорившиеся башкирские и русские крестьяне из окрестных деревень.

Важное значение имела построенная в начале 1890-х годов железная дорога. Пройдя по территории Башкирии через Уфу, она соединила Самару с Златоустом и впоследствии стала важным участком Сибирской железнодорожной магистрали.

Однако с постройкой железной дороги и началом судоходства проблема транспорта в Башкирии не была решена. Большинство районов, расположенных в стороне от речных и железнодорожных линий, фактически оставались изолированными от внешнего мира. На огромной территории Башкирии еще долгое время основными средствами передвижения и перевозки грузов были верховая лошадь и повозка.

Мощный подъем экономики Башкирии в годы Советской власти требовал создания густой сети путей сообщения, реорганизации существующих видов транспорта, использования новых, соответствующих темпам социалистического производства транспортных средств.

Главная роль в обслуживании хозяйства республики, в осуществлении экономических и культурных связей со всей страной предназначалась железнодорожному транспорту. Постройка в начале 1920-х годов Казанской и Оренбургской железных дорог частично разрешила эту задачу, укрепив связь Башкирии с соседними областями и центральными районами страны. Однако в силу природно-географических условий отдельные части республики по-прежнему оставались разобщенными территориально и экономически.

Хозяйственные интересы Советской Башкирии требовали четкой организации внутренних путей сообщения, этому и было подчинено строительство новых железнодорожных линий. В 1930-е годы, после открытия Ишимбайского нефтеносного района, была проложена железная дорога, соединившая Уфу со Стерлитамаком. Позднее в связи с начавшейся разработкой богатых угольных месторождений на юге республики эту линию продолжили до г. Кумертау. Так устанавливалась постоянная связь с южными районами. Лишь юго-восток республики, изолированный от остальной территории цепями Уральских гор, долгое время оставался в стороне от основных транспортных магистралей. Соединение этих районов с ближайшими железнодорожными узлами началось в послевоенные годы в связи с развитием цветной металлургии. В конце 1940-х годов была проложена ветка Сибай — Магнитогорск, а в 1958 г. Учалы соединены с Миассом.

Наиболее важные участки железнодорожных линий переведены на электрическую тягу. Железные дороги оснащаются новой техникой, средствами автоматики и телемеханики.

Крупные изменения произошли в речном транспорте. Речной флот республики по сравнению с дореволюционным увеличился более чем втрое.

Появились новые типы судов: комфортабельные пассажирские пароходы, грузовые и буксирные теплоходы, катера, танкеры и т. д. Судоходство по р. Белой, соединяющей Башкирию по Каме и Волге с основными экономическими районами страны, имеет большое значение для республики. По рекам Башкирии сплавляется большое количество леса на деревообрабатывающие комбинаты Уфы.

С промыслов по трубам подается нефть на нефтеперерабатывающие заводы республики и других областей; города и рабочие поселки снабжаются газом.

Большое значение в жизни современной Башкирии имеет воздушный транспорт. Через столицу республики проходит несколько трасс меж-областного значения. Авиалинии связывают Уфу с промышленными и административными центрами республики. Постоянное воздушное сообщение с труднодоступными горно-лесными и отдаленными зауральскими районами особенно важно в период распутицы и снежных заносов.

Авиация находит широкое применение в хозяйстве: с самолетов опыляют и подкармливают растения, ведется борьба с вредителями полей и лесов, организуется наблюдение за лесосплавом, осуществляется аэро-фотосъемка и т. д. Санитарная авиация особенно большое значение имеет для отдаленных сельских районов.

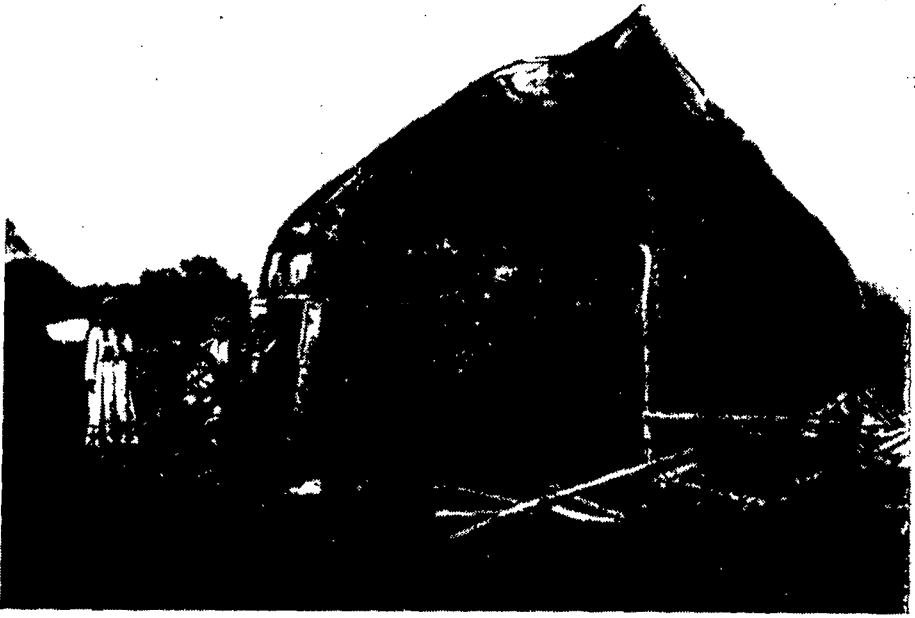
В осуществлении связей между районами и отдельными населенными пунктами немаловажную роль играет автомобильный транспорт. Все районные и промышленные центры республики связаны густой сетью автомобильных дорог. Наиболее крупные из них: автострады Уфа — Янаул, Уфа — Октябрьский, Уфа — Оренбург, Стерлитамак — Белорецк, Зилаир — Сибай.

Следует, однако, отметить, что развитие новых видов транспорта и связи не вытеснило полностью традиционные средства передвижения. До сих пор в сельской местности, особенно в пределах колхозов, продолжает сохранять значение гужевой транспорт. В горах распространена верховая езда. По рекам в летнее время передвигаются на лодках.

Возникновение постоянных башкирских поселений связано главным образом с переходом башкир к полуседлой и оседлой жизни. Если в северо-западных земледельческих районах большинство деревень возникло еще до присоединения к Русскому государству, то в южной и восточной частях Башкирии, где даже в XVIII—XIX вв. господствовало полукочевое скотоводство, постоянные поселения появились всего два-три столетия назад. Первые башкирские деревни, как и кочевые аулы, располагались у водных источников, по берегам рек и озер, и сохраняли кочевую планировку. Каждая деревня включала одно родовое подразделение и насчитывала не более 25—30 дворов. В тех случаях, когда вместе селилось несколько родовых групп, каждая из них сохраняла территориальную обособленность; границей служили река, овраг или пустырь. В скотоводческих районах при разрастании деревень из аула выделялась часть семей или целое родовое подразделение, образуя новое поселение. Поэтому на востоке и юге даже в XIX в. крупных башкирских деревень было мало. В северных и западных районах высокая плотность населения способствовала разрастанию аулов в крупные деревни, насчитывавшие по нескольку сот дворов.

В 20-х годах XIX в. царская администрация для удобства управления краем начала перепланировку башкирских аулов по типу русских деревень. Губернское правление составило планы деревень, выделило земельные участки. Перестройка аулов по уличному типу затянулась на несколько десятилетий, и еще в конце XIX в. встречались, главным образом на востоке, населенные пункты с беспорядочным размещением усадеб. Однако большинство башкирских деревень в конце XIX — начале XX в. состояло из одной, реже — двух-трех улиц, разделенных проулками, по которым можно было выйти к реке или за околицу. В центре поселения возвышалась мечеть — деревянное здание прямоугольной формы с конусообразным минаретом.

В начале XX в. в северных и западных районах Башкирии, в большей мере испытывавших влияние капитализма, произошло некоторое укрупнение деревень. В восточной части Башкирии деревни редко насчитывали более ста дворов; сравнительно крупными здесь были лишь волостные центры.

На летовке. Юго-восточный район Башкирии. 1909 г.

На рубеже XIX—XX вв. у башкир можно было встретить самые разнообразные жилища, начиная от войлочной юрты и кончая бревенчатыми избами. Объясняется это сложностью этнической истории народа, особенностями хозяйства в различных районах, а также многообразием природных условий. Если в оседлых северо-западных районах на рубеже XIX—XX вв. дом был единственным типом постройки, то на юге и востоке одновременно с бревенчатыми, саманными или дерновыми избами бытовали различного типа легкие кочевые жилища.

Основным видом летнего жилья у башкир степных и предгорных районов была покрытая войлоком и кошмами решетчатая юрта, или кибитка (*тирма*). На северо-востоке были распространены юрты монгольского типа, для которых характерен конусообразный верх, на юге и в Демском бассейне — тюркского типа, с полусферическим верхом. Вход в юрту обычно закрывала кошма. В центре юрты находился открытый очаг; дым от очага выходил в открытую дверь и через отверстие в куполе, с которого на время топки снимали покрывавшую его кошму. Занавесом (*шаршау*) по линии двери кибитка делилась на две части: справа от двери, на женской половине (*шаршау эсе*), размещались хозяйственная утварь, продукты; слева, на мужской половине (*ишек як*) вдоль стенок стояли сундуки с имуществом, возле них были разостланы кошмы, лежали подушки, одеяла, по стенам висели оружие, седла, упряжь, верхняя одежда, узорные полотенца. Впоследствии деление кибитки на мужскую и женскую половины утратило свое значение, и юрту стали делить на «чистую» и «хозяйственную» части. Простая по конструкции и внутреннему устройству башкирская юрта легко разбиралась и перевозилась на другое место.

В конце XIX в. в степной Башкирии многие несостоятельные семьи жили на летовках и в конических шалашах (*кыууш*), жердевой остов которых был покрыт древесной корой, листьями и войлоком, или в напоминавших юрту балаганчиках (*аласык*) из деревянных обтянутых лубом рам. Внутреннее устройство этих жилищ было сходно с юртой.

Башкиры горно-лесных районов устанавливали на летовках небольшие бревенчатые избы (*бурама*) с земляным полом, без потолка, с двускатной крышей из коры. Это жилище не имело окон и освещалось через дверь и щели между плохо пригнанными бревнами стен. В бревенчатых избах очаг устраивали в одном из углов у входа; против очага, вдоль передней и боковой стен, сооружали невысокие бревенчатые помосты, которые застилали травой и ветвями. Бурамы не были переносными жилищами: несложная техника их сооружения, обилие строительного материала позволяли башкирам иметь такие срубы на каждой летовке.

При постройке зимних жилищ использовалось преимущественно дерево. В зауральских степных районах и в придемской равнине дома сооружали с плетневыми, саманными или каменными стенами. Для покрытия изб здесь вместо теса, щепы и коры — материалов, распространенных в горно-лесных районах, применяли дерн и солому.

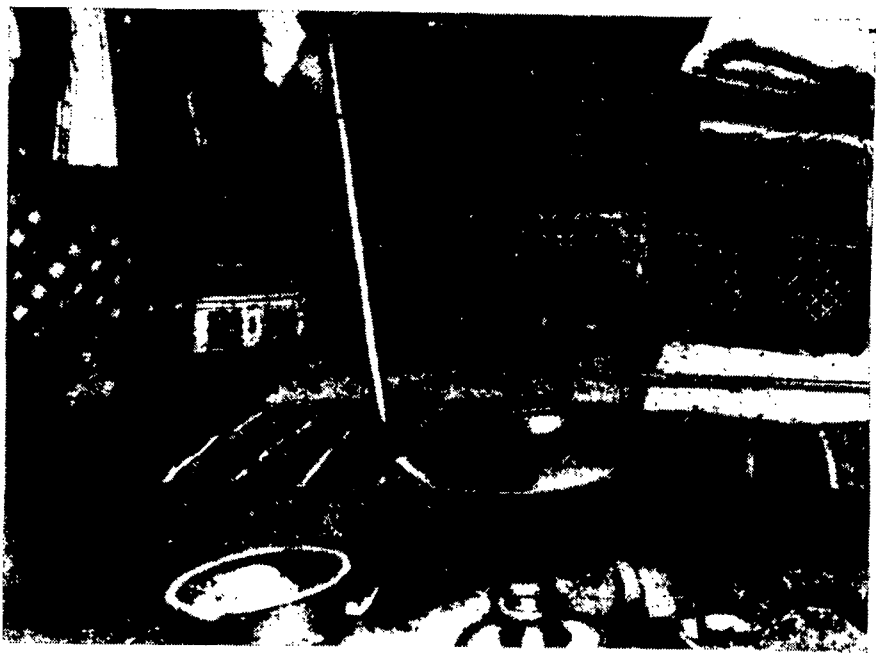
Из типов постоянного жилища в прошлом для всей Башкирии была характерна небольших размеров четырехстенная изба с двускатной крышей, двумя-тремя окнами, без специального фундамента, с поднятым на второй венец полом. Подобная срубная изба, особенно в лесных районах, имела много общего с бурамой.

Во второй половине XIX в. у зажиточных башкир появились трехраздельные жилища (две избы, разделенные сенями) и двухкомнатные избы с сенями во всю длину сруба и отдельными входами в каждую комнату или с переходом из одной комнаты в другую. Немалую роль в появлении этих жилищ сыграло культурное влияние соседних народов, в первую очередь татар и русских.

Башкирские крестьяне в большинстве случаев сами сооружали свои жилые и хозяйственные постройки. Но в XIX в. уже появились плотники-профессионалы, которые, переходя из деревни в деревню, возводили преимущественно для богатых крестьян большие дома с резными наличниками, фризами и фронтонами. На юге и юго-востоке Башкирии плотничьим ремеслом занимались нередко все крестьяне целой деревни. Нанимаясь к жителям окрестных сел, они строили дома не только в башкирских, но и в русских, татарских и других деревнях.

В избах до известной степени повторялась обстановка юрты и в еще большей мере — бурамы. В избе сохранялись характерные для юрты и бурамы очаг и нары (*һике, урындык*), служившие одновременно местом и для трапезы, и для отдыха. Как и в бураме, нары располагались вдоль боковой и передней стен (в горно-лесной местности) или вдоль одной, противоположной входу стены. Очаг сооружали обычно справа от двери, на некотором расстоянии от стен. Еще в XIX в. в глухих деревнях степных юго-восточных и горно-лесных районов были распространены своеобразные печи-камины (*сувал*) с прямым дымоходом и высоким зевом топки. Рядом с ними сооружали небольшой очажок (*усаҭ*) с вмазанным котлом. На северо-западе Башкирии и в Зауралье, особенно по соседству с русскими селами, в начале XX в. клали печи русского типа, отличавшиеся, однако, сложной системой дымоходов. Особенностью башкирской печи было сочетание обогревательного щита (*мейес*) с небольшим очагом, который раньше пристраивали к сувалу. В начале века в некоторых башкирских деревнях под влиянием русского населения появились кирпичные печи-голландки. В двухкомнатных избах их устанавливали в «чистой половине» — помещении для приема гостей, тогда как во второй комнате ставили печь с котлом.

Деление помещения на чистую и хозяйственную части, перенесенное из кочевого жилища, соблюдалось и в избе-четырёхстенке: чистая половина дома отделялась тянущимся от печи длинным занавесом. Убранство башкирских изб дополняли разостланные на нарах кошмы (на юге) или тканые паласы (на севере), сложенные в углу на нарах многочисленные

Внутренний вид юрты. Юго-восточные районы Башкирии. 1909 г.

подушки и одеяла, развешанные по стенам и на прикрепленной в одном из передних углов жерди полотенца, одежда, предметы конской упряжи. Фабричная мебель была лишь в зажиточных семьях.

Различия в хозяйстве наложили отпечаток и на устройство башкирских усадеб. В начале века в северных, земледельческих районах для усадьбы были характерны многочисленные хозяйственные постройки; различались «чистый» двор, где находились дом и клеть, хозяйственный двор с помещениями для скота, сараями, загонами и, наконец, огород, в котором стояла баня. Немногочисленные постройки в башкирской усадьбе располагались, как правило, свободно, на значительном расстоянии одна от другой. На юго-востоке и в придемских степях, где длительное время сохранялось кочевое и полукочевое скотоводство, часто единственным сооружением, кроме жилого дома, был сарай с открытым загонem для скота. Не случайно в Зауралье все хозяйственные постройки до недавнего времени назывались *кэртэ* — т. е. так же, как загоны для скота на кочевках.

Уже в первые десятилетия после Октябрьской революции, особенно после коллективизации сельского хозяйства, началось массовое строительство и благоустройство башкирских деревень. С помощью государства, при содействии и поддержке колхозов многие башкирские семьи вместо тесных полуразвалившихся изб поставили просторные бревенчатые дома. В деревнях появились новые общественные здания: школы, клубы, медпункты, больницы, колхозные хозяйственные и административные постройки.

Особенно большие изменения в башкирских деревнях произошли в последнее десятилетие. Подъем всех отраслей сельского хозяйства, улучшение материального благосостояния колхозного крестьянства, возросшие культурные потребности населения нашли отражение в быстром развитии индивидуального и общественного строительства. Только за один 1958 г. в деревнях Башкирии было построено около 24 тыс. домов. В настоящее время большинство деревень обновилось более чем наполовину, некоторые

перестроены почти заново. При перестройке поселений большое внимание уделяется их благоустройству; озеленению улиц, организации водоснабжения, электрификации и радиофикации.

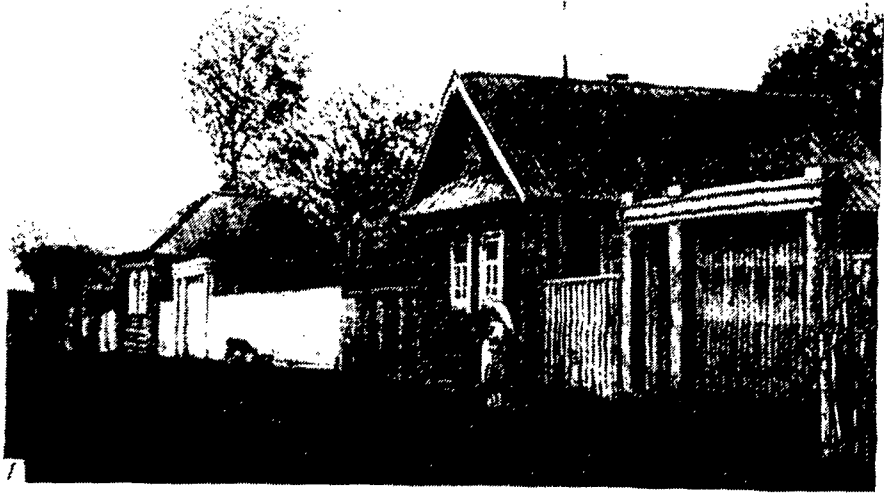
Для современного сельского строительства характерна перестройка деревень по архитектурному плану. Начало осуществляться комплексное планирование сельского строительства для целых административных районов. В 1960 г. проектными организациями республики в порядке опыта был составлен перспективный план перестройки деревень Кармаскалинского района. Такие планы предусматривают максимальное укрупнение населенных пунктов, четкое функциональное разделение территории села на производственную, жилую зоны и зону отдыха, постройку зданий для культурных и общественных учреждений, предприятий бытового обслуживания, организацию сети коммунальных удобств.

В осуществлении перестройки деревень большую роль играют колхозные строительные бригады и межколхозные производственные строительные организации. Строительные бригады сооружают производственные здания, помогают строить дома колхозникам. К началу 1963 г. в колхозных бригадах Башкирии было более 20 тыс. специалистов-строителей. Межколхозные организации, объединяя средства и силы смежных колхозов, организуют производство строительных материалов, разработку каменных карьеров, подготовку и доставку пиломатериалов, ведают столярными мастерскими.

С каждым годом уменьшается число изб из самана, плетня, глины; почти не встречаются дома, крытые соломой, корой, дерном. Наиболее характерны для современного жилища срубные и кирпичные постройки. Многие колхозы безлесных районов широко используют местные строительные материалы: глину, песок, известняк, камень и т. д. В задачи промышленных предприятий и строительных организаций входит обеспечение колхозников шифером, черепицей, железом.

Вместе с применением новых строительных материалов совершенствуются архитектурные приемы, меняется внутренняя планировка жилищ. Современный дом башкира — это чаще всего довольно больших размеров пяти-шестиоконный сруб, поставленный на деревянные врытые в землю тумбы или каменный фундамент; двускатная или четырехскатная крыша покрыта тесом, шифером или черепицей. Карнизы, фронтоны и оконные наличники украшаются резьбой и росписью. Народные башкирские мастера, опираясь на богатые традиции архитектурной резьбы русских и других народов, отбирают наиболее соответствующие духу времени орнаментальные формы, вырабатывают новые приемы, которые удовлетворяют вкусы колхозного крестьянства и в то же время вполне соответствуют темпам жилищного строительства на селе.

Во внутренней планировке заметно стремление к большему удобству в быту. Обычно средней стеной пятистенного сруба и дощатыми перегородками дом башкира делится на несколько комнат: прихожую, кухню, спальню, гостиную и т. д. Даже в безлесных северо-западных районах, где до сих пор преобладают однокомнатные избы, помещение разделяется короткими занавесками, прикрепленными к матице. Особенно большие изменения во внутренней планировке жилища произошли на северо-востоке, где появились дома с четырьмя-пятью комнатами. В первых от входа комнатах — кухне и прихожей — сохраняются многие черты, унаследованные от дореволюционного быта: здесь стоит громоздкая печь с плитой и вмазанным сбоку котлом, около нее на полке (*кэштэ*) или в шкафу хранится хозяйственная утварь и посуда, у дверей в углу сооружены небольшие узкие нарты. Остальные комнаты обставлены на городской лад. Отапливаются эти комнаты небольшой печью-голландкой. Черты нового убранства жилых помещений тесно переплетаются с национальными традициями. Национальный колорит создают прибитые к матице или

Типы современных домов колхозников башкир:

- 1 — дер. Ваньш Янаульского района; 2 — дер. Ямады Янаульского района;
3 — дер. Старо-Кулево Уфимского района

к стенам у потолка вышитые занавески (*кашага*), полог, закрывающий кровать, посланные на пол или на скамьи тканые ковры или войлочные кошмы.

Произошли изменения и в застройке усадеб. Правда, продолжает существовать деление двора на «чистую» и хозяйственную части, сохраняется традиционное свободное расположение хозяйственных построек на усадьбе. В условиях коллективного хозяйства отпала надобность в некоторых постройках — конюшнях, амбарах для хранения сельскохозяйственного инвентаря, заметно уменьшается площадь, занятая под огород, более компактно располагаются хозяйственные службы. Современная башкирская усадьба хорошо озеленена.

Развитие промышленности в крае после присоединения к Русскому государству, строительство крепостей и заводов, заселение башкирских земель пришлым людом привели к возникновению крупных населенных пунктов: городов, торговых и промышленных центров. Первым городом на территории Башкирии была Уфа, основанная царским правительством во второй половине XVI в. в качестве стратегического поста на востоке русских владений. Расположенная в центре башкирских земель, на стыке сухопутных и водных путей, Уфа из небольшой крепости военного типа к XVIII в. превратилась в один из транспортных, торговых и административных центров Урала. По данным переписи 1897 г., в Уфе насчитывалось около 50 тыс. жителей. Среди них башкиры не составляли и одного процента, они были представлены в основном мусульманским духовенством и торговцами.

Дореволюционная Уфа была застроена преимущественно двухэтажными деревянными домами. Самыми крупными зданиями были каменные дома Губернской земской управы, Крестьянского банка, многочисленные церкви и мечети. Административные учреждения и особняки русских, татарских и башкирских дворян и кушцов располагались в центре города. На окраинах, по склонам оврагов, лежились лачуги рабочих. Из промышленных предприятий наиболее значительными были чугуно-меднолитейный завод Гутмана, паровозоремонтные и судоремонтные мастерские и две паровые мельницы. Культурные учреждения были представлены лишь светскими и духовными школами и несколькими библиотеками с небольшим фондом литературы. Постоянного театра в Уфе не было. Различные клубы служили местом развлечения представителей «высшего общества».

Еще большим захолустьем были уездные города Стерлитамак, Бирск, Белебей. Автор известных «Очерков из жизни дикой Башкирии» Н. В. Ремезов, побывавший в конце XIX в. в самом крупном из уездных центров края Стерлитамаке, писал: «...в уездном городишке Стерлитамаке, вечно утопавшем в грязи..., было несколько улиц с деревянными постройками, собором на площади, зданием присутственных мест там же, базаром по соседству и острогом на выгоне». В начале XX в. в Стерлитамаке было основано несколько промышленных предприятий — две-три небольшие мельницы, лесопильня, кожевенный завод, которые, однако, не изменили облика города.

К XVIII в. — времени рождения горнозаводской промышленности на Южном Урале — относится появление первых рабочих поселков. Это были слободы приписанных к промышленным предприятиям крепостных крестьян, преимущественно русских. Заводские поселки были сравнительно небольшими и по внешнему виду мало отличались от окрестных деревень.

Во второй половине XIX в., после отмены крепостного права, рядом с избами старожил в рабочих поселках выросли ряды приземистых бараков-казарм, способных вместить большое число рабочих, устремившихся из сельского хозяйства в промышленность. Антисанитар-

Октябрьский — город нефтяников

ные условия из-за большого скопления людей, оседавшие повсюду гарь и копоть, грязь немощеных улиц определяли внешний вид заводских слобод. В начале XX в. при некоторых наиболее крупных заводах (Белорецком, Тирлянском) появились врачебные пункты, школы. В большинстве же случаев в заводском поселке единственным местом, где рабочие могли проводить немногие свободные часы, был кабак.

Развитие экономики Советской Башкирии вызвало бурный рост городов. Столица республики — Уфа превратилась в крупный современный город с населением в 640 тыс. человек. Многоэтажные благоустроенные дома, утопающие в зелени широкие асфальтированные улицы, площади, парки, скверы, оживленное транспортное движение — таков облик сегодняшней Уфы. В Уфе расположены крупнейшие нефтеперерабатывающие и химические заводы, фанерный и деревообрабатывающий комбинат, фабрики легкой и пищевой промышленности. Уфа — научный и культурный центр республики. Здесь находятся университет, медицинский, авиационный, нефтяной и сельскохозяйственный институты, многочисленные научно-исследовательские учреждения, оперный и драматический театры, филармония, множество библиотек, художественный, краеведческий и другие музеи, республиканский радиокомитет, телецентр.

Большие изменения произошли и в облике других городов республики. Стерлитамак превратился в центр химической индустрии общесоюзного значения. Экономически развитыми и более благоустроенными стали города Бирск и Белебей.

С развитием новых отраслей промышленности выросли новые социалистические города. Центром добычи цветной руды стал Сибай, нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности — Ишимбай, Салават, Туймазы, Октябрьский, Нефтекамск, угольной — Кумертау и Мелеуз. Молодые города Башкирии отличает единый архитектурный стиль, простота планировки, благоустроенность. Другой их особенностью является вынесение промышленных предприятий за пределы жилого массива, соединение заводского района с центром города постоянным транспортом.

Семья горных башкир. Южный Урал. 1914 г.

На территории Башкирской АССР 34 поселка городского типа. Они застроены двух-трехэтажными благоустроенными домами. В поселках работают дворцы культуры, клубы, кинотеатры, магазины, столовые. Все это характеризует новый быт рабочих Башкирии.

Одежда Особенности хозяйства различных районов края, длительные и разнообразные культурные связи башкир с другими народами наложили отпечаток на характер одежды их отдельных групп. Юго-восточные башкиры, долгое время сохранявшие полукочевой скотоводческий уклад, еще в прошлом веке широко использовали кожу, шкуры и шерсть для шитья обуви, верхней одежды и головных уборов; им было знакомо также изготовление холста из крапивы и дикой конопли. В XVIII в. юго-восточные башкиры шили нательную одежду в основном из среднеазиатских или русских фабричных тканей, что объясняется установлением торговых связей со Средней Азией, а после присоединения к России — через Оренбург и Троицк — с внутренними рынками империи. Башкирское население по нижнему течению р. Белой, рано перешедшее к оседлости, изготовляло одежду преимущественно из крапивного и конопляного холста, а позднее из льняного полотна. Зимнюю одежду и головные уборы здесь в большинстве случаев шили из меха пушных зверей или шкурок домашних животных.

Национальный мужской костюм в прошлом веке был однотипен для всего башкирского населения. Нательной и одновременно верхней одеждой служили туникообразная рубашка с отложным воротником и штаны с широким шагом. Поверх рубахи носили короткую безрукавку (*камзул*); при выходе на улицу надевали расклиненный кафтан (*кэзэки*) с глухой застежкой и стоячим воротником или длинный, почти прямой халат из темной ткани (*елэн*, *бишмэт*). Знать и служители религиозного культа ходили в халатах из пестрого среднеазиатского шелка. В холодное время года башкиры носили просторные суконные халаты (*сэкмэн*), овчинные шубы (*тире тун*) или полшубки (*билле тун*).

Повседневным головным убором мужчин были тубетейки (*тубэтэй*). Пожилые люди носили тубетейки из темного бархата, молодые — яркие, расшитые цветными нитками. В холодное время года поверх тубетеек надевали войлочные шляпы или покрытые тканью меховые шапки (*бурк, кэпэс*). В южных, особенно в степных, районах в бураны надевали теплые меховые малахаи (*юлаксын*) с небольшой тульей и широкой лопастью, прикрывавшей затылок и уши.

Наиболее распространенной обувью по всему востоку Башкирии, а также в Челябинской и Курганской областях были сапоги (*сарык*) с мягкими кожаными головками и подошвами и высокими суконными или холщовыми голенищами, завязывавшимися у колен шнурком. В северных районах башкиры почти круглый год ходили в лыковых лаптях (*сабата*), сходных с татарскими. На остальной территории носили самодельные кожаные башмаки (*жата*). Кожаные сапоги (*итек*) считались праздничной обувью. Пожилые мужчины из богатых семей носили мягкие сапожки (*ситек*) с кожаными или резиновыми галошами.

Женская одежда была более разнообразной. В ней ярче проявлялись возрастные и социальные различия, особенности отдельных групп населения. Нательной одеждой башкирок были платья (*кчүлдэк*) и шаровары (*штан*). В XIX в. у большинства женщин платья были отрезными в талии, с широкой собранной у пояса юбкой и слегка суженными книзу рукавами. Туникообразные платья с прямыми рукавами, вшитыми ластовицами и боковыми клиньями, характерные в прошлом не только для башкир, но и для многих народов Восточной Европы, Сибири и Средней Азии, встречались очень редко. Многие женщины украшали платья лентами и позументом, напивая их полукругом возле нагрудного разреза. Замужние женщины до глубокой старости под платьем носили нагрудную повязку (*түшелдерек*) — прямоугольный лоскут с загнутыми верхними углами и пришитыми к ним лямками; центральная часть нагрудника была украшена лентами, полосками разноцветных тканей или несложным узором, выполненным тамбурным швом. На платье надевали короткие приталенные безрукавки (*камзул*), обшитые по краям бортов и полам несколькими рядами позумента (*ука*), монет и блях. На севере Башкирии в прошлом веке получил распространение пестрядинный или холщовый фартук (*альяпкыс*), слегка украшенный браным узором или выпивкой. В начале фартук был рабочей одеждой. Позднее в северо-восточных районах расшитый яркими нитками фартук стал неотъемлемой частью праздничного костюма.

Темные халаты (елэн — на юге, бешмет — на севере), слегка приталенные в поясе и расширенные книзу в полах, носили повседневно. На праздничные бархатные халаты нашивали позумент, мишуру, монеты, ажурные подвески, бисер. Особенно богато украшали свою одежду женщины из зажиточных семей. В северо-западных районах были распространены домотканые халаты (*сыба*), сходные с марийскими. Монетами, мишурой украшали и теплые зимние халаты из белого домашнего сукна (*ак сәк-мән*). Шубы из дорогого меха — бобра, выдры, куницы, лисы (*баса тун, кама тун*) носили богатые башкирки; менее состоятельные шили шубы из овчины. В бедных семьях даже овчинные шубы имелись далеко не у каждой женщины; часто при выходе из дома на плечи набрасывали шерстяную или пуховую шаль или надевали шубу мужа.

Наиболее распространенным головным убором женщин всех возрастов был небольшой хлопчатобумажный платок (*яулык*), повязываемый под подбородком за два соседних угла. В восточных и зауральских районах молодые женщины долгое время после свадьбы носили яркое покрывало (*кушъяулык*). Его сшивали из двух фабричных платков красного цвета с крупным белым или желтым растительным узором; под подбородком его закрепляли тесьмой, украшенной одним-двумя рядами монет и

Праздничная обувь башкирок «ката». Курганская обл.

подвесками из бисера, кораллов, плодов гвоздики, монет. В этих же районах пожилые женщины и старухи носили полотнячатый (2—3 м длиной) полотняный головной убор (*тастар*) с вышивкой на концах, напоминающий головные уборы чувашей и финноязычных народов Поволжья. На севере Башкирии девушки и молодые женщины под платками носили небольшие бархатные колпачки (*калпак*), расшитые бисером, жемчугом, кораллами, а пожилые женщины — стеганные ватные сферической формы шапочки (*тупый*). В восточной и южной частях поверх платка и покрывала замужние женщины надевали высокие меховые шапки (*кама бурк*, *камсат бурк*). В южной половине Башкирии были распространены женские племовидные шапочки (*кашмау*), украшенные бисером, кораллами и монетами с круглым вырезом на макушке и длинной лопастью, спускающейся на спину. В некоторых районах Зауралья поверх кашмау надевали украшенные монетами высокие башневидные шапки (*кэлэчи*).

Тяжелые головные уборы южных башкирок хорошо сочетались с широкими трапециевидной или овальной формы нагрудниками (*накал*, *селтар* и др.), сплошь зашитыми рядами монет, кораллов, блях и драгоценных камней. Большинство северных башкир не знало подобных украшений; на груди здесь носили различных видов ожерелья из монет. В косы башкирки вплетали шнурки с ажурными подвесками или монетами на концах, нити с нанизанными на них кораллами; девушки закрепляли на затылке зашитый кораллами лопатообразный наконечник (*елкәлек*).

Распространенными женскими украшениями были кольца, перстни, наручные браслеты, серьги. Дорогостоящие украшения (зашитые монетами, кораллами, жемчугом, драгоценными камнями нагрудники, головные уборы, серебряные ожерелья и ажурные серьги) носили в основном богатые башкирки. В бедных семьях украшения изготовляли из металлических блях, жетонов, подделок под драгоценные камни, жемчуг и т. д.

Женская обувь мало отличалась от мужской. Женщины и девушки носили кожаные туфли, сапоги, лапти, обувь с холщовыми голенищами (сарык). Задники женских холщовых сапог, в отличие от мужских, ярко.

Женские украшения восточных башкир:

1 — «ханал» (нагрудное украшение); 2 — «сәсбау» (нагрудное украшение); 3, 4 — «беләзек» (браслеты), 5 — «алка» (серьги)

украшались цветной аппликацией. Зауральские башкирки в праздники надевали ярко расшитые сапожки на каблуках (*ката*).

Некоторые изменения в костюме башкир произошли в конце XIX — начале XX в. и были связаны в основном с проникновением в башкирскую деревню товарно-денежных отношений. Под влиянием русского рабочего и городского населения башкиры начали шить одежду из хлопчатобумажных и шерстяных тканей, покупать фабричные товары: обувь, головные уборы, верхнюю (главным образом мужскую) одежду. Заметно усложнился покрой женских платьев. Однако еще долгое время башкирская одежда продолжала сохранять традиционные черты.

Современное башкирское колхозное крестьянство не носит домотканой одежды. Женщины покупают на платья сатин, ситец, штапель, плотный шелк (атлас, саржу), для мужского и женского белья — белое полотно, тик; повседневные безрукавки и жакеты шьют из темных хлопчатобумажных тканей, праздничные — из плюша и бархата. Однако одежду традиционного покроя уже заметно вытесняет готовое платье фабричного изготовления. Башкирское население приобретает мужские костюмы и сорочки городского покроя, женские платья, плащи, пальто, полупальто, ватники, меховые шапки-ушанки, фуражки, туфли, галоши, кожаные и резиновые сапоги и другие вещи. Получило распространение трикотажное и хлопчатобумажное белье.

Особенно большие изменения претерпела одежда мужчин. Современный костюм колхозников среднего возраста и молодежи в большинстве районов Башкирии почти ничем не отличается от городского. Он состоит из фабричного покроя рубашки, брюк, пиджака, туфель или сапог, а зимой носят пальто, шапки и валенки. Кое-где, главным образом на северо-востоке, у башкир Челябинской и Курганской областей, сохраняются еще некоторые традиции в одежде: в праздничные дни здесь принято надевать вышитую по вороту и планке рубаху (свадебный подарок от невесты жениху), подпоясанную широким поясом-полотенцем (*билмау*); головным убором молодежи по-прежнему является вышитая тюбетейка. Больше традиционных черт сохраняет одежда пожилых башкир. Многие пожилые мужчины продолжают носить безрукавки, кафтаны (*кэзэки*), бешметы, темные бархатные тюбетейки. Даже в тех случаях, когда старый человек носит одежду фабричного производства, сохраняются некоторые особенности ее ношения: рубаха надета навыпуск, пиджак не застегнут, брюки заправлены в шерстяные носки, на ногах резиновые галоши, на голове тюбетейка или фетровая шляпа, заменившая прежнюю войлочную.

Изменения в женской одежде коснулись прежде всего костюма молодежи. Меньше всего традиционная одежда сохранилась в западных районах Башкирии, где костюм сельской молодежи почти не отличается от городского. Пожилые женщины, хотя и пользуются вещами фабричного изготовления, продолжают носить старинного покроя платья, бархатные безрукавки, в некоторых случаях — украшенные позументом приталенные халаты. Гораздо больше традиционных черт в костюме восточных башкирок, особенно в Курганской и Челябинской областях. Закрытое платье со стоячим воротником и чуть суженными длинными рукавами, с широкой юбкой, украшенной по низу одной-двумя оборками или лентами, и бархатный камзол, зашитый по краю рядами галуна и монет, — таков обычный костюм башкирской женщины этих мест. В некоторых районах Зауралья молодые женщины до сих пор носят платки-покрывала (*кушъяулы*).

Особенно прочно национальные традиции сохраняются в женских праздничных нарядах. На северо-востоке Башкирии, например, девушки и молодые женщины шьют праздничные платья и фартуки из блестящего, ярких расцветок атласа или черного сатина, расшивая подол и рукава крупным узором шерстяными или шелковыми нитками. Наряд дополняют

Башкирки в старинной традиционной одежде:
1, 2—Восточное Зауралье; 3, 4—западные районы республики (бассейн р. Демы)

надетые чуть набок, украшенные бисером или стеклярусом бархатные колпачки, небольшие вышитые платки, собранные гармошкой белые шерстяные чулки, блестящие резиновые галоши. Нередко в праздничные дни на женщинах можно увидеть старинные украшения (массивные нагрудники из кораллов и монет и др.). Однако традиционная одежда даже в восточных районах постепенно вытесняется одеждой городского типа; появляются новые фасоны, на первое место в выборе костюма выдвигаются соображения удобства, целесообразности.

В городах традиционный башкирский костюм не сохранился. Только в некоторых рабочих поселках Зауралья женщины продолжают носить большие платки, вышитые передники, а также старинные украшения. Подавляющее большинство рабочих-башкир — и мужчин, и женщин — одеваются в городские костюмы, которые приобретают в магазинах или заказывают в пошивочных мастерских. Зимой многие женщины носят пуховые (так называемые оренбургские) платки, которые, кстати, охотно покупают и русские женщины.

Пища

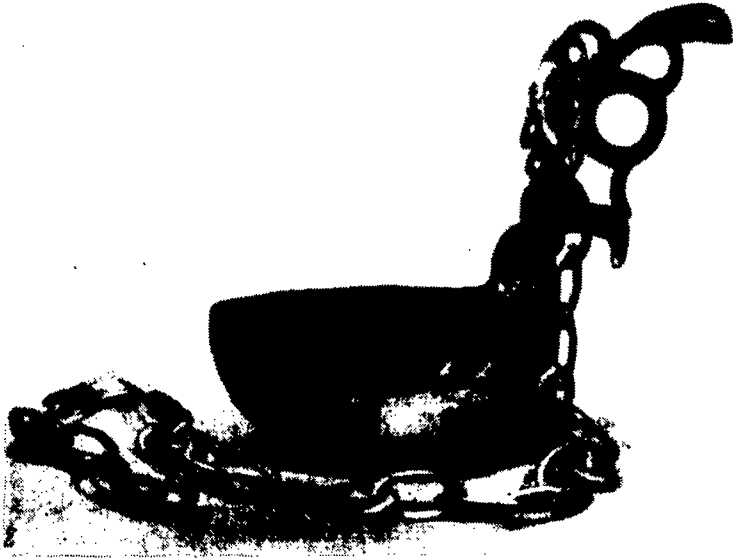
У башкир, как и у других скотоводческих народов, была разнообразная молочно-мясная кухня. Основное место в питании многих семей, особенно летом, занимали молоко и молочные блюда. Традиционным мясным кушаньем южных башкир была разрезанная на кусочки вареная конина или баранина с бульоном и лапшой (*бишбармак*, *кулдама*). Вместе с этим блюдом гостям подавали кусочки вяленой колбасы (*казы*), приготовленной из сырого мяса и жира. Наряду с мясной и молочной пищей башкиры с давних пор готовили кушанья из злаков. В Зауралье и некоторых южных районах варили похлебку из цельных зерен ячменя (*кужэ*); любимым кушаньем взрослых и детей были целые или толченые, каленые и жареные зерна ячменя, конопли и полбы (*журмас*, *талкан*). По мере развития земледелия растительная пища стала занимать все более заметное место в питании башкирского населения. В северных и западных районах, а позднее и в южных стали печь лепешки и хлеб. Из ячменной и полбенной круп варили похлебки, каши, из пшеничной муки готовили лапшу (*һалма*). Считались лакомыми мучные кушанья *йгыаса*, *бауырһак* — кусочки пресного пшеничного теста, сваренные в кипящем жире. Под влиянием русского населения башкиры этих районов стали печь блины, пироги.

Овощи и овощные блюда башкиры вплоть до 1920-х годов почти не употребляли. Только картофель в начале XX в. занял важное место в питании северо-западных башкир.

Хмельными напитками башкир северных и центральных районов были приготовленный на меду *асы бал* — вид браги, а на юге и востоке — *буза* — водка ячменного, ржаного или пшеничного солода.

Несмотря на разнообразие национальных блюд, основная масса башкир питалась скудно. Мясо даже в праздничные дни было далеко не в каждой семье. Повседневной пищей большинства башкир были молоко, съедобные дикие растения, кушанья из круп и муки. Особенно большие затруднения в питании башкиры испытывали начиная со второй половины XIX в., когда скотоводческое хозяйство пришло в упадок, а земледелие еще не стало привычным занятием башкирского населения. В этот период большинство башкирских семей почти круглый год жило впроголодь.

Трудно приходилось башкирам, работавшим на рудниках, заводах, зочотых промыслах. Получая от администрации паек или беря продовольствие в кредит у местного лавочника, рабочие башкиры питались продуктами очень низкого качества. На многих предприятиях администрация выдавала башкирам печеный хлеб, но такой плохой, что они были вынуждены обменивать его у русского населения, получая за 5—10 фунтов «башкирского» хлеба фунт русского калача. Вместо положенного по договору говяжьего мяса башкирам выдавали головы, обрезки и т. д.

Старинная резная утварь:

1 — «тапэн» (надочка для кумыса); 2 — «цкау» (ковш для разливания кумыса)

В наше время молочные, мясные и мучные продукты по-прежнему занимают основное место в питании каждой башкирской семьи как в деревне, так и в городе. Собранные с топленого молока густые сливки употребляют в качестве приправ к кашам, чаю и похлебкам. Из сметаны (*каймак*) сбивают масло (*май*). Заквашивая молоко, из него делают творог (*эрмесек*), кислое молоко (*катык*) и другие продукты. Высушенная на медленном огне красноватая сладкая творожистая масса (*эжсекэй*) готовится впрок: в качестве лакомого кушанья она часто подается к чаю. В южных районах Башкирии из кислого молока готовят (путем длительного кипячения и отжима полученной массы) кисло-соленые сырки (*корот*); их употребляют свежими (*йэш корот*) или, высушив, запасают на зиму, подавая затем к чаю, похлебкам. В летний зной башкиры пьют

разбавленное водой кислое молоко (*айран, айрэн*). У южных групп острым утоляющим жажду напитком является кумыс, приготовленный из кобыльего молока. Любимый напиток башкир — чай. К чаю в качестве сладкого подают мед.

Новым в питании башкир является равномерное распределение продуктов по сезонам. Если раньше зимой у большинства семей был однообразный полуголодный стол, то теперь весь год башкирское население питается разнообразными продуктами.

Во всех районах Башкирии большое место в питании занимают картофель, капуста, огурцы, лук, морковь и другие овощи, а также ягоды и фрукты. Разнообразнее стали мучные изделия и крупяные блюда. Непременным пищевым продуктом является теперь печеный хлеб. В сельских магазинах и лавках башкиры покупают крупы, сахар, конфеты, печенье, макаронные изделия и т. д. Под влиянием русской кухни у башкир появились новые блюда: щи, супы, жареный картофель, пироги, варенье, соленые овощи, грибы. Соответственно значительно меньшее место в питании башкир занимают теперь традиционные кушанья из злаков (курмас, талкан, кужэ и др.) и некоторые мучные и мясные блюда. В то же время такие излюбленные башкирские кушанья, как бишбармак, салма, пользуются признанием у русских и у других народов края. В магазинах продаются катык, корот, эремсэк, эжекэй, приготовленные по национальным рецептам. Эти кушанья входят в обычные меню столовых и других предприятий общественного питания. Специализированные фермы и заводы производят для широкого потребления башкирский кумыс, который стал любимым напитком всего населения республики.

Питание башкирских семей в городах и рабочих поселках мало отличается от питания остального населения. Многие, особенно молодежь, пользуются заводскими и городскими столовыми. Семейные предпочитают питаться дома, но хозяйки с каждым днем все охотнее пользуются услугами домовых кухонь, магазинов, продающих полуфабрикаты, столовых, отпускающих обеды на дом.

Башкиры-скотоводы широко применяли утварь из шкур и кожи домашних животных. Кожаные сосуды, наполненные кумысом, айраном или кислым молоком, брали в дальнюю дорогу или на работу в лес и поле. В огромных кожаных мешках (*хаба*), вместимостью в несколько ведер, приготавливали кумыс.

В быту была широко распространена деревянная посуда: ковши для разливания кумыса (*ижсау*), различных размеров миски и чашки (*табак, аштау* и др.), кадки (*силэк, батман*), служившие для хранения и перевозки меда, муки и зерна, деревянные бочонки (*тәпән*) для воды, кумыса и т. д.

Чайники и самовары имелись только в состоятельных семьях. Несколько бедных башкирских семей для приготовления пищи зачастую пользовались одним вмazanым в печь чугунным котлом (*казан*).

В начале XX в. в башкирских хозяйствах появилась покупная металлическая, керамическая и стеклянная посуда. В связи с упадком скотоводства башкиры прекратили изготовление кожаной посуды. Новая утварь стала вытеснять и деревянную. Долбленные кадки и чаши служили главным образом для хранения продуктов.

В наше время повсюду для приготовления пищи башкиры пользуются эмалированными и алюминиевыми кастрюлями, кружками и чайниками, чугунными сковородами. Появилась чайная и столовая фарфоровая посуда, стаканы, стеклянные вазочки, металлические ложки и вилки. Городская утварь прочно вошла в быт колхозников башкир. Однако в деревнях хозяйки по-прежнему предпочитают хранить молочные продукты в деревянной посуде. Кумыс также приготавливается в деревянных кадках, снабженных деревянными сбивалками. В городах и рабочих поселках башкиры используют посуду исключительно фабричного производства.

СЕМЕЙНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Общественный быт башкир накануне Октябрьской революции характеризовался своеобразным и сложным переплетением феодальных, начавших развиваться капиталистических отношений и еще сильных пережитков патриархально-родового строя. Заметная роль патриархально-родовых традиций в общественной жизни башкир объяснялась, с одной стороны, структурой их хозяйства, а с другой — влиянием национально-колониальной политики царизма, стремившегося в целях укрепления своего господства консервировать пережиточные формы социально-экономического строя угнетенных народов. Полукочевое скотоводство, сохранившееся в отдельных районах, уже не диктовалось хозяйственной необходимостью. Однако патриархально-феодальные общественные отношения, связанные с кочевой скотоводческой формой хозяйства и традициями родового строя, разрушались медленно.

Относительная устойчивость патриархально-родовых традиций обусловливалась особенностями земельных отношений в Башкирии. С присоединением к Русскому государству башкирские племена и роды (волости — по русским источникам) получили царские жалованные грамоты на владение земельными вотчинами. Обычно в общее владение членов рода отдавались издавна занимаемые ими территории. Уже в XVII в., а в западной части Башкирии значительно раньше, началось дробление общинных вотчин между деревнями или группами деревень. Однако этот процесс тормозился как царской администрацией, которая стремилась сохранить волости в качестве податных единиц, так и башкирскими феодалами, владевшими сотнями и тысячами голов скота и потому заинтересованными в сохранении видимости общеродовой земельной собственности. В XVII—XVIII вв. стада некоторых башкирских старшин насчитывали до 4 тыс. голов скота. В то же время быстро росло число хозяйств, не имевших скота. В начале XIX в. почти половина хозяйств северо-западных районов Башкирии были безлошадными. При такой резкой имущественной дифференциации башкирских хозяйств общеродовая земельная собственность фактически превратилась в юридическую фикцию, прикрывавшую феодальную узурпацию общинных земель.

Начавшийся в XVII в. процесс дробления родовых земельных вотчин продолжался в XVIII и XIX вв. Формально общеволостная (общеродовая) земельная собственность в ряде башкирских районов сохранялась вплоть до середины XIX в., однако фактически земля была поделена между деревнями. Разделение земель между деревнями постепенно закреплялось и юридически: на владение землей выдавались отдельные грамоты или акты межевых комиссий. Башкирская деревня в XIX в. по существу представляла собой территориальную общину, в которой наряду с сохранением общей собственности на часть угодий (пастбищные, лесные и др.) происходил раздел (по числу душ) пахотной земли и сенокосов.

Проникновение капиталистических отношений в башкирскую деревню в различных районах происходило неравномерно. В западных земледельческих районах этот процесс шел сравнительно быстро. Огромные площади общинных земель постепенно переходили в собственность богатых хозяйств. Обезземеливание основной массы крестьян и обогащение кулачества особенно усилилось в начале XX в. По данным 1905 г., в трех уездах западной части Башкирии богатые кулацкие хозяйства, составлявшие свыше 13% всех хозяйств, сосредоточили в своих руках около половины всех общинных земель; в то же время более 20% крестьянских дворов имели наделы меньше 6 десятин на хозяйство. Разорвавшиеся башкиры вынуждены были идти в кабалу к помещику или к своему богатому сородичу. Кулацкую верхушку в башкирской деревне составляли обычно

представители светской и духовной власти: старшины, старосты, муллы. В эксплуатации рядовых общинников они широко использовали формы феодального гнета, прикрытые пережитками родовых отношений (помощь богатым родичам за угощение, различные виды отработок и т. д.). К началу XX в. на западе Башкирии широко распространились капиталистические формы эксплуатации. В восточных районах феодальные формы эксплуатации, завуалированные традициями патриархально-родовых отношений, сохранялись значительно дольше.

Одной из основных особенностей патриархально-родового уклада восточных башкир были родовые подразделения (*ара, аймак*), которые объединяли группу родственных семей (в среднем 15—25) — потомков одного общего предка по мужской линии. Большое значение родовых подразделений в общественных отношениях определялось в значительной степени тем, что в течение многих столетий, местами до конца XIX в., сохранялся обычай совместного выхода членов ара (аймака) на кочевье. Пастбища, формально находившиеся в общем владении рода, в силу многолетних традиций постепенно закреплялись за родовыми подразделениями. Родовое подразделение, так же как и род, не имело твердо очерченных границ своих земельных территорий, но каждое ара и каждый аймак в течение многих десятилетий из года в год кочевали по традиционному маршруту, выпасали скот на одних и тех же пастбищах, осуществляя тем самым свое право владения на часть родовых угодий. Башкирские феодалы использовали эти традиции для узурпации земельной собственности. В XVII—XVIII вв. крупные феодалы создавали пастбищно-кочевые группы, сохраняя при этом видимость родовых подразделений. В пастбищно-кочевую группу входили не только разорившиеся сородичи феодала, но и служившие в его хозяйстве батраки (*ялсы*) из других башкирских родов. Эти группы кочевали со скотом феодала на родовых землях.

Появление и развитие пастбищно-кочевых групп означало дальнейший распад родовых и укрепление территориальных связей. Со второй половины XIX в. выход на кочевку родовым подразделением постепенно становился редкостью в связи с резким уменьшением количества скота. Башкиры одной деревни, имевшие скот, независимо от принадлежности их к ара или аймаку, объединялись в одну пастбищно-кочевую группу. Обычно это был богатый скотовладелец и его саунщики, которые продолжали кочевать на общинных землях.

С развитием земледелия в восточных районах Башкирии, так же как и в западных, происходит постепенное дробление родовых земельных вотчин между деревнями — сельскими общинами. Пахотные и сенокосные угодья распределяются между общинниками по числу душ. Часть так называемых свободных земель оставалась в общем пользовании общин. Несмотря на складывавшиеся новые земельные отношения, патриархально-родовые традиции все еще сильно сказывались в общественной жизни восточных башкир. Огромными земельными площадями, особенно «свободными землями» общины, продолжала распоряжаться феодальная верхушка. Трудящиеся башкиры, не имевшие ни скота для обработки земли, ни навыков ведения земледельческого хозяйства, вынуждены были сдавать свои душевые наделы в аренду. Фактически сдача земли в аренду на длительный срок была равноценна отчуждению. Башкирский крестьянин, отдав свой надел в аренду или вовсе лишившись его, зачастую шел в батраки к своему же арендатору — богатому общиннику или к русскому кулаку.

Таким образом, развивающиеся капиталистические отношения, захватившие в пореформенный период Башкирию, разрушив полукочевое скотоводческое хозяйство восточных башкир и усилив социальную дифференциацию в башкирской деревне, слабо затронули устоявшиеся веками

патриархально-феодалные формы эксплуатации. Капиталистические отношения, переплетаясь с докапиталистическими, выступали в Башкирии в примитивной и потому наиболее тягостной для трудящихся форме. Реакционную роль в общественной жизни башкир сыграли патриархально-родовая идеология, пережитки родового быта, иллюзия «общности» интересов членов рода, которые затемняли классовое самосознание трудящихся, тормозили рост классовой борьбы.

Победа Октябрьской революции и установление диктатуры пролетариата создали политические предпосылки для формирования в башкирском обществе социалистических общественных отношений. Революция навсегда смела национально-колониальный гнет царизма, ликвидировав тем самым правовое неравенство угнетенных народов России. Нелегкий путь предстояло пройти трудящимся башкирам для достижения полного и фактического равенства: необходимо было ликвидировать вековую экономическую и культурную отсталость. Эти трудности были успешно и в исторически короткий срок преодолены на основе ленинской национальной политики Коммунистической партии, благодаря огромной практической помощи Советского правительства и русского народа в деле социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, развития культуры республики.

Создание социалистической индустрии в Башкирии и реконструкция сельского хозяйства коренным образом изменили социальную структуру башкирского общества и характер общественных отношений. Основную массу сельского населения республики составляет колхозное крестьянство, в том числе башкирское. В результате индустриализации в Башкирии сформировался новый рабочий класс; в промышленность пришли десятки тысяч рабочих из среды коренного населения. Выросла национальная интеллигенция; заметно увеличилась численность башкирского населения в городах.

В процессе строительства социализма у трудящихся башкир сложились и прочно вошли в жизнь такие черты духовного облика, как коммунистическое отношение к труду и к общественной собственности, чувство дружбы со всеми народами, преданность делу социализма, которые роднят все советские социалистические нации.

Семья

Господствующей формой семьи у башкир в XIX в. была малая семья. Вместе с тем еще в конце века у восточных групп башкирского населения существовало немало неразделенных семей, в которых вместе с отцом жили женатые сыновья. Как правило, это были зажиточные семьи, связанные, помимо уз кровного родства, общими хозяйственными интересами.

подавляющее большинство башкирских семей были моногамными. По две-три жены имели в основном бай и духовенство; мужчины из менее состоятельных семей женились вторично лишь в том случае, если первая жена оказывалась бездетной или серьезно заболела и не могла работать в хозяйстве.

Главой семьи являлся отец. Он распоряжался семейным имуществом, его слово было решающим не только во всех хозяйственных вопросах, но и в определении судьбы детей, семейных обычаях и обрядах.

Положение пожилых и молодых женщин было неодинаковым. Старшая женщина пользовалась большим почетом и уважением. Она посвящалась во все семейные дела, распоряжалась домашними работами. С приходом в дом невестки (*килен*) свекровь полностью освобождалась от всех работ по хозяйству, вышолненцем их занималась уже молодая женщина. Под строгим надзором свекрови невестка трудилась в доме мужа с раннего утра до позднего вечера, выполняя разнообразные обязанности: приготовление пищи, уборку жилища, обработку домашнего сырья и шитье одежды, уход за скотом, дойку кобылиц и коров. Во многих районах Башкирии

даже в начале XX в. существовали унижительные для женщин обычаи, по которым невестка закрывала лицо от свекра, свекрови и старших братьев мужа, не могла разговаривать с ними, обязана была прислуживать во время трапезы, но сама не имела права принимать в ней участия. Несколько свободнее чувствовали себя в семье несовершеннолетние девушки.

Приниженное положение женщины освящалось религией. Согласно ее догмам муж являлся полноправным господином в доме. Башкирская женщина должна была терпеливо сносить все проявления недовольства супруга, оскорбления, побои. Правда, имущество и скот, который в качестве приданого женщина вносила в дом мужа и право на которые сохранялось за ней и в дальнейшем, обеспечивали ей некоторую независимость. При дурном обращении, частых побоях жена имела право потребовать развод и уйти от мужа, забрав свое имущество. Но на деле женщины почти никогда не пользовались этим правом, так как фактически узаконенные и освященные религией обычаи защищали интересы мужчины: если муж отказывался отпустить жену, родственники последней обязывались дать за нее выкуп в размере полученного за нее калыма, в противном случае женщина, даже став свободной, не могла вновь выйти замуж. Кроме того, муж имел право оставить у себя детей.

В семейных обычаях и обрядах башкир нашли отражение различные этапы их социально-экономической истории, а также древние и мусульманские религиозные запреты. Пережитки экзогамных обычаев сохранялись среди башкир вплоть до Октябрьской революции. С разложением родоплеменной организации брачный запрет распространялся лишь на членов родового подразделения; в конце XIX — начале XX в. брак мог заключаться и внутри родового подразделения, но лишь с родственниками не ближе пятого или шестого поколения. Брачный возраст у девушек считался в 14—15 лет, у юношей — в 16—17 лет. Иногда, особенно на юго-востоке, детей просватывали еще в колыбели. Объявляя детей будущими супругами, родители условливались о размере калыма и в знак договора пили *бата* — разведенный водою мед или кумыс. Во второй половине XIX — начале XX в., когда классовые отношения в башкирском обществе особенно обострились, часто единственным соображением при заключении брака был материальный расчет. С чувствами молодых людей, особенно девушек, считались мало. Нередко девочку-подростка выдавали замуж за старика. Унижительным и тяжелым бременем ложился на женщину обычай левирата, исчезнувший из быта башкир лишь в начале нашего века.

Свадебный цикл у башкир состоял из сватовства, обряда бракосочетания и свадебного пира. Решив женить сына, отец посылал к родителям избранной девушки в качестве свата (*жога, димсе*) наиболее уважаемого родственника или ехал сватать сам. Получив согласие родителей девушки, сват договаривался с ними о свадебных расходах, калыме, приданом. Размеры калыма колебались в зависимости от состоятельности родившихся семей. В состав калыма должно было входить определенное количество скота, денег, предметов одежды — подарки будущим тестю и теще. В богатых семьях давали большое приданое: лошадей, коров, овец, птицу, постельные принадлежности, занавеси, кошмы и паласы, одежду. Кроме того, девушка готовила подарки жениху и его родственникам. Стоимость приданого должна была равняться калыму. После стовора начинались взаимные посещения близких родственников, так называемые пиры сватовства, в которых участвовали многие мужчины и женщины села. На востоке Башкирии в них принимали участие только мужчины.

После уплаты большей части калыма назначался обряд бракосочетания. В условленный день отец, мать и родственники невесты приезжали

в деревню жениха. Принимали гостей отец и его близкие родственники. Празднество (*ижан кабул, калын*) длилось несколько дней. Религиозный обряд *никях* совершался в доме невесты, куда съезжались все родственники и гости. Мулла читал молитву и объявлял юношу и девушку мужем и женой. Акт бракосочетания заканчивался угощением. С этого времени мужчина получал право посещать девушку.

Свадьбу (*туй*) справляли после полной выплаты калыма в доме родителей девушки. В назначенный день собирались родственники и соседи невесты, приезжал жених в сопровождении родни. Свадьба продолжалась три дня. В первый день угощение устраивали родители невесты. На второй день угощали родственники жениха. В состязаниях по борьбе, скачках, всевозможных играх принимали участие широкие массы населения, которые стекались на свадьбу из ближайших деревень.

На третий день праздника молодая женщина покидала родительский дом. Ее отъезд сопровождался исполнением обрядовых песен и традиционных причитаний (*сеңлау*). Молодая, одетая в свадебный наряд, главной принадлежностью которого было большое, скрывающее фигуру покрывало, в сопровождении подруг обходила дома родственников, оставляя каждой из них подарок. Этот подарок, вручаемый лишь ради соблюдения обычая, подчас сам по себе не представлял никакой ценности. Так, наряду с платками и полотенцами молодая дарила некоторым родственницам небольшие лоскутки ткани или несколько шерстяных ниток. Ее одаривали скотом, птицей, деньгами. Затем молодая прощалась с родителями. Подруги, старший брат или дядя по матери, усадив ее на телегу, провожали за околицу деревни. Во главе свадебного поезда ехали родственники мужа. До конца пути из близких родственников молодую сопровождала лишь сваха. Войдя в дом мужа, молодая трижды падала на колени перед свекром и свекровью, затем одаривала всех присутствующих. Церемония приобщения к роду мужа заканчивалась на следующий день, когда молодая женщина отправлялась по воду к местному источнику. Путь ей показывала племянница или младшая сестра мужа. Перед тем как набрать воду, женщина бросала в ручей серебряную монету. Долгое время, вплоть до рождения одного-двух детей, невестка обязана была избегать свекрови и особенно свекра, не показывать им лица, не могла с ними разговаривать.

Помимо брака по сватовству бывали, правда редко, случаи похищения девушек. Иногда похищали девушку, особенно в бедных семьях, с согласия родителей, которые стремились таким путем избежать свадебных расходов.

Из всех семейных обрядов башкир только те, которые были связаны с браком, обставлялись пышной церемонией. Рождение ребенка отмечалось много скромнее. Похороны также не были ни особенно торжественными, ни многоядными.

На время родов все члены семьи выходили из избы. С роженицей оставалась лишь приглашенная бабка-повитуха. При трудных родах женщину заставляли ходить или, туго обвязав ей живот, слегка поворачивали с боку на бок. Часто производили и магические действия: чтобы отпугнуть злого духа, стреляли из ружья, перетаскивали женщину через высушенную растянутую волчью губу, царапали вдоль спины лапкой норки. После благополучных родов в течение нескольких дней мать и младенца навещали родственницы и соседки. Через три дня отец ребенка устраивал праздник наречения имени. Собирались гости, приходили мулла и муэдзин. Прочитав молитву, мулла трижды произносил над ухом ребенка избранное отцом имя. Затем следовало угощение с обязательным питьем кумыса и чая.

Похоронный обряд был тесно связан с господствующей религией и мало отличался от похорон у других мусульманских народов. После

обмывания умершего заворачивали в саван и на лубковых носилках относили на кладбище. В похоронной процессии принимали участие только мужчины. Тело умершего клали на спину в нишу, вырытую в южной стенке могилы, головой на восток, лицо поворачивали к югу. Нишу прикрывали корой или досками и могилу засыпали. На могильном холме устанавливали каменную плиту или деревянный столб. Иногда обкладывали могилу камнями. В северных и центральных лесных районах над могилой сооружали из тонких бревен домики, вернее крыши на приземистом основании. На 3-й, 7-й и 40-й день устраивали поминки, на которые приглашали только близких родственников; собравшихся угощали тонкими лепешками (*йэйма*) и бишбармаком.

Значительное место у башкир занимали магические заклинания, применявшиеся в быту, сельскохозяйственной деятельности, семейной жизни и т. д. К началу XX в. из всех видов магии больше других сохранилась лечебная. Болезнь в представлениях башкир связывалась с вселением в человека (или животное) злого духа. Поэтому целью всякого лечения было его изгнание. В профилактических целях, а иногда для излечения носили различные обереги, амулеты (*бету*). Это были либо зашитые в кусочки кожи или бересты изречения из корана, либо, как уже упоминалось, кости и зубы некоторых животных. Раковины-каури, нашитые на головной убор, монеты, гусиный пух считались средством от сглаза. Иногда болезнь «изгоняли» путем своеобразной колдовской хитрости. Заболевший шел на то место, где, по его мнению, его настигла болезнь, и, чтобы отвлечь злого духа, бросал на землю что-либо из одежды или ставил чашу с кашей. После этого он спешил убежать в деревню другой дорогой и спрятаться, «чтобы вернувшись болезнь не могла отыскать его». Пользовались башкиры и имитативной магией, «переселяя» болезнь из человека в тряпичную куклу. В некоторых случаях для «извлечения» болезни из тела больного приглашались специалисты-бесогонители (*күрәҙә*). Довольно часто в качестве очистительного средства при эпидемиях и эпизоотиях применялся огонь, добытый трением о дерево.

В основе лечебной магии обычно лежали испытанные средства народной медицины. Башкиры знали целебные свойства трав и умело ими пользовались. Например, при лихорадке больному давали настой осиновой коры или отвар полыни. К опухолям прикладывали припарки из заваренного осинового листа. Потогонным средством служил отвар чебреца, душицы. Применение лекарственных средств в большинстве случаев дополнялось магическими приемами. Так, заболевший цынгой должен был несколько дней есть озимую зелень, отправляясь за ней рано на заре и преодолевая дорогу от дома до поля ползком.

Доисламские верования и магические заклинания тесно переплетались с мусульманской идеологией. Очень часто «целителем» выступал местный мулла. Вместе с изречениями из корана и нашептываниями он производил различные магические действия. Во многих случаях мулла организовывал жертвоприношения (по случаю засухи, при падеже скота и т. д.), сохранявшие в значительной степени языческую окраску:

Таким образом, еще несколько десятилетий назад семейный быт башкир сохранял многие патриархальные черты, тесно переплетавшиеся с исламскими и доисламскими религиозными представлениями.

Крупные преобразования, происшедшие в жизни угнетенных народов после Октябрьской революции, вызвали коренные изменения не только в общественных, но и в семейных отношениях башкир. Современные башкирские женщины наравне с мужчинами активно участвуют в общественной жизни и производстве, работают на колхозных и совхозных полях, на фабриках и заводах, на нефтяных промыслах. Многие женщины успешно руководят бригадами, фермами, колхозами, возглавляют промыш-

ленные предприятия, цехи и отделы. Заработки женщин нередко составляют значительную часть семейного бюджета. Неграмотные в прошлом, башкирские женщины широко пользуются правом на образование. Многие из них, закончив школу, продолжают учебу в средних специальных и высших учебных заведениях. Среди специалистов с высшим образованием — инженеров, врачей, учителей, агрономов — немало башкирок.

Вовлечение женщин в производственную и общественную жизнь существенно изменило взаимоотношения в семье. Семейные отношения в современной башкирской семье строятся на полном равноправии, взаимной любви и уважении. Все взрослые члены семьи принимают активное участие в решении хозяйственных и других дел; вопросы женитьбы, замужества нередко решаются молодежью самостоятельно.

Изменился брачный возраст молодежи. С целью охраны здоровья в первые же годы после революции был издан закон, запрещающий вступать в брак до достижения совершеннолетия. Постепенно закон превратился в жизненную норму. Теперь молодые люди очень редко женятся или выходят замуж раньше 18 лет. При заключении браков исчезли соображения материальной выгоды; решающим фактором стало взаимное влечение молодых людей. Экзогамные запреты в настоящее время касаются лишь узкого круга родственников. Браки внутри деревни — обычное явление. В процессе исчезновения религиозных и национальных предрассудков увеличивается число смешанных браков: башкирская молодежь все чаще вступает в брачные отношения с русскими, украинцами, татарами, казахами, чувашами.

Значительно упростилась в башкирских деревнях традиционная свадебная обрядность. Исчез обычай уплаты калыма; очень редко исполняется обряд никах; уменьшился срок свадебного ритуала, который в прошлом растягивался до окончательной выплаты калыма; сократилось число церемоний, предшествующих свадьбе. Все свадебное празднество длится несколько дней, при этом в основном придерживаются обычаев, характерных в прошлом для главного свадебного торжества — туя: угощение родственников и гостей, пляски и игры, обмен подарками между родственниками жениха и невесты и, наконец, проводы девушки с исполнением некоторых традиционных обычаев (как, например, обход молодой перед отъездом всех родственников и одаривание их, исполнение прощальных песен и др.).

В последние годы на промышленных предприятиях и в колхозах нередко проводятся комсомольские свадьбы (*жызыл туй*). В их организации активное участие принимают товарищи по труду. Почетными гостями на комсомольских свадьбах являются представители местной партийной организации и советской общественности. На таких свадьбах по традиции организуются состязания борцов, бегунов, конные скачки, игры, пляски. Свадьба превращается в праздник целого коллектива. Важное место, наряду с выполнением традиционного ритуала, занимает гражданская регистрация брака в городском загсе или в сельском совете, иногда очень торжественно обставляемая.

В городах Башкирии не сохранилось даже видимости многих традиционных свадебных обрядов. Молодежь стремится оформить брак в торжественной обстановке дворцов бракосочетаний, открытых в крупных городах республики. На свадьбу приглашаются не только родственники, но товарищи и друзья по работе, люди различных национальностей. На этих свадьбах иногда в шуточной форме исполняются некоторые традиционные церемонии, первоначального смысла которых молодежь обычно не знает.

Произошли изменения и в других семейных обрядах. После родов молодую мать и новорожденного навещают родственники и знакомые,

им делают подарки. Рождение ребенка — семейный праздник, на который приглашаются родственники и друзья.

Коренные преобразования, происшедшие за годы Советской власти в области здравоохранения, в значительной мере вытеснили из семейного быта башкир лечебную магию и знахарство. Больницы и аптеки теперь имеются во всех городах, районных центрах, во многих селах и рабочих поселках. В небольших деревнях организованы медицинские пункты. Трахома и туберкулез перестали быть массовым заболеванием. Значительно увеличилось число врачей. Теперь один врач приходится примерно на тысячу человек, тогда как до революции в районах с башкирским населением один медицинский работник обслуживал до 70 тыс. жителей.

За медицинской помощью обращается не только башкирская молодежь, но и люди старшего поколения. Пожилые башкиры, которые прежде при заболевании приглашали знахарей или, в лучшем случае, лечились средствами народной медицины, теперь идут на прием в амбулаторию, пользуются различными медицинскими препаратами, соглашаются на сложные хирургические операции.

Большой заботой окружены женщины-матери и дети. В республике открыты женские консультации, родильные дома (или отделения при больницах), акушерские пункты. Если женщина родит дома, ей оказывает помощь медицинская сестра-акушерка. В результате смертность детей при рождении приближена к нулю. Врачи и сестры детских консультаций или местных медицинских пунктов помогают матерям-башкиркам правильно растить детей. Женщины, работающие на предприятиях и в колхозах, пользуются обычно услугами детских учреждений. Во многих деревнях созданы сезонные или постоянные детские ясли и сады на средства колхоза. В летнее время многие дети отдыхают в пионерских лагерях и детских здравницах.

Осуществить мероприятия по организации здравоохранения помогло создание местных кадров врачей. В 1914 г. среди врачей Уфимской губ. было лишь двое башкир. Теперь медицинские училища республики, Башкирский медицинский институт ежегодно выпускают сотни врачей и медицинских работников, среди которых немало башкир. Многим врачам-башкирам присуждено почетное звание заслуженного врача РСФСР или Башкирской АССР. Это известные в республике профессор А. Г. Кадыров, врач Г. Х. Кудояров и др.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Длительное сохранение многих элементов первобытной идеологии, господство в общественной и семейной жизни религиозных предрассудков, характерное для многих угнетенных народностей России, было теснейшим образом связано с национальной и колониальной политикой царского правительства, стремившегося держать покоренные им народы в темноте и невежестве. К началу XX в. Оренбургский учебный округ по затратам средств на содержание начальных школ стоял на последнем месте в России. Тем не менее с развитием капитализма народное образование в крае сделало некоторые успехи. Были открыты двух- и четырехгодичные русско-башкирские начальные школы, в которых наряду с некоторыми практическими сведениями по сельскому хозяйству башкирам преподавали русский язык и арифметику. Вся система преподавания в этих школах была подчинена задаче обрусения «инородцев» и «слияния их с русским народом». И все же эти школы, вопреки политике царского правительства, сыграли положительную роль в деле обучения башкир русской грамоте. Небольшое число школ делало их доступными для немногих, преимущественно для детей зажиточных семей. В 1914 г. башкиры и

татары в «инородческих» школах Уфимской губ. составляли 14 % общего числа учащихся.

Помимо светских школ, для нерусского населения существовали мусульманские начальные школы — *mektebe*, которые содержались на средства населения. С учениками занимался местный мулла или приглашенный со стороны учитель — *муаллим*. Преподавание велось без какой-либо определенной программы, учебниками служили религиозные книги, написанные на арабском языке. Обучение имело религиозно-схоластический характер. Преподаванием зачастую занимались люди, едва умевшие читать и писать. В 1913 г. в Оренбургской губ., например, из 446 учителей начальных школ только 27 имели специальное образование.

Светские средние учебные заведения — гимназии и прогимназии — были почти недоступны для башкирских детей. Перед революцией в гимназиях и прогимназиях Уфимской губ. башкир насчитывались единицы. Мало их было и в средних специальных учебных заведениях. В 1913 г. из 360 человек, обучавшихся в шести уфимских сельскохозяйственных и землемерном училищах, было только пять учеников — татар и башкир.

Средние мусульманские духовные школы — медресе — готовили в основном служителей религии: мулл, мударисов и т. д. Из общего числа духовных школ (а их было около 300) лишь в нескольких учебных заведениях повышенного типа — «Галия», «Усмания» и «Хусаиния», основанных в последнее десятилетие прошлого века по инициативе формировавшейся национальной буржуазии, наряду с религиозной схоластикой, преподавались светские науки и, что особенно важно, родной и русский языки. В стенах этих учебных заведений получили образование первые представители башкирской интеллигенции. Отсюда вышли видные башкирские культурные и общественные деятели: Мажит Гафури, Афзал Тагиров, Шайхзада Бабич, Сайфи Кудаш и др.

Развитие просвещения в крае связано с именами передовых людей эпохи — как выходцев из среды башкир, так и представителей русской интеллигенции. В 1859 г. было издано «Начальное руководство к изучению арабского, персидского, татарского языков с наречиями бухарцев, башкирцев, киргизов и жителей Туркестана», автором которого был преподаватель Оренбургского кадетского корпуса башкир Мирсалих Бикчурин. В 1890-е годы вышли в свет русско-башкирский и башкирско-русский словари, составленные известным филологом В. В. Катаринским. Ему помогал учитель русско-башкирской начальной школы дер. Серменево Верхне-Уральского уезда башкир Мухаметгалим Куватов. В 1898 г. А. Г. Бессонов опубликовал «Букварь для башкир» — первое специальное учебное пособие. Видное место среди башкирских просветителей конца XIX — начала XX в. принадлежит башкирскому поэту и ученому Мухаметсалиму Уметбаеву. В многочисленных статьях, докладах, речах на земских собраниях он неустанно ставил вопрос о необходимости обучения татар и башкир на родном языке, об издании книг и газет, учебников по истории и географии. М. Уметбаев написал «Краткий курс татарской грамматики», составил сравнительную морфологию татарского, башкирского и персидского языков. В то же время М. Уметбаев являлся горячим популяризатором русской культуры. Его перу принадлежит перевод на татарский язык некоторых произведений А. С. Пушкина. В конце XIX в. в просветительское движение включились представители молодой национальной буржуазии и интеллигенции. Они выступили против приверженцев патриархально-феодалных устоев, сторонников прежней религиозно-схоластической школы. Под их влиянием в ряде медресе было введено преподавание светских дисциплин.

Однако просветительская деятельность отдельных представителей башкирской интеллигенции в условиях царизма не могла коренным

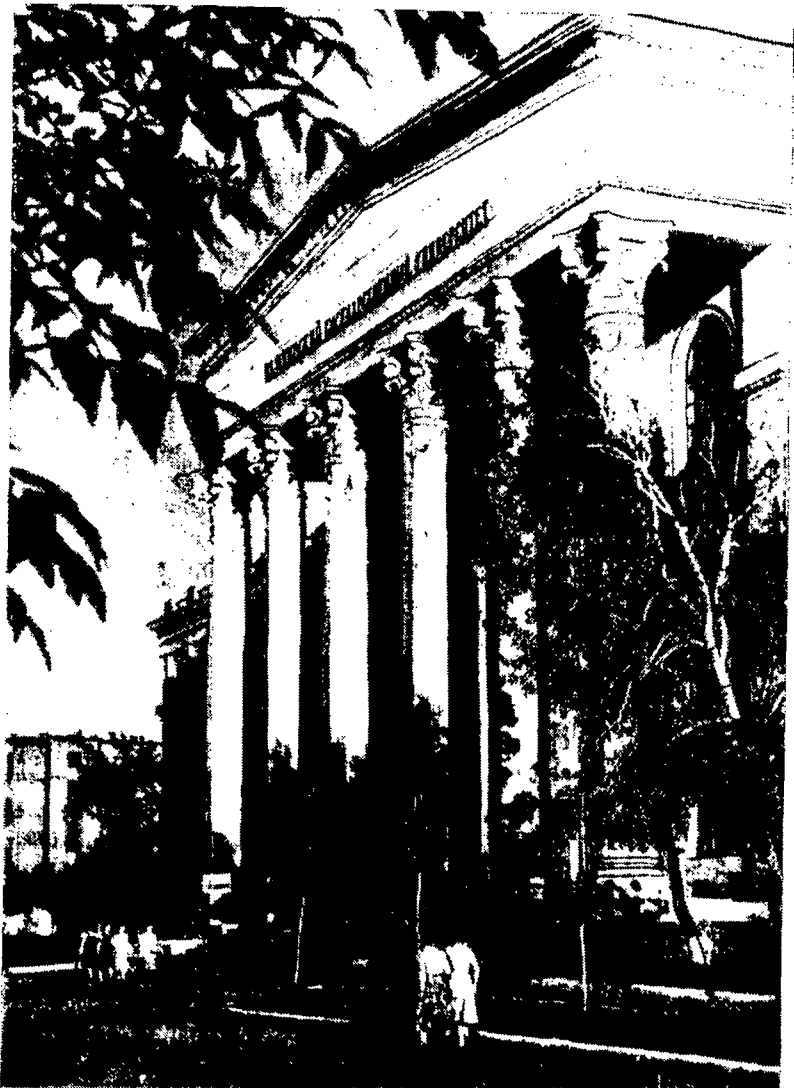
образом изменить существовавшую систему образования. Основная масса башкир оставалась неграмотной. Не имело успеха и наметившееся в начале XX в. движение общественности за создание в городах и крупных деревнях библиотек. В 1914 г. даже небольшие собрания книг религиозного и полурелигиозного содержания в башкирских деревнях были редкостью.

К началу XX в. в Башкирии начали издаваться газеты и журналы на татарском и русском языках. После революции 1905—1907 гг. в Оренбурге стала выходить газета «Урал» (на татарском языке) — первое периодическое издание башкирских и татарских социал-демократов. Почти одновременно появились сатирические журналы «Карчыга» («Ястреб»), «Чукеч» («Молот»), находившиеся под сильным влиянием социал-демократических изданий. В 1914 г. увидел свет журнал «Кармак» («Удочка»), известный своей демократической направленностью. Большое воздействие на формирование революционных взглядов рабочего класса Башкирии оказывала издававшаяся в Уфе в 1906—1908 гг. нелегальная газета «Уфимский рабочий» — орган Уфимского комитета РСДРП. Но официальные газеты и журналы, выходявшие как на татарском, так и на русском языках, имели буржуазное или клерикально-монархическое направление, защищали устои самодержавия, выражали интересы торговой и промышленной буржуазии, кулачества, духовенства.

Установление Советской власти в Башкирии положило начало эпохе культурных преобразований. Одним из первых важнейших достижений явилось создание в 1923 г. башкирской письменности с использованием арабского алфавита, через несколько лет замененного латинским. С 1940 г. в основу письменности была положена русская графика, приспособленная к фонетическим особенностям башкирского языка. Создание письменности, позволившее вести обучение на родном языке, облегчило распространение образования среди трудящихся башкир. Ликвидации неграмотности особенно способствовало введение всеобщего обучения. Уже в первые годы Советской власти открылись десятки школ для детей башкир. В башкирских школах стали преподавать учителя, нередко башкиры по национальности, получившие специальное педагогическое образование. Новым явлением было поступление в школы девушек-башкирок. Для взрослых в городах и деревнях создавались кружки по обучению неграмотных. Неграмотность среди взрослого населения Башкирии в основном была ликвидирована к концу 1930-х годов.

В настоящее время башкирские дети получают образование в начальных, восьмилетних и средних общеобразовательных и специальных школах. Наряду с русскими школами, в которых по желанию могут учиться и башкиры, в республике имеется более 750 башкирских школ. Согласно закону «Об укреплении связи школы с жизнью» в школах Башкирии, помимо общеобразовательных дисциплин, большое внимание уделяется политехническому обучению. Учащиеся получают трудовые навыки в слесарных, столярных мастерских, кабинетах машиноведения, электроники, обучаются вождению машин, проходят практику на пришкольных опытных участках, на фабриках, заводах или в колхозах. Немало в республике средних учебных заведений нового типа — школ-интернатов. Обычно это целые учебные городки с общежитием, столовыми, клубом, различными хозяйственными сооружениями, спортивной площадкой, садом. Обучение в национальных школах и интернатах ведется на родном языке; однако уже с первого класса учащиеся изучают русский язык.

Если до революции образованные люди из башкир считывались единицами, то в советское время выросла многочисленная прослойка башкирской интеллигенции. В ее рядах выпускники местных вузов: Башкирского государственного университета, медицинского, педагогиче-

Башкирский государственный университет. Город Уфа

ских, сельскохозяйственного, нефтяного, авиационного институтов, высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Свердловска и других городов страны:

В дореволюционной Башкирии научных учреждений практически не существовало. Среди научных работников нескольких опытных сельскохозяйственных станций не было ни одного башкира. Теперь в республике около 30 научно-исследовательских институтов, много опытных животноводческих, пчеловодческих и других сельскохозяйственных станций. В научно-исследовательских учреждениях республики работает немало башкир. Многие из них имеют звание кандидатов и докторов наук.

В Башкирии создана широкая сеть культурно-просветительных учреждений. В каждом колхозе работают библиотека, избы-читальня, клуб, в каждом районном центре — дом культуры. В республике построены десятки кинотеатров, в сельской местности работает почти тысяча киноустановок, сотни кинопередвижек. Большую работу проводят народные

Соревнования по башкирской борьбе. Город Уфа

университеты культуры, открытые во всех городах и многих районах республики. В 1962 г. закончена радиофикация башкирских деревень. С постройкой программного телецентра в Уфе и ретрансляционных станций в различных городах республики в домах колхозников появились телевизоры. Республиканский радиокomiteeт и телецентр ведут передачи на русском и башкирском языках.

Повышение культурного уровня трудящихся в советское время и большая работа общественности по атеистическому воспитанию способствовали изживанию религиозных предрассудков, формированию правильного представления о мире. Некоторые религиозные пережитки теперь сохранились лишь среди лиц старшего поколения. Не всегда полностью выполняя религиозный ритуал, сведя число молитвенных часов до минимума, они все же стараются придерживаться основных религиозных обрядов: соблюдают пост — уразу (*ураза*), празднуют курбан байрам (*кurban байрам*) и др. В последнее время атеистическая пропаганда заметно усилилась; она охватила широкие слои населения, разнообразятся формы ее проведения. Литература, искусство, университеты культуры, библиотеки, школы активно включились в эту работу. С каждым годом все меньше становится верующих людей; от религии постепенно отходят даже многие пожилые люди.

В последние десятилетия в Башкирии сложились новые традиции народных праздников, например сабантуя, посвященного окончанию весенних полевых работ. Сабантуй празднуется во всех районах Башкирии. Его проводят районные организации или правления колхозов. На сабантуях подводятся итоги полевых работ, премируются лучшие производственники. Затем организуются различные спортивные состязания, среди которых большое место занимают традиционные скачки, борьба, бой с мешками и др.

Большим достижением в развитии национальной культуры является организация издательского дела в республике. Башкирское книжное издательство выпускает на башкирском, русском и татарском языках

учебники, произведения классиков марксизма-ленинизма, политическую литературу, труды местных ученых, художественные произведения башкирских писателей и переводы лучших образцов художественной литературы других народов.

Дальнейшее развитие получила периодическая печать. В Башкирии издается 7 журналов и более 70 газет, из них 5 журналов и 12 газет — на башкирском языке. Многие башкирские семьи являются не только постоянными подписчиками и читателями периодической литературы, но и принимают активное участие в обсуждении злободневных вопросов, затрагиваемых в печати, посылая письма, корреспонденции и т. п.

Фольклор и литература

Многочисленные произведения башкирского фольклора отражают многообразие художественных форм, богатство сюжетов. Большое место среди них занимают сказки. Страх и удивление перед непонятными явлениями природы сочетаются в сказках со стремлением народа осмыслить окружающий мир; вместе с тем сказки отражают его глубокую веру в силы человека, в его безграничные возможности. Богатырь-джигит, смелый и мудрый, вступает в единоборство с мифическими змеями-драконами, со злыми духами, нечистой силой и одерживает над ними победу. С течением времени сказочные сюжеты переосмысливались, приближались к действительности, связывались с конкретными историческими событиями, и тогда сказочные образы начинали олицетворять не столько явления природы, сколько действительные враждебные силы, от которых башкирам не раз приходилось защищать родную землю. В бытовых сказках, в образах, взятых из реального мира, выражены идеи социального неравенства, богатство противопоставлено бедности, добро — злу, ум — глупости. Любимый герой башкирских сказок — Таз (персонаж, напоминающий русского Иванушку-дурачка). Он неказист на вид, но необыкновенно добр и умен, выражает неприязнь к красивым, но злым, вероломным, безмерно жадным и туповатым баям, с которыми ему приходится сталкиваться.

Большое место в устном творчестве башкир занимают эпические произведения, повествующие об исторических событиях. Наиболее древним эпическим жанром являются кубайры (*кубайыр*) — творения безыменных народных сказителей (*сәсэн*). В них воспеваются красота и величие родной природы, рассказывается о подвигах батыров — освободителей народа от вражеских полчищ. Немало сказаний посвящено участию башкир под предводительством Салавата Юлаева в крестьянской войне 1773—1775 гг. Реальные события из жизни народа в кубайрах опоэтизированы, овеяны романтикой, насыщены красочными подробностями и деталями («Кузы-Курпес», «Урал-батыр», «Акбузат», «Зая-туляк и Хыу-хылу», «Кузы-Курпес и Маян-хылу»). В XVIII в. большое распространение получили байты (*байет*) — поэтические повествования, возникавшие под непосредственным влиянием событий дня. В них сжато и выразительно рассказывается о различных бытовых происшествиях, о тяжелой, полной опасностей солдатской жизни и т. п.

Особое место в башкирском фольклоре занимают народные песни. В эпических песнях отображены события прошлого, многочисленные попытки народа добиться освобождения от колониального и социального гнета («Урал», «Гевкелев», «Буранбай», «Биш»). Немало песен сложено о герое башкирского народа, батыре Салавате. Лирические, любовно-бытовые песни передают чувства и переживания влюбленных, но чаще в них поется о горе насильно разлученных молодых людей, отчаянии и тоске женщины, проданной родителями на чужбину («Таштугай», «Ашкадар», «Зульхизя»). Традиционные обрядовые песни — *сенлац* (свадебные причитания, плачи) — отражали не только личное горе вступающей в брак девушки, но и скорбь башкирской женщины вообще. В XIX в.

зарождается новый песенный жанр — *такмак*. Это веселые песни с прибаутками, близкие к русским частушкам и плясовым напевам. В такмаках больше, чем в других песнях, выражены народный задор, жизнерадостность, юмор.

В башкирских миниатюрных сказках-анекдотах (*көләмәс*) проявляются острота и гибкость ума, находчивость простых людей. Они вскрывают человеческие пороки, воздают должное уму, высмеивают баев, мулл.

Глубокая мудрость, наблюдательность и удивительная способность к обобщению заложены в башкирских пословицах, поговорках, загадках.

Новая советская действительность, большие изменения в жизни народа нашли свое отражение в устном творчестве башкир. Создано много байтов о героях гражданской и Великой Отечественной войн, появились новые сказки, пословицы, поговорки, загадки. Только в советское время по-настоящему раскрылся талант народных сәсэнәв Фарраха Давлетшина и Сайта Исмагилова. Стали известны имена новых сказителей — Шайдуллы Шарифуллина, Гиндуллы Усманова, Магинур Газизовой, Хайруллы Ишмурзина и др. Но особенно большое развитие получил песенный жанр. В народных песнях о колхозной жизни, труде, счастье нашли отражение чувство патриотизма, любовь к Родине, благодарность партии, глубокая вера в светлое будущее — коммунизм.

С фольклором неразрывно связано творчество первых башкирских поэтов-самородков — Салавата Юлаева (1752 г.— ?), Мухаметсалима Уметбаева (1841—1907 гг.) и Мифтахетдина Акмуллы (1835—1895 гг.). Вышедшие из народа, вдохновленные его творениями, они стали глашатаями свободного труда, справедливости и гуманизма. Страстные, зовущие к свободе стихи Салавата, разоблачающие алчность, невежество баев и мулл, славящие разум и человечность строки Уметбаева и Акмуллы почти неотделимы от народного творчества.

Лучшие образцы народного эпоса, произведения первых народных поэтов оказали большое влияние на развитие башкирской литературы. Ее основоположник писатель-реалист Мажит Гафури начал свою литературную деятельность в первое десятилетие XX в. Воспитанный в духе идей передовых русских писателей, впитавший демократические традиции татарской литературы, М. Гафури стал зачинателем многих художественных жанров в башкирской литературе: поэзии, прозы, басни, детской литературы, драматургии. Почти одновременно с М. Гафури пришел в литературу и другой башкирский писатель и драматург — Афзал Тагиров. Перед революцией начали печатать стихи Шайхзада Бабич, Даут Юлтый, Сайфи Кудаш, Имай Насыри.

До революции башкирские литературные произведения выходили на татарском языке. Башкирский литературный язык сложился уже после образования Советской Башкирии на основе южного и восточного диалектов.

На раннем этапе в башкирской литературе преобладала поэзия. Однако уже с начала 1920-х годов стала быстро развиваться проза. В башкирскую литературу влилась новая плеяда талантливых писателей: Рашит Нигмати, Гариф Гумер, М. Хай, Г. Салам, Кадыр Даян. В 1930-е годы и особенно после Великой Отечественной войны литература обогатилась крупными произведениями, рассказывающими о борьбе за Советскую власть, о социалистическом строительстве в деревне («Иргиз» Х. Давлетшиной, «Фундамент» С. Агиша, «Когда разливалась Акселян» Б. Бикбая). Башкирскому рабочему классу посвящены романы Кирея Мэргена, А. Бикчентаева. Дальнейшее развитие получила башкирская поэзия. Большой популярностью пользуются талантливые произведения народного поэта Башкирской АССР Мустая Карима, Назара Наджми Муса Гали и др. Наиболее яркие образцы башкирской поэзии и прозы переведены на русский и другие языки народов СССР, стали до-

стоянием многонациональной советской культуры. Имена некоторых представителей башкирской литературы (М. Гафури, С. Кудаша, М. Карима и др.) известны далеко за пределами Советского Союза. Башкирские писатели много работают над переводами на родной язык произведений русских и зарубежных авторов.

С первых же лет после Октябрьской революции стала создаваться башкирская драматургия. В настоящее время пьесы Д. Юлтыя («Карагул»), С. Мифтахова («Хакмар», «Зимагоры»), Б. Бикбая («Салават», «Карлугас»), М. Карима («Одинокая берега», «Неспетая песня») и других башкирских драматургов вошли в репертуар многих театров Башкирии.

Музыка, тащи,
театр

С башкирским устно-поэтическим творчеством неразрывно связана народная музыка. Прославление подвигов батыров, рассказы о событиях минувших дней, бытовые и любовные истории передавались сказителями нараспев. Повествование велось в манере сильно ритмованного мелодического речитатива. В иных случаях пением и музыкой сопровождалась сказка. Но особенно богато песенное творчество башкир. Мелодии башкирских песен делятся на ровные, протяжные узун-кюй (*озон кюй*) и быстрые, жизнерадостные, динамичные кыска-кюй (*кыска кюй*). Первые характерны для старинных эпических песен, вторые — для песен бытового содержания и особенно шуточных и танцевальных — такмаков и бию-кюй (*бейеу кюй*). В ритме кыска-кюй исполняются и некоторые инструментальные программные произведения, изображающие картины природы: «Вороной иноходец», «Журавлиная песнь». В песнях, появившихся в XIX—XX вв. («Полевая кукушка», «Буренушка»), часто обе мелодии соединяются в одном произведении. В зависимости от содержания одна часть такой песни исполняется на старинный протяжный лад, тогда как другая поется в быстром ритме.

Национальные музыкальные инструменты башкир — курай (*курай*), дудка типа продольной флейты, и деревянный или металлический губной варган — кубыз (*кумыз*). Наиболее распространен был курай. Легкое и чистое звучание курая сопутствовало башкирскому народу на протяжении всей его многовековой истории. Играли на курае исключительно мужчины. Кураист (*курайсы*) был заметной фигурой на всех празднествах, без него не обходилась ни одна свадьба, ни одно народное гулянье. Кубыз с его глухим, как бы скрытым, звуком был женским инструментом. В XIX в. под влиянием русских у башкир появилась гармонь, а от южных соседей — казахов к башкирам перешла домбра.

В башкирской народной музыке преобладает сольное исполнение. Даже некоторые произведения двухтонного звучания исполнялись одним и тем же человеком: высокий звук мелодии инструмента курайсы сопровождал низким протяжным горловым звуком. Еще в конце XIX в. у башкир существовало своеобразное искусство — узляу (*узляу*), когда певец одновременно с мелодией песни воспроизводил звук, очень сходный со звучанием курая.

Башкирские народные танцы, как массовые, так и сольные, тесно связаны с жизнью народа, его историей. В них опоэтизирован труд, многие хозяйственные и бытовые моменты: охота, изготовление пряхи, приготовление пицци («Бишбармак»). Среди танцев немало лирических, рассказывающих о чувствах влюбленных («Зульхизя», «Гюльназира»), и шуточных («Три брата»).

Уже в первое десятилетие после Октябрьской революции наиболее талантливые представители башкирского народа были объединены в коллективы художественной самодеятельности, для них открылись специальные школы. Это позволило поставить народное искусство на более высокий уровень. Под влиянием музыкального творчества других народов, а также профессиональных произведений башкирская мелодия обогатилась полутонами, новыми ритмами, что сделало ее еще более красочной

Сцена из балета «Журавлиная песнь». Исполняют башкирские артисты Г. Сулейманова и Ф. Саггаров

и по-новому выразительной. Стали создаваться строевые, маршевые мелодии, новые по звучанию лирические песни, городская песенная лирика, получило развитие хоровое многоголосое пение. В 1925 г. башкирский кураист Юмабай Исенбаев поражал своим исполнительским мастерством публику Запада, выступая в концертных залах Парижа, Франкфурта-на-Майне и других городов Европы.

На основе народных традиций в Башкирии начало складываться профессиональное музыкальное и танцевальное искусство. В 1920-е годы талантливые башкирские артисты Бадар Юсупова и Гиниятулла Ушанов создали первый национальный танцевальный коллектив. К 1930-м годам относится появление первых произведений башкирских композиторов Х. Ибрагимова, М. Валеева, С. Габаша, К. Рахимова, значительная часть которых была написана на материалах народного музыкального творчества. В настоящее время башкирские композиторы ра-

ботают в самых разнообразных жанрах: созданы романсы, сюиты, симфонии, оперы, балеты.

Только после Октябрьской социалистической революции появилась возможность открыть в Башкирии национальный театр.

Шариат запрещал всякие публичные выступления, тем более театральные представления, но стремление народа к художественному осмыслению действительности, к сценическому воплощению идеалов было всегда велико. Некоторые наиболее одаренные представители башкирской интеллигенции, несмотря на жестокие преследования властей и духовенства, посвятили свою жизнь сцене, вступив в действовавшие в Башкирии в начале XX в. татарские театральные труппы И. Кудашева-Ашкадарского, С. Гизатуллиной-Волжской и др. Проклятые духовенством, объявившим театр «местом игры бесов», не имея постоянного помещения, заработка, первые артисты перебирались из города в город, из аула в аул, постоянно находясь под угрозой ареста.

Уже в первый год установления Советской власти в Башкирии была создана башкирская театральная труппа, получившая в 1920 г. наименование Национального драматического театра. В начале своей деятельности это был передвижной, гастрольный коллектив: летом он ставил спектакли в городах, а зимой ездил по районам, выступая перед башкирскими рабочими и крестьянами.

В настоящее время Башкирский республиканский драматический театр — один из наиболее сильных театральных коллективов страны.

Танец с самоваром. Исполняет ансамбль песни и пляски Башкирской государственной филармонии

На его сцене вместе с пьесами башкирских писателей идут в переводе на башкирский язык произведения русских и зарубежных драматургов.

Большим событием в культурной жизни республики явилось открытие в 1937 г. Башкирского театра оперы и балета. Многие артисты театра получили профессиональную подготовку в башкирской студии при Московской государственной консерватории и в Ленинградском хореографическом училище. В настоящее время в Башкирском театре оперы и балета немало снискавших всенародное признание мастеров. В театре ставятся не только произведения русской и зарубежной музыкальной классики, но и башкирские оперы («Хакмар» М. Валеева, «Азат» Р. Муртазина, «Салават Юлаев» З. Исмагилова), балеты («Журавлиная песнь» Л. Степанова, «Горный орел» Х. Ахметова и Н. Сабитова, «Гюльназира» Н. Сабитова), музыкальные комедии («Кодаса» З. Исмагилова).

Всемирную известность завоевал Государственный ансамбль народного танца Башкирской филармонии (художественный руководитель заслуженный деятель искусств РСФСР и Башкирской АССР Файзи Гаскаров). В репертуаре ансамбля популярные народные танцы, хореографические картинки из колхозной жизни, а также танцы других народов: русские, украинские, молдавские.

Большую роль в культурной жизни республики играют народные театры, возникшие на базе колхозно-совхозных театров или кружков художественной самодеятельности. Продолжая традиции первой башкирской драматической труппы, коллективы народных театров почти круглый год переезжают из одного населенного пункта в другой. В их репертуаре произведения башкирских и татарских писателей, современных советских драматургов. Немало в Башкирии и самодеятельных театров, созданных при дворцах культуры, клубах; на многих предприятиях, в учебных заведениях работают драматические кружки.

До революции башкирское изобразительное искусство носило исключительно прикладной характер. Стилизованным растительным или геометрическим орнаментом украшали одежду, обувь, предметы убранства жилища, конскую упряжь, вооружение, посуду и т. д. Изготовлением и украшением вещей занимались одни и те же мастера. Процесс творчества был тесно переплетен с производственной деятельностью, неотделим от нее. Поэтому распространение тех или иных видов декоративного искусства зависело от степени развития промыслов. С кузнечным делом связано возникновение ювелирного ремесла. Металлические части конской сбруи, оружие, женские украшения, накладки на ремни и кожаные предметы покрывали узорами, выполненными насечкой, сканью, чернением, вставками из цветных камней и стекла. Как правило, это был сложный растительный орнамент или тонкая вязь, напоминающая буквы арабского алфавита. Запрещение царским правительством кузнечного ремесла привело не только к исчезновению искусных ювелиров из башкир, но и к забвению многих приемов обработки металла, к снижению ювелирного мастерства. В начале XX в. башкирские мастера по металлу занимались преимущественно выделкой несложных женских украшений из серебряных монет.

Довольно древним видом прикладного искусства башкир является резьба по дереву. Большим художественным мастерством отличаются башкирские деревянные ковши для разливания кумыса (ижжау) с замысловатой резной ручкой, плавно переходящей в вытянутой формы чашу, а также вырезанные из цельного куска дерева тонкие цепи, насчитывающие до ста и более звеньев. Резьбой покрывали кадки для кумыса (тэпэн), предметы упряжи, ткацкий инвентарь, подставки под сундуки. Гораздо в меньшей степени была развита архитектурная резьба, что, видимо, обусловлено отсутствием у башкир древних традиций в жилищном строительстве. В резных наличниках, украшавших дома состоятельных башкир, преобладали мотивы архитектурной резьбы, принесенные русскими плотниками.

Почти во всех южных башкирских районах до конца прошлого века были распространены кожаные предметы (сумки, налучья, колчаны), украшенные тисненым растительным орнаментом. Узор был довольно однообразен и по стилю напоминал казахский орнамент.

Наиболее широкое развитие орнаментальное искусство получило в украшении тканей. Способы украшения тканых предметов были различны: узорное ткачество, вышивание, аппликация. Узорное ткачество более характерно для северных групп башкир. Браным или закладным узором украшали полотенца, занавеси, обрядовую одежду, места — повседневные платя. На одежде небольшие ромбовидные узоры разбрасывались равномерно по гладкому полю; подобный узор, но много крупнее, можно увидеть на занавесях; на полотенцах геометрические фигуры были более сложными, а весь узор располагался несколькими полосами на концах. Самостоятельной областью узорного ткачества было ковроделие — тканье безворсных ковров и дорожек с крупным ромбическим узором (*келэм*) или продольными разноцветными полосами (палас). Ковроткачеством занимались главным образом на крайнем юге и юго-западе, включая Демский бассейн. Яркие нитки, контрастное сочетание основных цветов спектра создавали живое, радостное впечатление.

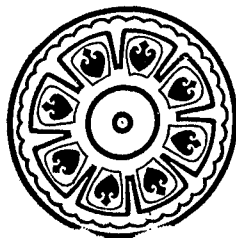
Вышивка была распространена по всей Башкирии. В южных районах на старинных халатах, чепраках, кисетах встречалась так называемая кускарная вышивка: на темном фоне цветными шерстяными или шелковыми нитками тамбурным швом выполнялся узор со множеством завитков. Орнамент тамбурной вышивки башкир Курганской обл. преимущественно растительный, сильно стилизованный (условно обозначенные цветы сараны, необычной формы листья, свешивающиеся кисти). Во мно-

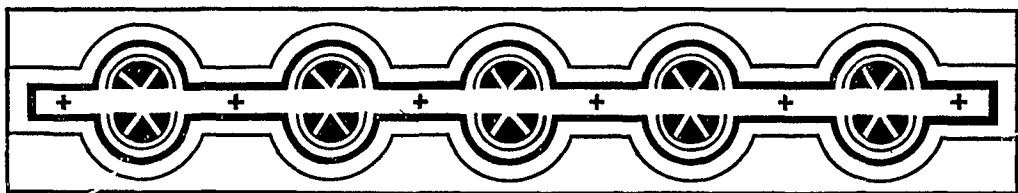
гих случаях здесь нет принятого в растительном узоре распределения цветов: цветные нитки меняются через определенный промежуток по ходу вышивания. Растительный орнамент тамбурной вышивки северных башкир более реалистичен (вазоны с букетом цветов и веток); по своему характеру она близка к тамбурной вышивке казанских татар. Очень своеобразна вышивка на старинных холщовых женских полотенчатых головных уборах и налобных повязках (*һарауыс*). На хараусах узор из нескольких ромбических или трапециевидных фигур, в которые иногда вписывались два противостоящих силуэта, смутно напоминающие в одних случаях птиц, в других — лошадей, зашивался красными шерстяными или шелковыми нитками косым мелким, но плотным стежком. По технике выполнения и характеру узора эти вышивки близки к финноугорским.

Суконные и войлочные изделия — халаты, обувь, чулки, потники, кошмы — украшали цветными нашивками из ткани и кожи. К началу века искусство аппликации сохранилось лишь в Зауралье, где ею продолжали украшать преимущественно женскую обувь: вырезанный из красного кумача сложный кукарный узор нашивался на черный полукруг задника сапога. Сочетания черного и красного цветов, орнамент из множества завитков придавали обуви нарядный, праздничный вид.

В советское время промышленные товары вытеснили изделия большинства домашних промыслов. Фабричная ткань, утварь, мебель заменили традиционные предметы быта. Это не могло не привести в одних случаях к полному забвению приемов народного декоративного искусства, в других — к сокращению территории их распространения, к уменьшению круга украшаемых предметов. Так, в наше время очень редко и только у башкир Курганской обл. применяется техника аппликации; узорное тканье выполняется лишь в отдельных районах республики, причем ткнут преимущественно декоративные полотенца. В то же время другие виды декоративного искусства переживают своего рода возрождение. На гораздо большей территории, чем прежде, башкирские женщины занимаются изготовлением шерстяных ковров; разнообразнее стал их узор, появились новые, преимущественно растительные, мотивы. Молодежь повсюду увлекается вышивкой. Из старинных швов используется в основном лишь тамбурный, зато появились гладь, стебельчатый шов, меретка, ришелье. Изменился и характер узоров: они стали более реалистичными. Получила развитие архитектурная резьба.

Большим достижением в области культуры является рождение профессионального изобразительного искусства. Его основатель — живописец К. С. Девлеткильдеев (1888—1947 гг.). В полотнах этого художника с большой выразительностью переданы характер народа, его быт. В произведениях современных башкирских художников Р. Нурмухаметова и А. Лутфуллина нашли отражение многие стороны жизни башкирского народа, его труд. Художник-график Р. Гумеров работает в области оформления книги. С развитием и становлением башкирского национального театра связано творчество талантливых художников-декораторов М. Арсланова, С. Калимуллина, Г. Имашевой. Работы башкирских художников пользуются неизменным успехом не только на ежегодных республиканских, но и на всероссийских и всесоюзных выставках.

КАЛМЫКИ

Калмыки (*хальме*) живут компактно в Калмыцкой АССР, здесь их насчитывается 65 тыс.; всего калмыков в СССР 106,1 тыс. человек (по данным переписи 1959 г.). За пределами республики отдельные группы калмыков встречаются в Астраханской, Ростовской, Волгоградской областях, Ставропольском крае, а также в Казахстане, республиках Средней Азии и в ряде областей Западной Сибири.

За пределами СССР компактные группы калмыков живут в США (около 1 тыс. человек), Болгарии, Югославии, Франции и других странах.

Калмыцкий язык относится к западной ветви монгольских языков. В прошлом он подразделялся на ряд говоров (дербетский, торгоутский, донской — «бузав»). В основу литературного языка лег дербетский говор.

Калмыцкая АССР расположена на правом берегу Волги и северо-западном побережье Каспийского моря, занимая преимущественно область полупустыни, известной под названием Калмыцкой степи. Территория республики составляет около 776 тыс. км². Средняя плотность населения — 2,4 человека на 1 км². Столица Калмыцкой АССР — город Элиста.

Калмыцкая степь по рельефу делится на три части: Прикаспийскую низменность, Ергенинскую возвышенность (*Эргин ширэ*) и Кумо-Манычскую впадину. В Прикаспийской низменности, понижающейся от Ергенинской возвышенности к побережью Каспийского моря, бесчисленное множество озер. В ее южной части находятся так называемые Черные земли (*Хар хазр*), зимой почти не покрываемые снегом. На северо-западе — сухая степь резко обрывается крутыми восточными склонами Ергенинской возвышенности, изрезанными многочисленными речками и балками.

Климат Калмыцкой степи континентальный: жаркое лето и холодная зима (средняя температура в июле +25,5°, в январе — 8—5,8°); почти в течение всего года дуют сильные ветры, летом — губительные суховеи.

В Калмыцкой АССР, кроме калмыков, живут русские, украинцы, казахи и другие народы.

Первые скудные данные о предках калмыков относятся примерно к X в. н. э. В исторической хронике монголов «Сокровенное сказание» (XIII в.) они упоминаются под общим названием ойратов¹. Племена ойратов обитали к западу от Байкала. В начале XIII в. они были подчинены Джучи, сыном Чингис-хана, и включены в состав империи монголов. В XVI—XVII вв. среди ойратов насчитывают обычно четыре основных племени: дербеты, торгоуты, хошууты и злеты. Как показали последние исследования, это не названия племен, а термины, отражающие военную организацию феодального монгольского общества.

История ойратов изучена еще недостаточно. Известно, что они принимали участие в походах Чингизидов и уже к XV в. прочно заняли земли северо-западной части Монголии. В последующий период ойраты вели войны с восточными монголами (так называемые ойрато-халхаские войны).

В конце XVI — начале XVII в. ойраты начали подвергаться военному давлению со стороны халха-монголов и Китая — с востока, казахских ханств — с запада. Ойратские племена вынуждены были передвигаться с мест своего прежнего обитания на новые земли. Одна из этих групп, в которую входили дербеты, торгоуты и хошеуты, двинулась на северо-запад. В 1594—1597 гг. появились первые группы ойратов на подвластных России землях Сибири. Движение их на запад возглавлялось Хо-Орлюком, представителем родовитой феодальной знати.

В русских документах ойратов, переселившихся на русские земли, называют калмыками. Это название стало и их самоназванием. Полагают, что впервые этноним «калмык» по отношению к каким-то группам ойратов, стал употребляться тюркскими народами Средней Азии, а от них он проник и к русским. Но точных данных о значении слова «калмык» и о времени его появления в исторических источниках пока не обнаружено. Различными исследователями (П. С. Паллас, В. Э. Бергманн, В. В. Бартольд, Ц. Д. Номинханов и др.) эти вопросы трактуются по-разному.

К началу XVII в. калмыки продвинулись на запад вплоть до Дона. В 1608—1609 гг. было оформлено их добровольное вступление в подданство России. Однако процесс вхождения калмыков в состав Русского государства не был единовременным актом, а длился вплоть до 50—60-х годов XVII в. К этому времени калмыки расселились не только на приволжских степях, но и по обоим берегам Дона. Их пастбища простирались от Урала на востоке и до северной части Ставропольского плато, р. Кумы и северо-западного побережья Каспийского моря на юго-западе. В то время вся эта территория была заселена очень слабо. Немногочисленное местное население состояло в основном из тюркоязычных ногайцев, туркмен, казахов, татар.

На Нижней Волге и в предкавказских степях калмыки не были изолированы от местного населения; они вступали в контакт с различными тюркоязычными группами — татарами, ногайцами, туркменами и др. Многие представители этих народов в процессе совместной жизни и в результате смешанных браков сливались с калмыками, о чем свидетельствуют встречающиеся в различных районах Калмыкии названия: *маңһд төрлмүд* — татарские (монгольские) роды, *туркмен төрлмүд* — туркменские роды. Непосредственная географическая близость с Северным Кавказом привела к взаимосвязи с горскими народами, в результате чего среди калмыков появились родовые группы, именовавшиеся *шеркш төрлмүд* — горские роды. Интересно отметить, что, в составе калмыцкого населения встречались *орс төрлмүд* — русские роды.

Таким образом, калмыцкий народ сложился из первоначальных переселенцев — ойратов, постепенно слившихся с различными группами местного населения.

¹ Этимология слова «ойрат» не выяснена.

В общественном строе ойратов к моменту их переселения в Россию утвердился феодализм, но еще сохранялись черты старого родоплеменного деления. Это нашло отражение в административно-территориальном устройстве образовавшегося к 60-м годам XVII в. Калмыцкого ханства, которое состояло из улусов: Дербетовского, Торгоутовского и Хошеутовского.

Ханство приволжских калмыков особенно укрепилось при Аюка-хане — современнике Петра Первого, которому Аюка-хан оказал помощь в персидском походе калмыцкой конницей. Калмыки принимали участие почти во всех войнах России. Так, в Отечественную войну 1812 г. в русской армии участвовало три полка калмыков, которые вместе с русскими войсками вступили в Париж. Калмыки участвовали в крестьянских восстаниях под руководством Степана Разина, Кондратия Булавина и Емельяна Пугачева.

После смерти Аюка-хана царское правительство стало оказывать более сильное влияние на внутренние дела Калмыцкого ханства. Оно поручило русскому духовенству насаждать здесь православие (был крещен даже сын Аюка-хана, получивший имя Петра Тайшина) и не препятствовало заселению земель, отведенных ханству, русскими крестьянами. Это вызывало конфликты между калмыками и русскими поселенцами. Недовольством калмыков воспользовались представители их феодальной верхушки во главе с Убуши-ханом, который в 1771 г. увел большинство торгоутов и хошеутов из пределов России в Центральную Азию.

Калмыков осталось немногим более 50 тыс. человек — 13 тыс. кибиток. Они были подчинены астраханскому губернатору, а Калмыцкое ханство было ликвидировано. Донские калмыки, получившие название «бузава», были приравнены в правах к казачеству.

Во время крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева (1773—1775 гг.) в районе Царицына (ныне Волгоград) в рядах повстанцев сражалось более 3 тыс. калмыков; происходили волнения и среди калмыков, обитавших по левой стороне Волги. Калмыки оставались верными Пугачеву вплоть до самых последних дней крестьянской войны.

В XVIII—XIX вв. много русских крестьян и казаков переселилось из других губерний России в Астраханский край, занимая калмыцкие земли. В дальнейшем царское правительство продолжало урезать территории, ранее отведенные калмыкам. Так, в Большедербетовском улусе более чем из 2 млн. десятин земли, бывшей в пользовании калмыков в 1873 г., к 1898 г. осталось только 500 тыс. десятин.

В начале XX в. большинство калмыков жило на территории Астраханской губ. Астраханский губернатор, назначавшийся одновременно и «попечителем калмыцкого народа», управлял калмыками через заместителя по калмыцким делам, называвшегося «заведующим калмыцким народом». К этому времени прежние улусы раздробились на более мелкие; в Астраханской губ. было уже восемь улусов, которые приблизительно соответствовали русским волостям. Всеми хозяйственными, административными и судебными делами калмыков ведали русские чиновники.

В расселении калмыков еще сохранялись черты старого родоплеменного деления. Так, на севере и западе продолжали жить потомки дербетов, прибрежные (юго-восточные) районы занимали торгоуты, левый берег Волги — хошеуты. Все они подразделялись на более мелкие, родственные по происхождению группы.

У калмыков не было частной собственности на землю. Номинально землевладение было общинным, но фактически землей, лучшими ее частями распоряжалась и пользовалась эксплуататорская верхушка калмыцкого общества, состоящая из нескольких прослоек. На верхней ступени социальной лестницы стояли нойоны — потомственная местная

аристократия, которая до положения 1892 г. об отмене в Калмыкии феодальной зависимости простолюдинов, наследственно владела и правила улусами.

Нойоны, лишённые в конце XIX в. царской администрацией власти, вплоть до Великой Октябрьской революции сохраняли большое влияние среди калмыков.

Улусы подразделялись на более мелкие административные единицы — аймаки; во главе их стояли зайсанги, власть которых наследовали сыновья, и аймаки дробились. Но с середины XIX в. по постановлению царского правительства управление аймаком могло передаваться только старшему сыну. В результате появилось много безаймачных зайсангов, которые нередко становились бедняками. К феодальной верхушке принадлежала и большая часть буддийского духовенства, жившая при монастырях (хурулах), которые владели лучшими пастбищами и огромными стадами. Остальная масса калмыков состояла из рядовых скотоводов, большинство их имело мало скота, а часть и совсем его не имела. Бедняки были вынуждены либо наниматься в батраки к богатым скотоводам, либо идти работать на рыбные промыслы к русским купцам. На предприятиях астраханских рыбопромышленников Сапожниковых и Хлебниковых к концу XIX в. калмыки составляли, например, около 70% рабочих.

Калмыки исповедовали ламаизм (северная ветвь буддизма), еще в XVI в. проникший из Тибета в Монголию и воспринятый ойратами. Ламаизм играл большую роль в жизни калмыков. Ни одно событие в семье не обходилось без вмешательства представителей духовенства — гелюнгов. Гелюнг давал имя новорожденному. Он определял, может ли состояться брак, сопоставляя годы рождения жениха и невесты по животному циклу календаря. Считалось, например, что если жених родился в год дракона, а невеста — в год зайца, брак будет удачным, а если, наоборот, то брак не может быть заключен, так как «дракон сожрет зайца», т. е. мужчина не будет главой в доме. Гелюнг указывал и счастливый день свадьбы. К большому звали только гелюнга; в похоронах тоже участвовал гелюнг.

В Калмыкии было много ламаистских монастырей (хурулов). Так, в 1886 г. в Калмыцкой степи насчитывалось 62 хурула. Они составляли целые поселки, включавшие буддийские храмы, жилища гелюнгов, их учеников и помощников, а часто и хозяйственные постройки. В хуруле сосредоточивались предметы буддийского культа: статуи Будды, буддийских божеств, иконы, религиозные книги, в том числе священные книги буддистов «Ганджур» и «Данджур», написанные на непонятном для большинства калмыков языке. В хуруле будущие священники изучали тибетскую медицину, буддийскую мистическую философию. По обычаю калмык обязан был посвятить в монахи одного из сыновей с семилетнего возраста. Содержание хурулов и многочисленных монахов ложилось тяжелым бременем на население. В качестве приношений и вознаграждений за богослужения в хурулы поступали большие средства. Хурулы имели огромные стада крупного рогатого скота, овец и табуны лошадей, которые паслись на общинной территории. Их обслуживало множество полукрепостных батраков. Буддийские ламы, бакши (священники высших степеней) и гелюнги воспитывали в калмыках пассивность, непротивление злу, покорность. Ламаизм в Калмыкии был важнейшей опорой эксплуататорских классов.

Наряду с ламаистским в Калмыкии действовало и христианское духовенство, пытавшееся обратить калмыков в православие. Если калмык крестился, ему давали русские имя и фамилию. Крещеному предоставлялись незначительные льготы, выдавалось единовременное пособие на обзаведение хозяйством. Поэтому часть калмыков крестилась, вынуж-

даемая к этому необходимостью. Однако крещение было для них формальным обрядом и ничего не меняло в их сложившемся ранее мировоззрении.

В конце XIX — начале XX в. калмыцкие хозяйства довольно интенсивно втягивались в систему общерусской экономики, воздействие которой возрастало с каждым годом. Калмыкия становилась источником сырья для легкой промышленности России. Капитализм постепенно проникал и в сельское хозяйство калмыков, что резко ускорило процесс социального расслоения скотоводов. Наряду с патриархально-феодальной верхушкой (нойонами и зайсангами) в калмыцком обществе появились капиталистические элементы — крупные скотопромышленники, разводившие сотни и тысячи голов товарного скота, и кулаки, применявшие труд наемных рабочих. Именно они были главными поставщиками мяса на внутренние и заграничные рынки.

В селениях, расположенных на Ергенинской возвышенности, особенно в Малодербетовском улусе, начало развиваться товарное земледелие. Присваивая земли, богатеи получали доходы с пашен и стада. Накануне первой мировой войны в центральные губернии России отправлялись сотни вагонов хлеба, арбузов и дынь. Обедневшие скотоводы уходили на заработки за пределы своих аймаков, на рыбные промыслы и соле-ломни озер Баскунчак и Эльтон. По официальным данным, из улусов ежегодно уходило 10—12 тыс. человек, из них не менее 6 тыс. стали кадровыми рабочими астраханских рыбопромышленных предприятий. Так начался процесс формирования рабочего класса среди калмыков. Наем калмыков был очень выгоден рыбопромышленникам, так как их труд оплачивался дешевле, а рабочий день длился с восхода до захода солнца. Русские рабочие помогали калмыкам осознавать свои классовые интересы и вовлекали их в совместную борьбу против общего врага — царизма, русских помещиков, капиталистов, калмыцких феодалов и скотопромышленников.

Под влиянием калмыцких рабочих возникали революционные волнения среди скотоводов в Калмыцкой степи. Они протестовали против колониального режима и произвола местной администрации. В 1903 г. произошло волнение калмыцкой молодежи, обучавшейся в астраханских гимназиях и училищах, о котором сообщалось в ленинской газете «Искра». В ряде улусов состоялись выступления крестьян-калмыков.

Накануне Октябрьской социалистической революции положение трудовой массы калмыков было чрезвычайно тяжелым. В 1915 г. около 75% калмыков имели очень мало или вовсе не имели скота. Кулаки и феодальная знать, составлявшие всего 6% общего числа калмыков, владели более 50% поголовья скота. Нойоны, зайсанги, духовенство, скотопромышленники, торговцы и царские чиновники хозяйничали бесконтрольно. Калмыцкий народ был административно разделен по различным губерниям Российской империи. Восемь улусов входили в состав Астраханской губ. Еще в 1860 г. Большедербетский улус был присоединен к Ставропольской губ., со второй половины XVII в. около 36 тыс. калмыков жили на территории Области Войска Донского и несли казачью службу вплоть до 1917 г., часть калмыков обитала в Оренбургской губ., в северных предгорьях Кавказа, по рекам Кума и Терек. Пришедшее к власти в феврале 1917 г. буржуазное Временное правительство не облегчило положения калмыков. В Калмыкии оставался прежний чиновничий аппарат.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция освободила калмыков от национально-колониального гнета.

В годы гражданской войны калмыки внесли свой вклад в освобождение страны от белогвардейцев. В ответ на обращение «К братьям калмыкам», в котором В. И. Ленин призывал их к борьбе против Деникина, калмыки стали вступать в Красную Армию. Были организованы специальные полки калмыцкой конницы. Их командирами стали В. Хомут-

ников, Х. Кануков. На фронтах гражданской войны прославился сын калмыцкого народа О. И. Городовиков. Эти имена, так же как и имя женщины-бойца Нармы Шапшуковой, широко известны в Калмыкии.

Еще в годы гражданской войны была образована Калмыцкая Автономная область в составе РСФСР (декрет Советского правительства от 4 ноября 1920 г., подписанный В. И. Лениным и М. И. Калининым).

В 1935 г. Калмыцкая автономная область была преобразована в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. лучшие сыны калмыцкого народа сражались против немецко-фашистских захватчиков на многих фронтах в составе различных частей и в калмыцкой кавалерийской дивизии, а также в партизанских отрядах, действовавших в Крыму, в брянских и белорусских лесах, на Украине, в Польше и Югославии. На средства трудящихся Калмыцкой АССР была создана танковая колонна «Советская Калмыкия». Однако в 1943 г., в период культа личности Сталина, Калмыцкая республика была ликвидирована, калмыки были выселены в различные области и края Сибири. Это решительно осуждено XX съездом КПСС. В январе 1957 г. была вновь создана Калмыцкая автономная область, а в июле 1958 г. она была преобразована в Калмыцкую АССР.

В 1959 г. за успехи, достигнутые калмыками в хозяйственном и культурном строительстве, Калмыцкая АССР в связи с 350-летием добровольного вхождения калмыков в состав России была награждена орденом Ленина.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Главной отраслью сельского хозяйства у калмыков до революции было кочевое и полукочевое скотоводство. Калмыки разводили крупный рогатый скот, овец, лошадей, двугорбых верблюдов и в небольшом количестве коз. У оседлых калмыков (главным образом донских и оренбургских) имелись свиньи. Крупный рогатый скот калмыцкой породы был завезен из степей Центральной Азии в начале XVII в. Калмыцкая порода скота отличается красной или красно-белой мастью, большими лировидными рогами. Это мясной скот, он славится так называемым мраморным мясом, молока же дает очень мало. Овцы калмыцкой породы курдючные, грубошерстные. Их тоже разводили главным образом ради мяса. Лошадей в большом количестве держали в богатых хозяйствах. Степная калмыцкая порода лошадей отличалась неприхотливостью в пище, выносливостью, высоким ростом, поэтому калмыки обычно поставляли лошадей для армии. Двугорбых верблюдов использовали в хозяйстве для перевозок и во время перекочевков.

Скотоводство было экстенсивным. Скот содержался почти целиком на подножном корму, поэтому часто погибал от бескормицы и во время снежных буранов. Так, зимой 1798 г. калмыки потеряли более 0,5 млн. голов скота. Это заставляло некоторую часть калмыков постепенно переходить к более рентабельным формам ведения хозяйства, которое они осуществляли от окружающего, в основном русского, населения.

С 30-х годов XIX в. часть калмыков стала заготавливать корма для скота на зиму. На заливных лугах косили травы русской косой-литовкой, а богатые семьи — сенокосилками. Крупный рогатый скот зимой кормили также камышом, который заготавливали с осени. Сено складывали в копны, а затем вывозили в конце лета на больших четырехколесных телегах «мажарах» на стоянки. Крупный рогатый скот и верблюдов переводили

Зоотехнический осмотр овец. Совхоз «Комсомолец»

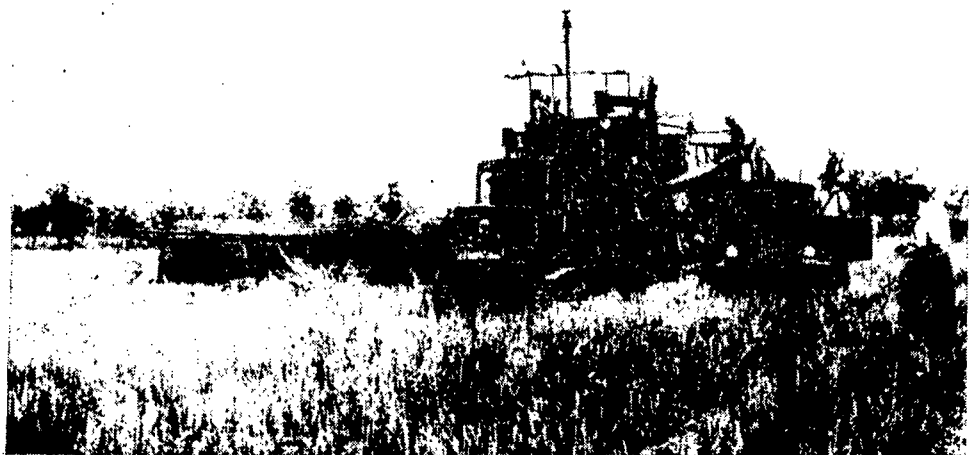
на стойловое содержание раньше, чем овец и лошадей, так как последние добывали себе корм тебеневкой, разбивая копытами ледяную корку, покрывавшую траву. Скот, кроме овец, зимой содержали в открытых загонах, сложенных из камыша и чакана (особый вид камыша), а овец — в катухах, построенных из сырцового кирпича, крытых камышом и засыпанных сверху землей. Летом лошади, верблюды и рогатый скот паслись на выгонах без присмотра; за телятами обычно присматривали дети; овцы и козы были под постоянным наблюдением чабанов.

Ранней весной калмыки Малодербетовского улуса с зимовок перекочевывали к истокам речек Ергенинской возвышенности, где они занимались земледелием. Калмыки сеяли пшеницу, просо, горчицу. Однако в дореволюционное время земледелие не играло существенной роли в хозяйстве основной массы калмыков.

Калмыки Икицохуровского, Хара-Хусовского, а также наиболее состоятельные скотоводы других улусов дольше сохраняли традиции чисто кочевого хозяйства. Они отправлялись на зиму со своими кибитками, скотом и имуществом в южную часть Прикаспийской низменности на Хар газр (Черные земли), где скот содержался в течение всей зимы на подножном корму, а весной возвращались на летние пастбища.

Земледелием занимались преимущественно богатые хозяйства. Сельскохозяйственная техника применялась та же, что и в соседних русских кулацких и помещичьих хозяйствах. Землю обрабатывали двухлемешными плугами, в которые впрягали три пары быков; применялись бороны с железными зубьями. Молотили хлеб каменными катками и молотилками, а также гоняя по снопам скот, вытаптывавший копытами зерно. Применяли веялки. Богатые калмыки приобретали сельскохозяйственные орудия индивидуально, а менее зажиточные объединялись по несколько хозяйств. Кроме того, брали сельскохозяйственные орудия напрокат у крестьян соседних русских сел.

После Октябрьской революции началось социалистическое переустройство хозяйства калмыков. В 1927—1929 гг. был создан ряд совхозов («Сарпа», «Овцесовхоз № 4», «Улан малчнр» и др.), возникло также не-

Уборка зерновых комбайном на полях колхоза «Пролетарская победа». Городовиковский район. 1960 г.

сколько крупных товариществ по совместной обработке земли. В 1933—1934 гг. завершилось объединение единоличных хозяйств в колхозы.

С переходом к коллективизации и организацией совхозов открылись большие возможности не только для развития старых отраслей хозяйства, но и для возникновения новых. Новыми отраслями, получившими широкое распространение у калмыков, стали птицеводство и в значительной степени свиноводство (раньше свиней разводили очень редко и в небольшом количестве). Совершенно новой отраслью в Калмыкии является разведение каракульских овец. Это дает ежегодно не менее 92 тыс. высокоценных каракульских смушек.

Животноводство у калмыков ведется теперь на научной основе. В колхозах и совхозах республики созданы фермы крупного рогатого скота, овцеводческие, свиноводческие и птицеводческие. Ведется планомерная работа по улучшению породности скота.

В 1960 г. на базе совхоза «Сухотинский» был организован племенной завод, снабжающий скотом калмыцкой породы края, области и автономные республики РСФСР, а также союзные республики. Для улучшения породности и продуктивности калмыцкого скота в Калмыкию завозится племенной скот из других районов СССР. Раньше тонкорунных овец здесь почти не было, так как эти породы требуют больших забот и разводить их в условиях мелкого единоличного хозяйства было трудно. В настоящее время в совхозах и колхозах Калмыцкой АССР разводятся почти исключительно мериносы. Республика стала одним из крупных поставщиков тонкорунной шерсти. По количеству сдаваемой государству шерсти Калмыкия занимает третье место в РСФСР.

Для улучшения породности овец на базе совхоза «Черноземельский» организован племенной завод, который обеспечивает племенными тонкорунными овцами колхозы и совхозы не только Калмыцкой АССР, но и соседних областей, краев и республик. Широко распространяется опыт зимнего и ранневесеннего ягнения овец, дающий не только высокий выход молодняка, но и обеспечивающий благоприятные условия для его

Озелененный стан колхоза «Родина» Городовиковского района. 1960 г.

сохранения. На многих фермах применяется искусственное осеменение, сократившее яловость скота. Скот содержат в утепленных дворах, кошарах и других теплых помещениях, на время летней жары строят теневые навесы для ягнят. Особенно сильно изменился режим питания животных. Ежегодно на зиму заблаговременно заготавливают сено, силос и концентраты. Колхозы широко используют также и народный опыт отгонного скотоводства, накопленный многими поколениями. Так, например, на Черные земли и теперь на зиму пригоняют отары овец из Калмыкии, соседних областей и республик. В отличие от дореволюционных методов содержания скота на отгонных пастбищах создаются страховые запасы из разнообразных высокопитательных естественных трав и концентратов, построены теплые помещения для животных. Опыт и знания калмыцких пастухов находят применение также при перегоне скота на дальние расстояния, содержании его в плохую погоду, во время бурана, сильных ветров, дождя.

В советское время большое развитие получило земледелие. Полеводством занимаются теперь все колхозы и совхозы за исключением рыбо-ловецких хозяйств Каспийского побережья.

Если до революции в некоторые улусы приходилось завозить хлеб для населения, то теперь республика не только полностью обеспечивает себя хлебом, но и продает его государству. Многие колхозы и совхозы выращивают капусту, картофель, морковь, дыни, фрукты, а также виноград и другие ранее мало известные калмыкам культуры.

Многоотраслевое хозяйство республики в значительной степени механизировано. Большинство механизаторов: трактористов, комбайнеров, шоферов и других специалистов сельского хозяйства — калмыки. Механизация сельскохозяйственного труда привела к специализации производственных процессов и разделению рабочих совхозов и колхозников по профессиональным группам: животноводов, полеводов, механизаторов, кукурузоводов, свинаярей, птичников и т. д.

Все колхозы республики перешли на ежемесячную гарантированную денежную оплату труда.

В степной Калмыцкой республике проведены значительные работы по созданию лесных массивов и лесозащитных полос в районах, расположенных на юге Ергенинской возвышенности. Уже на площади более 13 тыс. га растут рощи дуба, вяза, белой акации.

Коммунистическая партия и Советское правительство оказывают калмыцкому народу огромную помощь в разрешении проблемы водоснабжения и орошения. Еще в 1931 г. была создана Аршан-Зельменская плотина, рассчитанная на задержание до 4 млн. кубометров воды. На поливных участках этой системы колхозы выращивают зерновые, кормовые культуры, картофель и овощи.

До Отечественной войны при участии колхозников Калмыцкой АССР был сооружен Невинномысский канал, направляющий кубанскую воду в реки Егорлык и Западный Маныч. В настоящее время строится целая сеть ирригационных сооружений.

Завершено строительство Оля-Каспийского канала, способного обводнить свыше 83 тыс. га. Сооружена Сарпинская оросительно-обводнительная система, по которой волжская вода пойдет в Калмыцкую степь.

Кроме того, в балках, речках, протоках, лиманах и низинах созданы влагозадерживающие плотины, дамбы и пруды для целесообразного распределения и использования дождевых, талых и источниковых вод, что делает сельское хозяйство республики менее зависимым от капризов природы, уменьшает ветровую и водную эрозию почвы.

Рыболовство и другие подсобные промыслы

В прибрежных районах Волги и Каспия основным занятием калмыков издавна было рыболовство. Им чаще занимались бедняки, потерявшие скот вследствие падежа, вызванного бескормицей или эпизоотиями. В прибрежных районах постепенно

концентрировалась беднота, вынужденная добывать средства к жизни ловлей рыбы сначала только для себя, а затем и на продажу. Часть калмыков стала заниматься на работу к рыбопромышленникам. На рыбных промыслах обычно зарабатывали от 10 до 25 руб. серебром в путину. Одежду, пищевые продукты, а часто и рыболовные снасти они приобретали у своих хозяев в счет будущих заработков. Рассчитывались по окончании лова, а так как лов не всегда бывал удачен, при окончательном расчете калмыцкие рабочие чаще оставались в долгу у хозяина. Такие долги в большинстве случаев не погашались в течение всей жизни.

Многие бедняки работали на ломке соли в соляных озерах, принадлежавших астраханским кушцам. Это был очень тяжелый труд, летом приходилось работать по колено в соленой воде. Оплачивался этот труд плохо: за лето рабочий зарабатывал около 28 руб. серебром.

Подсобным промыслом у калмыков была охота на степных животных, главным образом сайгаков. Нужды личного хозяйства удовлетворялись изделиями домашнего производства.

Уже с начала XX в. изделия ремесла в быту калмыков стали вытесняться привозными, фабричными. Теперь в колхозах и совхозах Калмыкии работают различные мастерские (ремонтные и др.), удовлетворяющие потребности общественного и личного хозяйства.

В настоящее время в ряде колхозов прибрежных районов рыболовство является основным занятием. Бригады ловцов сдают рыбу на плавучие рыбозаводы Астрахани и Каспийского.

Промышленность До Октябрьской революции в Калмыкии не было своей промышленности. Сырье вывозилось за пределы Калмыкии и лишь частично перерабатывалось домашними способами. В настоящее время в Калмыцкой АССР насчитывается около 60 промышленных предприятий. Наиболее крупным из них является Прикаспийский рыбо-мясоконсервный комбинат. Рабочие на комбинате — в большинстве своем потомки местного населения, занятого ранее на рыбных

Перевозка овощей на телеге с верблюжьей упряжкой

промыслах (калмыки, русские, казахи). Рыбная промышленность республики обеспечена приемным и транспортным флотом.

На территории республики работает много геологических партий, в составе которых среди кадровых рабочих и инженерно-технического персонала много калмыков. Геологами открыты месторождения строительных материалов: камня, гипса, стекольного песка, ракушечника и др. Трест «Калмыкстрой» ведет строительные работы, используя местные материалы. Им построены жилые дома, предприятия пищевой и местной промышленности.

Геологическим трестом «Калмыкнефтегазразведка» обнаружены запасы нефти, газа, коксующихся углей, редких металлов. Их промышленная разработка служит базой для создания в республике газовой, нефтяной, химической и других отраслей промышленности.

В целях улучшения снабжения Калмыцкой АССР электроэнергией она включена в государственную энергосистему (Цимлянская ГЭС, Волгоградэнерго и др.).

Транспорт и связь

В традиционных средствах передвижения нашли отражение специфические черты скотоводческого хозяйства калмыков. Одним из главных способов передвижения калмыцкого населения была верховая езда на лошади. Прежде очень трудно было представить себе калмыка без верхового коня, на котором он мог преодолеть более 100 км в день. Лошадей запрягали также в телеги на деревянном ходу. Богатые калмыки и буддийские монахи ездили в крытых тарантасах. Для перевозки грузов чаще использовали верблюда, которого впрягали в телегу посредством особой лямки, закрепляемой на переднем горбу. Тяжелые грузы (строительные материалы, зерно, товары для ярмарки) возили на больших телегах, известных на юге СССР под названием «мажары», в них запрягали волов калмыцкой породы. Зимой ездили на санях, запрягая в них лошадей, волов, верблюдов. В приволжских и приморских улусах многие жители совершали поездки на своих лодках, так как в летнее время значительная часть их жизни проходила у воды и на воде.

Ныне прочно вошли в жизнь современные виды транспорта. Авто-транспорт и авиалинии обеспечивают перевозку главной массы грузов и пассажиров.

Автомобильные дороги соединяют столицу республики — Элисту со всеми районами Калмыкии, а также с Астраханью, Волгоградом, Ставрополем и железнодорожной станцией Дивное. Завершена асфальтированная автомобильная дорога Дивное — Элиста, протяженностью около 100 км. Бетонированная автомобильная дорога соединит столицу Калмыкии с Минеральными Водами, Георгиевском, Прикумском и пройдет по территории Сарпинского, Приозерного и Целинного районов. Территория восточных районов пересекается железной дорогой Кизляр — Астрахань. Регулярное авиасообщение связывает Элисту с Ростовом, Волгоградом, Астраханью, Ставрополем, Минеральными Водами, Грозным, а также со всеми районами республики.

Широкое развитие получили все виды связи: радио, телеграф, телефон. Колхозы, совхозы, сельские и поселковые Советы, промышленные предприятия и крупные населенные пункты телефонизированы. Почти нет такой точки, где не было бы радио. Радиопередачи для Калмыкии ведутся из Элисты на калмыцком и русском языках.

Поселения и жилища

Калмыцкая кибитка такого же типа, как и монгольская юрта, была наиболее распространенным видом жилища калмыков еще в конце XIX — начале XX в. Ее деревянный остов состоял из 6—8, а иногда из 12 складных решеток (*терм*), двери (*уудн*), большого количества (от 66 до 146) круглых в сечении и заостренных на одном конце жердей (*униин*) и верхнего круга (*харач*). Незаостренные концы униин скреплялись с решетками, а заостренные вставлялись в отверстия харачи, образуя таким образом купол кибитки. Через круглое отверстие харачи кибитка освещалась днем, через это же отверстие выходил дым от очага. Остов покрывали 16 кошмами разного размера и формы, имевшими определенное назначение и свои названия. Дверь была двустворчатой; обе ее половины (*хасвч*) открывались внутрь и были прикреплены к боковым косякам наглухо.

Внешний вид кибитки отражал имущественное состояние ее владельца. Кибитки, покрытые добротной белой кошмой, как правило, принадлежали богатым калмыкам и буддийским монахам, а черные кибитки — беднякам.

В кибитке площадью в 8—12 м² жили часто по 8—12 человек. Здесь же размещалось все домашнее имущество. Кибитки ставили дверью на юг. Сторона, расположенная слева от входа, считалась мужской половиной, а справа — женской. На мужской половине вдоль стеной решетки, начиная от двери, размещались наборы конской упряжи, обработанные шкуры животных и овчины, аккуратно сложенные стопкой и т. п. Рядом стояла деревянная кровать (*ориде*), на которой обычно спали родители хозяина или взрослая дочь. За кроватью, в глубине кибитки, был сложен баран: на деревянный шкафчик (*укуе*) с небольшой дверцей укладывали войлочные и ковровые мешки, заполненные мягкими вещами. Все это покрывали коврами, поверх которых ставили маленькие сундучки с ценными вещами. На головки стеной решеток были подвешены изображения буддийских божеств. У северо-западной стены обычно стояла деревянная кровать хозяина. Рядом с кроватью у стены стояла деревянная кадка, в ней разводили заквашенное молоко (*чигэн*). Далее место у стены занимала кухонная утварь. В центре кибитки было место для очага с поставленным на землю треножником; на него ставили чугунный котел, под ним разжигали костер. Против входа, за очагом, находилось «почетное место», куда сажали гостей. Сидели на войлоке, на войлок же ставили чаши с угощением.

Строительство двухквартирного дома. Колхоз «Пролетарская победа». 1961 г.

Калмыки жили хотонами, состоявшими из четырех — десяти кибиток обычно родственных семей. Кибитки расставляли по кругу, в центре оставалось свободное пространство, куда загоняли на ночь скот.

С 30-х годов XIX в. у калмыков появились так называемые землянки — наземные постройки из саманных сырцовых кирпичей. Деревянный остов крыши покрывали камышом (чаще чаканом) и сверху обмазывали глиной. Саманные дома постепенно вытесняли кибитки. Поселки, состоявшие из саманных домов, возникали в Малодербетовском, Маньчском, Большедербетовском улусах и у донских калмыков. Около дома огораживали открытые загоны, ставили крытые сараи, складывали скирды сена.

Среди этих зимних саманных построек в калмыцких селениях возвышались отдельные рубленые дома нойонов, зайсангов, кулаков, скотопромышленников, а также группы хурульных (монастырских) зданий, в центре которых находился буддийский храм.

По внутреннему устройству и внешнему виду калмыцкие саманные дома были сходны с жилищами соседних русских крестьян. В ориентировке саманных домов относительно стран света соблюдался обычай устраивать вход или с восточной, или с южной стороны. Печь помещалась или в одном из углов около входа, или посередине. Пол был земляной, его застилали, как и в кибитке, стегаными войлоками (*ширде*). Топливом служили кизяки, камыш, бурьян и т. п.

В саманных или деревянных домах традиционный для кибитки порядок размещения вещей нарушался. Только буддийско-ламаистские культовые предметы неизменно находились в глубине помещения, над головами хозяев. Кровати и бараны ставили вдоль боковых стен; около печи размещалась домашняя утварь.

Процесс перехода на оседлость у разных групп калмыков протекал неравномерно. В прибрежных районах Волги и Каспия оседлыми стали в первую очередь бедняки, не имевшие скота и занимавшиеся рыболов-

Типичные двухквартирные дома. Совхоз «Черноземельский»

ством. У донских калмыков, которые были приравнены к казачеству, процесс оседания был тесно связан с развитием земледелия, дававшего более устойчивый доход. В советское время коренные изменения в хозяйстве повлекли за собой массовый переход калмыков на оседлость.

В настоящее время войлочная кибитка полностью вытеснена добротными домами с двумя комнатами и более. Дома строят на кирпичном или каменном фундаменте. В западных и центральных районах республики стены делают из самана или ракушечника, а в восточных — каркасно-камышитовые. Часто камышитовые стены облицовывают обожженным кирпичом или снаружи и внутри обмазывают глиной, смешанной с соломой, а затем белят. Иногда камышитовые дома обшивают досками. Отапливают дома плитами со стояком. Пол обычно деревянный, но в некоторых районах из-за недостатка леса делают и глинобитные полы.

С переходом на оседлость изменилось и внутреннее убранство жилища. В обстановке домов преобладает фабричная мебель: металлические кровати, столы, стулья, зеркала, шифоньеры, комоды, книжные шкафы, этажерки.

Жилища калмыков по внутреннему убранству не отличаются от домов местного русского населения.

Для поселков характерна четкая планировка, они разделены на кварталы с прямыми улицами, вдоль домов посажены деревья (белая акация, тополь). В центре поселка расположены правление колхоза (или дирекция совхоза), почта, поселковый Совет, клуб, школы, магазины.

Экономическим и культурным центром Калмыцкой АССР является г. Элиста. Место расположения столицы было обусловлено тем, что оно находилось в центре степи, где сходятся основные пути, соединяющие районы республики. В Элисте сосредоточены республиканские административные и научно-исследовательские учреждения, а также промышленные предприятия. Здесь находится высшее учебное заведение республики —

Город Элиста. Комсомольская улица

Педагогический институт. Близ Элисты создан опытно-показательный лесхоз. В городе строится здание республиканского театра. Элиста — хорошо озелененный город с многоэтажными домами современной архитектуры.

Пицца

Большое место в пищевом рационе калмыков занимает кирпичный, прессованный чай, своеобразно

приготавливаемый. Его кипятят с молоком и заправляют сливочным маслом и солью. Часто в готовый чай кладут крошенный мускатный орех, предварительно смешав его со сливочным маслом, и добавляют несколько лавровых листков, что усиливает аромат. Этот чай употребляется не только калмыками, но и многими народами Северного Кавказа и русским населением соседних областей и краев РСФСР. Пьют его ежедневно по несколько раз. Гостю в первую очередь подается чай, а затем уже остальные виды пицци. Поэтому калмыки говорят: «Хотя чай жидкий, но он начало пицци».

Калмыки истари не пьют молоко в свежем виде, а приготавливают из него сметану, сливки, масло, чиген — квашеное молоко, которое раньше перегоняли, также на водку (*эрк*). Из гуци (*боз*), остававшейся в котле после перегонки эрк, получали после процеживания через холщовый мешок творожистую прессованную массу *аадмг*. Из аадмг и боз приготавливали другие молочные изделия: *хөөрмг* — смесь боз или аадмг с молоком; *хурс* — лепешки квадратной или округлой формы, которые сушили на солнце, нанизывали на нитки и запасали на зиму. Осенью варили *шарвадг* — смесь аадмг, свежего молока и сливочного масла. Приготавливали также *чиидмг* — молочный квас и *көөрцг* — смесь чиген или боз с парным молоком.

В калмыцкой кухне было более 20 наименований молочных продуктов.

Излюбленный напиток калмыков — кумыс. Для получения кумыса в свежее кобылье молоко от кобылиц четырех — десяти лет, не использовавшихся на тяжелых работах, добавляли закваску (немного старого кумыса или чиген). Заквашенное молоко сбивали мутовками в специальных деревянных сосудах. Во время сбивания усиливалось брожение

В результате получался напиток белого цвета, приятного кисловатого вкуса, сильно газированный. Кумысом лечат больных туберкулезом легких и страдающих почечными и желудочно-кишечными заболеваниями. В настоящее время кумысы готовят только в санаториях.

Наряду с молочными продуктами основное место в пищевом рационе калмыков занимает мясо. Особенно ценится баранина. Раньше употребляли в пищу мясо диких животных, зайцев, сайгаков, иногда кабанов. Вареное мясо подавали вместе с бульоном (*шолн*). Иногда куски вареного мяса смешивали с тонко нарезанным пресным тестом. Одним из любимых кушаний было мясо, изжаренное на сковороде, зарытой в горячую золу. Своеобразным кушанием была особо приготовленная баранина: баранью тушу изжаривали целиком в яме на раскаленных камнях в собственном соку, без доступа воздуха.

Калмычки готовили также колбасу, начиняя кишки мелко нарубленным мясом с приправами. Для заготовки мяса впрок его сушили на солнце или коптили.

В приморских и приволжских районах в питании калмыцкого населения преобладают различные рыбные блюда, в основном такие же, как у русского и татарского населения.

Калмыки издавна умели готовить различные изделия из пресного теста. Особенно лакомыми считаются сдобные солончатые кипяченые в масле печенья, которые в зависимости от формы носят различные названия. Для печения обычно замешивают крутое пресное тесто с добавлением масла (или сала) и яиц. Наиболее распространены *борцг* и *цельг*. Борцог имеет вид круглых в сечении кусочков теста, цельгиг — тонкая лепешка круглой или овальной формы. Их кипятят в животном жире или растительном масле.

Ржаного хлеба калмыки не употребляют. Пшеничный хлеб разных сортов пекут дома (на дрожжах или закваске) или покупают в магазинах.

После перехода на оседлость и изменения способа ведения хозяйства у калмыков появились новые виды пищи. Из традиционных кушаний сохраняются калмыцкий чай, шелюн и борцог (их готовят почти во всех столовых Элисты). Многие блюда заимствованы из русской кухни: борщ, котлеты, пельмени, гуляш, каши и супы, жареная рыба, макароны, картофель (жареный, вареный, мятый). Большим спросом пользуются арбузы, дыни, помидоры, виноград, груши, яблоки, сливы. На зиму хозяйки заготавливают обычно домашнее варенье. Во многих семьях калмыцкий чай пьют без соли, с медом, сахаром или вареньем.

До перехода на оседлость калмыки пользовались в основном деревянной, кожаной, иногда металлической утварью. В каждой калмыцкой семье был чугунный котел, в котором варили чай, мясо, кашу, кипятили борцог. Корову доили в металлическое ведро. Для приготовления кумыса и других молочнокислых продуктов использовалась узкая высокая деревянная кадка, закрывавшаяся крышкой с отверстием в центре для мешалки (*бчлчр*). Для жидкой пищи и напитков употребляли неглубокие деревянные чашки. Многие семьи имели деревянные сосуды *домб*, куда переливали приготовленный в чугунном котле чай. Вареное мясо выкладывали в деревянное корыто небольшого размера (*тэви*) или на долбленое блюдо (*таве*). Для хранения масла пользовались пузырями из толстых кишок и желудков домашних животных. В первой четверти XX в. значительное распространение в быту калмыков, особенно в состоятельных семьях, получили самовары, тарелки, вилки, ножи, фарфоровые с позолотой чашки, фаянсовые и фарфоровые пиалы.

В настоящее время деревянная и кожаная посуда полностью вытеснена металлической, фарфоровой, эмалированной и стеклянной. Старая утварь в некоторых семьях сохраняется только как память о прошлом.

Большинство калмыков и в первые десятилетия нашего века ходило в традиционной народной одежде, но многие под влиянием соседнего русского населения еще в XIX в. начали покупать и носить пиджаки, брюки, пальто, картузы, сапоги, ботинки, валенки. Традиционную одежду калмыки обычно шили сами из фабричных тканей. Для пошива зимней теплой одежды использовали обработанные домашним способом овчины. Богатство и пышность одежды зависели от достатка семьи; значительных различий в одежде по улусам не наблюдалось.

Нижняя мужская одежда состояла из белой хлопчатобумажной рубахи (*килле*) с длинными вшивными рукавами, круглым вырезом ворота, застегивавшимся на пуговицу или завязывавшимся шнурком, и хлопчатобумажных синих или полосатых штанов (*шалвр*) на гашнике. Летом во время жары часто ходили в нижней одежде и босиком. В случае выезда за пределы хотона надевали поверх нижнего белья спитый в талию (бешмет) (*бушмуд*), штаны из темной хлопчатобумажной (изредка шерстяной) ткани и подпоясывались кожаным ремнем. Штаны заправляли летом в сапоги, зимой — в валенки.

Курящие мужчины и женщины носили в карманах кисеты с табаком и трубки с чубуками. Все взрослые мужчины прикрепляли к поясу с левой стороны нож, вложенный в ножны.

Обычную зимнюю одежду мужчин, женщин и детей составляли шубы (*девл*) из овчины с небольшим барашковым воротником. Полы и рукава были также оторочены мехом. Богачи шили шубы на беличьем, лисьем, собольем, хорьковом меху или из мерлушки, покрытые черной шерстяной тканью, а женские иногда и шелком.

Женская одежда была более разнообразной. Различалась верхняя одежда девушек и женщин. Для нижней женской одежды характерны белая хлопчатобумажная рубаха, свободного покроя, с длинными вшивными рукавами, открытым воротом, разрезом спереди посередине до талии, и штаны на гашнике из той же ткани, но синего цвета. Шнурок, стягивавший штаны, завязывался спереди.

Девушки с 12—13 лет поверх нижнего белья носили *камзол* — лиф, туго стягивавший грудь и талию и делавший фигуру плоской; до замужества не снимали камзола даже на ночь.

Поверх белья и камзола надевали платье *бииз* из шерстяной ткани или ситца. Бииз, как и камзол, заимствован, видимо, от соседних народов Северного Кавказа. Лиф бииз плотно облегал фигуру. От ворота спереди шел треугольный вырез до талии, свады пришивался небольшой стоячий воротник. Рукав вшивной, с широкой проймой и пышными буфами, а от локтя до кисти узкий, по руке. Нижняя часть бииз прямая, широкая, со сборками на талии, пришивалась к лиффу спереди и с боков, а спинка кроилась цельной, расширяющейся от талии книзу. Под бииз надевали манишку со стоячим воротником, часто украшенную лентами. В талии бииз стягивался кожаным поясом с накладными серебряными или простыми бляшками. Одежда девушек была ярких цветов. Праздничную одежду шили из шелковых, шерстяных тканей или бархата.

Женщины обычно носили более широкое платье (*берз*), несколько напоминающее бииз девушек, но без пояса, с цельными рукавами, равномерно суживающимися к кисти. У берз в отличие от бииз перед кроится цельным, а спинка отрезная. Берз — обычный будничный костюм замужней и пожилой женщины. Под него надевали белую кофту из хлопчатобумажной ткани с отложным воротником, застегнутым на круглые самодельные пуговицы, сплетенные из ниток.

Праздничная одежда женщин — *терлг* и *цегде*. Терлг — свободная отрезная в талии одежда с разрезом спереди и длинными вшивными ру-

Калмычка в старинном костюме (вид спереди и сзади)

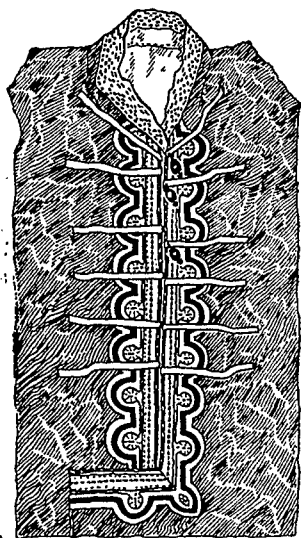
кавами. Поверх терлг надевали цегдг — род длинной, слегка приталенной с боков одежды без рукавов. Ворот, бока и проймы отделявали вышивкой, выполненной разноцветными нитками.

Девушки заплетали волосы в косу. На голове носили шапочку *жатаг*; замужние женщины — *халвн*, по покрою сходный с конфедераткой или беретом; к макушке его прикреплялась красная шелковая кисть, прикрывавшая весь верх. Снизу пришивался твердый ободок шириной примерно в ладонь, плотно охватывавший голову, концы его сходились на лбу, один конец был шире другого и немного скошен. Весь ободок шапочки украшался богатой вышивкой.

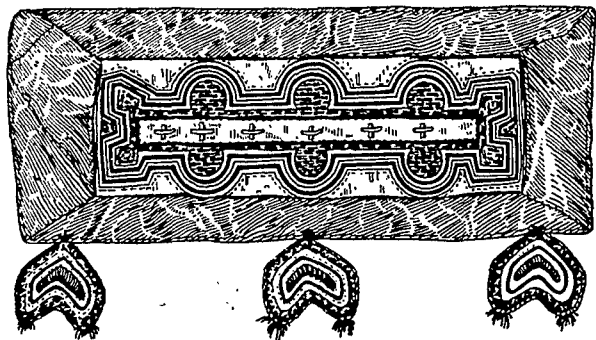
Замужние женщины заплетали волосы в две косы, спуская их на грудь. Косы прятали в особые футляры (*шиерлг*) из черного бархата или шелка. В косы влетали тесемки, к концам которых прикреплялись цепочки, заканчивающиеся сердцевидной серебряной бляшкой (*токуг*). Токуг с цепочкой обычно свисал из пиверлига. В будни женщины носили черные, плотно облегавшие голову шапки с тульей из черного меха или бархата и суконным или бархатным круглым дном. В праздники, как и девушки, они надевали халвнг.

Мужчины носили летом, как правило, картуз или меховую шапку типа папахи с верхом из черной ткани, а зимой — барашковую ушанку. Для калмыцких головных уборов как мужских, так и женских была характерна красная кисть, пришитая на макушке. Старики стриглись наголо, оставляя на темени пучок волос; более молодые мужчины подстригали волосы в кружок.

Из украшений были довольно широко распространены медные, бронзовые, серебряные и золотые кольца, а также серьги-подвески, которые женщины носили на обоих ушах, а мужчины в левом ухе.

3

2

4

Калмыцкий орнамент:

1 — на женской шапке; 2 — на подушке;

3, 4 — на женской одежде

На ногах девушки и женщины носили красные или черные сапожки на каблуках со слегка загнутым сверху носком, мужчины — русские сапоги, ботинки, а зимой — валенки. Под сапоги или валенки надевали войлочные чулки.

Детская одежда обычно в миниатюре повторяла одежду юношей и девушек. В бедных семьях часто дети летом бегали нагими или донашивали одежду старших. Интересно, что именно в одежде детей дошкольного возраста продолжают сохраняться старинный покрой и традиционный орнамент: арочный — изображение кибиток хотона, тюльпан — символ цветущей степи и др.

В настоящее время калмыки (как в городах, так и в селах) почти не носят традиционной одежды. Только пожилые женщины еще надевают берзе, шиверлиг, токуг и черные круглые, плотно облегающие голову шапки. Большинство населения перешло к одежде городского типа, которую покупают готовой в магазинах, шьют сами из фабричных тканей или заказывают в местных швейных мастерских, в ателье. Старинная женская праздничная одежда совершенно вытеснена современным нарядом: шелковыми и шерстяными платьями модных фасонов, сшитыми дома или в ателье. Многие калмычки (преимущественно горожанки) летом носят сарафаны,

блузки и юбки, а нередко и брюки без манжет, однотонные, чаще темные, суженные книзу.

В селах женщины и девушки носят платья из штапельного полотна, отрезные, более свободного, чем в городе, покроя, юбки из шести клиньев, с пояском. Лиф приталенный, с вшивными длинными или цельнокроенными короткими рукавами.

Рабочую одежду шьют из более дешевых тканей. В прибрежных районах рыбакам и связанным с обработкой рыбы рабочим выдается спецодежда, состоящая из брезентовой куртки, брюк, фартука, высоких резиновых сапог и рукавиц.

Старинная обувь также заменена современной обувью фабричного производства. Мужчины носят ботинки, сапоги, зимой — валенки. Женщины летом ходят в босоножках или легких туфлях, а в холодное время года носят закрытые туфли, зимой — валенки или боты поверх туфель.

Из украшений распространены серьги, различные бусы, подбираемые в тон отделки платья, браслеты. Многие городские и сельские жители, особенно молодежь, носят часы на металлическом браслете.

СЕМЕЙНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

В феодальном обществе калмыков территориальная община имела семейно-родственный характер, но с конца XVIII в. она все более становилась соседской. Кибитки группы семей близких родственников по мужской линии (*терл*) в прошлом составляли *хотон*; хотоны объединялись в аймаки, аймаки составляли улусы. Царская администрация первоначально стремилась придать калмыцкому обществу фактически давно утраченный им родоплеменной характер, рассматривая территориальные объединения как родоплеменные и закрепляя их за удельными правителями — нойонами и их потомками. Введение майората (см. стр. 745) предотвратило дробление аймаков, но, если ранее они были очень различны (от 100—200 до 1000 кибиток), то теперь размеры их стали уравниваться (100—150 кибиток). Улусы в случае отсутствия прямых наследников нойона, как и аймаки, переходили в управление лиц, назначаемых русской администрацией.

Во времени появления калмыков в Нижнем Поволжье у них преобладала малая моногамная семья (хотя полигамия и не запрещалась обычаями и религиозными установлениями, случаи ее были крайне редки).

Брак между родственниками по мужской линии любой степени категорически запрещался. Родство по женской линии не служило препятствием для вступления в брак. Родичи были обязаны помогать друг другу, например при выдаче девушки замуж, если она была бедна и не имела хорошего приданого. Если кто-либо не был в состоянии уплатить долги, ему должны были помочь все родственники. На праздники обычно приезжали члены своего тороля, но нередко съезжались гости и из соседних хотонов.

Некоторые праздники были связаны с сельскохозяйственным календарем. Таков был, например, весенний праздник *Цаһан сар* (белый месяц), который отмечался ежегодно в феврале. Его празднование сопровождалось взаимным поздравлением и взаимными пожеланиями благополучия, обильной едой и показом лучших одежд.

В конце осени — начале зимы праздновали *зул* — Новый год. Этот праздник сопровождался выполнением своеобразных обрядов. После зул все калмыки прибавляли к своему возрасту еще один год. Даже малыши, родившиеся накануне праздника, считались годовалыми.

Дела общин обсуждались на сходах. Там же выбирали и старейшин — представителей местной власти, подчинявшихся аймачному и улусному

Калмыцкая семья. Совхоз «Южный»

с родственниками родители невесты давали за ней приданое: всю свадебную одежду, постельные и кибиточные принадлежности и, если могли, дарили зятю лошадь. Свадьба сопровождалась выполнением различных сложных обрядов. Гулянье с обильным угощением, плясками и обрядовыми песнями продолжалось в течение нескольких дней. Проведение свадьбы обходилось очень дорого обеим сторонам.

В терминологии родства калмыков прослеживаются черты классификационной системы. Родственники именовались и именуется различно по линиям отца и матери. Например, дядя по отцу — *аш*, по матери — *наһцх*, сестра отца — *һаһа*, сестра матери — *наһц эжч* и т. д. Невестка не имела права, обращаясь к старшим родственникам мужа, называть их по имени, а должна была употреблять специальные термины родства. В присутствии старших родственников мужа невестка должна была находиться с покрытой головой и в полной женской одежде; показываться с обнаженными частями тела, кроме кистей рук и лица, считалось грехом.

Положение женщины в семье было приниженым. Муж считался главой семьи и распоряжался всем имуществом. Жена спала на земляном полу перед кроватью мужа, покорно терпела дурное обращение. При гостях хозяйка дома не имела права садиться за стол, а только прислуживала.

После Октябрьской революции в общественном и семейном быту калмыков произошли коренные изменения. Женщина стала равноправным членом семьи и общества.

В прошлом женщины не участвовали в общественной жизни. Кругозор калмычки был ограничен стенами кибитки, а за нею — хотоном ее родителей, позднее мужа. Вся жизнь женщины заполнялась заботами о муже, детях, домашнем хозяйстве. Женщины были неграмотны. Некоторая часть беднячек (сирот, вдов, оставшихся без средств к жизни) работала на промыслах по 12 часов в сутки.

начальству, которое в свою очередь зависело от русской администрации. Семейные дела решались обычно старшим в семье (по мужской линии); женщины также могли участвовать в обсуждении, но решающего голоса не имели. Женатым сыновьям и младшим братьям выделяли отдельное хозяйство. Браки заключались после предварительного сватовства. Согласия жениха и невесты не спрашивали. Принудительная выдача девушки замуж за незнакомого ей человека бытовала до начала XX в.

Родители жениха выплачивали родителям невесты калым, размеры которого зависели от состояния и социального положения семей: в калым входили скот, лошадь, дорогая шуба, одежда из шерстяных тканей и шелка. Родители невесты должны были в свою очередь делать подарки сватьям (*умскул*). Вместе

В детской библиотеке. Город Каспийский

В настоящее время очень многие калмычки овладели профессиями, недавно считавшимися мужскими: в Калмыкии женщины работают механизаторами, заведующими фермами, бухгалтерами, зоотехниками, агрономами, бригадирами в цехах рыбо-мясоконсервного комбината и др.

Многие женщины имеют специальное среднее и высшее образование. Среди них есть научные работники — сотрудники Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории, а также Краеведческого музея в Элисте. Девушки-калмычки учатся в театральном институте, в университетах и институтах (медицинских, педагогических и др.) различных городов Советского Союза. Наиболее достойные представительницы калмыцкого народа выбраны депутатами Верховных Советов СССР и Калмыцкой АССР.

В годы Советской власти коренным образом изменился и бытовой уклад калмыцкой семьи. Как правило, семьи очень дружны, случаи разводов единичны (в основном они встречаются среди городского населения). Браки заключаются по взаимной любви. С родителями советуется, родители жениха иногда приглашают сватов и выполняют некоторые традиционные обычаи, но уже не распоряжаются судьбой своих детей. Регистрация брака происходит в загсе, после чего устраивается свадебный пир. Частым явлением стали смешанные браки, однако чаще мужчина-калмык женится на женщине другой национальности, нежели девушка-калмычка выходит замуж за некалмыка.

Религиозные установления буддизма утратили свое влияние. Молодежь не проявляет к ним интереса, и старые предметы культа (изображения божков и т. п.) можно найти лишь изредка и только у стариков. Христианство, которое в дореволюционное время было у калмыков наосным явлением и не пустило корней в их быту и сознании, теперь полностью забыто.

Б. Ш. Тимошкаева — одна из первых врачей-калмычек с дочерью врачом Э. С. Тимошкаевой

Для калмыцких семей характерна многодетность. Если и мать и отец работают, за детьми обычно присматривают старики.

Многие дети дошкольного возраста воспитываются в яслях и детских садах. В республике насчитывается более 40 детских садов, на которые выделяет средства государство. Строятся детские сады и ясли также на средства колхозов, совхозов и промышленных предприятий. Дети с семилетнего возраста учатся в школе. Если семья живет в селе и родители работают в совхозе или колхозе, первые четыре года дети учатся в начальной школе на ферме, а с пятого класса — в школе-интернате при центральной усадьбе колхоза или совхоза.

Неизмеримо вырос культурный уровень населения. Книги и газеты на калмыцком и русском языках стали неотъемлемой частью быта калмыков. Очень многие пользуются библиотеками. Вечерами охотно слушают радиопередачи (центрального радиовещания и местного — из Элисты), радиоприемник или трансляционная точка есть в каждом доме. На севере (в Сарпинском районе) имеются телевизоры, принимающие передачи из Волгограда.

До установления Советской власти на территории современной Калмыкии работало только пять врачей и было всего пять больниц на 36 коек. На 35 тыс. жителей приходился один врач, тогда как на каждые четыре кибитки был свой гелюнг.

Лечение различных болезней целиком находилось в руках знахарей и гелюнгов.

Следует отметить, что некоторые из применявшихся ими средств и способов лечения, основанных на знании свойств растений, животных и человека, приносили облегчение больным. Заболевание определяли по цвету и прозрачности мочи, по дыханию, внешнему виду больного и т. д. Но наряду с рациональными методами лечения процветало и шарлатанство. Одним из излюбленных средств было лечение бараньим бульоном различной крепости. Лечили также чистой водой, давая ее в большом количе-

стве больному, чтобы «чистить организм». Применялось и «лечение» путем чтения молитв для «изгнания злого духа», якобы овладевшего больным.

С победой Октябрьской революции в Калмыкию пришла планомерная бесплатная медицинская помощь населению. В настоящее время в республике имеется около 60 больниц и свыше 180 фельдшерско-акушерских пунктов. Большое внимание уделяется охране здоровья матери и ребенка. Создана сеть родильных домов, женских и детских консультаций. Благодаря профилактической работе, постоянно проводимой санитарно-эпидемиологическими станциями, исчезли оспа, холера, сыпной тиф, малярия, трахома и другие распространенные ранее заболевания.

В распоряжении органов здравоохранения находится санитарная авиация, которая оказывает медицинскую помощь населению самых отдаленных пунктов республики.

Положено начало развитию курортно-санаторного дела. В поселке Лола, расположенном в 18 км к югу от Элисты, построен общесоюзного значения санаторий «15 лет ВЛКСМ», в котором имеются кумысолечебница и отделение для почечных больных. Сюда приезжают лечиться из многих областей, краев и республик Советского Союза.

Появились национальные кадры врачей, среди них заслуженные врачи РСФСР Ю. С. Эренценов, Б. Б. Бакаева, П. П. Жемчуев, заслуженный врач Калмыцкой АССР Э. Н. Лиджиев.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

До середины XVII в. калмыки пользовались старомонгольской письменностью. Появление самостоятельной калмыцкой письменности связано с образованием феодального государства ойратов, а также с еще большим освоением ойратского языка, а позднее с формированием калмыцкого языка и сложением его литературной формы. Ученый буддийский монах Зая Пандита, просветитель ойратов и ойрат по происхождению, составил в 1648 г. алфавит на старомонгольской графической основе (так называемый старокалмыцкий алфавит), введя в него ряд знаков, отражавших фонетические особенности ойратского языка. Этот алфавит, получивший название *тодо бичиг* (ясное письмо), применялся и после переселения калмыков в Россию. На нем были записаны и изданы переводы и произведения самого Зая Пандиты, все важнейшие исторические калмыцкие документы, в том числе «Ики-цаджин бичиг» — первый историко-правовой документ калмыков, героический эпос «Джангар», хрестоматии и учебники калмыцкого языка; он использовался и в первые годы Советской власти (до 1924 г.) для печатания газет, журналов и других изданий.

Старокалмыцкая письменность, с которой была знакома небольшая часть калмыцкого общества, уже не соответствовала нормам живого калмыцкого языка, а потому тормозила развитие национальной культуры, затрудняла обучение грамоте калмыцкого населения, создавала технические неудобства при печатании книг и газет. В 1924 г. был принят новый калмыцкий алфавит на основе русской графики. В 1930 г. он был заменен латинизированным, который все же оказался менее удобным и поэтому в 1938 г. калмыцкая письменность окончательно перешла на русскую графическую основу.

В Калмыкии имеется издательство, выпускающее периодические издания и книги. В Элисте выходят газеты «Хальмг унн» и «Советская Калмыкия». Издаются газеты и в районах.

До Октябрьской революции грамотных среди калмыков было 2,3%. Первые русские школы, содержавшиеся на средства самих калмыков, стали открываться в XIX в. В 1849 г. в Астрахани начало работать

Калмыцкое училище—учебное заведение для калмыцких детей типа интерната, где преподавание велось на русском языке, а родной язык был отдельным предметом. Во всей Калмыцкой степи насчитывалось всего 57 начальных сельских школ, в которых было 467 учащихся.

При Советской власти в Калмыкии произошла подлинная культурная революция. Как и во всем Советском Союзе, здесь введено всеобщее обязательное восьмилетнее обучение. Открыто свыше 240 общеобразовательных начальных, семилетних, восьмилетних и средних школ, в которых обучаются дети колхозников, рабочих и интеллигенции. В республике работает около 2000 учителей, часть из них — калмыки, но есть и представители других национальностей. Для детей калмыков, работающих в отдаленных местах и живущих в малонаселенных пунктах, организованы в близлежащих к ним поселках неполные и полные средние школы-интернаты, где эти дети обучаются и содержатся за счет государства.

По желанию родителей дети могут обучаться в начальной школе на родном языке, а в старших классах калмыцкий язык изучается как самостоятельный предмет. Для народного хозяйства и культурных учреждений в республике готовят специалистов педагогическое и строительное училища, сельскохозяйственный техникум, школа механизаторов. В калмыцком педагогическом институте обучаются будущие преподаватели калмыцкого языка и литературы, русского языка и литературы, физики и математики. Кроме того, более двух тысяч калмыцких юношей и девушек получают образование в высших и средних специальных учебных заведениях различных городов Советского Союза. Характерен быстрый рост калмыцкой интеллигенции из среды рабочих и колхозников.

В годы Советской власти появились национальные кадры научных работников.

Специалисты по гуманитарным и отчасти естественным наукам сосредоточены в Калмыцком научно-исследовательском институте языка, литературы и истории и в республиканском краеведческом музее (Элиста). Сотрудники института проводят большую работу по изучению истории калмыков, разработке грамматики родного языка, составлению двуязычных словарей, изучению истории калмыцкой художественной литературы, сбору и изданию произведений устного народного творчества. Многие научные сотрудники-калмыки работают на созданной в 1927 г. Калмыцкой государственной сельскохозяйственной опытной станции.

Кроме местных научных центров, калмыцкие ученые работают и в учреждениях системы Академии наук СССР.

Кадры научных работников-калмыков готовят высшие учебные заведения Москвы, Ленинграда и других городов РСФСР. Аспирантуру будущие ученые-калмыки проходят большей частью в различных институтах Академии наук СССР.

Фольклор и литература

У калмыков, как и у других народов, с давних пор существовали различные мифы и легенды, отражающие naive представления о мироздании, происхождении людей и животных, явлениях природы. В то же время у них был накоплен запас эмпирических знаний, добытых в процессе многовекового ведения кочевого степного скотоводческого хозяйства; этот опыт передавался из поколения в поколение.

В монастырях, а иногда и в ставках степных феодалов были ученые монахи (ламы и бакши); они всю жизнь занимались штудированием священных буддийских книг на тибетском и старомонгольском языках. Только немногие из них пытались, хотя и в рамках своего ограниченного мировоззрения, осмыслить историю, язык, литературу своего народа или, изучив тибетскую народную медицину, лечить больных.

Сведения по истории калмыков содержатся в летописях, а также в генеалогиях знатных родов и жизнеописаниях крупных феодалов. В 1640 г.

были записаны «Монголо-ойратские законы» — свод норм степного обычного права, в которых ярко отражено становление феодальных отношений.

В России историей, филологией, этнографией калмыков занимались многие ученые. Сведения о калмыках можно найти уже в работах П. С. Палласа и И. И. Лепехина. Много этнографических материалов собрано П. Небольсиным, И. Житецким, Я. П. Дуброво, А. Поповым, И. Г. Прозрителевым. Большую работу по составлению грамматики и изучению калмыцкого языка провели А. Бобровников, А. А. Позднеев, К. Ф. Голстунский, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов. В. Л. Котвич впервые полностью записал калмыцкий эпос «Джангар». Был опубликован также ряд работ о родоплеменном составе и экономическом положении калмыков в начале XX в. В конце XIX — начале XX в. собиранием калмыцкого фольклора занимался преподаватель родного языка в Астраханском калмыцком училище Н. Бадмаев. Он опубликовал калмыцкие сказки и пословицы, переведя их на русский язык.

Некоторые из названных ученых продолжали свою деятельность и в советское время. Из советских ученых прежде всего следует назвать Б. К. Пашкова, С. А. Козина и Н. Н. Пальмова — крупных исследователей в области филологии, истории и этнографии калмыков.

Из фольклора калмыков наибольшей известностью пользуется героический эпос «Джангар», состоящий из нескольких десятков тысяч стихов. Его исполняли обычно джангарчи — народные сказители, которые наизусть знали песни эпоса. По мнению большинства исследователей, эпос сложился в период феодальных войн, раздиравших Монголию в XV в., но отдельные эпизоды относятся к более раннему времени. Впервые «Джангар» был полностью записан в 1908—1910 гг. от знаменитого сказителя Овла Эляева.

Основным сюжетом эпоса являются подвиги 12 богатырей хана Джангара, совершенные ими в борьбе с полчищами многоголовых чудовищ — мангасов и шульмусов. Главная идея эпоса — единение и благополучие народа, служение ему.

Жизни свои острою копья предадим,
Страсти свои державе родной посвятим.
Да отрешимся от зависти, от похвальбы,
От затаенной вражды, от измен, от алчбы.
Груды свои обнажим и вынем сердца
И за народ отдадим свою кровь до конца ¹.

Калмыки мечтали о сказочной стране Бумбе, где «все родовиты, нет бедняков и сирот», «все живут в довольствии и изобилии», «не деля ничего на мое и твое»:

Счастья и мира вкусила эта страна,
Где неизвестна зима, где всегда весна,
Где не смолкая, ведут хоробыды свои
Жаворонки сладкогласые и соловьи,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где неизвестна старость, где молоды все,
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная, богатырей страна ¹.

Калмыцкие сказки своими корнями уходят в глубокую древность. Главные герои их — простые люди, основное содержание — борьба доброго начала со злым, причем добро всегда одерживает верх над злом.

¹ Оба отрывка цитируются по изданию «Джангар» (М., 1958).

Разнообразны виды калмыцких песен. Это длинные и протяжные исторические песни о подлинных событиях (об участии калмыков в войнах Петра Первого и Отечественной войне 1812 г.), проникнутые глубоким чувством лирические, ритмичные трудовые, грустные или веселые обрядовые песни.

Остроумны и метки калмыцкие пословицы, поговорки (*улгур*) и загадки. «Если не работает рука, то и рот не работает», «Около мастера будешь мастером, около сажи — сажей».

У калмыков распространен своеобразный вид народного творчества — *йорал* — благопожелание. Йерельчи и теперь часто выступают на праздниках с пожеланиями, чтобы «на земле царил мир, счастье и благополучие, чтобы люди богатели и размножались», «Пусть под покровом мира счастливо живут калмыки».

В дошедшей до нас литературе предков калмыков — ойратов — много произведений, распространенных и в монгольской литературе. Обычно такие произведения проникали к монгольским народам с юга, из Индии, через Тибет. Ярким примером может служить сборник сказок «Сидди кюр» («Волшебный мертвец»), восходящий к индийским сказкам «25 рассказов Веталы». Кроме «Сидди кюр», у калмыков были распространены рассказы про Арджи-бурджи-хана и сборник мифологических сказок «Панчатантра».

Исторические хроники ойратов, как и монгольские, изобиловали литературными вставками, стихотворными и прозаическими. Они включали благопожелания (йерель), похвалы (*магтал*), а также большое количество мифов и легенд, особенно о происхождении земли, народов и знатных родов. Обычно исторические летописи начинались мифом о сотворении мира (заимствованным из буддийской литературы), далее следовали мифы и легенды о происхождении живых существ, человеческого общества и, наконец, отдельных племен, родов, их вождей. Только после этого вступления начиналось повествование об исторических событиях.

К исторической литературе близко примыкают исторические песни-поэмы, в основе которых лежит действительное, точно датированное событие. Примером может служить «Сказание о монгольском Убуши-хунтайджи и его походе против дербен-ойратов» (1557 г.). В поэме рассказывается об одном из эпизодов ойрато-халхаских феодальных войн XVI в.

Сохранилось также некоторое количество жизнеописаний исторических деятелей древности. Особенно распространены «Жизнеописания Зая Пандиты», а также рассказы, связанные с междуусобной борьбой феодалов. В таких описаниях много легендарных подробностей, насловившихся на первоначальный рассказ.

Эти литературные произведения бытовали у калмыков еще в XX в. Лишь в советское время, когда произошли коренные изменения во всех областях материальной и духовной жизни, они уступили место новым сюжетам и жанрам.

Основателем советской калмыцкой литературы был Х. Б. Кануков (1883—1933 гг.) — один из организаторов красных калмыцких воинских отрядов. Человек многосторонне одаренный, боец и командир, он одновременно был первым поэтом, первым калмыцким журналистом и редактором. Поэзия Х. Б. Канукова проникнута пафосом гражданской войны, она имеет боевой, жизнеутверждающий характер. Одновременно с Х. Б. Кануковым как зачинатели новой калмыцкой литературы выступили Н. Манжиев (1905—1936 гг.) и Б. Б. Басангов (1911—1944 гг.). Продолжают работать и теперь С. Каляев, Х. Сян-Бельгин, К. Эрэндженов.

Особое место в литературе занимал Амур-Санан (1888—1940 гг.) — один из организаторов Советской власти в Калмыкии. Писал он свои произведения на русском языке. Его повести «Аранзал», «В степи», а также роман

Исполнители старинных калмыцких песен артисты В. Гаряева и Ю. Макаров

«Мудрешкин сын» отличаются большим художественным мастерством, они отражают наблюдательность автора, его знание быта народа.

Произведения современных калмыцких писателей печатаются в литературном альманахе «Геггин герл» («Свет в степи»), который издается в Элисте, и выходят отдельными книгами. Многие из них переведены на бурятский, якутский языки, а также на языки народов Дагестана. В переводе на русский язык произведения калмыцких писателей встречаются на страницах центральных литературно-художественных журналов. Калмыцкие писатели пишут свои произведения и по-русски.

Изобразительное искусство

Изобразительное искусство калмыков, по-видимому, первоначально было только прикладным, тесно связанным с хозяйством и бытом. Большинство предметов домашнего обихода тщательно украшали. Характер украшений зависел от назначения предмета. Так, двери кибитки часто расписывали красочным и изящным орнаментом, кошмы вышивали, кожа для чепраков или сосудов была тисненой или вышитой, предметы из металла украшали чеканкой, чернением или применяли художественное литье. Распространена была резьба по дереву, нередко с полихромной росписью.

С проникновением буддизма некоторые виды искусства сосредоточились в хурулах. Так, специально обученные монахи изготовляли на белых тканях или бумаге изображения бурханов (божков) или создавали скульптуры их из бронзы и глины.

При изображении божка скульптор и художник обязаны были соблюдать характерные позы и строго определенные краски. Такая жесткая канонизация творчества сковывала инициативу художника, превращая его в ремесленника.

В XVIII — XIX вв. среди калмыков начали появляться первые художники-граверы и живописцы, не связанные с буддийской иконографией. Их можно считать предшественниками нынешнего поколения калмыцких художников. Первым из них был Ф. И. Калмык (1764—1824 гг.), художник-гравер; он побывал в Италии, Греции, Англии и Франции; его

ценили как высокоодаренного, талантливое мастера гравировального искусства. Другой выходец из калмыцкого народа А. Е. Егоров (1776—1851 гг.) получил образование в Академии художеств в Петербурге, где он впоследствии был профессором исторической живописи и учителем К. П. Брюллова, Ф. А. Бруни, А. Т. Маркова и др.

В советское время изобразительное искусство калмыков получило возможность дальнейшего развития. В дни празднования 350-летия добровольного присоединения калмыцкого народа к России была организована выставка произведений современных художников. В Элисте заложен памятник В. И. Ленину по проекту художника-скульптора заслуженного деятеля искусств Калмыцкой АССР Н. А. Санджиева. Успешно работают молодые калмыки-художники, среди них член Союза советских художников СССР Г. О. Рокчинский. Для его полотен характерны чистота и свежесть колорита, динамичность, точный рисунок.

Театр и музыка В 1936 г. был впервые организован калмыцкий национальный Драматический театр из артистов — воспитанников калмыцкой драматической школы и техникума калмыцкого искусства. В настоящее время в театре две труппы: калмыцкая и русская. Театр поставил калмыцкие пьесы «Чуче» и «Бумбин орн» («Страна Бумбы») Б. Б. Басангова, «Сяяхля» Б. Э. Эрдниева, «Ончин бок» («Борец-сирота») Х. Сян-Белгина и др. Русская труппа исполняет русские классические и современные пьесы.

Выросли талантливые мастера калмыцкого театрального искусства, среди них заслуженные артисты Калмыцкой АССР Улан Лиджиева и Бамбе Мемеев, заслуженные артисты РСФСР Н. Ц. Эрендженев, Э. Ц. Манджиев и др. Молодых драматических артистов готовят в калмыцкой студии Ленинградского театрального института им. А. Н. Островского, артистов балета — в Ленинградском хореографическом училище.

Из участников художественной самодеятельности был создан национальный ансамбль песни и танца. Он выступает в Элисте и районах Калмыцкой АССР, в республиках Северного Кавказа, Ставропольском крае, Ростовской и Астраханской областях, в Сибири и Казахстане.

Калмыцкое музыкальное творчество имеет давние традиции. Музыкой, песнями и плясками оживлялись народные праздники, свадьбы, прием гостей. Некоторые религиозные мистерии (*цам*), как и обычная храмовая служба, сопровождалась звуками духовых (прямых составных труб, длиной до 2 м), а также ударных инструментов (тарелок и барабанов).

В настоящее время театр прочно вошел в жизнь калмыков и заменил полностью зрелища религиозных мистерий.

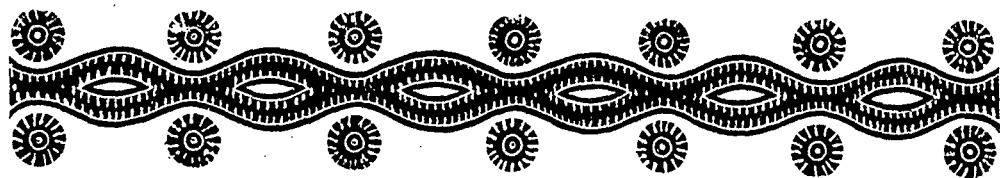
Обогащается мелодическая и ритмическая структура калмыцких народных песен, расширяется их репертуар, утверждается многоголосый, хоровой стиль.

До сих пор популярны и старинные калмыцкие песни, которые исполняются под аккомпанемент домбры и струнных инструментов *ятх* и *хур*.

Большой любовью пользуются ритмичные и подвижные калмыцкие народные танцы: живые, стремительные *чирдг* и *шикдг*. Калмыки охотно танцуют также балльные и другие современные танцы.

В Элисте находится музыкальное училище, в районах республики — семь музыкальных детских школ, в которых учатся дети рабочих, колхозников и местной интеллигенции.

МОЛДАВАНЕ

Молдаване (самоназвание *молдовень*) — основное население Молдавской Советской Социалистической Республики.

Молдавская ССР рекой Днестр делится на две неравные части: меньшую — левобережную и большую — правобережную.

Левобережная Молдавия в географическом отношении неоднородна. Ее северо-западная часть образована южной оконечностью Вольно-Подольского плато, где лес встречается лишь по долинам рек и балок, чередуясь со степными пространствами. Довольно влажный климат, продолжительная и сухая осень способствуют хорошему вызреванию винограда и благоприятны для озимой пшеницы. Южная часть левобережной Молдавии обладает более сухим климатом и входит в пределы причерноморских злаковых степей. По берегам Днестра встречаются плавни, удобные для скотоводства.

Правобережная Молдавия (Бессарабия) делится на три зоны: Белецкую степь, Кодры и Буджак. Белецкая степь, охватывающая Флорештский, Лозовский и часть Оргеевского района, покрыта мощным черноземным пластом. Кодры — средняя часть Бессарабии, наиболее лесистая, с холмистым рельефом, занимает большую часть Оргеевского района и территорию вокруг Кишинева. Буджак — пониженная степная часть Бессарабии с довольно сухим климатом. Северная часть Буджака покрыта черноземными почвами. В нижнем течении рек встречаются обильные заросли камыша.

Основные реки Молдавии — Днестр с главным притоком Реутом, и Прут, по которому проходит государственная граница СССР с Румынской Народной Республикой. Днестр имеет важнейшее значение в экономике республики. Из других рек можно упомянуть правые притоки Днестра Икель и Бык, Ботну и реки юга Молдавии — Когильник и Б. Ялпук.

Природные условия Молдавии очень благоприятны для развития высокопроизводительного сельского хозяйства.

По переписи 1959 г., в СССР живет 2214 тыс. молдаван. Наибольшее их число — 1887 тыс. — расселено в пределах Молдавской ССР, 242 тыс. — в УССР, 62 тыс. — в РСФСР и 15 тыс. — в Казахстане. В Молдавской ССР, кроме молдаван, живут и представители других национальностей: украинцы (14,6%), русские (10,2%), а также гагаузы, евреи, болгары, цыгане, белорусы и др.

22% населения республики живет в городах, в сельской местности — 78%.

Герой Социалистического Труда Мария Тутунару
(справа) за сбором винограда. 1962 г.

Молдавская ССР — самая густонаселенная республика Советского Союза (85,6 человека на 1 км²).

Язык молдаван относится к восточной группе романских языков. Он наиболее близок к румынскому. Большое влияние на развитие молдавского языка оказали языки восточнославянских народов — русских и украинцев, с которыми молдаване были тесно связаны на протяжении всей своей истории. Славянский элемент в лексике молдавского языка достигает 40%. В молдавском языке выделяются четыре группы говоров: центральные, северо-западные, северо-восточные и юго-западные.

Краткий
исторический
очерк

На территории Молдавской ССР уже в глубокой древности обитал человек. Это подтверждается находками каменных орудий труда, относящимися к различным стадиям палеолита и мезолита. Около середины VI тысячелетия до н. э. мезолит уступил место неолиту, памятники которого свидетельствуют о ряде сменявших друг друга культур — от линейно-ленточной керамики, культуры Боян, до завершившей энеолит трипольской культуры (3000—1700 гг. до н. э.). В эпоху Триполья стал возможен переход к прочному оседлому образу жизни и земледельческому хозяйству. К концу неолита и началу бронзового века широко распространилось пастушеское скотоводство.

В эпоху Галыштата (1150—450 гг. до н. э.) носителями этой культуры на территории современной Молдавской ССР были оседлые фракийские земледельческие племена, имевшие обширные поселения; по этнической принадлежности и материальной культуре эти племена были весьма близки к основному массиву фракийцев, занимавших Бал-

канский полуостров. В эпоху Латена (конец I тысячелетия до н. э.) фракийские гето-дакийские племена, обитавшие на территории Молдавии, достигли значительного развития. Появились зачатки железоплавильного и ювелирного ремесел, высокого уровня достигло изготовление лепной керамики, во многих местах возникли хорошо укрепленные цитадели-городища с кольцевыми валами и рвами, наладились широкие обменные связи с греческими, а позже и римскими колониями. Довольно значительное скифское влияние в IV — III вв. до н. э. уступило место все усиливавшемуся влиянию живших на современной территории Румынии родственных фракийцам гето-дакийских племен, у которых к этому времени сложились мощные племенные союзы.

На р. Прут

Однако и в эпоху Латена на местной материальной культуре населения юго-западных областей нынешней Украины продолжало сказываться сначала скифское (бронзовые трехжальные стрелы и др.), а позже и сарматское (зеркала, бисер, многие виды керамики) влияние. Наряду с этим местные племена испытывали значительное влияние кельтской и венецско-бастарнской культур. Последняя проникла на территорию Молдавии вместе с союзом племен, продвинувшихся в III в. до н. э. с современных территорий Польши и ГДР. Повсеместно распространился обряд трупосожжения, характерный для земледельческих племен, в том числе и для фракийских. В первые века н. э. местное население стало широко применять гончарный круг и гончарный гори, изготовление керамики превратилось в ремесло. Во II в. н. э. выделились в ремесла железоплавильный, кузнечный и ювелирный промыслы. На неукрепленных поселениях, которые еще с конца III в. до н. э. преобладали на территории Молдавии, в течение первых веков н. э. начался частичный переход от больших родовых домов к индивидуальным жилищам малых семей: зимой ими служили полуземлянки, летом — наземные постройки. Распад больших семей был следствием начавшегося разложения родового строя.

В первые века н. э. этнический состав местного населения подвергся сильным изменениям. Завоевание римлянами значительной части территории современной Румынии, создание римского лимеса в непосредственной близости от Молдавии поставили обитавшие здесь племена, и прежде всего коренное непокоренное население — гетов, перед необходимостью отражения римской агрессии. Потребность в защите от грозного врага привела к объединению различных по культуре и этнической принадлежности племен. Значительную роль еще с конца I в. до н. э. на территории Молдавии начали играть сарматские племена, продвинувшиеся из Азии

по широкому степному коридору через прикаспийские, приволжские, придонские и прибугские степи к низовьям Днестра, Прута и Дуная. Разбиваясь у берегов Дуная и Серета о твердыни римского лimesа, волны сарматов оседали вдоль его границ, в частности на территории Молдавии, смешиваясь здесь с местными гетскими племенами. В результате этого смешения возникла своеобразная черняховская культура (II — IV вв. н. э.), в которой наряду с преобладающими гетскими и сарматскими элементами прослеживается определенное влияние римлян, а также греческих городов Северного Причерноморья и пережиточные традиции кельтской культуры. Обнаруживаются в ней и отдельные элементы, привнесенные северной волной великого переселения народов — готами и славянами. Это было время, когда перемешивались между собой не только отдельные племена и роды, но и целые народности.

Создание более или менее прочных союзов из разнородных и разнокультурных племен, совместное отражение ими римской агрессии, а также экономические и культурные связи с населением причерноморских римских провинций способствовали дальнейшему развитию социальных отношений и повышению уровня производительных сил. Следы жилых построек, относящихся к концу существования черняховской культуры, свидетельствуют о преобладании малых жилищ над большими, т. е. о широком распространении малой семьи. Все более прочной становилась власть племенных и межплеменных вождей, распространявшаяся не только на военную, но и на другие области жизни. В недрах военной демократии, которая в этот период достигла высшего расцвета благодаря успехам в развитии производительных сил (применение железных частей пахотных орудий, каменных жерновов, ручных мельниц, совершенствование ремесел и т. д.) и накоплению богатств в результате военных походов, все резче проявлялась социальная и имущественная дифференциация — предвестник разделения общества на классы и образования государства.

Крах Римской империи, наступивший в результате изживания античного рабства как экономической системы, ожесточенная борьба варваров против Рима, восстания рабов и, наконец, опустошительное гуннское нашествие конца IV в. привели к резкой ломке всего уклада жизни на обширных пространствах Восточной Европы и, в частности, на территории Молдавии. Прервались связи с античными центрами, исчезли старые традиции в производстве, связанные еще с влиянием римских провинций и греческих колоний Северного Причерноморья. В конце V — начале VI в. на территории Молдавии, как и во всей Центральной и Восточной Европе, последняя, самая мощная, волна великого переселения народов выдвинула на первое место славянские племена, которым суждено было возглавить борьбу свободного населения Северного Причерноморья против гнета и агрессии наследницы Римской империи — Византии. Все это привело к торжеству новых, более прогрессивных для того времени феодальных порядков.

Славяне заселили Балканский полуостров и обширные пространства Центральной и Восточной Европы, в том числе и территорию Молдавии, основывая многочисленные поселения. Прочный оседлый характер этих поселений, производительное земледельческое хозяйство, основанное на труде свободных общинников, привели к быстрой ликвидации экономических катаклизмов, которыми сопровождалось крушение рабовладельческой формации, к новому подъему экономики и к ассимиляции славянами неславянского населения Молдавии. На основе развития земледелия, различных ремесел и промыслов расширялись старые населенные пункты, создавались целые гнезда славянских поселений, появлялись хорошо укрепленные города с развитым металлургическим, гончарным и другими производствами, ювелирным, оружейным и иными ремеслами.

Славянская материальная культура в Молдавии достигла высокого развития. Широко применялись тяжелый плуг с лемехом, череслом и соскребом, железные серпы, косы и другие совершенные для того времени сельскохозяйственные орудия, некоторые отрасли хозяйства стали товарными. Значительного развития достигли экономические связи с Византией, западнославянскими и южнославянскими землями и особенно с восточнославянскими племенными территориями. Происходило слияние отдельных славянских племенных объединений в межплеменные союзы, которые, все более укрепляясь, послужили базой для образования ряда славянских народностей и государств, возникших в конце IX—X в. Славянское население северных и центральных районов Молдавии вошло в состав древнерусской народности и древнего русского государства. Славяне же, жившие в южной части и в приморской степной полосе, в X—XI вв. вошли в состав Болгарского царства на Балканах. На юге Прутско-Днестровского междуречья обнаружены поселения, принадлежавшие южным славянам — носителям балкано-дунайской культуры (IX—XII вв.), которая была широко распространена в низовьях Дуная и по всему Балканскому полуострову. К северу от современного города Бендеры преобладали восточные славяне — тиверцы, — с которыми в середине X в. граничили уличи, переселившиеся с низовьев Днестра в междуречье Буга и Днестра.

Находясь на окраине древнерусских земель, славяне Поднестровья вынуждены были непрерывно отражать набеги кочевников, наступавших с юга и юго-востока из причерноморских степей.

Непрерывные нападения кочевников — печенегов, половцев, а затем и татаро-монголов — в середине XII в. привели к уничтожению многих древнерусских и южнославянских поселений на данной территории. Но славянское население не исчезло. Оно продолжало жить в центральных районах Молдавии под защитой лесного массива Кодр, а частично отступило на север, в земли сильного Галицкого княжества. В период господства Золотой Орды, продолжавшегося до 60-х годов XIV в., здесь возникло несколько городов со смешанным населением и культурой, в которой наряду с местными традициями прослеживается влияние причерноморских и привнесенных татаро-монголами культур завоеванных среднеазиатских городов. Правившие здесь ногайские ханы стремились обособиться от Золотой Орды. Поэтому, беспощадно эксплуатируя местное население с целью создания и укрепления прочного производящего тыла, они содействовали строительству городов — центров ремесла и торговли. Видимо, с конца XIII в. началось проникновение на данную территорию восточно-романского населения из бывших римских провинций на Дунае, в частности из районов Трансильвании и Марамуреша, где восточные романцы испытывали все возрастающее давление со стороны венгров. К концу владычества Золотой Орды продвижение сюда восточных романцев усилилось.

Восточные романцы сложились в результате романизации автохтонного гето-дакийского населения бывшей Дакии (юго-западная Румыния), которая в первых веках нашей эры была завоевана Римом и вошла в качестве провинции в состав Римской империи. Примерно с 600 г. н. э. в процессе этногенеза восточных романцев приняли участие и славяне, жившие на территории Дакии и Балканского полуострова и ставшие существенным компонентом племен восточных романцев. Попав на территорию Молдавии с ее благоприятными природными условиями, в не чуждую этническую среду, это население смешалось здесь с оставшимися славянами и постепенно ассимилировало их. На основе этого процесса и произошло формирование молдавского народа, создавшего в начале второй половины XIV в. свое государство. Его основой было феодальное хозяйство. Преимущественным занятием населения оставались

земледелие и скотоводство. Молдаване возделывали просо и пшеницу, занимались виноградарством и виноделием. Из домашних животных разводили овец, крупный рогатый скот и лошадей. Продукты животноводства вывозились за границу. Большое значение имели рыболовство и бортничество.

О религии древних молдаван имеется мало сведений. Д. Кантемир в известном «Описании Молдавии», относящемся к рубежу XVII — XVIII вв., высказал предположение о существовании в прошлом у молдаван скифских божеств. В списке богов, называемых Кантемиром, наряду со скифскими фигурировали и славянские — Перун, Волос, Похвист. Исходя из общего процесса складывания молдавского народа, можно предположить, что на ранней стадии его этнического развития в религии молдаван большую роль играли дакийские и римские дохристианские представления. Но в позднейшей молдавской религиозной мифологии не сохранилось имени дакийских, ни римских божеств. В то же время в народе жили имена славянских богов. Святой Василий назывался Волосом. Имя другого бога сохранилось в выражении «ускат ка сварогу» (сухой, как Сварог), где Сварог — бог солнца — выступает как символ засухи. Все это свидетельствует о значительном влиянии славянских представлений на молдаван. Впоследствии культ отдельных божеств в основном был заменен почитанием христианских святых, однако некоторые пережитки древних верований продолжали бытовать еще долго.

В XV в. в процессе дальнейшего развития феодализма продолжалась экспроприация свободных общинных земель. Расширение земельных угодий феодального боярства и монастырей сопровождалось закрепощением крестьянства. С конца XIV — начала XV в. основная масса непосредственных производителей — крестьян делилась на две категории: живущих по «волошскому» праву — лично свободных общинников и живущих по «холопскому», или «татарскому» праву — лично несвободных. «Волошское» право сложилось в эпоху, когда крестьяне жили сельской общиной и сообща владели землей. Общиной управляли *кнезы*, *жудэ*, или *ватманы*, в руках которых находилась судебная власть. С отчуждением общинных земель к феодалам перешло и право на труд крестьян, живших на этих землях.

Несмотря на то, что община сохранялась на протяжении всего средневековья, положение частновладельческих крестьян, живших по «волошскому» праву, оставалось очень тяжелым. Номинально они считались свободными и даже имели право уходить от своего владельца, но вследствие непосильных повинностей по существу приближались к положению полностью закрепощенных. Еще более тяжелой оказалась судьба холопов. Эту категорию составляли цыгане и военнопленные татары; они жили по «татарскому», или «холопскому» праву и назывались *робь* (рабы). Единственно, чем холопы отличались от полных рабов, это то, что они жили своими домами (*салаши*), но их могли продавать без земли, и повинности их, даже по сравнению с повинностями остального сельского населения, были чрезвычайно тяжелыми.

Господствующий класс в Молдавии представляли бояре, которые делились на «великих» и «малых», в зависимости от размеров землевладения. Землей (*отчина* или *дедина*) они владели наследственно. Наряду с этим старинным боярством возник и развивался класс новых землевладельцев, получивших земли от государства за службу (*выслужане*). В документах XVI в. встречается уже их новое название — *куртени* (дворяне). Процесс закрепощения крестьян сопровождался ожесточенной классовой борьбой.

Наибольшего расцвета Молдавия достигла в годы правления Стефана Великого (1467—1505). Этот государь в союзе с дворянством и городами жестоко подавлял сопротивление оппозиционного боярства, стремясь

укрепить единую централизованную власть. Однако успехи его были временными и мощного централизованного государства ему создать не удалось. Мужественная полувековая борьба молдавского народа с одним из сильнейших государств того времени — Турцией закончилась в начале XVI в. при преемниках Стефана Великого поражением молдаван.

В период трехвекового турецкого ига и без того тяжелое положение молдаван усугублялось гнетом фанариотов — лиц греческого происхождения, преимущественно из константинопольского квартала Фонар; они брали у турецкого правительства на откуп право собирать налоги и взимали их с населения в увеличенном размере.

В XVI—XVII вв. значительная часть молдавского крестьянства превратилась по существу в бесправных крепостных, хотя по закону они продолжали оставаться лично свободными. Начиная с XVII в. классовая борьба эксплуатируемых масс города и деревни приняла форму гайдуцкого движения. Гайдуки выступали против местных и иноземных угнетателей, народ видел в них своих освободителей.

Попытки некоторых молдавских господарей, как, например, Дмитрия Кантемира (конец XVII — начало XVIII в.), с помощью России освободить свою страну от турецкого господства не дали результатов. Но за это время окрепли связи между украинским и молдавским народами, которых сближали и территориальное соседство, и общность культуры, и борьба против общего врага — турок. Украинцы под предводительством знаменитых гетманов — Лободы, Наливайко, Конашевич-Сагайдачного, Богдана Хмельницкого нередко выступали совместно с молдаванами против турок и татар.

После русско-турецкой войны 1806—1812 гг. по Бухарестскому мирному договору большая часть Молдавского господарства (Бессарабия) отошла к России. С этих пор судьбы Бессарабии и Запрутской Молдавии разошлись. Запрутская Молдавия в 1859 г. вошла в состав вновь образованного государства Румынии.

С присоединением к России пустующие земли на юге Бессарабии, разоренные многочисленными набегами татар, стали постепенно заселяться. Сюда бежали из России и Украины крепостные крестьяне, спасаясь от помещичьего гнета. Кроме того, тут появились выходцы из славянских государств Балканского полуострова, спасавшиеся от гнета турок. Здесь были созданы поселения колонистов (болгар, гагаузов, албанцев и др.).

В первой половине XIX в. в Бессарабии в недрах феодального строя начали возникать новые товарно-денежные отношения. Основным объектом торговли была пшеница. Для ведения хозяйства землевладельцы были заинтересованы в деньгах и постепенно стали заменять натуральные повинности денежными. В помещичьих хозяйствах на юге Бессарабии начали применять наемную рабочую силу. Благоприятное влияние на развитие сельского хозяйства Бессарабии оказало установление тесных экономических связей с центральной Россией. Этому способствовала и близость порта Одессы, через который Бессарабия сбывала свои продукты на внешний рынок. Большое развитие получили виноградарство и садоводство. В первой половине XIX в. в Бессарабии возникла промышленность по переработке фруктов.

В классовой структуре молдавского общества этого периода высшую ступень общественной иерархии занимали представители крупного боярства и духовной знати, в руках которых были сосредоточены основные богатства страны. По положению они были приравнены к потомственному дворянству России. Затем шли *бояринаши* (бояре, не достигшие высших должностей), *магилы* (отставные чиновники) и *рупташи* (потомки местного духовенства). Бояринаши были освобождены от уплаты налогов и исполнения других повинностей и уравнины в правах с личными

дворянами России. Мазылы и рупташи платили лишь посемейный налог и были приравнены к однодворцам Центральной России. Следующую социальную категорию составляли *регешш*. Вначале это были крестьяне-общинники, но в процессе отчуждения общинных земель и имущественного расслоения крестьянства в резешскую общину стали проникать бояре, купцы и зажиточные крестьяне. Захватив земли резешей, они присвоили себе и права, связанные с общинным землевладением. Таким образом, основную массу резешей составляли крестьяне, владевшие землей на основе частной собственности.

Наиболее многочисленную социальную категорию—70% всего населения Бессарабии — составляли крестьяне — *царане*. Продолжая номинально оставаться лично свободными, они фактически по своему положению приближались к крепостным. Своей земли они не имели, а за право пользования помещичьей или монастырской землей отбывали барщину и несли другие повинности. Наконец, несколько особое положение занимали государственные крестьяне. Эта категория создавалась на юге Бессарабии после русско-турецкой войны 1806—1812 гг., когда отсюда были выселены татары и стали оседать различные группы пришлых поселенцев. Своей земли они не имели и селились на казенных землях, но их положение по сравнению с царанами оказалось несколько лучшим, так как они платили только государственные и земские сборы и не несли барщинной повинности.

Присоединение Бессарабии к России дало толчок к развитию ремесленно-мануфактурного производства, а следовательно, и к зарождению рабочего класса. В 1858 г. в Бессарабии насчитывалось 425 кустарных предприятий, численность рабочих доходила до 1200 человек. Однако царское правительство было заинтересовано в сохранении Бессарабии как сельскохозяйственного района, и его политика была направлена не на рост промышленности, а на расширение феодальной эксплуатации крестьян. В 1857 г. число бессарабских предприятий составляло немногим больше 1% общего числа предприятий России. Несмотря на некоторый рост, ремесленно-мануфактурное производство Бессарабии занимало ничтожное место в общероссийской экономической жизни.

В середине XIX в. общий кризис крепостной системы в России не мог не затронуть и Молдавию. Здесь развитие капитализма в сельском хозяйстве шло быстрее, чем в центральных районах России. В новых условиях развивающегося капитализма выявилась экономическая несостоятельность применения крепостного труда. Пытаясь усилить эксплуатацию царан, помещики довели их хозяйства до полного разорения, что вызвало резкое обострение классовой борьбы. Восстания следовали одно за другим и накануне реформы 1861 г. охватили всю Бессарабию.

В конце 60-х годов XIX в. правительство царской России было вынуждено провести в Бессарабии земельную реформу. 14 июля 1868 г. оно опубликовало положение о реформе. Центральное место в нем занял вопрос о земельном устройстве царан. Положение подтвердило право помещиков на владение землями, принадлежавшими им до реформы, но обязывало помещиков наделить своих царан землей. Царане же должны были нести за это определенные повинности. Земельные наделы выделялись независимо от числа членов семьи и передавались не в общинное пользование, а в посемейно-наследственное с правом выкупа. При этом крестьянин мог и не брать участка, но если выкупал его, то получал право на его продажу. Такой порядок землепользования ускорил процесс расслоения молдавского крестьянства. Более зажиточные скупали земли и превращались в кулаков, а большая часть сельского населения вынуждена была продавать свои наделы и, становясь батраками, попадала в кабалу к помещикам и кулакам. Помещики стремились под любыми предлогами не давать крестьянам земли, вследствие чего некоторые царане остались без наделов.

При разделе земель лучшие участки отошли к помещикам, что создавало необычайно дробную чересполосицу. Во многих местах крестьяне были лишены угодий. В результате уравнительного посемейного наделения землей многим семьям ее не хватало, и царяне были вынуждены на кабальных условиях арендовать землю у помещиков. До полного выкупа надела оставались в силе все феодальные повинности. Таким образом, крестьянская реформа в Бессарабии, как и реформа 1861 г. в Центральной России, имела грабительско-крепостнический характер.

В ответ на это уже в 1869 г. вспыхнули крестьянские восстания, но были жестоко подавлены. С 1869 г. на Бессарабию распространились общерусские судебная и земская реформы, а с 1871 г. — городская реформа. Все эти реформы подготовили окончательное превращение Бессарабии, где еще сохранялись некоторые местные особенности в законодательстве, в губернию царской России, что и было оформлено законодательным актом 1873 г.

Капитализм в Молдавии развивался односторонне: даже в конце XIX в. свыше 85% ее населения было занято в сельском хозяйстве и только около 15% — в промышленности, в основном в пищевой, и в торговле. Рабочий класс Молдавии до 90-х годов прошлого века не имел своей организации. Лишь в 1890-х годах под непосредственным влиянием русских политических ссыльных здесь возникли первые рабочие марксистские кружки, положившие начало организованному рабочему движению. К началу XX в. эти кружки стали объединяться. В 1900 г. в Кишиневе создалась социал-демократическая группа, а в 1902 г. — комитет РСДРП, тесно связанный с Одесским комитетом и руководивший революционным движением рабочих и крестьян Молдавии. В Кишиневе работала подпольная типография, печатавшая ленинскую газету «Искра». В период первой буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. здесь были организованы всеобщая забастовка и массовая политическая демонстрация (21 августа 1905 г.), жестоко расстрелянная по приказу царских властей.

Однако, несмотря на колониальную политику царского правительства, все же объективно не могло не сказаться прогрессивное значение присоединения Бессарабии к России. К 1912 г., т. е. через 100 лет после присоединения, население Бессарабии увеличилось в 10 раз — до 2,5 млн. человек. Улучшилось судоходство по Днестру и Дунаю, выросла протяженность железных дорог. До присоединения к России Бессарабия не имела своих школ, и даже большинство бояр было неграмотно. В 1912 г. в этом крае уже насчитывалось 56 средних общеобразовательных и специальных школ и 1709 — низших. Но преподавание в них велось на русском языке. К 1913 г. в Бессарабии было более 100 больниц и столько же аптек.

Борьба русского пролетариата и крестьянства против царизма и помещичье-капиталистического гнета не могла не найти живого отклика среди трудящихся молдаван. Уже в период 1905—1907 гг. в Бессарабии выдвинулся легендарный герой — революционер Григорий Котовский, создавший свой отряд, который боролся с помещиками и ставленниками русского царизма. В дальнейшем Котовский стал одним из прославленных полководцев Красной Армии. Сынами молдавского народа были Михаил Фрунзе и Сергей Лазо.

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции власть в Молдавии перешла в руки рабочих и крестьян. Прогнав помещиков, крестьяне получили лучшие земли. Однако это продолжалось недолго. Румынские империалисты, воспользовавшись временными затруднениями молодой Советской Республики, при прямой поддержке предателей молдавского народа из буржуазного правительства Молдавии («Сфатул Церий»), немецких империалистов и Антанты 15 марта 1918 г. захватили Бессарабию. Советские войска вместе с молдавским народом

оказали ожесточенное сопротивление захватчикам, и Румынии пришлось подписать соглашение об отводе войск из Бессарабии. Однако это соглашение в том же 1918 г. было вероломно нарушено.

До 1940 г. Бессарабия продолжала оставаться под властью румынских оккупантов, разоривших страну и приведших в упадок ее хозяйство. Земли, переданные крестьянам при Советской власти, у них отняли и отдали помещикам. Румынское буржуазно-помещичье правительство, рассматривая Бессарабию как рынок для сбыта своих товаров, совершенно не интересовалось развитием промышленности этой области. Молдавский народ попал под жестокий гнет румынских помещиков. Все это не могло не вызывать народного возмущения, активного выступления против оккупантов. Наиболее крупные восстания вспыхнули в 1919 г. (Хотинское) и в 1924 г. (Татарбунарское), но были подавлены с чрезвычайной жестокостью.

Политика румынского правительства в Бессарабии привела к тому, что около 300 тыс. ее населения эмигрировало в США и другие страны. Бессарабия превратилась в румынскую колонию.

В пределах Советского Союза на левобережье Днестра в 1924 г. была создана Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика с центром сначала в Балте, а затем в Тирасполе. Экономическое и культурное развитие Молдавской АССР являло собой разительный контраст по сравнению с правобережной Молдавией. К 1939 г. в Молдавской АССР насчитывалось 343 промышленных предприятия против 24 полукустарных предприятий в 1924 г. Основную долю продукции этих предприятий давала консервная промышленность. Кроме того, была развита сахарная, маслобойная, мукомольная и винодельческая промышленность, а также металлообрабатывающая и бочкотарная.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства коренным образом изменила экономику, культуру и быт молдавской деревни. В 1939 г. колхозам принадлежало 99,6% всей посевной площади.

В области народного образования Молдавская АССР также достигла огромных успехов. В 1939 г. в ней насчитывалось 504 школы, из них 135 молдавских. Было введено всеобщее семилетнее обучение. В Тирасполе открылись сельскохозяйственный, педагогический и учительский институты. В Молдавской АССР были созданы девять техникумов, широкая сеть клубов и театров. Впервые молдаване получили литературу и газеты на родном языке.

Никогда не признавая вероломного захвата Бессарабии, Советское правительство неоднократно ставило перед Румынией вопрос о возвращении этой территории Советскому Союзу, и 28 июня 1940 г. по договору между СССР и Румынией Бессарабия была воссоединена с СССР. VII сессия Верховного Совета СССР 2 августа 1940 г. приняла закон об образовании из Молдавской АССР и Бессарабии Молдавской Советской Социалистической Республики. Советская власть безвозмездно передала трудовому крестьянству Бессарабии изъятую у помещиков и кулаков землю: около 230 тыс. га пахотной и 71 тыс. га засеянной земли, 2343 га садов и виноградников и 20 тыс. голов скота. Была аннулирована огромная задолженность крестьян румынским банкам и помещикам. В Бессарабии были созданы 52 МТС. Крестьяне получили большую семенную ссуду и денежную дотацию на приобретение сельскохозяйственного инвентаря. Стала развиваться местная промышленность, особенно пищевая и легкая. Была создана густая сеть школ с обучением на молдавском и русском языках. В селах открылись поликлиники и амбулатории.

Однако это бурное экономическое и культурное развитие молдавского народа было прервано 22 июня 1941 г. в результате вероломного нападения фашистской Германии и ее сателлитов на Советский Союз. Молдаване познали всю горечь оккупации, находясь в течение четырех лет Великой

Раздел земли, принадлежавшей помещику. Кишиневский уезд. 1940 г.

Отечественной войны под фашистским игом. Экономике и культуре молдавского народа был нанесен огромный ущерб. Захватчики превратили в руины большую часть городов Молдавии. Были разграблены и частично уничтожены библиотеки, музеи и театры. Убытки, которые понесло народное хозяйство Молдавии, превысили 16 млрд. рублей. Фашистские изверги, по далеко неполным данным, замучили и убили свыше 65 тыс. мирных жителей Молдавии и угнали в рабство около 50 тыс. человек.

Молдавский народ встал на защиту своей любимой Родины и активно включился в борьбу против немецко-фашистских оккупантов. Благодаря историческим победам Советской Армии в августе 1944 г. Молдавия была полностью очищена от врага. В годы послевоенного строительства Молдавия в короткий период восстановила разрушения, причиненные войной, и теперь бурными темпами развивает свое многоотраслевое хозяйство. Молдаване вместе с другими народами Советского Союза являются активными строителями коммунизма.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

С древнейших времен основным занятием населения на территории нынешней Молдавии являлось сельское хозяйство. Полеводство и животноводство, виноградарство и виноделие, садоводство и огородничество были развиты в Прутско-Днестровском междуречье. Издавна молдаване занимались и пчеловодством.

Сельское
хозяйство

Еще в XVIII в. на территории Молдавии отчетливо выделялись два сельскохозяйственных района: в северной и центральной частях Молдавии население вело оседлое животноводческо-земледельческое хозяйство, а в южной части господствовало отгонное скотоводство. На юге в этот период земледелие было подсобным занятием. Скот издавна находился на

подножном корму, даже зимой, мягкой и малоснежной. Запасы корма на зиму стали делать только с конца XVIII — начала XIX в., с увеличением количества крупного рогатого скота. Одновременно начали строить загоны и переходить к стойловому содержанию скота. К этому времени относится и возрождение пришедшего было в упадок земледелия на юге Молдавии. Применялась залежная система земледелия. Обрабатывали небольшие участки земли, засевая их в основном просом и в меньшей степени пшеницей-арнауткой. Зерновые сеяли только для нужд своего хозяйства. Продавать продолжали в основном скот и продукты животноводства. Землю обрабатывали или ручными орудиями, или ралом и сабаном.

Молдаване центральных и северных районов применяли переложную систему земледелия, заимствованную от славян.

С конца XVIII — начала XIX в. с усовершенствованием сельскохозяйственных орудий стала быстро увеличиваться и площадь распаханной земли. Увеличение доли земледелия в экономике края особенно сказалось после присоединения Бессарабии к России в 1812 г. Торговые связи Бессарабии с другими, более развитыми губерниями России и включение ее в мировой рынок предопределили экономическую специализацию сельского хозяйства Бессарабской губ., чему благоприятствовали природные условия и рост народонаселения.

С 20 до 70—80-х годов XIX в. в Бессарабии господствовала экстенсивная переложная система земледелия, при которой $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{6}$ часть пригодной для обработки земли находилась под посевами, а остальная — под перелогом и использовалась под пастбища и сенокосы. Поэтому скотоводство еще и в первой половине XIX в. оставалось главной отраслью сельского хозяйства Молдавии. Этому способствовало и то, что в лесистых районах ее центральной и северной частей применялась прежняя подсечно-переложная система земледелия, и, следовательно, тоже не было значительных посевных площадей.

На целинных землях сеяли просо, яровую пшеницу и разводили бахчи, на старопахотных — озимую пшеницу, табак, кукурузу, овес, ячмень, гречиху. Основными посевными культурами были пшеница и кукуруза. Но к середине XIX в. пшеница начала постепенно вытеснять кукурузу. Это объясняется ростом товарной ценности пшеницы, которая вначале производилась главным образом в помещичьих хозяйствах, а затем ее стали сеять в хозяйствах колонистов, государственных крестьян и царан преимущественно на экспорт, в то время как кукуруза возделывалась почти исключительно для личного потребления.

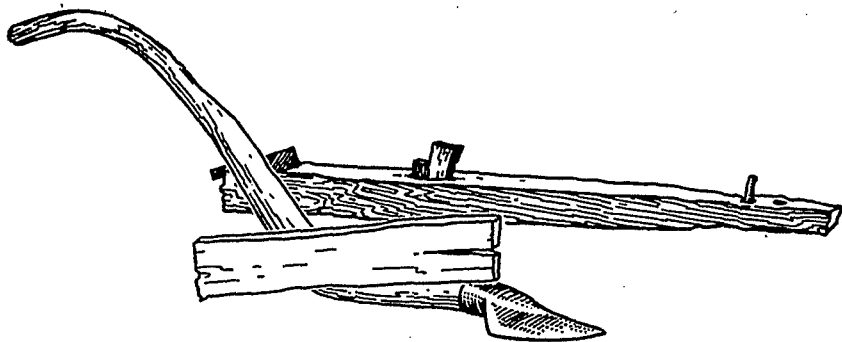
К середине XIX в. значительно увеличились и посевы технических культур — табака, конопли, подсолнечника и др. Все это способствовало более раннему возникновению капиталистических отношений в сельском хозяйстве Бессарабии по сравнению с остальными губерниями царской России.

Примерно к 1850-м годам земледелие стало ведущей отраслью сельского хозяйства Молдавии; с этого времени начался и переход от переложной системы земледелия к трехпольной.

Со второй половины XIX в. в Молдавии выделялись три сельскохозяйственных района: в северной Молдавии были почти одинаково развиты полеводство и животноводство; в центральной части, охватывающей лесные и холмистые массивы молдавских Кодр, большое распространение получили виноградарство и садоводство. Из злаковых культур здесь преобладала кукуруза, а в дальнейшем — озимая и яровая пшеница. Местами сеяли много табака. Южный район с его обилием залежных земель, пастбищ и относительной малонаселенностью стал центром производства товарного зерна и развития животноводческого хозяйства.

Капиталистическое развитие сельского хозяйства Молдавии не везде шло одинаковыми путями и темпами. Вначале капиталистические отно-

шения начали развиваться на юге Молдавии. Здесь крепостное хозяйство было слабее, чем в других районах края. Помещичье и монастырское землевладение на юге охватывало 30% земельной площади. Основную массу жителей этой зоны составляли государственные крестьяне и колонисты, некоторая часть последних входила в состав новороссийского казачества. В середине XIX в. в пользовании крестьян находилось 55% всех земель юга Бессарабии. Они имели возможность на своих полях применить более усовершенствованную технику, многие из них создавали многоотраслевые фермерские хозяйства преимущественно торгово-зернового и животноводческого направления. Уже к середине XIX в. южные хозяйства стали развиваться по американскому пути.

Старинное рало с полозом. Село Подоймицы Резиньского района

Иным было положение в центральных и северных районах Бессарабии. Здесь преобладало крупное помещичье землевладение. В северной части помещикам принадлежало 94%, а в центральной — 77% всей земли. Хотя помещичье хозяйство все более приобретало товарный характер, капиталистические отношения здесь развивались значительно медленнее, чем на юге. Большая часть помещиков применяла непроизводительный крепостной труд и сохраняла старые, отсталые формы ведения хозяйства. В центральных и северных районах Бессарабии в пореформенный период развитие сельского хозяйства пошло по прусскому пути.

Сельскохозяйственные орудия молдаван также прошли определенные исторические этапы развития. Археологические раскопки на этой территории дают представление о разнообразных пахотных орудиях плужного типа. Здесь были распространены и рала, и плуги. В первой половине XIX в. в Молдавии использовались два вида рал: легкое однозубое с двумя рукоятками, в которое впрягали одну пару волов, и тяжелое с тремя зубьями, сходное с украинским тройчаком; оно не имело рукояток и в него впрягали две пары волов. Оба эти типа пахотных орудий применялись при неглубокой вспашке мягкой почвы. В бедняцких хозяйствах Бессарабии они сохранялись вплоть до сплошной коллективизации (1949 г.) как основные орудия обработки почвы.

На тяжелых дернистых почвах степных районов Молдавии использовали рало с полозом. Для отваливания почвы его снабжали небольшими отвальными досками. Со второй половины XIX в. появились и многозубые рала (*драпак*), а с конца XIX — начала XX в. самой распространенной формой стали заводские треугольные рала на железной раме с пятью — семью зубьями, на колесном ходу. В бедняцких хозяйствах правобережья Молдавии трехзубыми ралами пользовались вплоть до 1940-х годов.

В течение XVIII и почти до конца XIX в. для подъема целины и залежи молдаване применяли массивный, так называемый малороссийский

плуг, который был известен на этой территории еще в IX—XI вв. В такой плуг запрягали четыре — шесть пар волов. Для вспашки старопахотных земель использовали более лёгкий украинский плуг и сабан. Последний был приспособлен для конной тяги. Еще в XX в. им пользовались для междурядной обработки картофеля.

Для вспашки почвы на склонах холмов в центральных и северных районах Молдавии использовали плуг с переносным отвалом.

В пореформенный период большое распространение получили железные плуги заводского производства конструкции колониста Гена. Вначале их применяли только в крупных помещичьих хозяйствах, а затем они распространились по всей южной и большей части центральной Молдавии. Пахали заводскими плугами и других конструкций.

В течение XVIII и почти вплоть до XX в. преобладающее большинство крестьянских хозяйств посев производило вручную, причем сеяли двумя способами: в южной части — по стерне, а в северной — по вспашке. Сеяли чаще всего вразброс. С конца XIX в. широкое распространение получил посев кукурузы в борозду, за плугом.

В первой половине XIX в. в помещичьих хозяйствах появились первые сеялки, но прививались они медленно. Даже к 1870-м годам лишь некоторые помещики обзавелись рядовыми сеялками для посева кукурузы. В начале XX в. в помещичьих и кулацких хозяйствах стали применять одноконные пяти- или шестирядные сеялки. У зажиточных крестьян в 70-х годах XIX в. появились своеобразные «сеялки» в виде ведра с дырчатым дном, прикрепляемого к оси колеса плуга, шедшего по борозде. В ведра насыпали кукурузные зерна, и при движении плуга они падали в борозду. В бедняцких крестьянских хозяйствах такие сеялки получили распространение лишь в 1920-х годах.

Посевы заделывали бороной или многозубым ралом. Наиболее древним типом были деревянные бороны в виде волокуши, затем стали применять рамные деревянные бороны, потом с железными зубьями и, наконец, железные бороны заводского производства. Забороненную вспашку прикатывали каменными катками. Из ручных орудий обработки почвы наиболее распространенными были заступы и сапы. В бедняцких хозяйствах этими орудиями рыхлили почву на небольших участках.

Вплоть до середины XIX в. для уборки колосовых применяли зубчатый серп, который на этой территории известен с древних времен. Любопытно отметить, что даже по форме молдавский серп мало отличался от тиверского. Одним из отличительных его признаков является резкое расширение клинка в средней части и большая кривизна лезвия. Рукоятка у такого серпа короткая. Для срезания кукурузных стеблей иногда использовали самодельный серп, сделанный из лезвия косы, с гладким клинком. О древности применения здесь серпа можно судить по тому, что в молдавском языке термин жатва является производным от слова «серп» (*сечера* — серп, *сечершу* — жатва). Косой до середины XIX в. косили только траву. Но со второй половины XIX в. в южных зерновых районах коса стала основным орудием уборки урожая, тогда как в северных районах, включая Кишиневский уезд, по-прежнему урожай убирали серпом. В Бессарабии примитивный способ уборки сохранялся до 1940-х годов.

Наиболее древним видом косы на территории Молдавии была горбуша. Ее находят в археологических памятниках, относящихся к IX—XIV вв., а в лесистых районах Молдавии ее можно встретить в личном хозяйстве и в наши дни. На остальной части края она была вытеснена косой с длинным и широким лезвием, которая также дожила до наших дней. По форме и величине она близка к степным украинским косам. Коса-горбуша тоже видоизменилась, ее лезвие стало узким и коротким, теперь она напоминает косы, которые встречаются в Румынии, Венгрии и Чехословакии. Большая коса особенно распространилась в южных зерновых районах Молда-

вии. Для уборки хлебов косы применяли и со специальными приспособлениями (крюки и др.) и без них.

В зависимости от того, каким орудием убирали хлеб, различались и способы его укладки. Если хлеб убирали серпом или косой со специальными приспособлениями, то срезанные колосья связывали в снопы (*снопы*) и укладывали в крестцы (*пичорь*) и копны (*копэ*). При уборке косой без дополнительных приспособлений их сгребали граблями в копны, а затем метали в стога и скирды при помощи деревянныхвил с тремя и более зубьями. При укладке снопов в скирды использовали длинные деревянные двузубые вилы. Жатвенные машины в Молдавии появились в помещичьих хозяйствах юга лишь к 60-м годам прошлого столетия.

Молодили по-разному. На юге преобладала молотьба с помощью лошадей как незапряженных, так и запряженных в подводу, в деревянный или каменный каток, в молотильную доску. Часто практиковалась молотьба при помощи волов, для чего их подковывали.

В северных районах Молдавии в XVIII—XIX и начале XX в. главным орудием обмолота служил цеп. На юге его применяли иногда для обмолота кукурузы и бобовых. Для обмолота цепом снопы укладывали в ряд, один на другой, молотили их вдвоем, идя один навстречу другому. Первые заводские паровые молотилки в Молдавии появились с середины XIX в., но их приобретали только помещики и кулаки.

После обмолота зерно провеивали в грохоте. Веялки появились лишь в 1860-х годах и до начала XX в. оставались достоянием лишь самых крупных землевладельцев.

Крестьяне хранили урожай на чердаках (левобережная часть Молдавии) или в специальных ямах (на правом берегу).

Таким образом, несмотря на то, что Бессарабия в прошлом была одной из зерновых житниц России, распространенные там система земледелия и сельскохозяйственные орудия были очень отсталыми. Такими они оставались и в период господства буржуазно-помещичьей Румынии, тогда как в Молдавской АССР уже господствовал колхозный строй с механизированным хозяйством. Положение в Бессарабии коренным образом изменилось лишь с воссоединением ее с СССР и особенно с 1949 г.— после массовой коллективизации крестьянских хозяйств.

Животноводство до середины XIX в. было преобладающим занятием населения Молдавии. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, причем последний преобладал, составляя до 1870 г. $\frac{3}{4}$ всего поголовья. Особенно были распространены овцы цыгайской, а затем и меринсовой породы. Постепенно меринсовое овцеводство вытеснило всякое другое и превратилось в крупную отрасль помещичьего товарного хозяйства. Овечья шерсть была основным предметом бессарабского экспорта не только на рынки России, но и за границу. В этот период в Молдавии существовало два типа животноводческого хозяйства: отгонное и с летним содержанием на пастбищах и зимним — в стойлах.

Ареалом отгонного скотоводства (в основном овцеводства) был юг Молдавии. Здесь оно сосредоточивалось преимущественно в руках крупных скотопромышленников из соседних стран, арендовавших местные пастбища. Еще в давние времена на обширных пастбищах Буджакской степи паслись многочисленные стада, принадлежавшие ногайским татарам. Сюда же пригоняли свой скот владельцы стад из северных районов Молдавии, Трансильвании, Валахии и Венгрии. На ночь или на дойку скот собирали в специально отгороженном месте, которое называлось *скотыня*, а участок вокруг него, на котором скот отдыхал после дойки, — *тырлэ*. Для пастухов строили специальные хижины, часто полуземлянки (*колибэ*). Естественно, что при постоянном перемещении скота с одного пастбища на другое стыну огораживали временно, для этого пользовались переносным каркасом. Внутри стыны было два окола: один для

яловых и другой для дойных овец. Дойку-производили в специальном месте окола — *струнгэ*.

Несколько человек ухаживали за стадом. Обязанности между ними были разграничены. *Скутарул* отвечал перед владельцами за сохранность и состояние стада. Он должен был договариваться с владельцами и производить с ними все расчеты. *Бачиул* занимался обработкой молока, изготовлял брынзу. Пас скот чабан, которому при дойке помогал подросток 14—16 лет.

Колибэ состояла из двух частей: спальни (*дормитор*) и кошарни, где держали зимой молодняк, обрабатывали молоко и хранили полученные продукты до их распределения между владельцами скота или до продажи на рынке. Последняя форма реализации продуктов преобладала.

Доля каждого владельца скота при распределении продуктов устанавливалась заранее по количеству ожидаемого от его овец молока. Для этого в определенный день при формировании стада каждый владелец сам доил своих овец в одну посуду. Затем бачиул опускал туда *карымб* — четырехгранную палку, на которой отмечался уровень молока в ведре. Эта отметка переносилась на *рэзиш* — другую такую же палку, которая отдавалась владельцу скота. *Карымб* же оставался у бачиула. Во время дежества продуктов, полученных от всего стада, каждый владелец предъявлял свой *рэзиш*, по которому определялось причитающееся ему количество брынзы. Первым получал брынзу владелец наибольшего количества овец в стаде.

Отгонное скотоводство развивалось в Молдавии до второй половины XIX в., когда начался быстрый капиталистический рост земледелия. Наступление на целинные земли привело к резкому сокращению пастбищ и сенокосных угодий. Доля отгонного скотоводства в экономике края стала быстро сокращаться, а в конце XIX — начале XX в. им вообще перестали заниматься.

В северных и центральных районах Молдавии, где был распространен локальный тип скотоводства, летом скот пасли на пастбищах, а зимой держали в стойлах. Разводили крупный рогатый скот (коров, быков), а также свиней и лошадей. Большое значение имело разведение овец и коз.

Формы организации этого типа хозяйства были разнообразны. В небольших деревнях односельчане объединяли крупный рогатый скот в одно стадо. Для выпаса мелкого скота создавали отдельное стадо. Село нанимало чабанов или односельчане пасли стадо по очереди. В больших селах каждая часть села (*магала*) создавала свое стадо.

Из крупного рогатого скота составляли несколько стад: дойные коровы, яловые, рабочий скот и телята. Стадо молочного скота, которое обслуживали, как правило, два пастуха (*вэкарь*), держали на пастбищах, расположенных неподалеку от села. Летом такое стадо пригоняли в обед для дойки в село. Весной и осенью стадо выгоняли на пастбище на целый день.

Яловый скот все лето содержали на отдаленных от села пастбищах. В это стадо в свободные дни пригоняли рабочих волов и лошадей. Местами для рабочего скота отводили лучшую толоку.

Овец также делили на несколько стад, а ягнят часто пасли вместе с телятами. Эти стада держали на самых близких от села пастбищах. Стадо дойных овец обслуживало не менее двух пастухов: один из них доил овец и обрабатывал молочные продукты, а второй помогал ему.

И здесь для овец огораживали стыны, которые по своему устройству ничем не отличались от стын отгонных скотоводов, но были не переносными, а постоянными. Некоторые села вообще не ставили стын, пригоняли овец на дойку домой.

Весенне-осенний выпас скота на пастбищах продолжался с 23 апреля ст. ст. (день св. Георгия) до 26 октября (день св. Дмитрия). На юге Молдавии овец выгоняли на пастбища в феврале и марте. В начале весеннего цикла овец стригли и ягнят отделяли от маток. В конце мая (по народному календарю обычно в день «*Думиника Марс*» — 29 мая) определяли количество молока, даваемого овцами каждого хозяина (*проба латтелуй*). После снятия пробы устраивалось общее гулянье с песнями и хороводами.

С начала весеннего цикла и до 20 июля (Ильин день) овец обычно доили три раза в день. В этот период овец пасли на толоках, выгонах и сочных пастбищах.

Началом летнего цикла считалось 29 июня (Петров день). После уборки урожая с полей стада пасли по стерне и по парам. Таким образом, одновременно с выпасом происходило и унавоживание этих земель. С 20 июля и до 8 сентября (день Малой Марии) овец доили два раза в день, а с 8 сентября и до конца выпаса их доили только один раз в день. В этот последний период владельцы скота рассчитывались с чабанами и готовились к содержанию скота в загонах. Иногда, если погода позволяла, производили и зимний выпас скота.

До конца XVIII в. такие уголья, как пастбища, выгоны, толоки и сенокосы, находились в общественном пользовании. В общественные пастбища превращались и те поля, с которых был убран урожай. В то время размеры общественных угодий, принадлежавших данному селу, не устанавливались. Но затем молдавские господа стали ограничивать крестьянские уголья. В 1805 г. молдавский господарь А. Муруз определил для крестьян меру в полфалча¹ земли на каждую голову крупного рогатого скота, но не больше 12 фалчей на одно хозяйство. Как уже отмечалось выше, скотоводство в этот период было главным источником дохода и крупные землевладельцы стремились увеличить свои уголья за счет крестьянских общественных владений. В дальнейшем при перераспределении земель в связи с аграрными реформами второй половины XIX в. крестьяне не получили ни выпасов, ни сенокосов. Они были вынуждены арендовать эти уголья за большие суммы. В 1890 г. арендная плата за сенокосы в центральных и северных районах Молдавии составляла 25—40 руб. за десятину, а за пастбища платили по 12 руб. с пары волов. Пастбища и сенокосы брали в аренду либо сообща целым селом, либо группой односельчан. Владелец наибольшего количества скота становился хозяином стыны.

С 1870-х годов в Молдавии началось сокращение поголовья скота не только на юге, но и в северных и центральных районах, так как скотоводство стало вытесняться земледелием. К этому следует добавить, что, хотя на протяжении веков скотоводство приносило основной доход, уровень самого хозяйства был низок. Разводили одни и те же породы скота, продуктивность которых была очень мала. Скот часто страдал от бескормицы, так как не всегда имелась возможность обеспечить его кормами на зимнее время. На зиму для него не строили теплых помещений, и скот часто и зимой находился в загонах под открытым небом.

Такое нерациональное ведение животноводческого хозяйства в Бессарабии продолжалось вплоть до 1949 г. — года сплошной коллективизации.

Наряду с основными отраслями сельского хозяйства в Бессарабии продолжалось вплоть до 1949 г. — года сплошной коллективизации. Наряду с основными отраслями сельского хозяйства в Бессарабии продолжалось вплоть до 1949 г. — года сплошной коллективизации. Наряду с основными отраслями сельского хозяйства в Бессарабии продолжалось вплоть до 1949 г. — года сплошной коллективизации. Наряду с основными отраслями сельского хозяйства в Бессарабии продолжалось вплоть до 1949 г. — года сплошной коллективизации. Наряду с основными отраслями сельского хозяйства в Бессарабии продолжалось вплоть до 1949 г. — года сплошной коллективизации.

В условиях феодализма большая часть виноградников принадлежала крупным хозяйствам, владельцы которых имели монополию на продажу

¹ Фалч — старая молдавская мера, равная 4322 м².

вин и других напитков. Поэтому наибольшее развитие виноградарство и виноделие получили именно в феодальных владениях. Но этими отраслями сельскохозяйственного производства занимались и в крестьянских хозяйствах. Феодальная рента, которую с них взимали, включала *погонорит* — денежный налог с каждого погона виноградных насаждений и *вадрарит* — десятую часть с полученного вина.

Рост промышленного виноградарства в Молдавии начался лишь с присоединения Бессарабии к России в 1812 г. К 1890 г. площади, занятые под виноградными насаждениями, доходили до 74 200 десятин, тогда как в 1837 г. их было только 13 тыс. десятин.

В конце XIX в. филлоксера погубила значительную часть молдавских виноградников. С вредителем начали бороться путем создания гибридных сортов, прививая европейские культурные сорта винограда к дикорастущему. Филлоксера была побеждена, но сортность винограда ухудшилась. К 1945 г. свыше 90% виноградников Молдавии были гибридными.

Основные площади виноградников до установления Советской власти находились в руках крупных землевладельцев. В Бессарабии 43,2% крестьянских хозяйств к 1940 г. вообще не имели виноградников. Обрабатывали почву под виноград вручную (лопатой, сапой) или ралом и одноконным плугом. Для обработки лозы и снятия урожая использовали ножицы и специальные виноградные ножи *косор*, напоминающие небольшой серп.

Вино приготавливали примитивным способом. Вначале виноград, уложенный на плетенку, мяти над кадкой руками. Через два-три дня после брожения виноградный сок переливали в бочку, а оставшуюся массу собирали в мешок и давили ногами, чтобы отжать остатки сока. Винодельческий пресс имелся лишь у крупных землевладельцев. Бочки с вином хранили в глубоких каменных погребах.

Садоводство также является исконным занятием жителей Молдавии. Здесь выращивают различные сорта яблонь и груш, сливы, абрикосы, персики, айву, черешню, вишню и т. д. Широкое распространение получил и грецкий орех. В прошлом сушеные молдавские фрукты не только реализовались на местных рынках, но и экспортировались в большие города России и на мировые рынки.

Таким образом, основным направлением сельского хозяйства Молдавии в период капитализма было производство зерновых, ее территория включалась в большой торгово-зерновой район юга России. Такой правобережная Молдавия оставалась и в составе буржуазно-помещичьей Румынии. Здесь главным образом производили кукурузу и озимую пшеницу, которые были предметом экспорта. Такие же исконные отрасли сельского хозяйства, как виноградарство, садоводство и огородничество к моменту воссоединения Бессарабии с СССР имели подсобное значение и были развиты не везде.

Развитие сельского хозяйства левобережной Молдавии, находившейся в составе Советского государства с 1917 г., шло в соответствии с народнохозяйственными планами Советского Союза. В результате успешного проведения коллективизации здесь были созданы многоотраслевые хозяйства и к 1940 г. в Молдавской АССР уже имелись мощные колхозы-миллионеры. Сельское же хозяйство Бессарабии, вошедшей в состав СССР лишь в 1940 г., характеризовалось отсталой техникой и низкой производительностью труда.

В первые годы после войны, несмотря на земельную реформу и большую помощь труженикам Бессарабии Советского государства, в молдавской экономике еще резко сказывалась диспропорция между социалистическим сектором левобережья и частновладельческим сектором правобережья Молдавской республики. Однако с помощью Советского государства эта диспропорция и последствия военной разрухи были быстро преодолены,

и Бессарабия, вступив на путь социалистических преобразований, достигла больших успехов.

В настоящее время Молдавия является экономическим районом с высоко развитым сельским хозяйством и быстро растущей промышленностью.

Неузнаваемо изменилось экономическое состояние всего сельского хозяйства республики. До воссоединения Бессарабии с Россией в ней имелось всего 92 трактора, принадлежавших помещикам и кулакам, комбайнов не было совсем. Почти половина крестьянских хозяйств не имела рабочего скота. Только за первые четыре послевоенных года Советское государство направило в Молдавию 2 тыс. тракторов, 600 грузовых автомашин, 109 комбайнов, 730 сложных молотилок. Эта реальная государственная помощь, опыт работы колхозов и совхозов левобережной Молдавии, большая организаторская и политическая работа партийных и советских организаций помогли труженикам правобережья за короткий срок перестроить свое хозяйство.

Победа социалистических производственных отношений в молдавской деревне дала огромный толчок развитию многоотраслевого хозяйства. Создались реальные возможности применения новейшей техники в обработке земли, уходе за посевами и уборке урожая. В настоящее время в совхозах и колхозах республики полностью механизированы пахота и сев зерновых культур, а также уборка зерновых и сахарной свеклы. Широко внедряется механизация работ в садоводстве, виноградарстве и животноводстве. Все это позволило резко повысить культуру сельскохозяйственных работ, освободить для промышленности большое количество рабочих рук, облегчить труд крестьян, объединенных в колхозы, и рабочих совхозов. Большое место в сельской экономике республики занимают и технические культуры — сахарная свекла, табак, эфиромасличные.

Резко изменились масштабы и структура молдавского овощеводства. Оно ведется во всех колхозах и совхозах на основе искусственного орошения и поливного земледелия.

Созданы предусмотренные семилетним планом высокодоходные специализированные овощеводческие колхозы и совхозы, особенно в пригородных районах и в районах с развитой консервной промышленностью. Большое внимание уделяется орошению земель, являющемуся важным фактором в увеличении продуктивности хозяйства в маловодных районах. Важнейшая роль принадлежит Молдавии в выполнении задачи общесоюзного семилетнего плана по увеличению производ-

Шнуровка табака в колхозе «Вяца ноуэ»
Единецкого района. 1960 г.

ства и заготовки плодов, ягод и винограда. Все это было бы невозможно, если бы социалистическое сельское хозяйство республики не велось на строго научной основе. Для этого потребовалось создать сеть научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Теперь каждый колхоз и совхоз имеет квалифицированных агрономов, зоотехников, механизаторов, инженеров, ветеринарных врачей и других специалистов, внедряющих достижения науки в социалистическое сельское хозяйство.

За годы Советской власти общественное животноводство Молдавии достигло значительного развития. Проведена большая работа по улучшению породности скота. В 1962 г. валовая продукция молдавского животноводства по сравнению с 1953 г. составляла 206%.

Ушли в прошлое старые традиционные приемы ведения скотоводческого хозяйства, их место заняла система научного животноводства. В колхозах и совхозах созданы молочно-товарные фермы, не имеющие ничего общего с прежними стынами и тырлами. Для скота построены теплые зимние и летние помещения, почти все фермы оборудованы автопоилками, организован зеленый конвейер, обеспечивающий непрерывное снабжение скота зимними кормами. На многих фермах внедрена электродойка, а вскоре она будет применяться на всех фермах Молдавии. Вместо старых полутемных коlieb для обслуживающего персонала построены хорошие общежития с радиоприемниками и телевизорами. Ежегодно колхозные специалисты проводят занятия с работающими на ферме для повышения их квалификации. Перед колхозами и совхозами Молдавской республики стоит задача создания прочной кормовой базы для скота за счет расширения посевов кукурузы, зернобобовых и других культур.

В настоящее время в колхозах и совхозах республики имеется около 238 тыс. га виноградников. Однако еще и в наши дни здесь преобладают гибридные сорта. Но теперь ведется большая работа по замене гибридов европейскими сортами, такими, как «алепно», «мускат гамбургский» и др. Обработка винограда производится машинами на специальных пунктах. Виноградарство является прочной сырьевой базой для винодельческой промышленности республики. На долю Молдавии приходится $\frac{1}{3}$ валового сбора винограда в СССР.

Теперь в колхозах и совхозах республики под садами занято около 182 тыс. га. Проводится большая работа по замене старых малопродуктивных сортов новыми, создаются крупные промышленные массивы высоко-сортных насаждений, осваиваются целинные земли на склонах холмов. Особенно сильно развито садоводство в северных, центральных и юго-восточных районах республики. Наибольшей известностью пользуются приднестровские сады Тираспольского и Дубоссарского районов.

Земельные угодья республики распределены следующим образом: в колхозном пользовании — 87% полезной земельной площади, у совхозов — 4,5%, под приусадебными участками колхозников — 5,8% и небольшая часть земельной площади находится в пользовании рабочих и служащих. Таким образом, ведущей силой в молдавском сельском хозяйстве являются колхозы. К 1 января 1964 г. в Молдавии было 507 сельскохозяйственных артелей и 64 совхоза.

Колхозы и совхозы республики представляют собой крупные и высокодоходные хозяйства. Вместо примитивных орудий обработки земли, которые еще совсем недавно занимали господствующее положение в сельскохозяйственной технике края, теперь машинный парк колхозов и совхозов насчитывает 30 тыс. тракторов, 8360 различных комбайнов и около 100 тыс. других сложных сельскохозяйственных машин, полученных из Российской Федерации, Украинской, Белорусской и других братских республик. Валовая продукция сельского хозяйства Молдавии за период с 1953 по 1963 г. выросла в 2,1 раза, а основные фонды колхозов увеличились в семь раз.

Сбор винограда в колхозе им. Кирова Резинского района. 1957 г.

Молдавия является районом крупного товарного плодоводства и виноградарства. По плотности виноградных насаждений на тысячу жителей Молдавская ССР занимает одно из первых мест в мире.

В 1958 г. за успехи, достигнутые в области сельского хозяйства, Советская Молдавия была удостоена высшей правительственной награды — ордена Ленина, тысячи ее тружеников награждены орденами и медалями Советского Союза, из них 47 человек удостоены звания Героев Социалистического Труда.

XXII съезд КПСС выдвинул перед трудящимися нашей страны грандиозные задачи в области сельского хозяйства. В соответствии с этими задачами молдавские садоводы и виноградари настойчиво трудятся, чтобы превратить Молдавию в цветущий сад Советского Союза.

Охота и рыболовство

Охота как подсобный промысел была довольно широко развита в средневековой Молдавии. В топонимике этой территории до наших дней сохранились названия отдельных мест или сел, происходящие от наименования диких животных, когда-то обитавших здесь: *Валя Боурулуй* (Долина тура), *Валя Зимбрулуй* (Долина зубра), *Зубреиты*, *Зимбрены* и т. д. В лесистых районах Молдавии водились дикие кабаны, косули, дикие кошки, барсуки, зубры, олени. В степных районах края охотились на дроф, хорьков, диких лошадей (торпан), диких коз (сайга), куропаток, перепелов. В реках и водоемах встречались выдры, норки, дикие утки и гуси, а в плавнях Прута и Днестра — лебеди. Кроме того, охотились на волков, лисиц и зайцев, которые и теперь встречаются повсеместно.

В прошлом основные охотничьи и рыболовные угодья находились в руках светских и духовных феодалов и крестьянам было запрещено охотиться. Феодалы использовали продукты охоты и рыболовства для продажи. Пушнина высоко ценилась не только на внутреннем рынке, но и далеко за пределами Молдавии; она была и одной из составных частей подати турецкому султану, ему же ежегодно молдавские господа посылали в качестве подарка дорогие меха соболя и рыси.

В XVII—XVIII вв. в Молдавии получила распространение групповая охота с большим числом загонщиков. Для привлечения охотников господа выдавали за убитую дичь денежные вознаграждения. Так, за убитого зайца платили 25 аспр, за лису — 60 аспр, за дикого кабана — 1 талер. Групповая охота приносила господам большую прибыль, так как шкуры животных они продавали, а мясо использовали для продовольственных нужд войска. Вместе с тем феодальная охота тяжелым бременем ложилась на крестьян, которых нередко силой заставляли быть загонщиками в любое время года. Принудительный характер охота сохраняла и в период капитализма, когда помещики также сгоняли на охоту целые села.

Орудия и способы охоты зависели от места обитания и вида дичи. Диких кабанов промыслили в лесах, используя замаскированные ямы-ловушки, дно которых было утыкано кольями (*цэрушь*). Широко была распространена охота при помощи копья и стрел, наконечники которых в значительных количествах встречаются при раскопках средневековых памятников. Группами охотились на волков, зайцев, лисиц, косуль. При засаде на волков часто применяли живую приманку (поросенка в клетке) или имитировали волчий вой. На лисьих и волчьих тропах устанавливали самострелы. При охоте на зверей употребляли различные капканы, а на птиц — петли из проволоки или прутьев. Птиц ловили также на рыболовные крючки с приманкой. Хищнические способы охоты привели к истреблению многих видов животных (зубров, туров, оленей).

За годы Советской власти была проделана большая работа по возрождению фауны Молдавии и обогащению ее новыми видами. Так, акклиматизированная ондатра дает теперь 17% валовой стоимости всей заготавливаемой пушнины. Акклиматизированы также енотовидные собаки, благородные и пятнистые олени, ланп, фазаны.

Охота в Молдавии имеет не только промысловое значение. Она является одним из видов отдыха и спорта, доступным в определенные сезоны широким массам трудящихся.

Не менее древним промыслом является и рыболовство. Для населения прибрежных сел рыба составляла существенную часть питания.

Из орудий лова были распространены самоловно-крючковые снасти (кидалки, переметы, припоны), сетевые снасти (сеть, мережа, невод, волок), мешковидные приспособления из сети, плетеной из лозы или камыша (верши, котцы), а также остроги.

Зимой на озерах и в заливных поймах рек практиковался подледный лов рыбы неводом. В прорубях рыбу били острогой (*остие*) и специальным железным крючком с деревянной ручкой (*кырлице*), а также ловили при помощи четырехугольной сети (*фатка*), натянутой на два скрещивающихся прута и имеющей длинную деревянную рукоятку. Зимой на Днестре делали проруби (*котцэ*).

Для загона рыбы в сеть по камышу били специальным шестом (*бовт*), на котором был укреплен полый цилиндр. Рыбу ловили и черпаками (*минчо*). В качестве вспомогательных орудий использовались специальные железные крючки (*скайцэ*); ими рыбаки снимали с переметов и припонов пойманную рыбу, оставляя основные орудия лова на месте.

Транспортным средством у рыбаков, особенно на Днестре, служили в прошлом лодки-долбленки, но они уже давно вышли из употребления. Их заменили одноместные плоскодонные тупоносые лодки *шайкэ* и двух- и трехместные остроносые лодки *баркэ*, которые частично используются и теперь.

Промышленное значение рыболовство имело на юге — в дельте Дуная и Днестровском лимане, который по новому районированию входит теперь в состав Украины. Но и здесь, как и в других районах Молдавии, рыболовецкое население занималось одновременно и сельским хозяйством.

В северных и центральных прибрежных районах рыболовство имело местное значение, здесь рыбачили в одиночку или объединялись в группу небольшое число односельчан.

В настоящее время колхозы проводят большую работу по устройству новых водоемов и увеличению продуктивности рыбного промысла. Создано около 3 тыс. колхозных прудов, где разводятся новые для этих мест виды рыб: карп, судак, лещ. В припрутских плавнях работают специальные рыболовецкие артели, в других прибрежных районах Молдавии в колхозах имеются бригады рыбаков.

Домашнее
производство
и ремесла

Домашние производства, удовлетворявшие основные потребности населения, в Молдавии были довольно широко развиты. В прошлом почти каждая крестьянская семья своими силами строила дом, изготов-

ляла примитивные орудия обработки земли, занималась ткачеством, дубила овчины, делала деревянную мебель, утварь и керамическую посуду. Постепенно выделились отдельные крестьяне, занимавшиеся определенными ремеслами, а впоследствии и целые села ремесленников. Документы XV в. рисуют нам картину весьма развитого ремесла в Молдавии.

В период феодализма крестьяне, помимо подати продуктами сельского хозяйства, должны были отдавать феодалу и определенные предметы ремесленного производства: железные и деревянные изделия, горшки, ткани, кожи и др.

Развивалось ремесло и в городах, многие из которых стали ремесленными центрами. Происходила дальнейшая специализация ремесленного производства, создавались организации ремесленников. Их мастерские занимали целые городские кварталы и улицы, откуда последние часто получали свое название, как, например: Кузнечная, Сапожная, Улица бражников (пивоваров).

На севере Молдавии были развиты главным образом ремесла, связанные с земледелием (например, ткачество), на юге — ремесла, связанные с обработкой и изготовлением изделий из кож и костей животных.

По мере развития капитализма ремесленная продукция вытеснялась товарами фабричного производства; некоторые отрасли ремесла стали постепенно исчезать, например гончарство, ювелирное дело, изготовление холстов, обработка шерсти на сукновальне, сучение веревок и др.

Ткачеством занимались в каждой крестьянской семье. В прошлом, особенно в ковроткачестве, был распространен вертикальный ткацкий станок, вытесненный впоследствии горизонтальным. Пряжу изготавливали из конопли, льна и шерсти. С середины XIX в. началось широкое применение хлопчатобумажной пряжи. В наши дни с распространением на селе фабричных тканей и готовой одежды домашнее ткачество утратило прежнее значение в быту. В настоящее время домашним способом чаще всего ткнут вещи декоративного назначения — ковры, дорожки и т. д. Но и в таком виде домашнее ткачество имеет тенденцию к исчезновению, так как домотканые декоративные ткани все более вытесняются фабричными изделиями. Однако народные традиции в этой области не исчезают, а находят продолжение в творчестве профессиональных художников.

Широкое развитие в прошлом имело производство керамики. Изготавливались различные виды глиняной посуды, характерные для молдаван: горшки для приготовления пищи, кувшины с широким горлом для хранения и переноски воды, молока и вина, кувшины с высоким и узким горлышком, в которых носили воду на полевые работы, миски, тарелки, макитры, кружки, сосуды для хранения запасов и др. В технике изготовления и, особенно, орнаменте некоторых видов посуды (например горшков) можно проследить сохранение дако-романской и славянской традиций. Помимо хозяйственных предметов, изготавливали и декоративные сосуды в виде птиц и баранчиков, покрывая их

«Улчор» — кувшин. С. Чинишауцы
Резинского района

цветной глазурью. Некоторые виды посуды имели обрядовое назначение. Например, представляет интерес *плоска*, из которой угощали вином, приглашая гостей на свадьбу.

Глиняная посуда почти вытеснена теперь из обихода алюминиевой, пластмассовой и эмалированной фабричного изготовления. Но кое-где она все же еще производится, как и глиняные игрушки, сельскими гончарами. Декоративная же керамика в настоящее время изготавливается предприятиями местной промышленности.

Кроме керамической посуды, было известно получившее в наши дни особенное развитие производство кирпича, изразцов и черепицы.

Древним ремеслом у молдаван является обработка дерева. О его широком развитии в древности свидетельствуют изображения орнаментированных заборов и ворот на барельефах Траяновой колонны (II в. н. э.). Это подтверждается также находками инструментов для обработки дерева и различных изделий при археологических раскопках. Мастерство резчиков по дереву

не потеряло своего значения и в наши дни. И теперь в интерьере и внешнем оформлении дома широко используют резьбу по дереву. От прошлого сохраняются некоторые виды деревянной утвари и предметы домашнего обихода, а также образцы прикладного искусства — шкатулки, статуэтки и т. д. В настоящее время колхозники — мастера по обработке дерева работают в колхозных мастерских преимущественно в качестве плотников и столяров, внося свой вклад в строительство и благоустройство сел.

Очень древним видом ремесла была обработка железа. Железные предметы, обнаруживаемые при археологических раскопках, свидетельствуют о высоком уровне этого мастерства еще в самые отдаленные эпохи. Мастерство обработки железа совершенствовалось и передавалось из поколения в поколение. В средневековом селе кузнечное дело достигло большого развития. Искусные кузнецы изготавливали даже некоторые музыкальные инструменты, например *дрымбэ* (древнеславянский варганчик) — небольшой аккомпанирующий инструмент, игрой на котором сопровождали плясовые песни и танцы — *жок*, *хора* и др. Мастерство кузнецов ценилось народом. О них слагали песни, считалось почетным быть в родстве с кузнецом.

Древним ремеслом является и обработка камня. Камень использовали как строительный материал и для изготовления простейших орудий (например жернова — *рышницэ*). Резьбой по камню украшали отдельные детали дома и хозяйственных строений (крыльцо, погреб, ворота), а также колодцы. Искусно пользовались резьбой по камню при сооружении надгробий. Теперь, когда ведется огромное строительство, резьба по камню широко применяется для украшения зданий, площадей, парков. Мастера-камнерезы обучаются в специальных строительных училищах.

Широкое распространение в Молдавии еще исстари получили такие домашние производства, как обработка кожи и изготовление меховой одежды. Мягкая кожаная обувь типа *опинч* давно известна у молдаван. Широко известна и кожаная одежда. Если сперва обработкой кожи и изготовлением из нее обуви и одежды занимался почти каждый крестьянин,

то уже с XV в. в документах встречаются наименования отдельных ремесел по обработке кожи. Этими ремеслами занимались сельские кожевники, были целые села, славившиеся своими мастерами по дублению кожи и изготовлению из нее одежды, обуви и предметов домашнего и хозяйственного назначения. Как и в других ремеслах, здесь происходила специализация, стали выделяться дубильщики, шубники, меховщики, шорники и др. Некоторые виды одежды и обуви из кожи (тулуп — *кожоук*, жилет — *бондица*, *опинчи*) были широко распространены. Отдельные их виды экспортировались.

Издавна известно молдаванам искусство плетения, которое широко использовалось в строительстве жилищ и изготовлении различных предметов обихода. Так, до освобождения Бессарабии большинство строений делали из жердей и плетня, которые затем обмазывали глиной и белили. Плели небольшие корзины из папоротника и лозы, большие корзины для овощей и фруктов, высокие корзины, обмазанные глиной, для хранения муки и бобовых, корзины для белья, оплетали стеклянные бутылки. Около дома сооружали плетневый амбар для хранения початков кукурузы (*сысыяк*, *кошар*). При перевозке древесного угля и рыбы дощатый ящик телеги заменяли высоким плетеным кузовом. Плетением во многих селах занимаются и теперь, используя для этого лозу, папоротник и гибкие ветви некоторых деревьев. Свой двор крестьянин обычно обносит плетнем, а в прошлом в поле обносилось плетнем и место для загона овец (*стынэ*). Из лозы и папоротника плетут корзины для ловли рыбы. Плетением занимаются мастера-колхозники, которые специализируются главным образом на изготовлении тары, необходимой для колхозного хозяйства.

✦ **Промышленность** Промышленность в старой Бессарабии была развита чрезвычайно слабо. Большинство предприятий имело полукустарный характер с широким применением ручного труда. Основное ядро промышленности составляли пищевые предприятия — мукомольные, винодельческие, спирто-водочные и др. Все остальные промышленные товары, вплоть до пуговиц, в Бессарабию ввозились.

На территории Молдавской АССР за советское время были построены крупные консервные заводы.

После второй мировой войны значительные успехи сельского хозяйства создали для господствующей и теперь пищевой промышленности Молдавии прочную сырьевую базу. По производству некоторых видов продукции (виноградного вина, табака, розового, шалфейного и подсолнечного масел) Молдавия занимает одно из первых мест в СССР.

Ведущей отраслью пищевой промышленности республики является виноделие. Наиболее крупные винодельческие заводы находятся в Кишиневе, Тирасполе, Бельцах, Котовске, Бульбоках и Григориополе. На втором месте стоит консервная промышленность с центром в Тирасполе. Здесь созданы два завода: им. Ткаченко и «1 Мая», оборудованные по последнему слову техники.

С 1960 г. сильно увеличился удельный вес мясной, маслосбойной, сахарной и кондитерской промышленности, тогда как в 1940 г. первое место по валовой продукции занимала мукомольная промышленность.

В послевоенные годы в Молдавии широко развивается и легкая промышленность, объединяющая крупные предприятия швейной, трикотажной, текстильной, галантерейной, кожевенно-обувной, шелко-ткацкой, меховой и других отраслей.

В последние годы здесь возникли и получили развитие совершенно новые предприятия: машиностроительные, электротехнические, приборостроительные, производства строительных материалов и др. Электродвигатели Тираспольского завода теперь знают не только в нашей стране, но и далеко за пределами Советского Союза. Валовая продукция молдавского машиностроения возросла за последнее десятилетие в 28 раз.

В цехе разлива Тираспольского
вино-коньячного завода

Для перевозки людей служила *кэруца* — телега с одинакового размера колесами, типа бестарки. В прошлом *кэруцы* часто не имели передних и задних стенок. В *кэруцу* впрягали одну — три лошади.

До присоединения к России в 1812 г. дорожная сеть Бессарабии была чрезвычайно слабо развита и кар с *кэруцей* были единственными видами транспорта. После 1812 г. в связи с расширением внутренней и внешней торговли начали строить новые дороги. Вначале был проложен путь от Кишинева до Одессы через Дубоссары, известный под названием Дубоссарского шляха. Другая большая дорога прошла с севера на юг, соединив г. Сороки с Кишиновом, через Оргеев. Железные дороги в Молдавии стали строить во второй половине XIX в. В это же время начали прокладывать и шоссе.

Однако только при Советской власти, когда началось социалистическое переустройство хозяйства Молдавии, дорожное строительство получило большое развитие. Одновременно стал широко использоваться автотранспорт. В настоящее время в Молдавии более 60% грузов перевозится на автомобилях. По сравнению с 1940 г. такие перевозки возросли в 40 раз, а пассажирские на автомобилях — в 121 раз. Ведется интенсивное строительство новых дорог и к концу семилетки в республике будет построено, кроме 300 км дорог республиканского значения, автомобильное шоссе Кишинев — Полтава общегосударственного значения. На железных дорогах паровая тяга будет полностью заменена тепловозной.

Следует также отметить большое развитие воздушного транспорта. Теперь все районные центры республики связаны с Кишиновом авиалиниями.

Несравнимо выросла энергетическая база республики. Здесь построена крупная Дубоссарская ГЭС. В 1961 г. в Молдавии выработано электроэнергии в 42 с лишним раза больше, чем в 1940 г. Это количество электроэнергии резко увеличилось в 1964 г., с пуском первой очереди Молдавской ГРЭС. По сравнению с 1913 г. производство электроэнергии в республике возросло в 1000 раз.

Молдавия стала одним из важных экономических районов страны по производству промышленной продукции.

Транспорт В прошлом собранный урожай и заготовленные корма перевозили на арбообразной повозке *кар* с деревянными колесами, из которых передние были значительно меньше задних. На повозке устанавливали трапециевидный, суживающийся книзу ящик из жердей. Его высота иногда доходила до 2 м. В кар при помощи деревянного ярма впрягали волов.

Молдавская телега «кэруца»

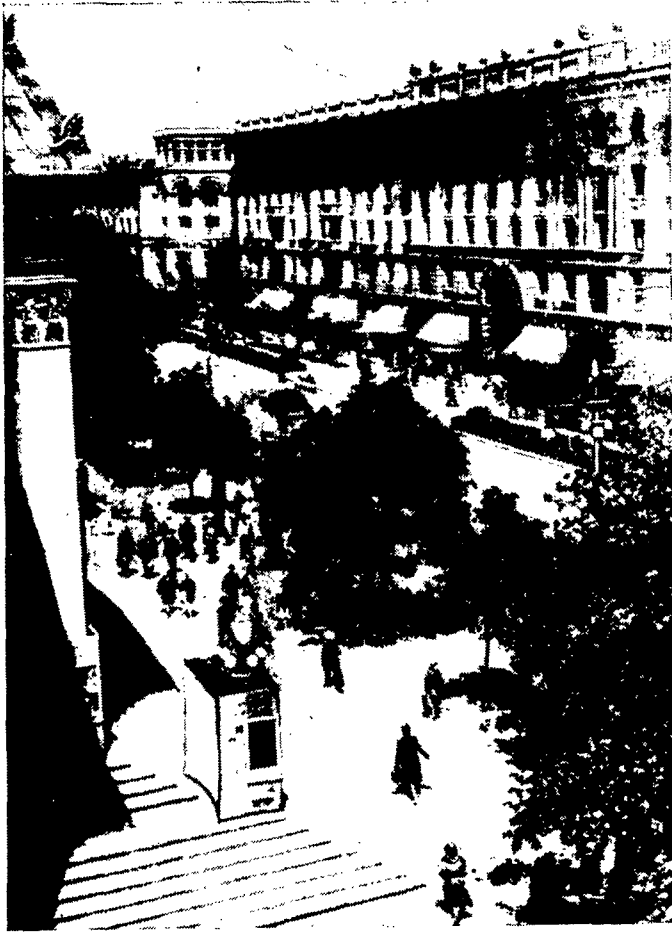
Судоходство в Молдавии имеет небольшое, только местное значение, так как Днестр доступен крупным судам лишь на незначительном протяжении.

На территории Прутско-Днестровского междуречья города появились в VII—VI вв. до н. э. в результате торгового общения народов Древней Греции с племенами Северного Причерноморья. Вначале это были центры транзитной торговли, которые затем стали крупными торгово-ремесленными пунктами. Такой была, например, греческая колония Тира (современный Белгород-Днестровский), расположенная в устье Днестра.

Городища на территории Молдавии имели и гето-фракийские племена, а позднее — славяне. Воскресенская летопись XIV в., составленная на основании более ранних источников, упоминает на этой территории такие города, как Белгород на Днестре, Черн и Хотин. Советский археолог Г. Б. Федоров отождествляет летописный Черн с городищем у с. Алчедар Резинского района. К концу XIII — началу XIV в. относятся открытые археологами золотоордынские города у Белгород-Днестровского, Новый город у с. Требужены нынешнего Оргеевского района и у с. Костешты Котовского района.

На рубеже XIV—XV вв. на месте золотоордынского Нового города возник молдавский г. Орхей. Его первый наместник упоминается в грамоте 1470 г. К этому же времени относится возникновение городов Ляпушны и Бендер, упоминавшихся в грамотах 1453 г., и г. Бельцы (1470 г.). В грамотах 1512 г. сообщается о г. Сороки. Первые упоминания о населенном пункте, на месте которого расположена современная столица республики — Кишинев, относятся ко второй половине XVI в. Кишинев упоминается в грамоте 1576 г., становление же его как города относится ко второй половине XVII в.

Большинство современных городов Молдавии — Резина, Рыбница, Калараш, Флорешты, Фалешты, Кагул — как поселения возникли в период между XV и XVII вв. Однако по своему облику и планировке эти города, за исключением Кишинева и Тирасполя, скорее напоминали большие поселки городского типа.

Город Кишинев. Проспект им. Ленина

Во время Великой Отечественной войны большинство городов Молдавии, в том числе и столица республики Кишинев, были почти полностью разрушены. Ныне на их месте возникли новые социалистические города регулярного плана с многоэтажными домами. Города Молдавии непрерывно растут. Как и все южные города, они поражают обилием зелени и особой нарядностью улиц. Этому впечатлению способствует и то, что жилые и общественные здания здесь окрашены преимущественно в светлые тона, которые в сочетании с зеленью деревьев и множеством цветов, посаженных на улицах, придают им праздничный облик.

В Молдавии имеется 18 городов и 22 поселка городского типа. Наиболее крупные города Молдавии—Кишинев (253,5 тыс. жителей), Бельцы (76,8 тыс. жителей), Тирасполь (78,5 тыс. жителей) и Бендеры (51,4 тыс. жителей).

Столица республики Кишинев является крупным промышленным и культурным центром. Помимо промышленных предприятий, здесь расположены Академия наук, университет, медицинский и сельскохозяйственный институты. В городе два театра — молдавский и русский, большое количество кинотеатров, несколько музеев. Среди последних следует отметить Молдавский республиканский музей и дом-квартиру А. С. Пушкина, которая свято охраняется.

В живописном уголке столицы на Комсомольском озере создан прекрасный Парк культуры — любимое место отдыха кишиневцев. В недалеком будущем Кишинев превратится в большой бальнеологический курорт, так

Пушкинская улица в Кишиневе

как в последние годы здесь обнаружены буркутные воды, содержащие сероводород.

Помимо своего экономического значения, Молдавская республика имеет большое будущее как всесоюзная здравница. Прекрасный климат, фрукты, живописные места, особенно по берегам Днестра, создают предпосылки для превращения этой территории в излюбленное место отдыха для трудящихся Советского Союза. В настоящее время здесь ведутся значительные работы по устройству культурных пляжей, очистке вод, строительству санаториев и домов отдыха.

У молдаван сложились четыре основных типа сельских поселений, тесно связанных как с географическими условиями, так и с формами хозяйства их обитателей. Для степных районов юга и севера Молдавии, где население занимается преимущественно земледелием и стойловым скотоводством, остается характерным кучевой тип поселений. Старые села, расположенные вдоль берега Днестра, имеют рядовую застройку (приречный тип).

В центральных холмистых районах Бессарабии и на левобережье Днестра, где основными занятиями населения являются полеводство, виноградарство и садоводство, селения расположены по склонам (тип поселений, сходный с поселениями на горном плато).

В прибрежных и степных районах Молдавии встречается улично-квартальный тип поселений. После присоединения Бессарабии к России в 1812 г. в степных районах юга Молдавии появились поселения, своеобразная планировка которых позволяет выделить их в особый подтип. В таких поселениях к старой части, построенной по кучевому плану, присоединялась новая с улично-квартальным планом.

Села, построенные по улично-квартальному плану, возникают в Молдавии и в наше время. Однако сходство здесь чисто формальное. Существенным отличием нового села от старого является его благоустроенность и совершенно иное оформление сельского центра. В качестве примера можно назвать с. Новые Галерканы Оргеевского района, которое возникло в 1953 г. на правом коренном берегу Днестра в связи со строительством Дубоссарской ГЭС.

Различные типы сель
1 — 1920-е годы; 2 — 1940-е годы;

СКИХ ЖИЛИЩ МОЛДАВАВ:
3 — 1950-е годы; 4 — 1960-е годы

Село Галерканы, насчитывавшее к 1953 г. 428 дворов, до строительства Дубоссарской ГЭС было расположено на второй надпойменной террасе Днестра и крутых склонах коренного берега. В связи со строительством ГЭС и подъемом днестровской воды часть села попала в зону затопления и 230 дворов были перенесены на коренной берег Днестра, где и возникло селение совершенно нового типа. Новые Галерканы построены по улично-квартальному плану. Все улицы прямые и широкие. Дома в новом селе стоят немного в глубине двора, перед ними разбиты цветники. В отличие от старого центра села, который занимала церковь, в Новых Галерканах центр представляет собой широкую площадь, по сторонам которой расположены здания сельсовета, правления колхоза, магазин, трехэтажная школа-семилетка, построенная по типовому проекту; тут же находится волейбольная площадка. В центре площади установлен каменный обелиск на могиле бойцов, павших во время Великой Отечественной войны в борьбе за освобождение села.

В селе есть детский сад, который работает летом, когда взрослое население занято на сельскохозяйственных работах.

Хозяйственные постройки и скотоводческие фермы колхоза образуют особый сектор, расположенный неподалеку от села. В 1957 г. в новом селе в основном силами колхоза было закончено строительство водопровода. В этом помогло колхозу и государство, отпустившее на строительство специальные средства.

Перестройка сел в наши дни характерна не только для Приднестровья. Огромное жилищное строительство, развернувшееся после коллективизации в результате роста народного благосостояния, привело к переустройству сел, расположенных и в других районах Молдавии. Многие села кучевого типа в наши дни перестроены по улично-квартальному плану.

В большинстве молдавских сел сооружено много зданий общественного назначения: школы, хорошо оборудованные больницы, поликлиники и т. д. Там, где нет больниц, работают фельдшерские пункты. В селах создана широкая сеть аптек. Почти каждое село имеет новые дома культуры, магазины, почту, чайную или буфет. Сельские улицы освещаются электрическими фонарями. Новое явление на селе — благоустроенные современные бани с душами и ваннами. До этого в большинстве молдавских сел население мылось дома. Новым является и строительство сельских пекарен, благодаря чему женщины освобождаются от трудоемкой работы по выпечке хлеба.

За период с 1946 по 1964 г. в селах Молдавской ССР построено 210 тыс. новых жилых домов.

Следует, однако, отметить, что, несмотря на коренные изменения облика молдавских сел, все же и теперь еще можно встретить реликтовые формы расселения в виде фамильных концов. Это свидетельствует о пережитках старых патримониальных связей жителей отдельных кварталов села.

В прошлом молдаване обычно строили дома из плетня, обмазанного глиной, но уже с конца XIX в. стали использовать более разнообразные строительные материалы. В низовьях Реута, в бассейне среднего и нижнего Днестра стены домов возводят из камня-известняка, которым богаты эти районы. В степных районах юга и севера Молдавии дома строят из необожженного кирпича. На левобережье Днестра в Тираспольском районе встречаются дома из саманных вальков (вальковая техника — *ку валькэ*). Такие дома часто не имеют фундамента. При сооружении домов из саманного кирпича и известняка обязательно строят каменный фундамент, заливая его жидким саманом. Для возведения крыши на стены кладут пять поперечных перекладин (*гриндэ*), а на них укрепляют стропила (*каприорь*). Поперечные перекладины выступают за стены дома так, что крыша образует навес, защищающий стены от дождя, а внутреннее поме-

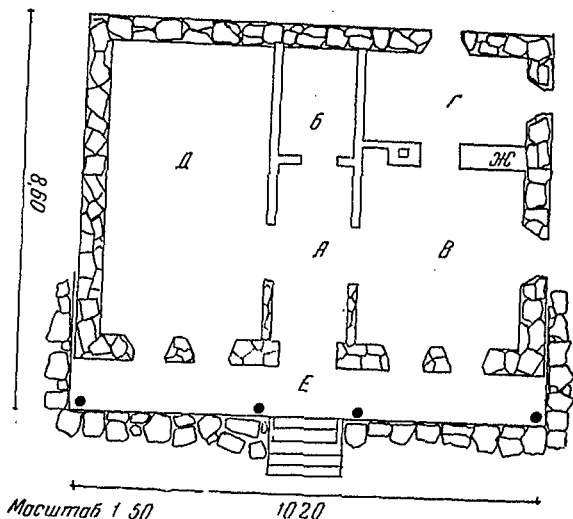
щение — от летнего зноя. Крыши обычно четырехскатные, но встречаются и двускатные. В настоящее время крыши чаще всего покрывают черепицей или шифером. В северных припрутских районах для них используется и оцинкованная жсть. Однако кое-где еще встречаются старые дома с камышовыми и соломенными крышами.

Для устройства потолка посередине дома параллельно его длинным стенам кладут матицу (*коарда*), которая раньше располагалась внутри помещения, служа своеобразным архитектурным украшением. Теперь матицу кладут на чердаке.

Раскопки Поянского селения на берегу Днестра, датируемого концом XVI — началом XVII в., показывают, что в это время наряду с однокамерными появились и двухраздельные дома (жилое помещение — сени). Двухраздельные жилища кое-где сохранились и до наших дней. Их можно изредка встретить в низовьях Реута, на обоих берегах Днестра и в припрутских районах. Изменилось лишь их назначение. Теперь они используются чаще всего в качестве хозяйственных помещений. В отличие от нового жилого дома — *каса* — эти помещения называются *касойя*.

Вторая половина XIX в. была, вероятно, тем рубежом, когда двухраздельные дома стали вытесняться трехраздельными: хата (*кэмарэ*), сени (*тинда*), горница (*каса маре*). Вначале трехраздельные дома строили только более зажиточные, а затем они стали основным типом жилища молдаван. Трехраздельный план настолько укоренился в постройках молдаван, что прослеживается даже в некоторых административных и школьных зданиях. Однако и в этой устойчивой традиции можно проследить некоторые изменения, особенно заметные за последние годы. Если для домов левобережья Днестра издавна было характерно выделение задней части сеней и устройство там кухни, то на территории Бессарабии это наблюдается только в последние годы. Здесь в выделенной части сеней устраивается кладовая, причем это помещение, как появившееся недавно, даже не имеет особого наименования, его так и называют *фундул тинзей* (глубь сеней). Любопытно, что в некоторых селах довольно часто можно встретить новые дома, в которых сени устроены не посередине, а сбоку. Таким образом, эти дома имеют анфиладную планировку (сени — хата — горница). В сенях прорублено широкое окно, и они служат своеобразной верандой, где летом семья по существу и живет. Иногда здесь устраивается кухня. В этом, видимо, сказалось влияние типовых проектов сельских жилищ; в последние годы в молдавских селах построено много домов по этим проектам. Кроме того, широкое распространение получила покупка так называемых финских домов, производство которых налажено в Молдавии. Стали появляться и многокомнатные дома.

Хлебная печь (*куптьор*) находится в кэмаре, справа или слева от входа и устьем повернута к длинной стене дома. Красный угол всегда расположен напротив входа, по диагонали от печи.

План молдавского дома.
Село Требузены Оргеевского района:

А — сени «тинда»; Б — кладовая «фундул тинзей»;
В — хата «кэмарэ»; Г — хлебная печь «куптьор»; Д — горница
«каса маре»; Е — завалинка «присба»

Из этого описания видно, что большинство молдавских жилищ планируется по устойчивому западновеликорусскому или белорусско-украинскому типу, который на этой территории отнюдь не случаен. Археологически у молдаван он прослеживается с XIV в., а у славян, живших до молдаван на этой территории, его можно проследить вплоть до X в.

Хлебная печь, как правило, соединена с теплой лежанкой и голландской (*соба*). Лежанка обогревается теплым воздухом из печи или собы, который вместе с дымом благодаря специальному устройству проходит через всю лежанку. Еще в 1940 г. встречались дома без дымохода; дым из печи проходил через отверстие в стене и попадал в сени, откуда через чердак выходил наружу. Теперь домов без дымохода уже нет.

Куптьор с собой и лежанкой занимают половину кэмары. В шестке печи часто устраивают плиту, на которой зимой готовят пищу. Устье молдавской хлебной печи расположено очень низко, так что работать около него приходится сильно согнувшись или сидя на полу. Каса маре, как правило, не отапливается. Изредка в ней ставится соба. И только в Новых Галерканах, где принято разделять каса маре на две части, собу обязательно ставят и в задней комнате.

В последнее время молдаване начали выносить топку печей в сени. Это наблюдается в Тираспольском районе на левобережье Днестра и заметно также на правом берегу (например, в с. Требужены Оргеевского района).

Кэмару теперь нередко разделяют на две комнаты. В этом случае ликвидировывают большую лежанку, хлебную печь обращают устьем к торцовой стене дома, собу отделяют от куптьора и ставят к нему перпендикулярно, так что она служит стеной. В отгороженной таким образом задней комнате устраивают кухню.

Существенные изменения наблюдаются и в освещении жилого дома. Глухие подслеповатые окошки, загороженные железными решетками, вытеснены теперь большими двух- или трехстворчатыми окнами. На смену керосиновой лампе пришло электрическое освещение. Резко увеличилась кубатура жилого дома.

Красочность интерьеру молдавского дома придают висящие на стенах домотканые ковры; хлопчатобумажными домоткаными коврами (*цол*) покрывают глухие лавки, стоящие вдоль стен кэмары. На севере Молдавии широко развита роспись печей и стен цветочным орнаментом.

С каждым годом все шире проникает в молдавские жилища фабричная мебель городского типа. Так, деревянную кровать-нары (*пате*) многие заменили никелированными кроватями, которые ставят в каса маре; вместо лавок появились хорошие стулья и диваны. Стены каса маре украшают вышитыми полотенцами. На окнах, заставленных цветами, висят занавески с кружевными ламбрекенами.

У молдаван издавна преобладает открытый двор, их хозяйственные постройки не связаны с домом. Подобный тип двора характерен для юго-запада СССР и примыкающих к нему территорий Балкано-Дунайского бассейна. Однако в современном строительстве эта традиция нарушается. В некоторых селах теперь приусадебные постройки чаще всего непосредственно примыкают к дому, образуя однорядную или г-образную связь. Встречаются и усадьбы, на которых хозяйственные помещения находятся под одной крышей с домом.

Среди надворных построек, как отмечалось выше, кое-где сохранились кэсоаяя, используемые как летнее жилище и кухня. В старых усадьбах во дворе стоят помещения для скота и птицы: хлев (*поятэ*), конюшня (*граждь*), курятник (*коштерязэ де гэинь*), а также специальные плетневые постройки — сысыяк и кошар (кош), в которых хранили кукурузу в початках. После коллективизации надобность в сысыяках отпала, так как колхозники на трудодни получают кукурузную муку. Не строят теперь и конюшен.

Каса маре. Село Требужены Оргеевского района

Для молдавского двора характерна летняя кухня — низенькая плитка (*котлон, катуна*) под открытым небом. На юге левобережья Днестра и в Заиканах Единецкого района иногда во дворе ставят котлоны вместе с хлебными печами.

Погреб (*бечь, башкэ, кихница*) чаще всего является отдельным строением. Реже его устраивают под какой-нибудь хозяйственной постройкой и совсем редко — под домом. Крыша погреба почти всегда сводчатая, засыпанная землей. Раньше погреб использовали преимущественно для хранения вина, теперь в нем хранят овощи и различные продукты. В селах, расположенных в низовьях Реута и на побережье Днестра, в большинстве погребов устроены хлебные печи и плиты. Многие жители в этих районах еще помнят то время, когда в погребах выпекали хлеб и приготавливали пищу. Эта традиция хотя и исчезающая, все же настолько характерна, что даже в Новых Галерканах было построено семь погребов с хлебными печами. Это дает основание связывать местные погреба с землянками и полуподземными жилищами древних молдаван. Возможно, при переходе к наземным жилищам землянки были приспособлены под погреб, а печи в них оставались как реликт. Впоследствии же при постройке погребов эта форма укрепилась как традиция.

Хозяйственный двор молдаван отделен от приусадебного участка легким плетневым забором. На участке разбиты сад и огород. В прошлом здесь же находился и ток (*харман*).

Традиционное молдавское жилище имеет много сходных черт с жилыми домами народов, живущих на обширной территории от Днестра до Дуная.

Одежда В одежде, как и в других элементах культуры, отразились особенности формирования молдавского народа — тесные и многообразные связи с соседями, особенно со славянами, земли которых окружали молдаван, как и румын, почти со всех сторон. Традиционный народный костюм в настоящее время сохранился лишь в отдельных селах и тоне полностью. Обязательной принадлежностью ^слак мужского, так и женского народного костюма была льняная или ^клопчатобумажная белая рубаха туникообразного покроя или на кокетке, ^х

с круглым вырезом ворота. Поясной одеждой у мужчин были узкие белые штаны, а у женщин паневобразная юбка с запахом сбоку.

К центральному полотнищу мужской туникообразной рубахи (*кэмешиэ*) пришивали прямоугольные боковые вставки. Рукав прямого покроя вшивался с ромбовидной ластовицей (*навэ*). Круглый вырез ворота был с завязками. Рубахи с невысоким стоячим воротником, встречающиеся теперь, видимо, более позднее явление.

В настоящее время домотканые туникообразные рубахи редко встречаются на территории республики, в основном только в северных районах. Они, как правило, украшены разноцветной вышивкой, чаще всего расположенной на груди в виде прямоугольника. Узор — растительный или геометрический. Иногда вышивкой украшают также плечи, манжеты и подол. Длина рубахи и ширина рукавов варьируют в различных местностях: в Бессарабии носили и длиннополые рубахи с широкими рукавами, как у горцев Трансильвании, и рубахи с узкими рукавами, характерные для равнинных жителей румынской Олтении. В XIX в. в Бессарабии еще носили *кэмешиэ ку фустэ* — туникообразного покроя короткие рубахи с юбкой, доходящей до колен и держащейся на шнурке или резинке, весьма сходные с албанскими фустанеллами.

Начиная с XIX в. широкое распространение получили рубахи на кетке (*кэмешиэ ку петкэ, ку платкэ*); их также украшали вышивкой.

Мужские штаны были нескольких типов: холщовые (*измене*), шерстяные (*ицарь*), зимние суконные (*берневичь*) или из овечьих шкур (*нэдражь, мешинь, чьоречь*).

На большей части территории Молдавии измене носили как белье, но местами у бедняков они служили будничной верхней одеждой, а в некоторых селах (на территории нынешнего Вулканештского района) даже и праздничной.

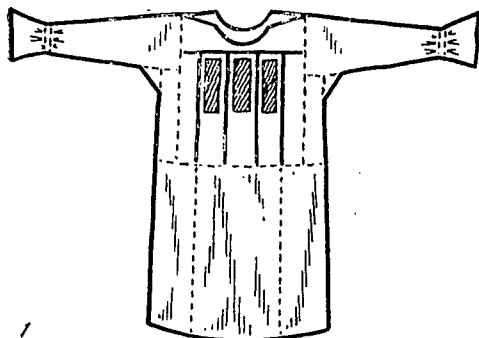
Более распространены были штаны ицарь из домотканой шерстяной ткани, узкие и очень длинные (иногда в полный человеческий рост). Их носили, собирая на ногах в сборки. Узкие ицарь — характерная одежда горцев; по-видимому, они были занесены в Молдавию пастухами из горных районов Карпат. Такой тип штанов носили также в горных районах сербы, болгары, чехи, венгры. В зимнее время надевали широкие штаны берневичь из толстого коричневого или серого сукна, либо чьоречь или мешинь, из овчины мехом внутрь.

Наряду с молдавскими видами одежды в XIX в. бытовали и украинские. Так, богатые крестьяне носили синие или коричневые шаровары, вправляя их в сапоги.

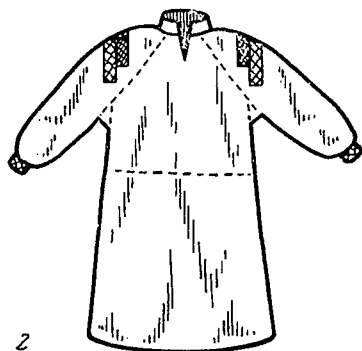
Неотъемлемой частью традиционного молдавского костюма является тканый шерстяной пояс *брыу* красного, зеленого или синего цвета. Пояса эти имеют не только утилитарный, но и декоративный характер. Ими обертывают талию несколько раз, так как их длина доходит до 3 м. Богатые крестьяне поверх шерстяного пояса надевали узкий кожаный с медными бляшками (*куря*). Бедняки подпоясывались веревкой из суровья или даже соломенной перевязью.

Пастухи-овцеводы носили широкие (до 30 см) кожаные пояса (*кимир*), также украшенные медными бляшками; с внутренней стороны пояс имел карман для денег, снаружи к нему подвешивали трубку, нож и другие предметы.

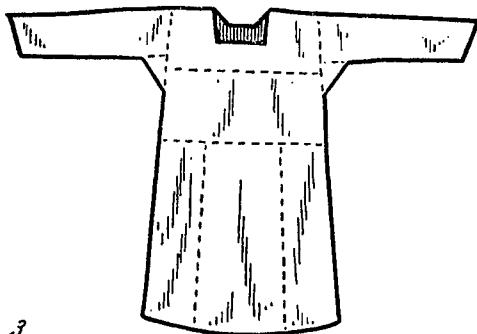
Молдавскому мужскому костюму присущи различные виды наплечной одежды, надеваемой поверх рубахи: в теплое время — жилеты из домотканины, в зимнее — овчинные безрукавки. Жилеты (*жулеткэ, жубе, вестэ, илик*) шили из плотной шерстяной ткани темного цвета или вязали из шерстяной пряжи. Меховые безрукавки (*бондэ, бондицэ, пьептар*) длиной иногда доходили до бедер, их украшали кожаной разноцветной аппликацией или вышивкой. Женские и мужские безрукавки

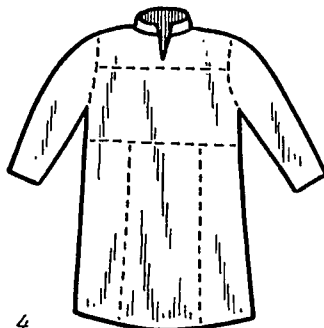
1

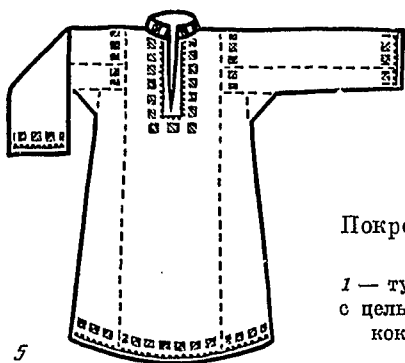
2

3

4

5

Покрой молдавских рубах. Конец XIX — начало XX в.:

1 — туникообразная женская рубаха; 2 — рубаха с цельнокроеными рукавами; 3, 4 — рубахи на кокетке; 5 — праздничная мужская рубаха

были одинакового покроя — распашные или с застежками. Был и другой вариант безрукавки — с короткими полами, не находящими одна на другую. Женские безрукавки — пьептар и бондице отличались от мужских более богатой вышивкой.

Следует отметить, что меховые безрукавки широко бытуют у народов Юго-Восточной Европы — румын, гуцулов, словаков, венгров, македонцев, албанцев, болгар, сербов, а также у поляков.

Меньшее распространение у молдаван имели куртки с рукавами — *антерис*. К концу XIX в. они вышли из употребления.

В холодное время верхней одеждой издавна служил *суман* халатообразного покроя из домотканого сукна. Ткань для сумана (носившую то же название) не красили, она сохраняла свой естественный коричневый или темно-серый цвет. Суманы старого типа имели круглый вырез ворота, полы их запахивали одна на другую и подпоясывали сверху поясом из той же ткани. Позже появились суманы с отложным воротником и застежками. В ненастную погоду надевали суман с капюшоном треугольной или квадратной формы (*глузэ*).

В XIX в. древнее славянское название верхней крестьянской одежды (*суман*) заменилось термином *манта* романского происхождения. Суман с капюшоном называли *манта ку глузэ*.

Более дорогой одеждой был кожок. Его шили из овчины мехом внутрь. Богатые крестьяне покрывали кожок сукном; крытый кожок назывался *контэш* (видимо, от польского «кунтуш»). С конца XIX — начала XX в. кожок стали шить с отложным или высоким стоячим воротником.

Молдавские кожоки в отличие от украинских кожухов кроились не в талию, а свободными, с прямой спиной.

Одежда пастухов отличалась от одежды земледельцев. Если последние носили измене или широкие штаны украинского типа, то пастухи, как правило, были одеты в узкие ицарь. Характерными деталями пастушеского костюма были широкий кожаный пояс и меховая накидка *губэ*, или *буркэ*.

Мужским украшением служила серьга, которую носили в одном ухе.

В головных уборах разнообразия не наблюдалось; зимой носили теплую островерхую барашковую шапку *кушмэ*, летом — соломенную шляпу *пэлэриэ*. Молдавские шапки не очень высокие, их носили, заламывая назад и несколько в сторону. Форма такого головного убора очень древняя — подобные шапки носили скифы, славяне, фракийцы. Праздничные войлочные шляпы юноши украшали лентой, павлиньим пером, цветами. Летние шляпы плели из соломы. В начале XX в. в селах южной части Поднепровья вошли в моду русские картузы фабричного производства.

Традиционной для молдаван была самодельная кожаная обувь опинчъ, по форме напоминающая болгарские «опанки», а также «постолы». Опинчъ шили из сыромятной свиной или коровьей кожи. Бедняки плели опинчъ из камыша, иногда сшивали из полос резины.

Зимой опинчъ носили с шерстяными носками (*колцунь*), в которые заправляли штаны и затягивали их оборами (*обеле*). Сверху обеле придерживались завязками из конского волоса (*вэнэрь*).

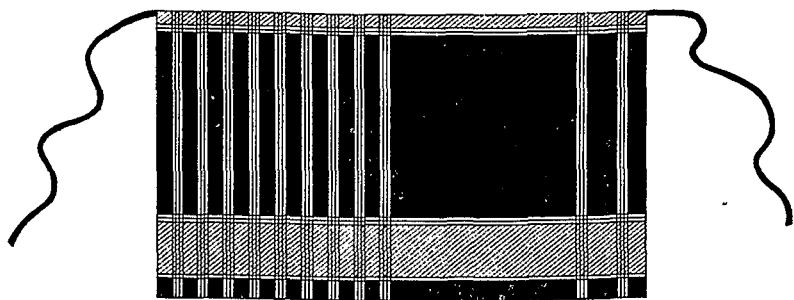
Опинчъ служили обувью во все времена года. Летом большей частью ходили босиком. Старики носили вязаные или валяные шерстяные туфли, иногда их подшивали сыромятной кожей.

В начале XX в. с распространением среди имущих зажиточных слоев деревни фабричной и кустарной обуви самодельные опинчъ продолжали носить только бедняки. Это породило насмешливое прозвище, с которым обращались к беднякам, — *опинжар* (ср. русск. лапотник). Богатые крестьяне носили сапоги. В Молдавии были распространены сапоги с высокими голенищами, называвшиеся *чоботе*. В деревне в начале XX в. сапоги считались дорогой обувью, их надевали только в праздничные дни. Фабричную обувь, бывшую редкостью, берегли, иногда даже вывешивали в хате на стене как гордость дома. В наши дни обувь фабричного производства полностью вытеснила самодельную.

Женский костюм был более разнообразным. Почти каждый уезд имел свои особенности в одежде и даже в ее наименовании. Женские рубахи по покрою разделялись в основном на три типа: с собранным у шеи воротом (карпатского типа), туникообразная, на кокетке.

Наибольшую известность имела рубаха карпатского типа, называемая *кэмешэ националэ* (национальная рубаха). Она состоит из нескольких полотнищ, которые вместе с верхней частью рукавов собраны на шнурке вокруг ворота. Рукав и плечо скроены из одного куска полотна. Рубахи такого типа больше, чем любые другие, украшали вышивкой, располагая орнамент вертикальными полосами на груди и рукавах. Иногда вышивка сочеталась с тканым узором.

По технике выполнения вышивку можно разделить на две основные группы: так называемые счетные вышивки (*пе фир* — вышивка крестом) и вышивки, свободно накладывающиеся на материал (*кустурэ нетедэ* — гладь, *ын скэритурэ* — выпуклая гладь, *коаста акулуй* — стебельчатый

Несшитая юбка «катринца». Единецкий район

шов). Счетной вышивкой чаще всего выполняли различные геометрические мотивы, а вышивкой второго типа — растительные. Более древней является счетная вышивка с геометрическим мотивом.

К концу XIX в. в орнаментации рубах все шире начали использоваться растительные мотивы, часты были изображения листьев винограда, роз и других цветов.

Помимо вертикальных орнаментальных полос, рубахи карпатского типа имели на плече характерное орнаментальное поле в виде квадрата или прямоугольника. Такое украшение называлось *алтица*, а рубаха с таким орнаментом — *кэмешэ ку алтица*.

Туникообразные рубахи в большинстве случаев шили из льняной, посконной или хлопчатобумажной ткани. Но для праздничных рубах использовали и ткань из шелка-сырца (*боранжик*). Вырез ворота в туникообразной рубахе мог быть круглый или квадратный. Иногда ее шили с невысоким стоячим или отложным воротником. Рукав — широкий, суживающийся к кисти, с веерообразным манжетом — вшивался с вставкой ромбовидной ластовицы. Рубахи такого покроя украшались вышивкой на груди, рукавах и по вороту.

Третий тип рубах — на кокетке — получил особое распространение со второй половины XIX в.

Рубахи всех трех типов состояли из двух частей — верхней и нижней. Верхнюю открытую часть (*стан, чунаг*) всегда шили из лучшего материала и украшали вышивкой. Нижняя часть (*поале*) скрывалась юбкой, поэтому ее шили из более дешевой и грубой ткани. Лишь в том случае, когда в качестве поясной одежды надевали так называемую *фоая* — юбку, состоящую из двух полотнищ, переднего и заднего, не сшитых по бокам, носили рубаху, сшитую целиком из хорошего материала, украшенную вышивкой не только в верхней, но и в нижней части.

Носили и белые вышитые кофты (*кэмешэ, или ие*), заправляемые в юбку. В конце XIX — начале XX в. в Бессарабии появились и другие типы полотняных кофт, с резинкой на талии или с поясом.

Поверх рубахи в будничные дни молдаванки надевали кофты, жакеты, блузы, жилеты. Их покрой и наименования были чрезвычайно разнообразны и варьировали по областям.

В холодное время женщины носили длинные шерстяные безрукавки, подбитые мехом (*минтянаш*) или короткие полупальто (*скуртейкэ, сукмэнел*). Зимой дома чаще всего в качестве нагрудной одежды носили овчинные безрукавки.

Характерной частью женского костюма была несшитая юбка (*катринца*), надеваемая поверх рубахи. Ее шили из темной шерстяной ткани с вертикальными или горизонтальными цветными полосками. К верхней части юбки пришивали неширокий пояс — *бэерь*. Катринца обертывали вокруг бедер так, чтобы одна пола находила на другую, причем обычно конец

одной полы (левой или правой) затыкали за пояс, но во многих селах носили катринцэ и с обеими опущенными полами. Богатые крестьянки украшали катринцэ стеклярусом, вышивали золотыми и серебряными нитями.

Другим типом старинной поясной одежды в Молдавии была *фоае* — два прямоугольных куска шерстяной ткани, надеваемые спереди и сзади. Любопытно отметить, что этот тип одежды широко распространен в Румынии (северной Ольтении, почти во всей Трансильвании и незначительно в Мунтении), известен он и у украинцев («запаска»), и у болгар («престилка»).

В конце XIX в. появился обычай надевать поверх катринцэ или любой другой юбки полотняный передник *пестелжэ* с завязками на поясе.

В XIX в. наряду с несшитыми бытовали и сшитые юбки (*фустэ*). Их обычно шили из нескольких полотнищ или из двух полотнищ с клиньями. На подол такой юбки часто нашивали цветные ленты.

Во второй половине XIX в. в деревне появились платя городского типа (*рокие*), но их носили лишь крестьянки, жившие вблизи городов, вообще же городские платя в молдавском селе начали широко распространяться лишь с начала XX в. и особенно после установления Советской власти.

В некоторых районах (Вулканештском на юге и Резинском в центральной Молдавии) молдаванки носили и сарафаны. В Резинском районе они назывались *шарафан*, в Вулканештском — *фустэ ку жюбля*, но покрой их был одинаковый. Верхняя часть кроилась в талию, а юбка была расклешенна, ворот круглый с разрезом посередине груди. Их шили из плотной черной шерстяной ткани. В целом этот сарафан очень близок к болгарскому сукману, и, возможно, именно оттуда был занесен в Бессарабию через переселенцев болгар, а также гагаузов, в одежде которых он тоже встречается.

Верхняя зимняя женская одежда мало отличалась по покрою от мужской. Женщины носили такой же суман, но более короткий. Широко был известен овчинный полущубок (*кожочел*), реже надевали овчинный тулуп.

Разновидностью сумана были женские шубы с круглым вырезом ворота, подбитые мехом (*зэбон*, или *бурнуз*).

Головные уборы молдаванки носили полотенеобразного типа — в праздники *нэфрамэ* и в будни *кырпэ*. Кырпэ несколько напоминала русскую рогатую кпку. Ее основу составлял деревянный обод (*коарне* — рога), поверх которого покрывали платок, а затем наматывали полотенеобразный убор с концами, спускающимися под подбородок или на плечи. Праздничный головной убор — *мэрамэ*, или *нэфрамэ* (длинное полотенце) — ткали из тонкой хлопчатобумажной, льняной или шелковой пряжи. Его обертывали вокруг головы, спуская концы по плечам за спину.

По форме и способу ношения *нэфрамэ* аналогична древнерусским головным уборам *убрусу* и *наметке*.

Со второй половины XIX в. полотенечатые головные уборы постепенно исчезли из обихода и заменились платком. Существовало несколько способов повязывания платка, носивших и разные названия: *ин пэлэрие* — когда платок покрывал только верхнюю часть головы; *дупэ кап* — когда узел завязывали на затылке; *суб барбэ* — когда концы завязывали под подбородком.

Летом носили платки преимущественно белые и светлых оттенков. Зимние шерстяные платки были темного цвета. Пожилые женщины в любое время года носили темные платки.

Девушки в прошлом ходили с непокрытой головой, но со второй половины XIX в. этот обычай начал исчезать. Они стали носить платки,

украшенные вышивкой и кружевами. Иногда с ношением платка связывали определенные обычаи. Так, в приднестровских селах Тираспольского района девушки на выданье, помимо платка на голове, носили на поясе треугольный платок углом вниз.

Обязательной принадлежностью женского костюма были украшения — ожерелья, серьги, кольца, перстни, браслеты. В одних районах носили ожерелья, состоявшие из одного — трех рядов бус, в других же (например в Рыбницком) девушки надевали ожерелье в 15—18 рядов и, кроме того, ряд нанизанных на нитку монет.

Некоторые украшения связывались с определенными обычаями. Так, в Резинском районе девушка на выданье нашивала на подол три бархатные ленты в отличие от девушек-подростков, у которых было по одной-две ленты.

Женской обувью издавна служили такие же опинчъ, какие носили и мужчины. В холодное время, кроме опинчъ, носили сапоги, мужские ботинки. Пожилые женщины ходили в вязаных туфлях или спитых из войлока.

В середине XIX в., когда в деревню проникла фабричная обувь, особенно модными стали женские ботинки на высоком каблуке с высокими голенищами (*пасапожъ*).

Обрядовая одежда не отличалась от праздничной, за исключением некоторых добавлений. Невесте надевали на голову фату, участникам свадьбы перевязывали полотенце через плечо, а посаженным отцу и матери прикрепляли на грудь, плечи, спину цветные вышитые салфетки (*нафррамице*). Смертной одеждой служила та же свадебная, если она сохранилась, либо шили новую по типу праздничной.

Со второй половины XIX в., когда в Молдавии начали быстрыми темпами развиваться капиталистические отношения, проникавшие в деревню фабричные изделия стали вытеснять дмотканые. Появились переходные типы одежды, сочетавшие традиционные формы с элементами городского костюма. Одежда городского типа получала все большее распространение, но окончательно традиционный костюм не был вытеснен.

В период капитализма в одежде более ясно стала проявляться социальная дифференциация крестьянства. Костюм богатых крестьян отличался добротными тканями, богатыми украшениями. В мужской и женский костюм сельских богачей шире проникала покупная одежда городского покроя, тогда как в одежде бедных слоев дольше сохранялись традиционные черты.

Иметь несколько смен одежды в зависимости от времени года могли только зажиточные крестьяне. У беднейшего крестьянства и батраков одежда нередко была заношена до такой степени, что представляла собой рубище.

В наше время сельское население носит в основном одежду городского покроя.

В мужском костюме на смену рубахе с круглым вырезом ворота, которую носили на выпуск, пришла рубаха с отложным воротником. В праздничные дни молодежь носит рубахи с галстуком. Обычный мужской костюм состоит из покупных пиджака и брюк. Зимой к этому добавляется ватник или пальто.

Женский костюм состоит из юбки с кофтой или платья. Новым в женской одежде является ношение белья.

Обувь покупают в магазинах. Самодельные опинчъ теперь можно найти только в сундуках у стариков.

В рабочее время колхозники, занятые в некоторых отраслях сельского производства, носят спецодежду, выдаваемую колхозом бесплатно, например белые и серые халаты надевают работники молочных

В домах колхозников появились холодильники. Колхоз им. Ленина Тираспольского района. 1959 г.

В пище молдаван наблюдаются определенные национальные особенности, обусловленные в значительной степени их хозяйством. Молдавская народная кухня создала ряд своеобразных национальных блюд: голубцы в виноградных листьях, овощные борщи, заправленные ржаным квасом, тушеное мясо с овощами, протертая фасоль с толченым чесноком, соус из фасоли, слоеные пироги с брынзой, фруктовой начинкой или толчеными орехами — *виртута*, или *ыньвиртита* и др. В качестве напитков употребляются самодельные и покупные виноградные вина. Прежде делали сливовую или яблочную водку (*цуйка*).

В прошлом в питании крестьян большой удельный вес занимали продукты из кукурузы, овечий сыр (брынза), кушанья из бобовых и овощей, а также фрукты и виноград. Мясо, животные жиры и молочные продукты, а также сахар были мало доступны основной части населения. Из кукурузной муки делали мамалыгу — очень густую кашу, которая заменяла большей части крестьян хлеб. Ее ели в горячем или холодном виде, часто с приправами из пережаренного лука, брынзы, помидоров. Борщи и супы в крестьянской семье готовили не каждый день, а лишь несколько раз в неделю, чаще в зимние месяцы и реже в период сельскохозяйственных работ. В качестве праздничного блюда более зажиточные варили суп с курицей, подкисляя его ржаным квасом (*замэ*). Зимой употребляли всевозможные соленья и консервированные овощи, которые заготавливали с лета или ранней осени.

и птицеводческих ферм. Колхозы выдают спецодежду также воспитателям детских садов и яслей.

Большинство сельских жителей стремится одеться по-городски. В выходные дни колхозники отправляются в город для покупки или заказа одежды городских образцов. В крупных селах, кроме магазинов готового платья, имеются пошивочные мастерские

У крестьян старших возрастов еще бытуют отдельные части традиционного народного костюма. Так, мужчины носят меховые и суконные безрукавки, барашковые шапки, овчинные полушубки. Пожилые женщины продолжают носить рубахи, юбки и кофты старинного покроя. Среди молодежи заметно стремление сохранить высокохудожественный национальный орнамент и отдельные элементы старого костюма, отличающиеся удобством и практичностью.

Завтрак в колхозной семье. Колхоз им. Ленина Тираспольского района. 1959 г.

Пищевой режим крестьян в значительной степени зависел от собственных запасов. Самым напряженным труд был в весенние и летние месяцы. Но как раз в это время, обычно уже с весны, крестьяне испытывали недостаток в основных пищевых продуктах — кукурузной муке, картофеле, брынзе. Поэтому в то время, когда затрата физического труда была особенно велика и население должно было питаться значительно лучше, оно, как правило, недоедало. Кроме того, в период самой напряженной полевой работы — жатвы, когда в поле выходили всей семьей, горячего вообще не готовили, а переходили на сухую пищу. А это приводило к острым желудочно-кишечным заболеваниям.

Несколько лучше питание было осенью и зимой. Естественно, что после уборки урожая в доме появлялись некоторые запасы. В декабре кололи свиней и заготавливали впрок мясо и колбасы. Однако и в это время режим питания ограничивали посты, которые были довольно многочисленны; на время постов из пищи исключались наиболее калорийные продукты. Бедняки питались очень плохо. Они вынуждены были даже заготавливать крапиву, которую варили в постные дни и ели в протертом виде, с приправой из лука и чеснока. В народе существовала поговорка: «Сэрэчье, че мэныньч? Мэмэлигэ ши урзичь!» («Беднота, что ты ешь? Мамалыгу и крапиву»). О разнице в питании между зажиточными и беднейшими слоями населения Бессарабии говорят бюджетные обследования, проведенные в ряде сел в 1938 г. Семья бедняка потребляла мяса в три раза меньше, чем семья кулака. Кроме того, бедняцкие семьи совсем не употребляли рыбы, животного масла, сахара и т. д. Недоедание бедняцких масс и плохое питание в семьях середняков были хроническим явлением. Постоянная нужда и недостаток продуктов вынуждали крестьян употреблять в пищу незрелую или сгнившую кукурузу, что приводило к специфическому при таком питании заболеванию — пеллагре.

С установлением Советской власти, особенно после коллективизации сельского хозяйства, питание населения резко изменилось. Мамалыга потеряла свое значение основного вида пищи, ушла в прошлое и на-

родная пословица: «Мамалыга — основа стола, а хлеб — честь дома». В наши дни в каждой молдавской семье пекут пшеничный хлеб или покупают его в магазинах, так как во многих селах Молдавии имеются пекарни. Намного увеличилось потребление таких калорийных продуктов, как мясо, молоко, масло и сахар.

Существенное значение имеет общественное питание. Если в прошлом молдаванин ел нерегулярно, зачастую не больше двух раз в день (утром и вечером), то теперь не только на предприятиях, но и в колхозных бригадах, на полевых станах, животноводческих и молочнотоварных фермах колхозники по сниженным ценам получают завтраки, обеды и ужины. В каждом населенном пункте создана сеть буфетов и чайных, где готовят горячие блюда.

Несравнимо улучшилось питание детей. В яслях и детских садах дети получают четырехразовое питание, качество которого строго контролируется медицинскими работниками. Учащимся в школах готовят бесплатные горячие завтраки, а в некоторых селах — и обеды. Разнообразнее и калорийнее стала детская пища в семье.

СЕМЕЙНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Основным типом молдавской семьи в XIX — начале XX в. была малая семья, состоявшая из двух или трех поколений. Обычно женатые сыновья старались отделиться от родителей. Этому способствовал и порядок наделения земель, установленный царской администрацией для колонистов и государственных крестьян,

при котором земля предоставлялась в посемейное владение независимо от числа членов семьи. Созданию новых семей в первой половине XIX в. способствовало и наличие свободных земель. Но в последующие десятилетия с ростом помещичьего и кулацкого землевладения свободных земель становилось все меньше. Выделить детей и обеспечить их землей могли лишь имущие крестьяне. Молодая семья могла получить усадьбу под дом только на общественной толоке; для этого было необходимо разрешение сельского общества. Если же общество не давало участка, новая семья строила дом на усадьбе родителей.

Низкий уровень жизни крестьян в Бессарабии тормозил создание новых семей. В семье существовала очередность на вступление в брак, поэтому не всегда он заключался в молодые годы. Иногда часть детей была совсем лишена возможности создать свою семью. Патриархальные устои сдерживали фактический раздел семьи. Взрослые дети, имея свою семью, даже получив на нее землю, жили в одном дворе с родителями и часто вели с ними общее хозяйство.

Характерной чертой семьи в досоветское время было неравенство ее членов; внутрисемейные отношения обуславливались экономическим положением того или иного ее члена. Наибольшей властью пользовался глава семьи, являвшийся законным владельцем земли, дома и сельскохозяйственного инвентаря, остальные находились в зависимости от него как в силу экономических причин, так и по неписаным законам обычного права, требовавшего безусловного подчинения главе семьи. Отца почитала и уважала вся семья. После обеда по старинному обычаю жена и дети, помолясь, подходили к нему и целовали руку. Дети в обращении к отцу и в разговоре о нем называли его на «вы». Жена в разговоре с мужем употребляла вежливую форму обращения — *мата* (нечто среднее между «вы» и «ты»).

Глава семьи определял порядок работы по хозяйству, ведал ее доходами и расходами. Свое положение он сохранял до глубокой старости,

даже в том случае, если хозяйство фактически вел уже один из его сыновей. Но для этого он все же должен был принимать участие в основных работах. Если же по болезни или старости он не мог этого делать, то власть в доме переходила к фактическому кормильцу семьи — взрослому сыну.

В некоторых семьях глава семьи вел хозяйство совместно с братьями. В случае смерти мужа положение вдовы в такой семье было очень тяжелым. Остаться в доме братьев мужа она чаще всего не могла и была вынуждена или возвратиться в дом своих родителей, или, вытребовав (иногда судом) долю мужа из общего хозяйства, поселиться отдельно.

Семьи, в которых не было сыновей, но имелись взрослые дочери, принимали к себе в дом зятя. Ему ставили условие, чтобы он помогал вести хозяйство, почитал тестя как родного отца, а тещу как мать. Зять-примак, находясь в экономической зависимости от родителей своей жены, был вынужден подчиняться им во всем и жил в доме на положении основного работника. Если он вел даже все хозяйство, то до смерти тестя его не считали хозяином и по первому требованию тестя зять-примак должен был покинуть дом. Считалось, что если мужчина вошел в дом жены, то он не женился, а «вышел замуж». В народе это так и называли *а мэрита*.

Главными в семье были интересы накопления собственности, порождавшие эгоизм и взаимное недоверие, что часто вызывало раздоры. Большинство тяжб было связано с разделом отцовского имущества.

По обычному праву наследником считался младший сын. После смерти отца в случае отсутствия завещания все имущество переходило к нему. Старшие сыновья оставались с теми небольшими отрезками земли, которые им были выделены еще при жизни отца. Часто и в завещании отец, руководствуясь традицией, передавал дом и весь земельный надел младшему сыну и лишь остальное имущество делил между старшими детьми. В конце XIX в. в связи с уменьшением количества земли у крестьян этот обычай стал изживаться, дети требовали равного раздела земли между ними. Волостные суды в последней четверти XIX в. были переполнены тяжбами родных братьев из-за отцовских наделов.

Дочери обычно не наследовали землю, кроме той части, которая давалась им в качестве приданого. По древнему молдавскому письменному праву, каким являлось Шестикнижие Арменопуло, составленное в XIV в. (практически применялось извлечение из Шестикнижия, сделанное Андронакнем Доичем), дочь, выходящая замуж, обязательно должна была получить приданое. Такую же обязанность наделения детей приданным знало и обычное крестьянское право.

Приданое считалось собственностью женщины на протяжении всей ее жизни, но доходы от него (с земельного участка, от скота и т. д.) принадлежали мужу. В случае ухода от мужа жена забирала свое приданое и могла судиться с мужем, если он не соглашался его вернуть или выплатить его стоимость.

Подчиненное и приниженное положение женщины продолжало сохраняться в Молдавии вплоть до установления Советской власти. Труд ее оплачивался намного дешевле труда мужчины.

Приниженное положение женщины отразилось и в обрядности. По старинному обычаю в первую брачную ночь жена снимала с мужа сапоги, в одном из них была заложена плеть, которую она подавала мужу в знак признания его власти.

На долю женщины падала двойная тяжелая работа. Она помогала мужу во время полевых работ и вместе с тем вела домашнее хозяйство: обрабатывала огород, ухаживала за скотом, готовила пищу, занималась ткачеством и изготовлением одежды. О ее безрадостной жизни сложилось в народе много песен.

Антисанитарные условия быта и материальная необеспеченность отрицательно сказывались на здоровье детей. Грудные дети часто не получали достаточного количества молока. Голодному ребенку давали сосать хлебный мякиш, обернутый тряпкой. Плохое питание и отсутствие медицинской помощи приводили к высокой детской смертности.

Об умершем ребенке не очень горевали, утешаясь поговоркой: «бог дал — бог взял». Больше заботы проявляла семья по отношению к ребенку после пяти лет. В этом возрасте мальчику уже поручали пасти скот и рассматривали его как будущего работника в семье.

Крестьянская семья в период капитализма, хотя и считалась формально независимой и самостоятельной ячейкой общества, фактически была бесправной и беззащитной перед гнетом государства, помещиков и кулаков. Социально-экономическое положение семьи накладывало отпечаток на все стороны семейного быта. Прежде всего это способствовало стойкому сохранению старого патриархального уклада. Замкнутый семейный мирок и слабые производственные связи с обществом благоприятствовали развитию стремления укрепить и расширить родственные отношения, которые считались особенно важными. Все основные события в жизни крестьянской семьи — женитьба, рождение ребенка, праздники, дальний отъезд — не обходились без участия родственников. Большое значение придавалось связям по кумовству, поэтому стремились породниться с наиболее уважаемыми или богатыми людьми. Отношения, установившиеся с посаженными отцом и матерью, старались укрепить, приглашая этих же людей крестить детей. Породившиеся таким образом семьи были связаны дружескими узами в течение всей жизни и оказывали друг другу экономическую и моральную поддержку.

Среди родственников широко практиковалась трудовая взаимопомощь при постройке дома, уборке урожая, пахоте и т. д. Наиболее распространенной была коллективная помощь родственников при постройке дома — *клакэ*, или *пе рынд*. Коллективно дом строился в короткий срок. Женщины месили ногами глину и лепили саманный кирпич, мужчины возводили стены. После окончания основной работы хозяин угощал вином всех принимавших участие в работе, иногда по этому случаю нанимали оркестр и устраивались танцы. Но этот древний обычай родственной взаимопомощи в прошлом часто использовался в целях эксплуатации менее богатых со-родичей более зажиточными.

Высокий уровень жизни современной молдавской семьи наряду с другими факторами обусловил изменение ее численности и структуры. В новых социально-экономических условиях исчезла прежняя ограниченность числа заключаемых браков и устранялись препятствия для выделения взрослых детей из семьи родителей. Колхоз помогает молодоженам строительными материалами, выделяет приусадебный участок, предоставляет денежные ссуды.

Теперь наиболее распространенным типом является семья из двух поколений — родителей и их детей. Встречаются и семьи из трех поколений, но значительно реже. Отмирающей формой в настоящее время является семья, состоящая из супругов, их братьев и сестер.

Отличительной чертой современной молдавской семьи является ее активное участие в коллективном производстве. Равный труд всех членов семьи ликвидировал их прежнее экономическое неравенство. Исчезло такое явление прошлого, как отработка зятем за проживание в доме тестя. Старейших колхозников почитают и заботятся о них. Во многих колхозах Молдавии они с конца 1950-х годов уже получали пенсии. Теперь все колхозники, достигшие установленного возраста, обеспечены пенсиями.

Семья по-прежнему строится на принципе уважения старших, но при этом учитываются интересы всех ее членов. В наши дни всякое проявление произвола в семье встречает осуждение общества. Каждый член

семьи, ощущая себя частью коллектива, сознает всю полноту своих прав и опирается в этом на поддержку общества.

Большую роль в изменении внутрисемейных отношений сыграло равноправное положение женщины. Колхозный строй дал возможность молдаванке творчески трудиться. В 1959 г. из общего числа колхозников трудоспособного возраста 54% составляли трудящиеся женщины.

Характерной чертой семейного быта в досоветское время было длительное сохранение черт старого уклада. В быту семьи большое значение уделялось исполнению многочисленных обычаев и обрядов как церковных, так и не связанных с христианской религией. Молитвы по нескольку раз в день, посещение церкви, соблюдение постов, строгое исполнение обрядов, многочисленные праздники, посвященные различным святым, — все это занимало большую часть времени крестьян и отвлекало их от работы. Например, в понедельник нельзя было предпринимать никаких важных работ, так как считалось, что все, начатое в этот день, могло окончиться неудачей; в пятницу женщинам нельзя стирать, иначе «их не будут любить мужчины», и т. д.

Наиболее важные семейные события — рождение ребенка, свадьба, похороны также сопровождались определенными обрядами.

Особенно торжественно праздновалась свадьба, с которой было связано множество обычаев и обрядов.

«Неженатый человек — как отшельник в пустыне» — в этой поговорке выразилось народное представление о необходимости для каждого человека иметь свою семью.

Вступившими в брачный возраст считались лица, достигшие 16—18 лет. С 14—15 лет юноши и девушки начинали принимать участие в сельских танцах и посиделках. Во время таких встреч между ними устанавливались дружеские отношения. В некоторых районах Молдавии было распространено добрачное сожителство, например в южных приднестровских селах. В селах Рышканского района часто устраивали свадьбу лишь через год после того, как невеста перешла жить в дом к жениху.

Родители, стараясь устроить выгодный брак, мало считались с мнением своих детей. Эти явления нашли отражение в молдавском песенном творчестве. Многие лирические песни посвящены тяжелой судьбе женщины, насильно выданной замуж за богатого.

Наряду с традиционным сватовством бытовала форма заключения брака путем похищения невесты. Эта форма, некогда распространенная у всех народов мира, к XIX—XX вв. уже редко встречалась. В прошлом похищали насильственно, об этом свидетельствуют господарские грамоты XV в., в которых «волочение девок» рассматривается как большое преступление. В XIX — начале XX в. характер похищения изменился — оно превратилось в тайный увод невесты с ее согласия. Жених респался на это крайнее средство в случае, когда родители невесты отказывались выдать за него свою дочь. Как правило, причиной такого отказа была бедность жениха. С помощью нескольких товарищей жених увозил невесту в соседнее село, и оттуда через несколько дней к родителям невесты посылался гонец с просьбой дать согласие на брак.

В дальнейшем обычай тайного увода невесты настолько упрочился, что нередко совершался без всякой основательной причины. Утратив драматическую основу, кража невесты приобрела характер одного из традиционных обрядов в свадебном цикле.

Для получения вынужденного согласия родителей применялся и обычай «прийти на печь» (*a veni pe cupțor*). Если родители жениха, будучи более обеспеченными, чем родители невесты, не давали согласия на брак, по договоренности с женихом девушка прибегала к нему в дом и садилась на печь. После этого в силу сельских обычаев родители жениха были вынуждены посылать сватов в дом невесты. На печь в дом парня прихо-

дила и брошенная им девушка, тогда родители заставляли его жениться на ней.

Подобные формы заключения брака, хотя и были распространенными, все же считались позорными, и каждая крестьянская семья стремилась женить своих детей «по порядку», соблюдая традиционное сватовство.

Свадьбе предшествовала длинная процедура, которая в своем классическом виде состояла из трех актов: сватовства, помолвки и «ответа».

Задумав жениться, парень выбирал из своих родственников одного или нескольких сватов (*старосте*, или *пецитор*). В некоторых селах вместо сватов парень сам приходил к родителям невесты со своими родственниками.

Прежде чем отправиться к родителям невесты, сваты старались узнать их отношение к предполагаемому браку, так как отказ считался большим позором. Если жених и невеста были из разных сел, то родители невесты также избирали себе сватов, чтобы узнать, «кто таков жених и из какого он рода».

Свататься согласно традиции должны были в определенные дни недели, так как не все дни считались счастливыми.

Предложение о браке высказывали чаще всего в образно аллегорической форме. Если родители невесты были согласны на брак своей дочери, то отвечали сватам согласием, и совместно назначался день помолвки (*могодна*). К началу XX в. в связи с упрощением свадебных обрядов сватовство совпадало с помолвкой. Во время помолвки юноша и девушка обменивались «залогом» — символом их согласия на брак. Юноша дарил девушке кольцо, а невеста ему косынку.

Но и после помолвки соглашение могло быть расторгнуто. Окончательное согласие на брак давалось во время *распуис* (ответ) — вечера, который устраивался в доме невесты.

Свадьбу обычно справляли осенью, после окончания земледельческих работ. Продолжительность торжеств и их пышность зависели от благосостояния жениха и невесты. Как правило, свадьба крестьянина среднего достатка длилась два-три дня. У богатых крестьян она могла продолжаться всю неделю. Пировали и в доме жениха, и в доме невесты, поэтому готовились к свадьбе в обоих домах. Пекли хлеб, калачи и готовили закуски. Для участников свадьбы ткали полотенца, которые повязывали через плечо приглашенным гостям, и готовили особые свадебные значки. Для невесты изготавливали венок и свадебное покрывало.

Свадьба начиналась обычно в субботу у жениха. Затем жених ехал за невестой. Этот этап свадьбы наиболее насыщен исполнением всевозможных обрядов с декламациями, песнями и танцами. Прежде чем войти в дом, жених высылал вперед своего посланца, который обращался к невесте и ее гостям со стихотворным приветствием (*конокэриля*). После этого следовал обмен калачами, при этом один калач разламывали на куски, которые раздавали гостям — «на счастье». Только тогда жених входил в дом невесты, и начиналось гулянье. Церковное венчание происходило на другой день, в воскресенье.

Торжественными моментами были повязывание гостей полотенцем, благословение невесты родителями, вынос приданого и отъезд свадебного поезда в дом жениха, куда в дальнейшем перемещались свадебные гулянья. Здесь устраивался торжественный вечер *маса маре*, на котором гости одаривали молодых. Последний день свадьбы в различных местностях Молдавии назывался по-разному: *легэтоаре*, *колаж*, *ункроп*. Молодой в этот день под пение друзей и родственников надевали женский головной убор.

В свадебных обрядах XIX — начала XX в. сохранилось много пережитков древнемолдавского свадебного ритуала, который характеризо-

Посаженные отец и мать в обрядовом наряде. Резинский район

вался преобладанием драматических действий и магических приемов. Пережитком древнего магического обряда являлся танец гостей, во время которого они трижды обходили стол, приговаривая, чтобы зло покинуло дом и осталось добро. В свадебных декламациях жених представлялся как император, собравший войско для охоты на козочку, под которой подразумевалась невеста. Этот мотив являлся поэтическим отражением обрядовой борьбы между родами жениха и невесты, возникшей на основе древнего обычая похищения женщин.

Однако старая феодальная символика: жених-император, невеста-царевна, гости-бояре теперь получила пародийное звучание. В конце декламации сообщается, что жених беден, ленив и т. д.

Свадебный фольклор и магическая обрядность, превратившись в анахронизм, постепенно начали забываться. Все ухудшавшееся материальное положение большей части бессарабского крестьянства приводило к быстрому сокращению свадебной обрядности. В 20—30-е годы XX в. свадебные гулянья, ранее продолжавшиеся целую неделю, даже у зажиточных оканчивались в два-три дня.

В дореволюционной деревне женщина рожала дома. До последних дней она работала: занималась уборкой, мазала глиной пол, пекла хлеб. Роды принимала повивальная бабка (*моаше*). Перед родами женщину купали в теплой воде, настоенной на травах, затем натирали ей живот подсолнечным маслом и обвязывали полотенцем. На другой день после родов справляли *родши*, в котором принимали участие только женщины. Через некоторое время устраивали крестины (*кумэтрие*). Считалось, что некрещенные дети несчастливы в жизни и рано умирают. Дети, умершие до крещения, по распространенному верованию, превращались в злые существа (*мавки*).

До крестин муж и жена определяли, кого они пригласят в восприемники ребенку. Приглашение в кумовья считалось почетным и связывало кумовьев с крестником и его родителями узами уважения и взаимопомощи. В случае смерти родителей ребенка крестные должны были взять его к себе.

В кумовья в первую очередь приглашали тех, кто был посаженными на свадьбе родителей ребенка. Если раньше их, как посаженных, называли — *нун, нунэ*, то после того, как они принимали участие в обряде крещения ребенка, их звали *кумэтру, кумэтрэ*. Ребенок в дальнейшем называл своих крестных *нэнаш* и *нэнаше*.

Число приглашенных в кумовья зависело от благосостояния родителей ребенка — в некоторых селах оно доходило до 20 человек. Часто это были родственники, среди которых могли быть и дети. Приглашать в кумовья отправлялись с графином вина и калачом, а приглашенные в ответ давали горсть соли и немного кукурузной муки.

Ребенка крестили в церкви, а по возвращении домой его вручали матери. По обычаю, мать встречала прибывших, сидя на печи. Принимая ребенка, она благодарила крестных и целовала им руки. Кумовья преподносили матери отрез ткани и другие подарки.

Вечером на празднование кумэтрие собирались гости, приносившие с собой калачи, вино и подарки. По обычаю, принятому в некоторых селах, отцу ребенка не полагалось участвовать в общем торжестве, его угощали отдельно в конце вечера. Гости дарили ребенку деньги, в свою очередь хозяева одаривали гостей калачами. В качестве ритуального блюда в некоторых районах подавали борщ.

В обрядах, исполнявшихся во время кумэтрие, значительное место занимали пожелания счастья новорожденному, основанные на пережитках древней символики. Так, в воду, приготовленную для купанья, добавляли зерна пшеницы, сахар, птичье перо, приговаривая: «чтобы ребенок имел свою долю хлеба, когда станет хозяином», «чтобы был легок, как перо» и т. д. Чтобы ребенок был веселым, кумовья кричали: «ух, ух!».

Соблюдались также различные охранительные обычаи (не тушили лампу на ночь, не выносили ничего из дома после захода солнца и т. д.), с целью якобы защитить мать и ребенка от влияния злых сил.

В похоронных обрядах удерживались наиболее древние традиции, с покойниками было связано множество суеверий.

Скоропостижная смерть (*моартя нэпрасникэ*) считалась в народе божьим наказанием. Если человек умирал долго и тяжело, говорили, что он расплачивается за грехи. Легкая смерть означала, что умерший вел праведную жизнь.

Умершего переносили с кровати на пол и клали на разостланное полотно. После обмывания и одевания покойника укладывали на стол в горнице головой под образа и покрывали его с ног до головы белым холстом. Из комнаты выносили все зеркала. Рядом ставили сосуд с водой. В некоторых селах, кроме того, вешали полотенце. По одним представлениям, душа умершего умывалась водой, а по другим — пила воду. Умершего облачали в лучшую одежду. Обычно старики заранее заготавливали так называемую смертную одежду, чаще всего — праздничную. По обычаю ее полагалось шить только из дмотканого материала. Умерших девушек одевали в наряд невесты и обряжали как на свадьбу. Молодым неженатым мужчинам клали на грудь букет цветов, «как жениху». По народным представлениям о загробной жизни бракосочетание умершему так же необходимо, как еда и питье, и родственники снабжали покойника тем, что ему требовалось при жизни.

Гости, входившие в дом, не здоровались и не прощались при уходе. Все время, пока в доме находился покойник, пищу готовил кто-нибудь из соседей или родных, не живущих в доме умершего. Считалось, что если еду приготовит кто-либо из живущих в доме, то оча будет горькой от слез.

По народным традициям принято было причитать над покойником. Умершего оплакивали как в день похорон, так и на 3-й, 9-й и 40-й день после смерти, а также в общие поминальные дни.

Был распространен обычай *privées* — ночные игры при покойнике, чтобы отогнать от него злую силу. В комнате, где лежал умерший, собирались девушки и юноши и проводили там всю ночь, разговаривая, шутя и устраивая различные игры.

Пока умерший находился в доме, не отдавали вещь, занятую у соседей, «чтобы не умер у них кто-нибудь». Этот обычай связан с народным представлением о том, что смерть, пришедшая в дом, еще не покинула его. На этом же был основан и запрет подметать в доме, пока там находится покойник.

Существовало поверье, что в течение всего времени, пока покойник находится в доме и по дороге на кладбище, он все видит и слышит. В связи с этим в гробу с правой стороны делали отверстие — окошечко, через которое покойник якобы мог смотреть. Этот обычай основан на древнем веровании в бессмертие души, впоследствии закрепившемся в народном сознании христианской религией. Покойного отпевали в церкви, затем его везли хоронить. Одним из древних элементов молдавской похоронной обрядности был обычай выстилания впереди похоронной процессии полотна — так называемых мостов, по которым, согласно верованиям, душа возносилась на небо. Во время похорон принято было подавать милостыню, перебрасывая ее через могилу. Обычно так перебрасывали курицу или петуха какому-нибудь бедняку. В некоторых селах Молдавии в качестве милостыни через могилу перебрасывали сумку, ковер или деревцо, к ветвям которого были подвешены калачи, конфеты и т. д.

После погребения устраивали поминки, на которые приглашали родственников и знакомых умершего. Поминали покойника в Молдавии на 3-й, 9-й и 40-й день после смерти. Иногда в эти дни приглашенные родственники общими силами строили в память умершего колодец или мост. На таком сооружении делали надпись, указывавшую, в честь кого оно выстроено.

В советское время семейная обрядность претерпела большие изменения. Прежде всего она утратила религиозную окраску — венчание в церкви, крещение ребенка, отпевание покойника стали редким явлением. Появились новые формы обрядности, отражающие социалистические отношения. Так, наряду со свадьбой, сохраняющей старинные традиции, распространились комсомольские свадьбы. Если в прошлом свадьба была праздником родственных групп, то отличительной чертой комсомольских свадеб является широкое участие в них общественности. Достоинства жениха и невесты оцениваются не по богатству или знатности происхождения, а по их участию в производстве и общественной жизни. Взамен старых обрядов, не отвечающих современным представлениям, создаются новые, например, вручение в торжественной обстановке жениху и невесте подарков от общественных организаций. Участились браки с представителями других национальностей.

Рождение ребенка теперь отмечается часто с участием в семейном торжестве представителей коллектива, в котором работают родители. Старый похоронный обряд с выстиланием полотна, калачами, иконами и свечами постепенно забывается. Современные похороны сопровождает оркестр, иногда впереди процессии несут красное знамя.

Общественная жизнь

Общественные формы быта молдаван в прошлом мало изучены, и сведения о них фрагментарны.

В общественной жизни села большую роль играли сельские сходы, решавшие вопросы внутренней жизни по законам обычного права. Засилье небольшой группы богатеев на этих сходах оставляло основную массу сельских тружеников абсолютно бесправными. «С сильным — не борись, с богатым — не судись» — было одним из основных законов сельской жизни. Большое значение не только в семейной, но и в общественной жизни села имела религия. Духовенство, пользуясь почти

абсолютной неграмотностью молдавского крестьянина, поддерживало произвол, царящий в селах, и способствовало развитию всевозможных невежественных представлений.

Многочисленные праздники, связанные со «святыми днями», отвлекали крестьян от работы и способствовали распространению пьянства. В последней четверти XIX в. крестьяне отмечали около 130 дней в году (включая воскресенья) как праздничные и запретные для работы. В начале XX в. количество общепринятых нерабочих дней несколько сократилось, но все еще имели силу различные запреты в отношении отдельных дней недели, основанные на распространенных суевериях и приметах. В страдную пору крестьяне на протяжении одной недели, с 15 по 22 июля, отмечали четыре праздника и воскресенье. Работать в эти дни считалось «грехом». Большая часть праздников и нерабочих дней приходилась на лето. Так, с Петрова дня (конец июня) до Покрова (1 октября) было 14 праздничных дней, в совокупности с 12 воскресными они составляли 26 нерабочих дней. Таким образом, из трех месяцев, наиболее занятых сельскохозяйственными работами, выпадало около месяца. Потерянное время наверстывалось напряженной работой в будни, в которой принимала участие вся семья, от мала до велика.

У молдаван долго сохранялись некоторые дохристианские представления, нашедшие отражение, например, в народном сельскохозяйственном календаре. Конкретные его формы сложились уже под сильным влиянием христианской религии, которую духовенство умело приспособило к древним верованиям. Старые божества народного календаря были осмыслены как церковные святые, и в день, посвященный данному святому, выполнялись традиционные обряды. Хотя эти обряды часто не имели ничего общего с ортодоксальными христианскими представлениями, церковь брала их на вооружение и тем укрепляла свое влияние на народ.

Молдавский земледельческий календарь имеет много общих черт со славянской календарной обрядностью, под непосредственным влиянием которой он формировался. А так как осмысление этой обрядности в дальнейшем проходило под влиянием общей религии, то черты близости в этом элементе культуры у молдаван и славян проступают особенно отчетливо. Исследователь молдавского земледельческого календаря П. Сырку отмечал, что у молдаван нет ни одного праздника, который не встречался бы у славян. Отдельные святые связывались с определенными видами хозяйственной деятельности. Так, земледельцы молились св. Герману, пастухи — св. Георгию, рыболовы — св. Алексею Тепля и т. д. К помощи святых обращались при различных обстоятельствах. Девушки, желавшие выйти замуж, молились Андрею Первозванному, женщины, с которыми жестоко обращались мужья, — св. Гурию.

До установления Советской власти в большинстве сел Молдавии не было ни школ, ни больниц, зато в каждом селе имелась корчма, а иногда и не одна. Здесь молдавский крестьянин знакомился с событиями, происходящими в мире, которые часто передавались в совершенно искаженном виде. Здесь «удовлетворялся» его общественный интерес и формировалось общественное мнение. Огромным событием в жизни крестьян были ярмарки как сельские, так и в близлежащих городах, устраиваемые по большим праздникам. На ярмарках, особенно городских, встречались люди из разных сел и, знакомясь друг с другом, обменивались новостями. Особенною радостью эти ярмарки доставляли сельской молодежи, которая могла здесь развлекаться, посмотреть заезжих артистов, цирковые представления.

Социалистические преобразования молдавского села привели и к коренным изменениям общественной жизни. Это прежде всего ощущается в росте общественного сознания у каждого колхозника. Он стал подлинным хозяином новой жизни и считает себя ответственным не только за то, что

происходит в его доме, но и в его колхозе, в его селе. Ликвидация неграмотности и повышение культурного уровня сельского населения Молдавии способствуют освобождению трудящихся от религиозного гнета и темноты. Атеизм все глубже проникает в сознание людей и помогает становлению нового, материалистического мировоззрения. Молодежь, воспитанная в советское время, уже почти полностью отошла от религии. Но у представителей среднего и особенно старшего поколения молдавских крестьян влияние религии еще ощущается. Однако с каждым днем оно становится все менее заметным. Коллективный труд, широкое привлечение трудящихся к решению различных проблем, связанных с общими задачами страны, повышают общественное самосознание.

Большое значение в борьбе с пережитками прошлого имеет активное участие женщин в производстве и общественной жизни. Забитая и неграмотная в прошлом, молдаванка стала теперь полноправным членом социалистического общества. Тысячи женщин являются высококвалифицированными специалистами, успешно работающими во всех областях народного хозяйства республики. Свыше 3 тыс. женщин отмечено правительственными наградами за доблестный труд, 19 женщинам присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Активным проводником новой культуры, нового мировоззрения является молдавская интеллигенция, выросшая и воспитанная в годы Советской власти. В борьбе за новый быт используются различные формы пропаганды.

В последние годы большое распространение получили «клубы девушек». Они организуют всевозможные диспуты и вечера отдыха. К участию в общественной жизни села, которая в прошлом была крайне узкой и замкнутой, теперь привлекаются все слои населения, выработке ее новых форм немало содействуют печать и радио. Большую и многообразную работу проводят женские советы. В круг их интересов входит забота об улучшении деятельности медицинских учреждений, детских садов и яслей, магазинов, мастерских бытового обслуживания. При многих женсоветах существуют секции культуры и быта, воспитывающие эстетические вкусы колхозниц. В некоторых селах (например в Каларашском районе) созданы советы стариков, куда входят наиболее уважаемые пенсионеры-колхозники. Совет стариков рассматривает спорные вопросы, возникающие между жителями села, чаще всего внутрисемейные споры. Немаловажную воспитательную роль играют публичные товарищеские суды, на которых рассматриваются антиобщественные проступки. Провинившиеся, чувствуя единодушное осуждение коллектива, стремятся исправить свое поведение.

Общественное сознание, чувство товарищества и дружбы проникают в такие формы быта, где прежде хозяином чувствовал себя лишь родственник коллектив. Это проявляется, например, в помощи при постройке дома или других домашних работах. Если раньше в ней преимущественно принимали участие родственники, то теперь помогают товарищи по бригаде, соседи и каждый старается показать себя лучшим работником.

Чувство коллективизма, сплачивающее труженников села, выражается и в общественных праздниках, которых в прошлом почти не знали. Ежегодно проводятся бригадные праздники, связанные с Днем урожая, праздники виноградарей, животноводов и т. п. Широкое распространение получили праздники песни. Торжественно отмечают в коллективах и в семейной обстановке общенародные советские праздники — годовщина Октябрьской революции, 1 Мая, 8 Марта, а также Новый год.

Организаторами борьбы за новую жизнь являются партийные и комсомольские организации села.

В досоветское время низкий уровень жизни и бескультурье способствовали распространению среди трудящегося населения Молдавии таких заболеваний, как пеллагра, трахома, туберкулез, венерические болезни. Медицинское обслуживание жителей не удовлетворяло и минимальных потребностей, да и было недоступно большинству населения. Больницы находились преимущественно в городах и изредка в крупных селах. Оборудование больниц было весьма незавидным. Не хватало медицинского персонала. На селе не было ни одного родильного дома, и сельское население вынуждено было прибегать к помощи повивальных бабок. Лечились же у знахарок, преимущественно заговорами и заклинаниями. Все это приводило к тому, что Румыния, куда в то время входила Бессарабия, согласно данным Лиги Наций, стояла на одном из первых мест в Европе по детской смертности. С 1935 по 1937 г. смертность в Бессарабии составляла 23,6%, причем большая ее доля падала на детей.

В наши дни в Молдавии нет ни одного села хотя бы без фельдшерского пункта и родильного дома. Многие села имеют прекрасно оборудованные поликлиники, больницы и аптеки. Кишиневский медицинский институт с успехом готовит кадры высококвалифицированных врачей. Создана учебная сеть по подготовке среднего медицинского персонала. Все это привело к тому, что бытовые болезни, о которых говорилось выше, навсегда ушли из жизни трудящихся Молдавии. Медицинские работники Молдавии проводят широкие профилактические мероприятия по предупреждению различных заболеваний.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

За годы Советской власти огромных успехов достигли народное образование и наука. К 1940 г. в Молдавской АССР уже каждое село имело свою школу, в республике работало несколько техникумов и три высших учебных заведения: сельскохозяйственный, педагогический и учительский институты. На территории Бессарабии к моменту ее воссоединения с СССР имелось лишь 35 гимназий и одна общественная библиотека. Совсем не было средних специальных и высших заведений и научно-исследовательских учреждений. В 1913 г. в Бессарабии было издано лишь несколько десятков книг мизерным тиражом. Народ в подавляющем большинстве оставался абсолютно неграмотным.

В наши дни в Молдавской ССР всюду полностью ликвидирована неграмотность населения. Все дети обучаются в начальных и средних школах. Преподавание в большинстве школ ведется на родном языке, русский язык является в них обязательным предметом. Но есть и русские школы. Особенно следует отметить организацию обширной сети общеобразовательных и специальных учебных заведений для взрослого населения. В Молдавии это имеет очень важное значение, так как в годы Великой Отечественной войны дети школьного возраста не имели возможности учиться.

К 1964 г. в республике было 1840 школ, 37 средних специальных и высших учебных заведений, 54 научно-исследовательских института, есть своя Академия наук. Наука в Молдавии развивается в разных направлениях: в области плодоводства и виноградарства, почвоведения, математики, химии, гуманитарных наук (лингвистика, филология, история, археология, этнография) и др.

В городах и селах работает 1568 клубов и домов культуры, 1955 библиотек. В среднем ежегодно выпускается около тысячи наименований книг, общий тираж которых исчисляется миллионами экземпляров. Литература, как и периодическая печать, выходит на молдавском и русском языках.

· Молдавская молодежь на празднике песни и танца

В Кишиневском техническом училище № 1 им. И. Ф. Федько

Результаты этой подлинно культурной революции не замедлили сказаться, теперь в Молдавии насчитывается около 100 тыс. учителей, врачей, агрономов и других квалифицированных специалистов.

Фольклор и литература

Традиционный фольклор молдаван в значительной части является общим с румынским. Еще в эпоху существования дунайских княжеств, в исторической и духовной жизни которых было много общего, отдельные произведения фольклора складывались и совершенствовались в процессе одновременного бытования в обоих княжествах. В результате многие произведения народного творчества, возникшие на территории старого молдавского княжества, вошли органической частью в национальные сокровищницы и современных молдаван, и современных румын. Вместе с тем в различных художественных жанрах прослеживается взаимосвязь молдавского народного творчества с русским, украинским и южнославянским.

Различные фольклорные тексты сопровождают календарные обычаи. К рождеству и кануну Нового года приурочено исполнение колядок (*колинде*) — стихотворных декламаций (отдельные колядки поются). В них выражаются пожелания благополучия хозяину дома и изобилия в наступающем году. Строится колядка в виде аллегорического рассказа об удачной охоте, пастушеских и земледельческих занятиях идеализируемого (или изображаемого юмористически) охотника, чабана, пахаря. Гиперболизм деталей подчеркивает значительность (или комическую несообразность) действий героя. Имеются колядки исторического содержания, отражающие борьбу с иноземными нашествиями. Связь колядок с хозяйством и основными занятиями крестьянства подтверждают образы необыкновенного вола, чудесного плуга, изготовленного непревзойденным кузнецом.

К кануну Нового года приурочено наибольшее количество народных массовых действ. Вопреки настойчивости, с которой насаждались церковью религиозные пьесы (например, «Ирозий» — о рождении Христа),

наиболее популярными оставались выступления ряженных (маски козы, оленя, журавля) и представления народных пьес о богатырях Новаке, Груе, гайдучах Бужоре, Жиане и др. Это своеобразные музыкальные пьесы, где стихотворные диалоги перемежаются с песенными, а конечная победа героя над турком («арапом») или господарем сопровождается общим веселым танцем.

Богато представлена у молдаван обрядовая поэзия. Песнями сопровождался праздник Русалий, во время которого исполнялись обряды *папаруда* и *скаложнул*, якобы помогающие предотвратить засуху. С песнями проводились увеселения после уборки урожая.

Свадебный фольклор состоит из поэтических декламаций, приуроченных к определенным церемониям: *ораце де пецит* — приветствие при сватовстве, в котором варьируется иносказание «охотники ищут козочку»; *поклоане* — обращение при поднесении подарков невесте, *конокэрия* — приветствие посланцев жениха к невесте, *ертэчуя* (буквально: прощание) — просьба благословить молодых. Среди свадебных лирических песен трогателен плач невесты; в прошлом в этой песне часто выражалось горе девушки, выдаваемой за немилого ей богача. Особый вид составляли застольные песни, исполнявшиеся на свадьбе за большим столом (маса маре) и на других торжествах.

Трагически звучали свободно импровизируемые плачи *бочете* по умершим близким.

В фантастических сказках молдаван развиваются сюжеты, известные и у других народов, но в передаче их ясно ощущается местный колорит. Излюбленный персонаж сказок — Фет-Фрумос (букв.: красивый внук или сын). Это имя часто служит вторым именем, даваемым герою за мужество и доблесть. Такое имя носят, например, Ионикэ, освободивший из темницы солнце, похищенное драконом, и Ильяна Косынзяна, любимая народом добрая красавица. В столкновениях со злом и несправедливостью, в поединках со змеями, злыми колдуньями и ведьмами героям помогают Джериле (Замерзающий), Сэтилэ (буквально: Жаждающий; ср. русск. Опивало), Флэмындзилэ (Голодающий; ср. русск. Обьедало), Стрымбэ-лемне (буквально: Гнущий деревья), Сфармэ-пэтрэ (Крошащий камни) и др.

Популярные персонажи бытовых сказок — Пэкалэ и Тындалэ. Пэкалэ — находчивый шутник; его имя происходит от глагола *a пэкалми* — обхитрить, подшутить. Тындалэ — добродушный весельчак. Эти герои — родные братья восточного Ходжи Насреддина, русского бывалого солдата или хитреца-мужичка, хитрого болгарского Петра. Они воплощают остроумие и сметку никогда не унывающего бедняка-крестьянина. Хитрому Пэкалэ особенно нравится поиздеваться над глухим боярином: заставить его всю ночь простоять в лесу в ожидании обещанного «чуда», оставить его без брочки и т. д.

Героический эпос представлен в молдавском фольклоре «войничскими» (богатырскими) и гайдучскими песнями. Это развернутые (до тысячи стихов) тексты, объединяемые иногда под термином *кынтече бэтрынешть* (буквально: старинные песни; ср. русск. старина, былина). Древнейшую тему (например, борьбу с враждебными силами природы, героическое сватовство) донесли до нас сказания о победе богатыря Йоргована над змеем-людоедом, о покорении витязем лесной «дикой девушки из Днестровских кодр». В период с XIV до начала XVI в. сложилось много героико-эпических поэм об отражении турецких и татарских нашествий. К их числу принадлежат песни о Станиславе и Вылкане, противостоящих туркам на Дунае, о Дончилэ, богатыре-сидне, выходящем на бой с татарским Мырзаком (ср. образ Дятчила в южнославянском эпосе), и Груе Грозоване, берущем верх над крымским ханом. Сюда же относятся поэмы о Новаке и Груе — героях южнославянского эпоса. В молдавском фольклоре им посвящены самобытные поэмы, в которых их действия

приурочены к исторической обстановке дунайских княжеств, где, между прочим, и сражался в 1600 г. предводитель сербских гайдуков Баба Новак.

Социальная тема развивается в поэме о Томе Плимоше, вероломно раненном боярином Маней за неуплату дани с лесов, полей и вод. Истекая кровью, богатырь догоняет и уничтожает врага. Песнь о Томе Плимоше — поэтический отклик на борьбу крестьянства против насильственной экспроприации боярством общинных земель. В эпическом цикле о повстанцах-гайдуках XVII—XVIII вв., когда особенно усилился боярский гнет, антифеодальная направленность тесно переплетается с патриотической темой — протестом против турецкой неволи («Бадиул и турки», «Михул и господарь Стефан», «Корбя», «Кодряну»). Характерные черты этих поэм — героизация неуловимого народного мстителя и сатира на его врагов.

Не будучи хроникой конкретных происшествий, героические поэмы тем не менее верно отражают патриотический пафос оборонительных войн (а позже — борьбы за уничтожение турецкого ига) и социальных выступлений. Для них характерна гиперболизация обобщения. Исполняют кынтече бэтрынешть народные певцы (*лэутарь*) речитативом, сопровождая его игрой на национальных инструментах, к которым относятся кобза, *най* (аэрофонический инструмент из нескольких трубок разной длины без нижнего отверстия), *чимпой* (волынка), скрипка. Эпические песни обычно содержат запев (зачин), который повторяется перед каждой новой картиной, рифмующиеся тирады, устойчивую концовку; для них характерно искусное применение ретрадации.

Развернутая повествовательная форма, напевный речитатив свойственны и балладам. Содержание баллад весьма разнообразно. Многие построены на олицетворении природы. Такова, например, баллада о трагической любви Солнца и Луны. Олицетворялись даже болезни. Известна баллада о том, как неподражаемый мастер Маноле замуровал в каменную кладку свою жену, чтобы успешно завершить строительство церкви необыкновенной красоты. Среди баллад на темы пастушеской жизни особенно выделяется «Мпорица», которую справедливо относят к шедеврам народного словесного искусства.

Некоторые баллады имеют характер исторического повествования. Например, в балладе «Илиякуца» дан замечательный образ девушки, которая предпочла смерть в морских волнах турецкому плену.

У молдаван хорошо развит жанр исторических песен. Если песни о Стефане III (умер 1504 г.) представляют лишь предысторию этого жанра, то тексты конца XVIII—XIX вв. свидетельствуют о его расцвете. Это песни об известных гайдуцких вожаках Бужоре, Дарпе, Тобултоке, о славных русских воинах и полководцах, участниках русско-турецких кампаний конца XVIII в. (тексты о Хотине, Потемкине), об Отечественной войне 1812 г., движении Тудора Владимиреску в Валахии, о Крымской войне, о штурме и взятии Плевны. Исторические песни, созданные в начале нашего столетия, отражают события японской и первой мировой войн. Много песен посвящено революционным восстаниям, в них воспеваются события революции 1905—1907 гг., Октябрьской революции, подвиги Г. И. Котовского, Татарбунарское восстание, направленное против румынских помещиков.

К числу древнейших принадлежат трудовые песни («Полевая», «Пастушеская»), интонруемые без слов (повторяется тра-ла-ла) и отличающиеся простотой мелодической структуры. Много песен было в прошлом о тяжелой жизни и борьбе против угнетателей, о радостях и горестях любви, о предпочтении красоты богатству. Среди них особое место принадлежит дойнам. Известны дойны вокальные и инструментальные.

Вокальные дойны — это протяжные, одноставные омофонические песни про-эпического характера; им свойствен весьма развитый

напев. Образцами могут служить дойны о борьбе с турками, монолог-обращение гайдука к верному другу лесу, дойна о батраке, мечтающем расправиться с боярином и мироедом-чокоем.

Инструментальная дойна состоит из двух частей, обычно контрастирующих между собой. Живость, оптимистичность, близость к быстрой танцевальной мелодии отличают вторую часть от первой, гораздо более плавной.

Антимилитаристскими мотивами насыщены рекрутские и солдатские песни старого времени. Широко были распространены сатирические и юмористические песни.

С древних времен получили развитие *стригэтуры* — восклицания в стихах, сопровождающие, как правило, танец. Известны стригэтуры сатирического, юмористического, дидактического содержания (о чиновнике-взяточнике, о ленивом муже, засыпающем с косою в руках, об уродливой дочке богача, которая спотыкается о собственный нос). Стригэтуры активно развиваются и в настоящее время, чему способствует влияние частушек.

Ряд жанров и видов народного творчества молдаван ныне исчезает из живого бытования. Таковы архаические по своей образности эпические поэмы, фантастические сказки. Коренные изменения жизни и мировоззрения народа обусловили исчезновение заговоров и заклинаний, постепенное угасание традиций обрядовой и календарной поэзии. Вместе с тем ряд художественных жанров продолжает полнокровно развиваться (лирика, пословицы, загадки, сказы, анекдоты).

Среди народных певцов широко популярны в настоящее время А. П. Чолак, чьи песни о четырех советских воинах — победителях океана, о первых спутниках и космонавтах широко известны в республике и часто исполняются по радио.

Значительных успехов в наше время достигла молдавская литература, прошедшая многовековую историю. До XVII в. литература как в Молдавии, так и в Валахии была на церковно-славянском языке. В XVII в. в Молдавии появились первые историки своей земли, такие как Григорий Уреке, Мирон Костин и другие, начавшие писать на родном языке. Турецкое иго неблагоприятно отразилось на начавшемся процессе создания собственной литературы в Молдавии. В это время наибольший интерес представляли различные повести, переведенные с греческих или славянских оригиналов. В начале XVIII в. выделилась фигура ученого — просвещенного молдавского господаря Дмитрия Кантемира, посвятившего свою жизнь борьбе за освобождение родной страны с помощью России от турецкого ига. После Прутского похода Петра Первого он остался в России и продолжал здесь свою научно-литературную деятельность. Он оставил ряд произведений исторического и географического характера, из которых особенный интерес представляет «Описание земли молдавской».

В XIX в. молдавские писатели начали собирать и использовать в своих произведениях богатые фольклорные сюжеты. Важнейшую роль в этом отношении сыграл Василий Александри, собиратель и первый издатель народных молдавских песен, много содействовавший развитию народной музыки и оформлению литературного языка. Необходимо отметить и талантливого новеллиста и повествователя Иона Крянгу, черпавшего сюжеты своих повестей главным образом из народного быта молдаван.

В великой братской семье народов Советского Союза искусство и литература Молдавии получили возможность творческого развития. Особенно это сказалось после перевода алфавита с латинской графики на русскую.

Из произведений молдавских писателей широкой популярностью пользуются рассказы И. И. Канна, А. Лупана, И. Истру, стихи лауреата Государственной премии Е. Н. Букова. Московскому зрителю хорошо зна-

комо имя Иона Друцз, прозаика и драматурга, комедия которого «Каса маре» идет на столичной сцене. Молдавская советская литература полно и ярко раскрывает глубокие изменения, произошедшие в жизни молдаван, прославляет героев труда, воспевает расцвет своей республики.

Изобразительное искусство

Наибольшего развития народное искусство молдаван достигло в ткачестве и керамическом производстве. Образцами являются прежде всего узорчатая ткань, декоративные и обрядовые полотенца; их ткали елочкой на пяти подножках или способом узорного переплетения. Узор таких полотенец состоял из ритмически повторяющихся сочетаний геометрических элементов: клеток, столбиков, звездочек. Даже полотенце хозяйственного назначения обязательно украшали орнаментом в виде светло-коричневых полосок по краям. Наиболее красочно оформлялись ткани для одежды, в которых часто сочетался тканый орнамент с вышитым.

Молдавские ковры имеют гладкую безворсовую поверхность. Орнамента их разнообразна по типу: геометрические узоры, состоящие из прямых и ломаных линий, треугольников, ромбов и т. д.; стилизованные изображения растений и человеческих фигур; реалистические изображения веток, листьев, цветов. Первый тип орнамента наиболее древний. В настоящее время в орнаментике ковров преобладают реалистически выполненные растительные мотивы.

Орнаментика молдавской керамики небогата. Известны два ее вида: углубленный орнамент и расписной. Первый наносится ногтем или специальным деревянным ножом в виде прямых и волнистых линий во время вращения сосуда на круге. Расписной орнамент выполняется краской или поливой при помощи рога или кисточки. Его элементами являются прямые или извилистые линии и точки. Распространен и растительный орнамент: листья, виноградные лозы с гроздьями, цветы; встречаются также стилизованные изображения птиц. Некоторые виды посуды покрывают глазурью. Полива наносится на ангобированную поверхность сосуда чаще всего с его наружной стороны. Нередко встречается и подглазурная роспись.

Немалых успехов достигло профессиональное изобразительное искусство. Современная жизнь молдаван отражена в творчестве таких художников, как И. Дубиновский, И. Богдеско и др.

Театр и музыка

Больших успехов в советские годы добилось и профессиональное музыкальное искусство. В Кишиневе созданы консерватория и театр оперы и балета, помещение которого в определенные дни недели предоставляется молдавской драматической труппе. Следует отметить, что в крупных городах Молдавии получил развитие русский театр. В репертуаре театров как классические пьесы, так и произведения советских авторов.

Театральное искусство популярно не только в городе, но и на селе. В выходные дни сельское население зачастую целыми группами отправляется на колхозных и совхозных автомашинах в ближайший город в театр.

В последние годы создана самая молодая в нашей стране киностудия «Молдова-фильм», произведения которой уже завоевали признание.

Большой популярностью и любовью не только в Молдавии, но и за ее пределами пользуется вокально-хореографический ансамбль «Дойна», талантливо пропагандирующий народное искусство.

Следует отметить широкое развитие художественной самодеятельности в молдавских селах.

Образцами богатого хореографического искусства молдаван являются известные «Молдовеняска» и «Хора», а также другие танцы, главным образом хороводные, о содержании которых говорят их названия: «Букуррия» (Радость), «Хайдучаска» (Гайдукская), «Поама» (Виноград), «Коса»

Репетиция духового оркестра колхоза «Прогресс» Флорештского района, 1960 г.

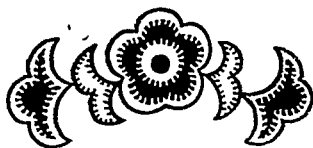
На районном празднике песни и танца. Село Чобручи Тграспольского района

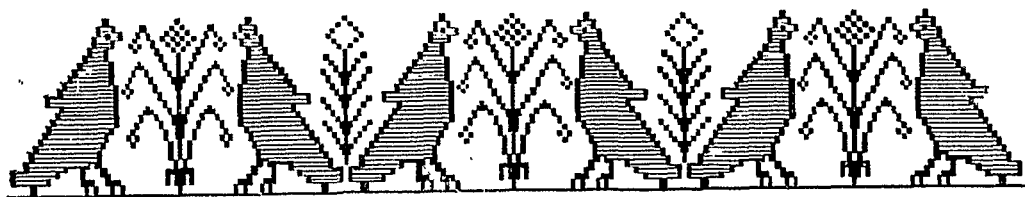
(Коса), «Чобэнаш» (Пастушок). О культурных связях молдаван с другими народами свидетельствует тематика таких танцев, как «Булгэряска», «Русаска», «Сырба», «Гошак», «Цыгэняска» и др.

К числу народных музыкальных инструментов, кроме названных выше (кобза, най, чимпой, скрипка, барабан), относятся древние псевдоинструменты: лист дерева, рыба чешуя, а также уже упоминавшаяся *дрымба*, *бучум* (схожая с украинской трембитой деревянная труба длиной до 3 м, использовавшаяся и для подачи боевых сигналов), разнообразные свирели (*флуер*).

Народные хоры и сельские хореографические ансамбли получили высокую оценку на международных молодежных фестивалях и декадах молдавского искусства, проходивших в Москве.

Полнокровная и яркая жизнь молдавского народа свидетельствует о тех глубоких изменениях, которые произошли у молдаван за годы Советской власти.

КРАТКАЯ СПРАВКА О ДРУГИХ НАРОДАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Кроме народов, рассмотренных в предыдущих главах настоящего тома, в Европейской части СССР живет значительное число других народов. К ним относятся евреи и цыгане, расселенные почти по всей территории и не образующие нигде компактных этнических ареалов, а также ряд народов, расселение которых ограничено отдельными небольшими областями. Для двух из этих народов — гагаузов, живущих в южной Молдавии и некоторых областях Украины, и караимов, небольшие группы которых живут преимущественно в Литовской ССР и в Крыму, — СССР является основным местом обитания. В Европейской части СССР живут также отдельные группы народов (поляки, болгары, венгры и др.), основная масса которых расселена за пределами СССР.

Евреи

Название народа «евреи» по традиции производят от древнееврейского слова «ибри» — потомки Эбера, легендарного родоначальника. Позднее, особенно в странах зарубежной Европы, распространился термин «иудей», означающий жителя древнееврейского государства Иудея, находившегося в южной части Палестины. Отсюда произошло и наименование ортодоксальной еврейской религии — иудаизм. По данным 1959 г., евреев на территории Советского Союза насчитывается 2268 тыс. человек, в том числе в Европейской части СССР — около 1,9 млн. Из этого числа на Украине живет 840 тыс., в Белоруссии — 150 тыс., в Молдавии — 95 тыс., остальные преимущественно в Европейской части РСФСР. Основная масса евреев живет в крупных городах.

Древнееврейский язык лишь частично сохранился у старшего поколения евреев СССР как язык культуры и религиозной литературы. Народным языком евреев СССР считается *йидиш*, в его основе лежит одно из средневековых восточных средненемецких наречий Германии. На территории СССР в йидише выделяются два диалекта: белорусский и украинский. Для огромного большинства евреев Советского государства родным языком стал русский и во многих еврейских советских семьях говорят только по-русски. По данным переписи населения СССР 1959 г., 76,4% всех евреев назвали своим родным русский язык и 17,9% — еврейский (йидиш).

На территорию, которую ныне занимает Советский Союз, евреи впервые появились еще в эпоху формирования Киевской Руси. В X в. они жили преимущественно в Киеве, куда переселялись из крымских греческих колоний и из хазарских областей. Верхушка хазарского общества исповедовала в то время иудаизм, и в землях хазар бывали еврейские миссионеры и путешественники. В массе евреи на территории России появились

лишь после раздела Польши в XVIII в., когда в России отошли часть польских земель и Литва, где было довольно значительное еврейское население. Здесь евреи, как и многие другие национальнЫе меньшинства царской России, оказались на положении угнетенной и бесправной национальной группы. Особенно резко это сказалось в 1796 г., когда была введена «черта оседлости». Евреям разрешалось селиться лишь в некоторых губерниях Западной и Южной России, преимущественно в мелких городах и местечках, где основными их занятиями стали ремесла (портняжное, сапожное и т. п.) и мелкая торговля. Лишь в западных губерниях царской России часть евреев получила возможность заниматься земледелием, огородничеством, работать на фабриках, преимущественно в качестве чернорабочих.

Политика изоляции и антисемитизма, проводившаяся царским правительством, способствовала сохранению у некоторой части евреев средневековых общественных институтов и прежде всего еврейской общины (*кагал*). Община выступала в качестве защитника своих членов от притеснений царских чиновников, занималась благотворительностью, имела свой суд (*бетдин*), где дела решались по древнееврейскому каноническому праву. Каждый ее член чувствовал себя как бы под защитой соплеменников; отлучение от общины (*херем*) воспринималось как величайшее несчастье. В условиях разжигавшейся царскими властями национальной розни изгнанный из общины попадал в чужую, враждебную ему среду и часто был обречен на гибель. Боязнь отлучения пользовалась защиточная верхушка общины, эксплуатировавшая еврейские массы и державшая их в полном подчинении. В этом ее всячески поддерживали местные раввины, к которым еврейское население обращалось за всевозможными советами. Институт раввинов был даже узаконен царским правительством. Так называемые казенные раввины получали некоторые юридические полномочия и выступали в качестве посредников между общиной и государственной властью при разборе тех или иных дел. Все это способствовало замкнутости еврейской общины и еще больше усугубляло бесправное положение еврейского населения, среди которого начало расти недовольство. В 70-х годах XVIII в. оно вылилось в своеобразное реформаторское движение — *хасидизм*, направленное против засилия раввината. Хасиды выступали против книжной религии и раввинской «учености». По их представлениям, главное заключалось в общении с богом, но это было доступно не всем, а только избранным. Это религиозно-мистическое движение было особенно распространено в Юго-Западном крае. Однако цадики так же, как и раввины, жестоко грабили еврейскую бедноту.

Развитие капитализма в России и связанное с ним обнищание широких народных масс отразились и на положении еврейского населения. Ремесленники и мелкие торговцы стали разоряться и пополнять ряды российского пролетариата, вместе с которым они включились в политическую борьбу за свои права. В свою очередь среди еврейской буржуазии и интеллигенции появилась реакционное течение — сионизм. Сионисты пропагандировали переселение евреев в Палестину и создание там якобы надкласового государства. Они стремились оторвать еврейские народные массы от революционной борьбы российского пролетариата. Влияние буржуазного национализма отрицательно сказалось и на деятельности еврейской рабочей организации «Бунд». В 1898 г. на I съезде РСДРП она вошла в ее состав, но в 1903 г. на II съезде вышла из состава партии, так как съезд отказался признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата. Скатившись на позиции буржуазного национализма и изменив делу рабочего класса, Бунд в конце концов сомкнулся с сионистской организацией. Его влияние на еврейский пролетариат упало. Основная масса еврейских рабочих и полупролетарских элементов пошла за большевиками.

Стремясь нанести удар растущему пролетарскому движению, царское правительство всячески разжигало национальную рознь, в частности по отношению к евреям. За многочисленными еврейскими погромами последовала организация в 1908 г. нагумевшего дела Бейлиса, основанного на обвинении евреев в ритуальном убийстве.

Бытовые особенности еврейского населения в прежнее время были в значительной мере обусловлены как религиозными предписаниями иудаизма, так и тем положением, которое евреи занимали в царской России. В отдельных городах они поначалу стремились селиться поближе друг к другу, создавая особые еврейские кварталы. Впоследствии это положение было узаконено, и больше того — евреям запрещалось селиться вне этих кварталов. Создалось еврейское гетто, в котором основная масса населения жила в условиях чрезвычайной скученности и нищеты.

Весьма строгими были религиозные запреты в отношении пищи. Она делилась на две категории: *кошер* (дозволенная) и *трефа* (недозволенная); в ортодоксальной еврейской среде недозволенная пища (свинина, мясо зайца, угри и т. д.) не употреблялась. Посуда, в которой приготавливали мясную пищу, не должна была даже стоять рядом с посудой, в которой готовили молочные кушанья.

В период капитализма, когда значительная часть еврейской бедноты пополнила ряды российского пролетариата, быстро пошел процесс ассимиляции еврейского населения с окружающими народами, особенно с русскими. Это сказалось на бытовых особенностях евреев, их старые обряды и обычаи стали довольно быстро исчезать.

Коренным образом положение евреев изменилось после Великой Октябрьской революции. Были уничтожены унижительные ограничения в отношении евреев, и они стали полноправными гражданами великой Страны Советов. Им был открыт доступ к образованию и к участию во всех отраслях производства. Евреи СССР получили свою автономию: в 1936 г. в Биробиджане была создана Еврейская автономная область.

Экономический и культурный рост Страны Советов, подъем материального благосостояния всех советских народов способствовали тому, что еврейское население освободилось от старых предрассудков и влияния иудейской религии. Немалую роль в этом сыграли и смешанные браки, которые до Октябрьской революции были крайне редки. В быту советских евреев в наши дни уже трудно найти специфические черты, присущие только еврейскому народу.

Большой урон понесло еврейское население СССР во время Великой Отечественной войны вследствие человеконенавистнической расовой политики немецких фашистов, уничтоживших сотни тысяч евреев.

Цыгане по своему происхождению являются потомками выходцев из Северной Индии. Само название цыган — *ром, лом*. На территории Советского Союза, по данным переписи 1959 г., насчитывается свыше 132 тыс. цыган, в том числе 76 тыс. в РСФСР, преимущественно в ее Европейской части, 23 тыс. на Украине, остальные в Молдавии и других республиках. Язык цыган связан с новоиндийскими языками, но отличается от них более архаическими формами. Он делится на два диалекта: северный и южный. Необходимо отметить, что в быту цыгане, как правило, двуязычны, т. е. говорят на своем языке и на языке того народа, среди которого они живут. В Европейской части России цыгане появились в различных областях в разное время: в Бессарабии — в XV в., в Белоруссии — в XVI в., на Украине и юге России — в XVII в., в центральных и северных областях — в XVIII в. Особенности их кочевого быта, преследования царских властей, национальная рознь, разжигавшаяся царизмом, способствовали культурной обособленности и отсталости цыганского народа в прежнее время.

По своему образу жизни цыгане делились на оседлых и кочевых. До

революции оседлые цыгане жили преимущественно в городах. После революции благодаря усилиям и помощи органов Советской власти значительная часть кочевых цыган, несмотря на сопротивление таборной верхушки, перешла к оседлости. Они поселялись в сельских местностях и, оставляя свои прежние занятия (барышничество, гадание и т. п.), переходили к земледелию. Одно время существовали цыганские колхозы, которые затем слились с соседними инонациональными колхозами. Городские цыгане работали в различных промысловых артелях, а затем стали работать в промышленности.

Культурный рост цыганского народа отразился и на росте интеллигенции из его среды. Теперь многие цыгане имеют высшее образование и работают инженерами, врачами, актерами, руководителями предприятий.

В области материальной культуры оседлые цыгане довольно близки к тем народам, в среде которых они живут. Их жилища и пища ничем не отличаются от жилища и пищи русских, украинцев, молдаван. Сохранились лишь некоторые особенности в народной одежде у сельских цыган. Женщины носят широкие юбки ярких расцветок и шали на плечах. Мужчины сохраняют манеру носить рубахи, расстегнутые на груди. Известна любовь цыган, женщин и мужчин, к всевозможным металлическим украшениям. Городские цыгане утратили эти особенности и в своей одежде ничем не отличаются от окружающего населения.

Быт цыган, которые еще не полностью перешли к оседлости, отличается от их прежнего образа жизни. Передвижения этой группы цыган происходят теперь преимущественно в летний период, но и в это время они подолгу живут на одном месте. Мужчины летом занимаются различного рода ремеслами, чаще всего кузнечным. На зиму цыгане снимают в деревнях дома, где преимущественно остаются женщины с детьми. Мужчины обычно уезжают на заработки, устраниваясь на различные предприятия. Некоторые и зимой работают кузнецами в колхозах.

В религиозных воззрениях цыган Европейской части СССР, официально числившихся православными, сохранялись многие пережитки, связанные с индийской мифологией. В настоящее время религиозные верования все в большей мере утрачивают прежнее значение в быту цыган.

Широкую известность приобрела цыганская музыка, оказавшая влияние на ряд крупнейших композиторов. В России издавна славились цыганские оркестры и хоры с плясками. С 1930 г. в Москве работает театр «Ромэн», развивающий лучшие традиции цыганской народной культуры.

Гагаузы Гагаузы (самоназвание *гагауз*) живут в СССР (около 124 тыс. человек) и в Болгарии (около 10 тыс. человек, данные 1955 г.). Гагаузы СССР — потомки переселенцев из Болгарии, которые бежали в Россию во время русско-турецких войн в конце XVIII — начале XIX в. Они поселились главным образом в Бессарабии, в Бендерском и Измаильском уездах. В 1861—1862 гг. часть бессарабских гагаузов переселилась в Таврическую губ. В настоящее время гагаузы живут компактной массой близ г. Бендеры Молдавской ССР, в юго-западной части Одесской и в Запорожской области УССР в одних селах с болгарскими, молдаванами и украинцами. Гагаузский язык относится к огузской группе тюркских языков.

О происхождении этого народа имеются различные гипотезы, ни одна из которых до сих пор не подтверждена. По мнению одних ученых, гагаузы — это потомки тюркских племен огузов (узов), половцев (куманов) и др., которые в средние века переселились в Болгарию из Причерноморья. Долго живя среди болгар, они восприняли православие и некоторые черты славянской культуры. По другой теории гагаузы являются болгарскими, смешавшимися с остатками упомянутых тюркских племен и под турецким влиянием усвоившими тюркский язык, но сохранившими православие. Хозяйственная деятельность, быт, культура гагаузов мало отличаются от

болгарских, а в СССР они очень близки к быту и культуре всех бывших колонистов Приазовья. На язык гагаузов оказали сильное влияние болгарский и русский языки. Гагаузский язык сохраняется еще в семейном быту среди лиц старшего и среднего поколений, дети его уже не знают.

Основные традиционные занятия гагаузов — овцеводство, земледелие, виноградарство. Овцеводство было ведущим до середины XIX в., когда оно уступило место земледелию. Из местных ремесел было развито ковроткачество (женское домашнее ремесло), а также изготовление шерстяных и шелковых тканей.

Гагаузские села имеют регулярную планировку, дома стоят фронтоном к улице. Во дворе по вытянутой линии располагаются парадный дом (*бююк, евь*), осенняя кухня, пристроенная вплотную к нему, но под самостоятельной крышей, летняя кухня и другие хозяйственные пристройки. Для жилого дома характерны завалинка (*присба*) и выступающая над стенами стреха, поддерживаемая столбиками. Традиционная планировка — трехраздельная, в старину она была двухраздельной, а ныне сменяется многокомнатной. Для домашнего быта характерны низкие, круглые, типичные для всех балканских народов обеденные столики (*софра*). Жилые дома гагаузов по конструкции, внешнему виду и внутренней планировке аналогичны домам болгар, молдаван и других соседних народов. Особенно заметна эта близость в Запорожской обл.

Женский национальный костюм состоит из рубахи туникообразного покроя с длинными рукавами, без воротника, платья с узким лифом, длинными узкими рукавами и широкой юбкой, передника и шерстяного пояса. Головным убором служит платок. Летом в качестве верхней одежды носят безрукавки из толстого сукна, зимой — овчинные безрукавки и полушубки. Этот женский национальный костюм сохранился у гагаузов Молдавии. Мужчины-гагаузы в Молдавии одеваются по-городски, от традиционного костюма они сохранили лишь длинные красные шерстяные пояса, безрукавки (или жилетки городского образца), фетровые шляпы, барашковые шапки. В Запорожской обл. традиционный мужской костюм полностью уступил место современному. Женщины в этих местах одеваются так, как женщины тех народов, среди которых они живут.

Как уже указывалось, гагаузы принадлежали к православной церкви. Ряд поверий, еще сохраняющихся кое-где среди гагаузов Молдавии и не так давно бытовавших и у украинских гагаузов, во многом напоминают славянские (представления о домовых, русалках и т. п.). Семейные обряды отражали поверья, связанные с земледельческой культурой.

Караимы

Караимы — немногочисленная народность, представители которой живут в основном в Советском Союзе (по переписи населения 1959 г., в СССР насчитывалось 5727 караимов). Караимы живут в городах и сельских местностях главным образом Крыма, Литовской ССР и Украинской ССР.

Караимами первоначально называли исповедовавших религиозное вероучение караичизма (секта иудаизма, отвергающая Талмуд), впоследствии этот термин стал этнонимом, который распространился на всю народность.

Караимы происходят от древних тюркских племен, входивших в VIII—X вв. в состав Хазарского каганата, которые после его распада поселились в Крыму. В XI—XVIII вв. караимы жили преимущественно в горной части Крыма, в районе крепости Чуфут (Чуфт-Кале). В конце XIV в. литовский великий князь Витовт во время одного из своих набегов на Крым вывез в Литву несколько сот семейств караимов и расселил их по соседству со своей столицей Тракай. Некоторое время спустя группы караимов поселились также в районе Галича и Луцка.

Крымские караимы, расселившиеся после присоединения Крыма к России в 1783 г. на побережье полуострова, занимались земледелием,

виноградарством и ремеслами. Основным занятием литовских караимов было земледелие и разведение бахчевых культур.

В конце XIX — начале XX в. среди караимов наблюдалось классовое расслоение. Появилась значительная прослойка торговцев и предпринимателей, интеллигенция, рабочие.

Октябрьская революция уравнила в правах караимов, живущих в Крыму, с другими народами России, открыла перед ними широкие возможности всестороннего культурного развития. Такие возможности открылись и перед караимами Литвы после того, как там была провозглашена Советская власть и Литва добровольно вступила в Советский Союз.

В прошлом материальная культура и быт караимов находились под большим влиянием местных культур — татарской в Крыму и литовской в Литве. В дальнейшем на них оказывала большое влияние русская культура. Значительная часть караимов пользуется в быту русским языком, а живущие в Литовской ССР также литовским. По данным переписи населения 1959 г., 82,7% караимов назвали родным русский язык. По своей хозяйственной деятельности и материальной культуре они не отличаются от окружающего местного населения. Сохранился фольклор караимов, отражающий их историческую связь с хазарами.

* * *

Этнографические очерки народов, которые населяют страны Зарубежной Европы и в пределах СССР представлены лишь сравнительно небольшими группами, содержатся в соответствующем томе настоящей серии «Народы мира»¹. Приведем сведения об их численности и расселении.

П о л я к и (1380 тыс. человек, по переписи 1959 г.) живут на юго-востоке Литовской ССР и на северо-западе Белорусской ССР; значительные группы их имеются также в западных областях Украинской ССР. Поляки живут большей частью смешанно с литовцами, белорусами и украинцами; многие их группы считают своим родным языком русский (свыше 203 тыс. человек), украинский (276 тыс.), белорусский (около 263 тыс.) и имеют переходное самосознание.

Б о л г а р ы обитают главным образом в Одесской, Запорожской и в небольшом числе в Кировоградской и Николаевской областях Украинской ССР. Небольшие группы болгарского населения имеются в Казахской ССР и на Северном Кавказе. Общая численность болгар в СССР составляет 324 тыс. человек, в том числе в Украинской ССР 219 тыс.

Г р е к и, общая численность которых в СССР составляет 310 тыс. человек, живут в значительной части (104 тыс., по данным переписи 1959 г.) в Украинской ССР, главным образом в Донецкой обл. Среди греков Украины подавляющее большинство (около 93 тыс.) считает своим родным языком русский и только немногим более 8 тыс. — греческий.

В е н г р ы (155 тыс. человек) и **р у м ы н ы** (106 тыс. человек) живут в западных районах Украинской ССР (венгры — в Закарпатской обл., румыны — в Закарпатской и Черновицкой). Чехи (25 тыс. человек) и словаки (14,5 тыс. человек) расселены также преимущественно на Украине. Албанцы (5 тыс. человек) живут в Одесской и Запорожской областях Украинской ССР. Переписью населения 1959 г. зарегистрировано в СССР 5 тыс. «югославов», большей часть это сербы, живущие на юге Украинской ССР.

Остановимся несколько подробнее на этнической истории греков, болгар, албанцев, которые, так же как и упоминавшиеся выше гагаузы, являются потомками переселенцев с Балканского полуострова, пришедших в Россию частично в XVIII в., но главным образом в XIX в. Это переселе-

¹ «Народы Зарубежной Европы», I. М., 1944.

ние было следствием политического положения на Балканах и русско-турецких войн (1787—1791, 1806—1812, 1828—1829, 1853—1855 гг.), вызывавших значительное передвижение населения. Христианское население, угнетаемое и беспощадно ограбляемое правительством Османской империи, видело в России своего освободителя от многовекового турецкого гнета. Оно снималось с места и массами уходило вслед за русской армией.

Раньше других, еще до XVIII в., на юге России стали возникать греческие поселения. Наиболее же интенсивная греческая иммиграция в южные степные районы Украины приходится на вторую половину XVIII в., когда русское правительство использовало греческих поселенцев для пополнения военных гарнизонов, а затем и для экономического освоения Новороссии. В русско-турецкой войне 1768—1774 гг. греки-повстанцы Греции сражались на стороне России, а по окончании войны значительная часть их поселилась в Крыму. Новые греческие военные поселения близ Балаклавы были основаны в 1784 г. В конце XVIII в. русское правительство вывело часть греков — торговцев и ремесленников из Крыма и расселило их в районе вновь основанного города Мариуполя (ныне г. Жданов, Донецкой обл.). Греческая колонизация юга Украины продолжалась и позже, в частности в 1794 г. после основания г. Одессы и в 1820-х годах в связи с греческой революцией и последовавшей за нею греко-турецкой войной.

К началу XIX в. греческие поселения утратили военное значение. Греческие колонисты Таврической, Херсонской и Одесской губерний занимались земледелием, торговлей, ремеслами.

Еще в Крыму греки, населявшие степные районы и побережье, восприняли татарский язык (их называли «греки-татары»). Другая часть, жившая в горных областях, сохранила свой язык — диалект новогреческого. Эту группу именовали «греки-эллины». В настоящее время родной язык сохранили в основном потомки этой последней группы.

О поселении болгар на юге России первые официальные данные относятся ко второй половине XVIII в. В этот период, как и позже — в XIX в., направления эмиграции были различны: в Буджакские степи (южная часть Бессарабии), в район Одессы и в Крым. Однако юг Бессарабии оставался основным местом, куда стекались беженцы из северных районов Болгарии (особенно после 1812 г., когда Бессарабия вошла в состав России). Из северо-восточной Болгарии вместе с болгарями переселялись албанцы и гагаузы.

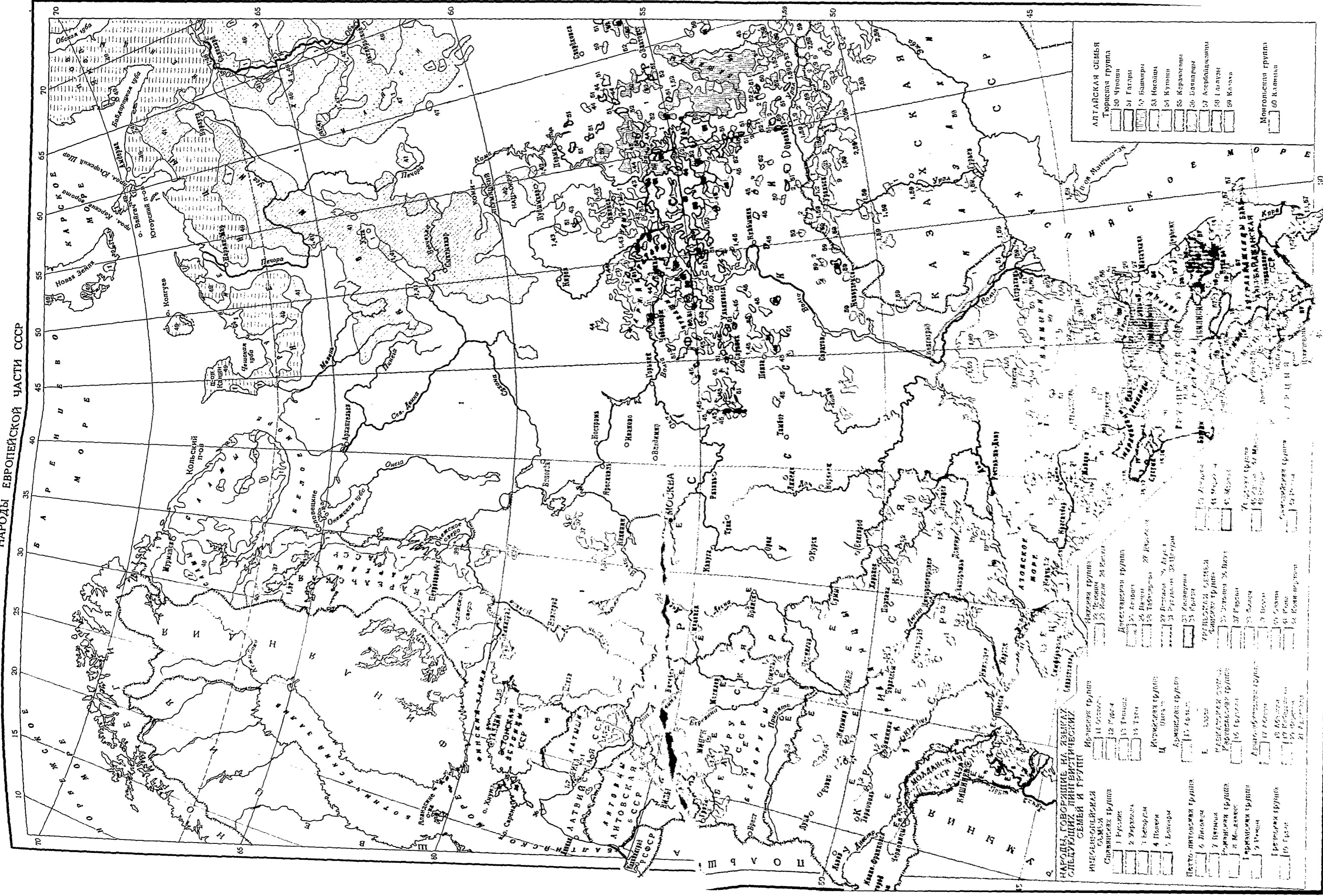
Колонисты получали от русского правительства земли и основывали колонии. Они занимались земледелием, виноградарством и виноделием, овцеводством, в меньшей степени — торговлей и ремеслом.

В 1856 г., когда по Парижскому трактату южная часть Бессарабии была присоединена к княжеству Молдова, находившемуся в вассальной зависимости от Турции (в 1859 г. княжества Молдова и Валахия объединились и стали именоваться Румынией), христианскому населению Бессарабии было разрешено перейти в Россию. К этому времени среди колонистов стала ощущаться острая нехватка земли, поэтому часть их охотно двинулась в Россию на слабо заселенные земли Южной Украины. Это переселение состоялось в 1860—1862 гг.

Русское правительство было заинтересовано в заселении и экономическом освоении степных пространств Северного Причерноморья и Приазовья (Новороссия). Поэтому именно сюда направило оно поток переселенцев из южной Бессарабии.

Первое время после переселения в Россию главное место в хозяйстве колонистов занимали овцеводство и виноградарство. Хлебопашество (озимая пшеница) приобрело значение в конце XIX в., когда начали появляться первые сельскохозяйственные машины, а пшеница стала пользоваться большим спросом на рынке.

НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

НАРОДЫ, СОВЕРШАЮЩИЕ НА ДВЕРЬКАХ СЛЕДУЮЩИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЕМЬИ И ГРУППЫ

Индоевропейская	Иранская группа	11 Осетин
Славянская группа	Туркская группа	23 Татары
1 Русские	23 Чеченцы	24 Кумыки
2 Украинцы	24 Чаркские татары	25 Дагестанцы
3 Белорусы	25 Авары	26 Ингуши
4 Польские	26 Чаркские татары	27 Осетины
5 Болгары	27 Чаркские татары	28 Абхазы
6 Литовцы	28 Чаркские татары	29 Адыгейцы
7 Немцы	29 Чаркские татары	30 Карачаевцы
8 Эстонцы	30 Чаркские татары	31 Балкарцы
9 Финны	31 Чаркские татары	32 Осетины
10 Эстонцы	32 Чаркские татары	33 Чеченцы
11 Эстонцы	33 Чаркские татары	34 Чеченцы
12 Эстонцы	34 Чаркские татары	35 Чеченцы
13 Эстонцы	35 Чаркские татары	36 Чеченцы
14 Эстонцы	36 Чаркские татары	37 Чеченцы
15 Эстонцы	37 Чаркские татары	38 Чеченцы
16 Эстонцы	38 Чаркские татары	39 Чеченцы
17 Эстонцы	39 Чаркские татары	40 Чеченцы
18 Эстонцы	40 Чаркские татары	41 Чеченцы
19 Эстонцы	41 Чаркские татары	42 Чеченцы
20 Эстонцы	42 Чаркские татары	43 Чеченцы
21 Эстонцы	43 Чаркские татары	44 Чеченцы

АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ

Тюркская группа	50 Чуваша
51 Татары	52 Башкиры
53 Ногайцы	54 Кумыки
55 Карачаевцы	56 Балкарцы
57 Азербайджанцы	58 Дагестанцы
59 Кавказцы	60 Калмыки

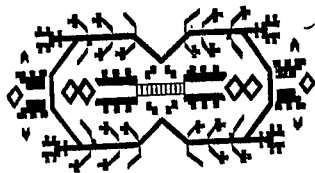
70 65 60 55 50 45 40 35 30 25 20 15 10 70 65 60 55 50 45 40 35 30 25 20 15 10

Хозяйственные связи болгар, гагаузов, албанцев Причерноморья и Приазовья между собой и с живущими в тех же местах украинцами и молдаванами сближали все эти этнические группы и в культурном отношении. Определенную роль играло при этом и общее вероисповедание — православие. Такое обстоятельство наложило отпечаток и на языковые связи: подавляющая часть мужского населения в первой четверти XX в., кроме родного языка, знала языки соседнего населения.

Болгары, численно превосходившие остальных колонистов, имели большую потребность в знании русского языка: они скорее, чем их соседи, восприняли русскую культуру и утратили многие самобытные черты культуры и быта. Албанцам и молдаванам, вкрапленным отдельными селами в болгарский массив, необходимо было знать болгарский язык. Гагаузы, рассеянные по всему югу Таврической губ., вступали в тесное общение и с болгарами, и с албанцами, и с молдаванами, усваивая их язык и материальную культуру. Однако процент смешанных браков в этом многонациональном районе был невелик.

После Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти судьбы этих народов резко разошлись. Население Одесской, Херсонской, Таврической губерний и Новороссийского края стало гражданами Советского Союза, а население Бессарабии, в 1918 г. незаконно отторгнутой от Советского Союза, оказалось под властью румынских помещиков и буржуазии.

После воссоединения Бессарабии с Молдавской республикой (1940 г.) бурным темпом развернулось социалистическое строительство. Пострадавшее во время Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) и временной оккупации население этого края — юга Молдавии и Одесской области Украинской ССР — с помощью советского народа под руководством Коммунистической партии и Советского правительства восстановило народное хозяйство, осуществило коллективизацию сельского хозяйства и ныне активно участвует во всех областях хозяйственной, общественной и культурной жизни Советской страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

НАРОДЫ ПРИБАЛТИКИ

Общие работы

- Балтийский этнографический сборник. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. 32. М., 1956.
- [Барон Кр.]. Указатель сочинений о коренных жителях Прибалтийского края. «Записки РГО по отделу этнографии», т. 2. СПб., 1869.
- Брюсов А. Я. Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология восточной Прибалтики. «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. 2. М., 1959.
- Вопросы этнической истории народов Прибалтики. «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. 1. М., 1959.
- Денисова Р. Я. К истории формирования антропологического состава восточных латышей и восточных литовцев. «Известия АН Латвийской ССР», 1958, № 3.
- Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XV. М., 1951.
- Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXIII. М., 1954.
- Мора Х. А. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. КСИЭ, вып. 12, 1950.
- Мора Х. А. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2.
- Мора Х. А. и А. Х. К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики. СЭ, 1960, № 3.
- Семья и семейный быт колхозников Прибалтики. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. LXXVII. М., 1962.
- Тараканова С., Терентьева Л., Чебоксаров Н. Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики. СЭ, 1956, № 2.
- Чебоксаров Н. Н. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете данных этнографии и антропологии. КСИЭ, вып. 12, 1950.
- Чебоксаров Н. Н. О древних хозяйственно-культурных связях народов Прибалтики. СЭ, 1960, № 3.

Литовцы

- Бальчиконис Ю., Глемжайте М., Кайрюкштите-Яцинене, Микенайте А. Литовское народное искусство. Ткани. Вильнюс, кн. 1, 1957; кн. II, 1962.
- Белинскис Ф., Чербуленас К., Шешельгис К. Литовское народное искусство. Зодчество, I. Вильнюс, 1957.
- Белинскис Ф. К. Литовское народное зодчество. М., 1960.
- Вишняускайте А. Этнографические исследования в Литве в 1940—1960-х годах. СЭ, 1960, № 3.
- Галауне П. Литовское народное искусство. Деревянные изделия. Вильнюс, кн. I, 1956; кн. II, 1958.
- Галауне П. Литовское народное искусство. Керамика. Вильнюс, 1959.
- Галауне П. Литовское народное искусство. Скульптура, I. Вильнюс, 1963.
- Глемжайте М. М. Народное прядение и ткачество литовцев. КСИЭ, XV, 1952.

- Данилюскас А. К вопросу об изучении культуры и быта литовских рабочих (по материалам фабрики «Нямунас» Рокишкского района). СЭ, 1962, № 5.
- Дундулене П. В. Земледелие в дофеодалной Литве. КСИЭ, XII, 1950.
- Жиленас В. С. Этнографическая экспедиция 1949 г. в Литовской ССР. КСИЭ, XII, 1950.
- Лингис Ю., Славюнас З., Якелайтис А. Литовские народные танцы. Вильнюс, 1953.
- «Литовское изобразительное искусство». Вильнюс, 1954.
- Чербуленас К. К. Развитие литовского народного деревянного зодчества и его основные черты. КСИЭ, XII, 1950.
- Шешельгис К. Народное зодчество Литвы. «Архитектура СССР», 1956, № 8.
- Юргинис Ю. М. Земледелие и техника сельского хозяйства Литвы в XIII—XV веках. «Труды Академии наук Литовской ССР», А, I, 1955.
- Ж. Валчиконис J. Audinių raštai. Vilnius, 1961.
- Баршаускас J. Lietuviškos kolūkiečio sodybos architektūra. Vilnius, 1956.
- Сербуленас КI. Senoji lietuvių liaudies medinių pastatų konstrukcija. «Valstybinės LTSR Architektūros paminklų apsaugos inspekcijos metraštis», I, Vilnius, 1958.
- Дулайтиене (Глемžайтė) Е. Kupiškėnų senovė. Vilnius, 1958.
- Дундулиене П. Arimo įrankiai Lietuvoje feodalizmo laikotarpyje. «Vilniaus Valst. V. Kapsuko v. universiteto Istorijos-filologijos fakulteto Mokslo darbai», II, 1955.
- Дундулиене П. Rugiapiūtės pabaigtuvės Lietuvoje. «Vilniaus Valst. V. Kapsuko v. Universiteto Mokslo darbai», V, 1958.
- Дундулиене П. Trilaukės žemdirbystės sistemos atsiradimo Lietuvoje klausimu. «Vilniaus Valst. V. Kapsuko v. universiteto Istorijos-filologijos fakulteto Mokslo darbai», III, 1957.
- Дундулиене П. Žuobris (senovinis arimo įrankis Vidurio Lietuvoje). «Vilniaus Valst. V. Kapsuko v. universiteto Mokslo darbai. Istorija», II, 1960.
- Дундулиене П. Žemdirbystė Lietuvoje. Vilnius, 1963.
- Галаунė П. Lietuvių liaudies menas. Kaunas, 1930.
- Гандримас J. Iš lietuvių muzikinės kultūros istorijos. Vilnius, 1958.
- Гандримас J. Lietuvių tarybinė muzika. Vilnius, 1960.
- Глемžайтė М. Lietuvių tautiniai drabužiai. Vilnius, 1955.
- «Iš lietuvių kultūros istorijos». Vilnius, I, 1958; II, 1959; III, 1961; IV, 1964.
- Јургинис J. Baudžiavos išgalėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1962.
- Јургинис J. Lietuvos menų istorijos bruožai. Vilnius, 1960.
- Јушка А. Lietuviškos svodbinės dainos. Svodbinė rėda, II. Vilnius, 1955.
- Каткус М. Balanos gadyne. Vilnius, 1949.
- Куликаuskас P., Куликаuskienė R., Таутавичиус А. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961.
- «Lietuvių dailė». Vilnius, 1954.
- «Lietuvių etnografijos bruožai». Vilnius, 1964.
- «Lietuvių literatūros istorija». Vilnius, I, 1957; II, 1958; III—4, 1961.
- «Lietuvių tautosakos apybraiža». Vilnius, 1963.
- «Lietuvos TSR architektūros klausimai». Kaunas, I, 1960; Vilnius, II, 1964.
- «Lietuvos TSR ekonominė geografija». Vilnius, 1957.
- «Lietuvos TSR istorija». Vilnius, I, 1957; II, 1963.
- «Lietuvos valstiečiai XIX amžiuje». Vilnius, 1957.
- Мешкаuskас K. Tarybų Lietuvos industrializavimas. Vilnius, 1960.
- Милиус V. Lietuvių tarybinės etnografijos 1945—1961 metų bibliografija. «Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija», IV, 1960.
- Милиус V. Pirmosios gyvulių išginimo dienos papročiai. «Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai». Serija A, 1, 1962.
- Милиус V. J. Stanskie Raseinių apskrities valstiečių maisto aprašas. «Fiziologijos ir biochemijos klausimai». Vilnius, 1962.
- Минкевичиус J. Lietuvos kaimo senųjų medinių ūkinių trobesių architektūra. «Valstybinės LTSR architektūros apsaugos inspekcijos metraštis», I, Vilnius, 1960.
- «Mokslas Tarybų Lietuvoje». Vilnius, 1961.
- Палиулис S. Lietuvių liaudies instrumentinė muzika. Vilnius, 1959.
- Славиūнас Z. Liaudies papročiai ir mitiniai įvaizdžiai Mažvydo raštuose. «Senoji lietuviška knyga». Kaunas, 1947.
- Степонaitis V. Lietuvių liaudies žaidimai ir pramogos. Vilnius, 1956.
- Šopauskas J. XXa. pradžios žemaičių liaudies valgiai. «Fiziologijos ir biochemijos klausimai». Vilnius, 1962.
- Vyšniauskaitė А. Dabartinės lietuvių valstiečių vestuvės. «Lietuvos TSR Mokslų akademijos Darbai», A, 1, 1957.
- Vyšniauskaitė А. Lietuvos kolūkiečio šeimos kultūrinio lygio kilimas. «40 metų» Vilnius, 1958.
- Vyšniauskaitė А. Lietuvių kolūkiečių šeimos struktūra ir organizacija. «Lietuvos TSR Mokslų akademijos Darbai», A, 2, 1957.
- Vyšniauskaitė А. Lietuvos liaudies kalendorius, jo šventės ir papročiai. «Astro-nominis kalendorius». Vilnius, 1960.

Латыши

- «Административно-территориальное деление Латвийской ССР. 1961 год». Рига, 1961.
- А л е к с е в В. П. Краинологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей. СЭ, 1961, № 6.
- А у л ь Ю. М. О взаимоотношении эстонцев и латышей по антропологическим данным. КСИЭ, вып. 29, 1958.
- В е й с Э. Э. и П у р и н В. Р. Латвийская ССР. Экон.-геогр. характеристика. М., 1957.
- Е ф р е м о в а Л. Некоторые итоги этнографического изучения колхозников-рыбаков Видземе. СЭ, 1960, № 3.
- «Заседания Верховного Совета Латвийской ССР. Стенографические отчеты 1940—1962». Рига, 1940—1963.
- З у т и с Я. Очерки по историографии Латвии. Ч. I. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949.
- «Из истории техники Латвийской ССР». Сб. статей 1—4. Рига, 1959—1962. Вып. 3; на латыш. яз.: *Par tehnikas vēsturi*. Rīgā, 1962.
- «История Латвийской ССР», т. 1—3. Рига, 1952—1958.
- К о к а р е Э. Я. Развитие фольклористики в Советской Латвии. СЭ, 1960, № 3.
- К р а с т ы н я А. К. О строительстве жилых домов колхозников в Латвийской ССР. СЭ, 1960, № 3.
- «Культурное строительство Латвийской ССР». Стат. сборник. Рига, 1957.
- «Латвийский этнографический музей». (Путеводитель). Рига, 1960.
- «Латвийская ССР в цифрах в 1960 году». Краткий стат. сборник. Рига, 1961.
- В. И. Ленин о революционном движении в Латвии и деятельности революционной социал-демократии Латышского края. Сб. статей, писем и документов. Рига, 1948.
- М е р к е л ь Г. Латыши, особенно в Ливонии, в исходе философского столетия. Пер. с нем. А. Н. Шемякина. М., 1870.
- «Народное хозяйство Советской Латвии за 20 лет». Стат. сборник. Рига, 1960.
- С а в ч е н к о В. И. Исторические связи латышского и русского народов. Рига, 1959.
- «Статистический атлас Латвийской Советской Социалистической Республики». Рига, 1960.
- С т е п е р м а н и с М. К. Развитие этнографической науки в Советской Латвии. СЭ, 1960, № 3.
- Т е р е н т ь е в а Л. Н. К вопросу о переходе от хуторского расселения к колхозным поселкам в Латвийской ССР. СЭ, 1954, № 1.
- Т е р е н т ь е в а Л. Н. Колхозное крестьянство Латвии. «Труды Института этнографии», новая серия, т. LIX. М., 1960.
- Т е р е н т ь е в а Л. Н. Опыт изучения семьи и семейного быта латышского колхозного крестьянства. СЭ, 1958, № 3.
- Т е р е н т ь е в а Л. Н. Формирование новых обычаев и обрядов в быту колхозников Латвии. СЭ, 1961, № 2.
- Т и п а й н и с Н. Латвийский этнографический музей. СЭ, 1960, № 3.
- A n d e r s o n s J., S ā g e M. Padomju sadzīves tradīcijas. Rīgā, 1960.
- «Arheoloģija un etnogrāfija». Rakstu krājums, 1—6. Rīgā, 1957—1964.
- В а р о н с Кг. un V i s s e n d o r f s H. Latviju dainas 1—6. (8 sēj.). Jelgavā, [ār 2. sēj.]. Pēterburgā, 1898—1915.
- В е р з и ņ š О. Latviešu zemnieku māju arhitektūra. Rīgā, 1958.
- В и е л е н с т и е н А. Die Holzbauten und Holzgeräthe der Letten. 1—2, St. Petersburg (Petrograd) 1907—1918.
- В р о т з е J. Chr. Sammlung verschiedener liefländischer Monumente. . . Bd. 1—10. (Рукопись хранится в Фундаментальной б-ке АН Латвийской ССР).
- С и м е р м а н и с S. Laukstrādnieku dzīves veids Kurzemē un Zemgalē 19. gadsimta otrajā pusē. Rīgā, 1959.
- С и м е р м а н и с S. Celniecība, koka un metāla izstrādājumi. «Latviešu tautas māksla», 1. sēj. Rīgā, 1961.
- Е n d z e l i ņ š J. Latvijas PSR vietvārdi, 1. daļa. 1—2. sēj. (A—Ō). Rīgā, 1956—1961.
- К р а с т и ņ а А. Zemnieku dzīvojamās ēkas Vidzemē kļaušu saimniecības sairšanas un kapitālisma nostiprināšanās laikā. Rīgā, 1959.
- К у н д з и ņ š П. Dzīvojamā rīja Latvijā. «Latvijas universitātes Raksti. Arhitektūras fak. serija», I, 7. Rīgā, 1934.
- «Latviešu ēdieni». P. Strazdiņas redakcijā. Rīgā, 1962.
- «Latviešu literatūras vēsture». 6 sējumos. 1. 3—6. sēj. Rīgā, 1956—1961.
- «Latviešu tautas dziesmas». Izlase. 1—3. Rīgā, 1955—1957.
- «Latviešu tautas māksla». Materiālu krājums trijos sējumos. 1—2. sēj. (M. Strepermaņa red.). Rīgā, 1961—1962.
- «Latviešu tēlotāja māksla». (Gada grāmata. 1—4). 1956—(1960). Rīgā, 1957—1962.
- «Latvju raksti». 1—3. Rīgā, 1924—1931.
- Л е и н а с а р е I. Zemkopība un zemkopības darba rīki Latvijā kļaušu saimniecības sairuma laikā. Rīgā, 1962.
- Л и г е р с Z. Latviešu tautas kultūra. 1—2. Rīgā, 1942—1944.

- Ligers Z. Ethnographie lettone. 1. Båle, 1954.
 Ligers Z. Die Volkskunde in Lettland. «Schweizerisches Archiv für Volkskunde», Bd. 44, H. 3, Bern, 1947.
 Missiņš J. Latviešu rakstniecības rādītājs. 1. (1585—1910). 2. (1585—1925). Rīgā, 1924—1937.
 Mora H. Pirmatnējās kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā, 1952.
 «Novadu tēpi». I—II. Sakop. M. Kirša un M. Grīnberga. Rīgā, 1949.
 Pelše R. Latviešu un krievu kultūras sakari. Rīgā, 1951.
 Silina E. Latviešu dejas. Rīgā, 1939.
 Šmits P. Latviešu mitoloģija. 2. pārstr. idz. Rīgā, 1926.
 Šmits P. Latviešu tautas ticējumi. 1—4. sēj. Rīgā, 1940—1941.
 Sociālisma uzvara Latvijā. «Padomju Latvijas 20. gadadienai veltīts rakstu krājums». (Red. kol. K. Strazdiņš u. c.). Rīgā, 1960.
 Strods H. Zemkopības sistēmu attīstība Latvijā. Rīgā, 1957.
 Strazdiņš K. Latviešu sociālistiska nācija. Rīgā, 1961.

Ливы

- Арцстэ П. А. К вопросу о развитии ливского языка. «Труды Института языкознания», IV, 1954.
 Арцстэ А. П. Ливы и ливский язык. «Известия АН Эстонской ССР». Серия общественных наук, 1958, № 7.
 Вольмер Э. Судьба последних ливов в России в связи с проблемой мелких народностей в государстве и их сохранения для науки. «Живая старина», XXV. Петроград, 1917.
 Извлечение из отчета, представленного Русскому Географическому Обществу сотрудником А. Шереном об этнографической экспедиции в Лифляндию и Курляндию. «Записки РГО», II. СПб., 1847.
 Sjögren A. J. Bericht über eine im Auftrage der Russischen Geographischen Gesellschaft während der Sommermonate des Jahres 1846 nach den Gouvernements Livland und Kurland unternommene Reise zur genaue Untersuchung der Reste der Liven und Krewigen. «Denkschriften der russischen geographischen Gesellschaft zu St. Petersburg», I. Weimar, 1849.
 Joh. Andreas Sjögrens Livische Grammatik nebst Sprechproben. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften bearbeitet und mit einer historisch-ethnographischer Einleitung versehen von Ferdinand Joh. Wiedemann. St. Petersburg, 1861.
 Joh. Andreas Sjögrens Livisch-deutsches und deutsch-livisches Wörterbuch. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften bearbeitet von Ferdinand Joh. Wiedemann. St. Petersburg, 1861.
 Setälä E. N. A liv nép és nyelve. «Nyeltudományi Közlemények XXI. Budapest, 1887—1890.
 Alho V. Liivin kansa, sen entisyys ja nykyisyys. Jyväskylä, 1891.
 Leinbock F. Liivlaste kalastusest ja vähipüügist. ERM Ar. IV. Tartu, 1928.
 Loorits O. Liivi rahva usund I—III. Tartu, 1926—1928.
 Loorits O. Volkslieder der Liven. Tartu, 1936.
 Kettunen L. Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung. Helsinki, 1938.
 Kiparsky V. Die Kurenfrage. Helsinki, 1939.
 Posti L. Grundzüge der livischen Lautgeschichte. Helsinki, 1942.
 Näytteita liivin kielestä. Kerännyt E. N. Setälä. Suomentanut ja julkaissut. V. Kyrölä. Helsinki, 1953.
 Vääri E. Liivi keele uurimise ajaloost. «Emakeele Seltsi Aastaraamat», V. Tallinn, 1959.

Эстонцы

- Ансберг А., Тармисто В. Эстонская ССР. Экономика и культура. Tallinn, 1960.
 Брандт Э. И. Эстонская ССР. Развитие экономики. Tallinn, 1960.
 Вийрес А. О. Эстонская советская этнография (1940—1960). СЭ, 1960, № 3.
 «Вопросы этнической истории эстонского народа». Сб. статей. Tallinn, 1956.
 «Достижения Советской Эстонии за 20 лет». Стат. сборник. Tallinn, 1960.
 «История Эстонской ССР. (С древнейших времен до наших дней)». Изд. 2. Tallinn, 1958.
 «История Эстонской ССР в трех томах», т. I (С древнейших времен до середины XIX века). Tallinn, 1961; т. II (с 50-х годов XIX столетия до марта 1917 года). Tallinn, 1963.
 Калитс В. Новые черты в быту крестьян острова Кихну. СЭ, 1961, № 3.
 Кузик Э. И. Эстонская народная мебель. СЭ, 1956, № 1.
 Кума Х. Прикладное искусство Советской Эстонии и его мастера. Л.—М., 1962.
 Лутс А. Новое в быту эстонских рыбаков и задачи его изучения. СЭ, 1960, № 3.
 Лутс А. Эстонское морское рыболовство в XIX—XX веках. СЭ, 1959, № 3.

- М о о р а А. Х. Эстонско-русские отношения в XVIII—XX вв. по данным этнографии. КСИЭ, XII, 1950.
- Р и х т е р Е. В. Женская народная одежда сету. «Известия АН Эстонской ССР», 1954, № 1.
- Р и х т е р Е. В. К вопросу об этнической истории сету. «Известия АН Эстонской ССР». Серия общественных наук, 1959, № 4.
- Р о с т о в ц е в М. И., Т а р м и с т о В. Ю. Эстонская ССР. Экономико-географическая характеристика. М., 1957.
- Т и х а з е К. И. Вопросы истории эстонского народного жилища. «Труды Таллинского политехнического института», серия Б, № 4, Таллин, 1962.
- Т и х а з е К. И. Эстонское сельское жилище XIX — начала XX века. «Архитектурное наследие», 8. М., 1957.
- Ш л ы г и н а Н. В. Жилище эстонских крестьян в период буржуазной республики. СЭ, 1956, № 3.
- «Эстонская народная одежда XIX и начала XX века». Таллин, 1960.
- «Эстонская ССР». Таллин, 1962.
- «Abriss der estnischen Volkskunde». Tallinn, 1964.
- H a b i c h t T. Rehielamu Kagu-Eestis 19. sajandi teisel poolel. Tartu, 1961.
- H a g a r H. Der osteuropäische Arbeitsschlitten bei den Ostseefinnen. «Finnisch-ungarische Forschungen», XXIII. Helsinki, 1958.
- H e i k e l A. O. Die Volkstrachten in den Ostseeprovinzen und in Setukesien. «Société Finno-Ougrienne. Travaux ethnographiques», IV. Helsingfors, 1909.
- «Eesti Rahva Muuseumi aastaraamat» I—XV. Tartu, 1925—1947.
- «Eesti rahvaluule ülevaade». Toimetanud R. Viidalepp. Tallinn, 1959.
- «Etnograafia Muuseumi aastaraamat» XVI—XVIII. Tartu, 1959—1962.
- «Etnograafia Muuseumi aastaraamat» XVI—XIX. Tartu, 1959—1964.
- K u r r i k H. Eesti rahvarõivad. Tartu, 1938.
- L e i n b ö o c k (Linnus) F. Die materielle Kultur der Esten. Tartu, 1932.
- L i n n u s F. Eesti vanem mesindus I. Metsamesindus. ERM Ar. XII—XIII (1936—1937). Tartu, 1939. (Die ältere estnische Bienenzucht I. Waldbienenzucht).
- L i n n u s H. Tikand eesti rahvakunstis, I. Põhja-Eesti ja saared. Вышивка в эстонском народном искусстве, I. Северная Эстония и острова. Tallinn, 1955.
- L o o r i t s O. Estnische Volksdichtung und Mythologie. Tartu, 1932.
- L o o r i t s O. Grundzüge des estnischen Volksglaubens I—III. «Skrifter utgivna av Kungl. Gustav Adolfs Akademien för folklivsforskning» 18 : 9 — 3. Lund, 1949—1960.
- M a n n i n e n I. Die Sachkultur Estlands I—II. Sonderabhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft I—II. Tartu, 1931—1933.
- M a n n i n e n I. Eesti rahvariiete ajalugu. ERM Ar. III. Tartu, 1927.
- M a n n i n e n I. Kannud. «Etnograafilised monograafiad», I. Tartu, 1926.
- M a n n i n e n I. Kindad. «Etnograafilised monograafiad», II. Tartu, 1927.
- M a r k J. Über das Roggendreschen bei den Esten. «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1931». Tartu, 1932.
- M a r k J. Neue Bemerkungen über das Dreschen und Ernten bei der Esten. «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1932». Tartu, 1935.
- М о о р а А. Peipsimaa etnilisest ajaloost. Ajaloolis-etnograafiline uurimus eestivene suhetest. Tallinn, 1964. (Резюме: Очерки этнической истории Причудья. Историко-этнографическое исследование русско-эстонских отношений).
- «Religiooni ja ateismi ajaloost Eestis». Tallinn, 1956; II, 1961.
- R ä n k G. Die Bauernhausformen im baltischen Raum. (Marburger Ostforschungen, Bd. 17). Würzburg, 1962.
- R ä n k G. Die Hakenplüge Estlands. «Suomen Museo», LXII. Helsinki, 1955.
- R ä n k G. Peipsi kalastusest. «Õpetatud Eesti Seltsi Kirjad», II. Tartu, 1934.
- R ä n k G. Saaremaa taluehitised. Etnograafiline uurimus I. «Õpetatud Eesti Seltsi Kirjad», V. Tartu, 1939.
- R ä n k G. Vanha Viro. Kansa ja kulttuuri. Helsinki, 1955.
- S a k s L. Mulgi kirikindad ja kirisukad. Tallinn, 1960.
- T a l v e I. Den nordosteuropæiska rian. «Folklivsstudier VI. «Skrifter utgivna av Svenska Litteratursällskapet i Finland», 387, Helsingfors—København, 1961.
- T a l v e I. Virolainen sauna. «Sananjalka», II. Turku, 1960.
- T a m p e r e H. Eesti rahvaluule viisidega I—III. Tallinn, 1956—1960.
- T r o s k a G. Mõningaid andmeid saunikute eluasemeist Põhja-Eestis. «Известия АН Эстонской ССР». Серия общественных наук, 1958, № 4.
- V i i r e s A. Eesti rahvarõivade puutööndus. Ajalooline ülevaade. Tallinn, 1960.
- V i i r e s A. Lisandeid eesti rehielamu kujunemisloole. «Известия АН Эстонской ССР». Серия общественных наук, 1962, № 2.

Общие работы

- Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. М., 1962.
- Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. М.—Л., 1961.
- Линевский А. М. Общество юго-восточного Приладожья в XI в. «Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР», 1949, № 1.
- Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. М.—Л., 1934.
- «Suomen suku», I—III. Helsinki, 1926—1934.
- Manninen I. Die finnisch-ugrischen Völker. Leipzig, 1932.
- Vuorela T. Suomensukuiset kansat. Helsinki, 1960.

Водь, ижора, финны Ленинградской обл.

- Аристе П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956.
- Габе Р. М. Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградской области. «Западнофинский сборник». Л., 1930.
- Дубровина З. М. Из истории финского населения Ленинградской области. «Вестник Ленинградского гос. университета». Серия истории, языка и литературы, вып. 4, 1962, № 20.
- Золотарев Д. А. У ижор. «Труды Ленинградского об-ва изучения местного края», I. Л., 1927.
- Мора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956.
- Прыткова Н. Ф. Одежда ижор и води. «Западнофинский сборник». Л., 1930.
- Седов В. В. Этнический состав северо-западных земель Великого Новгорода. СА, 1953, № 18.
- Ariste P. Isuri keelest. «Emakeele Seltsi aastaraamat», 1956, № 2.
- Ariste P. Vadjalastest Narvas 1549. a. «Keel ja Kirjandus», 1961, № 9.
- Laanest A. Isuri murrete rühmitamisest. «Keele ja Kirjanduse Instituudi uurimised», VI, 1961.
- Köppen P. Erklärender Text zu der ethnographische Karte des St. Petersburgischen Gouvernements. St.-Pb., 1867.
- Manninen I. Kreewini rahvariie ja selle etnograafiline sugulane. ERM Ar. I, 1925.
- Manninen I. Die Kleidung. «Kansatieteellinen arkisto», 13: 1. Helsinki, 1957.
- Мора Н. ja A. Lisandeid vadjalaste ja isurite etnilisele ajaloole EM Ar. XIX, 1964.
- Sjögren A. J. Über die finnische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermannland. «Sjögren, J. A. Gesammelte Schriften», Bd. I, 1861.
- Wiedemann F. J. Über die Nationalität und Sprache der jetzt ausgestorbenen Kreewinen in Kurland. St.-Pb., 1871.
- Ränk G. Vatjalaiset. Helsinki, 1960.

Вепсы

- Богданов Н. И. К истории вепсов. «Известия Карело-Финского филиала АН СССР», 1951, № 2.
- Богданов Н. И. Народность вепсы и их язык. «Труды Карельского филиала АН СССР», вып. XII. Петрозаводск, 1958.
- Борисова А. Взаимоотношения полов у чухарей. «Старый и новый быт». Л., 1924.
- Бурбих Д. В. Не достаточно ли емских теорий? «Известия Карело-Финского филиала АН СССР», 1950, № 1.
- «Вепские сказки». Петрозаводск, 1941.
- Зеленин Д. К. Древняя финская Весь. «Записки высшей школы г. Одессы», II, 1922.
- Колмогоров А. Чухарская свадьба, черты обрядовой жизни чухарей. «Сборник в честь 70-летия проф. Д. Н. Аночина». М., 1913.
- Макарьев С. Береста в вепском быту. «Финно-угроведение». Л., 1931, № I.
- Макарьев С. Вепсы. Этнографический очерк. Л., 1932.
- Малыновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов. «Западнофинский сборник». Л., 1930.
- Пименов В. В. К вопросу о карельско-вепских культурных связях. СЭ, 1960, № 5.
- Пименов В. В. Поездка к прионежским вепсам. СЭ, 1957, № 3.
- Holmberg U. Vepsäläisten häämenot. «Suomen museo», XXXI, 1924.
- Kettunen L. Matkamuuistelmia Vepsän perukoilta. «Virittäjä», 1918.

Саамы

- Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере, т. I. М., 1809.
- Гурьина Н. Н. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова. СА, 1950, № 12.
- Гурьина Н. Н. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова. МИА, 1951, № 20.
- Гурьина Н. Н. Основные этапы древнейшей истории Кольского полуострова по данным истории. «Ученые записки Ленинградского гос. университета», 1950, № 115.
- Дергачев Н. Статистический очерк Лапландии. Архангельск, 1869.
- Золотарев Д. А. Лопарская экспедиция. Л., 1927.
- Золотарев Д. А. Кольские лопари. Л., 1928.
- Кольский сборник. «Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции». Л., 1930.
- Насонов А. Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
- Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 1952, № 29.
- Харузин Н. Н. Очерк истории развития жилища у финнов. «Этнографическое обозрение», 1895, № 1—2.
- Харузин Н. Н. Русские лопари. М., 1890.
- Чарнолуцкий В. В. Материалы по быту лопарей. Л., 1930.
- Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки», 1945, № 14.

Карелы

- Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об образовании Карельской Трудовой Коммуны. СУ, № 53, ст. 232, 1920.
- Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров об организации Карельской Трудовой Коммуны. СУ, № 71, ст. 327, 1920.
- Бубрих Д. В. Из этнонимии Карелии. «Советское финно-угроведение», т. I, 1948.
- Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
- Габее Р. М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941.
- Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в Новгородское время. Петрозаводск, 1941.
- Зеленин Д. К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР. СЭ, 1941, № 5.
- Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.
- Камкин Н. Архангельские карелы. «Древняя и новая Россия», XVII, 1880, № 2, 4.
- «Карельская АССР». М., 1959.
- «Карельский сборник». М.—Л., 1930.
- Колосенок С., Моносов И. Культура Советской Карелии. Петрозаводск, 1959.
- Колпакова Н. П. Старинный свадебный обряд. «Фольклор Карело-Финской ССР». Петрозаводск, 1941.
- Крохн В. История карел. «Русская старина», 1907, август.
- Линевский А. М. Карелы. СЭ, 1941, № 5.
- Линевский А. М. Очерки по истории древней Карелии, ч. I. Петрозаводск, 1940.
- Маслова Г. С. Kegoti räiva у карел Калининской области. СЭ, 1937, № 4.
- Маслова Г. С. Материалы по этнографии карел Калининской области. СЭ, 1936, № 2.
- «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.». Петрозаводск, 1941.
- «Олонецкий сборник», вып. I, 1865; вып. II, 1886.
- «Очерки истории Карелии». Петрозаводск, т. I, 1957; т. II, 1963.
- Панкрушев Г. А. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964.
- Пименов В. В., Эпштейн Е. М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958.
- Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. М.—Л., 1934.
- «40 лет Карельской АССР». Стат. справочник. Петрозаводск, 1960.
- Чистов К. В. «Калевала» — великий эпос карело-финского народа. Петрозаводск, 1949.
- Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Helsinki, 1961.
- Virtaranta P. Vienen kansa muistellee. Helsinki, 1958.

Коми

- Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об образовании Автономной Области Коми (зырян). СУ, № 61, ст. 438, 1921.
- Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX—начало XX в. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XLV. М., 1958.
- Большаков М. А. Община у зырян. «Живая старина», 1906, вып. 1—4.
- Жеребцов Л. Н. Опыт изучения крестьянского жилища народа Коми. «Историко-филологический сборник», вып. 3. Сыктывкар, 1956.
- «Историко-филологический сборник», Сыктывкар, вып. 3—8, 1956—1963.
- Куратов И. А. Избранное. М., 1958.
- Лашук Л. П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958.
- Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955.
- Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889.
- Максимов С. В. Год на Севере. М., 1890.
- Мартюшев А. М. Краткий очерк кустарных промыслов населения Устьсысольского уезда. Вятка, 1904.
- Мнкушев А. К. Коми литература и народная поэзия. Сыктывкар, 1961.
- Мнкушев А. К. Песенное творчество народа коми. Сыктывкар, 1956.
- «Очерки по истории Коми АССР», т. 2, Сыктывкар, 1962.
- «Очерки по истории коми литературы». Сыктывкар, 1958.
- «Печорский край. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда», ч. 1 и 2. СПб., 1904—1905.
- Попов К. А. Зыряне и Зырянский край. «Известия ОЛЕАЭ», т. 13, вып. 2. «Труды этнографического отдела», кн. 3, вып. 2, 1874.
- Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928.
- «Сорок лет Коми АССР. 1921—1961». Сыктывкар, 1961.
- Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии. СЭ, 1946, № 2.
- Sirelius U. T. Die syrjänische Wohnung in ihren verschiedenen Entwicklungsstadien. «Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia», 58. Helsinki, 1928.

Коми-пермяки

- Бачев Г. Т. Коми-Пермяцкий округ за годы Советской власти. Кудымкар, 1958.
- Бачев Г. Т., Яковкин В. Н. Развитие народного образования в Коми-Пермяцком округе. Кудымкар, 1959.
- Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в. «Труды Института этнографии АН СССР»; новая серия, т. XLV. М., 1958.
- Белицер В. Н. У зюндинских коми-пермяков. (Исследование материнской культуры). КСИЭ, XV, 1952.
- Гусев Д. И. Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре. Кудымкар, 1956.
- Добротворский Н. Пермяки. «Вестник Европы», 1883, т. 2—4.
- Жаков К. Ф. По Иньве и Косе у пермяков. «Живая старина», 1903, вып. 4.
- «Зори над Иньвой». Избранные произведения коми-пермяцких писателей. Пермь, 1959.
- Кривошеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.
- Лыткин В. И. и Попов С. А. Язывские коми. СЭ, 1950, № 4.
- Оборин В. А. К истории земледелия у древних коми-пермяков. СЭ, 1956, № 2.
- Ожгова М. И. Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа. Кудымкар, 1961.
- Рошетинов Ф. М. Подлпшовцы. М.—Л., 1948.
- [Рогов Н. А.] Иньвонская дача и хозяйственный быт населяющих ее пермяков. «Журнал Министерства внутренних дел», 1855, ч. 10, кн. 2.
- Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 1952, № 28.
- Смирнов И. Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк. «Известия ОЛЕАЭ», т. 9, вып. 2. Казань, 1891.
- Субботина И. П. Художник Субботин-Пермяк. Пермь, 1959.
- Талицкий М. В. Верхнее Прикамье в X—XIV веках. «Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья», т. 3. М., 1951.
- Теплюхов А. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения. «Ежегодник Пермского губернского земства», вып. 2. Пермь, 1916.

Общие работы

- В о р о б ь е в Н. И. Украшение и внутреннее убранство крестьянских жилищ у народов Среднего Поволжья. «Известия Казанского филиала АН СССР», серия гуманитарных наук, № 2. Казань, 1957.
- Г а г е н - Т о р н Н. И. Женская одежда народов Поволжья. (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960.
- К е п ь е н П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1864.
- К о з л о в а К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964.
- «Культура и быт населения ЦПО». М., 1929.
- Л е п е х и н И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 4 части. СПб., 1771—1805.
- М и л ь е р Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791.
- Н и к о л ь с к и й Н. В. Список исторических материалов об инородцах Поволжья. Казань, 1870.
- Р и т т и х А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. XIV, ч. I—II. Казань, 1870.
- Р ы б а к о в С. О народных песнях татар, башкир и темярей. «Живая Старина», вып. 3 п 4, год IV. СПб., 1894.
- С м и р н о в А. П. Прикамье в первом тысячелетии нашей эры. «Сборник статей по археологии СССР». «Труды ГИМ», вып. VIII, М., 1938.
- С м и р н о в А. П. Волжские булгары. «Труды ГИМ», вып. XIX. М., 1951.
- Х а л ь к о в А. Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола, 1960.
- М а п ь и н е н I. Die finnisch-ugrischen Völker. Leipzig, 1932.
- «Suomen sukut», I—III. Helsinki, 1926—1934.
- У о г е л а Т. Suomensukuiset kansat. Helsinki, 1960.

Удмурты

- Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров об образовании Автономной Области Вятского (Удмуртского) Народа. СУ, № 87, ст. 437, 1920.
- Б е л ь ц е р В. Н. К вопросу о происхождении удмуртов (по материалам женской одежды) СЭ, 1947, № 4.
- Б е л ь ц е р В. Н. Народная одежда удмуртов. (Материалы к этногенезу). «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. X. М., 1951.
- Б о г а е в с к и й П. М. Очерк быта сарапульских вотяков. «Сборник материалов по этнографии», вып. III. М., 1888.
- Б о г а е в с к и й П. М. Очерки религиозных представлений вотяков. «Этнографическое обозрение», IV, 1890.
- В е р е щ а г и н Гр. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губ. «Записки РГО по отд. этнографии», XIV, 3. СПб., 1889.
- В е р е щ а г и н Гр. Вотяки Сосновского края. «Известия РГО», т. XX, вып. 5, СПб., 1884.
- Г а в р и л о в Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880.
- Г е н ь г В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.
- Г и п ь у и с Е. В., Э в а л ь д З. В. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни. «Записки Удмуртского научно-исследоват. ин-та истории, языка, литературы и фольклора при ЦИИ Удмуртской АССР», вып. 10. Ижевск, 1941.
- Г р е х о в о д о в Н. М., К о р е п а н о в Г. А., Ю ш к о в а В. И. Музыкальная культура Удмуртской АССР. «Музыкальная культура автономных республик РСФСР». М., 1957.
- Л а т ы ш е в Н. Н. Удмурты накануне реформ. Первая половина и 60-е годы XIX в. (Возникновение товарно-капиталистических отношений и процессы расслоения среди удмуртского крестьянства). Ижевск, 1939.
- Л у п ь о в П. Н. Громкое дело мултанских удмуртов (вотяков), обвинявшихся в человеческом жертвоприношении (1892—1896). Ижевск, 1925.
- «На удмуртские темы». (Сб. статей). «Ученые записки Научно-исследовательского ин-та народов Советского Востока при ЦИИ СССР», вып. 2. М., 1931.
- «Очерки истории Удмуртской АССР», т. I—II. Ижевск, 1958—1962.
- П е р в у х и н Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888—1889.

Потанин Г. Н. У вотяков Елабужского уезда Вятской губернии. «ИОАИЭ», III, 1880—1882. Казань, 1884.

«Пословицы, поговорки удмуртского народа». Ижевск, 1960.

Смирнов И. Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1890.

«40 лет Удмуртской АССР». Ижевск, 1960.

Спицин А. А. К истории вятских инородцев. Вятка, 1888.

«Сто сказок удмуртского народа». Ижевск, 1961.

Травина И. К. Удмуртские народные песни. Ижевск, 1964.

Трефилов Г. Н. К вершинам культуры. Ижевск, 1964.

Трефилов Г. Н. Удмурты в период образования русского централизованного государства в XV—XVI веках. «Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора при СНК Удм. АССР», вып. XV. Ижевск, 1951.

«Удмуртия за 40 лет Советской власти». Ижевск, 1957.

Хомяков М. М. Эволюция вотяцкого брака. (Свадебный обряд глазовских вотяков). «ИОАИЭ», XXVII, 1911.

«Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken». Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi, hrsg. von D. R. Fuchs. «Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia», 102. Helsinki, 1952.

Марийцы

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров об образовании Автономной Области Марийского Народа. СУ, № 87, ст. 436, 1920.

Вопросы истории, археологии и этнографии мари. «Труды Марийского НИИ языка, литературы и истории», вып. 16. Йошкар-Ола, 1961.

Вопросы истории и археологии Марийской АССР. «Труды Марийского НИИ языка, литературы и истории», вып. 17. Йошкар-Ола, 1962.

Ерусланов П. Очерк быта и преданий восточных черемис. «Известия Оренбургского Отделения РГО», вып. 4, 1894.

Ерусланов П. Родственный союз по понятиям восточных черемис. «Этнографическое обозрение», кн. XXV, № 2, 1895.

«Железный век Марийского края». (Сб. статей). Йошкар-Ола, 1962.

Износков Л. А. Обычай горных черемис. Уголовное право. «Труды Казанского Губерн. Статист. Комитета», т. II, 1869.

Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956.

Кузнецов С. К. Остатки язычества у черемис. «Журн. Министерства народного просвещения», т. XXI, 1885.

Никифоров П. Н. Марийские народные музыкальные инструменты. Йошкар-Ола, 1959.

Николаев С. Н. Марийские национальные блюда. Йошкар-Ола, 1957.

«Очерки истории Марийской АССР (1917—1960)». Йошкар-Ола, 1960.

Смирнов А. П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск, 1949.

Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889.

Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. Казань, 1887.

Beke Ödön. Mari szövegek Gyűjtötte és kiadta Beke Ödön, 1—3. Budapest, 1957—1961.

Heikel A. Die Stickmuster der Tschheremissen. «Suomalais-ugrilaisen Seuran Kansatieteellisiä julkaisuja VI». Helsinki, 1910—1915.

Wichmann J. Beiträge zur Ethnographie der Tschheremissen. Helsinki, 1913.

Мордва

Алихова А. Е., Жиганов М. Ф., Степанов П. Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.

Вопросы этнической истории мордовского народа. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. LXIII, 1960.

Ворониц И., Остроумов В., Челмакин И. Саранск—столица Мордовской АССР. Саранск, 1960.

Евсеев М. Е. Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии. «Живая старина», вып. I—II. СПб., 1914.

Евсеев М. Е. Избранные труды, т. I—II. Народные песни мордвы. Саранск, 1961—1963.

Евсеев М. Е. Мордовская свадьба. Саранск, 1959.

Исследования по материальной культуре мордовского народа. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. 86, 1963.

Киселев А. А. Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959.

- Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885.
- Макушин Н. П. К вопросу о резьбе по дереву у мордвы-эрзи Мордовской АССР «Записки научно-исследовательского ин-та языка, литературы, истории и этномики при Совете Министров МАССР», № 17. Саранск, 1955.
- Маркелов М. Т. Мордва. «Религиозные верования народов СССР», т. II. М., 1931.
- Маркелов М. Т. Саратовская мордва. Саратов, 1922.
- «Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания», ч. 1—2. Саранск, 1955.
- «Мордовские народные песни». М., 1957.
- «Очерки истории Мордовской АССР», т. II. Саранск, 1961.
- «Очерк истории мордовской советской литературы». Саранск, 1956.
- Полевой Б. С. Эрзя (Степан Дмитриевич Нефедов). Саранск, 1961.
- Самородов К. Т. Мордовские пословицы и загадки. Саранск, 1959.
- Смирнов И. Н. Мордва. «ИОАИЭ», X—XII, 1892—1894.
- Сокольников М. Певец народной жизни. Очерк о жизни и творчестве художника Ф. В. Сычкова (1870—1958). Саранск, 1962.
- Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии. Пенза, 1929.
- «Тридцать лет Мордовской АССР (1930—1960)». Саранск, 1961.
- «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», т. I. Саранск, 1963.
- Фетисов М. И. Мордовские народные сказительницы. Саранск, 1953.
- Чудаева О. И. Русские писатели о мордовском народе. Саранск, 1957.
- Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.
- Нагва U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. «Folklore Fellows Communications», 142. Helsinki, 1952.
- Heikel A. O. Trachten und Muster der Mordvinen. Helsinki, 1898.
- Paasonen H. Mordvinische Volksdichtung. Hrsg. u. übers. von Paavo Ravila. Bd. 1—4. «Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia», LXXVII, LXXXI, LXXXIV, XCI. Helsinki, 1938—1947.

Чуваши

- Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров об образовании Автономной Чувашской Области. СУ, № 59, ст. 267, 1920.
- Андреев М. А. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары, 1956.
- Ашмарин Н. И. Болгары и чуваш. Казань, 1902.
- Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка, вып. 1—17. Чебоксары, 1928—1950.
- Волков Г. Н. Чувашская народная педагогика. Чебоксары, 1958.
- «Вопросы чувашского языка, литературы и искусства». Сб. статей. Чебоксары, 1960.
- Воробьев Н. И. Краткие итоги изучения материальной культуры чуваш. СЭ, 1952, № 4.
- Воробьев Н. И. Резьба по дереву у чуваш. СЭ, 1956, № 4.
- Воробьев Н. И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии. СЭ, 1950, № 3.
- Воробьев Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонова А. Р. Чуваши (этнографическое исследование), ч. I. Чебоксары, 1956.
- Денисов П. В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959.
- Дмитриев В. Д. История Чуваши XVIII века (до крестьянской войны 1772—1775 гг.). Чебоксары, 1959.
- Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. I. Чебоксары, 1954.
- Илюхин Ю. А. Музыкальная культура Чуваши, вып. I. Чебоксары, 1961.
- Каховский В. Ф. Памятники материальной культуры Чувашской АССР. Чебоксары, 1957.
- Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. «Ученые записки ЧНИИЯЛИ», вып. IX. Чебоксары, 1954.
- Комиссаров Г. И. Чуваши Казанского Заволжья. «ИОАИЭ», 1911, т. XXVII.
- Кудряшов Г. Е. Пережитки религиозных верований чуваш и их преодоление. Чебоксары, 1961.
- Кузнецов И. Д. Очерки по истории и историографии Чуваши. Чебоксары, 1960.
- Магницкий В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.
- Майнов В. Н. Инородцы Среднего Поволжья. «Живописная Россия», т. VIII, ч. I. СПб., 1901.
- Матвеев Г. П. Экономико-географический очерк Чуваши. Чебоксары, 1959.
- «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. I—IV. Чебоксары, 1956—1960.
- Михайлов С. М. Чувашские разговоры и сказки. Казань, 1853.

- «Народное хозяйство Чувашской АССР». Чебоксары, 1957.
- Никитин Г. А., Крюкова Т. А. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960.
- Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш, вып. I. (Материальная культура). Чебоксары, 1929.
- Никольский Н. В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI—XVIII веках. (Исторический очерк). «ЙОАИЭ», 1912, т. XXVIII, вып. 1—3.
- О дореволюционной культуре чувашского народа. «Ученые записки ЧНИИЯЛИ», вып. XV. Чебоксары, 1957.
- «О происхождении чувашского народа». Чебоксары, 1957.
- Павлов Ф. П. Чуваш и их песенное и музыкальное творчество. Чебоксары, 1926.
- «Развитие экономики и культуры Чувашской АССР». Чебоксары, 1960.
- Серебряников Б. А. К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским, болгарским и татарским языками. «Ученые записки ЧНИИЯЛИ», вып. XIV. Чебоксары, 1956.
- Спироткин М. Я. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1948.
- Спироткин М. Я. Чувашская советская литература. (Общий обзор). «Ученые записки ЧНИИЯЛИ», вып. XIV. Чебоксары, 1956.
- Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, № 95, 1961.
- Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952.
- Смирнов А. П. Древняя история чувашского народа. (До монгольского завоевания). Чебоксары, 1948.
- Третьяков П. Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948.
- «Чувашия за 40 лет в цифрах». (Стат. сборник). Чебоксары, 1960.
- «Чувашские народные песни». Чебоксары, 1962.
- Яковлева В. Я. Художественные особенности чувашской вышивки. «Ученые записки ЧНИИЯЛИ», вып. VI, 1952.

Башкиры

- Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о государственном устройстве Автономной Башкирской Советской Социалистической Республики. СУ, № 45, ст. 203, 1920.
- Воззвание командующего армией Туркестанского фронта М. В. Фрунзе ко всему населению Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». М., 1941, стр. 268—270.
- Алекторов А. Е. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883.
- Амиров Г. Д. Башкиры. Этнографический очерк. «Труды научного об-ва по изучению быта, истории и культуры башкир», вып. 2 (1922). Уфа, 1922.
- «Археология и этнография Башкирии», т. I. Уфа, 1962.
- Ахмеров Р. Б. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным. СЭ, 1952, № 3.
- «Башкирия в русской литературе», т. I. Уфа, 1961.
- «Башкирские народные сказки». Уфа, 1941.
- «Башкирские шежере». Уфа, 1960.
- «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959.
- «Башкирский диалектологический сборник». Уфа, 1959.
- «Башкирское народное творчество», т. I. Уфа, 1954; т. II, 1959; т. III, 1955 (на башк. яз.).
- Берггольд Л. Горные башкиры-катайцы. «Этнографическое обозрение», 1893, № 3.
- Берс А. А. Прошлое Урала с древнейших времен до русской колонизации. М., 1930.
- Гаскаров Ф. А. Башкирские танцы. Уфа, 1958.
- Зеленин Д. К. О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда. Отгук из «Этнографического обозрения», кн. 78 (1908, № 3). М., 1909.
- Казанцев Н. Описание башкирцев. СПб., 1866.
- Калимуллин Б. Г. Планировка и застройка башкирских деревень. Уфа, 1959.
- Кпрей Мэрген. Башкирские народные поговорки. Уфа, 1961 (на башк. яз.).
- Кпрей Мэрген. Эпические памятники башкирского народа. Уфа, 1961 (на башк. яз.).
- Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир, ч. I. Уфа, 1957.
- Кузеев Р. Г., Шитова С. Н. Башкиры. Историко-этнографический очерк. Уфа, 1963.
- Кузеев Р. Г., Юлдашбаев Б. X. 400 лет вместе с русским народом. (Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение). Уфа, 1957.
- Лебединский Л. Н. Башкирские народные песни и наигрыши. М., 1962.
- Лоссиевский М. В. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам. «Справочная книжка Уфимской губернии». Уфа, 1883.

- М а л и е в Н. М. Антропологический очерк башкир. «Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете», т. V, вып. 5. Казань, 1876.
- М а л и е в Н. М. К вопросу о происхождении лесных башкир. «Протоколы заседаний конференций военно-медицинской академии за 1897—1898 учебный год». СПб., 1902.
- Н а з а р о в П. С. К этнографии башкир. «Этнографическое обозрение», 1890, № 1. «Научная сессия, посвященная 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1958.
- Н е б о л ь с и н П. Заметки о башкуртах. «Отечественные записки», 1850, т. LXXIII, отд. VIII, № 11.
- Н и к о л ь с к и й Д. П. Башкиры (этнографическое и санитарно-антропологическое исследование). СПб., 1889.
- «Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии». Сб. статей. Уфа, 1959.
- «Очерки по истории Башкирской АССР», т. I, ч. 1. Уфа, 1956; т. I, ч. 2. Уфа, 1959.
- П о п о в Н. Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. 3. СПб., 1813.
- Р е м е з о в Н. В. Очерки из жизни дикой Башкирии, ч. I (Быль в сказочной стране). М., 1887; ч. 2 (Переселенческая эпопея). М., 1889.
- Р у д е н к о С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955.
- Р ы б а к о в С. Г. Музыка и песни уральских мусульман. С очерком их быта. СПб., 1897.
- Р ы ч к о в П. И. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896.
- Р ы ч к о в П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.
- С м и р н о в А. П. Железный век Башкирии. МИА, № 58, 1957.
- «Советская Башкирия». Исторические очерки. Уфа, 1957.
- С о к о л о в Д. Н. О башкирских тамгах (с приложением таблиц башкирских тамг). «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. 13 (1904). Оренбург, 1904.
- У й ф а л ь в и К. Башкиры, мецдеряки и тептяри. «Известия РГО», т. 13; вып. 2, 1877.
- Ф и л о н е н к о В. Башкиры. «Вестник Оренбургского учебного округа», 1913, № 2, 5—8; 1914, № 2, 3, 8.
- Ф л о р и н с к и й В. М. Башкирия и башкиры. Путевые заметки. «Вестник Европы», т. 6, № 12, 1874.
- Х в о л ь с о н Д. А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах арабского писателя Х в. Йбн-Дасти. СПб., 1869.
- Ч е р е м ш а н с к и й В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.
- Ш м и д т А. В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук. Приложение к журналу «Хозяйство Башкирии», № 8—9. Уфа, 1929.
- Ю л д а ш б а е в Б. Х. Образование Башкирской АССР. Исторический очерк. Уфа, 1958.
- Ю л у е в Б. К этнографии башкир. «Этнографическое обозрение», кн. XIII—XIV. 1892, № 2—3.
- Р e g e n y i Jozsef. A Magna Hungaria kérdéséner. «Magyar Nyelv». LV, 3(411), es 4 (412) szám. Budapest, 1959.
- R ä s ä n e n Martti. Gibt es im Baschkirischen etwas Ugrisches? «Acta orientalia», t. XII, fasc. 1—3. Budapest, 1960.

Поволжские татары

- Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета народных комиссаров об образовании Автономной Татарской Советской Социалистической Республики. СУ, № 51, ст. 222, 1920.
- А б р а м о в П. В. Татарская АССР (эконом.-геогр. характеристика). Казань, 1960.
- Б и к ч е н т а е в А. Г. Сельское жилище Татарской АССР. Казань, 1957.
- Вопросы истории Татарии. «Известия Казанского филиала АН СССР». Казань, 1962.
- В о р о б ь е в Н. И. Казанские татары. Казань, 1953.
- В о р о б ь е в Н. И. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930 (обширная библиография).
- В о р о б ь е в Н. И. Происхождение казанских татар по данным этнограф.лк. СЭ, 1946, № 3.
- В о р о б ь е в Н. И., Б у с ы г и н Е. П. Художественные промыслы Татарии в прошлом и настоящем. Казань, 1957.
- Г а й н у т д и н о в И. Т. Деревянное зодчество казанских татар. Резные решетки на тесовых оградах. Фотографии и обмеры. Казань, 1960.
- З а л ь и Л. З. К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка). СЭ, 1946, № 3.
- «История Татарской АССР», т. I—II. Казань, 1955—1960.
- К о с о л а п о в В. Н. Кустарные промыслы Казанской губернии. Вып. 1—2, 8—9. Казань, 1901—1905.

- «Материалы по истории Татарии», вып. I. Казань, 1948.
- Мухамедова Р. Г. Терминология родства и свойства у татар-мишарей в Мордовской АССР. «Материалы по татарской диалектологии», 2. Казань, 1962.
- Насыри Каюм. Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения. Казань, 1948.
- Насыров А. К. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства. «Записки РГО», т. VI, 1880.
- Насыров А. К. Образцы народной литературы казанских татар (загадки, пословицы, песни). «ИОАИЭ», т. XIII, вып. 5. Казань, 1896.
- «Происхождение казанских татар». Сб. Казань, 1948.
- Смирнов А. П. К вопросу о происхождении татар Поволжья, СЭ, 1946, № 3.
- «Советской Татарии 40 лет». Сб. статей. Казань, 1960.
- «Татарское народное творчество». 1952—1954.
- Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. VII. М.—Л., 1949.
- Фирсов Н. Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Вып. 1 и 2. Казань, 1924.
- Фирсов Н. Н. Прошлое Татарии. Казань, 1926.
- Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960.

Калмыки

- Воззвание Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР В. И. Ленина к калмыцкому трудовому народу 22 июля 1919 г. «Известия ВЦИК», 24 июля 1919 г.
- Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров об образовании Автономной Области Калмыцкого Народа. СУ, № 87, ст. 435, 1920.
- Базаров Доржи. Собрание сочинений. М., 1955.
- Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста, 1960.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- «Джангар». Пер. С. Липкина. М., 1958.
- Джимбинов Б. Советская Калмыкия. М., 1960.
- «Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. 1. Элиста, 1960; вып. 2, 1962.
- «Калмыцкая проза». Элиста, 1961.
- «Калмыцкая художественная литература на подъеме». (Материалы научной конференции, посвященной калмыцкой художественной литературе и фольклору). Элиста, 1962.
- «Калмыцкие сказки». Элиста, 1962.
- «К истории образования Автономной области калмыцкого народа. (Октябрь 1917 — ноябрь 1920 г.)». Сб. документов и материалов. Элиста, 1960.
- Козин С. А. Джангариада. Героическая поэма калмыков. (Введение в изучение памятника и перевод его торгутской версии). М.—Л., 1940.
- Козин С. А. «Сокровенное сказание», т. I. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongolun niḡuca tobḡiyan*. М.—Л., 1941.
- Маслов А. Г. Страницы былого. (Из воспоминаний участника борьбы за установление Советской власти в Калмыкии). Элиста, 1962.
- Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье. «Филология и история монгольских народов». Сборник. М., 1958.
- «Поэты Калмыкии». Сборник стихов. М., 1958.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1. М.—Л., 1952.
- Санджиев Б. С. Установление Советской власти в Калмыкии. Элиста, 1959.
- Чебоксаров Н. Н. Калмыки Западного улуса. «Антропологический журнал», 1935, № 1.

НАРОДЫ ЮГО-ЗАПАДА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Молдаване

- Гоберман Д. Н. Ковры Молдавии. Кишинев, 1960.
- Демченко Н. А. Типы пахотных орудий молдаван. (В связи с изучением этногенеза и этнической истории). «Труды III Конференции молодых ученых Молдавии», вып. III, серия общественных наук. Кишинев, 1963.
- Захаров А. И. Народная архитектура молдаван. Каменная архитектура центральных районов. М., 1960.
- Защук А. О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область, ч. I и II. СПб., 1859.
- Зевина А. и Лившиц М. Национальные костюмы Молдавии. Кишинев, 1960.

Зеленчук В. С. Очерки молдавской народной обрядности (XIX — начала XX в.). Кишинев, 1959.

«Материалы по археологии и этнографии Молдавии». Кишинев, 1964.

Салманович М. Я. Жилище коренного населения МССР. СЭ, 1947, № 4.

Салманович М. Я. Эволюция молдавского жилища. КСИЭ, XXIII, 1960.

Салманович М. и Зеленчук В. Этнографическая литература о молдаванах. СЭ, 1954, № 3.

Сергиевский М. В. Молдавские этюды. М.—Л., 1936.

Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. М., 1960.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГИМ — Государственный исторический музей

ИФЛИ — Институт истории, философии и литературы АН СССР

ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете

КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете

РГО — Русское географическое общество

СА — Советская археология

СЭ — Советская этнография

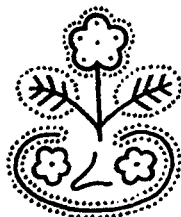
СУ — Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства

Уч. зап. ЧНИИЯЛИ — Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

ЭО — Этнографическое обозрение

ERM Ar. — Eesti Rahva Muuseumi aastaraamat (Ежегодник эстонского народного музея)

EMAr. — Etnograafia Muuseumi aastaraamat (Ежегодник этнографического музея)

ГЛОССАРИЙ ¹

(Словарь местных терминов) ²

Принятые сокращения названий языков, на которых данный термин встречается в настоящем издании.

башк. — башкирский

вепс. — вепский

вод. — водский

гаг. — гагаузский

иж. — ижорский

калм. — калмыцкий

кар. лив. — карельский ливвиковский

кар. люд. — карельский людиковский

кар. соб. — собственно карельский

к.-з. — коми-зырянский

к.-п. — коми-пермяцкий

лат. — латышский

лит. — литовский

мар. — марийский

м. мокш. — мордовский мокшанский

м. эрз. — мордовский эрзянский

саам. — саамский

тат. — татарский

удм. — удмуртский

фин. — финский

чуваш. — чувашский

цыг. — цыганский

эст. — эстонский

Aaпnua (аануа) иж. — несшитое полотнище на лямке, составная часть старинной женской одежды 322

abar (абар) эст. — обор, рыболовная сеть из трех полотнищ 241

abiajamine (абияямине) эст. букв. «хождение за помощью», форма традиционной взаимопомощи в случае стихийного бедствия, бедности и т. п. 278

abu (абу) эст. — женский короткий лиф в талию (о. Сааремаа) 276

ader (адер) эст. — пахотное орудие 230

adra (адра) вод., иж. — соха 315

ahi (ахи) эст. — печь 264

ahjo (ахьо) вод. — печь 319

ait (айт) эст. — клеть 266

aitta (айтта) иж. — клеть 320

aitvaras (айтварас) лит. — домовый 100

akėiōs (акėчėс) лит. — борова-плетенка 38

ale (але), sōbōrd (смырд) эст. — подсека 228

alevik (алэвик) эст. — местечко (тип поселения) 260

amō (амы), ummiko (уммико) вод. — древ-

няя женская одежда типа глухого са-
рафана 322

arkūlības (аркūлибас) лат. — 1) праздник урожая; 2) день осеннего равноденствия 170

arose (ароце) лат. — браслет 192

arklas (арклас) лит. — рало 38

aun (аун) эст. — вал скошенных яровых 231

āutāmōiset (āурямēйсет), фин. — само-
название одной из этнографических
групп финнов Ленинград. обл. 312

āži (āжи) лат. — козлы-треноги, служа-
щие каркасом закола для рыбной лов-
ли 138

Balsts (балстс) лат. — рукоятка сохи 128

balziens (балзпенс) лат. — ручка на косовице 130

bandžiulystė (банджюльісте) лит. — «сяб-
ровство», побратимство на основе сов-
местного владения мелким скотом 81

bēgūnas (бегūнас) лит. — «бегунок», уст-
ройство для обучения ребенка ходь-
бе 74

¹ Глоссарий состоит из двух частей; в первую вошли термины тех языков, которые имеют письменность на латинской основе; во вторую — на русской (кириллица).

² Местные термины, имеющие несколько значений, даны только в тех значениях, в которых они встречаются в тексте.

bertuvė (бертувė), vėtyklė (вėтйкле) лит. — деревянная ручная веялка для зерна 38
bičiuliai (бичюляй), bičiulyste (бичю-
лйсте) лит. — сярбы, побратимы, вла-
дющие общим роєм пчел 47
bičiulių (бичюулия), bičiūoris (бичю-
опис) лит. — праздник выемки меда 47
bičiūoris — см. bičiulių
bičiulystė см. bičiuliai
bradenis (брадєнис) лит. — бродєнь, не-
большой невод для ловли рыбы вброд
140
branktas (бранктас) лит. — валёк (часть
запряжки) 48
brička (бричка), brikelis (брикялис),
ratukai (ратукай) лит. — праздничная
повозка 49
brikelis см. brička.

Siems (сьємс) лит. — деревня, обычно
кучевого типа (Вицеме) 152
šaka (шайка) лит. — широкая лодка (За-
неманье) 51
šėprės (шямпєс) лит. — женская и дет-
ская обувь, связанная из льняных или
шерстяных ниток 66
šiuoto (шйуото) вод. — женская рубаша
с полликами 323
šitėttė maa (шйтєттє маа) вод. — кютица,
форма пожара: сжигание валов хво-
роста, прикрытых дёрном, на свежє-
вспаханном поле 315

Daina (дайна) лит. — народная песня 98
dalgelė (далгялє) лит. — полукоса для
уборки хлебов 38
dalgis (далгис) лит. — коса с длинным
косовищєм 38
delmonas (дєлмонас) лит. — женский при-
вязной карман для денег и мелких
предметов (Клайпедский край) 66
diendaržis (дйєндаржис), laidaras (лй-
дарас) лит. — загон для скота; скот-
ный двор 62
dizais skurstenis (дйжайс скурстєнис) букв.
«большая труба», manteliskurstenis
(мантєльскурстєнис) лит. — каминная
кухня — каменная камера с очагом
и дымоходом, находящаяся в сенях
жилого дома (Курземе, Земгале) 154
drangas (дрангас), drogas (дрогас) лит. —
дроги, длинная узкая телега 148
dėarakas (дєракас) лит. — фабричный
пружинный культиватор 42
draugė (драугє) лит. — а) рыбацкая артель;
б) неразделенная семья 45
drogas — см. drangas

dūmistaba (думистаба) лит. — курная из-
ба 153
dziedātais (дзйєдатайс) лит. — песенный
мелодический стиль 197

Eesti, eestlased (ээсти, ээстласєд) эст. —
современное самоназвание эстонцев 209
ehalkāimine (эхалкяйиминє) kildsann (кйлд-
санн) эст. — вечера-посиделки, супряд-
ки 279
eukši (эукши) иж. — сєни 318

Galda rati (галда рати) лит. — небольшая
телега 148

galvas auts (галвас аутс) лит. — женский
полотенчатый головной убор (Латга-
лия) 164
garkāte (гаркятє) лит. — коса с длинным
косовищєм 130
geinys (гєйнис) лит. — лезиво, веревоч-
ная снасть для лазания на дерево
к борти 46
ģīga (ģйга) лит. — однострунная скрипка
197
goda vārti (гòда вярти) лит. — букв. «во-
рота почета» — традиционное заграж-
дение, устраиваемые обычно на пути
свадебного поезда 175
grėblis (грєблйс) лит. — грабли 38
gredzėns (грєдзєнс) лит. — кольцо, пер-
стєнь 192
gredzėni (грєдзєни) лит. — кольцеобраз-
ные подтяжки у сохи 128
grūdenis (грудєнис), grūslis (груслис),
zīdenis (зйдєнєс), ķoku putra (ķоку
пўтра), ķukis (ķукис), — лат. — густая
каша из бобов, гороха, перловой кру-
пы, варилась со свиной головой и хвос-
том 169
grūslis — см. grūdenis.
grūcija (грўчя) лит. — традиционный жи-
лой дом с кухней в центре постройки
(Занеманье) 59

Haak (хакк) эст. — конусообразная «баб-
ка», способ установки снопов в поле 231
haldjad (халдьяд) эст. — духи-покрови-
тели 213
hambaraħa (хамбаряха) эст. — деньги «на
зубок», дар, новорожденному 281
hame см. sārķ.
harakad (хяракад) иж. — букв. «сороки» —
притиски из жердей по гребню кры-
ши 319
harjukesed (хярьюкєсєд), harjuskid (хяр-
юскид) эст. — букв. «щєтинщики», стран-
ствующие торговцы-коробейники 253
harjutanu (хярьютану) эст. — женский го-
ловной убор типа сороки 276
harkader (хяркядєр) эст. — двулемешная
соха восточноєвропейского типа 230
hāntā (хянтя) иж. — затылочная часть
«сороки» (см. sorokka) 324
hārmaķ (хярмак) эст. — армяк, кафтан,
верхняя мужская одежда (сету) 275
helleused (хєллєтусєд) эст. — возгласы и
ответное ауканье пастухов 294
hursuksed (хурстуксєд) вод. — женская
несшитая поясная одежда 322

Ienos (єнос) лит. — оглобли 48
īgaunī (йгаунй) лит. — латышское назва-
ние эстонцев 209
ihad (йхад) вод. — короткая женская коф-
та 322
īķe (йкє) эст. — ярмо для упряжки во-
лов 249
īķeņģ (йкєнģ) эст. — удочка с парным
крючком 240
ilksis (йлкис) лит. — обжи сохи 128
īrkļas (йрклас) лит. — весло 50
isamees (изамєэс) эст. — сват 281
istaba (йстаба) лит. — жилой дом, пзба
с русской печью 152

- isurid, isurlased (йзурид, йзурласед) эст. — современное название ижоры у эстонцев 311
- išara (йшара) лит. — рассоха, основная часть сохи 37
- išimtinė (йшимтине) лит. — пенсия, форма пожизненного содержания престарелых родителей 73
- Jaheliha, см. sült.
- jalarätt (яларяйт) эст. — онучи 274
- Jāru siers (Яню сйерс) лат. — букв. «Янов сыр», творожный сыр, приготовлявшийся к Иванову дню 170
- jauja (яуя) лит. — рига, снопосушильня 62
- jāri (яри) эст. — небольшая скамейка, табурет 265
- jumta āzis (юмта āзис) лат. — конек крыши 191
- juosta (юоста) лит. — плетеный или тканый узорчатый пояс 63
- Kaar (каап) эст. — войлочная шляпа, мужской головной убор 274
- kaaso (каасо) иж., kaasõ (каасы) вод. — подружки на свадьбе 325
- kaasõ, см. kaaso.
- kaatteri (каатери) иж., kaattõri (каатыри), koittana (койтана) вод. — набедренное полотенце, элемент женской одежды 322
- kaattõri, см. kaatteri
- kabimüts (кабимютс) эст. — копытообразный кокошник 276
- kailiniai (кайлияй) лит. — овчинная шуба 64
- kaits (кайтс) эст. — котец, разновидность закола из прутяных щитов 240
- kakalys (какалис), suoloelis (суолялис) лит. — обогревательный щит в форме скамьи в жилых помещениях (Занеманье) 59
- kaikla rīnki (кайкла риньки) лат. — шейная гривна 192
- kaiksa putra (какса пүтра) лат. — каша с жиром 172
- kalamiez, мн. ч. kalamied (каламиез, мн. ч. калампед) лив. — букв. рыбак, рыбаки, līvli, мн. ч. līvlis (ливли, мн. ливлист) — самоназвания ливов (см. также līb.) 204
- kale (кале) эст. — рыболовецкая сеть в форме мешка 241
- kali (кали), taar (таар) эст. — квас 255
- kallasarap (калласарип) эст. — букв. «береговой поп», рыбак, руководящий с берега ловом рыбы неводом 241
- kalpi klēts (калпу клетс) лат. — клеть для имущества баграков (хозяйственная постройка) 153
- kalpi kūts (калпу кутс) лат. — хлев для скота баграков 153
- kaņa (кама) эст. — толокно из различных зерновых, гороха и бобов 256
- kamānas (каманас) лат. — выездные сани 150
- kambaölut (камбаълут) — букв. «компанейское пиво», killarīdu (киллапиду) эст. — букв. «компанейский праздник», осенний праздник мужчин (острова) 279
- kamber (кәмбер) эст. — камера 264
- kami (кәми) лат. — 1) клетки из гороха или бобов, см. rikas (рикас); 2) толченое конопляное семя с горохом (Видземь) 168, 169
- kamīnas (кәминас) лит. — камин — каменная камера с очагом и дымоходом в сених жилого дома (Жемайтия) 58
- kampsun (кәмпсун) эст. — женская верхняя сукозная кофта в талию 272
- kaneru staks (кәнепу стакс), stenkis (стенкис), stoks (стокс), temps (темпс) лат. — блюдо из толченой конопляной массы 168
- kanklės (кәнклес) лит. — музыкальный инструмент типа гуслей 102
- kannel (кәннель) эст. — музыкальный инструмент типа гуслей 299
- karoliai (кароляй) лит. — бусы, традиционное шейное украшение 64
- kāposti (кәпости) лат. — букв. «капуста», щи или похлебка из различных овощей 169
- karask (кәраск) эст. — пресная ячменная лепешка 255
- kartupeļu stoks (кәртушелю стокс) лат. — блюдо из картофеля с толченым конопляным семенем 168
- karūake (кәруәкә) эст. — борона — суковатка 230
- kasuk(as) (кәзук(ас) эст. — кожух, шуба из дубленых овчин 274
- katica (кәтица) лат. — котец, разновидность закола из прутяных щитов 139
- katsikul kaimine (кәтсикул кәймиине) эст. — родины, смотрины — посещение роженицы и новорожденного 280
- kaukas (каўкас) лит. — домовый 100
- kažoks (кәжокс) лат. — кожух, шуба из дубленных овчин 245
- kāised (кәйсед) эст. — женская короткая блузка с широкими рукавами 272, 275
- kākid (кәкид) эст. — вареные колобки из муки и овечьей крови 256
- kārbis (кярбис) эст. — рамы из жердей, служащие для сушки ярового 231
- ķekatnieki (кәкатниекп) лат. — ряженые на свадьбах и праздниках 175
- kelnēs (кяльнес) лит. — мужские штаны 67
- kerdžius (кярджюс) лит. — старший пастух 39
- keris (кәрис) эст. — каменка из булыжников, сложенная на своде печи 264
- keskin (кәскин) иж. — холщовая вставка в женской несшитой поясной одежде (см. hurstuksed) 322
- kihelkond (кйхелькөнд) эст. — древнее территориальное объединение эстонцев, позже — приход 211
- kihlukid (кйхлукид) иж. — обручение 325
- kihlus (кйхлус) эст. — обручение 281
- kiisel (кйисель), kile (кйле) эст. — овсяный кисель 256
- kiiseli (кйиселп) вод., иж. — овсяный кисель 317
- kile, см. kiisel
- kildsann, см. ehalkäimine
- killarīdu, см. kambaölut
- kingad (кйнгад) эст. — башмаки 273

kitasnik (кйтасник) эст.— косоклиный широколяточный сарафан из синей китайки (сету) 275
 kiukka (кйука) иж.— печь 319
 klėtis (клѣтис), svīgnas (свйрнас) лит.— клеть 61
 klėts (клѣтс) лат.— клеть 152
 klumpės (клѹмпес) лит.— деревянные башмаки (Жемайття) 34, 65
 kluonas (клѹонас) лит.— крытое гумно 62
 koda (кѹда) эст.— летняя кухня 266
 koduvāi (кѹдувай) эст.— зять—примак 280
 koittana, см. kaatbri
 kojines (кѹйинес) лит.— чулки 64
 kokle (кѹкле) лат.— музыкальный инструмент типа гуслей 197
 koķu putra, см. grūdenis
 kolle (кѹлле), lee (лѣа) эст.— открытый очаг перед устьем печи 264
 koomina (кѹомина) вод., иж.— крытое гумно (при риге) 320
 koof (кѹот), rint (ринт) эст.— цеп 231
 koros (кѹрос), vuorės (вуорес) лит.— телега с высокой решеткой для перевозки снопов и сена (Аукштайття) 48
 kosimine (кѹсимине) эст.— сватовство 281
 kostuvės (кѹштѹвес) лит.— обычай угощения соседей домашним пивом 80
 kbortan (кыртан) лив.— женское шерстяное наплечное покрывало 207
 kraitelė (крайтале), sėtuvė (сетувѣ) лит.— севалка-лукошко, плетеное из соломы, орешника, еловых корней 38
 kraitis (крайтис) лит.— часть приданого, составляющая личное имущество невесты 73
 krassika (крассика), sinākka (сйняка) вод. иж.— косоклиный сарафан 323
 kratāmās restes (кратамас рѣстес) лат.— четырехугольное решето для веяния 130
 krekenys (крякенис) лит.— молозиво 80
 krėslis (крѣслис) лат.— дровни с решетчатой спинкой 150
 krėtilas (крятилас) лит.— грохот, решето для веяния зерна, плетеное из орешниковых прутьев 38
 kretulis (крѣтулис) лат.— грохот, решето для провеивания зерна 130
 krīga (кряга) лат.— кряга, сеть на рамах, служащая для лова рыбы вброд 138
 križa (кряжа), pelavū dakšas (пѣлаву дакшас) лат.— вилы для отвеивания мякины 130
 kūšios (кучѣс) лит.— торжественный ужин в сочельник 81
 kūelmād (кѹѣльмад) иж.— кютица, форма пожога 315
 kuķis см. grūdenis.
 kukkeli (куккели) иж., sarana (сапана) вод., sorokka (сорокка) вод., иж., lakki (лакки) вод.— головной убор типа сороки 324
 kultenis (кѹлтенис), skābums (скāбумс) лат.— освежающий напиток из ржаной муки, типа кваса 170
 kultuvās (кѹлтѹвас) лит.— цеп 38
 kumetis, мн. kumėčiai (кѹметис, мн. кумечяй) лит.— семейный батрак в имениях 40

kuralased, rannakuralased (кѹраласед, раннакѹраласед) эст.— название ливов, употребляемое эстонцами о. Сааремаа 204
 kured (кѹред) эст.— букв. «журавли», загнутые вверх концы обжей сохи 230
 kurpruset (кѹрпусет) вод. иж.— постолы, цельнокроенная обувь без подметки из сыромятной кожи 324
 kušakka (кушакка) вод., иж.— кушак, женский пояс в виде узкого полотенца 323
 kuteļi (кѹтели), kutes (кѹтес), sutņi (сѹтņи) лат.— кютица, форма пожога 128
 kūts (кѹтс) лат.— хлев 152
 kuulamīne (кѹуламинѣ) эст.— засылка свахи до формального сватовства 231
 kuurits (кѹуритс) эст.— курица, рыболовная снасть 241
 kūlimit (кѹллит) эст.— севалка, лукошко, мера зерна 230
 kūtis (кѹтис) эст.— кютица, форма пожога 228
 kvieslys (квеслис) лит.— в прошлом свадебный персонаж, приглашавший на свадьбу 75
 Labakindad (лабакйндад) эст.— варежки 272
 laidas, см. diendaržis
 laidas (лāйдарс) лат.— загон, открытый скотный двор; хлев 152
 laidene (лāйдене) лат.— плавная сеть для ловли лососей в реках 139
 laišķina (лāйшкйниня), šūplīte (шѹплите) лат.— совок для веяния и сортировки зерна 130
 laivelis (лāйвйлис) лит.— узкая с изогнутым дном лодка (Аукштайття) 51
 lakki, см. kukkeli
 lankas (лāнкас) лит.— дуга однокоянной запряжки 48
 lašu būri (лашу бѹри) лат.— котцы, ящики в заколе для лова лосося 138
 laumė (лāумѣ) лит.— ведьма 100
 laut (лāут) эст.— хлев, скотный двор 266
 laki-laki (лакки-лакки) эст.— меховая шапка-ушанка, мужской головной убор. 274
 lāti vikat (лāti вйкат), букв. «латышская коса», gauts (гаутс) эст.— полукоса для уборки ржи (см. vienģocēs) 234
 lee, см. kolle.
 leib (лāйб) эст.— хлеб 255
 leivakģvane (лāйвакģврѣне) эст.— «добавка к хлебу», т. е. вся еда, кроме хлеба 255
 liemenė (лемяне) лит.— женская безрукавка, лиф 63
 lieris (лѣерис) лит.— навес, пристройка в конце нумаса (см. numas) 56
 lietuviai (летѹвай) лит.— самоназвание литовцев 9
 lievenis (лйевенис) лат.— навес, крыльцо 155
 līb (лййб) rāndali, (рандали), rāndalist (рандалист) лив. самоназвание салацких ливов 204
 liistik (лййстик) эст.— женский суконый лиф 272

liiv (ли́йв) эст. — сетевая на деревянной раме снасть-ловушка для рыбы 241
 liivlased (ли́йвласед) эст. — эстонское название ливов 204
 linuk (ли́нук) эст. — женский полотенчатый головной убор 275
 linutamine (ли́нутамине), tanutamine (та́нутамине) эст. — обряд надевания новобрачной головной убора замужней женщины 282
 līvieši, jūrmalieši (ли́виешпи, ю́рмалиешпи) лат. — латышские названия ливов 204
 livli, livlist, см. kalamīez
 locīājas (ло́читаяс) лат. — вторящие голоса в хоре 197
 loršys (ло́шпис) лит. — подвесная колыбель 74
 lōyhkā (лѐюхкя) иж., lōyhčā (лѐюхчя) вод. — берестяной «веер», орудие для очистки зерна 315
 lōyhča см. lōyhkā
 luotas (лу́отас) лит. — долбленный челн, с тупыми носом и кормой 50
 lutsumānd (лу́тсумянд) эст. — крючок в форме мутовки для лова налшма 240
 Maakond (мааконд) эст. — «земля», древнее территориально-племенное объединение, позже уезд 211
 maarahvas (маарахвас) эст. — «народ (пашей) земли», старинное самоназвание эстонцев 209
 manteliskurstenis, см. dižais skurstenis
 marškiniai (маршкни́яи) лит. — женская рубашка 63
 matigi (матиги), matjugi (матюгп) лат. — матюги-подтяжки у сохи 129
 mazmājas (мазмаяс), namels (намелс) лат. — жилище бобыля 155
 mähča (мяхча) вод., māmmi (мямми) иж. — каша из ржаной муки с брусничкой 318
 māmmi см. mähča
 mennā turakoilla (мѐнния ту́акойла) фин. — букв. «хождение с табаком» — сватовство (Ленинград. обл.) 325
 meruzs (мѐрузс) лат. — мережа, рыболовная снасть 138
 mičošana (ми́чошана) лат. — обряд надевания на новобрачную головной убора замужней женщины 175
 mīdus (ми́дус) лит. — хмельной напиток из меда 46
 miestini (ми́стини) лат. — местечко (поселение) 152
 mōis (мѐйс) эст. — мыза, первоначально — крупные хозяйства эстонской знати, позже — поместье, имение 213
 mulģikarsad (му́льгика́псад) эст. букв. — «мулькская капуста» — густая каша из кислой капусты, перловой крупы и свинины 256
 mutlpoot (му́тпѐот) эст. — мутник, разповидность невода 241
 Naginés (на́гинес) лит. — постолы — цельнокроенная обувь из сыромятной кожи без подметки 67
 naktigonė (на́ктигоне) лит. — ночное, ночной выпас лошадей 40

nāmats (на́матс) лат. — наметка, женский полотенчатый головной убор (Аугшземе) 164
 nameļnieks (на́мелннекс) лат. — безземельный крестьянин, бобыль 155
 namels, см. mazmājas
 namīņš (на́миньш) лат. — летняя кухня 154
 nams (намс) лат. — сени 153
 nīnamēes (ни́намээс) эст. — главарь деревенского объединения парней (см. oma kūla poisid) 279
 noot (но́от) эст. — невод 240
 noragas (но́рагас) лит. — лемех 37
 numas (нумас), namas (на́мас) лит. — древнее однокамерное срубное жилище с открытым очагом посередине 56
 puometas (пу́омятас) лит. — наметка, женский полотенчатый головной убор 64
 Oma kūla poisid (о́ма кю́ла по́йсид) эст. — букв. «парни своей деревни», деревенское объединение парней 279
 oode (одо́) эст. — полдник, трапеза между обедом и ужином 256
 ore (о́ре) лат. — фура, ломовая телега 150
 orkoiāizōd (орко́лайзѐд) иж. — «низовые», население низовьев р. Луги и Сойкинского п-ва 316
 ošmus (о́шмус) иж. — налобная часть «сорокп» (см. sorokka) 24
 ūlu (у́лу) эст. — шво 257

Paabapraasnik (па́абапра́асник) эст., букв. — «бабий праздник», праздник замужних женщин (сету) 279
 pabaigtuvēs (па́байгтү́вес) лит. — угощение для толочан 80
 paīda (пай́да) иж. — женская рубашка с подликами 323
 paikaz (пай́каз) вод. — женский полотенчатый головной убор 324
 pakalkė (пакáлке) лит. — веноч, традиционный девичий головной убор открытого типа 66
 pakasynos (пакаси́нос) лит. — поминки 76
 raklāke (ра́ккэ́кэ) эст. — деревянная колесчатая борона 230
 paņāksnienīki (па́на́кснени́ки) лат. — родственники невесты 197
 parrēd (па́ррѐд) эст. — колосники в риге 264
 pasoga (пасо́га) лит. — часть приданого (деньги, скот, с/х инвентарь и т. п.), переходящая в хозяйство мужа 73
 pastlād (па́стлад) эст. — постолы, цельнокроенная обувь из сыромятной кожи без подметки 273
 pavalkai (павалка́и) лит. — хомут 48
 pāsiō (пья́сиы) вод. — круглая шапочка, головной убор просватанной девушки 324
 pārg (пяр́г) эст. — веноч, девичий головной убор открытого типа 272
 pearael (пѐара́ел) эст. — головная лента, повязка — девичий головной убор 272
 peiupoiss (пѐйупѐйсс) эст. — дружка на свадьбе 282
 pelavu dakšas, см. krīza

pere (пѣра) эст.— домочадцы, совокупность населения крестьянского двора 280

perednikka (передника), rukavnikat (рукавникат) вод., иж., ummiko (уммико) иж., ummikõ (уммикы) вод., — запон, закрытый фартук с рукавами 323

pererāivas (пѣрѣрахвас) эст.— хозяйская семья в крестьянском дворе 280

pertti (пѣртти) иж.— изба, жилая часть дома 318

piautuvās (пѣутувас) лит.— серп 38

piedarbs (пѣдарбс) лат.— гумно 152

pikas см. kami

pikk-kuub (пикк-кууб) эст.— кафтан 272

pilponys (пилипонис) лит.— филиппоны или филипповцы, секта раскольников-бесполовцев 19

pint, см. koot.

pirkia (пѣрка) лит.— жилище, изба с русской печью (Аукштайтя) 59

piršlybos (пѣршлѣбос) лит.— сватовство 74

piršlys (пѣршлѣс) лит.— сват 73

pirštinēs (пѣрштѣнинес) лит.— перчатки 64

pirtis (пѣртис) лит.— баня 62

pirts (пѣртс) лат.— баня 153, 155

pirts kambaris (пѣртс камбарис) лат.— жилая камора, пристроенная к бане 155

pītes, см. kami

plāseņi (плѣсени), gauši (рѣуши) лат.— печенье из ячменной или пшеничной муки 169

plēškēs (плѣшкес) лит.— шлеи пароконной упряжки 48

poivoņikka (повойника) вод., иж.— повойник, женский головной убор 324

poīd (пѣйд) эст.— старопахотное, постоянное поле 228

prees (прѣэс) эст.— нагрудное украшение в виде плоской серебряной пряжки 273

pretistaba (прѣтистаба) лат.— передняя, сени, тамбур 155

priekšnams (пѣрѣкшнамс) лат.— сени, передняя 154

prījuostē (пѣрѣюосте) лит.— передник 63

prītana (пѣритана) вод. приданое 325

pruudīsūmine (пѣруудѣсумине) эст. букв. «жатва невесты», обычай жать рожь в хозяйстве жениха (на островах) 281

puđer (пѣдѣр) эст.— каша из крупы или муки 255

puhemies (пѣухѣмиѣс) фин.— сват (Ленингр. обл.) 325

puļmađ (пѣулмад) эст.— свадьба 281

putra (пѣтра) лат.— жидкая похлебка из крупы с молоком или с мясом и жиром 169

putraimi putra (пѣтрайму пѣтра) лат.— молочная похлебка с крупой 169

putta (пѣтта) иж.— кожаный женский пояс с пряжкой 323

pūksid (пѣоксид) эст.— мужские штаны 274

Raaka (рѣака) иж.— щеп 315

ragavas (рѣгавас) лат.— дровни 150

rahid (рѣхид) иж.— скамья для обмолота (оббивки) зерновых 315

rāndali, rāndalist, см. līb

ratelis (ратѣлис) лит.— самопрялка 34

ratene (рѣтене) лат.— широкополая мужская шляпа 165

ratiz (рѣгиз) вод.— клеть 320

ratukai, см. brikelis

raugas (рѣугас) лит.— закваска для ржаного теста 80

raugas iet (рѣугас ѣет) лат.— родины, смотрины — посещение роженицы и новорожденного родными и знакомыми 175

rauts — см. lāti vikat

razvalinos (развалѣнос) лит.— тип сальной 50

rātsinā (рѣятсѣня) иж.— женская рубаха 322

recekļis (рѣекѣлис), spetīķis (спѣтѣкѣис) spudiņi (спѣдиņи) лат.— мясной студень 169

regi (рѣги) эст.— дровни 249

rehealune (рѣхѣалуне) эст.— крытое гумно (при риге) 264

rehi (рѣхи) эст.— рига, снопусушльня 264

riešīnēs (рѣшѣинес) лит.— вязаные узорчатые нарукавники 64

riheņūš (рѣхѣнѣуш) вод.— сени 318

rihi (рѣхи) вод.— изба, жилье 318

riiga (рѣйга) вод., riigi (рѣйги) иж.— рига, снопусушльня

rija (рѣя) лат.— рига, снопусушльня 152, 264

rivat (рѣват) вод., иж.— суконные обмотки 324

ristsed (рѣстсѣд), varrud (варруд) эст.— крестины 281

rize (рѣзе) лат.— плавная мешкообразная сеть для лова рыбы в реках 139

rodiklis (родѣкѣлис) лит.— дышло 48

rogēs (рѣгес) лит.— рабочие дровни восточноевропейского типа (Аукштайтя) 48

rojka (рѣйка) лит.— челн из двух соединенных выдолбленных стволов 51

roositud kindad (рѣоситуд кѣндад) эст.— белые рукавицы с вывязанным орнаментом 288

roovialune (рѣовѣалуне) эст.— огнеузорная камера с очагом в сенях, разновидность каминой кухни см. dīzais skurstenis 266

rotinoi (рѣотиной) фин.— родины, смотрины, посещение роженицы и новорожденного родными и знакомыми (Ленингр. обл.) 325

rotu adatas (рѣту адатас) лат.— металлические булавки 192

rovīs (рѣвис) лат.— «черная кухня», огнеупорная камера с очагом в сенях (см. roovialune) 154

rōuk — см. kārbis

ruga (руга), saad (саад) эст.— копна сена 232

rulis (рѣлис) лит.— каток для молотбы 41

rukavnikat, см. perednikka

ruuska (рѣуска) фин.— дружка невесты (Ленингр. обл.) 325

rūu (рѣюу) эст.— холщовый балахон, летняя верхняя одежда 272

rüüd (рююд) эст.— косоклинный широко-
ляпочный сарафан с ложными рука-
вами (сету) 274

Saad, см. ruga

saap (саап) эст.— сани 250

saarad (саарад) эст.— сапоги 274

sādža (сэджа) лат.— деревня, обычно ря-
дового или уличного типа (Латгалия)
152

salik (сахк) эст.— плуг, в сев. Эстонии
иногда соха 230

saimes istaba (сэймес йстаба) лат.— букв.
«людская», помещение, в котором жили
батраки и поденщики 155

saimnieka gals (сэймниека галс) лат.—
букв. «хозяйский конец» хозяйская по-
ловина в жилом доме 155

sakol (сакол) эст.— закол — частокол по-
перек течения реки для лова рыбы
241

sakta (сакта) лат.— фибула, нагрудная
пряжка 192

sala (сала) лат.— букв. «остров», деревня
(Латгалия) 152

sarapa, см. kukkeli

sarrapo (сарпано) нж.— женский полотен-
чатый головной убор 324

šarad (шарад) нж.— подсека 315

sard (сард) эст.— озерод, жерди для суш-
ки яровых 231

sargad (саргад) вод.— подсека 315

sari (сари) эст.— решето для провеивания
зерна 231

sarikad (сарикад) эст.— стропила 267

saun (саун) эст.— баня 267

sauna (сауна) вод., нж., тагб (тарь) вод.—
баня 320

savakot (савакот) фин.— самоназвание од-
ной из этнографических групп финнов
Ленингр. обл. 312

särk (сярк), hame (хамэ) эст.— рубаха
туникообразного покроя 272

seapina (сэапина) эст.— небольшое лег-
кое рало (о-ва и с-з побережье Эсто-
нии) 230

seelik (сээлик) эст.— юбка 272

seinapink (сэйнапинк) эст.— пристенная
лавка 265

selč (сельч) лив.— рыболовная артель
204

serik (сэрик) эст.— пшеничный хлеб
256

sermëga (сярмега) лит.— сермяга, муж-
ская и женская верхняя одежда из
сукна 64

seru ratī (сэру рати) лат.— телега на низ-
ком ходу 150

sētuvē, см. krāitelē

sijonas (сйэнас) лит.— юбка 63

sikuska (сйкуска) эст.— сиккушка, уда
с двумя крючками 240

sinces (сйнцес) лат.— сени 153

sirp (сирп) эст.— серп 231

sirpis (сйрпис) лат.— серп 130

skābputra (скабпутра) лат.— квашеная
похлебка 164

skābums, см. kultenis

skara (скарà) лит.— женское наплечное
домогатканное льняное или шерстяное
покрывало 64

skerstuvės (скярстүвес) лит.— обычай уго-
щения соседей мясом при забое свиньи
80

sleņģene (слэньгена) лат.— мужской ме-
таллический пояс (Зап. Латвия)
166

smuigas (смуйгас) лат.— волынка, муз.
инструмент 197

snātene (снатэне) лат.— женское льняное
наплечное покрывало (Латгалия) 164

sorokka, см. kukkeli

sõõt (сёёт) эст.— залежь 228

sõba (сёба) эст.— женское наплечное по-
крывало 272

sõber (сёбер) эст.— букв. друг, «сябр»,
партнер в меновой торговле 253

sõir (сёйр) эст.— творожный сыр 255

sõlg (сёльг) эст.— конусообразная метал-
лическая пряжка, нагрудное украше-
ние 273

sõõrd, см. ale

spētiķis, см. resekļis

spīļu arklis (спйлю аркис) лат.— соха
128

spragilas (спрагилас) лит.— цеп 38

spudinī, см. resekļis

staklēs (стаклес), stovai (стовай) лит.—
трапкий стан 34

stenkis, см. kaņeru staks

stoks, см. kaņeru staks

stovynė (стовйне) лит.— деревянная стой-
ка, при помощи которой в старину при-
учали ребенка стоять 74

strādāt (страдат) лат.— работать 196

styras (стйрас) лит.— короткое рулевое
весло 51

sukad (сукад) эст.— чулки 273

sulane (сүлане) эст.— батрак 280

sūkāret (сюкарет) нж.— волосяные жгу-
ты, часть женской прически 324

sūlt (сюльт), jāheliha (яхэлйха) эст.—
мясной студень 256

svīrnas, см. klētis

sugrāžtai (сугрājтай) лит.— традицион-
ное посещение молодоженами родителей
молодой 74

sula (сула) лит.— напиток из березового
или кленового сока 71

suolelis, см. kakalis

suomi (судми) фин.— самоназвание фин-
нов 312

sutartinė (сутартйне) лит.— вид народ-
ных полифонических песен 99

sutai, см. kuteļi, kūtes

šeimyna (шеймйна) лит.— челядь 16

šlajos (шляёс) лит.— дровни жемайтского
и занеманского типа 49

šlajukai (шляюкай) šlėdalės (шлядалес)
лит.— выездные сани (Жемайтя) 50

šlėdalės, см. šlajukai

šlōkka (шлькка) вод.— повойник на
жесткой основе 324

šņore (шнёре) лат.— полоса пахотной
земли 152

šora (шопа) лит.— пристройка для кон-
ной молотилки у гумна 62

šūplīte, см. laiškina

Taar — см. kali

taarikapsta (таарикапста) эст.— букв.

«квасокапуста», смесь из тушеной квашеной капусты и сырой свеклы 255
 tacis (тацис) лат.— закол, частокол поперек течения реки дна лова рыбы 138
 taigud (та́гуд) эст.— толока, форма традиционной коллективной взаимопомощи в работе 230
 talka (та́лка) лит.— толока, форма традиционной коллективной взаимопомощи в работе 80
 talkas (та́лкас) лат.— толока, форма традиционной коллективной взаимопомощи в работе 179
 talkkuina (та́лкуина) вод.— толокно 317
 talu (та́лу) эст.— крестьянский двор, хутор 280
 tamr (та́мр) эст.— каток для обмолота яровых 234
 tanutamine, см. linutamine
 tare, см. tuba
 tāres (та́рес) лат.— решетка из прутьев в заколе 138
 tarb, см. sauna
 tautas dziesmas (та́утас дзйесмас) лат.— народные песни 196
 teicējas (тэйцэяс) лат.— запевающие голоса в хоре 197
 teiktais (тэйктайс) лат.— «сказительный» мелодический стиль 197
 temp (та́мп) эст.— блюдо из жареных и толченых семян конопля 256
 temps, см. kaņeru staks
 tina (ти́на) лат.— трехслойная сеть для лова рыб в реках и озерах 138
 tolokna (то́локна) лат.— толокно 170
 trejbridis (трэйбридис) лат.— разновидность криги, состоящая из двух сетевых крыльев на раме, рыболовецкая снасть 139
 trīņūīai (трини́чяй) лит.— балахон, рубаха 67
 troba (тро́ба) лит.— традиционный жемайтский жилой дом с «каминас» (см. kaminas) 58
 troiņiks, см. krīga
 tuba (ту́ба), tare (та́ра) эст.— жилия часть риги, она же снопосушильня 264
 tubakad (ту́бакад) вод.— обручение 325
 tuttmüts (ту́ттьмутс) эст.— вязанный колпак с кистью, женский головной убор (о. Сааремаа) 276
 tūdruks (ту́друк) эст.— батрачка 280
 tūttōd (ту́ттōд) вод., иж.— подружки невесты 325
 tvartas (тва́ртас) лит.— хлев 61

Umbahi (у́мбахи) эст.— «глухая» печь (без каменки) 264
 ummiko, см. pērednikka
 ummikb, см. pērednikka
 und (у́нд) эст.— жерлица 240
 ušņikud (уш́никуд) вод.— височные украшения 324
 užgavēnēs (у́жгавенес) лит.— масленица 81
 užģeros (у́жгерос) лит.— выпивка по случаю обручения 74

Vad'd'alain (ва́дьдялайн) вод.— самопазование воды 310
 vads (ва́дс) лат.— невод 138

vaim (вай́м) эст.— батрачка 280
 vainags (ва́йнагс) лат.— веночек — девичий головной убор — открытого типа 192
 vakaronēs (вакарōнес) лит.— вечера-посиделки 80
 vaļēnieks (ва́леннекс) лат.— безземельный крестьянин 155
 vakkovb (ва́кковы) вод.— братчина, общинный праздник вскладчину 326;
 valtis (ва́льтис) лит.— шитая плоскодонная лодка 51
 vammus (ва́ммус) эст.— мужская суконая куртка 274
 vanaņapān (ва́напа́ня) эст.— «старый нечистый», черт 297
 vanķer (ва́нкер) эст.— телега 249
 vardynos (варди́нос) лит.— торжество на речении имени ребенку 78
 varrud, см. rīstsed
 vart (ва́рт) эст.— кичига, изогнутая палка для обмолота снопов 231
 varza (ва́рза) лат.— сетевой мешок в заколе 139
 vasaras vads (ва́сарас ва́дс) лат.— летний невод 138
 važelis (ва́жялис) лит.— выездные сани (Аукштайтя) 50
 vāli (ва́ли) эст.— поле 228
 vedēji (ве́деи) лат.— поезжане (гости жениха на свадьбе) 197
 veimēd (вэймед) эст.— подарки от невесты родственникам жениха 282
 veimevakk (вэймевакк) эст.— традиционный свадебный короб с подарками от повобрачной родне мужа 282
 vēlinēs (вэйлинес) лит.— праздник поминовения умерших (2.XI) 76
 velykos (ва́йлыкос) лит.— пасха 81
 ventsa (венца) вод.— венчание 325
 verpstukas (вйрпстукас) лит.— веретено 34
 verstuve (вярстуге) лит.— палица — часть сохи, отваливающая землю 37
 vest (весьт) эст.— мужской жилет 274
 vestuvēs (вястўвес) лит.— свадьба 74
 vētyklē, см. bertuve
 vežmas (вэ́жмас) лит.— телега 48
 vienroces (вйенроцес) лат.— полукоса 130
 viensēta (вйенсета) лат.— хутор, однодворное поселение 152
 viisud (вййсуд) эст.— лапти 273
 vikat (вйкат) эст.— коса 231
 vilcējas (вилцэяс) лат.— выдерживающие голоса в хоре 197
 virolaiset (вйролайсет) фин.— финское название эстонцев 209
 volas (вдлас) лит.— каток для утрамбовки засеянного поля 38
 vōb (вōё) эст.— пояс с браным узором 272
 vuit (вурп) эст.— детская игрушка, волчок из костей свиной ножки («бабки») 256
 vugē (вйге) лит.— стоячая колыбель — качалка 74
 vužos (вйжос) лит.— лыковые лапти 67

Zemļakas, zemļenkas (зёмлякас, зёмлянкас) лат.— подтяжки у сохи (ю.-в. Латгалия и в. Аугшземе) 129
 zēniha (зэ́ниха) вод., иж.— жених 325
 zīdenis, см. grūdenis

ziemas vads (зйемас вадс) лат.— невод для подледного лова рыбы 138
žolkeiseriņe (жокейсеиуре) лат.— кепка 167
žagre (жагре) лит.— соха 37

Аадмг, калм.— творожистая прессованная масса, полученная из боза (см.) 756

абзар иясе, тат.— дух, «хозяин хлеба» 637

абыз, тат.— просвещенный, образованный 663

ава, мар.— мать 535

авань поза, м. мокш.— букв. «женская брага», обычай варки коллективной браги 584

а вени пе кунтбор, молд.— букв. «прити на печь», обычай девичьей инициативы в заключении брака 817

авл, калм.— дядя по отцу 762

авыл, тат.— деревня 649

ага, шага, мар.— двулемешная соха 540
ага-пайрем, мар.— праздник сохи 512, 539

агас, пиня, к.-з.— борона 410

агес, кар. лив.; аштиво, кар. люд.; чшукарте, кар. соб.— борона-суковатка 337

адр, вепс.— коловая соха 366

адра, кар. люд.; адру, кар. лив.; атра, атру, кар. соб.— двулемешная соха 336, 337

адру см. адра

азрайн, кар. соб.— рыболовная острога 338

азкышет, айшет, удм.— женский цветной передник 497

азьлас, к.-з.— рыболовная острога 417

азя шьд, к.-з.— перловый суп, кислая перловая похлебка 428

аймак, ара, башк. группа родственных семей, потомков общего предка по мужской линии, группа хотонов (см.) 724

айран, айрэн, башк.— напиток, разбавленное водой кислое молоко 722

айт, вепс.— клеть 368

айтта, кар. люд., кар. соб., айтту, кар. лив.— клеть 349, 350

айтту, см. айтта

айшет, см. азкышет

айшош, удм.— старинный головной убор замужней женщины 497

акатуй, чуваш.— букв. «свадьба плуга» — земледельческий религиозный обряд 624

ак кульмяк, тат.— женская рубаха у каратаев 577

ак май, тат.— сливочное масло 657

аксакал, тат.— старейшина 663

ак сәкмән, башк.— зимний халат из белого домашнего сукна 715

алажет, кар. лив., алайжет, кар. люд.— варежки 353

алайжет, см. алажет

аласык, башк.— балаганчик, жилище на летовке, лачуга 707

алача, удм.— домотканная пестрядь 496

алта, башк.— серыги — 717

ало пе, м. эрз.— нижний конец деревни 568

алтица, молд.— орнаментированный при- мой полук на женской рубахе 809
альяпкыс, башк.— орнаментированный холщевый женский фартук 715
альийжед, вепс.— варежки 371
а марита, молд., букв. «выйти замуж» — примачество, переход зятя в дом тестя 815

анат-енчи, чуваш.— название средненизовых чувашей 598

анатри, чуваш.— название низовых чувашей 598

анса, рита, кар. соб.— силки для ловли птиц 339

антерие, молд.— меховая куртка 807

анькытпа шьд, к.-п.— гороховый суп 462

ара, см. аймак

арака, мар.— самодельная водка из картофеля или хлеба 534

арсүри, чуваш.— лепший, дух — охранитель леса 600

асы бал, буза, башк.— хмельные наптки типа браги 720

асам, чуваш.— азым, верхняя одежда, кафтан из плотного сукна с воротником шалью 616

атор, мар.— деревянный капкан 519

атра, см. адра

атякш, м. мокш., м. эрз.— украшение из перевитого лыка на головке лаптя 578

аштау, табак, башк.— миска, чашка 722
аштиво, см. агес

Бадъым зус, удм.— нары 492

байляр, буляр, башк.— самоназвание некоторых западнобашкирских племен 687

бакплө, к.-з.— сапоги с высокими голенищами 430

балас, башк.— безворсовый ковер или дорожка 702

баран, калм.— кладка, из войлочных и ковровых мешков с вещами, сложенная на деревянном шкафчике и закрытая коврами 753

барка, молд.— остроносая лодка 792

база тун, кама тун, башк.— шуба из дорогого меха 715

бата, башк.— напиток, разведенный водою мед или кумыс 726

батман, силэк, башк.— кадка для хранения и перевозки продуктов 722

баурсак, тат.— кусочки пресного теста, варенье в масле или сале 656

бауырһак, йьуаса, башк.— кусочки пресного теста, варенье в масле или сале 720

бачиул, молд.— сыровар, занимающийся обработкой молока 786

башкэ, бечь, кихница, молд.— погреб 805

башкорт, башк.— самоназвание башкир 682

бейеу кдй, такмак, башк.— различные виды тенцевальных песен 737

бепся — самоназвание южных вепсов 364

берен нуксён, удм.— букв. «возвращение к прежнему месту», обычай временного возвращения молодой в родительский дом 499

- берз, калм. — будничное платье замужней женщины 758
- берневичь, ицарь, молд. — шерстяные мужские штаны 806
- бесермен, удм. — самоназвание бесмерян, этнографической группы удмуртского народа 472
- бетеу, башк. — оберег, амулет 728
- бече, удм. — старейший в роде 500
- бечь, см. башкэ
- бива, к.-з., к.-п. — кожаная сумочка для мелких вещей, прикреплявшаяся к поясу 430, 460
- бинз, калм. — платье из шерстяной ткани или ситца 758
- билле тун, башк. — овчинный полушубок 714
- билмау, башк. — широкий мужской пояс 718
- бичура, тат. — домовый 637
- бишбармак, тат., букв. «пять пальцев» — мясо, нарезанное мелкими кусочками и жареное в котле 656
- бишбармак, букв. «пять пальцев», кулдама, башк. — вареная конина или баранина, разрезанная на кусочки и приправленная лапшой с бульоном 720
- бишмет, тат. — длинный кафтан на вате 658
- бишмет, елен, башк. — вид верхней одежды типа халата 714
- бовт., молд. — шест с полым цилиндром, использовался для загона рыбы в сеть 792
- боз, калм. — гуща, остающаяся после перегонки молока на араку (см.) 756
- болок, саам. — кережка (см.) крытая пологом 386
- бондэ, бондицэ, пьештар, молд. — меховая безрукавка 806
- бондицэ, см. бондэ
- боориг, калм. — кусочки пресного крутого теста, вареные в масле 757
- боранжик, молд. — ткань из шелка-сырца 809
- бриуша, кар. лив., кар. люд., приуша, кар. соб. — цеп 336
- бродат, кар. люд. — бредень для ловли рыбы 338
- брѣдни, к.-з., к.-п. — высокие сапоги с мягкой подошвой 430, 461
- брус, вепс. — постройка брусом, анфиладная постройка дома 368
- брыу, молд. — тканый пояс 806
- буза, см. асы бал.
- буляр, см. байляр
- бурама, башк. — бревенчатая изба на лотовке 708
- буркэ, губэ, молд. — меховая накидка 808
- бурнуз, зэбон, молд. — женская шуба 810
- бускель, удм. — сельская община 499
- бусы вѡсь, удм. — букв. «напольная жертва» — моление удмуртов 482
- бучум, молд. — музыкальный инструмент типа трембиты 831
- булур, калм. — деревянный сосуд для приготовления кумыса 757
- бурк, кэпэс, башк. — мужская меховая шапка, крытая материей 715
- бушмуд, калм. — верхняя мужская одежда, шитая в талию 758
- быз, удм. — музыкальный инструмент волянка 509
- быламык, тат. — затируха из ячменной или овсяной муки 656
- бэерь, молд. — узкий пояс, пришитый к верхней части катринце (см.) 809
- бэйет, башк. — песни, повествующие о каком-либо событии 735
- бэлеш, тат. — ватрушка с различной начинкой 656
- бююк, евь, гаг. — парадный дом 836
- Вадрарит, молд. — десятина с полученного вина 788
- валвортон, гырон быдтон, удм. — праздник завершения весенних полевых работ 504
- валегн, ишим, к.-з., к.-п. — обувь с валяными головками и суконными голенищами 430
- валляспу, кар. соб., оржи, кар. люд., орзи, кар. лив. — балка в избе, на которой гудил полозья для саней 347
- валнонь-сюлот, м. мокш. — колбаса, начиненная пшенной кашей с луком и жиром 584
- варган, к.-з. — цеп 410
- ватман, жудэ, кнез, молд. — правитель территориальной общины, имевший судебную власть 776
- вайй, тапй, уав, чуваш. — летние молодежные обрядовые игры 627
- ведехийне, вепс. — водяной 373
- ведехине, кар. люд., кар. лив. — водяной 359
- вежа, саам. — жилище из жердей и досок, крытое дерном 386
- вежань, к.-з. — крестная мать 432
- вейчу, кар. лив., кар. люд., пуукко, кар. соб. — нож 353
- вель, вепс. — букв. «брат», первый дружка на свадьбе 373
- веме, удм. — толока, традиционная трудовая взаимопомощь 493
- вере пе, м. эрз. — верхний конец деревни 568
- верко, кар. лив., кар. люд., кар. соб. — разнозначная сеть для ловли рыбы 338
- вестэ, жубэ, жулеткэ, плик, молд. — мужской жилет 806
- ветель, к.-з. — снаряд для ловли рыбы 416
- вешьян, к.-п. — мужские холщовые штаны 460
- викатех, кар. лив., кар. люд., кар. соб. — коса-горбуша 337
- виллянепайда, кар. люд. — свитер 353
- вираут, вепс. — берестяные лапти 370
- вираут, лётот, кар. лив., кар. люд., кар. соб. — берестяные лапти 353
- виртутэ, ыньвиртитэ, молд. — слоеный пирог 812
- вирьял, чуваш. — самоназванье верхних чувашей 598
- висиньяне перть, вепс. — изба-пятистенок 368
- виход, м. мокш., м. эрз. — полуземлянка с двускатной крышей для хранения одежды и продуктов 572
- волокук, кар. лив. — волокуша, примитивное транспортное средство 343
- вопш, мар. — борт 518

воршуд, удм. — священный короб, считавшийся местом пребывания родового предка 478
 вбнь, к.-з. — тканый узорный пояс 429
 вёр керка, к.-з. — охотничья избушка 413
 вбсья, удм. — жрец 479
 вбсья пура, удм. — объединение жрецов 500
 вуж додь, к.-з. волокуша, примитивное транспортное средство 419
 вумурт, удм. — водяной 479
 вуб, кар. лив., кар. люд., кар. соб. — плетеный пояс 352
 вўта, мар. — хлев с сеновалом 526
 выль жўк, удм., букв. «новая каша» — моление удмуртов 482
 вырзь, саам. — вожика для управления оленями 385
 вэкарь, молд. — пастух, пасущий только коров 786
 вэнарь, молд. — завязки из конского волоса, придерживающие обеле (см.) 808

Гагауз, гаг. — самоназвание гагаузов 835
 геры поттон, удм. — букв. «вынос сохи» — моление перед началом пахоты 482
 гнд, к.-з — теплый хлев 427
 глугэ, молд. — капюшон 807
 гозы, удм. — самодельная машина для виття веревок 485
 гбббч, к.-з — подполье 424
 гбббч выв, к.-з., к.-п. — голбец, деревянный рундук около печки с ходом в подполье 424, 458
 гбр, к.-з., к.-п. — соха 410
 граждь, молд. — конюшня 804
 гриндэ, молд. — поперечные перекладки, составляющие опору для крыши дома 802
 грядки, к.-п. — грядки, широкие брусья в пэбе под потолком для хранения хлеба 458
 губэ, см. буркэ
 гуждор, удм. букв. «первые проталинки», весеннее моление 482
 гуня, к.-п. — теплое пальто из домашнего сукна 461
 гур, удм. — русская печь 492
 гымга, муря, мар. — мережа из прутьев или веревки, рыболовная снасть 519
 гымга, к.-з. — верша из прутьев, рыболовная сеть 416
 гыроп быдтон — см. валвортон
 гырыны кутскоп, гырыны поттон, удм. — веселый праздник, начало сева 482
 гырыны поттон, см. гырыны кутскоп

Девл, калм. — шуба из овчины 758
 дейеу, перей, башк. — духи, хозяева гор, пещер, рек, озер 686
 джоджув, к.-п. — подполье 458
 дзоля додь к.-з. — небольшие сани, подсанки 419
 дшмсе, тоза, башк. — сват 726
 домб, калм. — деревянный сосуд для чая 757
 дормитор, молд. — спальня 786
 дбра-кьян, к п. — ткацкий стан 452
 дбрбм, к.-з. — рубашка 429

драпак, молд. — многозубое рало 783
 дружкат, кар. лив., кар. люд., кар. соб. — дружка 357
 дрымба, молд. — музыкальный инструмент 831
 дубас, к.-п. — косоклинный сарафан из набойки или холста 460
 дукес, сукман, удм. — отрезной кафтан из сукна 496
 дукбс, к.-з. — женская суконная поддевка 429
 дуна кап, молд. — букв. «за голову», сто-соб повязывания женского платка 810
 дэрем, удм. — рубаха 495
 дюмал-чуппу, кар. лив., кар. соб., парашпоши, кар. соб., суури-чуппу, кар. лив., кар. люд. — «красный угол» в избе 347
 дюнку, кар. лив., дюнк, кар. люд. — юбка 352

Евь — см. бююк
 елкелек, башк. — наконное украшение 716
 елан, см. бишмэт
 ертэчуня, молд. — свадебная песня 826

Жемчугат, кар. лив., кар. люд. — жемчуг, жемчужные подвески на кокошнике 352
 жок, молд. — народный танец, гулянье 794

жуаренчу кала, кар. соб. — запеченная рыба 354
 жубе, — см. вестэ
 жудэ, — см. ватман
 жулеткэ, см. вестэ
 жыр анасы, тат. — букв. «мать земли», хозяйка земли, божество 367
 жатг, калм. — девичья шапочка 759
 жыен, курултай, тат. — праздник родственных деревьев, сход, сбор 663
 жажы, удм. — полка 492
 жбк, удм. — стол 492
 жук, удм. — каша 495

Загун, к.-з. — бревенчатая постройка для хранения инвентаря 428
 замэ, молд. — суп с курицей, закисленный ржаным квасом 812
 зэг луд дор, удм., букв. «праздник на краю ржаного поля», моление 482
 зулх, калм. — новогодний праздник 761
 зыбын, удм. — женский шерстяной кафтан 497
 зэбоп, см. бурнуз 810
 зус, удм. — лавка для сна 492

Идымпече, мар. — гумно 526
 пе, кэменэ, молд. — женская рубаха 809
 ижап кабул, талын, башк. — празднество по поводу приезда родителей и родственников невесты в деревню жениха 727
 ижанд, вепс. — большак, глава большой семьи 372
 ижау, башк. — ковш для разливания кумыса 722
 пэамо, пнэама, м. мокш. — борона 557
 пэва тас, к.-з, букв. «лопн Ижмы» — самоназвание ижемцев 399

пэнке, мар. — светец с лучиной 525
пэки, к.-з., к.-п. — ручные жернова 410, 450
пэмене, молд. — мужские холщовые штаны 806
пкеле паця, м. эрз., пнголькс, м. мокш. — женский передник 577
плик, — см. вестэ
пмель тахтаз, вепс. — солодовое тесто (сладкое блюдо) 372
пнголькс, см. пкеле паця
пндешипан, мар. — лапти, плетенные из девяти лык 531, 532
пнзама, см. пзамо
пнамар, удм. — божество, олицетворяющее доброе начало 479
пньёв, к.-з. — женская половина пэбы 427
птек, башк. — сапоги 715
птэк, тат. — букв. «подол», оборка по подолу женской рубахи 660
пцарь, см. берневич
пшек як, башк. — мужская половина в кпбитке 707
пшим — см. валеги
пшкмдг, калм. — народный танец 770
пянепткея, кар. лив., кар. люд., букв. «голосом плачущая» — плакальщица 357

Йава, чуваш. — печенье из сдобного теста 613

Йемчи, тат. — знахарь, врачеватель болезней 638

Йем, чуваш. — мужские холщовые узкие штаны 615

Йёрёх, чуваш. — название семейно-родовых духов п короба, в котором хранились их изображения 622

Йолаш, мар. — женские штаны на завязках 530

Йоморо кэмэ, башк. — долбленая лодка-однодеревка 704

Йоморо умарта, башк. — борть, колода для сбора меда диких пчел 693

Йошкар пледыш, мар. — весенний праздник Красного цветка 539

Йомза, чуваш. — колдун, знахарь 600

Йфрэл, калм. — благопожелание, жанр устного народного творчества 768

Йорнбс, к.-п. — женская холщовая рубаха с прямыми поликами 460

Йыдад, мар. — лапти 531, 532

Йыразьпу, удм. — деревянное изголовье на нарах 492

Йыркышет, подурга, удм. — холщовая женская шапочка, вид чепца 498

Йыуаса, см. бауырпак

Йэймэ, башк. — тонкие лепешки, номинальное блюдо 728

Йэйлэу, башк. — летовка, летнее пастбище 693

Йэйэ, башк. — старинный охотничий лук 693

Йэш корот, корот, башк. — творожные соленые сырки 702, 721

Кабартма, тат. — пышки из пшеничной муки 656

каглап пайк, вепс. — мужской шейный платок 371

каглу пайкку, кар. лив. — мужской шейный платок 352

кагль, мар. — пирог 534

кадьят, вепс. — мужские штаны с узким шагом 370

казақк, вепс. — «казачок» — женская кофта, штая в талию 370

казан, к.-з. — приспособление для разведения огня в лодке, используемое при ловле рыбы 417

казан, тат. — котел 657

казанлык, тат. — самоназвание казанских татар 636

казачку, кар. лив. «казачок» — женская кофта, штая в талию 352

как, тат. — сухая пастыла из ягод 657

калакукко, кар. соб., калакурнекка, кар. лив., кар. люд. — рыбник, пирог с запеченной целиком рыбой 354

калакурнекка — см. калакукко

каламайосса, кар. соб. — рыба, сваренная в молоке 354

каларокка, кар. соб., ууха, кар. соб. — уха 354

калжут, кар. люд., кар. соб. — наголенник 353

калптит, кар. люд., щипанникат, кар. лив. — ватрушки с различной начинкой 354

калпак, шинга шовыч, шымапш, мар. — конусообразный головной убор замужней женщины 531

кал ям, м. эрз. — рыбный суп, заправленный картофелем и капустой 583

камзол, калм. — девичий лиф 753

камзул, башк. — короткая мужская одежда без рукавов 714

камот, удм. — шкаф для посуды 492

камусы саам. — шкуры с оленьих ног и лбов 389

кандрас, к.-з. — ложкарка, нож с изогнутым лезвием 417

канз, вепс. — семья 372

каньги, саам. — низкая обувь из оленьей или нерпичьей шкуры 390

каприорь, молд. — строица 802

кар, к.-п., удм. — городище (археол.) 491

кар, молд. — повозка 796

карбас, к.-з. — паром 418

кардаз, м. эрз., пирьф, м. мокш. — двор 572

каркина, кар. люд., козопо, кар. соб. — низкий голбец, вход в подполье из избы 348

карзни, вепс. — подполье 369

каркс, м. мокш., м. эрз. — цоля 577

карт, мар. — икрец 513

карта, к.-з. — хлев в нижнем этаже закрытого двора 427

карта-пусё, чуваш., букв. «глава двора», дух-охранитель надворных построек и скота 622

карь, м. мокш., м. эрз. — лапоть 576

карымб, молд. — палка — мерка для молока у сыровара 786

каса, молд. — дом 803

каса маре, молд. — горница 803

каси, чуваш. — выселок, конец деревни 607

катенёвю, кар. люд., оддуалу, кар. лив. — одеяло, сшитое из овечьих шкур 348

- катку, кар. лив.— деревянный каток для разбивания комков земли 336
 катрица, молд.— женская несшитая поясная одежда типа паневы 809
 катык, тат.— заваренное молоко
 кауфтан, кар. люд.— кафтан 352
 кафтонь-крга, нула, сарапан, м. мокш.— женское платье на кокетке с оборкой 577
 кашадо ярцамо чп, м. эрз.— букв. «день каши», последний день пребывания невесты в доме родителей 583
 камака, чуваш.— глинобитная печь, топящаяся по-черному 608
 кейез, башк.— кошма 703
 кейкала, саам.— бирка с клеймом, прикрепляемая на шею олененку 380
 келунь ведь, м. мокш., кплей ведь, м. эрз.— березовый сок 584
 келэм, башк.— безворсовый ковер или дорожка 740
 келэнцш, башк.— высокая башневидная женская шапка 716
 кемот, м. эрз. кямот, м. мокш.— сапоги 578
 кенеш, удм.— в прошлом народное собрание, позже — сход дворохозяев 474
 кенос, удм.— амбар 491
 кеньгат, вепс.— обувь 370
 кенькят, кар. соб., саапат, чабатот, кар. люд.— сапоги 352
 керезка, саам.— сань в форме лодки со срезанной широкой кормой и острым носом 385
 керемет, мар.— злой дух 512
 кереметь, удм.— злой дух 479
 керка, к.-з., керку, к.-п.— дом, изба, жилище 424, 527
 керхела, саам.— букв. «гулянье на оленях», праздник оленевода 395
 кершпель, м. мокш.— пары между печью и задней стеной избы 572
 кескоруцят, мокш.— поясное украшение 581
 кешшелп, кар. люд.— плетеный кошель из бересты 355
 кёпе, чуваш.— женская холщевая рубаха тушкообразного покроя 615
 кёрек, чуваш.— овчинная шуба, сшитая в талию, со сборами или складками 616
 кид са, мар.— коса-горбуша 515
 кижакка, вепс.— шитая клеиная лодка с прямыми парусом 370
 киниг, калм.— нижняя мужская рубаха 758
 кийтос киймя, вепс.— букв. «варить суп», хороводный танец 375
 кплей ведь,— см. келунь ведь
 кплек, башк.— невестка 725
 килькп, м. мокш.— женское поясное украшение 581
 кимпир, молд.— широкий кожаный пояс, украшенный медными бляшками 806
 кинде, мар.— пресный хлеб из овсяной, ячменной, реже ржаной муки 534
 кпуга, кар. соб., кар. лив., пиччи кар. лив., кар. люд.— печь 346
 кихница, см. башкэ
- кишига, к.-з.— кривая палка с лопастью для обмолота ячменя 410
 кишке вуй, мар.— раковины-ужовки, украшение 531
 клакэ, пе рынд, молд.— толока, традиционная трудовая взаимопомощь 816
 клягча, к.-з., кляшцы — капкан 414
 кляпчат, кар. лив., кар. люд.— кляшцы, капкан для охоты на норку 339
 кнез— см. ватман
 коардэ, молд.— матица 803
 коарне, молд.— букв. «рога», основа женского головного убора кыргэ (см.) 810
 кода, вепс.— постройка столбовой конструкции 368
 кодавю, кар. лив., кар. люд., кар. соб.— букв. «домашний зять», зять-примак 356
 коди, вепс.— жилище 368
 кожла марий, мар.— название марийцев, живущих на левобережье Волги 510
 кожок, молд.— кожух, овчинный тулуп 808
 кожочел, молд.— полушубок 810
 козоно — см. каржина
 кой, к.-з.— деревянная лопатка на одном конце охотничьего копыя 415
 койбець, к.-з.— охотничье копые — палка с железным наконечником на одном конце и лопаткой на другом 415
 койбишцы, саам.— меховые рукавицы 390
 коймак, тат.— оладьи из ячменной или гречневой муки 656
 койран катгу, вепс.— букв. «собачья шея», способ рубки углов 368
 колак, леготаре, унгрот, молд.— последний день свадьбы, когда молодой повязывали женский платок на голову 818
 колибэ, молд.— пастушья хижина, часто полуземлянка 785
 колянде, молд.— колядки 825
 колцунь, молд.— шерстяные носки 808
 комбан, м. мокш.— ожерелье из бисера с подвесками из раковин каурп 580
 комган, тат.— кувшин для умывания 658
 коми-войтыр, к.-з., коми-морт, к.-з., к.-п., коми-отир, коми-отер, к.-п., букв. «коми-человек», «коми-народ», самопазвания коми 399, 443
 коми-морт, см. коми-войтыр
 коми-отер, см. коми-войтыр
 коми-отир, см. коми-войтыр
 коник ланго, м. мокш., м. эрз.— лавка вдоль задней стены избы 574
 конокэрне, молд.— свадебное приветствие 818
 кошгеш, молд.— тулуп, крытый сукном 808
 конэ, молд.— копна сена 785
 кора додь, к.-з.— выездные, расписные сань с коробом или корзиной 419
 кордь, кар. соб.— выездные сань 344
 корзина додь, к.-з.— дровни с корзиной 419
 корка, удм.— изба, дом 491
 корказь, удм.— сени 491

- косор, молд. — виноградарский нож 788
 котлон, катуна, молд. — летняя кухня,
 плита во дворе 805
 котыр, став, чукар, к.-з. — группа род-
 ственников по отцу 431
 кохт, саам. — сарафан, юбка на лямках
 390
 кошар (кош), сысыяк, молд. — плетеные
 амбары для кукурузы 804
 коштереце де гэлнь, молд. — курятник
 804
 кошто, сараффана, кар. лив., кар. люд.,
 кар. соб. — сарафан 351, 352
 көвтым, сак, к.-з. — бредень, рыболовная
 снасть 417
 көкы, удм. — заплочная колыбель из луба
 489
 көм — к.-з., к.-л., — охотничья обувь с
 загнутым носком и суконными или
 меховыми голенищами 430, 462
 көшөва, шпура, к.-з. — сань с широкими
 полозьями и кузовом, затянутым тка-
 нью 419
 көлтэ, башк. — сноп 693
 көттиг, калм. — напиток, смесь чигена
 (см) или боз (см) с молоком 756
 краж омарта, мар. — примитивный улей —
 колода 518
 крезь, удм. — гусли 509
 куа, куала, удм. — языческая культо-
 вая постройка, моельня 478, 493
 куадят, кар. лив., кар. люд., пукшут,
 кар. соб., штанит, кар. лив. — кар.
 люд. — штаны, брюки, кальсоны 352
 куала, см. куа
 куа-самнянь, удм. — пирог 495
 кубыз, тат. — губной музыкальный ин-
 струмент 676
 кувакса, стан, саам. — переносное жи-
 лище типа шалаша 386
 ку валкэ, молд. — вальковая техника
 строительства саманных домов 802
 куту сорта, мар. — букв. «большая све-
 ча», название религиозной секты 512
 кудо, м. мокш., кудо, м. эрз. — изба,
 жилище 570
 кудо — см. куд
 кудо, мар. — летняя кухня, надворная
 срубная постройка — 525
 кудо водьж, кудой вож, суртымбал,
 мар. — домовый, дух-хранитель дома
 535
 кудо вож, см. кудо водьж
 кудонголь, м. мокш., кудыкелькс, м.
 эрз. — сени 570
 кудыкелькс — см. кудонголь
 кузё, удм. — старший мужчина в семье,
 хозяин 500
 куишь серго, удм. — букв. «три угла»,
 вышитая косынка, женский головной
 убор 498
 куйкка ступнят, кар. соб. — домашние
 туфли из шкурки гагары 353
 куккели — кар. лив., кар. люд. — хол-
 щовый капюшон от комаров 353
 кулём, к.-з. — ставная сеть, рыболов-
 ная снасть 416
 кум, тшамъя, к.-з. — амбар 413
 кумаги, саам. — кожаные сапоги 390
 кумыж, мар. — чаша для жертвенной
 пици 536
 кумышка, удм. — самодельная водка 501
 кумэтрие, молд. — крестины 819
 кумэтру, нанаш, молд. — крестный отец
 820
 кумэтрэ, нанаша, молд. — крестная мать
 820
 куна тактасы, тат. — доска для раскаты-
 вания теста 657
 кунак бѳлмэсе, тат. — комната для го-
 стей 653
 кунлос, к.-з. — ластовица рубахи 429
 куошпа, кар. люд., кар. соб. — яма,
 погреб 350
 куптгор, кутгор, молд. — хлебная печь
 803
 курай, тат. — деревянная дудка, музы-
 кальный инструмент 676
 куран, к.-л. — грабли — 450
 курник, вепс. — пирог с рыбой 372
 куртени, молд. — дворяне 776
 курултай — см. жпен
 курык марий, мар. — название горных
 марийцев 510
 курия, курияца, молд. — узкий кожаный
 пояс с медными бляхами 806
 кушмэ, молд. — мужская острроверхая ба-
 рашковая шапка 808
 куштан, чуваш. — зажиточная верхушка
 общины 620
 күсле, мар. — гусли 545
 күжэ, башк. — ячменная похлебка 720
 күльмэк, тат. — рубаха туникообразного
 покроя 658
 күрзэ, башк. — знахарь 728
 кши, м. мокш., м. эрз. — хлеб 582
 кштирь, м. мокш., штере, м. эрз. —
 веретено 562
 кызыл туй, тат. — букв. «красная», ком-
 сомольская свадьба 666
 кыкрак, удм. — женский нагрудник, ко-
 торый надевался под разрез рубахи
 496
 кынтече бэтрынешть, молд. — старинные
 песни 826
 кырлинг, молд. — железный крючок с де-
 ревянной рукояткой для ловли рыбы
 в проруби 792
 кыргэ, молд. — головной убор замужней
 женщины типа рогатой кики 810
 кыс., к.-з. — 1) шкура с ног животного;
 2) меховая обувь 431
 кышон, удм. — полотнячатый головной
 убор 499
 кэмарэ, молд. — хата 803
 кэменэ, молд. — рубаха 806
 кэменэ, ие, молд. — белая вышитая кофта
 809
 кэменэ ку алтице, молд. — рубаха с по-
 лшккамп 809
 кэменэ ку петкэ ку платкэ, молд. —
 рубаха на кокетке 806
 кэменэ ку фустэ, молд. — мужская ко-
 роткая рубаха туникообразного по-
 кроя 806
 кэруца, молд. — телега для перевозки
 людей 796
 кэсоайя, молд. — хозяйственная пост-
 ройка, в прошлом жилище 803
 катуна — см. котлон
 кэзэки, башк. — кафтан, верхняя муж-
 ская одежда 714

- кәзәкл, тат. — кафтан, спи́тый в талпо, верхняя мужская одежда 659
- кәләпцш, башк. — высокие башнеобразные шапки с нашитыми монетами, которые надевали поверх кашмау (см.) (Зауралье) 662
- камчат, бұрек, тат. — бобровая шапка цилиндрической формы с бархатным верхом, женский головной убор 662
- кәртә, башк. — 1) загоны для скота на летовках; 2) помещения для скота во дворе 709
- кәштә, башк. — полка для посуды 710
- кюкрәкчә, тат. — вышитый нагрудник, надеваемый женщинами под разрез рубахи 660
- кюльбеть, вепс. — баня 368
- кюльбетьжаңд, вепс. — букв. «банный хозяин», банник, дух, обитающий в бане 373
- кюлю, кар. соб., кар. лпв., кар. люд. — баня 350
- кюля, пагаст, вепс. — деревня 367
- кюля, кар. соб., кар. люд., хперу, кар. лпв. — деревня 346
- кюрзә, вепс. — овсяные или гороховые блины 372
- кязикиви, кар. соб., кар. лпв., кяжп-киви, кар. люд. — ручные жернова 336
- кязикивл — см. кязикивл
- кямот, см. кемот
- кяпялялаута, кар. соб. — рожон, вид ловушки на лису 338
- кяряд-озкс, м. мокш. — букв. «моление плуга», моление, совершавшееся перед весенним севом 558
- казан, башк. — замазанный в печь чугунный котел 722
- казы, башк. — вяленая колбаса из сырого мяса и жира 720
- каймак, башк. — сметана 721
- калпак, башк. — женский головной убор в виде колпачка 716
- калын — см. ижан кабул
- кама бұрк, камсат бұрк, башк. — меховая шапка, головной убор замужней женщины 716
- кама туй, — см. баҫа тун
- камсат бұрк — см. кама бұрк
- тата, башк. — 1) самодельные кожаные башмаки 715; 2) праздничные женские сапожки 718
- катык, башк. — заквашенное молоко 721
- кашаға, башк. — вышитая занавеска для украшения жилища 712
- кашмау, башк. — женская шлемовидная шапочка (южная Башкирия) 716
- кобайыр, башк. — древние эпические песни 735
- коза, см. димсе
- колаксын, башк. — малахай, мужской зимний головной убор 715
- корбан байрам, башк. — мусульманский религиозный праздник 734
- корот, см. йәш корот
- кор санаһы, башк. — охотничьи санл с высокими копыльями 693
- кулдама, башк. — см. бшбармак
- күлдәк, башк. — нательное женское платье 715
- кул тирмәне, башк. — ручные жернова 693
- кумыз, башк. — металлический варган, губной музыкальный инструмент 737
- курай, башк. — дудка типа продольной флейты 737
- курайсы, башк. — музыкант-кураист 737
- курмас, талкан, башк. — жареные зерна ячменя, конопли и полбы 720
- кушъяулык, башк. — женское головное покрывало 715
- кызыл туй, башк. — комсомольская свадьба 729
- кыска кей, башк. — быстрая динамичная мелодия народной песни 737
- кыуыш, башк. — конический шалап, жилище бедняков на летовках 707
- келәмәс, башк. — короткая сказка, анекдот 736
- кәтмән, башк. — мотыга 693
- Лався, м. эрз., лавця, м. мокш. — полка 572
- лавця, см. лався
- лаз, к.-з., лузан, к.-з.; к.-п. — охотничья холщевая или суконная безрукавка 430, 462
- лайме-озкс., м. мокш. — букв. «моление луга», моление перед сенокосом 558
- лапа, м. мокш., пакарь, м. эрз. прялка 562
- лапш, к.-з. — серги в виде лапок с подвесками 402
- ластавич, к.-з. — полкип, плечевые вставки рубахи 429
- лас, чуваш. — постройка, служившая летней кухней и местом приготовления пива 610
- лашка, мар. — суп, заправленный шариками из пресного теста 534
- левле проймен сарафана, кар. соб. — широкопройменный сококлищный сарафан у карелов 352
- легатоаре, см. колак
- лейб, вепс. — кислый ржаной хлеб круглой формы 372
- лембл, кар. соб. — девичья честь, добрая слава 357
- лётот — см. впрзут
- лишты, саам. — меховые чулки 390
- лявейнпенку, кар. лпв. — домовый, хозяин хлеба 359
- лявя, кар. соб., кар. люд. — хлеб 350
- логодна, молд. — помолвка
- лом, ром, цыг. — самоназвание цыган 834
- лоукку, кар. соб. — охотничья ловушка на горностая 339
- лоуккулейшя, рейкялейшя, кар. соб. — «хлеб с дыркой», сухле лепешки из кислого ржаного теста 354
- луд, удм. — священная роща 478
- лузан, см. лаз
- лукш, м. эрз. — свадебный широк 582
- лүдо, рүдо, мар. — охотничьи западни различных видов 519
- лызь, к.-з. — лыжп, подбитые мехом 415
- ләутарь, молд. — народные певцы 827
- людиня, мн. числ. — людинкад — самоназвание вепсов 364
- ляз, к.-з. — варенье из диких ягод типа джема 428

лямба, к.-з.— короткие широкие лыжи для ходьбы по сухому снегу 415

Мавка, молд.— злое существо женского пола 819

магтал, калм.— похвалы, жанр устного народного творчества 768

мазылы, молд.— отставные чиновники, получившие землю 777

май, башк.— масло 721

малпча, к.-з.— малпца, верхняя одежда из оленьих шкур мехом внутрь 429

манта ку глугэ, молд.— манта (см.) с кашпоном 807

манта, суман, молд.— верхняя одежда халатобразного покроя 807

маперть, мецперть, вепс.— букв. «земляная изба», «лесная изба», изба для лесорубов 366

мар, мари, марпй, мар.— букв. «человек», самоназвание марпйцев 510

марп, см. мар

марпй, см. мар

марла агун, мар.— шпш, конический шалаш-снопосушитель 515

маса маре, молд.— свадебная церемония в доме жениха, во время которой одаривали молодых 818

масмак, чуваш.— вышитая полоска ткани, часть головного убора 618

мачча, чуваш.— матица 608

махала, молд.— часть села 786

мейес, башк.— обогревательный шпш 708

мер, мар.— деревенская община 536

мердат, мерта, рюся, рюша, кар. соб., рююша, кар. лив., кар. люд. мережа, рыболовная снасть 338

мер ото, мар.— деревенская священная роща 536

мерта — см. мердат

меһар, тат.— калым, выкуп за невесту 655

мецперть, — см. маперть

мецхине, вепс.— лесной 373

меччапертти, кар. лив., кар. люд. (букв. лесная изба), муаиртти, кар. соб.— букв. «земляная» изба, хижина для лесорубов или рыбаков 339

меччахине, кар. соб.— лесной 359

мешинь, нэдражь, чьоречь, молд.— мужские штаны из овчины 806

минтяваш, молд.— женская шерстяная безрукавка, подшитая мехом 809

мпнчог, молд.— черпак для ловли рыбы 795

мпч, тат.— печь с пристроенным очагом, куда вмазывается котел 652

мпшэр, тат.— название татар-мишарей 636

моаше, молд.— повивальная бабка 819

мокша, м. мокш.— самоназвание мордвы-мокши 548

молдовень, молд.— самоназвание молдаван 771

монча, мар.— баня 526

моршень, к.-п.— матерчатый чепец типа новышка 460

муалиртти, см. меччапертти

мугалим, башк.— учитель 731

мугалим, тат.— учитель 668

мунопулашка, мар.— ячница с молоком 535

мунчо, удм.— баня 493

муодайжет, кар. люд.— поезжане на свадьбе 357

муря, см. гымга

муст перть, вепс.— черная изба 368

мыг, к.-з.— стан, верхняя часть женской рубахи 429

мыжер, мар.— мужской и женский суконовый кафтан с клиньями или сборами 530

мылым, удм.— блин 495

мышкас, плахон, м. мокш.— женская распашная холщовая одежда 577

мэльна, мар.— блин 534

мэрамэ, молд.— женское головное покрывало 810

мэскэй, башк.— оборотень 690

мэскәү, башк.— волосная петля для ловли щук 694

Най, молд.— музыкальный инструмент из нескольких трубок разной длины 827

нале, м. мокш.— вышивка на женской рубахе 577

наливкат, кар. соб.— колобки из кислого теста с начинкой 354

нальк, чбс, к.-з.— западня для мелких зверей 414

нанаш, см. кумэтру

нанаша — см. кумэтрэ

насыл, мар.— род 536

насыл ото, тукым ото, мар.— родовая священная роща 536

нашх, калм.— дядя по матери 762

наш экч, калм.— сестра матери 762

нидишижет, вепс.— девичник 373

никах, башк.— мусульманский обряд

бракосочетания 727

никах, тат.— мусульманский обряд бракосочетания 641

ним воштон, удм.— букв. «сокрытые плены», обычный перемены плени 502

нинком, к.-п.— лапти 461

нойд, вепс.— колдун, знахарь 373

нойда, саам.— шаман 397

норт, к.-з.— охотничьи санки, нарты 415

нөрби, мар.— погреб 526

нугыли, удм.— вид лапши из кислого теста 495

нудей, м. эрз.— тростниковая свирель, музыкальный инструмент 590

нула, см. кафтоль-крд

нун, молд.— посаженный отец 820

нуно, молд.— посаженная мать 820

нуотта, кар. соб., кар. лив., кар. люд.— невод 338

нур, мар.— поле 524

нурдт, м. эрз. нуртт, м. мокш.— дровни, сани 567

нуртт, см. нурдт

нэдражь, см. мешинь

нэфрамэ, молд.— полотенчатый головной убор замужней женщины 810

нэфрэмице, молд.— вышитые салфетки 811

нюлесмурт, удм.— божество леса, лесной 479

нюткитту, кар. люд.— вид вышивки 363

нянь, удм.— хлеб 495

Обеле, молд.— обмотки 808
ови-чуппу, кар. соб., кар. лив. укш-чуппу — «дверной» угол в избе 347
огузенье, саам.— меховые штаны 390
оддуалу, см. катепёво
одирвань потть, м. эрз.— свадебный пирог 583
озон кёй, башк.— песни с протяжной мелодией 737
олдырчо, мар.— сновалка, приспособление для навивания основы 520
олуд, вепс.— домашнее шво, ржаное плп ячменное 372
олык марпй, мар.— название луговых маршйцев 510
омамаа, кар. соб., хутори кар. лив., кар. люд.— хутор 346
онки, кар. соб.— удочка 338
оппичп, молд.— старинная обувь из цельного куска сыромятной кожи 808
ор, м. мокш.— шуба 576
орава, орва, мар.— четырехколесная телега 523
орацце де пецпт, молд.— приветствие при сватовстве 826
орва, см. орава
оржп, см. валляспуу
орэп, см. валляспуу
орндг, калм.— деревянная кровать 753
оршек, тат.— женский головной убор: большая косынка 662
остпе, молд.— острога, рыболовная снасть 792
отер, см. комп-морт
ош кудо, мар.— клеть 525
ошынь, к.-п.— окно 457
ош пясэ — тат.— домово́й 637
ошлэу, башк.— пение с подражанием звуку курая (см) 737

Павэ, молд.— ластовица рубахи 806
пагаста, кар. лив., кар. люд., погоста, кар. соб., кар. люд.— погост, село, центр нескольких деревень 346
паз, м. эрз.— бог 555
пайд, саам.— рубаха 390
пайд, вепс.— мужская рубаха 370
пайда, кар. люд., пайду, кар. лив.— мужская рубаха 352
пайк, вепс.— женский головной платок 370
пайкка, кар. люд., пайкку, кар. лив.— женский головной платок 352
пайкку, см. пайкка
пакарь, см. лапа
пакча, мар.— огород 526
пал, вепс.— подсека 366
палаадра, кар. соб.— тш голово́й сохи без отвала 336
палати, кар. лив.— полати 350
палто, кар. люд.— пальто 352
пам, к.-з.— верховный жрец 437
панар, м. мокш., м. эрз.— женская рубаха 576
панга, м. мокш.— женский головной убор типа чепца 579
панжакай, м. эрз.— ватрушка 583
папаруда, скалянул, молд.— обряд вызывания дождя 826
парашпоши, см. дюмал-чуппу
парь, м. мокш., м. эрз.— кадушка с крышкой для хранения одежды 586

пасажоь, молд.— женские сапожки на высоком каблуке 811
пась, к.-з., к.-п.— шуба из овчин, крытая сукном 429, 461
пась, удм.— шуба из овчин, крытая сукном 497
пат, молд.— деревянная кровать 804
патьяшка, кар. соб., тведойнекка, кар. лив., кар. люд.— колдун, знахарь 339, 357, 359
пача, м. мокш., пачалксэ, м. эрз.— блнн 583
пачалксэ см. пача
пачб́р бшнь, к.-з.— оконце в стене над печью 424
педдойтта, кар. соб., кар. люд.— житница, клеть 350
пелёш, хушлу, чуваш.— пирог с мясом 613, 615
пельбянь, к.-п.— букв. «хлеб, имеющий форму уха», пельмень 462
пера чушпу, кар. люд.— задний угол в избе — противоположный красному углу 347
передника, кар. соб.— передник 352
перечеп, удм.— пресные ватрушки 495
пересь атай, удм.— дед по отцу 499
пересь нвэ, удм.— бабка по отцу 499
перех, кар. лив., кар. люд., кар. соб.— семья 355
пе рынд, см. клакэ
перти, кар. лив., кар. люд., пиртти, кар. соб.— изба 349, 350
пертидэз, сенчад, вепс.— сени 369
перть, вепс.— изба 368
пертьбиканд, пячнпракхой, вепс.— «хозяйн избыв», «запечник», домово́й 373
пестелкэ, молд.— передник 810
пестерь, к.-з.— кузов 417
петькс, м. мокш.— украшения на подоле мышкаса (см). 577
пе фир, молд.— вышивка крестом 808
пехтим, м. эрз.— круглая холщовая шапочка, девичий головной убор (Теньгушевский район МАССР) 579
пецитор, старосте, молд.— сват 818
печкан, к.-з., к.-п.— прялка 418, 452
печок, саам.— глухая одежда из оленьих шкур 389
пёркепчэк, чуваш.— покрывало невесты 620
пывсама, м. эрз., тяляма, м. мокш.— цеп 557
пшэп, кар. соб.— камелек в печи, характерный для Северо-Западной Карелии 347
пширилейки лаулу, кар. соб.— четырехстрочные лирические песни 362
пшкш, мар.— охотничья стрела 519
пшми, к.-з.— пшмы, высокие сапоги из оленьей шкуры шерстью наружу 431
пшня, см. агас
пшртти, см. перти
пшрьф, см. кардаз
питкьякижа, кар. лив.— букв. «длинная игра», форма обручения без согласия родителей 357
плахон, м. мокш, см. мышкаса
плоска, молд.— посуда для вина 794
поале, молд.— нижняя часть женской рубахи 809

повойникка, кар. соб. — повойник, головной убор замужней женщины 352
погоста, см. пагаста
под, мар. — чугунный котел для приготовления пицци 535
подкогыль, мар. — тип пельменей 535
подурга, см. йыркышет
поза, м. мокш., м. эрз. — напиток типа кваса, браги 584
поймиду, кар. лив., кар. люд., кар. соб. — орнаментальное тканье 363
покай, эрз. — женская рубаха 576
покрот, к.-п. — плетёный поясок с бахромою на концах 460
покштя, м. эрз. — дед, глава семьи 586
помочу, кар. люд., кар. лив. — помочи, толока, традиционная трудовая взаимопомощь 350
понкст, м. мокш., м. эрз. — холщовые мужские штаны 576
портахад, вепс. — взъезд на «сарай» — верхний этаж хозяйственного двора 369
посбдз, к.-п. — сени 459
потмар, м. мокш., м. эрз. — шкафчик для посуды 572
похдя, кар. люд. — под печи 347
пояте, молд. — хлев 804
пöляя, к.-з. — музыкальный инструмент типа флейты 441
пöрт, сурт, мар. — срубная изба 525
привег, молд. — игрища при покойнике 821
присба, гаг. — завалинка у избы 836
пригуша, см. бригуша
пряка, м. эрз., пряка, м. мокш. — широк 582
пуара, кар. лив. — «пара», состоящая из дюпку (см.) и казачку (см.) 352
пу додь, к.-з. — дровни 419
пу-додьы, удм. — дровни 489
пудр, вепс. — каша из ржаной крупы 372
пукушт, см. куадят
пулагай, пулай, пулакш, м. эрз. — набедренное украшение 577, 580
пулай, см. пулагай
пулакш, см. пулагай
пулаш, чуваш. — толока, традиционная трудовая взаимопомощь 620
пуны възён, удм. — корзинка для ложек 492
пура, мар. — пиво 534
пура, удм. — совет родовых судей 500
пуре, м. мокш., м. эрз. — пиво 584
пус, удм. — тамга, метка 500
пуост, пушар, чуваш. — мужская короткая поддевка 616
пус-тутри, чуваш. — полотенце с орнаментированными концами, часть женского головного убора 618
пус-хысё, чуваш. — украшение в форме полукруга, надеваемое сзади на плечи 619
пуунко, см. вейччу
пуч, мар. — труба, музыкальный инструмент 545
пүремеч, чуваш. — ватрушка с творогом или картофелем 613
пүрт, чуваш. — дом. изба 607
пывсян, к.-з. — баня 413
пыжк, к.-з. — лодка 418

пырт, туша, саам. — зимнее жилище 388
пычмак, тат. — женская половина дома 652

пъентар, см. бондэ
пэлэрие, молд. — мужская соломенная шляпа 808

пэрей, см. дейеу
пэрэмач, тат. — обжаренные в масле ватрушки с различной начинкой 656

пяряка, см. пряка
пяч, вепс. — печь типа русской 369

пячен су, вепс. — устье печи 369

пячин очк, кар. люд. — чело печи 347

пячинрахкой, — см. пергыжанд

пячин сельг, кар. люд. — напечье 347

пячин суу, кар. люд. — устье печи 347

пячин чушпу, кар. — печной угол в избе 347

пяччи, см. кнугуа

Радз додь, к.-з. — приспособление типа волокуши для перевозки сена 419

райда, саам. — обоз керезек (см.) 385

реги, кар. лив., кар. люд., реки, кар. соб. — дровни, рабочие санн 343, 344

резени, молд. — крестьяне, владевшие землей на основе частной собственности 778

резши, молд. — палка, служащая меркой для молока, находящаяся у хозяина скота 786

рейкялейпя, см. лоуккулейпя

реки, см. реги

ренги, кар. соб., уудим, кар. люд. — кровать под пологом 348, 350

ретукад, ретхудед, вепс. — волокуша — простейшее транспортное средство 370

ретхудед — см. ретукад

ригь, вепс. — рига, снопосушильня 368

рийхи, кар. лив., кар. люд., кар. соб. — рига, снопосушильня 336

рита, см. анса

родиш, молд. — родины, смотрины, празднование рождения ребенка 819

рок, к.-з. — каша 428

рокне, молд. — женское платье 810

ром, см. лом

роот, руот, саам. — род 392

рöзваль, к.-з. — сани-розвальни 419

руот, см. роот

руца, м. эрз. — женская верхняя холщевая одежда 577

рушла агун, мар. — букв. «русский овин» — срубный овин, снопосушильня 515

рүдо, см. лүдо

рышнице, молд. — ручные жернова 794

рэспунс, молд. — букв. «ответ», вечер в доме невесты, на котором давалось окончательное согласие на брак 818

рюша, см. мердат

рююша, см. мердат

рятчшна, кар. лив., кар. люд., кар. соб. — соба, кар. соб. — женская рубаха 351

ряциян, вепс. — женская рубаха 370

Саами, саам, саамь, самь — самоназвание саамов 377

саапаат, см. кенькят

сабан, тат. — деревянный плуг с железным лемехом 645

- сабангуй, тат., удм.— букв. «праздник плуга» весенний праздник 539
- сабата, башк.— лапти 715
- салма, тат.— вид клепок из пшеничной муки 656
- салма, м. эрз., чакарат, м. мокш.— хлебка с клецками 583
- самь, см. саами
- самшур, также шамшюра, саам.— женский головной убор типа кокошника 390
- самшюра, к.-п.— головной убор замужних женщин типа чепца с твердым дном 460
- сапоня, м. мокш.— запон, закрытый передник с рукавами 577
- сарь, чуваш.— женский набедренник 619
- сараз-озкс, м. мокш.— букв. «моление курицы» — моление после посева яровых 558
- сарапан, к.-з.— сарафан 429
- сарапан, см. кафтонь-крда
- сараффана, см. кошто
- сары май, тат.— топленое масло 657
- сарытк, башк.— мужские и женские сапоги с суконными или холщовыми голенищами 715
- самър чўк, чуваш.— обряд вызывания дождя 602
- сара, чуваш.— домашнее пиво 615
- сәхман, чуваш.— суконный стеганый кафтан 616
- свuatту, кар. лив., кар. люд. кар. соб.— сват 357
- сейды, саам.— «священные» камни 395
- селтәр, хакал, башк.— широкий, орнаментированный женский нагрудник 716
- селянка, м. эрз., щеням, м. мокш.— жареное мясо 584
- сецләу, башк.— традиционные причитания при отъезде молодой из родительского дома 727, 735
- сенчад, см. пертицез
- сергетьш, башк.— войлочный потник 704
- серьгат, м. мокш.— шерстяные обмотки 578
- сечерэ, молд.— серп 784
- сп-гудок, к.-з.— смычковый музыкальный инструмент типа скрипки 441
- сплэк, см. батман
- синчо, кар. соб.— сени 350
- спре, м. мокш.— букв. «старый», «пожилой» — старший сын 586
- спсса, саам.— 1) тетка со стороны матери; 2) повзвальная бабушка 394
- сптек, башк.— сапоги 715
- скайцэ, молд.— железные крючки, которыми снимали рыбу с перемета 792
- скалянул, см. папаруда
- скуртейкэ, сукмэнел, молд.— женская верхняя одежда 809
- скутарул, молд.— ответственный за сохранность скота 786
- соба см. рятчина
- соба, молд.— печь-голландка 804
- сока, м. мокш., м. эрз.— двухлемешная соха с перекладной палицей и первыми сошниками 557
- сокта, мар.— домашняя колбаса из сала и крупы 534
- сокор, ыстык, башк.— помещенье в землянке для обработки овчины 702
- сола, мар.— починок, вид поселения 524
- солок, башк.— борть, дупло с дикими пчелами 693
- сорока, мар.— «сорока», женский головной убор 531
- сорока, м. мокш.— «сорока», женский головной убор 580
- сорокк, весс.— повойник 370
- сос, к.-з.— верхняя часть женской рубахи 429
- софра, гаг.— низкий обеденный столик 836
- сбвнк, к.-з.— глухая верхняя одежда из оленьего меха шерстью наружу 429
- сбчөн, к.-з.— сочень, слоеная лепешка с творогом 428
- став, см. котыр
- стан, чупаг, молд.— верхняя часть женской рубахи 809
- стан, см. кувакса
- старосте, см. пецитор
- стригәтуры, молд.— стихотворные восклицания, сопровождающие танец 828
- струнгэ, молд.— место для дойки скота 786
- суанку, кар. люд.— сачек для ловли рыбы 338
- су анасы, тат.— букв. «мать воды», водяница 637
- суарнад, кар. люд., кар. соб. суару, кар. лив.— сказки 362
- суб барбэ, молд.— букв. «под подбородок», способ повязывания женского платка 810
- сукат, кар. лив., кар. люд., шукат, кар. соб.— чулки 353
- сукман, шабур, к.-з.— холщовый кафтан 429
- сукман, см. дукес
- сукмэнел, см. скуртейкэ
- суксет, кар. лив., кар. соб.— лыжи 344
- сульчина, кар. лив., кар. люд., кар. соб.— сочень, пирожок с кашей 354
- суман, см. манга
- сумань, м. мокш., м. эрз.— верхняя суконная одежда 576
- суосуксет, кар. соб.— летние болотные лыжи 344
- сур, к.-з.— домашнее пиво 429
- сур, удм.— домашнее пиво 495
- сурпан, чуваш.— женский полотенчатый головной убор 615
- сурпан-сакич, чуваш.— женское нагрудное украшение 619
- сурт, см. пёрт
- суртымбал, см. кудо водыж
- суурп-чупшу, см. дюмал-чупшу
- суан вуй, мар.— главный распорядитель на свадьбе 538
- суан повоска, мар.— свадебная кибитка 523
- сүрем, мар.— обряд изгнания злого духа 512
- сүрем пуч, мар.— берестяные трубы, пмевшие культовое назначение 546
- сыба, башк.— халат из дмотканнины 715
- сыбағас, башк.— цепь 693
- сыра, см. пура (мар.)

сырак, башк. — ночной лов рыбы, 694
 сысыяк, см. кошар
 сыуал, башк. — печк-камны с прямым дымоходом и высоким устьем топки 708
 сакмән, башк. — суконный халат 714
 сакэ, тат. — нары 652
 сасбау, башк. — накосное украшение 717
 сәсән, башк. — народный певец-импровизатор 735
 сякас, удм. — квас 495
 сукоро, м. эрз. — лепешка 582
 суюкорнь ознома, м. эрз. — букв. «моленные лепешки» — свадебный обряд 582
 сюлгам, м. мокш. — сюлгамо, м. эрз. — нагрудная пряжка-заколка 580
 суюлык, удм. — женский головной убор в виде парчового покрывала 499
 сюри, удм. — жердь в избе для подвешивания колыбелц, сушки одежды и т. п. 492
 сүңсе, чуваш. — земледельческий праздник 602
 сүлти тура, чуваш. — верховное божество 600
 сьтма, чуваш. — зимние мужские штаны из крашеины или сукна 616

Табак, см. аштау
 табань, удм. — лепешка 495
 тавг, калм. — долбленое блюдо для мяса 757
 такмак, см. бейеу көй 736
 такья, удм. — девичий головной убор, круглая шапочка, вышитая бисером и монетами 408
 талкан, см. курмас
 танхут, вепс. — крытый двор в постройках северновеликорусского типа 369
 тапá, см. вайá
 тарваз, м. мокш., м. эрз. — серп 557
 тастар, тат. — женский полотнячатый головной убор 662
 тастар, башк. — женский полотнячатый головной убор 716
 татар, тат. — самоназвание татар 636
 теветь, чуваш. — украшение, перевязь, с нашитыми крупными монетами 619
 тер, мар. — сани-розвальни 523
 теркувыш, мар. — мужская войлочная шляпа 532
 терлг, калм. — женская праздничная одежда 758
 терм, калм. — складные решетки; составная часть остова кибитки 753
 тнедойннекка, см. патьвашка
 тнцдэ, молд. — сени 803
 тире тун, башк. — овчинная шуба 714
 тирмэ, башк. — юрта, кибитка 707
 тобокн, к.-з. — обувь из оленьего меха 431
 тобурки, саам. — обувь из шкуры морского зверя или из оленьих шкур 390
 тодо бичг, калм. — букв. «ясное письмо» — старокалмыцкий алфавит 765
 тойне рахваз, вепс. — букв. «другой народ», враждебные духи 373
 токуг, калм. — накосное украшение 759
 тошкэм, мар. — место семейных молений 526
 тврл, калм. — группа родственных по мужской линии семей 761

тõдись, к.-п. — колдун 448
 төро, удм. — глава соседской общины 475
 трегубеч, к.-з. — ставная рыболовная сеть 416
 туара, мар. — сухие сырки из творога 534
 туаткал, мар. — ватрушка 534
 тувонь-озск, м. мокш., м. эрз. — праздник, день покровителя свиней 559
 тувыр, тыгър, мар. — женская рубаха 529
 туй, башк. — свадьба 727
 туй, тат. — свадьба 665
 туй-арамё, чуваш. — распорядительница свадьбы 621
 тукмач, тат. — лапша, густо замешанное тесто, нарезанное квадратами 656
 тукым ото, см. насыл ото
 тултгармаш, чуваш. — колбаса, начиненная мясом и кашей 613
 тулэ, мар. — мялка для обработки конопли 519
 туша, см. шьрт
 тушакай, башк. — охотничья стрела 696
 тупый, башк. — головной убор пожилых женщин 716
 тура, чуваш. — божество 600
 турах, чуваш. — заквашенное молоко 612
 турах уйранё, чуваш. — напиток, смесь кислого молока с водой 612
 тусьты тыгрон, удм. — приспособление для хранения тарелок 492
 туся шьд, к.-п. — суп из ячневой крупы 462
 тутыргая тавык, тат. — фаршированная курица 656
 тутырма, тат. — колбаса из мяса и пшена 656
 туфли, к.-з. — меховая обувь 431
 тухья, чуваш. — девичий головной убор 618
 түмгүр, мар. — барабан 545
 түбетей, башк. — тубетейка, мужской головной убор 715
 түшелдерек, башк. — нагрудная повязка замужних женщин 715
 тшамья, см. кум
 тыв, к.-з. — невод 417
 тыгыр, см. тувыр
 тылдурсы, удм. — кожаная сумочка для огнива и трута 495
 тырлэ, молд. — участок, отведенный для отдыха скота 785
 тырма, шүрэ, мар. — боропа 514
 тэвш, калм. — деревянное корыто для мяса 757
 тэпэп, башк. — деревянные бочонки для воды, кумыса 722
 тютяр, кар. лив., кар. люд., кар. соб. — дочь 356
 тяляма, см. шьвсэма

Убыр, башк. — по представлениям башкир, души умерших людей, вступивших при жизни в связь с нечистой силой 690
 убур, тат. — оборотень 637
 удморт, удмурт, удм. — самоназвание удмуртов 472
 удмурт, см. удмурт
 ужга, мар. — овчинная шуба 531
 уйран, чуваш. — обрат, пахтание 612
 уй чүк, чуваш. — моление на поле 624

у кшде пайрем, мар.— осенний праздник нового хлеба 512
 укш-чушпу — см. ови-чушпу
 ук, башк.— наконечник стрелы 693
 ука, башк.— позумент 715
 умарталык, башк.— пасека 693
 унин, калм.— жерди, часть остова кибитки 753
 ункроп, см. колак
 ураза, башк.— пост 734
 урак, башк.— серп 690
 уредев, м. эрз.— дружка 586
 урман пясе, шүрәле, тат.— дух-хозяин леса 637
 урмат, мар.— букв. «отрасль», «отпрыск», «поколение» — объединение семей, имеющих одного предка 536
 урындык, башк.— нары 708
 усак, башк.— небольшой очажок с вмазанным котлом 708
 уттудбол, венс.— брусничный сок, заболтанный солодовой ржаной мукой 372
 уудим, см. ренги
 ууди, калмыц.— дверь кибитки 753
 ууха, см. каларокка
 уушпа, кар. люд.— «дорожка» для ловли рыбы 338
 уяв, см. вайй
 үпö марий, мар.— название восточной группы марийцев 510
 үштö, мар.— плетеный или тканый женский пояс 530
 үкүт, калм.— небольшой деревянный шкафчик 753
 үлгүр, калм.— поговорки 768
 үмскүд, калм.— подарки сватам 762
 Фатка, молд.— сачок, рыболовная снасть 792
 флуер, молд.— свирель 831
 фояя, молд.— женская поясная одежда в виде двух фартуков — 809
 фундул тинзей, молд.— букв. «глубь се-ней» — кладовая 803
 фустэ, молд.— юбка 810
 фустэ ку жыюбя, молд.— сарафан (Вулканештский р-н Молд. ССР) 810
 Халви, калм.— женский праздничный головной убор в форме берета с красной кистью 759
 хальмы, калм.— самоназвание калмыков 742
 харачх, калм.— букв. «верхний круг», часть остова кибитки 753
 харман, молд.— ток для молотбы 805
 хасабч, калм.— створки двери 753
 хайматийх, чуваш.— родственник, покровитель молодой семьи 621
 хертсурт, чуваш.— дух-охранитель жилища 622
 хигна, саам.— веревка 380
 хпемат, кар. соб.— верхняя часть рубахи 351
 хперу, см. кюля
 хирги, чуваш.— название степной подгруппы низовых чувашей 590
 хонгой, венс.— долбленный гнутый чели 370
 хора, молд.— народный танец 794

хошпу, удм.— женский головной убор в виде круглой шапки у бесермян 498
 х00рмг, калм.— молочное блюдо — смесь боз (см.) или аадмг (см.) с молоком 756
 хумбар, кар. лив., кар. люд., хуммар, хухмар, кар. соб.— деревянная ступа для обдирки крупы 336
 хуммар, см. хумбар
 хушлу, см. целёш
 хур, калм.— струнный инструмент 770
 хуран, кукли, чуваш.— пирожки, сваренные в масле 613
 хурс, калм.— лепешки, приготовленные из боза (см.) и аадмга (см.) 756
 хуутори, см. омамаа
 хухмар, см. хумбар
 хушпу, чуваш.— женский головной убор в форме усеченного конуса 618
 хўре, чуваш.— букв. «хвост» — женское наберренное украшение из длинных пучков нитей 619
 Ыаба, башк.— кожаные мешки для приготовления кумыса 722
 ябан, башк.— сабан 693
 якал — см. селтәр
 ялдау, башк.— острога, рыболовное орудие 694
 яалма, башк.— лапша из пшеничной муки 720
 яарауыс, башк.— женская налобная повязка 741
 яауын, башк.— выпас беднякам чужого скота за поставку хозяевам части молока и мяса 693
 яаһа, калм.— тетка по отцу 762
 яике, башк.— нары 708
 яйрәтке, башк.— волокуша, примитивное транспортное средство 704
 яука, башк.— соха с двумя сошниками 693
 Яам, калм.— религиозная мистерия 770
 яаһан сар, калм.— букв. «белый месяц» — традиционный весенний праздник 761
 яедг, калм.— праздничная женская верхняя одежда без рукавов 758
 яёконе, м. мокш.— женское поясное украшение 581
 яельвг, калм.— вареная в масле тонкая лепешка из круглого пресного теста 757
 яол, молд.— тканое покрывало на лавку 804
 яуйка, молд.— сливовая или яблочная водка 812
 яэрушь, молд.— яма-ловушка с кольями на дне 792
 яюлка почк, м. мокш.— короткие шерстяные наколенники 578
 Чабатот, см. кенькят
 чакарат, см. салма
 чалма, удм.— женский полотняный головной убор 499
 чалма, чуваш.— треугольная косынка, часть женского головного убора сурпана (см.) 618
 чарла, к.-з.— серп 410
 чаваш, чуваш.— самоназвание чувашей 598

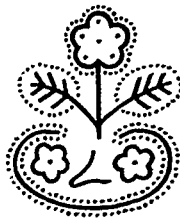
- чайт, чуваш. — сыр из снятого молока 612
 чеп, вепс. — цеп 366
 чериньянь, к.-з., к.-п. — рыбник, пирог с запеченной в нем цельной рыбой 428, 462
 чивистиг, саам. — аркан для поимки оленя 380
 чиган, калм. — заквашенное молоко 753
 чицимг, калм. — молочный квас 756
 чикман, тат. — суконная верхняя одежда такого же покроя, как тулуп 659
 чи марий, мар. — букв. «настоящие мари́йцы» — некрещенные мари́йцы 512
 чимпой, молд. — волынка, музыкальный инструмент 827
 чипчирган, удм. — старинный музыкальный инструмент типа свирели 509
 чирпи, кар. люд., кар. лив., кар. соб. — серп 336
 читек, тат. — женские и мужские мягкие сапожки 660
 чичрдг, калм. — калмыцкий народный танец 770
 чишукарте, см. агес
 чоботе, молд. — сапоги с высокими голенищами 808
 чбм, к.-п. — клеть — 459
 чбрбс, к.-з. — чулки из холста или сукна 430
 чбрс, к.-з., к.-п. — веретено 418, 452
 чбс, см. нальк
 чувки, к.-з. — чулки 430
 чукбр, к.-з., см. когыр
 чулпы, тат. — накосное украшение из монет 662
 чумая, к.-з. — берестяная коробка, лукошко, иногда употребляется как умывальный 417
 чунаг, см. стан
 чучаш, шаранга, мар. — силки 519
 чьоречь, см. мешинь
 чек-чек, тат. — шарики из крутого теста, вареные в масле и меду 656
 чуж, чужайы, чужатай, удм. — дед по матери 499
 чужайы, см. чуж
 чужанай, чужанэ, чужмумы, удм. — бабка по матери 499
 чужатай, см. чуж
 чужмумы, см. чужанай
 чужнэ, см. чужанай
 чучаш, шаранга, мар. — силки 519
Шабур, см. сукман
 шабур, к.-п. — холщовый кафтан, отрезной, со сборами на спине 461
 шага, см. ага
 шага вуй, мар. — соха без отвала для заправки семян 514
 шайтан, удм. — злой дух 474
 шалвр, калм. — мужские штаны 758
 шамшура, см. самшур
 шаньга, к.-з. — лепешка из ячменной муки с картофелем или творогом 428
 шапам видь, м. мокш., эрян., м. эрв. — напиток, смесь кислого молока и воды 584
 шаранга, см. чучаш
 шарафан, молд. — сарафан (Резинский район Молдавской ССР) 810
 шарвадг, калм. — молочное блюдо из аадмг (см.), свежего молока и сливочного масла 756
 шарпан, мар. — женский полотенчатый головной убор 531
 шаршау, башк. — занавес, разделявший кибитку на две части 707
 шаршау эсе, башк. — женская половина кибитки 707
 шарттан, чуваш. — колбаса 613
 шева, к.-з. — кликушество 402
 шеме пбрт, мар. — курная изба 525
 шербет, удм. — напиток, вода с медом 495
 шиврлг, калм. — накосник, футляр для косы 759
 шига, башк. — весенний подледный лов щук 694
 шикмдг, калм. — название танца 770
 шинга шовыч, см. калпак
 ширдг, калм. — стеганный войлок, застилавший пол кибитки 754
 шкэй, м. мокш. — бог 555
 шлыган, м. эрв. — женский головной убор из холста в форме чепца (б. Самарская губерния) 579
 шобр, шовыр, мар. — холщовый вышитый балахон 530
 шовыр, см. шобр
 шокш, мар. — цевка, шпулька для наматывания ниток 520
 шорба, мар. — сильно перебродивший медовый напиток 534
 шортдэрем, удм. — верхняя летняя одежда, холщовый халат 496
 шоба шьд, к.-п. — кислые щи 462
 шблн, калм. — мясной бульон 757
 шпура — см. кбшбва
 штан, тат. — мужские штаны с широким шагом 658
 штанит, см. квадрат
 штере, см. кштирь
 шукат, см. сукат
 шупяр, см. пустав
 шурка, мар. — женский головной убор лопатообразной формы 532
 шувыр, мар. — музыкальный инструмент типа волынки 545
 шүлкеме, чуваш. — девичье [нагрудное украшение 619
 шүрпе, яшка, чуваш. — мясной суп с картофелем и приправами 612
 шүрэ, см. тырма
 шүреле, см. урман иясе
 шьд, удм. — похлебка с крупой и горохом 495
 шьге пуч, мар. — труба, в которую по традиции трубили деушки, достигшие совершеннолетия 546
 шымакш, см. калпак
 шымниан, мар. — лапти, плетенные из семи лык 531
 шэйкэ, молд. — плоскодонная тупоносая лодка 792
 шежэре, тат. — родословная группы родственных семей 664
Щам, м. мокш. — женская] рубаха 576
 щеням, см. селянка
 щипаницат, см. калитат
Ын, удм. — полог 492

ынвыртитэ, см. виртуэ
 ын скэритурь, молд. — вышивальный шов,
 выпуклая гладь 808
 ыстык, см. сокор
 ыштан, башк. — женские шаровары 715
 ыштыр, мар. — олучи 532
 Эгерче, мар. — пресные круто замешан-
 ные лепешки 534
 эзем, м. мокш., м. эрз. — лавка 572
 эйэр, башк. — башкирское седло 704
 эмаг, вепс. — большуха, женщина, глава
 большой семьи, хозяйка 372
 эмуст, кар. люд., кар. соб. — нижняя
 часть рубахи, станушка 351
 эмянда, кар. соб. — хозяйка, большуха
 356, 359
 эрезь, удм. — мужские штаны 495
 эремсек, башк. — творог 721
 эрзя, м. эрз. — самоназвание мордвы-
 эрзи 548
 эрян, м. эрз., см. шапам вцдь
 Эбет члэге, тат. — букв. «обеденное
 ведро», ушат, с крышкой 657
 эжекэй, башк. — сладкая творожная мас-
 са, высушенная на медленном огне
 721
 эйрэн тат. — напиток, катык (см.), раз-
 бавленный водой 657

эйрэн, башк., см. айран
 эрк, калм. — молочная водка 756
 эҗен, башк. — татарский овин 693

Юмоото, мар. — священная роща 536
 юпа, саам. — длинная рубаха из холста
 или серого сукна прямого покроя 389,
 390
 юпа, чуваш. — изображение человеческо-
 го лица на могильном столбе 622
 юпк, вепс. — юбка 370
 юсман, чуваш. — очень тонкая лепешка
 из пресного теста 613

Ягез, вепс. — борона-суковатка 366
 ял, чуваш. — деревня, селенце, село 607
 ял мучаш, мар. — конец деревни, засе-
 ленный родственной группой 514
 ям, м. мокш. — каша 583
 яркӑч, чуваш. — женское поясное укра-
 шение, подвязка из бус с кистями на
 конце (верховые чуваша) 619
 яры, саам. — обувь из оленьих шкур,
 с высокими голенищами и загнутыми
 вверх носками 390
 ятх, калм. — струнный инструмент 770
 яулык, башк. — головной хлопчатобумаж-
 ный платок 715
 яшка — см. шӳрпе
 яя шыд, к.-п. — мясной суп 462

ИМЕННОЙ И ГЕОГРАФО-ЭТНИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Список сокращений, принятых в указателе

арх.— археологическое (понятие)
геогр.— географическое (понятие)
им.— имя собственное
им. рел.— имя религиозное
им. фольк.— имя фольклорное
ист.— историческое (понятие)

ист.-геогр.— историко-географическое
(понятие)
нас. п.— населенный пункт (деревня, се-
ло, поселок)
обл.— область
п-ов — полуостров
этно.— этническое (понятие)

Дав Э. 306
Абамелек-Лазарев, им. 453
Абашевская культура, арх. 599, 685
Абезь, нас. п. 422
Абрамов К. 591
Абсалямов А. 676
Авежюс И. 106
Авинурме, волость 248, 280
Аврамов И. 441
Австралия 9, 210
Агаков Л. 629
Агиш С. 736
Агрыз, гор. 481, 648
Адам Бременский 365
Адамсон А. 305
Адамсон М. 293
Азербайджан 634, 701
Азия В. 481
Азия 773
Азия Передняя 668
Азия Центральная 744, 747
Азово, нас. п. 369
Ай, р. 688, 689, 692, 699
Айквисте, р. 138—140
Айкшино, нас. п. 424
Акпимов М. Ф. 628
Акмуллы М. 736
Акквисте, нас. п. 161
Акквистская волость 116
Алава В. 326
Алагер В. 629
Аланы, этн. 636
Алатырь, гор. 605, 611, 639
Алатырь, р. 550
Албания 444
Албанцы, этн. 777, 807, 837—839

Алексаите И. 7
Александр В. 828
Александров Ф. 507
Алексеев К. 555
Алексей Тепля, им. рел. 822
Алитусский р-н 47, 65, 75, 93
Алкенис Я. 116
Алма-Ата, гор. 648
Алое, нас. п. 161
Алсунгская волость 166
Алсупе А. 7
Алтай 598, 685
Алукоме, нас. п. 144, 165
Алумяэ Н. 309
Алуан А. 135
Алуан Ю. 184, 185
Алутагузе, геогр. 209, 244, 248
Алчедар, нас. п. 797
Алькино, нас. п. 568, 571
Альметьевск, гор. 644, 649
Альпы, горы 249
Альтерман Т. 305
Амбайнис О. 7
Амбрасас К. 106
Америка 21, 31, 520
Америка Северная 40
Америка Южная 9, 24, 42
Амирханов Ф. 675
Амтман-Бредит А. 188, 189
Амур-Санан, им. 768
Ананьевская культура, арх. 445, 473,
636, 685
Анатри, этн. 598
Анвельд Я. 218, 219
Англия 90, 116, 540, 769
Андерсоне Э. 7

- Андэюлайтис-Каленас Ю. 104
 Андрей Первозванный, им. рел. 822
 Андроновская культура, арх. 605
 Андрушене, нас. п. 148
 Апзеюла, нас. п. 301
 Антинис Р. 96, 100
 Антипино, нас. п. 448, 455
 Антонов И. 591
 Антонова М. 597
 Антсла, нас. п. 146
 Апинис А. 190
 Аписшу Е. 185
 Апуоле, городище 14
 Арабский язык 641, 669, 731
 Арабы, этн. 551, 638
 Аравия, 638, 662
 Аральское море 688
 Арбан Н. 542
 Аргентина 9, 210, 422
 Ардатов, гор. 570
 Ардатово, нас. п. 567
 Ардатовский р-н 567, 574, 581, 584, 594
 Аржадеев А. А. 596
 Арзамас, гор. 551, 639
 Ари, этн. 472
 Арпсте П. 7, 309, 313
 Аристов Н. А. 685
 Арпсу, арта, этн. 551
 Арменоцуло, им. 815
 Армяне, этн. 119
 Арский р-н 653, 655
 Арсланов М. 741
 Арта, см. арпсу
 Архангельск, гор. 230, 382, 386, 407, 419
 Архангельская волость 450
 Архангельская губ. 334, 405
 Архангельская обл. 376, 400, 401, 436
 Архипов Г. 507
 Аряне, этн. 472
 Аслан С. 629
 Аспазия (Э. Розенберг), им. 185
 Астраханская губ. 744, 746
 Астраханская обл. 742, 770
 Астраханский край 744
 Астрахань, гор. 127, 751, 753, 765
 Атис Доку, им. 185
 Атлантика Северная 31, 45, 141, 142, 342
 Атлантический океан 330
 Атлашкпа Е. Д. 544, 545
 Атюрьево, нас. п. 568, 570
 Атяши Ф. 592
 Атяшево, нас. п. 568
 Атяшский р-н 568, 581, 594
 Аугшеме, ист.-геогр. 128—131, 140, 148, 152, 154, 164, 165
 Аукштаварис, городище 14
 Аукштайтя, ист.-геогр. 10, 18, 34, 35, 41, 48—51, 60, 61, 66, 70, 71, 98, 99, 153
 Аукштайтя, этн. 9, 14, 16
 Аусеклис, им. 185
 Аусгер Л. 308
 Аутше, геогр. 112
 Афанасьев, им. 546
 Афанасьевский р-н 443, 457
 Афоншо, нас. п. 353
 Африка 31, 45, 142
 Ахмет Файзи, им. 676
 Ахметов Х. 739
 Ахуп С. 681
 Ашкадар, р. 682
 Ашмарин Н. И. 637
 Аюка-хан, им. 744
 Баба-Новак, им. 826, 827
 Бабаевский р-н 364, 365, 368, 375
 Бабенский погост 379
 Бабино, нас. п. 318
 Бабитское, оз. 139
 Бабич Ш. 731, 736
 Бабушкина, им. 544
 Вадер О. Н. 445
 Бадмаев Н. 767
 Вайкал, оз. 743
 Ваймакский р-н 697
 Байтеряков Н. 507
 Вакаева В. В. 765
 Ваку, гор. 647
 Валагушин М. 506
 Балакпрев М. А. 546
 Балаклава, гор. 838
 Валезино, нас. п. 490
 Валезинский р-н 472
 Балкано-Дунайская культура, арх. 775
 Балкано-Дунайский бассейн, геогр. 804
 Балканский п-ов 773—775, 777, 837, 838
 Валодис А. 187
 Балта, гор. 780
 Балтакис А. 106
 Балтасп, нас. п. 653
 Балтийские языки см. летто-литовские языки
 Балтийские племена см. летто-литовские племена
 Балтийское море, Балтика 10, 14, 25, 26, 31, 44—46, 52, 54, 76, 109, 110, 114, 192, 203, 209, 239, 252, 333
 Балтушис Ю. 106
 Бальспс В. 108
 Бальсис Э. 100, 103, 104, 108
 Баранаускас А. 97, 104, 106
 Баранов А. Н. 480
 Барбарус И. (Барес И.) 306
 Баренцево море 342, 382—384, 386
 Барон Кр. 195
 Барта, нас. п. 165
 Бартольд В. В. 637, 743
 Бартокая волость 166
 Бартша Х. 102
 Басапавичюс И. 101
 Басапгов Б. В. 768, 770
 Баскупчак, оз. 746
 Батырчево, нас. п. 609, 613
 Батыревский р-н 603, 610, 611
 Ваумшлас В. 108
 Вауск, гор. 116, 312, 318
 Бах И.-С. 300
 Бахмутинская культура, арх. 686, 687
 Башнискас Ю. 104
 Башпров Г. 676
 Башкирская АССР, Башкирия 472, 479, 492, 499, 510, 532, 533, 543, 548, 557, 570, 598, 634—639, 640, 663, 682—741
 Башкирский язык 684, 685, 731, 732, 734, 735, 736, 739
 Башкиры, этн. 510, 525, 549, 584, 640, 663, 676, 682—741
 Беднодемьяновский уезд 580
 Безбородов М. 591
 Беззубова Ф. 590, 591, 597
 Безносков М. П. 436
 Бейлпс, им. 834

- Белагарас А. 104
 Белая, р. 473, 563, 646, 676, 682, 686—688, 692, 695, 701, 703—705, 714
 Белгород-Днестровский, гор. 797
 Белебей, гор. 689, 712, 713
 Белецкая степь 771
 Белинский р-н 578
 Белицер В. Н. 7, 8
 Белков, им. 545
 Белое море 331, 332, 342, 343, 378, 382
 Белое, оз. 364
 Беломорск, гор. 334, 344
 Беломорский р-н 329
 Беломорье, геогр. 338
 Белоногов А. 507
 Белорецк, гор. 701, 706
 Белорусская губ. 113, 771
 Белорусская ССР, Белоруссия 9, 10, 25, 32, 44, 49, 51, 63, 67, 230, 245, 254, 255, 297, 473, 790, 832, 834, 837
 Белорусский язык 837
 Белорусы, этн. 9, 33, 60, 66, 106, 118, 123, 164, 196, 272, 297, 335, 357, 372, 399, 453, 550, 771, 837
 Беляев, им. 545
 Беляускас А. 106
 Вельгия 444
 Вельцы, гор. 795, 797, 798
 Вендерский уезд 835
 Вендеры, гор. 775, 797, 798, 835
 Венуа А. Н. 544
 Вентошевичюте-Жемайте И. 104
 Верашже П. 439
 Верги, нас. п. 143
 Березняки, гор. 570
 Бергман, им. 743
 Берзиня Л. 188, 189
 Верлин, гор. 52
 Верс А. А. 687
 Верце В. 187
 Бесермяне, этн. 472, 475, 479, 496—499, 501
 Бессарабия 771, 777—780, 782—785, 787—789, 795, 796, 806, 809, 810, 813, 814, 824, 834, 835, 838, 839
 Бессарабская губ. 782
 Вессонов А. Г. 731
 Ветховен Л. 300
 Веценбургер А. 88
 Вик А. 542
 Виббай Б. 736, 737
 Викчентаева А. 736
 Виччурин М. 731
 Вилск, гор. 146
 Вилюнас И. 104
 Биляр, гор. 474
 Вичкис К. 105
 Виржай, гор. 89
 Бирзе М. 187
 Вирзник-Упит Э. 185
 Биробиджан, гор. 834
 Бирск, гор. 689, 704, 705, 712, 713
 Бирский р-н 696
 Бирский уезд 703
 Благовещенск, гор. 701
 Блауман Р. 185, 188
 Блинов П. 507
 Бобровников А. 767
 Богданов Г. X. 357
 Богданов Н. И. 374
 Богданова Г. Н. 374
 Богдеско И. 829
 Бодино Можга, нас. п. 491
 Бодья, нас. п. 490
 Болгария 422, 487, 742, 835, 838
 Болгарский язык 836, 839
 Болгары, этн. 771, 777, 806, 807, 810, 832, 835, 837—839
 Вологатинов И. 478, 555
 Вольшеземельская культура, арх. 401
 Вольшедербетовский улус 744, 746
 Большое Сесьякино, нас. п. 555
 Большой Кизил, р. 682
 Большой Уркат, нас. п. 568
 Большой Ялпук, р. 771
 Вондюжский, нас. п. 644
 Бормотов Н. 470
 Борххёэ Э. 304
 Бородин А. П. 596
 Бородин О. 363
 Ботнический залив 332
 Вотну Р. 771
 Боян, культура арх. 772
 Бразилия 210
 Бразис Т. 202
 Бриедис Я. 190
 Бриже, нас. п. 144, 145, 148
 Броделе А. 187
 Бротце И. X. 150
 Броцены, нас. п. 161
 Бруни Ф. А. 770
 Брук С. И. 8
 Брюллов К. П. 770
 Брюсов А. Я. 378
 Брюссель, гор. 487, 544, 592
 Бубрих Д. В. 330, 332
 Буг, р. 775
 Вугульма, гор. 644, 648
 Буджакская степь 771, 785, 838
 Бузава, этн. 742
 Бужор, им. 826, 827
 Буинск, гор. 611, 644
 Буков Е. Н. 828
 Булавин К. 744
 Булгарское гос-во 474, 511, 599, 636, 637, 687, 690, 775
 Булгары, этн. 445, 474, 475, 551, 552, 599, 602, 619, 636—639, 645, 662, 675, 686, 687
 Буленай, оз. 100
 Бульбоки, гор. 795
 Буранчино, нас. п. 694
 Бурзяне, этн. 686
 Бургасы, этн. 551
 Буткявичус И. 7
 Бутнис, нас. п. 490
 Бутыш, нас. п. 490
 Буш В. 128
 Бык, р. 771
 Быстрый Таньш, р. 682, 686, 692
 Вааранди Д. 308
 Вабарна А. 293, 299
 Вавилин И. М. 440
 Вавилин М. В. 470
 Бад, р. 582
 Вадь см. Бодь
 Важгорт, гор. 468
 Вазар Э. 292
 Вайвада П. 96
 Вайда (Вайд), нас. п. 203
 Вайнейкис Л. 96

- Вайнод, гор. 161
 Вайнюнас С. 103, 104
 Вайчкус Ю. 106
 Вала, р. 473
 Валаам, о-в 331
 Валкамшай, геогр. 53
 Валанчюс М. 86
 Валахия, княжество 785, 827, 828, 838
 Валга, гор. 259
 Валдманис В. 190
 Валеев М. 738, 739
 Валиг, им. 331
 Валковицы, нас. п. 317
 Валкский р-н 155, 158
 Валкский уезд 116
 Валмиера, гор. 113, 161, 189
 Валмиерский уезд 116
 Валюнай, нас. п. 93
 Валя Боурулуй, геогр. 791
 Валя Зимбрулуй, геогр. 791
 Ванак Ю. 187
 Ванно, нас. п. 455
 Ваньш, нас. п. 711
 Ваньково, нас. п. 448
 Ваньсит, нас. п. 423
 Варенский р-н 97
 Варенцов М. П. (Коринфский) 588
 Варзина р. 381, 383
 Варзуга, р. 381
 Варма-ава, им. рел. 554
 Варняй, нас. п. 34
 Варшава, гор. 51, 52
 Варшавское герцогство 19
 Василий Святой, им. рел. 559, 776
 Васильев Н. 507
 Васильев Ф. 507, 629
 Васильев-Буглай Д. С. 509
 Васильсурский уезд 513
 Вацпетис О. 187
 Вацка, р. 400, 401, 422—425
 Ведро А. 306
 Вейд-ава, им. рел. 554, 590
 Вейденбаум Э. 185, 188
 Вейконь, нас. п. 437
 Вейценберг А. 304
 Векшняй, нас. п. 34, 72
 Великая, р. 212
 Великино, нас. п. 317
 Великорусы, этн. 336, 376
 Великушкис, городище 12
 Венгрия 440, 487, 734, 785
 Венгры, этн. 687, 775, 806, 807, 832, 837
 Вендепга, нас. п. 401
 Венедско-Бастарнская культура, арх. 773
 Вента, р. 109, 138
 Венгшилс, гор. 109, 123, 150, 160, 161, 203, 205, 252
 Венгшилский р-н 203
 Венолис А. 104—106
 Вепцова А. 105, 106
 Вепский язык 329, 364, 445
 северный диалект 364
 средневепский диалект 364
 южный диалект 364
 Вепсы, вепсы, кайваны, чудь, чухари, этн. 332, 335, 336, 348, 363—376, 445, 450
 Вере-паз, им. рел. 555, 559
 Верещагин Г. 480
 Вертелим, нас. п. 568
 Верх-Иньва, нас. п. 455
 Верх-Лупья, нас. п. 455, 468
 Верх-Язьва, нас. п. 455
 Верхнеуральский уезд 731
 Верхнее Енозеро, оз. 381
 Верхняя Кама, нас. п. 456
 Верхотурье, гор. 446
 Весляная, р. 444
 Вельс, этн. 332, 365
 Вельсегонский р-н 329
 Ветлуга, р. 473, 510, 523, 563
 Вепшебалга, нас. п. 144, 155
 Веян А. 187
 Видеман Ф. И. 208, 313
 Видземе, ист.-геогр. 109, 110, 112, 113, 119, 128—130, 132, 135, 140, 142, 145—150, 152—155, 163, 164, 168, 170, 212
 Виенуолис А. 108
 Византия 774, 775
 Визинга, нас. п. 401, 424
 Вийдалепп Р. 7
 Вийральт Э. 306
 Вийрес А. О. 8
 Вийциемс, нас. п. 146
 Викстрем У. 362
 Викторова Л. Л. 7, 8
 Виленская губ. 19, 20, 27, 40
 Виленщина, ист.—геогр. 55
 Вилия см. Нерис
 Вилцан П. 192
 Вильгорт, нас. п. 417
 Вильде Э. 222, 304, 305
 Вильмер Э. 305
 Вильмеле (Вилейка) р. 53
 Вильшос, гор. 11, 14, 15, 18—26, 32, 33, 35, 40, 48, 51—55, 83, 85, 87—92, 94, 96, 106, 107, 144
 Вильянди, гор. 259, 286
 Виляка, гор. 148
 Винницкий р-н 364
 Винцюнас А. 94
 Вирбалис, геогр. 51
 Вирумаа, ист.-геогр. 209, 253, 261
 Вирь-ава, им. рел. 554
 Вирь-агя, им. рел. 554
 Вирьялы, этн. 598
 Вистино, нас. п. 318
 Витебская губ. 113, 116, 173
 Витовт, им. 16, 18, 836
 Витол Я. 188
 Вшпера, р. 403, 443, 446, 468
 Вшкарев Л. 375
 Вшневский В. 596
 Вишняускайте А. И. 7, 8
 Вишняускас Б. 96
 Вшшур Норья, нас. п. 491
 Вшоп М. 189
 Владимиреску Т. 827
 Владимиро-Суздальское княжество 475
 Владимирцов Б. Я. 767
 Власий, им. рел. 359
 Власова И. Н. 360
 Власово, нас. п. 455
 Вогулы, см. Манси
 Водский язык 211, 310
 Водь, вадь, вожане, этн. 113, 214, 310—328, 336, 353, 376
 Вой-Вож, нас. п. 422
 Вожане см. Водь
 Возгеляй, городище 12

- Воинов Л. И. 597
 Вокнаволок (Изоккннемп), нас. п. 346
 Волга, р. 454, 470—473, 475, 510, 511, 519,
 523—528, 551, 552, 558, 598, 600, 601,
 607, 634, 635, 637, 646—648, 686, 705,
 742, 744, 751, 754
 Волгашно, нас. п. 579, 584
 Волго-Камский бассейн 694
 Волгоград, гор. 522, 744, 746, 753
 Волгоградская обл. 742
 Волжск, гор. 521, 524, 527, 528
 Волжская Булгария см. Булгарское гос-
 во
 Волжский р-н 528
 Волков А. 545
 Волково, нас. п. 321
 Волковиск, гор. 16
 Вологодская губ. 405, 420
 Вологодская обл. 329, 364, 365, 368, 375,
 432
 Волос, им. рел. 776
 Волхов, р. 311, 330
 Вольно-Подольская возв. 771
 Воркута, гор. 411, 419, 421, 435, 440, 442
 Воркута, р. 407, 423
 Ворси, о-в 209
 Воробьев В. П. 629
 Воробьев Н. И. 7, 8, 638
 Вороньинский погост 379
 Воронья, р. 381
 Восочнолитовские племена, см. Аук-
 штайты
 Вотка, р. 477
 Воткинск, гор. 480, 485, 490, 494, 504
 Вотяки, см. Удмурты
 Вочь, р. 413
 Врево, оз. 310
 Врубель М. 544
 Вулканештский р-н 806, 810
 Вумурт, им. миф. 479
 Бурнары, нас. п. 611
 Вымская земля, ист.-геогр. 403
 Вызь, р. 401—403, 410, 413, 417, 424,
 425, 441
 Выртсыярв, оз. 239—241, 251
 Выру, гор. 225, 259, 261
 Вырусский р-н 248, 249, 263
 Вырусский уезд 257
 Вытегорский р-н 364
 Вытегра, гор. 364
 Вычегда, р. 400—403, 416—418, 420,
 422, 424, 428, 437, 441, 444—446
 Вычегодская земля 402, 403
 Вяземский Г. 477
 Вяндра, нас. п. 254
 Вятка, гор. 480
 Вятка, р. 401, 444, 445, 472—475, 491,
 511, 634, 685
 Вятская губ. 479—481, 486, 497, 513, 530,
 536
 Вятская земля, ист.-геогр. 475, 476
 Вятский край 473, 478
 Габаши С. 738
 Габе Р. 318
 Гаврилов И. 507
 Гагарин И. 470
 Гагаузы, этн. 771, 777, 810, 832, 835—839
 Гази И. 676
 Газизова М. 736
 Гайгалайте Н. 96
 Гайнинская волость 699
 Гайнский р-п 452, 461
 Гайны, нас. п. 454, 457
 Галево, нас. п. 490
 Галерканы, нас. п. 802
 Гали, им. 675, 836
 Гали М. 736
 Гали Чокры 675
 Галицкое княжество 775
 Галич, гор. 836
 Галкин И. Я. 509
 Галл Аноним, им. 16
 Гальштадтская культура, арх. 772
 Гаскаров Ф. 739
 Гауя, р. 109, 138, 142, 150, 152, 202
 Гафури М. 642, 675, 731, 736, 737
 Гедмин, им. 17, 53
 Гейдукоис, нас. п. 75
 Гейкель, им. 592
 Гейне Г. 439
 Геп, им. 784
 Гендель Г.-Ф. 300
 Генрих Латвийский (Генрих Латыш) 152,
 202, 213
 Георги И. И. 322, 324
 Георгий (Егорий), им. рел. 81, 326, 359,
 559, 787, 822
 Герасимов М. С. 542
 Герман, им. рел. 822
 Германия 23, 25, 27, 30, 41, 43, 95, 101,
 114, 117, 119, 126, 134, 144, 161, 210,
 211, 214, 220, 221, 780, 832
 Германская Демократическая Республ-
 ка 108, 440, 773
 Германские языки 211, 227
 Германцы, этн. 16
 Герцен А. И. 86, 87
 Гето-данкийские племена 773—775, 797
 Гизатуллина-Волжская С. 678, 738
 Гиззат Т. 676
 Гимади Х. Г. 638
 Гимрека, нас. п. 367
 Гишнев Н. 363
 Гира Л. 104—106
 Глазов, гор. 480, 481, 485, 489, 490,
 494, 495, 499, 591
 Глазовский р-п 472, 473, 485, 499
 Глазовский уезд 480
 Глазунов А. К. 546
 Глинка М. И. 596
 Глинки, нас. п. 318
 Глинские К. 106
 Гоголь Н. В. 106
 Годишер Э. С. 8
 Голшцын, им. 453
 Голланд А. 375
 Головин, им. 544
 Голстунский К. Ф. 767
 Гольмстен В. В. 550
 Гольяпы, нас. п. 490
 Голядь, галинды, этн. 13
 Горбульские Б. 104
 Горбунов П. Т. 544
 Гордино, нас. п. 475
 Горецкий Г. И. 378
 Горномарийский р-н 510, 517, 518, 520,
 521, 526—528, 533, 544
 Городецкая культура, арх. 550, 599
 Городищенский р-н 559
 Городовиков О. И. 747
 Городовиковский р-н 749, 750

- Горький, гор. 95, 524, 540, 549, 567, 607, 625
 Горький А. М. 106, 186, 470, 549, 591, 596, 628, 675
 Горьковская обл. 510, 548—551, 574, 580, 594, 634
 Горюнова Е. И. 550
 Горяева В. 769
 Готландцы, этн. 110
 Готы, этн. 774
 Гравелис П. 194
 Грант Я. 187
 Греки, этн. 837, 838
 Греков Д. К. 638
 Гремиха, нас. п. 385
 Греховодов Н. М. 509
 Греция 769, 797, 838
 Греческий язык 837
 Грпбас В. 96
 Грива Ж. 187
 Григшкес, гор. 54, 77
 Григориполь, гор. 795
 Григорьев А. В. 544
 Григорьев П. 632
 Григорьева Р. А. 8
 Григорьевская, нас. п. 454
 Григулис А. 187
 Грицюс А. 106, 108
 Гробини, геогр. 110
 Грозненская обл. 634
 Грозный, гор. 647, 753
 Грузины, этн. 119
 Грудис Ю. 103
 Грушас И. 105, 108
 Грушас Ю. 106
 Грюнвальд, ист.-геогр. 17
 Гудайтис-Гузявичюс А. 96, 105, 106
 Гудыри Мумы, им. рел. 479
 Гулбенский р-н 158
 Гумер Гариф, им. 736
 Гумеров Р. 741
 Гун К. 188
 Гунские племена 686
 Гурия В. 632
 Гурпна Н. Н. 7, 378, 380
 Гурио, им. рел. 822
 Гурья-Кар, городище 473, 491
 Гусельников У. И. 447
 Гуцулы, этн. 807
 Давлетшин Ф. 736
 Давлетшина Х. 736
 Давыдов В. 629
 Дагда, нас. п. 161
 Дагестан 769
 Дакция, ист.-геогр. 775
 Дальний Восток 598
 Дамаск, гор. 544
 Дамелис П. 95
 Дания 134, 213, 214, 444
 Даргомьжский А. С. 596
 Дарзинь Э. 188
 Дарий, им. 827
 Даугава (Зап. Двина), р. 109, 110, 113, 138, 139, 142, 150, 153, 191, 202, 203
 Даугавпилс, гор. 21, 115, 123, 150, 160, 161
 Даугавпилсский уезд 116, 135
 Даукангас С. 86, 96, 101, 104
 Дашава, гор. 54
 Даян К. 736
 Дварнонас В. 103, 104, 108
 Двпете, р. 137
 Девлеткильдеев К. С. 741
 Дегутите Я. 106
 Дёма, р. 682, 692, 719
 Демшино, нас. п. 458, 459
 Демченко Н. 7
 Дербетовский улус 744
 Дербеты, этн. 743
 Державин Г. Р. 352
 Дерюжев И. 527
 Дехтяров Г. 442
 Дешт-и-Кыпчаки, ист.-геогр. 687, 688
 Джалиль М. 676, 678, 679
 Джангар Хан, им. 767
 Джемс Р. 365
 Джериле, им. фольк. 826
 Джучи, им. 743
 Дзержинский И. 596
 Дзержинский Ф. Э. 480
 Дзуки, этн. 10, 16, 61, 66
 Дзукля, ист.-геогр. 10, 34, 64, 66, 75
 Дивное, нас. п. 753
 Диджиокас В. 96
 Дмитрий Святой, им. рел. 787
 Днестр, р. 52, 212, 551, 775, 805
 Днестр, р. 771, 774, 775, 779, 780, 791, 792, 797, 799, 802—805
 Добеле, нас. п. 134, 194
 Добельский р-н 135, 158
 Добрыни П. 468, 534
 Добрыня Никитич, им. фольк. 468
 Довейка К. 711
 Дойкар, нас. п. 455
 Дон, р. 743
 Донбасс 514, 522, 601, 634, 647
 Донгилэ, им. фольк. 826
 Донды-Кар, городище 473, 491
 Донелайтис К. 86, 97, 104, 106
 Донецкая обл. 837, 838
 Донич А. 815
 Донты, оз. 400
 Дорогойченко А. 591
 Дороева З. 591
 Дотнува, гор. 88
 Дракино, нас. п. 548, 580
 Дрисвяты см. Дружский
 Дриссенский уезд 116
 Дружский (Дрисвяты), оз. 10, 32
 Друскининкяй, нас. п. 96
 Друце И. 829
 Дубиновский И. 829
 Дубиса, р. 58
 Дубоссарский р-н 790
 Дубоссары, гор. 796
 Дуброво Я. П. 767
 Дукшгас, городище 12
 Дунай, р. 774, 775, 779, 792, 805, 826
 Дундага, гор. 161, 203
 Дурба, оз. 17, 112
 Дусбург П. 13
 Дьяконов Н. М. 440, 441
 Дьярмат, этн. 687
 Дюртюли, нас. п. 705
 Дюссельдорф, гор. 250
 Дядюков И. Т. 507
 Дятел, им. фольк. 589
 Дятчел, им. фольк. 826
 Евразия Северная 240
 Евреи, этн. 9, 25, 33, 36, 113, 115, 118, 771, 832—834

- Еврейская Автономная обл. 834
 Европа 9, 16, 27, 31, 227, 231, 648, 670,
 738, 824, 832, 837
 Восточная 5, 6, 41, 244, 245, 249, 278,
 330, 352, 473, 497, 562, 686, 715, 774
 Западная 17, 65, 112, 132, 134, 160,
 201, 218, 242, 670
 Северная 245
 Северо-Восточная 251, 445, 486, 495
 Центральная 249, 272, 774
 Юго-Восточная 807
 Европейский Север 450, 451
 Евсевьев М. Е. 583, 689
 Евсеев В. Я. 360
 Евстафьев Н. 629
 Египет 669
 Египетский, могильник 12
 Егорлык, р. 751
 Егоров А. Е. 378, 770
 Егоров К. Ф. 544
 Егоров С. Ф. 378
 Егор-Петыр, нас. п. 423
 Едипецкий р-н 789, 805, 809
 Екабпилс, гор. 143
 Екабпилсский р-н 136
 Екабпилсский уезд 134
 Елабуга, гор. 480, 489, 644
 Елабужский уезд 482, 497
 Елга, р. 413
 Елгава, гор. 123, 160, 161
 Елед, гор. 564
 Елизавета Петровна, императрица 477
 Елькин В. И. 440
 Ельскис К. 95
 Еманшинская волость 513
 Ендзелин И. 88
 Еней, этн. 687
 Енб, этн. 687
 Епифаний, им. 446
 Ергевинская возв. 742, 746, 748, 751
 Еремеев Д. 597
 Ермолин С. И. 440, 441
 Ерсика, княжество 111
 Ерусланов, им. 513
 Ерушев Н. В. 595
 Ефимовский р-н 364
 Ефремова Л. 7
 Ёртома, нас. п. 419
 Жагаре, нас. п. 42
 Жарский В. 506
 Жданов, гор. (Мардуполь) 838
 Жебенкене И. 96
 Жежмаряй, нас. п. 34
 Железнодорожный, нас. п. 422
 Жемайтя, ист.-геогр. 10, 15—17, 19,
 34, 35, 40—42, 49—51, 56, 61, 62,
 69—73, 75, 76, 81, 98, 131, 154
 Жемайтские племена (жмудь) 9, 14—16
 Жемчуев П. П. 765
 Жербин А. С. 360
 Жешарт, нас. п. 407
 Жиганов Н. 671, 677
 Жижмос, нас. п. 39
 Жилин Н. 436
 Жилинский А. 189
 Жирнов О. М. 480
 Житецкий И. 767
 Жмудь см. жемайтские племена
 Жмудинавичюс А. 95, 96
 Жукас С. 96
 Жуковский, им. 544
 Жюгжда Ю. И. 91
 Заборье, нас. п. 369
 Заволжье 510, 514, 554, 581, 600
 Загреб, гор. 544
 Заиканы, нас. п. 805
 Заинск, нас. п. 644
 Зайцев Н. Г. 374
 Зайцева, им. 544
 Зайцева М. И. 374
 Закамье, геогр. 475, 634, 644, 654, 663
 Закарпатская обл. 837
 Зале К. 188
 Залькалн Т. 188, 190
 Занеманцы (сувалкечай), этн. 10
 Занавики (занавикикай), этн. 10
 Капсы (капсай), этн. 10
 Занеманье 14, 15, 19, 34, 40, 48—50, 55,
 60, 62, 64, 66, 70, 71
 Заонежье 338, 363, 378
 Западный Маныч, р. 751
 Запорожская обл. 835—837
 Зарасай, гор. 12, 19, 96
 Зарасайский р-н 9
 Заринь М. 189
 Заринь Р. 193
 Зауралье 402, 403, 446, 447, 682, 688,
 689, 694, 695, 697, 704, 708, 709, 716,
 718—720, 741
 Зая-Пандита, им. 765
 Звенигово, нас. п. 513, 528
 Звениговский р-н 516, 517, 521, 526, 533
 Зеленодольск, гор. 517, 649
 Зеленодольский р-н 672
 Зеленчук В. 7
 Зеленый Дол, нас. п. 524
 Земгале, ист.-геогр. 111, 113, 128—132,
 135, 150, 152—154, 158, 165
 Земгалы, этн. 9, 10, 15, 110, 111
 Земдега К. 190
 Земляков Б. 378
 Зианчуринский р-н 704
 Зигмонте Д. 187
 Зикарас Ю. 95, 96
 Зилаир, гор. 706
 Зилим, р. 682, 688
 Зимбрены, нас. п. 791
 Златин П. П. 470
 Златоуст, гор. 704, 705
 Зологая Орда, ист.-геогр. 511, 551, 552,
 599, 634, 636—639, 688, 775
 Зорин И. 507
 Зубов А. Н. 469, 470
 Зубова-Поляна, нас. п. 570
 Зубрешты, нас. п. 791
 Ибн-Фадлан, им. 365, 686, 687
 Ибрагимов Г. 642, 675
 Ибрагимов Х. 738
 Ибреси, гор. 611
 Ибресинский р-н 627
 Иван IV Грозный 379, 446, 554
 Иванайскайте, см. Ладзину Пеледа
 Иванов Ф. 506
 Иванов Я. 189
 Иванова К. В. 628
 Иванова Ю. В. 8
 Ивановское, нас. п. 317
 Игра, нас. п. 490
 Идна-Кар, городище 473
 Иж, р. 473, 475, 477

- Ижевск, гор. 480, 481, 485, 487—490, 493, 494, 500, 504—506, 509
Ижевский р-н 484, 490, 491, 500, 508
Ижемская вол. 406
Ижма, нас. п. 404, 405, 407, 440
Ижма, р. 399, 403, 404, 409, 416, 418, 424, 425, 429, 438
Ижма-Цилемский р-н 411—413, 418
Ижора, р. 311
Ижора, этн. 310—328, 336, 353
Ижорская земля (Ингерманландия), ист.-геогр. 310—327
Ижорский язык 311—313
Измаил, гор. 544
Измаильский уезд 835
Изоккнеми, см. Вокнаволок
Израиль 444
Изьюров И. В. 439
Ийра, см. Лиелирбе
Ик, р. 682, 700
Икель, р. 771
Икицохуровский улус 748
Иломанский погост 330
Илеть, р. 510
Ильмаринен, им. 340, 362
Илья Пророк, им. рел. 403, 559
Ильяков Н. 542
Илья Муромец, им. фольк. 436, 468
Имандра, оз. 381
Имашева Г. 741
Импилтис, городище 14
Ингерманландцы, см. финны Ленинградской обл.
Индия 592, 768, 834
Индра Ю. 103, 104, 108
Индоевропейские языки 10, 211
Инзер, р. 682, 688, 703
Инмар, им. рел. 479
Инсар, нас. п. 567, 570
Инсар, р. 582
Инта, гор. 411, 421, 425
Интинский р-н 415
Иньва, р. 443, 444, 450, 451, 454, 457
Иоани, Васильевич, см. Иван IV Грозный
Иоварас Й. 104
Иоканьга, нас. н., погост. 379, 382, 386, 394
Иоканьга, р. 381, 383, 386
Иокаганьское оз. 381
Иокум К. 186
Иона, им. 446
Ионава, нас. п. 34
Иордан, им. 365, 510, 550
Иосиф, им. 511, 551
Ипатов Н. И. 360
Иран 662, 680
Ирд К. 308
Ире, см. Мазирбе
Иркап-Ирк, им. фольк. 437
Исанбет Н. 676
Исенбаев Ю. 738
Искандаров А. И. 546
Искар, нас. п. 455
Иславин В. 406
Исмагилов С. 736
Исмагилов Э. 739
Исса, р. 567
Истру И. 828
Италия 95, 400
Итконен Е. 377
Итконен Т. 377
Иудея, ист.-геогр. 832
- Ицешино (Ицыншино), пас. п. 318, 320
Ичалки, нас. п. 567, 568
Ишымбай, гор. 701, 713
Ишмурзин Хайрулла, им. 736
- Йохани А. 306
Йошкар-Ола, гор. 513, 517, 521, 522, 524, 527—529, 538—541, 543—545
Йытваский р-н 302
Йыйтге, нас. п. 262
Йыхви, нас. п. 301
- Каазик А. 308
Кабул, гор. 544
Кавказ 210, 648, 743, 746, 756, 758, 770, 837
Кагул, гор. 797
Кадикс-Грозный А. 186
Кадлубек, им. 16
Кадом, гор. 638
Кадыров А. Г. 730
Кажлодка, нас. п. 548
Казакон М. 542
Казанская губ. 513, 515, 531, 557, 644—646
Казанское ханство 446, 475, 476, 511, 512, 553, 554, 599, 637, 639, 654, 688
Казань, гор. 473, 475—478, 511, 518, 524, 540, 541, 545, 553, 567, 587, 597, 601, 606, 607, 625, 629, 635, 637, 639, 642, 644, 646, 648, 649, 652, 654, 670, 671, 674, 676, 677, 679, 681, 704
Казари, р. 251
Казахи, этн. 498, 729, 737, 743, 752
Казахская ССР, Казахстан 492, 514, 641, 682, 742, 770, 771, 837
Каздангская волость 114
Кай, нас. п. 480
Кайгородский уезд 446
Кайду Э. 308
Калараш, гор. 797
Каларашский р-н 823
Калвенская волость 114
Калган А. 629
Калевала, нас. п. 330, 361
Калевала, эпос 294, 362
Калевипоэг, им. фольк. 100, 292, 294, 297, 303
- Календа И. 94
Калимуллин С. 741
Калинин М. И. 217, 513, 747
Калинин Н. Ф. 638
Калининград, гор. 96
Калининградская обл. 10, 32
Калининская обл. 329, 338, 339, 361
Калиновский К. 20
Калласте, нас. п. 254
Калмык Ф. И. 769
Калмыки, этн. 742—770
Калмыцкая АССР, Калмыкия 742—770
Калмыцкий язык 742, 765—767
Калмыцкое ханство 744
Калнциемс, нас. п. 161
Калнынь А. 184, 188—190
Калпокас П. 96
Калужская обл. 329
Каляев С. 768
Кама, р. 401, 443—447, 452, 454, 472—475, 490, 491, 563, 634, 637, 647—649, 680, 682, 685, 686, 688
Камал Г. 642, 675
Камал Ш. 642, 675
Камбарка, гор. 494

- Каменка, нас. п. 383, 386
 Каменский погост 379
 Каменское, оз. 381
 Камляй, нас. п. 568
 Кампшкяй, нас. п. 93
 Камский р-н 477
 Канава, р. 413
 Канада 9, 210
 Канаш, гор. 607, 611, 648
 Канашский р-н 623
 Кандалы Г. 675
 Каневка, нас. п. 384
 Канеш, нас. п. 300
 Канлы, этн. 687
 Канн И. И. 828
 Кантемир Д. 776, 777, 828
 Кануков Х. В. 747, 768
 Каноюкова Н. 470
 Капп А. 305, 306
 Капп В. 307
 Капп Э. 308
 Капсы (капсай), см. занеманцы
 Капша, р. 364, 365
 Капшинский р-н 364
 Караабызская культура, арх. 685
 Караваев С. И. 470
 Карагаши, этн. 684
 Караимы, этн. 9, 18, 832, 836, 837
 Каракалпакц, этн. 686
 Каракулино, нас. п. 490
 Каратаг, этн. 549, 571, 577, 580, 581
 Карельская АССР, Карелия 230, 313, 314, 319, 329—364, 378
 Карельские племена 363
 Карельский перешеек 310, 330, 332, 333
 Карельский язык 311, 329, 330, 362, 364
 Карельское Поморье 335
 Карелы, этн. 294, 310, 311, 329—363, 365, 376, 377, 381, 393, 401, 416, 450
 людики 364, 365, 376
 ливвики 365, 368, 376
 Карнев А. 678
 Карим М. 736, 737
 Карино, нас. п. 475
 Каринский стан 496
 Карки, геогр. 146
 Карлыган, нас. п. 497
 Карм К. 338
 Кармасан, р. 682
 Кармаскалинский р-н 695, 710
 Каросас Ю. 104
 Карпаты, горы 806
 Карпово, нас. п. 455
 Касимов, гор. 639
 Касимовское ханство 639
 Каспийский, гор. 763
 Каспийское море 604, 688, 742, 743, 751, 754
 Кастрен М. 685
 Касым, им. 639
 Катай, этн. 688
 Катаринский В. В. 731
 Каткова Э. 542
 Каудзитес М. 185
 Каудзитес Р. 185
 Каунас, гор. 20, 21, 24—26, 33, 40, 52—54, 69, 79, 88—90, 92, 94, 99, 106, 107
 Каунасский р-н 43, 44, 59, 93
 Какх Ю. 7
 Качелино, нас. п. 655
 Каянская земля (Приботния), ист. 331
 Квадашур Можга, нас. п. 491
 Кевят-озеро, нас. п. 353
 Кедайняйский р-н 68
 Кедров Ф. 507
 Келер И. 304
 Кельмеский р-н 54
 Кельтская культура, арх. 773, 774
 Кельтма, нас. п. 401
 Кемпе М. 187
 Кемский р-н 329, 337, 342, 346, 349, 351—353, 361
 Кемь, гор. 334, 344
 Кешен П. 312
 Керес Х. 309
 Кереть, р. 340
 Керчомье, нас. п. 413, 433
 Кестеньга, нас. п. 330, 352
 Кетов А. В. 447
 Кечушево, нас. п. 567
 Кивилева Н. 470
 Кивийли, гор. 225, 260
 Киев, гор. 90, 832
 Киевская Русь, Киевское государство 16, 551, 832
 Кижж, нас. п., погост 333, 363
 Кизляр, гор. 753
 Кильдинский погост 379, 389
 Кильмезь, р. 473, 475, 490
 Кингисепи В. 218, 323
 Кингисепи, гор. (Курессааре) 259
 Кингисепинский р-н 313, 317, 321
 Кишпер А. 309
 Киргизы, этн. 676
 Кирдяшкин Т. 591
 Кириллов П. 592, 596, 597
 Киров С. М. 590
 Кировоградская обл. 837
 Кировск, гор. 377
 Кировская обл. 400, 436, 443, 444, 455, 457, 472, 480, 510, 634
 Кирси, р. 477
 Кирхенштейн А. 184
 Кирюков Л. П. 597
 Киря, нас. п. 611
 Киселис К. 96
 Китай 636, 743
 Китс Э. 309
 Китсберг А. 304, 305
 Кихну, о-в 237, 240, 243, 277, 286, 291, 292
 Кишинев, гор. 771, 779, 795—799, 829
 Кишиневский уезд 781, 784
 Киэлевяйнепен В. 361
 Клайпеда, гор. 10, 14, 23, 25, 26, 45, 52, 54, 57, 89, 92, 94, 146
 Клайпедский край 17, 19, 23, 34
 Клайпедский р-н 13, 14, 47, 65
 Клемент Ф. 309
 Клещин А. И. 471
 Кловас В. 104, 108
 Клоунишкяй, нас. п. 59
 Ключарев А. 677
 Ключевский В. О. 588
 Княж-Погост, нас. п. 419
 Ковалевский И. 86
 Коваши, нас. п. 312, 319, 322, 324
 Ковенская губ. 19, 22, 27, 33, 37, 40, 87, 116
 Ковылкино, гор. 566, 570
 Ковылкинский р-н 560, 563, 568, 571, 579, 580, 583, 584, 592, 595

- Когильник, р. 771
 Кодры, горы 771, 775, 782
 Козин С. А. 767
 Койдула Л. 304
 Козлов В. И. 8
 Козловка, нас. п. 604, 607, 611
 Козьмодемьянск, гор. 527, 528, 531, 544
 Козьмодемьянский уезд 513, 531
 Козьмин В. М. 545
 Копн, р. 413, 414
 Коккойла, нас. п. 349
 Кокнесе, ист.-геогр. 111
 Кокнесе, нас. п. 177, 179
 Кокшага, р. 510
 Кокшамары, нас. п. 513
 Кокушкино, нас. п. 642
 Кол, гор. 379
 Колва, р. 399, 401
 Коляденков М. Н. 589
 Колганов С. И. 596
 Колка, Куолка, нас. п. 203, 205, 207
 Коломасов В. 591, 596
 Кольберг О. 102
 Кольский п-в 377—384, 386, 395, 397, 399
 Кольский р-н 377, 383
 Кольско-Лопарская волость 379
 Кольцов А. 439, 675
 Комп АССР 118, 399—442, 444, 461
 Коми-зыряне, этн. 336, 353, 355, 365, 376, 379, 383, 384, 399—442, 444, 455, 457, 459, 460—462, 467, 594
 Коми-ижемцы, этн. 377, 386, 399
 Коми-пермяки, этн. 365, 383, 399, 401, 430, 443—471
 Коми-Пермяцкий национальный округ 443—471
 Коми-пермяцкий язык 443, 466, 469, 472
 Коми (зырянский) язык 399, 438, 443—445, 472, 473
 Конаков А. Ф. 542
 Конашевич-Сагайдачный, им. 777
 Константин Багрянородный 550
 Константин Васильевич, князь 552
 Кондопога, гор. 334, 342, 344
 Кондопожский р-н 329, 352, 353
 Коши, нас. п. 425
 Коши, р. 429
 Кошкка У. 7
 Коновалов М. 507
 Коноля, нас. п. 455, 468
 Колюхов Д. В. 440
 Коорт Я. 306
 Копорье, нас. п. 316, 317
 Корабчевский Н. П. 480
 Корбе О. А. 8
 Корблинчи, нас. п. 367
 Корвала, нас. п. 367
 Корветипо, нас. п. 318
 Корела см. Приозерск
 Корела, этн. 332
 Корепанов Г. 509
 Корепанов Д. см. Митрей К.
 Корепанов-Камский Г. 509
 Коринфский, см. Варенцов
 Кормашов Н. 309
 Коровай Норья, нас. п. 491
 Короленко В. Г. 480, 494, 495
 Корсакас К. 91, 105, 106
 Корсакеце Г. 106
 Корт-Айк, им. фольк. 437
 Корткерос, нас. п. 437
 Коса, нас. п. 461, 466
 Коса, р. 444, 451, 454
 Кослан, нас. п. 419
 Косолапов Н. 506
 Костепты, нас. п. 797
 Костин М. 828
 Костошов Н. Ф. 596
 Котвич В. Л. 767
 Котельникова А. 470
 Котельнический уезд 476
 Котлы (Каттила), нас. п. 315, 323, 326
 Котовск, гор. 795
 Котовский Г. П. 779, 827
 Котовский р-н 797
 Кохпла, нас. п. 253
 Кохтла-Ярве, гор. 224—226, 260
 Кохтла-Ярвский р-н 248
 Кочевский р-н 454
 Кочелаево, нас. п. 595
 Кочеловка, нас. п. 568
 Кочкурово, нас. п. 563
 Кошрага (Коштрыг), нас. п. 203
 Краколье, нас. п. 318
 Красильников Г. 507
 Краславский р-н 137
 Красновишерск, гор. 454, 455
 Красногорский, нас. п. 528
 Краснококшайск, гор. 513
 Краснококшайский уезд 513
 Красногородский р-н 210
 Красногорье, нас. п. 490
 Краснооктябрьский, нас. п. 528
 Краснослободск, гор. 570
 Краснослободский р-н 568, 577, 579, 580
 Красноселье, нас. п. 384, 385, 398
 Красноярский край 118
 Красный узел, нас. п. 567
 Крастынь Я. 184
 Крастыня А. 7
 Криве-Мицкявичюс В. 101, 105
 Кривинги (кривини), этн. 113, 318, 322, 324
 Крейцвальд Ф. 292, 303, 304
 Кретинга, гор. 54
 Кретингский р-н 13, 14
 Кривичи, этн. 212
 Кривошеев И. П. 591, 597
 Кривошеева Е. 590
 Кривощеков А. 468
 Кривощеков Ф. 470
 Кривощеков Я. 468
 Кронвальд А. 185
 Кронштадт, гор. 317
 Крылов И. А. 439
 Крым 648, 747, 831, 836—838
 Крянгу И. 828
 Кубилюс В. 106
 Кубилюс И. 91
 Кува, нас. п. 453, 457
 Куватов М. 731
 Кудаш С. 731, 736, 737
 Кудашев-Ашкадарский И. 738
 Кудирка В. 104
 Кудояров Г. X. 730
 Кудымкар, гор. 444, 448, 450, 451, 453—457, 460, 465, 466, 470, 471
 Кудымкарский р-н 451, 458, 459, 469
 Кудымкарское, нас. п. 448
 Кудымкарское городище 445

- Кузеев Р. 7
 Кузмишкис И. 97
 Кузнецов С. К. 480, 524
 Куйбышев, гор. 567, 648
 Куйбышевская обл. 548, 557, 568, 570, 571, 581, 598, 634, 682
 Куклина, им. 544
 Кукмор, нас. п. 644, 647
 Кулай Норья, нас. п. 491
 Кулакаускас Т. 97
 Кулахметов Г. 642, 675
 Кулдига, нас. п. 140, 142
 Кулдым, нас. п. 568
 Куликаускас П. 7, 8, 72
 Куллерво, им. фольк. 327
 Кума, р. 743, 746
 Кума-Маньчская впадина 742
 Куманы, см. половцы
 Кумертау, гор. 705, 713
 Куммитс Н. 306
 Куолка, см. Колка
 Кушшкский р-н 60
 Курпосская волость 450
 Куратов И. А. 439
 Курбангалеев М. 670
 Курганская обл. 682, 715, 716, 718, 740, 741
 Курземе, Курония, Курляндия 58, 110, 112, 119, 128—132, 135, 143, 146—150, 152—154, 158, 166, 181, 182, 202, 207, 208, 276
 Курземский п-в 202, 203
 Курляндия, см. Курземе
 Курляндская губ. 113—116
 Курляндское герцогство 22, 112, 113
 Курмайчай, могильник 12, 14
 Курмальская волость 114
 Курмыш, гор. 639
 Куровицы, нас. п. 313
 Курония, ист.-геогр., см. Курземе
 Куроптевский погост 379
 Курса, ист.-геогр. 111
 Куршенай, нас. п. 34, 54, 72
 Курши, летивнинки, этн. 9, 10, 13, 15, 110, 111, 164, 202, 204
 Куршская коса 10, 44, 46, 48, 76
 Куршский зал 10, 51, 80
 Куршский язык 10
 Кустодиев В. М. 544
 Куторкия А. 592
 Кутуй Г. 676
 Куузик Т. 308
 Кучас А. 97
 Кушнареново, нас. п. 705
 Кыласовские городище 445
 Кыпчаки, этн. 636, 639, 662, 684, 688
 Кютт А. 308
 Кярнер Я. 306
 Кяэр П. 296
 Лабытнаги, нас. п. 419
 Лавансари, о-в 316
 Лавр, им. рел. 559
 Ладва, нас. п. 374
 Ладзину Пеледа (Ивайнайскайте), им. 105
 Ладожское оз. 240, 311, 330, 344, 364, 365
 Лаздинкай, могильник 14
 Лазо С. 779
 Лайдонер Ю. 220
 Лайкмаа А. 250, 305
 Лайцен Л. 186
 Ланкинен Л. Ф. 363
 Ланкутис И. 7, 106
 Лапландия, Лапсия 377, 378
 Лапушны, гор. 797
 Ларев А. 440
 Ласицкий Я. 86
 Латвиешш, этн. 109
 Латвийская ССР, Латвия 7—9, 14, 20, 25, 32, 36, 38, 40—42, 109—208, 210—212, 228, 230, 232, 233, 245, 251, 254—257, 264, 266, 274, 312
 Латгалия, Латгале 60, 109, 110, 112—115, 122, 128—132, 135, 139, 140, 143, 146—148, 150, 152, 153, 158, 159, 164, 173, 180, 182, 192, 370, 374
 Латгалы, летгалы, этн. 109—111, 163, 164, 191
 Латинский язык 109
 Латыши 9, 66, 100, 102, 106, 109—208, 214, 217, 234, 255, 271, 273
 Латышские племена, этн. 162, 181
 Латышский язык 10, 109, 111, 114, 115, 118—120, 185, 186, 202, 203, 205
 Лауринкус Ю. 94
 Лаур Х. 308
 Лаурискин И. 220
 Лаутер А. 308
 Лаурушас В. 104
 Лахденпохья, гор. 344
 Лахт У. 308
 Лацис В. 187
 Лебедев Г. 629
 Лебедев М. Н. 439, 440
 Лебедис Ю. 106
 Леберехт К. 308
 Легзаков Н. 436
 Лейкишкяй, нас. п. 58
 Лейнасаре И. 7
 Лейшциг, гор. 544
 Лекайн Н. 542
 Леканов В. 440
 Леман, р. 444
 Лемминкяйнен, им. фольк. 362
 Лендовщина, нас. п. 317, 322
 Ленин В. И. 186, 217, 376, 407, 505, 513, 671, 674, 746, 747, 770
 Ленинград, гор. 90, 108, 118, 184, 224, 255, 310, 320, 361, 362, 364, 369, 374, 398, 407, 441, 540, 541, 597, 634, 642, 648, 670, 677, 701, 733, 766
 Ленинградская обл. 210, 228, 249, 310—328, 364, 369, 370, 374
 Лениногорск, гор. 644, 649, 672
 Ленпрот Э. 326, 327, 361
 Лентварис, гор. 26, 54
 Лентилий Р. 148
 Лепехин И. И. 592, 767
 Леплей, нас. п. 568
 Лешер Т. 86
 Лермонтов М. Ю. 106, 439, 542, 675
 Лерх-Пушкайтис А. 195
 Лескин А. 88
 Летгалы, этн., см. латгалы
 Летивнинки, этн. см., курши
 Летке Р. 399, 401
 Легго-литовские (балтийские) народы 64, 109, 209, 271
 Легго-литовские (балтийские) языки 10, 211, 227, 245

- Леясциемс, нас. п. 146
 Ливвики, см. карелы
 Ливский язык 202, 203, 207, 208, 211
 Ливония, ист. 112, 202
 Ливы, этн. 109—111, 119, 131, 163, 164, 202—208, 271
 Лидак Х. 143
 Лидере, нас. п. 145
 Лиджиев Э. Н. 765
 Лиджиева У. 770
 Лпелибре (Ийра), нас. п. 203, 206
 Лпелупе, р. 109, 138, 139
 Лпспайский р-н 158, 159
 Лпспайский уезд 154
 Лпепая, гор. 48, 51, 109, 123, 128, 140, 144, 150, 160, 161, 192, 193
 Лпепорай, нас. п. 35
 Лпшвес А. 308
 Лпшв Ю. 304
 Лпшманд К. 306
 Лпшпенбах Ю. 305
 Лпмбажи, гор. 148, 203
 Лпмбажский р-н 158
 Лппейно-ленточная культура, арх. 772
 Лпнкявичус Н. 94
 Лппа, нас. п. 247
 Лпсков Г. Г. 629
 Лптовская ССР, Лптва 7, 8, 9—108, 116, 131, 145, 146, 162, 230, 245, 249, 254, 832, 833, 836, 837
 Лптовский язык 9, 16, 18, 85, 86, 88, 90, 91, 100, 106, 837
 Лптовское Великое княжество 16, 85
 Лптовское государство 17, 18, 86
 Лптовцы, этн. 9—108, 113, 115, 118, 120, 123, 271, 634, 837
 Лпфляндия, ист.-геогр. 115, 181, 182, 215, 228
 Лпфляндская губ. 114—116, 182, 215, 303
 Лпхачев М. П. 469
 Лпхославльский р-н 329
 Лпхула, нас. п. 301
 Лобасски, нас. п. 567
 Лобода, им. 777
 Ловозеро, нас. п. 379, 381, 383, 385—389, 391, 392, 395—398
 Ловозерский погост, нас. п. 379
 Ловозерский р-н 377, 379, 383, 385, 398
 Логп, нас. п. 315, 318
 Лодейное поле, нас. п. 369
 Лодейнопольский р-н 364, 369, 370, 374
 Лоза, р. 490
 Лозовский р-н 771
 Лозып, нас. п. 410
 Ломпосовский р-н 317
 Лондоп, гор. 88
 Лопари, см. саамы
 Лопарская, нас. п. 384
 Лопарский язык, см. саамский язык
 Лопьял, нас. п. 524
 Лоскутова Л. 7
 Лубана, нас. п. 161
 Лубанское, оз. 137, 139
 Луга, р. 310—313, 316
 Лудза, гор. 148, 161
 Лудзенский р-н 210
 Лудзенский уезд 116, 154
 Лудзи Норья, нас. п. 491
 Лужанин А. 507
 Лужня (Луж), нас. п. 203
 Луза, р. 399—401
 Лузская Пермца, нас. п. 404
 Лукин Ф. 629
 Лукояновский уезд 563
 Лукояновский р-н 580
 Лукс В. 187
 Лукьянов А. 591
 Лукьянченко Т. 7
 Лумбила, нас. п. 347
 Лумбовка, нас. п. 382, 386
 Лумбовский погост 379
 Луоке, нас. п. 34
 Лупан А. 828
 Лупья, р. 444
 Луришь Я. 128
 Луот-Хозпк, им., рел. 395
 Лутс А. 7
 Лутс О. 304, 305
 Лутфуллин А. 741
 Лудк, гор. 836
 Лыткин В. И. 439
 Лыткин Г. С. 439
 Лядины, нас. п. 360
 Ляэнемааский уезд, Ляэнемаа 213, 275, 276
 Лямин М. 507
 Ляте А. 305
 Магинская А. 105
 Магшигорск, гор. 705
 Мадершпек Я. 193
 Мадопа, нас. п. 145
 Мадонский р-н 155
 Мадьярские племена 685, 687
 Мажвидас М. 18
 Мажитов Н. А. 686, 687
 Мазирбе (Ире), нас. п. 203, 204, 206
 Мазсалац, нас. п. 165
 Майкор, нас. п. 457
 Майн М. 542
 Майоров Д. 507
 Майронис, им. 105
 Макарий, архиепископ 311
 Макаров Г. Н. 360
 Макаров Ю. 769
 Макарсикт, нас. п. 423
 Македонцы, этн. 807
 Максатихинский р-н 329, 338
 Максимов С. М. 629
 Малая Пурга, нас. п. 490
 Малдонис А. 106
 Малинен А. 361
 Малмейстер А. 184
 Малмыж, гор. 480
 Малмыжский уезд 478, 480, 497
 Малов С. Е. 639
 Малодербетовский улус 748, 754
 Малта, нас. п. 161
 Малые Ичалки, нас. п. 567
 Малый Кизил, р. 682
 Малый Уркат, нас. п. 568
 Малявш Ф. А. 544
 Мамадыш, гор. 480
 Малышев Д., см. Морской Д.
 Мальденяй, нас. п. 93
 Мамаев И. И. 545
 Мамолаево, нас. п. 568
 Мангалп, гор. 140
 Манджкеш Э. П. 770
 Манжкеш Н. 768
 Маннинен И. 306
 Маннур Ш. 676
 Манси, этн. 401, 416, 446

- Манычский улус 754
 Марамуреш, геогр. обл. 775
 Марийские племена 474
 Марийцы, мари, этн. 491, 493, 498, 510—547, 550, 562, 577, 578, 584, 585, 598, 600, 610, 617, 619, 639, 640, 646, 685, 698
 Марпец, нас. п. 528
 Мариинский посад, гор. 513, 518, 604
 Марийская АССР 472, 497, 499, 510—547, 634
 Марийский язык 511, 518, 524, 540—542
 Маритурекский р-н 517
 Маргушоль, см. Жданов
 Маркелов М. Т. 589
 Марков А. Т. 770
 Маркс К. 88, 505
 Марцингонис, нас. п. 46
 Марцинявичюс И. 105
 Марцинявичюс Ю. 106, 107
 Масгоните М. 7
 Матвеев А. А. 375
 Маттиа, нас. п. 316, 318
 Матулис Ю. 91
 Матюковский Г. 542
 Матюнин, им. 480
 Мацгонис, нас. п. 68
 Мацкявичус А. 20
 Мацкявичус В. 96
 Мачис-Кекштас И. 104
 Мачюлис-Майронис И. 104
 Машезерский В. И. 360
 Маяковский В. В. 542
 Мегра, нас. п. 364
 Мегрега, р. 346
 Медведев Г. А. 507, 544
 Медведевский р-н 518, 526, 531, 532
 Медвежьегорск, гор. 334, 344, 349
 Медвежьегорский р-н 329, 339, 341, 343, 349, 352, 353
 Межелайтис Э. 106, 193
 Мезень, р. 400, 401, 422—424
 Мекка, гор. 638
 Мелеуз, гор. 713
 Мелнгайлис Э. 188, 189, 193, 195
 Мелнисилс (Мустанум), нас. п. 203
 Мельникайте М. 96
 Мельников А. 327
 Мемеев В. 770
 Менделеево, нас. п. 454
 Меннинг К. 305
 Меркель Г. 215
 Меркене Р. 7.
 Меркис В. 7
 Меркушкин Г. 592, 596
 Мерсрагс, нас. п. 140, 152
 Мещера, этн. 553
 Мивасс, гор. 705
 Мивасс, р. 682, 688, 689
 Миесник К. 188, 190
 Микай Г. 542
 Микельторник (Пица), нас. п. 203
 Микелас Ю. 96
 Микенайте А. 7
 Микко Л. 309
 Миколайтис-Путинас В. 105, 106
 Микунь, гор. 419, 422
 Милкунай, нас. п. 75
 Мильвиджай, нас. п. 59
 Милюнас В. 106, 108
 Милос В. 7
 Миндовг, им. 17
 Минеральные Воды, гор. 753
 Минин И. 470
 Минск, гор. 51, 194
 Мискула, нас. п. 327
 Митрей К. (Кореланов Д.) 507
 Митрофанов Д. А. 545
 Мифтахов С. 737
 Михаил Лигуан 86
 Мицкевич А. 86
 Мицкявичюс-Капсукас В. 22, 105
 Мишейнай, арх. 12
 Можжаев С. 470
 Можга, гор. 430, 490
 Можга, нас. п. 491, 494, 502
 Можгин М. 507
 Можгинский уезд 502
 Мозуронас В. 106
 Мокша, р. 548, 550, 552, 558, 567, 582
 Мокшанский язык 548, 549, 557
 Молдаване, этн. 771—831, 835, 836, 839
 Молдавская ССР 6, 7, 771—832, 834—836, 839
 Молдавский язык 772, 824, 828
 Молдова, княжество 838
 Молодцов В. А. 434
 Монголия 743, 745, 767
 Монголы, этн. 511, 536, 552, 688, 768
 Монтвила В. 105
 Моора А. Х. 7
 Моора Х. А. 7, 8, 309
 Моргауши, нас. п. 625
 Мордва (мокша, эрзя), этн. 459, 475, 498, 510, 511, 519, 527, 531, 539, 548—597, 598, 636, 638, 640, 646, 685
 каратаи 549, 571, 577, 580, 581
 терюхане 549
 Мордовская автономная обл. 556
 Мордовская АССР, Мордовия 548—597, 634, 785
 Мордовский нац. округ 556
 Мордовские Каратаи, нас. п. 549
 Мордовские племена, этн. 474, 550—552
 Мордовское Давыдово, Рузаевского р-на, нас. п. 573, 583
 Мордовское Давыдово, Саранского р-на, нас. п. 568
 Моркинский р-н 518, 520, 538
 Моркунас К. 98
 Моро А. 592
 Морской Д. (Малышев Д.) 591
 Моршанск, гор. 564
 Москва, гор. 41, 90, 97, 108, 118, 184, 194, 255, 293, 311, 361, 362, 367, 378, 402, 403, 420, 446, 476, 481, 490, 505, 524, 540, 541, 542, 544, 545, 547, 553, 559, 564, 567, 594, 597, 606, 607, 625, 636, 639, 644, 647, 648, 677, 701, 733, 766, 831, 835
 Москва, р. 123, 420, 550
 Московское государство 402, 403, 446, 476, 553, 569, 639
 Мотовский погост, нас. п. 379
 Мочалище, нас. п. 529
 Мугасто Х. 306
 Музафаров М. 677
 Муктадир, им. 686
 Мульгимаа, ист.-геогр. 216
 Мунтения, ист.-геогр. 810
 Мурманск, гор. 386, 398
 Мурманская обл. 377, 379, 384, 385, 387, 389, 393, 394, 396, 397

- Мурома, этн. 551
 Муромская земля, ист.-геогр. 551
 Муртазин Р. 739
 Муруз А. 787
 Мусоргский М. П. 596
 Мустанум, см. Мелисиле
 Мууга Л. 309
 Мухамедьяр, им. 675
 Мухин Н. 542
 Муху, о-в 209, 233, 240, 276, 277, 279, 291
 Мысов П. 441
 Мысы, нас. п. 455, 468
 Мэвл Колый, им. 675
 Мэрген К. 736
 Мяо-Кью, нас. п. 263
- Набажас И. 104
 Набережные Челны, гор. 644
 Наджми К. 676
 Наджми Н. 736
 Надрувы, этн. 13
 Надрожье, нас. п. 375
 Наливайко С. 777
 Налитово, нас. п. 568
 Наполеон, им. 675
 Нарбут Т. 86
 Нарва, гор. 210, 217, 218, 222—224, 259, 260, 310, 317, 320
 Нарва, р. 210, 222, 224, 239, 240, 251, 310, 311
 Наровчат (Мухши), гор. 552, 638
 Нарьян-Мар, гор. 398
 Насыри И. 736
 Насыри К. 631, 642, 675
 Науёй Акмяне, нас. п. 30, 54
 Науялис Ю. 103
 Небольсин П. 767
 Нева, р. 310—312, 330
 Невинномысский канал 751
 Невяшай, гора 10
 Нежнево, нас. п. 318
 Некрасов Н. А. 439, 542
 Нелай, нас. п. 568
 Неман, см. Нямунас
 Немецкий язык 10, 114
 Немцы, этн. 33, 106, 112 — 115, 119, 202, 211, 259, 316
 Невцы (самоеды), этн. 377—381, 383, 386, 393, 399, 414
 Неовгус, им. 327
 Неринга, гор. 10
 Нерис Саломея 100, 105
 Нерис (Вилня), р. 10, 11, 15, 37, 52—54
 Нерлей, нас. п. 568
 Нестор, им. 14
 Нефедов-Эрзья С. Д. 594
 Нефтекамск, гор. 713
 Небдин, нас. п. 30, 426
 Нигмат Р. 736
 Ниедре Я. 187
 Нижегородский уезд 555
 Нижегородская губ. 513, 555, 557, 562, 563
 Нижнее Енозеро, оз. 381
 Нижние Юри, нас. п. 490, 491
 Нижний Новгород, гор. 518, 551, 552, 563, 601
 Нижнекамск, гор. 644
 Нижняя Омра, нас. п. 422
 Нийт Э. 308
 Никон, патриарх 554
 Николаев А. 632, 633
- Николаев С. Н. 542, 545, 632
 Николаевская обл. 837
 Николай, им. рел. 559
 Никша В. 94
 Ница, нас. п. 165
 Ницаская волость 165
 Нишки-паз, см. Вере-паз
 Новая Березовка, нас. п. 456
 Новая Пырма, нас. п. 568
 Новгород, гор. 311, 332, 365, 378, 402, 403
 Новгородская губ. 115
 Новгородская земля, ист.-геогр. 113
 Новгородская обл. 329
 Новгородская феодальная республика 311, 324, 330, 332
 Новицкая А. 7
 Новогрудок, гор. 16
 Новоселова, им. 544
 Новоросси́йский край, Новороссия 838, 839
 Новосибирск, гор. 447, 648
 Новосибирская обл. 118, 443
 Новые Галерканы, нас. п. 799, 802, 804, 805
 Новые Ичалки, нас. п. 567
 Новый, гор. 797
 Ногайцы, этн. 634, 639, 743
 Ногайская Орда, ист. 688
 Нойдала, нас. п. 367
 Номинханов Ц., им. 743
 Норвегия 378
 Норильск, гор. 420
 Норья, нас. п. 491
 Носели, нас. п. 520, 544
 Нотозеро, оз. 381
 Нотозеро, нас. п. 381, 386
 Нугуш, р. 682
 Нуриманов В. 692
 Нурлат, гор. 644
 Нурмухаметов Р. 741
 Ныргында, нас. п. 513
 Нюлесмурт, им. фольк. 479
 Нявежис, р. 52, 60, 62
 Нямунайтис, нас. п. 47
 Нямунас, р. (Неман) 10, 15, 16, 19, 21, 26, 32, 37, 46, 49, 51, 52, 54, 60, 99
- Обонежье, геогр. 330, 331, 335
 Обь, р. 419
 Объячево, нас. п. 424, 440
 Огузы (узг), этн. 686, 835
 Одесса, гор. 777, 796, 838
 Одесская губ. 838, 839
 Одесская обл. 835, 837, 839
 Ода́ Мико, им. 293
 Озолнь Я. 189
 Ойратский язык 765
 Ойраты, этн. 743, 765, 768
 Ока, р. 511, 550—552, 638, 639
 Окас Э. 308
 Октябрьский, гор. 706, 713
 Оланга, нас. п. 349
 Олонец, гор. 344, 361
 Олонецкая губ. 334
 Олонецкий перешеек 332, 335, 365
 Олонецкий р-н 329
 Олонецкий уезд 336, 337
 Олонецкое наместничество 366
 Олонка, р. 346
 Олтеня, геогр. 806, 810
 Оля — Каспийский канал 751

Омская обл. 118
 Онежское оз. 343, 344, 364, 378
 Опочка, нас. п. 248
 Орай Д. 542
 Ораншенбаум, гор. 316
 Орвику К. 309
 Орге, гор. 150
 Оргеев, гор. 796
 Оргеевский р-н 771, 797, 799, 803—805
 Ордеж, р. 313
 Орел, гор. 150
 Оренбург, гор. 567, 642, 648, 679, 704, 706, 714, 732
 Оренбургская губ. 557, 689, 691, 692, 694, 731, 746
 Оренбургская обл. 510, 548, 570, 571, 581, 634, 682, 689
 Орпенлахти, зал. 331
 Орпенсаарп, о-в 331
 Оркино, нас. п. 589
 Орлова Л. А. 544
 Орлов-Шузым А. 629
 Орлы, нас. п. 318
 Орхей, гор. 797
 Оса, гор. 507
 Осака, гор. 544
 Осетины, этн. 636
 Осис Я. 189, 190
 Осипов Б. 544
 Османская империя 838
 Осташева Д. М. 411
 Осташково, нас. п. 241
 Остров, гор. 248
 Островский, А. Н. 470
 Осьмин И. 542
 Осьмино, нас. п. 316
 Отс Г. 308
 Оттар, им. 378
 Ошта, нас. п. 364
 Оять, р. 364, 365, 370, 375

 Падурская волость 114
 Павлов Г. 597
 Павлов Ф. П. 628, 629
 Пайде, гор. 254, 259
 Пайдеский р-н 237, 269
 Пайсту, геогр. 292
 Пазрепкий погост, нас. п. 379
 Паланга, гор. 10, 12, 94, 96, 146
 Палангская вол. 116
 Палантай И. С. 546
 Палдиски, гор. 241
 Палестина 832, 833
 Палестрина Д. 300
 Павел I 539
 Паллас П. С. 743, 767
 Палтанавичюс В. 104
 Пальмова Н. Н. 767
 Паневежис, гор. 9, 18, 21, 40, 53, 89, 107
 Паневежский р-н 39, 50
 Панкрушев Г. 7
 Папиле, нас. п. 96
 Паплинис 12
 Парамонов Т. П. 629
 Параске Ларин 327
 Париж, гор. 306, 592, 738, 744
 Паукштялис И. 105
 Паукштялис Ю. 106
 Паулан А. 192
 Пахомова М. Ф. 360
 Пашкаускайте Л. 97
 Паша, р. 335, 364
 Пашков В. К. 767
 Паэгле Л. 186, 187
 Пегельман Х. 218, 224, 305
 Пейве Я. 184
 Пелекайтс К. 186
 Пельмин-Бор, нас. п. 456
 Пенза, гор. 566, 648, 679
 Пензенская губ. 550, 565, 570, 579, 584, 587
 Пензенская обл. 548, 568, 578, 580, 581, 634
 Пергамент Р. 375
 Перевощиков С. 507
 Перевощикова А. И. 505
 Перевелица Я. 442
 Пермская губ. 479
 Пермская обл. 400, 413, 436, 443, 444, 454, 455, 472, 510, 634, 682
 Пермский край 446, 448
 Пермский уезд 446, 447
 Пермь Великая, ист.-геогр. 446
 Пермь Вычегодская, ист.-геогр. 401, 446
 Пермь, гор. 448, 451, 454, 460
 Перспетис, им. 185
 Пертту П. 362
 Перттунен А. 327, 361
 Перттунен М. 326
 Перун, им. рел. 776
 Пески, нас. п. 318
 Пестречинский р-н 531, 669
 Петербург, гор. 21, 40, 41, 51, 123, 217, 240, 243, 248, 304, 306, 316, 317, 338, 553, 770
 Петерсон К.-Я. 303
 Петербургская губ. 115, 210
 Петерсон-Сяргавя Э. 304
 Петр, им. рел. 559
 Петр I 297, 407, 476, 744, 768, 828
 Петрашонай, городище 12
 Петри И.-Хр. 215
 Петров 487
 Петров К. 592
 Петров М. 507
 Петров Наволок, нас. п. 349
 Петроград, гор. 218
 Петрозаводск, гор. 333, 334, 344, 345, 361, 363, 364, 374
 Петрозаводский уезд 336, 397
 Петцольд А. 208, 275
 Печенегский погост 379
 Печенеги, этн. 552, 686, 775
 Печора, гор. 407, 421, 425, 429, 438, 440, 442
 Печора, р. 399, 400, 401—404, 410, 413, 416, 418, 420—424, 429, 437, 438, 442
 Печорский р-н 210, 415, 418
 Пнебалга, нас. п. 144, 145, 148
 Пиль-Егор, нас. п. 423
 Пименов В. 7
 Пименовы, им. 700
 Пинн П. 305
 Пинь Д. (Важенев) 507
 Пинясов Я. 592
 Пирчюлис, нас. п. 96, 97, 107
 Писарев А. 507
 Питкяранта, гор. 344
 Питрага (Пийтрыг), нас. п. 203
 Пландин И. М. 544
 Планицкая волость 114
 Плано Карпини, им. 475
 Плаудэ К. 184

- Плевна, гор. 827
 Плудон В. 185
 Плюсса, р. 310
 Повенецкий уезд 336
 Повенчанка, р. 340
 Повисленье, геогр. 13
 Поводимово, нас. п. 568
 Поволжье, геогр. 5, 6, 210, 473, 490, 491, 510—513, 518, 519, 527, 544, 545, 549—554, 563, 572, 575, 584, 598—602, 624, 636, 637, 639—641, 643, 648, 662, 669, 676, 677, 680, 684, 686, 687, 689, 690, 716, 761
 Подгорное Конаково, нас. п. 575, 578
 Поднепровье, геогр. 13
 Поднепровье, геогр. 775, 808
 Подойщицы, нас. п. 783
 Подпорожье, гор. 364
 Подужемье, нас. п. 343
 Пожва, нас. п. 454, 457
 Позднеев А. А. 767
 Позднеев П. 507
 Познань, гор. 544
 Покча, нас. п. 419
 Половцы (кumanы), этн. 775, 835
 Полоруссов-Шелеби Н. П. 628
 Полочное наместничество 113
 Полтава, гор. 796
 Польский язык, 85, 90
 Польское королевство 19
 Польша, Польская Народная Республика 9, 17, 23, 24, 55, 85, 108, 112, 113, 144, 173, 220, 332, 440, 487, 747, 773, 833
 Полуд, им. фольк. 468
 Поляки, этн. 33, 61, 106, 113, 115, 118, 164, 173, 807, 832, 837
 Полозеро, оз. 383
 Поляков В. В. 436
 Полянки, арх. 572
 Помоздино, нас. п. 422, 438
 Пондала, нас. п. 365, 368, 375
 Поной, нас. п. 9, 379
 Поной, р. 381—383
 Понойская волость 379
 Пооятье, геогр. 369
 Попов, о-в 334
 Попов А. 767
 Попов Н. В. 470
 Попов С. А. 440
 Порхов, гор. 248
 Посошков И. Т. 553
 Постников В. 436
 Потемкин Г. А. 327
 Похвист, им. рел. 776
 Пошка Д. 86, 104
 Поянское селенье, арх. 803
 Прага, гор. 52
 Пранскус-Жалюнис Б. 105
 Пранскус В. 106
 Предволжье, геогр. 599
 Предкамье, геогр. 663
 Преториус М. 86
 Приазовье, геогр. 599, 636, 836, 838, 839
 Приаралье, геогр. 686
 Прибалтийско-финские племена 202
 Прибалтийско-финские (западно-финские) языки 202, 211, 310, 329, 364
 Прибалтика 5, 6, 13, 21, 31, 60, 100, 113, 136, 172, 174, 184, 201, 202, 204, 207, 208, 212, 214, 216, 217, 224, 228, 233, 244, 249, 257, 259, 264, 269, 271, 272, 309, 314, 321, 353, 364, 493
 Прибалто-финны, этн. 294, 365, 371
 Приботния, см. Каянская земля
 Приднестровье, геогр. 802
 Прикамье, геогр. 401, 444—446, 448, 474, 477, 491, 636, 643, 644, 693
 Прикаспийская низм. 742, 748
 Прикумск, гор. 753
 Приладожье, геогр. 312, 330, 331, 333, 335
 Приозерск, (Корела) гор. 332
 Приозерный р-н 753
 Прионежский р-н 347, 349, 351, 364
 Прионежье 365, 369, 370
 Приуралье 5, 449, 459, 472, 473, 477, 600, 634, 636, 639, 640, 643, 645, 646, 649—651, 659, 662, 674, 677, 682, 685—688
 Причерноморье, геогр. 445, 774, 797, 835, 838
 Причудье, геогр. 214, 239, 240, 243, 295, 297
 Прозрителев И. Г. 767
 Прокопьев М. 507
 Прокофьев С. 108
 Протва, р. 13
 Пруссия 16, 19, 65, 87, 88, 101
 Пруссия Восточная 21, 40, 86
 Пруссы, этн. 15
 Прут, р. 771, 774, 791
 Псков, гор. 246, 248
 Псковская губ. 115, 129, 145, 210, 233
 Псковская обл., Псковщина 118, 145, 210, 228, 248, 249, 253, 274, 297
 Псковское, оз. 212
 Птоломей, им. 13
 Пугачев Е. И. 478, 479, 512, 555, 569, 589, 600, 639, 675, 690, 744
 Пудож, гор. 324, 344
 Пудья, нас. п. 448
 Пулозеро, нас. п. 381, 383, 386
 Пулозеро, оз. 381
 Пундзюс В. 96
 Пурвит В. 188
 Пумгур А. 185
 Пургас, им. 552
 Пургине-паз, им. рел. 559, 590
 Пурей, им. 552
 Пуро Можга, нас. п. 491
 Пустозерский уезд 404
 Пуусепи Л. 305
 Пушкин А. С. 106, 439, 507, 542, 675, 731, 798
 Пушкин Г. М. 546
 Пушгорюс А. 94
 Пучилин Д. 195
 Пылавский р-н 249, 299
 Пыстия И. И. 440
 Пьяна, р. 552
 Пьяноборская культура, арх. 445, 473, 511, 636, 635, 686
 Пярн Л. 220
 Пярну, гор. 222, 235, 243, 252, 259, 289
 Пярну, р. 240, 244, 251
 Пярнуский зал 239, 240
 Пярнуский уезд 275, 276
 Пятравичюс З. 96
 Пятраускас К. 108
 Пятраускас М. 88, 103
 Пятрулис Н. 96
 Радвилишкис, гор. 21, 54

- Радимов П. А. 544
 Радлов В. В. 637
 Разин С. Т. 478, 512, 555, 569, 600, 639, 744
 Райнис Я. 185, 186
 Раквере, гор. 259
 Раннет Э. 308
 Раплаский р-н 237, 247
 Рамешковский р-н 329
 Расейняй, гор. 25, 96
 Рауд Кр. 291, 305
 Раудуве П. 97
 Рауна, нас. п. 144
 Раутанен Ю. О. 363
 Рауто К. 362
 Рахмоов К. 738
 Рахманшинов С. В. 195
 Рачева И. Г. 411
 Рачюнас А. 104
 Ревель, гор., см. Таллин
 Регратис А. 105
 Редикар, нас. п. 455
 Реза Л. 101
 Резекне, гор. 145, 160, 161, 170
 Резекненский уезд 116
 Резина, гор. 797
 Резинский р-н 783, 791, 794, 797, 810, 811, 819
 Реймерис В. 106
 Рейндорф Г. 308
 Ремезов Н. В. 712
 Реут, р. 771, 802, 803, 805
 Решетников Ф. М. 447
 Рига, гор. 20, 38, 40, 41, 48, 56, 90, 109, 112—115, 117, 121, 123—125, 128, 136, 140, 144, 150, 151, 160—162, 181—183, 188, 189, 193—195, 203, 217, 243, 248, 250, 252, 268
 Ридзене, р. 160
 Рижская губ. 113
 Рижский зал. 109, 138, 140, 158, 202, 203, 243
 Рижский р-н 136
 Рижский уезд 116
 Римберг Бременский, пм. 14
 Римкявичюс В. 106, 107
 Римляне, этн. 773, 774
 Римская империя 774, 775
 Римша П. 95
 Риннюкалне, городище 138
 Рихтер Г. Д. 378
 Роговая, р. 401
 Роданово, городище 445
 Рождественское городище 445
 Розенберг Э., см. Аспазия
 Розенталь Я. 188
 Рокшис, гор. 19, 41
 Рокшиский р-н 60
 Роккеллис Ф. 187
 Рокчинский Г. О. 770
 Роман Красивый, пм. фольк. 437
 Романские языки 772
 Романды, этн. 775
 Ромешковский р-н 361
 Ромны, гор. 51
 Ромодановский р-н 560
 Роос Э. 308
 Российская империя 116, 160, 746
 РСФСР 9, 10, 32, 44, 124, 225, 254, 255, 259, 377, 379, 470, 472, 480, 481, 494, 565, 587, 605, 623, 632, 682, 697, 730, 739, 747, 749, 756, 766, 771, 790.. 832, 834
 Россия 9, 10, 19—22, 36, 40, 123—125, 144, 181, 182, 192, 215, 223, 232, 242, 251, 264, 303, 312, 332—334, 418, 419, 439, 443, 454, 465, 466, 472, 479, 481, 489, 500, 502, 513, 515, 521, 537, 554—556, 565, 575, 587, 599, 623, 632, 640, 642, 643, 689, 691, 692, 697, 699, 700, 701, 714, 730, 743, 744, 746, 747, 765, 767, 770, 777—779, 782, 785, 788, 789, 796, 799, 828, 832—835, 837, 838
 Россонь, р. 316
 Ростов, гор. 753
 Ростовская обл. 742, 770
 Рочев Я. 440
 Ругоев Я. 363
 Рудайчий могильник, арх. 14
 Руденко С. И. 685
 Рудзит М. 187
 Рудзутак Я. 116
 Рузаевка, гор. 564, 567, 570, 606, 648
 Рузаевский р-н 559, 567, 568, 571, 573, 581, 583, 584, 592
 Рузгай, нас. п. 93
 Румынская Народная Республика, Румыния 487, 771, 773, 775, 777, 780, 784, 785, 788, 810, 824, 838
 Румынский язык 772
 Румыны, этн. 805, 807, 837
 Русша А. С. 441
 Русские, этн. 33, 36, 60, 100, 118, 120, 123, 164, 203, 210, 211, 214, 217, 231, 240, 241, 255, 259, 311, 312—314, 317, 338, 342, 343, 350, 352, 353, 357—359, 361—363, 365, 372, 376, 383, 393, 432, 438, 444—446, 448, 450, 455, 475, 477, 478, 491, 510, 513, 519, 534, 540, 549—551, 553, 554, 558, 561, 562, 564, 577, 578, 581, 584, 587, 599, 600, 636, 638—640, 642, 689, 693, 697, 712, 722, 729, 742, 753, 771, 772, 834, 835
 Русский язык 10, 16, 90, 118, 182, 184, 209, 312, 314, 317, 329, 330, 360, 377, 397, 440, 443, 457, 459, 465, 476, 508, 511, 512, 542, 549, 553, 566, 587, 599, 623, 676, 700, 732, 734, 736, 766, 767, 769, 772, 779, 780, 824, 832, 836, 837, 839
 Русское государство 312, 329, 332, 365, 446, 511, 512, 551, 553, 599, 619, 620, 639, 640, 654, 662, 688, 689, 692, 699, 706, 712, 723, 743
 Русское княжество 551
 Рустемас И. 95
 Русь 160, 181, 474, 475, 599
 Рутка, р. 510
 Рухну, о-в 231, 243
 Руцава, нас. п. 144, 148, 165
 Руцавская вол. 166
 Рыбачий п-в 378
 Рыбная слобода, нас. п. 531, 680
 Рыбница, гор. 797
 Рыбницкий р-н 811
 Рыбрека, нас. п. 366, 367, 374
 Рышканский р-н 817
 Рябов А. П. 589
 Рязанская обл. 550, 634
 Рязань, гор. 550
 Саамы, лопари, этн. 332, 337, 353, 355.. 365, 377—398, 416

- Саамский р-н 379
 Саамский (лопарский) язык 377, 378
 Сааремаа, о-в 204, 205, 209, 213, 228, 230, 231, 243, 248—251, 262, 264, 266—273, 276, 277, 279, 289, 290, 297, 300
 Сабеево, нас. п. 568, 583
 Сабалюскас А. 102
 Сабитов Н. 739
 Савин В. А. 439, 440
 Савицкас А. 96
 Саво, геогр. 312
 Саволак, погост 330
 Савчина А. 411
 Садовников В. 507
 Сайдашев С. 677
 Сайма, оз. 330
 Сакала, ист.-геогр. 211
 Сакмара, р. 682
 Саксе А. 187
 Саксон Грамматик, им. 365, 377
 Салават, гор. 683, 701, 713
 Салаца, р. 138—140, 142, 203
 Саладгрива, гор. 142
 Саддус, нас. п. 143
 Сальют, этн. 688
 Салам Г. 736
 Самара, гор. 555, 705
 Самара, р. 682
 Самарская губ. 555, 557, 579, 586, 601
 Самарская лука, геогр. 554
 Самарканд, гор. 648
 Самбиц, этн. 13
 Самодийские языки 377
 Самоеды, см. ненцы
 Санджигев Н. А. 770
 Сапаев Э. 547
 Сапожниковы, им. 745
 Саранск, гор. 548, 549, 556, 564—567, 569, 570, 585, 588, 594—596
 Саранский р-н 564
 Саранский уезд 569
 Саранул, гор. 477, 480, 481, 485, 489, 490, 493, 494, 504, 508
 Саранский уезд 480, 482, 485, 497
 Саратов, гор. 566, 648
 Саратовская губ. 554, 555, 557, 579, 584, 601
 Саратовская обл. 548, 550, 554, 559, 568, 598, 634, 682
 Саратовский уезд 589
 Сарматы, савроматы, этн. 636, 685, 683, 773, 774
 Сарпинский р-н 753, 764
 Саснаускас Ч. 103
 Саттаров Ф. 738
 Саука Л. 7
 Саулитис В. 187
 Саулкрасты, нас. п. 150
 Саулявичюте Е. 108
 Саунага (Сяныг), нас. п. 203
 Сахалин, о-в 598
 Сая К. 106, 107
 Сванский Волочок, нас. п. 332
 Свемп Л. 190
 Свенцеле, нас. п. 47, 65
 Свердлов Я. М. 642
 Свердловск, гор. 470, 644, 648, 733
 Свердловская обл. 510, 634
 Свечков Н. 470
 Свирь, р. 330, 364, 365
 Свяга, р. 330, 598, 637
 Свяжск, гор. 648
 Святозеро (Пухярви), нас. п. 346
 Северная Двина, р. 365, 402, 445, 446.
 Северное море 45, 252
 Северный Ледовитый океан 380, 381
 Сежега, гор. 334, 342, 344
 Сежежский р-н 329, 361
 Седа, р. 140
 Сейд-озеро, нас. п. 387
 Сейскари, о-в 316
 Сельга, нас. п. 339
 Селы, этн. 110, 111, 164
 Семашкевич М. Р. 8
 Семейское, нас. п. 318
 Семенов-Таер Т. С. 628
 Семилей, нас. п. (Кочкуровский р-н) 568.
 Семилей, нас. п. (Рузаевский р-н) 568.
 Семностровский погост, нас. п. 379
 Семнострове, нас. п. 386
 Семпер И. 306
 Сенкай, арх. 14
 Серяковский, нас. п. 20
 Сербы, этн. 806, 807, 837
 Серебрянка, нас. п. 456
 Середжюс, городище 14
 Серет, р. 774
 Серменево, нас. п. 731
 Сернур, нас. п. 524
 Сернурский р-н 515, 525, 531, 532
 Сету, этн. 210, 216, 231, 232, 244, 255, 256, 266, 274, 277, 279, 289, 296, 298—300
 Сеченов Д. 554
 Спбай, гор. 705, 706, 713
 Сибеллус Я. 327
 Сибирское ханство 688
 Сибирь 87, 115, 210, 251, 392, 397, 403—405, 414, 418, 438, 446, 447, 450, 451, 490, 545, 548, 554, 598, 634, 685, 686, 690, 704, 715, 742, 743, 747, 770
 Сигизмунд Август им. 18
 Сигулда, гор. 203
 Сидушкин Н. А. 546
 Сизяцур Норья, нас. п. 491
 Сийкрыг, см. Сикрага
 Сикрага (Сийкрыг), нас. п. 203
 Силаяни, геогр. 148
 Силламяэ, гор. 225
 Сильшонис, нас. п. 65
 Сим, р. 682, 688
 Симбирск, гор. 569, 624
 Симбирская губ. 579, 587, 624
 Симонайтис П. 105, 106
 Симонов К. М. 542
 Сипдорское, оз. 400
 Синцлов А. 506
 Сиписало Г. Н. 361, 362
 Сирге Р. 308
 Сиса, р. 316
 Скальвы, этн. 13
 Скандинавия 110, 230, 232, 245, 249, 377, 378
 Сырутите А. 97
 Сяифы, этн. 808
 Сялюгаускас П. 108
 Скривери, нас. п. 161
 Скрунде, нас. п. 143, 146, 161
 Скрыбин С. 632
 Скуинь Э. 187
 Скулме О. 190
 Скулте А. 189.

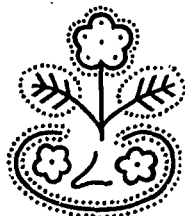
- Скуодас, нас. п. 146
 Скуодасский р-н 59
 Слава М. 7
 Славюнас З. 102, 104
 Славяне, этн. 16, 64, 67, 109, 271, 310, 324, 445, 493, 511, 550, 774, 775, 782, 797, 804, 805, 808, 822
 восточные, этн. 60, 111, 202, 212, 281, 331, 772, 775
 южные, этн. 775
 Славянские племена, этн. 445, 550, 552, 775
 Славянские языки 211, 227
 Слободская вол. 406
 Слободской уезд 476
 Словаки, этн. 807, 837
 Словацкий Ю. 86
 Слока, нас. п. 150
 Слоним, гор. 16
 Слуцкис М. 106
 Смаковский В. 95
 Смильгис Э. 188, 189
 Смилтене, нас. п. 134, 145, 146, 148
 Смирнов А. П. 445, 511, 552, 638
 Смирнов И. Н. 524, 586
 Смирнов К. А. 546
 Смуглявичюс П. 95
 Смуул Ю. 308
 Советский р-н 285, 292, 531
 Советкин Ф. Ф. 589
 Содейка А. 108
 Сойккола, нас. п. 327
 Сойкинский п-ов 316, 319
 Соликамск, гор. 446
 Соликамский уезд 450
 Соловецкий монастырь 332, 379
 Сольвычегодский уезд 404
 Сонгельский погост 379
 Сорока, гор. 334
 Сорочки, гор. 796, 797
 Сортавала, гор. 344
 Сортавальский р-н 329
 Сосновка, нас. п. 382, 386
 Сосновский погост 379
 Сосногорск, гор. 422
 Сотнурский р-н 379
 Сотчема, нас. п. 406
 Сочш, гор. 194
 Спасская губа, нас. п. 346
 Спиридонов М. 632
 Спировский р-н 329
 Средиземноморье 13, 249
 Средняя Азия 492, 497, 548, 634, 641, 662, 680, 685, 690, 704, 714—716, 742, 743
 Сруога Б. 106, 108
 Ставрополь, гор. 753
 Ставропольская губ. 746
 Ставропольский край 742, 770
 Станявичюс С. 101, 102, 104
 Старкопф А. 306, 308
 Старая Пырма, нас. п. 568
 Старица, нас. п. 456
 Старо-Кулево, нас. п. 711
 Старое Дракино, нас. п. 568, 583
 Старошайговский р-н 568, 579, 580
 Старые Найманы, нас. п. 568
 Старый Мултан, нас. п. 480
 Стасюнас А. 108
 Сташкявичюте А. 108
 Стеклов В. А. 588
 Степанов Л. 739
 Стерлитамак, гор. 701, 704—706, 712, 713
 Стерлитамакский уезд 692, 694, 703
 Стефан, им. 402, 434, 446
 Стефан III 827
 Сторожсва М. 470
 Сторожевск, нас. п. 422
 Стошкус А. 98
 Страздас А. 104
 Страленберг Ф. 685
 Стремленье, нас. п. 144, 145, 317
 Стрики, нас. п. 148
 Строгановы, им. 446—450, 453
 Строд Г. П. 7, 8
 Стуока-Гуцявичюс Л. 53, 94
 Стучка П. 116
 Стяпоновичюс А. 97
 Субботин-Пермяк П. И. 468
 Сувазы, сувары, этн. 599
 Сувалкечай, см. занеманцы
 Сувалкия, геогр. 10
 Сувалкская губ. 19—22, 40
 Судава (ятвяги), этн. 13—15
 Судайтис, им. 99
 Судины, см. судава
 Судрабалис Я. 187
 Суздаль, гор. 552
 Суздальское княжество 552
 Суйтс Г. 305
 Сулейманова Г. 738
 Суоярви, гор. 344
 Сура, р. 523, 550, 552, 558, 566, 568, 582, 583, 598, 607, 637—639, 700
 Сураев-Королев Г. 597
 Суслонгер, нас. п. 529
 Суткус А. 106
 США 9, 22, 90, 210, 487, 742, 780
 Сызрань, гор. 648
 Сыктывдинский р-н 410, 422
 Сыктывкар, гор. 400, 405—407, 419—422, 433—437, 440—442
 Сырве, п-в 276
 Сырку П. 822
 Сысола, р. 400, 401, 413, 422, 424, 446
 Систеров Д. И. 447
 Сычков Ф. В. 595
 Сютиссте Ю. 305
 Сян-Белгин Х. 768, 770
 Сясь, р. 364
 Табын, этн. 688
 Табынск, гор. 705
 Таврическая губ. 835, 838, 839
 Тагиров А. 731, 736
 Таджикская ССР 682
 Тайшин П. 744
 Такташ Х. 676
 Талава, ист.-геогр. 111
 Талвир А. 629
 Талицкий М. В. 445
 Таллат-Келпша Ю. 103
 Таллин (Ревель), гор. 90, 210, 214, 217, 219, 222—225, 231, 241, 246, 248, 252, 259, 260, 287, 291, 302—307
 Талси, гор. 203
 Талсинский р-н 152
 Тальви А. 308
 Тамберг Э. 308
 Тамбов, гор. 550
 Тамбовская губ. 584

- Тамбовская обл. 550, 634
 Таммлаан Э. 306
 Тампере Х. 7
 Таммсааре А. Х. 304, 305
 Тамьян, этн. 687
 Таналык, р. 682
 Тангауры, этн. 686
 Тароева Р. Ф. 7
 Тарту (Дерпт, Юрьев), гор. 144, 214, 225, 231, 259, 260, 283, 291, 292, 301—306, 309
 Гартуский (Гартумаский) у. 257, 265, 301
 Тасимов И. 699
 Татарская АССР 472, 479, 492, 504, 510, 531, 532, 543, 548, 549, 558, 598, 634—682
 Татарский язык 549, 634, 636, 638, 639, 641, 670, 671, 684, 731, 732, 734, 736, 838
 Татары, этн. 18, 36, 119, 446, 474—477, 482, 491, 510, 527, 531, 539, 549, 550, 552, 553, 561, 564, 566, 577, 584, 598—600, 634—668, 684, 685, 689, 697, 729, 743, 776—778, 838
 Кряшены 636, 639
 Мишари 598, 634, 636, 638—640, 642
 Татаро-монголы, этн. 475, 599, 775
 Таурагнай, оз. 10
 Таурагский р-н 58
 Тауткайте Г. 105
 Тацит Корнелий 13, 209
 Ташкент, гор. 127, 648
 Таураге, нас. п. 92
 Тверская губ. 129
 Тебеньково, нас. п. 469
 Тельшайский р-н 12
 Темников, гор. 570, 580, 638
 Темниковский р-н 548, 561, 574, 575, 578, 579
 Теньгушево, нас. п. 548, 568, 570, 578
 Тешляри, этн. 640
 Терек, р. 746
 Терентьев Н. 629
 Терентьева Л. Н. 8
 Териберка, р. 381
 Терская сторона, ист.-геогр. 378
 Терюшевская вол. 555
 Тетюшский р-н 549
 Тибет 745, 768
 Тиверцы, этн. 775
 Тилберг Я. 188, 190
 Тилон, гор. 701
 Тилгай, нас. п. 39, 58
 Тильвитис Т. 105, 106
 Тиманский кряж 400
 Тимонен А. 362
 Тимофеев В. К. 544
 Тимофеева Г. Т. 628
 Тимошкаева В. Ш. 764
 Тимошкаева Э. С. 764
 Тимшер, р. 452
 Тира, ист.-геогр. 797
 Тирасполь, гор. 780, 795, 797, 798
 Тираспольский р-н 790, 802, 804, 811—813, 830
 Тирлян, гор. 701
 Тируляй, гор. 54
 Титов Г. И. 509
 Тихомиров О. А. 513
 Тобнас Р. 305
 Тобултоқ, им. 827
 Токарев С. А. 685
 Токиево, нас. п. 703
 Толли В. 308
 Толстов С. П. 638
 Толстой А. 106
 Толстой Л. Н. 106, 596, 675
 Томская обл. 118
 Топорнино, нас. п. 705
 Торбеево, нас. п. 570
 Торбеевский р-н 548, 571, 574, 576, 578, 579, 592
 Торгоутовский улус 744
 Торгоуты, этн. 743, 744
 Тори, нас. п. 235
 Торма, нас. п. 302
 Тохтамыш, им. 17
 Тракай, гор. 9, 13, 18, 33, 85, 90, 836
 Трансильвания 775, 785, 806, 810
 Требужены, нас. п. 797, 803—805
 Трейман-Зваргулис Э. 185
 Третьяков П. Н. 378
 Трефурт, им. 322
 Тречус С. 94
 Триката, нас. п. 144
 Триполье, ист.-геогр. 772
 Трипольская культура, арх. 772
 Троицк, гор. 679, 714
 Троицко-Печорск, нас. п. 422, 424
 Трухмены, этн. 475
 Тутлас Ф. 305
 Тутлима, нас. п. 404
 Туймазы, гор. 713
 Тукай Г. 642, 675
 Тулва, р. 688
 Тулома, р. 381, 383
 Тумас-Вайжгангас И. 105
 Тунгуда, нас. п. 360
 Турдаково, нас. п. 567, 568
 Турки, этн. 777, 826, 828
 Туркмены, этн. 686, 743
 Турхан К. 629
 Турция 669, 777, 838
 Турья, нас. п. 413, 425, 429
 Тутынин М. 506
 Тутунару М. 772
 Тюменская обл. 399, 400
 Тюрки, этн. 685—688
 Тюркские народы 474, 636, 743
 Тюркские племена 589, 685, 688, 835, 836
 Тюркские языки 598, 636, 684, 835
 Тюрлем, нас. п. 605
 Убуши-хан, им. 744
 Уганди, ист.-геогр. 209, 211
 Угро-финские языки см. финно-угорские языки.
 Удмуртская АССР, Удмуртия 472—510, 664
 Удмуртский язык 443, 445, 472—509
 Удмурты (Вотяки, Отяки) — этн. 10, 399, 401, 430, 444, 457, 472—511, 531, 562, 584, 585, 610, 636, 640, 685
 Удора, р. 365, 401, 403, 410, 413, 432 437
 Удорский р-н 418, 427
 Удрис И. 147
 Ужуневежис, нас. п. 39
 Узбеки, этн. 119
 Узбекская ССР 682
 Уйфальви М. К. 685
 Укмерге, геогр. 14
 Украинская ССР, Украина 9, 19, 254,

- 473, 747, 771, 773, 777, 790, 792, 832, 834—839
- Украицны, этн. 106, 118, 279, 294, 297, 335, 372, 399, 453, 550, 581, 685, 729, 742, 771, 772, 777, 810, 835, 837, 839
- Украицский язык 772, 837
- Улицы, этн. 775
- Улова И. 7
- Ульянов И. Н. 624
- Ульяновск, гор. 648
- Ульяновская обл. 548, 574, 581, 594, 598, 634
- Улын Юрц, нас. п. 500
- Умба, р. 381
- Умбозеро, оз. 381
- Уметбаев М. 731, 736
- Ушит А. 185, 186
- Ушит Р. 190
- Урал 32, 400, 421, 446—448, 450, 451, 468, 490, 601, 647, 682, 684, 685, 689, 692, 699, 700, 701, 703, 704, 712, 763
- Урал, р. 634, 682
- Уральская обл. 448
- Уреке Г. 828
- Уржумский уезд 513
- Урмары, нас. п. 604, 605, 607, 611
- Урусово, нас. п. 567
- Уса, р. 399, 423
- Усергане, этн. 686
- Усманов Г. 736
- Усольский уезд 446
- Усть-Вымский р-н 413, 415, 429
- Усть-Вымь, нас. п. 401, 402
- Усть-Ижма, нас. п. 422
- Усть-Кожва, нас. п. 422
- Усть-Кулом, нас. п. 406, 422, 424, 440, 441
- Усть-Куломский р-н 413, 422, 426, 429
- Усть-Луга, гор. 316
- Усть-Нарва, гор. 316
- Усть-Сысольский уезд 405, 406, 433
- Усть-Уса, нас. п. 422
- Усть-Цильма, нас. п. 404
- Устюг, гор. 402, 403
- Утена, гор. 19, 71
- Утенский р-н 49, 60
- Уулу, нас. п. 301
- Уфа, гор. 648, 679, 689—491, 695, 701, 703—706, 712, 713, 732—734
- Уфа, р. 682, 686, 692, 701
- Уфимская губ. 115, 479, 554, 689—691, 694, 703, 730, 731
- Уфимский р-н 711
- Ухсай М. 629
- Ухсай Я. 629
- Ухта, гор. 407, 409, 411, 419, 421, 422, 435, 438, 440, 442
- Учалы, гор. 705
- Ушанов Г. 738
- Ушково, нас. п. 353
- Уяр Ф. 629
- Фабрициус Я. 116
- Фазлеева, им. 544
- Файзи А. 676
- Файзи Дж. 677
- Фалешты, гор. 797
- Фандеев Т. 629
- Фаттахов Л. 681
- Фатьяновская культура, арх. 599
- Феддер Ю. 188
- Федеративная Республика Германия 90
- Федор Пестрый, им. 446
- Федоров Г. Б. 7, 440
- Федоров И. Н. 360
- Федоров М. Ф. 628
- Федор Тирон (Кирон), им. фольк. 437
- Федосеев Н. Е. 642
- Федотово, нас. п. 447, 449, 455
- Федянович Т. П. 8
- Фелимонова М. 7
- Фельман Ф. Р. 292, 303
- Феохтистова Л. Х. 7, 8
- Филлипов А. М. 8
- Финляндия 108, 228, 230, 232, 249, 251, 252, 312, 314, 317, 329, 335, 336, 338, 340, 354, 377, 378, 400, 487, 636
- Финно-угорские племена 202, 599, 638, 685, 686
- Финно-угорские языки 202, 266, 329, 363, 364, 377, 399, 401, 443, 472, 511, 548, 549
- Финно-угры 202, 271, 376, 399, 400, 638
- Финский зал. 224, 239, 241, 253, 310, 316, 332
- Финские народы 636, 716
- Финский язык 311, 312—314, 329, 330, 368
- Финны (суоми) 113, 202, 209, 240, 294, 312, 316, 333, 335, 336, 353, 363, 376—378
- Финны Ленинградской обл. (савакот, эвримерсей) 310—328
- Фишер И. 685
- Флорештский р-н 771, 830
- Флорешты, гор. 797
- Флоринский В. М. 685
- Форселиус Б. Г. 303
- Фортуатов Ф. Ф. 88
- Фосс М. Е. 378
- Фракийские племена 772, 773, 797, 808
- Франкфурт-на-Майне, гор. 738
- Франция 90, 520, 540, 742, 769
- Фрейман К. 199
- Фринберг А. 194
- Фрунзе М. 779
- Хаанья, вол. 248
- Хаапсалу, гор. 259, 291
- Хаберман Х. 309
- Хабибуллин З. 677
- Хазарский каганат 551, 836
- Хазары, этн. 551, 552, 832, 837
- Хай М. 736
- Хайкель А. см. Гейкель
- Хаким С. 676
- Халха-монголы, этн. 743
- Хамутников В. 746
- Ханты, этн. 414, 416
- Хара-Хусовский улус 748
- Харино, нас. п. 455
- Харлу, гор. 342
- Харьков, гор. 564, 648
- Харьковский р-н 685
- Хвольсон Д. А. 685
- Хейнасте (Айнажи), гор. 252
- Хельсинки, гор. 293
- Херсон, гор. 52
- Херсонская губ. 838, 839
- Хийумаа, о-в 209, 214, 240, 243, 248, 276, 280
- Хинг А. 308
- Хирбю Г. 629
- Хирти, этн. 598
- Хлебниковы, им. 744
- Хливицкас Ю. 108

- Хлыновский уезд 476
 Хмельницкий Богдан 777
 Ходырев Г. 507
 Ходырев Д. 506
 Хо-Орлюк 743
 Хотин, гор. 797, 827
 Хошеутовский улус 744
 Хошеуты, этн. 743, 744
 Хренников Т. 596
 Худайбердин Ш. 692
 Хузангай П. 629
 Хурт Я. 292, 293, 304
 Хынку И. 7
 Хярма М. 305
- Царевококшайский уезд 515
 Цвирка П. 96, 105, 106
 Цеплис А. 186
 Церская вол. 114
 Цесис, гор. 144, 203
 Цесийский р-н 195
 Цесийский уезд 116, 144, 145
 Цегреус, им. 321
 Цивиль, р. 607
 Цивильск, гор. 611
 Циммерманис С. 7
 Циргали, гор. 148
 Цна, р. 550, 552
 Цыгане (лом), этн. 119, 771, 776, 832, 834—836
 Цыганский язык 834
- Чавайн С. 542
 Чайковский П. И. 494
 Чалай В. 542
 Чаломкино, нас. п. 521, 531, 568
 Чебоксаров Н. Н. 8
 Чебоксары, гор. 524, 601, 602, 604, 607, 611, 614, 618, 625, 629, 630, 632
 Чебоксарский уезд 513
 Челябинск, гор. 704
 Челябинская обл. 682, 715, 718
 Чепца, гор. 489
 Чепца, р. 444, 473—475, 490, 634
 Чердынский край 447
 Чердынъ, гор. 446
 Чермасан Р. 682
 Черемнецкое оз. 310
 Чермышьево, нас. п. 544
 Черн, гор. 797
 Черная речка (Мустаеки), нас. п. 346
 Черновицкая обл. 837
 Черное море 52
 Чернышевский Н. Г. 86, 87
 Черняховская культура, арх. 774
 Чесноков Ф. 591
 Четина Н. 470
 Чехи, этн. 837
 Чехословакия 422, 440, 784
 Чивкуль Э. 7
 Чингис-хан 743
 Чинишауцы, нас. п. 793
 Чпрков С. 506
 Чисталев В. 439
 Чистополь, гор. 644
 Чистопольский р-н 661
 Чобручи, нас. п. 830
 Чолак А. П. 828
 Чуваши (анатри, впрьял), этн. 482, 491, 510, 519, 527, 531, 532, 550, 558, 562, 564, 577, 578, 584, 598—633, 636, 640, 646, 657, 662, 684, 716, 729
- Чувашская АССР 510, 518, 523, 540, 598—634
 Чувашский язык 598, 599, 624, 626, 628, 629, 636
 Чудское озеро 209, 210, 231, 236, 239—241, 244, 251, 254, 261, 297
 Чудь, чудины, чухонцы, этн. 209, 310, 365
 Чукалы, нас. п. 567, 568
 Чум, нас. п. 419
 Чупинский зал. 342, 419
 Чуртан, нас. п. 456
 Чюрлионене С. 105
 Чюрлионис М. К. 89, 95, 96, 102, 103
 Чюрлионите Я. 102
- Шабердин Ф. П. 544
 Шадри И. А. 470
 Шакайский р-н 58
 Шапов А. 676
 Шашпукова Н. 747
 Шарифуллин Ш. 736
 Шаулис П. 94
 Шахматов А. А. 88, 550, 589
 Шафеев В. 692
 Шацк, гор. 638
 Шведы, этн. 110, 113, 211, 240, 271, 332
 Швейцария 444
 Швейковская В. Р. 8
 Швентои, Швенток 10, 45
 Швенченский р-н 51
 Швеция 90, 210, 211, 214, 230, 243, 252, 312, 332, 333, 354, 378, 487
 Шегрен А. И. 208, 365
 Шелабоки, нас. п. 544
 Шелтозеро, нас. п. 374
 Шернай, городище, арх. 14
 Шиллер Фр. 439
 Шилутский р-н 45, 50, 93
 Шимкус И. 105
 Шимкус С. 102, 103
 Шимозеро, нас. п. 367
 Ширококов В. 507
 Ширококов С. 507
 Шитова С. 7
 Шипкин И. И. 544
 Шкетан М. 542, 545
 Шкилтер Г. 188
 Шклерис К. 96
 Шкляев Н. Я. 509
 Шлыгина Н. В. 7, 8
 Шмаков Т. 507
 Шмидт А. В. 378, 686, 687
 Шокша, нас. п. 366, 367, 374
 Шошки, нас. п. 414, 425, 429
 Шуваев В. 143
 Шувалов П. И. 477
 Шункаряй, нас. п. 58
 Шумерля, гор. 611
 Шунды Мумы, им. рел. 479
 Шуньга, нас. п. 332
 Шуя, р. 340
 Шындьрьял, нас. п. 544
 Шяуляй (Сауле), гор. 16, 17, 20, 21, 25, 40, 53, 89, 91, 92, 112
 Шяуляйский р-н 35
- Щеглов А. 596
 Щетинины, им. 700
- Эдельфельт А. 328
 Эйдеман Р. 116, 186
 Эйзен М. 292

- Эйхе Р. 116
 Эйшишкес, нас. п. 34
 Эйшишский р-н 39, 58, 75
 Эжете, городище 14
 Экостровский погост 379
 Эланго Ы. 7
 Электренай, гор. 32, 54
 Элеты, этн. 743
 Элиста, гор. 742, 753, 755, 757, 763, 766, 769, 770
 Эллер Х. 306
 Эльтон, оз. 746
 Эляев О. 767
 Эмайгы, р. 240, 251
 Энгельс Ф. 88, 505
 Эрендженев К. 768
 Эрендженев Н. Ц. 770
 Эрдаиев В. Э. 770
 Эрдаиев У. Э. 7
 Эренценов Ю. С. 765
 Эрьянский язык 548, 549, 557
 Эркай Н. 592
 Эрнесакс Г. 308
 Эрыкин А. 542
 Эрья С. Д. (Нефедов) 588, 594, 595
 Эскель А. 308
 Эскола А. 308
 Эстии, см. эстонцы
 Эстляндская губ. 215, 223, 275, 303
 Эстонская ССР, Эстония 7, 8, 20, 25, 32, 41, 134, 145, 146, 154, 162, 168, 202—310, 315, 318, 319, 336
 Эстонские племена 318
 Эстонский язык 204, 205, 209, 211, 212, 227, 246, 255—257, 259, 261, 292, 294, 303, 304
 Эстонцы, этн. 100, 102, 110, 112, 113, 115, 119, 120, 170, 202, 204, 207, 209, 311, 314, 317, 318, 322, 325, 336, 376, 594
 Эсты, см. эстонцы
 Эшель А. 629
 Эуряпя (Яувряпя), геогр. 312, 330
 Эфферг-Клусайс Э. 186
 Эшпай Я. А. 546
 Югославия 487, 742, 747
 Юзелюнас Ю. 104, 108
 Юлаев С. 690, 735, 736
 Юлтый Д. 736, 737
 Юнкер А. 190
 Юнтунен С. Х. 363
 Юрбарский р-н 54
 Юргенсон К. 296
 Юргинис Ю. М. 7, 8, 72
 Юрий Всеволодович, князь 551, 552
 Юрино, нас. п. 513, 528
 Юркин И. Н. 628
 Юркунас В. 96, 97
 Юрмала, гор. 160
 Юрматы, этн. 687
 Юрюзань, р. 688, 692
 Юрьев, см. Тарту
 Юрьян А. 188
 Юсупова Б. 738
 Юсьва, нас. п. 454
 Юсьвинский р-н 449, 451, 455
 Юхнин В. 440
 Юцявичюс А. 86
 Юшка А. 101, 102
 Ягайла, Ягелло, Иогайла 17
 Ядрин, гор. 611
 Язьва, р. 443, 448, 461
 Якимавичюс Р. 96
 Яккола Н. 362
 Якобсон А. 306, 308
 Якобсон К.-Р. 217, 283, 304
 Яковлев И. Я. 624, 626, 628
 Якубонис Г. 96
 Якупов Х. 681
 Якутский язык 769
 Якуты, этн. 414
 Якшур, нас. п. 490
 Яльчики, нас. п. 609
 Ямады, нас. п. 711
 Ямало-Ненецкий нац. округ 399
 Яманаки, нас. п. 617
 Ямашев Х. 642, 670
 Ямая, нас. п. 300
 Янаул, гор. 706
 Янаульский р-н 711
 Янсен И. В. 304
 Янонис Ю. 105
 Япония 90
 Яранский уезд 513, 530
 Ярвамаа, ист.-геогр. 261
 Яренга, нас. п. 401
 Яренск, гор. 404
 Яренский уезд 405, 406
 Ярмухаметов Х. 675
 Яренефельт Э. 328
 Ярослав, князь 378
 Ярославская обл. 329
 Яруллин Ф. 671, 677
 Ярьвезеро, нас. п. 367
 Яскис, нас. п. 330
 Ясутис А. 105
 Ятвяги, см. судавы
 Яувряпя, см. Эуряпя
 Яунибалга, гор. 144, 155
 Яунипилс, нас. п. 158
 Яуницемс (Ужжила), нас. п. 203
 Яушев И. М. 597
 Яхин Р. 677

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Принятые сокращения

- АПН — Агентство печати «Новости»
 ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства СССР
 ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР
 ГМЭ Эст. — Государственный этнографический музей Эстонской ССР (бывш. Этнографический музей АН ЭССР)
 ИЭ — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
 КИИЯЛ — Казанский институт истории, языка и литературы АН СССР
 ЛТА — Латвийское телеграфное агентство
 МИ Латв. — Музей истории Латвийской ССР
 ПИИЯЛ — Петрозаводский институт истории, языка и литературы АН СССР
 СЭ ИИ Латв. — Сектор этнографии Института истории АН Латвийской ССР
 СЭ ИИ Лит. — Сектор этнографии Института истории АН Литовской ССР
 ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
 УИИЯЛ — Уфимский институт истории, языка и литературы АН СССР
 ЧНИИЯЛИЭ — Чувашский Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров ЧАССР
 ЭЛБТА — Телеграфное агентство Литвы
 ЭТА — Эстонское телеграфное агентство

Город Вильнюс. Набережная р. Нерис (фотохроника ТАСС, № 384420, 1958 г.)	11
Литовский ландшафт (архив СЭ ИИ Лит. № 2029)	12
Реконструированный в советское время средневековый (XIV в.) замок в городе Тракай (фото К. Вайнгораса, 1964 г.)	13
Племенные группы на территории Литвы в первой половине I тысячелетия н. э. (материалы СЭ ИИ Лит.)	15
Проверка новых токарных станков алмазного точения на Вильнюсском станкостроительном заводе «Комунарис» (фотохроника ЭЛБТА, № 15888, 1964 г.)	27
На Шяуляйском комбинате сборного крупнопанельного домостроения (фотохроника ЭЛБТА, № 15828, 1964 г.)	29
Четвертая технологическая линия цементного завода в Науей Акмяне (фотохроника ЭЛБТА, № 10015)	30
Комбайн «Амфибия» за уборкой тростника для производства витаминизированной муки. Сконструирован литовскими инженерами и построен на Вильнюсском заводе «Нерис» (фотохроника ЭЛБТА, № 16148, 1964 г.)	31
Сельский магазин в дер. Лиепорай Шяуляйского района (фотохроника ЭЛБТА, № 6—19)	35
Старинные сельскохозяйственные орудия литовцев:	
1 — соха с двумя палицами. Дер. Житмос Эйшишского района (архив СЭ ИИ Лит.);	
2 — борона-плетенка. Дер. Тилтай Эйшишского района (архив СЭ ИИ Лит., № 6503);	
3 — каток для обмолота хлеба. Дер. Ужуневежис Паневежского района (архив СЭ ИИ Лит., № 1971)	39
Уборка кукурузы. Колхоз «Большевикас» Каунасского района (фотохроника ЭЛБТА, № 7763, 1960 г.)	43

Рыбаки Русненского рыболовецкого хозяйства возвращаются с уловом.	
Шилутский район (фотохроника ЭЛБТА, № 4—46)	45
Старинный способ подъема к борти при помощи «лезива». Дер. Марцпьякони-с Варенского района (архив СЭ ИИ Лит., № 15019)	46
Типы старинных ульев:	
1 — колода-лежак. Дер. Нямунайтис Алитусского района (архив СЭ ИИ Лит., № 9756); 2 — саетка. Дер. Свенцеле Клайпедского района (архив СЭ ИИ Лит., № 8559)	47
Телега («корос»). Утенский район (архив СЭ ИИ Лит., № 11905)	49
Выезды сани («шпедалес»). Паневежский район (СЭ ИИ Лит., № 1931)	50
«Ройка». Швенченский район (фотоотека Историко-этнографического музея г. Вильнюс, № 2728)	51
Литовский академический театр оперы и балета в г. Вильнюсе (фото К. Вайвораса, 1964 г.)	53
Новые жилые дома в Вильнюсе (архив СЭ ИИ Лит.)	55
Город Клайпеда. На переднем плане новое здание городского Дворца Культуры на ул. Монте (фото М. Д. Флигеля, 1964 г.)	57
Традиционные жилые дома:	
1 — жемайтский. Дер. Лейкшяй Таурагского района (архив СЭ ИИ Лит., № 3265); 2 — аукштайский. Дер. Тилтай Эйшишского района (архив СЭ ИИ Лит., № 6126); 3 — занеманский. Дер. Шункарай Шакийского района (архив СЭ ИИ Лит., № 3016)	58
Планы традиционных жилых домов:	
1 — занеманский. Дер. Клуоншяй Каунасского района (архив СЭ ИИ Лит., № 49—9); 2 — аукштайский. Дер. Кляпочай Тракайского района (архив СЭ ИИ Лит., № 85—21); 3 — жемайтский. Дер. Мильвиджй Скуодаского района (архив СЭ ИИ Лит., № 84—14)	59
Колхозный поселок. Колхоз им. Черняховского Капсукаского района (фотохроника ЭЛБТА, № 7240, 1960 г.)	61
Традиционная литовская народная одежда: 1 — дер. Свенцеле Клайпедского района (архив СЭ ИИ Лит., № 8466); 2 — дер. Сильгионис Алитусского района (архив СЭ ИИ Лит., № 4698)	65
Одежда пожилых крестьян первой половины XX в. Дер. Мационис Кедайнского района (архив СЭ ИИ Лит., № 2675)	68
Народный праздник в Каунасе (архив СЭ ИИ Лит., № 11204)	69
Продажа гончарных изделий на базаре в г. Утена (архив СЭ ИИ Лит., № 12141)	71
Старинные колыбели: 1 — подвесная. Дер. Милкунай Эйшишского района (архив СЭ ИИ Лит., № 8662); 2 — качалка. Дер. Гейдукионис Алитусского района (архив СЭ ИИ Лит., № 4740)	75
Комсомольская свадьба рабочих. Проводы молодых в ЗАГС. Г. Григишкес (архив СЭ ИИ Лит., 1961 г.)	77
В столовой школы-интерната, г. Каунас (фотохроника ЭЛБТА, № 82—83)	79
Праздник Весны в Вильнюсе. Шествие молодежи (СЭ ИИ Лит., № 8699)	83
Карнавал на Празднике урожая. Молодые колхозники Аникшчяйского района (архив СЭ ИИ Лит., № 11287)	84
Один из внутренних двorcов центрального здания Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса (архив СЭ ИИ Лит.)	87
«Рыбаки у озера». Художник А. Жмуйдзинавичюс (фотохроника ЭЛБТА)	92—93
Образцы литовского народного прикладного искусства: кожаная шкатулка с янтарными бусами (фото М. Д. Флигеля, 1964 г.)	92—93
Образцы народных тканей: 1 — покрывало. Дер. Мальденяй Шилутского района (архив СЭ ИИ Лит., № 6896); 2 — покрывало. Дер. Кампишяй Каунасского района (архив СЭ ИИ Лит., № 1470); 3 — покрывало. Дер. Рузгай Мажейкяйского района (архив СЭ ИИ Лит. № 7028); 4 — полотенца. Дер. Валянай Алитусского района (архив Историко-этнографического музея, г. Вильнюс, № 11819)	94
Народная скульптура «Палангес Юзе». Автор П. Каленца (фонды Вильнюсского гос. художественного музея, № 190)	95
«Мать». Памятник жертвам сожженной гитлеровцами дер. Пирчюпис Варенского района. Скульптор Г. Якубонис (архив СЭ ИИ Лит., № 14729)	97
Литовский витраж «Мир земле и космосу». Авторы К. Моркунас и А. Стопкус (архив ИЭ ИИ Лит.)	98
Витраж. Эгле — королева ужей. Художник А. Гарбаускас (фото С. Вудриса, СЭ ИИ Лит., 1957 г.)	100—101
Ансамбль литовских народных инструментов «рагай» (фото И. Фишериса, СЭ ИИ Лит., 1964 г.)	100—101
Выступление коллектива художественной самодеятельности Вильнюсского клуба профсоюзов (архив СЭ ИИ Лит., № 11247)	107
Культурно-исторические области Латвии и распространение диалектов латышского языка (материалы СЭ ИИ Латв.)	111

Вид правобережной части Риги со стороны Даугавы (материалы Латгосиздата, 1960 г.)	113
Новый конвейер по монтажу радиол «Латвия» в радиощехе завода «ВЭФ», Рига (фотохроника ЛТА, № 13860, 1961 г.)	117
Сборка стиральных машин на заводе «РЭЗ» (фотохроника ЛТА, № 13067, 1964 г.)	119
Фрезерный станок в тележно-механическом цехе Рижского вагоностроительного завода (фотохроника ЛТА, № 12721, 1964 г.)	121
Земледельческие орудия латышей конца XVIII — первой половины XIX в.: 1 — соха, распротраенная в северной части Латвии (фонды МИ Латв., отд. этнографии, дело № 1874); 2 — борона-суковатка (фонды МИ Латв., № 27591); 3 — коса (фонды МИ Латв., № 24091); 4 — коса (архив СЭ ИИ Латв., № Е 4—1639); 5 — полукоса с граблями (архив СЭ ИИ Латв., № Е 13—132)	129
Механизированная уборка сахарной свеклы в колхозе «Гайсми» Добелского района (фотохроника ЛТА, № 16697, 1964 г.)	135
Работа на льнокомбайне в колхозе им. Калинина Краславского района, (фотохроника ЛТА, № 10790, 1959 г.)	137
Сушка сетей у озера. Латгалия (архив СЭ ИИ Лат., 1926 г.)	139
Рыболовецкие суда готовятся к выходу в Атлантику из Рижского порта (фотохроника ЛТА, № 10453, 1959 г.)	141
Керамист Илона Удрис за работой (фотохроника ЛТА, № 12993, 1961 г.)	147
Транспортные средства в 80-е годы XVIII в.: 1 — телега для перевозки грузов; 2 — крестьянская повозка (1—2 — J. Chr. Brotze. Sammlung verschiedener liefländischer Monumente., Bd. III, S. 59. Рукопись в Фундаментальной библиотеке АН Латв.ССР)	149
Крестьянские сани из Видземе 80-е годы XVIII в. (J. Chr. Brotze. Sammlung verschiedener liefländischer Monumente., Bd. III, S. 77. Рукопись)	149
Новый железнодорожный вокзал в Риге (ЛТА, № 112463, 1960 г.)	151
Жилые дома латышских крестьян второй половины XIX в.: 1 — жилой дом латгальского крестьянина. Лудзенский уезд (фототека МИ Латв., № 4627); 2 — жилой дом зажиточного курземского крестьянина. Лиепайский уезд (фототека МИ Латв., № 128447)	154
Жилые дома латышских крестьян второй половины XIX в.: 1 — жилой дом видземского крестьянина. Мадонский район (фототека МИ Латв., № 11055); 2 — жилия рига видземского крестьянина. Валкский район (архив СЭ ИИ Латв., № Е 13—5320)	155
Строительство новых жилых домов в Алсвикском сельсовете Валкского района (фотохроника ЛТА, № 10700, 1959 г.)	157
Жилая комната в квартире рыбака. Рыболовецкая артель «Сарканайс карогс» Лиепайского района (архив СЭ ИИ Латв., 1961 г.)	159
Комплекс новых жилых зданий «Агенскалнские сосны». Рига (фотохроника ЛТА, № 13062, 1960 г.)	162—163
Латышский мужской костюм конца XVIII в. (по J. Chr. Brotze. Sammlung verschiedener liefländischer Monumente., Bd. III)	165
Латышский женский костюм первой половины XIX в. (архив СЭ ИИ Латв.)	168—169
Регистрация брака в поселке Кокнесе (архив СЭ ИИ Латв., № Е 21—947 1961 г.)	177
Поздравление «юбиляров» на Празднике детства в поселке Кокнесе (архив СЭ ИИ Латв., 1961 г.)	179
В школьном саду. Рига (фотохроника ЛТА, № 13374, 1961 г.)	183
Изделия учащихся Рижского училища прикладного искусства (СЭ ИИ Латв., 1959 г.)	186—187
Надгробный памятник Райнису в Риге. Скульптор Карл Земдега (фотохроника ЛТА, № 6759)	186—187
Скульптор Мара Випо за работой над памятником жертвам фашизма для кладбища в г. Валмпере (фотохроника ЛТА, № 11633, 1960 г.)	189
Изделия латышского народного искусства XIX в. (фонды МИ Латв., № 24717, № 160890, № 12100, № 11144, № 1580)	191
Второй республиканский слет мужских хоров в Добеле (фотохроника ЛТА, 1959 г.)	194
«Народная песня». Матовый узор на стекле. Художник К. Фрейман. (СЭ ИИ Латв.)	199
Лодка для лова кильки (фототека ГМЭ Эст., № 471: 42, 1927 г.)	203
Летняя кухня из лодок. Дер. Коштрыг (фототека ГМЭ Эст., № 1050: 8, 1943 г.)	204
Группа ливских девушек и женщин в национальных костюмах (фототека ГМЭ Эст., № 827:72, 1934 г.)	205
Старый ливский дом. Дер. Ийра (фототека ГМЭ Эст., № 476: 24, 1928 г.)	206
Печь для копчения рыбы (фототека ГМЭ Эст., № 475: 27, 1928 г.)	206
Резной стул. Дер. Коштрыг (фототека ГЭМ Эст., № 1050: 50)	207

Распространение эстонских диалектов и районы компактного расселения русских и шведов (середина XIX в.) (материалы Сектора археологии и этнографии Института истории АН ЭССР)	211
Вид Таллина с Вышгорода (фотохроника ТАСС, № 453875, 1960 г.)	219
Прибалтийская ГРЭС (фотохроника ЭТА, № 42582)	223
Новые образцы мебели для спальни мебельной фабрики «Стандарт» в Таллине (фотохроника ЭТА, № 41872)	225
Город Кохтла-Ярве. Сланцевый комбинат (фотохроника ЭТА, № 43164)	226
Старинные эстонские земледельческие орудия: 1 — сааремааское рало (архив ГМЭ Эст., этн. рис. № 179: 2); 2 — североэстонская соха с «журавлями» (архив ГМЭ Эст., этн. рис. 179: 4); 3 — коленчатая борона (архив ГМЭ Эст., этн. рис. 179—6); 4 — серпы восточноэстонской (слева) и западноэстонской (фонды ГМЭ Эст., № 18161 Виру-Яагуши; № А 290: 172 Ямая); 5—8 — способы привязки била к рукоятке цепа (фонды ГМЭ Эст., № А 564: 2027 Пиллствере; № А 291:423; № 19361 Рынгу; № А 277:2 Мярьяма)	229
Старые приемы сельскохозяйственной техники: 1 — пахота ралом на острове Муху (фототека ГМЭ Эст., № 608: 69, 1931 г.); 2 — закладка снопов на колосники в риге. 1932 г. (фототека ГМЭ Эст., № 633: 38)	233
Механизация сельского хозяйства Эстонии: 1 — первый трактор на колхозном поле острова Кихну (архив ЭТА); 2 — передвижной доильный агрегат на пастбище. Колхоз «Юхисйуд» Пайдеского района (фотохроника ТАСС, № 491881, 1961 г.); 3 — свиновик колхоза им. В. И. Ленина Раплаского района (архив ЭТА)	237
Новое здание межколхозного дома отдыха в Нарва-Йыэсуу (фотохроника ЭТА, № 42939)	239
Типы применяемых до настоящего времени рыболовных крючков: 1 — парная удочка для ловли трески (фонды ГМЭ Эст., № 12497); 2 — многозубый крючок для налима (фонды ГМЭ Эст., № А 361:5); 3 — «сп-кушка» (фонды ГМЭ Эст., № 14658)	241
Старая крестьянская кузница. Внутренний вид. Дер. Липа, Раплаского р-на (архив ИЭ, Прибалтийская экспедиция, Эстонский отряд, 1960 г.)	247
Типы традиционных эстонских средств передвижения: 1 — линейка «троска». Район Виру (фототека ГМЭ Эст., № 18: 43); 2 — сани. Остров Сааремаа (архив ИЭ, Прибалтийская экспедиция, Эстонский отряд, 1958 г.)	250
Строительство парусника на острове Сааремаа (фототека ГМЭ Эст., № 214—312, 1913 г.)	251
Около магазина в рабочем поселке Кохила (архив ИЭ, Прибалтийская экспедиция, Эстонский отряд, 1961 г.)	253
Современный квартал в гор. Виру (фотохроника ЭТА)	261
Вид кучевой деревни. Дер. Ййсте. Остров Сааремаа (фототека ГМЭ Эст., № 1150: 1, 1936 г.)	262
Вид южноэстонского крестьянского двора. Дер. Мяэ-Кью Вирусского района (фототека ГМЭ Эст., № 1214—661, 1953 г.)	263
Курная жилая рига. Тартумаский уезд (фототека ГМЭ Эст., № 633: 25, 1932 г.)	265
План жилой риги с развитой каморной частью. Северная часть Эстонии (архив ГМЭ Эст., этн. рис. № 211: 43)	267
Современные дома колхозников. Колхоз «9 Мая» Пайдеского района (фотохроника ЭТА, № 39958)	269
Интерьер жилой комнаты колхозника (архив ИЭ, Прибалтийская экспедиция, Эстонский отряд, 1961 г.)	270
Кухня в современном доме колхозника (архив ИЭ, Прибалтийская экспедиция, Эстонский отряд, Раплаский район, 1961 г.)	271
Покрой женской одежды XIX в.: 1—3 — рубахи (приходы Халлисте, Пайде-Яани, Тарвасту) (фонды ГМЭ Эст., № 1935; № А 291: 268; А6095); 4—6 — нешитая поясная одежда и юбки (приходы Халлисте, Карья, Ямая) (фонды ГМЭ Эст., № 1790; № 291: 293; № А358—27); 7—9 — кафтаны «шикк-кууб» (приходы Халлисте, Симуна, Пайсту) (фонды ГМЭ Эст., № 1766; № А291: 438; № А509: 2181)	273
Женщина и девушка в народной одежде. Северная часть Эстонии (по картине А. Пецоляда. Середина XIX в., фототека ГМЭ Эст.)	275
Супружеская пара в народной одежде. Мустьяла. Остров Сааремаа (фототека ГМЭ Эст., № 187: 57, 1895 г.)	276
Свадьба в Западной Эстонии. По акварели Ф. Юкскюлла. Начало XIX в. (архив ГМЭ Эст., этн. рис. № 87: 4)	280—281
Шестые участники Летних дней молодежи (Праздник совершеннолетия) в г. Вильянди (фотохроника ЭТА, № 41204)	286
Урок домоводства в средней школе Таллина (архив ЭТА)	287
Образцы современного эстонского рукоделия (архив ЭТА)	289

Пивные кружки (западная часть Эстонии) (фототека ГМЭ Эст., № 9543)	290
Художники-прикладники обсуждают новые эскизы кожаных альбомных крышек. Г. Тарту (фотохроника ЭТА, № 40821)	291
Ковер М. Адамсон «Калевипоэг плывет на край земли» (архив ЭТА)	293
Сказительница Анна Вабарна (в центре слева) и селугский женский хор. Пылваский район (фотохроника ЭТА, № 40—752).	299
Иевческий хор (Ямая, остров Сааремаа). Женщины в местных народных костюмах (фототека ГМЭ Эст., № 527: 20, 1900 г.)	300
Шествие участников Дня песни в пос. Лихула (западная Эстония) (фототека ГМЭ Эст., № 527—20, 1960 г.)	301
Духовой оркестр школьников. С. Торма Ййгевакского района (фотохроника ЭТА, № 40970)	302
Сцена из оперы В. Каппа «Лембиту». Постановка театра «Эстония» (фотохроника ЭТА, № 43036)	307
Дер. Куровицы (ижора). Вид с р. Лути. Кингисеппский район, Ленинградская обл. (архив ИЭ, Прибалтийская экспедиция, Эстонский отряд, 1961 г.)	313
Рыбачьи лодки. Дер. Логи (ижора), Кингисеппский район, Ленинградская обл. (фототека ГМЭ, № 4544: 27, 1926 г.)	315
Современный ижорский дом в дер. Волково. Кингисеппский район, Ленинградская обл. (архив ИЭ, Прибалтийская экспедиция, Эстонский отряд, 1961 г.)	319
Печь в ижорском доме. Дер. Андреевщина, Кингисеппский район, Ленинградская обл. (архив ИЭ, Прибалтийская экспедиция, Эстонский отряд, 1957 г.)	320
Ижорская баня. Дер. Волково, Кингисеппский район, Ленинградская обл. (архив ИЭ, Прибалтийская экспедиция, Эстонский отряд, 1961 г.)	321
Женская водская одежда конца XIX — начала XX в. Вид спереди и сбоку (фототека ГМЭ Эст., № 1009: 381; № 1009: 382)	323
У острова Валаама (фотохроника ТАСС, № 455999, 1959 г.)	331
Город Петрозаводск. Улица им. Я. М. Свердлова (фотохроника ТАСС, № 489264, 1961 г.)	333
За ткацким станком. С. Сельга Медвежьегорского района (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Карельский отряд, 1961 г.)	339
Механизированные лесные работы в Падаанском леспромхозе Медвежьегорского района: 1 — трелевочный трактор; 2 — использование электропилы на лесозаготовках (1—2 — архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Карельский отряд, 1960 г.)	341
Группа доярок фермы. С. Сельга Медвежьегорского района (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Карельский отряд, 1961 г.)	343
В кафе «Весна». Петрозаводск (фотохроника ТАСС, № 533017, 1962 г.)	345
Южнокарельский дом-двор: 1 — боковой фасад дома; 2 — разрез. Дер. Лумбила Прионежского района (1—2 архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Карельский отряд, 1960 г.)	347
Карельские печи: 1 — южнокарельская печь с голбцом. Дер. Петров-Наволоч Медвежьегорского района; 2 — печь с низким голбцом. Дер. Коккойла Прионежского района; 3 — северо-западный тип печи с угловым камельком. Дер. Оланга Кемского района (1—3 — архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Карельский отряд, 1960 г.)	349
Женская одежда карелов: 1 — рубаха «рятчина». Прионежский район; 2 — сарафан. Кемский район; 3 — сарафан «кошто». Кемский район; 4 — юбка. Прионежский район (1—4 — архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Карельский отряд, 1960 г.)	351
Полхромная роспись карельских прялок. Медвежьегорский район (рис. с натуры М. Санникова, архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Карельский отряд, 1960 г.)	352—353
Обувь карелов Кемского района: 1 — кенья; 2 — тепло; 3 — поршень (1—3 — архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Карельский отряд, 1960 г.)	353
Государственный ансамбль Карельской АССР «Каштеле» (фотохроника ТАСС, № 465343, 1960 г.)	360
Сцена из балета Г. Синисало «Сампо» в постановке Государственного музыкального театра КАССР (фотохроника ТАСС, № 418261, 1959 г.)	361
Соха. Дер. Пондала Бабаевского района Вологодской обл. (архив ПИИЯЛ, материалы В. Пименова, 1960 г.)	365
Жилище вепсов: 1 — передний фасад избы; 2 — план дома. Дер. Пондала Бабаевского района Вологодской обл. (1—2 — архив ПИИЯЛ, материалы В. Пименова, 1960 г.)	368
Клеть с крышей на «журицах». Дер. Азозеро Лодейнопольского района Ленинградской обл. (архив ПИИЯЛ, материалы В. Пименова, 1960 г.)	369

Современный и старинный транспорт у вепсов. Дер. Озёра Лодейнополюского района Ленинградской обл. (архив ПИИЯЛ, материалы В. Пименова, 1960 г.)	370
Одежда вепсов: 1—3 — женские рубахи; 4 — юбка; 5 — кофта-казачок; 6 — сарафан; 7—8 — мужские рубахи; 9 — штаны (1—9 — архив ПИИЯЛ, материалы В. Пименова, 1960—1961 гг.)	371
Репетиция в клубе. Село Ладва Лодейнополюского района Ленинградской обл. (архив ПИИЯЛ, материалы В. Пименова, 1961 г.)	374
Сказочник А. А. Матвеев из дер. Пондала, Бабаевского района Вологодской обл. (архив ПИИЯЛ, материалы В. Пименова, 1961 г.)	375
На одной из улиц поселка Ловозеро Мурманской обл. (фототека АПН № 97977, 1963 г.)	379
Гонка оленьих упряжек на приз Праздника Севера. Ловозерский район Мурманской обл. (фотохроника ТАСС, № 230092, 1954 г.)	385
Вежа. Мурманская обл., Ловозеро (фототека ГМЭ, № 6073:64, 1935 г.)	387
В веже. Мурманская обл. Сейд-озеро (фототека ГМЭ, № 6073:68, 1935 г.)	387
Саамский амбар. Ловозеро (фототека ГМЭ, № 6073:48, 1935 г.)	388
Лопарская семья. Мурманская обл. (фототека ГМЭ, № 5713:24, 1921 г.)	389
В продовольственном магазине поселка Ловозеро (фотохроника ТАСС, № 533053, 1962 г.)	391
Около универсама в поселке Ловозеро (фотохроника ТАСС, № 325857, 1957 г.)	392
В детских яслях оленеводческого колхоза «Тундра», Мурманская обл., (фототека АПН, № 147219, 1963 г.)	393
Лопарское кладбище. Иоканга, Мурманская обл. (фототека ГМЭ, № 5738:926)	394
В книжном магазине поселка Ловозеро Мурманской обл. (фототека АПН, № 97979, 1963 г.)	396
Вечером в чуме за шахматной доской. Колхоз «Тундра» Мурманской обл. (фототека АПН, № 97412, 1963 г.)	396
Маленькие саамы. Колхоз «Тундра» Мурманской обл., поселок Ловозеро (фототека АПН, № 97978, 1963 г.)	397
Сплав древесины по реке Сыsole (фотохроника ТАСС, № 485164, 1961 г.)	400
Отгрузка стандартных домов с сыктывкарских лесозаводов (фотохроника ТАСС, № 406437, 1959 г.)	408
Первая шахта Яренского нефтешахтного управления Ухтокомбината (фотохроника ТАСС, № 404726, 1959 г.)	408
В Ухтинском горном техникуме (фотохроника ТАСС, № 403353, 1959 г.)	409
Сдача урожая овощей в колхозе. С. Лозым. Сыктывдинский район (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Поволжский отряд, 1961 г.)	410
В телятнике совхоза «Ухта» (фототека ВДНХ, № 118683, 1956 г.)	411
Пастух-олeneвод колхоза «Заветы Ильича». Ижмо-Цилемский район (фотохроника ТАСС, № 537758, 1963 г.)	412
Охотник идет к капкану за куницей. Ижмо-Цилемский район (фототека ВДНХ № 49262, 1952 г.)	414
Охотник из колхоза им. Куйбышева. Интинский район (фотохроника ТАСС, № 291858, 1955 г.)	415
Охотничье снаряжение: 1 — охотничьи нарты — «норт»; 2 — копые — «кой-бед» (1—2 — архив ИЭ, Коми-Печерская экспедиция, 1950 г.)	416
Образцы расписной утвари коми. Ижмо-Цилемский район: 1 — рубель; 2 — деревянная солонка; 3 — «куд» — лубяная коробка (1—3 — рис. с натуры В. В. Бокина, архив ИЭ, Коми-печерская экспедиция, 1950 г.)	416—417
Сани коми-ижмцев: 1 — «кора додь»; 2 — «кбшова» (1—2 — архив ИЭ, Коми-Печерская экспедиция, 1950 г.)	419
Город Сыктывкар. На Советской улице (фотохроника ТАСС, № 168812, 1963 г.)	420
Город Сыктывкар. Республиканская библиотека (архив ИЭ, комплексная экспедиция, Поволжский отряд, 1961 г.)	421
Яхты на р. Воркуте (фотохроника ТАСС, № 384419, 1961 г.)	423
Жилые дома шахтеров в г. Инте (фотохроника ТАСС, № 276135, 1955 г.)	425
Традиционное жилище коми. Село Нэбдин Усть-Куломского района: 1 — внешний вид; 2 — внутренняя планировка (1—2 — архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Поволжский отряд, 1961 г.)	426
Наиболее распространенный тип дома коми в настоящее время. Удорский район (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Поволжский отряд, 1961 г.)	427
В детском саду Палаузского леспромпхоза (фотохроника ТАСС, № 400656, 1959 г.)	434
Город Воркута. Дворец культуры шахтеров (фотохроника ТАСС, № 489709, 1961 г.)	435
Сцена из балета «Яг морт». Республиканский музыкально-драматический театр. Город Сыктывкар (фотохроника ТАСС, № 491842, 1961 г.)	441

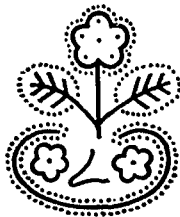
На Каме (фотохроника ТАСС, № 485702, 1961 г.)	444
Старинное пахотное орудие сабан. Дер. Федотово Юсьвинского района (архив ИЭ, Коми-Пермяцкая экспедиция, 1948 г.)	449
Распространенный тип лодки-осиновки. Дер. Федотово Юсьвинского района (архив ИЭ, Коми-Пермяцкая экспедиция, 1948 г.)	455
Город Кудымкар. Улица Советов (фотохроника ТАСС, № 168812, 1951 г.)	456
Современный жилой дом с пристроенным закрытым двором. Дер. Демино Кудымкарского района (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Поволжский отряд, 1961 г.)	458
Старый дом и двор (двурядная связь). Дер. Демино Кудымкарского района (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Поволжский отряд, 1961 г.)	459
Узорчатые пояса коми-пермяков (рис. с натуры В. В. Боккина, архив ИЭ, Коми-Пермяцкая экспедиция, 1948 г.)	460—461
Коми-пермячки в старинных костюмах и головных уборах «сампура». Село Коса Гайнского района. Начало XX в. (фототека ГМЭ)	461
«Посиделки» — инсценировка коллектива художественной самодеятельности. Дер. Тебеньково Кудымкарского района (архив Окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка, г. Кудымкар, 1959 г.)	469
Пейзаж в Удмуртской АССР (фотохроника ТАСС, № 375875, 1958 г.)	476—477
Сабан — старинное пахотное орудие (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Поволжский отряд, 1961 г.)	482
Подборка валков ржи. Колхоз им. Кирова Ижевского района (фотохроника ТАСС, № 489967, 1961 г.)	484
Уборка льна льнотеребилкой и разборка льна в бабки. Колхоз «Россия». Глазовский район (фототека ВДНХ, № 116441, 1956 г.)	485
Ижевский машиностроительный завод. Сборка мотоциклов на главном конвейере (фотохроника ТАСС, № 518862, 1962 г.)	487
В ковровом цехе. Г. Ижевск (фотохроника ТАСС, № 422241, 1959 г.)	488
Способ ношения колыбели «кёкы» удмуртками в прошлом. Село Нижние Юри Ижевского района (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Поволжский отряд, 1961 г.)	490
Дом колхозника в с. Нижние Юри. Ижевский район (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Поволжский отряд, 1961 г.)	491
Город Ижевск. Улица Горького (фотохроника ТАСС, № 456793, 1960 г.)	493
Девушки удмуртки и замужняя женщина (в середине) в старинных праздничных нарядах. Село Карлыган Марийской АССР (фототека ГМЭ), 1925 г.	497
На улице села Бобья-Уча в выходной день (фотохроника ТАСС, № 276345, 1955 г.)	498
Игра детей на воздухе в Азинском детском саду (фототека ВДНХ, № 116482, 1956 г.)	503
Сцена из балета «Италмас». Удмуртский музыкальный театр (фотохроника ТАСС, № 499873, 1961 г.)	508
Коллектив художественной самодеятельности колхоза «Южная Пурга» Ижевский район (архив Окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка, г. Кудымкар, 1959 г.)	508
Марийский овин «марла агун». Царевококшайский уезд Казанской губ. (фототека ГМЭ, № 1086: 98, 1905 г.)	515
Жилые дома колхозников. Звениговский район (фототека ВДНХ, № 141850, 1959 г.)	516
Проверка спелости ржи. Колхоз «Партизан», Мари-Турекский район (фототека ГМЭ, № 6587: 21, 1953 г.)	517
В корзино-мебельной мастерской промартели с. Носели Горномарийского района (фототека ГМЭ, № 5421:33, 1932 г.)	520
На заводе электрических приборов в г. Йошкар-Оле (фотохроника ТАСС, № 416371, 1959 г.)	522
В поселке лесорубов Юринского леспромхоза (фототека ГМЭ, № 6587)	523
Город Йошкар-Ола. Советская улица (фототека ГМЭ, № 6587: 87)	529
Замужняя марийка в праздничном костюме и головном уборе «сорока». Яранский уезд Вятской губ. Начало XX в. (фототека ГМЭ, № 1086: 4)	530
Горная марийка в праздничном наряде. Козьмодемьянский уезд Казанской губ. Начало XX в. (фототека ГМЭ, № 527: 198)	531
Гулянье колхозной молодежи. Звениговский район (фототека ВДНХ, № 32964, 1951 г.)	533
Занятия на кафедре лесных культур Поволжского лесотехнического института. Йошкар-Ола (фототека ВДНХ, № 91475, 1955 г.)	541
Вышивальщицы артели «Труженица» (фотохроника ТАСС, № 457858, 1960 г.)	543
Выступление марийского ансамбля гуслей в Казани на смотре национальной музыки народов Поволжья в Сибири (фотохроника ТАСС, № 362255, 1958 г.)	545

Г. М. Пушкин, заслуженный артист Марийской АССР, играет на пузыре — старинном народном музыкальном инструменте (фотохроника ТАСС, № 436059, 1960 г.)	546
Центр Мордовской АССР — Саранск. Около Дома Советов МАССР (архив ИЭ, Мордовская экспедиция, 1962 г.)	549
Тип сохи, распространенный в прошлом у мордвы (архив ИЭ, Мордовская экспедиция, 1958 г.)	557
Сев яровых. Колхоз «Светлый путь» Ковылкинского района (фотохроника ТАСС, № 442665, 1960 г.)	560
Доярки изучают доильный аппарат. Темниковский район (фототека ВДНХ, № 131593, 1958 г.)	561
Мордовский ткацкий стан. Ковылкинский район (архив ИЭ, Мордовская экспедиция, 1959 г.)	563
В цехе полупроводников завода «Электровыпрямитель» в Саранске (фотохроника ТАСС, № 485093, 1961 г.)	565
Город Саранск. Советская улица (фотохроника ТАСС, № 453259, 1960 г.)	569
Внутренний вид старой избы мордвы-мокши с южнорусской планировкой. Село Алькино Ковылкинского района (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Поволжский отряд, 1961 г.)	571
Внешний вид эрзянской избы. Село Мордовское Давыдово, Рузаевского района (архив ИЭ, Мордовская экспедиция, 1959 г.)	573
Современный дом мордвы-мокши. Село Подгорное Конаково Темниковского района (архив ИЭ, Мордовская экспедиция, 1959 г.)	575
Мокшанки возвращаются с сенокоса. Село Волгашино Ковылкинского района (архив ИЭ, Мордовская экспедиция, 1959 г.)	579
Мокшанки в современной народной одежде. Село Подгорное Конаково Темниковского района (фото В. Н. Велицер, архив ИЭ, Мордовская экспедиция, 1959 г.)	580—581
«Пулагай». Мордва-эрзя (Краеведческий музей г. Уфа, БАССР, рис. Л. М. Родионова)	580—581
В детской поликлинике. Саранск (фотохроника ТАСС, № 365371, 1958 г.)	585
Выступление эрзянского хора. На переднем плане народная сказительница Ф. И. Беззубова (фотохроника ТАСС)	591
Резные украшения эрзянского дома: 1 — резьба на фронтоне; накладная и пропиловочная резьба; 2, 3—6 — глухая резьба; 4 — 5 — детали резного орнамента (1—6 — архив ИЭ, Мордовская экспедиция, 1958 г.)	593
Скульптор С. Д. Эрзя в своей мастерской (фотохроника ТАСС, № 229932, 1954 г.)	595
В Инсарской музыкальной школе (фотохроника ТАСС, № 395471, 1959 г.)	596
Сквер на берегу Волги в Чебоксарах (фотохроника ТАСС, № 302767, 1956 г.)	601
Доставка зерна, заработанного семьей колхозника. Колхоз «Гвардеец», Батырского района (фототека ВДНХ, № 115174, 1956 г.)	603
В новом корпусе электроаппаратного завода в Чебоксарах (фотохроника ТАСС № 538058, 1963 г.)	605
Современные сельские жилища чувашей: 1 — с. Батырево; 2 — с. Яльчики (1—2 — архив ЧНИИЯЛИЭ, 1959 г.)	609
Интерьер дома колхозника. Колхоз «Гвардеец» Батыревского района (фототека ВДНХ, № 115156, 1956 г.)	610
В магазине самообслуживания. Колхоз «Гвардеец» Батыревского района. (фотохроника ТАСС, № 538927, 1963 г.)	611
Колхозная столовая в с. Батырево (архив ЧНИИЯЛИЭ, 1959 г.)	613
Город Чебоксары. Советская площадь (фотохроника ТАСС, № 538403, 1963 г.)	614
Чувашка (вирьялка) в национальной одежде. Дер. Яманакы Цивильского района (архив ЧНИИЯЛИЭ, 1959 г.)	617
Велогонка. Республиканский спортивный праздник. Канашский район (фотохроника ТАСС, № 410516, 1959 г.)	623
Дом культуры в с. Моргауши (архив ЧНИИЯЛИЭ, 1959 г.)	625
Нижне-Кибексинская сельская библиотека (фототека ВДНХ, № 123467, 1957 г.)	626
Льноводы колхоза «Победа» на отдыхе. Ибресинский район (фотохроника ТАСС, № 413339, 1959 г.)	627
Вышивальщицы мастерской «Паха-Тере» (фотохроника ТАСС, № 423876, 1959 г.)	630
Наволочка, вышитая чувашскими мастерицами (фототека ГМЭ)	631
Герой Советского Союза летчик-космонавт А. Г. Николаев (фотохроника ТАСС, № 522491, 1962 г.)	632
Город Казань. Набережная р. Волги (фотохроника ТАСС, № 451331, 1960 г.)	635
Казанский кремль (фототека АПН, № А 12699, 1961 г.)	637

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина — один из старейших вузов нашей страны (фотохроника ТАСС, № 479845, 1961 г.)	643
Сбор газовых плит на казанском заводе «Газоаппарат» (фотохроника ТАСС, № 408686, 1959 г.)	645
На трассе строительства нефтепровода «Дружба» (фотохроника ТАСС, № 517869, 1962 г.)	648
Планы старинных традиционных домов татарского крестьянства: 1 и 1а — четырехстенки бедняка и середняка; 2 — пятистенки зажиточного крестьянина; 3 — шестистенок зажиточного крестьянина; 4 — кулацкий двухэтажный дом; А — черная изба; Б — чистая изба; В — жилая чистая половина; Г — кладовая; Д — комната для старух; а — хозяйственные сени; а ₁ — чистые сени; б — нары; в — уборная; е — чулан; д — комната для омовений; е — лестница на чердак; жс — лестница на верхний этаж; з — навес над входной дверью (1 и 1а — Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 159; 2—3 — там же, стр. 160; 4 — там же, стр. 161)	651
Сельский дом, построенный в 1957 г. Село Балтасы Арского района (фотоотека ГМЭ)	653
Современный татарский дом с резными украшениями. Дер. Качелино Арского района (фотоотека ГМЭ)	655
Полихромная раскраска татарского дома: 1 — дер. Большая Берья Тукаевского района. Вторая половина XIX в.; 2 — современный татарский дом. Дер. Юртыш Дубяевского района (1—2 — рис. Ф. Х. Валеева, КИИЯЛ, материалы Ф. Х. Валеева)	656—657
Изделия из кожи с аппликацией: 1 — татарская кожаная подушка 30—40-е годы XX в.; 2 — женский «ичег». Конец XIX в.; 3 — современная узорная обувь (1—3 — рис. Ф. Х. Валеева, КИИЯЛ, материалы Ф. Х. Валеева)	656—657
Старинная женская одежда: 1 — камзол; 2 — платье; 3 — шаровары (1 — Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 238; 2 — там же, стр. 247; 3 — то же, стр. 226)	659
Татарка в современной рабочей одежде. Чистопольский район (архив КИИЯЛ)	661
В детских яслях Завиской ГРЭС (фотохроника ТАСС, № 486378, 1958 г.)	668
Юные натуралисты собирают пух с кроликов. Средняя школа. Пестречинский район (фотоотека ВДНХ, № 141856, 1959 г.)	669
В отделе «Для самых маленьких» книжного магазина в г. Казани (фотохроника ТАСС, № 527500, 1962 г.)	671
Клуб нефтяников им. Маяковского в г. Лениногорске (фотохроника ТАСС, № 277410, 1955 г.)	672
В доме отдыха сельхозартели «Путь к коммунизму» Зеленодольского района (фотохроника ТАСС, № 510638, 1962 г.)	672
Татарский народный праздник «сабантуй». Бой мешками на бревне (фотохроника ТАСС, № 411467, 1959 г.)	673
Самодельный ансамбль народного танца на репетиции. Дворец культуры Ленинского района г. Казани (фотохроника ТАСС, № 464994, 1960 г.)	676
Сцена из оперы «Алтын чеч» в театре оперы и балета. Г. Казань (фотохроника ТАСС, № 314942, 1956 г.)	677
Герой Советского Союза поэт Муса Джалиль (фотохроника ТАСС, № 289289, 1956 г.)	678
Город Казань. Государственный театр оперы и балета им. М. Джалиля на площади Свободы (фотохроника ТАСС, № 314751, 1956 г.)	679
Нефтехимический комбинат в г. Салавате (ред. газеты «Советская Башкирия»)	683
Образцы орнамента западных башкир: 1 — безворсовые ковры («палас»); 2 — тканые полотенца (фотоотека УИИЯЛ)	704—705
Уборка хлебов в колхозе «Октябрь» Кармаскалинского района (фотохроника ТАСС, № 458733, 1960 г.)	695
Электрострижка овец в колхозе им. Попова Вирского района (фотоотека ВДНХ, № 98125, 1956 г.)	696
Доение коров в колхозе им. В. И. Ленина Баймакского района (фотоотека УИИЯЛ, № 43—58, 1954 г.)	697
На колхозной пасеке. Уфимский район (фотоотека УИИЯЛ, № 22—61)	698
На летовке. Юго-восточные районы Башкирии (фотоотека Музея этнографии, г. Будапешт, № 11202, 1909 г.)	707
Внутренний вид юрты. Юго-восточные районы Башкирии (фотоотека Музея этнографии, г. Будапешт, № 11214, 1909 г.)	709
Типы современных домов колхозников башкир: 1 — дер. Вандыш Янаульского района; 2 — дер. Ямады Янаульского района; 3 — дер. Старо-Кулево Уфимского района (1 — фотоотека УИИЯЛ, № 379: 59; 2 — то же № 455: 59; 3 — то же, № 72: 61)	711
Октябрьский — город нефтяников (ред. газеты «Советская Башкирия»)	713

Семья горных башкир. Южный Урал (фототека ГМЭ, № 5472: 117, 1914 г.)	714
Праздничная обувь башкирок «ката». Курганская обл. (фототека УИИЯЛ, № 507—59)	716
Женские украшения восточных башкир: 1 — «хакал» (нагрудное украшение) (фототека УИИЯЛ, № 251—59); 2 — «сэсбац» (накосное украшение); 3 — «белезек» (браслеты) (то же, № 14—59); 4 — «алка» (серги) (то же, № 253—59)	717
Башкирки в старинной традиционной одежде: 1—2 — Восточное Зауралье (фототека УИИЯЛ, № 400—59, № 58—59); 3—4 — западные районы республики (бассейн р. Демы) (фототека УИИЯЛ, № 129—60, № 131—60)	719
Старинная резная утварь: 1 — «тэпэн» (кадочка для кумыса); 2 — «ижау» (ковш для разливания кумыса); (1—2 — фототека УИИЯЛ, № 2881—627, № 1002—145)	721
Башкирский государственный университет. Г. Уфа (ред. газеты «Советская Башкирия»)	733
Соревнования по башкирской борьбе. Г. Уфа (фотохроника ТАСС, № 339455, 1957 г.)	734
Сцена из балета «Журавлиная песнь». Исполняют башкирские артисты Г. Сулейманова и Ф. Саттаров (фототека УИИЯЛ, № 11—62)	738
Танец с самоваром. Исполняет ансамбль песни и пляски Башкирской государственной филармонии (фототека УИИЯЛ, № 10—62)	739
Зоотехнический осмотр овец. Совхоз «Комсомолец» (фотохроника ТАСС, № 477946, 1960 г.)	748
Уборка зерновых комбайном на полях колхоза «Пролетарская победа». Городовиковский район (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Калмыцкий отряд, 1960 г.)	749
Озелененный стан колхоза «Родина» Городовиковского района (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Калмыцкий отряд, 1960 г.)	750
Перевозка овощей на телеге с верблюжьей упряжкой (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Калмыцкий отряд, 1960 г.)	752
Строительство двухквартирного дома. Колхоз «Пролетарская победа» (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Калмыцкий отряд, 1961 г.)	754
Типичные двухквартирные дома. Совхоз «Черноземельский» (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Калмыцкий отряд, 1960 г.)	755
Город Элиста. Комсомольская улица (фотохроника ТАСС, № 418407, 1959 г.)	756
Калмычка в старинном костюме (вид спереди и сзади) (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Калмыцкий отряд, 1960 г.)	759
Калмыцкий орнамент: 1 — на женской шапке; 2 — на подушке; 3, 4 — на женской одежде (1—4 — архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Калмыцкий отряд, 1960 г.)	760
Калмыцкая семья. Совхоз «Южный» (архив ИЭ, Комплексная экспедиция, Калмыцкий отряд, 1959 г.)	762
В детской библиотеке. Город Каспийский (фотохроника ТАСС, № 483704, 1961 г.)	763
Б. Ш. Тимошкаева — одна из первых врачей-калмычек с дочерью врачом С. Тимошкаевой (фотохроника ТАСС, № 464723, 1960 г.)	764
Исполнители старинных калмыцких песен артисты В. Гаряева и Ю. Маркаров (фотохроника ТАСС, № 446436, 1960 г.)	769
Герой Социалистического Труда Мария Тутунару (справа) за сбором винограда (архив ИЭ, Прутско-Днестровская экспедиция, 1962 г.)	772
На р. Прут (фотохроника ТАСС, № А29164, 1940 г.)	773
Раздел земли, принадлежавшей помещику. Кишиневский уезд (фотохроника ТАСС, № А19968, 1940 г.)	781
Старинное рало с полозом. Село Подоймицы Резинского района (сектор этнографии Института истории АН Молдавской ССР)	783
Шнуровка табака в колхозе «Вяца ноу» Единецкого района (архив ИЭ, Прутско-Днестровская экспедиция, 1960 г.)	789
Сбор винограда в колхозе им. Кирова Резинского района (фотохроника ТАСС, № 351506, 1957 г.)	791
«Улчор» — кувшин. С. Чинишауцы Резинского района (архив ИЭ, Прутско-Днестровская экспедиция, 1960 г.)	794
В пехе разлива Тираспольского виноконьячного завода (фотохроника ТАСС, № 334956, 1958 г.)	796
Молдавская телега «кэруца» (архив ИЭ, Прутско-Днестровская экспедиция, 1962 г.)	797
Город Кишинев. Проспект им. Ленина (фотохроника ТАСС, № 451844, 1960 г.)	798
Пушкинская улица в Кишиневе (архив ИЭ, Прутско-Днестровская экспедиция, 1961 г.)	799

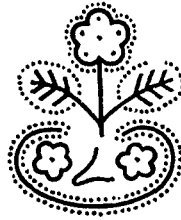
Различные типы сельских жилищ молдаван: 1 — 1920-е годы; 2 — 1940-е годы; 3 — 1950-е годы; 4 — 1960-е годы (1—4 архив ИЭ, Прутско-Днестровская экспедиция, 1945—1963 гг.)	800—801
План молдавского дома. С. Требужены Оргеевского района: А — сени «гиндэ»; В — кладовая «фундул тинзей»; В — хата «кэмарэ»; Г — хлебная печь «куптор»; Д — горница «каса маре»; Е — завалишка «присба» (архив ИЭ, Прутско-Днестровская экспедиция, 1957 г.)	803
Каса маре. С. Требужены Оргеевского района (архив ИЭ, Прутско-Днестровская экспедиция, 1957 г.)	805
Покрой молдавских рубах. Конец XIX — начало XX в.: 1 — туникообразная женская рубаха; 2 — рубаха с цельнокроенными рукавами; 3, 4 — рубахи на кокетке; 5 — праздничная мужская рубаха (1—5 — архив ИЭ, Прутско-Днестровская экспедиция, 1957—1960 гг.)	807
Неспитая юбка «катринца». Единецкий район (Архив ИЭ, Прутско-Днестровская экспедиция, 1957 г.)	809
В домах колхозников появились холодильники. Колхоз им. Ленина Тираспольского района (фототека ВДНХ, № 139868, 1959 г.)	812
Завтрак в колхозной семье. Колхоз им. Ленина Тираспольского района (фототека ВДНХ, № 139866, 1959 г.)	813
Посаженные отец и мать в обрядовом наряде. Резинский район (архив ИЭ, Прутско-Днестровская экспедиция, 1959 г.)	819
Молдавская молодежь на празднике песни и танца (архив ИЭ, Прутско-Днестровская экспедиция, 1962 г.)	824—825
В Кишиневском техническом училище № 1 им. И. Ф. Федько (фотохроника ТАСС, № 504822, 1962 г.)	825
Репетиция духового оркестра колхоза «Прогресс» Флорештского района (фотохроника ТАСС, № 441979, 1960 г.)	830
На районном празднике песни и танца. Село Чобручи Тираспольского района (архив ИЭ, Прутско-Днестровская экспедиция, 1962 г.)	830

СПИСОК КАРТ

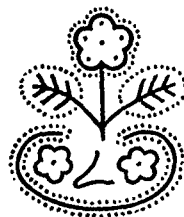
Народы Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР (автор С. И. Брук)	16—17
Народы Европейского Севера (автор С. И. Брук)	336—337
Народы Поволжья (авторы В. И. Козлов, Я. Р. Винников)	480—481
Народы Южного Урала (автор В. И. Козлов)	688—689
Народы Европейской части СССР	838—839

СПИСОК ЗАСТАВОК И КОНЦОВОК

Глава	Заставка	Концовка
Предисловие	Орнамент вышивки на мордовской женской рубашке (А. Нейке I. Trachten und Muster der Mordvinen. Helsinki, 1898, стр. 43)	Мотив мордовской вышивки (А. Нейке I. Trachten und Muster der Mordvinen. Helsinki, 1898, стр. 18).
Литовцы	Рисунок на тканом покрывале (Альбом «Литовское народное искусство. Ткани I». Вильнюс, 1957, стр. 152)	Элемент узора на тканье (Альбом «Литовское народное искусство. Ткани I», Вильнюс, 1957, стр. 219).
Латыши	Орнамент вышивки на женской рубашке (Альбом «Latvju raksti», II, Riga, 1924, табл. XXXIX, 386)	Мотив вышивки на женской рубашке (Альбом «Latvju raksti» II, Riga, 1924, табл. XXVIII, 276).
Ливы	Орнамент вышивки (там же, табл. XXV, 242).	То же.
Эстонцы	Орнамент вышивки блузки «кяйсед» (Х. Липпнус. Вышивка в эстонском народном искусстве, I. Таллин, 1955, табл. XXII).	Узор на брошке (собрание ГМЭ Эст.)
Водь, ижора, ленинградские финны	Орнамент вышивки на ижорской женской рубашке (ИЭ. Полевые материалы Эстонского отряда Прибалтийской экспедиции, 1964 г.)	Мотив ижорского орнамента на конце ижорского полотенца (фото ГМЭ Эст. № 1009, 413).
Карелы	Орнамент очелья женского головного убора «сороки» (Г. С. Маслова. Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951, табл. XVIII).	Узор конца полотенца (Г. С. Маслова. Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951, табл. XVI).
Вепсы	Резьба на фронтоне дома южных карел (ИЭ. Полевые материалы Карельского отряда Комплексной экспедиции, 1962 г.)	Деталь резьбы на фронтоне дома (ИЭ. Полевые материалы Карельского отряда Комплексной экспедиции, 1962 г.)
Саамы	Орнамент аппликации (ИЭ. Полевые материалы Мурманского отряда Северной экспедиции, 1958 г.)	Мотив аппликации (ИЭ. Полевые материалы Мурманского отряда Северной экспедиции, 1958 г.)
Коми	Орнамент вышивки на женской головной повязке (В. Н. Беллицер. Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в. М., 1958, рис. 127, стр. 280—281).	Старинные серьги коми-зырянок (В. Н. Беллицер. Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в. М., 1958, рис. 129, стр. 281).

Глава	Заставка	Концовка
Коми-пермяки	Узор пояса (ИЭ. Полевые материалы Коми-пермяцкой экспедиции, 1948 г.)	Фрагмент вышивки женского головного убора (Альбом «Вышивка народов Поволжья и Прикамья». М., 1960, табл. 31)
Удмурты	Фрагмент вышивки на нагруднике женской рубахи (Альбом «Вышивка народов Поволжья и Прикамья». М., 1960, табл. 36)	Медный гребень с изображением конских голов (В. Н. Б е л и ц е р. Народная одежда удмуртов. М., 1951, рис. 72, стр. 125).
Марийцы	Орнамент нагрудной вышивки женской рубахи (Т. А. К р ю к о в а. Марийская вышивка. Л., 1951, табл. IV)	Резьба по бересте (Т. А. К р ю к о в а. Материальная культура марийцев XIX в. Йошкар-Ола, 1956)
Мордва	Фрагмент вышивки подола женской рубахи (Альбом «Вышивка народов Поволжья и Прикамья». М., 1960, табл. 15)	Мотив вышивки (А. Н e i k e l. Trachten und Muster der Mordvienen. Helsinki, 1898, стр. 18).
Чуваши	Орнамент вышивки начельника (Т. А. Н и к и т и н, Т. А. К р ю к о в а. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960, табл. XIX)	Узор вышивки на женской рубахе (Альбом «Вышивка народов Поволжья и Прикамья» М., 1960, табл. 24).
Татары	Орнамент вышивки (Материалы Ф. Х. Валеева. Казанский ИИЯЛ)	Деталь наличника дома (Материалы Ф. Х. Валеева. Казанский ИИЯЛ)
Башкиры	Фрагмент аппликационного узора на женской одежде («Археология и этнография Башкирии», Уфа, 1962, табл. VI).	Узор на металлической бляхе («Археология и этнография Башкирии», Уфа, 1962, табл. X).
Калмыки	Орнамент на женской одежде (ИЭ. Полевые материалы Калмыцкого отряда Комплексной экспедиции, 1961 г.)	Мотив орнамента (ИЭ. Полевые материалы Калмыцкого отряда Комплексной экспедиции, 1961 г.)
Молдаване	Орнамент аппликационного узора на безрукавке (ИЭ. Полевые материалы Прутско-Днестровской экспедиции, 1962 г.)	Мотив аппликации (ИЭ. Полевые материалы Прутско-Днестровской экспедиции, 1962 г.)
Краткая справка о других народах	Орнамент греческой вышивки на конце полотенца (Фототека Донецкого областного краеведческого музея, № 576).	Мотив греческой вышивки на конце полотенца (Фототека Донецкого областного краеведческого музея, № 576).
Приложения	Узор на обшлаге женской рубахи коми (В. Н. Б е л и ц е р. Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в. М., 1958, рис. 134, стр. 335).	Деталь набойки коми-пермяков (В. Н. Б е л и ц е р. Очерки этнографии народов коми. XIX — начало XX в. М., 1958, рис. 138, стр. 338).

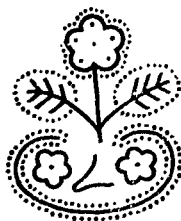
ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
ЛИТОВЦЫ	9
Краткий исторический очерк (12)	
Народное хозяйство и материальная культура	26
Промышленность (26). Ремесла и домашнее производство (33). Сельское хозяйство (36). Рыболовство (44). Пчеловодство (46). Охота (47). Транспорт (48). Поселения и жилища (52). Одежда (62). Пища и утварь (69)	
Семейная и общественная жизнь	72
Семья и семейный быт (72). Общественная жизнь (80)	
Духовная культура	85
Общий очерк. Народное образование (85). Изобразительное и прикладное искусство (92). Фольклор (98). Народная музыка и танцы (101). Литература (104). Театр (106)	
ЛАТЫШКИ	109
Краткий исторический очерк (110)	
Народное хозяйство и материальная культура	122
Промышленность (122). Сельское хозяйство (128). Рыболовство (137). Ремесло и домашняя промышленность (143). Транспорт (148). Поселения и постройки (152). Одежда (162). Пища (168)	
Семейная и общественная жизнь	172
Семья (172). Общественная жизнь (179)	
Духовная культура	181
Наука и просвещение (181). Литература (184). Культурно-просветительная работа (187). Искусство (188). Прикладное искусство (190). Художественная самодеятельность (194). Фольклор (195)	
ЛИВЫ	202
ЭСТОНЦЫ	209
Территория и численность населения (209). Краткий исторический очерк (212)	
Народное хозяйство и материальная культура	222
Промышленность (222). Сельское хозяйство (227). Рыболовство, охота и другие промыслы (239). Домашняя промышленность и ремесла (244). Средства передвижения и транспорт (248). Обмен и торговля (252). Пища (255). Поселения и постройки (259). Одежда (271)	
Семейная и общественная жизнь	278
Духовная культура	288
Народное декоративное искусство (288). Фольклор (292). Народная музыка (299). Просвещение, литература и искусство (302)	
ВОДЬ, ИЖОРА И ФИНСКИЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	310
Народное хозяйство и материальная культура	314
Пища (317). Поселения и жилища (318). Одежда (320). Семейные обряды (325). Народное творчество (326)	

КАРЕЛЫ	329
Краткий исторический очерк (330)	
Народное хозяйство и материальная культура	335
Сельское хозяйство (335). Охота и рыболовство, промыслы (338). Промышленность (340). Средства сообщения (343). Поселения и жилище (344). Одежда (351). Пища (354)	
Семейная и общественная жизнь	355
Духовная культура	360
ВЕНСЫ	364
Краткий исторический очерк (365)	
Народное хозяйство и материальная культура	366
Хозяйство (366). Поселения (367). Жилище (368). Средства передвижения и транспорт (369). Одежда (370). Пища (372)	
Семейная жизнь	372
Духовная культура	373
Культурные связи с другими народами (376)	
СААМЫ (ЛОНАРИ)	377
Краткий исторический очерк (377)	
Народное хозяйство и материальная культура	380
Средства передвижения (385). Поселение и жилище (386). Одежда (389). Пища (391)	
Семейная и общественная жизнь	392
Духовная культура	397
КОМИ	399
Краткий исторический очерк (401)	
Народное хозяйство и материальная культура	407
Промышленность (407). Сельское хозяйство (409). Охота и рыболовство (413). Домашнее производство и промыслы (417). Пути сообщения и средства передвижения (418). Поселения и жилища (420). Пища (428). Одежда (429)	
Семейная и общественная жизнь	431
Духовная культура	433
Изобразительное искусство (436). Фольклор и литература (437). Театр и музыка (440)	
КОМИ-ПЕРМЯКИ	443
Краткий исторический очерк (444)	
Народное хозяйство и материальная культура	449
Сельское хозяйство (449). Промыслы и домашнее производство (451). Промышленность (453). Пути сообщения и средства передвижения (454). Поселения и жилище (455). Одежда (460). Пища (462)	
Семейная и общественная жизнь	463
Духовная культура	465
Изобразительное искусство (467). Фольклор и литература (468). Театр и музыка (470)	
УДМУРТЫ	472
Краткий исторический очерк (473)	
Народное хозяйство и материальная культура	481
Сельское хозяйство (481). Домашнее производство и промыслы (484). Промышленность (486). Пути сообщения и средства передвижения (489). Поселения и жилище (490). Пища (495). Одежда (495)	
Семейная и общественная жизнь	499
Духовная культура	504
Изобразительное искусство (505). Фольклор и литература (506). Театр и музыка (509)	

МАРИЙЦЫ	510
Краткий исторический очерк (511)	
Народное хозяйство и материальная культура	514
Сельское хозяйство (514). Охота и рыболовство (518). Домашнее производство, ремесла и промыслы (519). Промышленность (521). Средства сообщения и связь (523). Поселения и жилище (524). Одежда (529). Пища (534).	
Семейная и общественная жизнь	535
Здравоохранение (539)	
Духовная культура	540
Фольклор и литература (542). Изобразительное искусство (543). Театр (545). Музыка (545)	
МОРДВА	548
Краткий исторический очерк (550)	
Народное хозяйство и материальная культура	557
Сельское хозяйство (557). Домашнее производство и промыслы (562). Промышленность (565). Транспорт и связь (566). Поселения и жилище (567). Одежда (575). Пища (581)	
Семейная и общественная жизнь	584
Духовная культура	587
Фольклор и литература (589). Изобразительное искусство (592). Театр и музыка (595)	
ЧУВАШИ	598
Краткий исторический очерк (599)	
Народное хозяйство и материальная культура	602
Сельское хозяйство (602). Кустарные промыслы (604). Промышленность (605). Средства передвижения (606). Поселения и жилище (607). Пища (612). Одежда (615)	
Семейная и общественная жизнь	619
Духовная культура	624
Фольклор и литература (627). Музыка (629). Театр (629). Изобразительное искусство (630)	
НОВОЛЖСКИЕ ТАТАРЫ	634
Краткий исторический очерк (636)	
Народное хозяйство и материальная культура	644
Промышленность (644). Сельское хозяйство (645). Кустарные промыслы (646). Транспорт (647). Поселения и жилище (648). Пища (656). Одежда (658).	
Семейная и общественная жизнь	663
Духовная культура	668
Фольклор и литература (674). Музыка (676). Театр (678). Изобразительное искусство (679)	
БАШКИРЫ	682
Краткий исторический очерк (685)	
Народное хозяйство и материальная культура	692
Сельское хозяйство (692). Промышленность (699). Домашнее производство и промыслы (702). Средства передвижения (704). Поселения и жилище (706). Одежда (714). Пища (720)	
Семейная и общественная жизнь	723
Семья (725)	
Духовная культура	730
Фольклор и литература (735). Музыка, танцы, театр (737). Изобразительное искусство (740)	
КАЛМЫКИ	742
Краткий исторический очерк (743)	
Народное хозяйство и материальная культура	747
Сельское хозяйство (747). Рыболовство и другие подсобные промыслы (751). Промышленность (751). Транспорт и связь (752). Поселения и жилище (753). Пища (756). Одежда (758)	

Семейная и общественная жизнь	761
Духовная культура	765
Фольклор и литература (766). Изобразительное искусство (769). Театр и музыка (770)	
МОЛДАВАНЕ	771
Краткий исторический очерк (772)	
Народное хозяйство и материальная культура	781
Сельское хозяйство (781). Охота и рыболовство (791). Домашнее производство и ремесла (793). Промышленность (795). Транспорт (796). Поселения и жилище (797). Одежда (805). Пища (812)	
Семейная и общественная жизнь	814
Семья (814). Общественная жизнь (821). Здравоохранение (824)	
Духовная культура	824
Фольклор и литература (825). Изобразительное искусство (829). Театр и музыка (829)	
КРАТКАЯ СПРАВКА О ДРУГИХ НАРОДАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР	832
Евреи (832). Цыгане (834). Гагаузы (835). Караимы (836)	
Список литературы	840
Принятые сокращения	854
Глоссарий	855
Именной и географо-этнический указатель	878
Список иллюстраций	901
Список карт	912
Список заставок и концовок	913

Народы Европейской части СССР

Том II

*Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклуко-Маклая
Академии наук СССР*

Редакторы *Н. Н. Грацианская и Т. Д. Свлягина*

Редактор издательства *Г. В. Моисеенко*

Художник *А. А. Люминарский*

Технический редактор *В. И. Зудина*

Сдано в набор 16/VII 1964 г. Подписано к печати 23/XI 1964 г.
Формат 70×108³/₁₆. Печ. л. 57,5+17 вкл. = 78,77 усл. печ. л. + 17 вкл.
Уч.-изд. л. 83,2 (2,3 л. вкл.). Тираж 4000 экз. Изд. № 2420.
Т-15961. Тип. зак. № 970. Темплан 1964 г. № 634.

Цена 5 руб.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ СЕРИИ

«НАРОДЫ МИРА»

Этнографические очерки

НАРОДЫ зарубежной Европы. Т. I. 1964. 999 стр. 5 руб. Т. II готовится к печати.

НАРОДЫ Кавказа. (Первый полутом). 1960. 612 стр. 2 руб.

НАРОДЫ Кавказа. (Второй полутом). 1962. 684 стр. 2 руб.

НАРОДЫ Южной Азии (Индия, Пакистан, Непал, Шиким, Бутан, Цейлон и Мальдивские острова). 1963. 964 стр. 5 р. 10 к.

НАРОДЫ Средней Азии и Казахстана. Том I. 1962. 768 стр. 4 р. 83 к.
Том II. 1963. 779 стр. 4 р. 76 к.

НАРОДЫ Австралии и Океании. 1956. 852 стр. 1 руб.

Книги можно приобрести в магазинах книготоргов и «Академкнига». Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, магазин «Книга — почтой» конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Москва, ул. Горького, 8 (магазин № 1);

Москва, ул. Вавилова, 55/5. (магазин № 2);

Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57;

Свердловск, ул. Беллинского, 71-в;

Новосибирск, Красный пр., 51;

Киев, ул. Ленина, 42;

Харьков, Уфимский пер., 4/6;

Алма-Ата, ул. Фурманова, 129;

Ташкент, ул. Карла Маркса, 29;

Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;

Баку, ул. Джапаридзе, 13;

Уфа, проспект Октября, 129.

«АКАДЕМКНИГА»

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Том I

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
21	25 св.	10	11
21	26 св.	около	свыше
41	11—12 стр.	северо-западе	юго-западе
85	7 св.	русском	древнерусском
190	4 стр.	П. И. Прокопович	П. И. Прокопович
255	подрис. под- пись	волокна из серной кис- лоты (1963 г.)	волокна (1963 г.)
377	12 св.	военных чиновников	военных, чиновников
421	28 св.	В. А. Васнецов	В. М. Васнецов
456	11—12 св.	почти в три	более чем в четыре
726	4 св.	дни 18 июня	дни; 18 июня
794	2 св.	апёка	даёнка
878	5 св.	русского	древнерусского

Том II

7	2 св.	«Сооми»	«Саамы»
121	подрис. под- пись	в телецеопомеханиче- ском	в тележномеханическом
168	17 св.	в районах	в районных
289	21 св.	В восточных,	В восточных и
326	23 св.	Флора	Фрора
347	15 св.	(пийск)	(пизи)
347	1 св.	(пачиппохда)	(пачиппохда)
431	4 св.	кис, туфли,	кис — туфли,
440	1 св.	Елкпи	Елькин
440	13 св.	С. Р. Попова	С. А. Попова
500	11 св.	род Селья	род Салья
568	26 св.	Ковыляничского	Писарского
вкл. 580—581		рабочей одежде	народной одежде
590	10, 22, 23 св.	Виравя	Виравя
656	18 св.	тукмач лакина	тукмач
837	1 св.	1944	1964
841	22 св.	1960	1963
842	23 св.	Bielenstien	Bielenstein
844	28 св.	Leiböock	Leinbock
880	20 св.	Бикчентаева А.	Бикчентаев А.
883	32 св.	Довейна К. 711	Довейна К. 7